

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2024 Том 15 № 4**

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 20.12.2024. Выход в свет 30.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 36,22. Тираж 500 экз. Заказ № 1732. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2024 VOLUME 15 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticy@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor *O.N. Kolysheva*
Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticy@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Демьянков В.З. (Москва, Российская Федерация).** Обычное и необычное в обыденном языке 1049
- Маркелова Т.В. (Москва, Российская Федерация).** Семиотика цифры в современном медиапространстве 1065
- Фурс Л.А., Коломлина И.В. (Тамбов, Российская Федерация).** Репрезентация властных отношений в английском языке: когнитивный подход 1087
- Posternyak K.P., Posternyak K.P. (Rostov-on-Don, Russian Federation).** Correlation of *Concept* and *Image* in the Process of Algorithm development for Analyzing the Image-Concept of a State (Соотношение понятий *концепт* и *образ* в процессе разработки алгоритма анализа образа-концепта государства) 1100
- Юсупова С.М. (Москва, Российская Федерация).** Отражение ценностей во фразеологии, корпусный подход: на материале английского, немецкого и русского языков 1118
- Alimov T.E. (Moscow, Russian Federation), Davlyatova G.N. (Fergana, Republic of Uzbekistan), Sultanova Kh.R. (Baku, Republic of Azerbaijan).** Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “Oolmok” ‘to Die’ (Структурная организация эвфемистического текста узбекского языка на примере номинативного поля «Ўлмок») 1128

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Гусейнова И.А., Левшиц А.Д., Дубинина Н.В. (Москва, Российская Федерация).** Культурно-историческое наследие Республики Тыва как фактор формирования этнокультурного бренда 1148
- Хабаров А.А. (Москва, Российская Федерация).** Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 1169
- Сабиева Е.В., Какимова М.Е. (Петропавловск, Республика Казахстан), Мадиева Г.Б. (Алматы, Республика Казахстан), Супрун В.И. (Волгоград, Российская Федерация).** Этноязыковая картина топонимического ландшафта приграничья Северо-Казахстанской области и Российской Федерации 1192
- Филясова Ю.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Парцелляция как графическое средство выразительности в английских рекламных заголовках 1215
- Yergazy N., Denisenko A.V. (Moscow, Russian Federation).** Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show (Реализация стратегий позитивной и негативной вежливости в казахском и русском семейном дискурсе ток-шоу) 1232

Ван С. (Чоншань, Китайская Народная Республика), Фаткуллина Ф.Г. (Уфа, Российская Федерация), Кузьмина Е.С. (Иркутск, Российская Федерация), Люлина А.Г. (Москва, Российская Федерация). Языковая политика и национальный имидж Китая в сообщениях ТАСС о коронавирусе: дискурсивный анализ	1243

ТЕРМИНОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Иванов А.В. (Нижний Новгород, Российская Федерация). Становление терминологии русской фонетики: дифтонг	1260
Крюкова О.С., Раренко М.Б. (Москва, Российская Федерация). ЯЗЫКОВОЙ versus ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ: этимология, семантика, узус	1283
Аксютенкова Л.Г., Семенова С.Н. (Краснодар, Российская Федерация). Системный подход к изучению экономической терминологии: на материале журнальных статей на английском и русском языках	1294
Сластникова Т.В., Черкашина Е.И., Баров С.А., Коваленко Д.В. (Москва, Российская Федерация). Интернациональные термины предметной области <i>космическое приборостроение</i> как акселератор профессиональной коммуникации	1310
Galankina I.I., Mostafa N.A.T., Perfiliev A.K. (Moscow, Russian Federation). Features of the Formation of Terminology Systems of Non-Humanitarian Disciplines (Особенности формирования терминосистем негуманитарных дисциплин)	1328
Mamirova Sh.K. (Shymkent city, Republic of Kazakhstan), Kuzembayeva G.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Maydangalieva Zh.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan). Style and Usage Labels of Adjectives in the Russian Language Dictionaries: a Comparative Quantitative and Qualitative Study (Стилевые и словоупотребительные обозначения прилагательных в словарях русского языка: сравнительное количественное и качественное исследование)	1343
Haddad A.D., Novospasskaya N.V. (Moscow, Russian Federation). Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions (Специфика анализа сирийских диалектизмов арабского языка)	1359

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Новикова А.А. (Луганск, Российская Федерация). Семантика образа дома в романе А.Дж. Кронины «Три любви»	1374
Тилеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У., Таттимбетова К.О. (Алматы, Республика Казахстан). Семиотика предметов в современном казахстанском рассказе	1390
Сагинтаев Э.Б. (Алматы, Республика Казахстан), Ананьева С.В. (Алматы, Республика Казахстан), Валикова О.А. (Moscow, Russian Federation), Демченко А.С. (Алматы, Республика Казахстан). Маркеры транслингвальности в поэзии Ауэзхана Кодара	1403
Шмакова Е.С., Байжигит Б.С. (Тараз, Республика Казахстан), Бегалиева С.Б. (Алматы, Республика Казахстан). Художественное своеобразие идиостиля современных русскоязычных писателей Казахстана А. Жаксылыкова, А. Кима, Д. Накипова	1419
Чинлода М.С. (Бишкек, Кыргызская Республика). Особенности межъязыковой трансляции образности художественного текста средствами арабского языка: на материале повести Ч. Айтматова «Белый пароход»	1443

CONTENTS

COGNITIVE STUDIES

- Demyankov V.Z. (Moscow, Russian Federation).** The Usual and the Unusual in Ordinary Language..... 1049
- Markelova T.V. (Moscow, Russian Federation).** Semiotics of the Digital Character on Modern Media Scene 1065
- Furs L.A., Kolomlina I.V (Tambov, Russian Federation).** Representation of Power Relations in English: a Cognitive Approach 1087
- Posternyak K.P., Posternyak K.P. (Rostov-on-Don, Russian Federation).** Correlation of *Concept* and *Image* in the Process of Algorithm development for Analyzing the Image-Concept of a State 1100
- Yusupova S.M. (Grozny, Russian Federation).** The Reflection of Values in Phraseology, Corpus Approach: on the Material of the English, German and Russian Languages..... 1118
- Alimov T.E. (Moscow, Russian Federation), Davlyatova G.N. (Fergana, Republic of Uzbekistan), Sultanova Kh.R. (Baku, Republic of Azerbaijan).** Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “Oolmok” ‘to Die’..... 1128

DISCURSIVE STUDIES

- Guseynova I.A., Levshits A.D., Dubinina N.V. (Moscow, Russian Federation).** Cultural and Historical Heritage of the Republic of Tyva as Ethnocultural Brand Formation Factor 1148
- Khabarov A.A. (Moscow, Russian Federation).** Modelling the Discursive Reality of the Global Crisis: the Experience of Media Representation of the Covid-19 Pandemic..... 1169
- Sabiyeva Y.V., Kakimova M.E. (Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan), Madiyeva G.B. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Suprun V.I. (Volgograd, Russian Federation).** Ethnolanguage Picture of the Toponymic Landscape of the Border Area of the North Kazakhstan Region and the Russian Federation..... 1192
- Filyasova Yu.A. (Saint Petersburg, Russian Federation).** Parcellation as a Graphic Tool of Expressiveness in English Advertising Headlines 1215
- Yergazy N., Denisenko A.V. (Moscow, Russian Federation).** Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show 1232
- Wang Xuejiao (Chongshan, People's Republic of China), Fatkullina F.G. (Ufa, Russian Federation), Kuzmina E.S. (Irkutsk, Russian Federation), Liulina A.G. (Moscow, Russian Federation).** Language Policy and China's National Image in TASS Reports on Coronavirus: a Discursive Analysis 1245

TERMINOLOGY. LEXICOGRAPHY

- Ivanov A.V. (Nizhny Novgorod, Russian Federation).** Forming the Terminology of Russian Phonetics: Diftong ‘Diphthong’ 1260

Kryukova O.S., Rarenko M.B. (Moscow, Russian Federation). “Jazykovoj” (Language) Versus “Lingvisticheskij” (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage.....	1283
Aksyutenkova L.G., Semenova S.N. (Krasnodar, Russian Federation). A Systematic Approach to the Study of Economic Terminology based on Materials from Journal Articles in English and Russian	1296
Slastnikova T.V., Cherkashina E.I., Barov S.A., Kovalenko D.V. (Moscow, Russian Federation). International Terminology of <i>Space Instrumentation</i> in the Field of International Professional Communication.....	1310
Galankina I.I., Mostafa N.A.T., Perfiliev A.K. (Moscow, Russian Federation). Features of the Formation of Terminology Systems of Non-Humanitarian Disciplines	1328
Mamirova Sh.K. (Shymkent City, Republic of Kazakhstan), Kuzembayeva G.A. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Maydangalieva Zh.A (Aktobe, Republic of Kazakhstan). Style and Usage Labels of Adjectives in the Russian Language Dictionaries: a Comparative Quantitative and Qualitative Study	1343
Haddad A.D., Novospasskaya N.V. (Moscow, Russian Federation). Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions	1359

LITERARY TEXT STUDIES

Novikova A.A. (Lugansk, Russian Federation). Semantics of Home / House Image in A.J. Cronin’s Novel “Three Loves”	1374
Tileubay G.K., Joldasbekova B.U., Tattimbetova K.O. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Semiotics of Objects in a Modern Kazakhstani Story	1390
Sagyntaev E.B. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Ananyeva S.V. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Valikova O.A. (Moscow, Russian Federation), Demchenko A.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Markers of Translingualism in the Auezkhan Kodar’s Poetry.....	1403
Shmakova E.S., Baizhigit B.S. (Taraz, Republic of Kazakhstan), Begaliyeva S.B. (Almaty, Republic of Kazakhstan). The Artistic Uniqueness of Idiostyle of Modern Russian-Speaking Writers of Kazakhstan A. Zhaksylykov, A. Kim, and D. Nakipov.....	1419
Chinloda M.S. (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan). Features of Interlanguage Translation of the Imagery of a Literary Text by Means of the Arabic Language: based on the story “The white steamship” by Ch. Aitmatov	1443

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064

EDN: FLTIGQ

УДК 81:1

Научная статья / Research article

Обычное и необычное в обыденном языке

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

✉ vdemiank@iling-ran.ru

Аннотация. Этимологически русское *обыденный* означает «временный, сделанный за один день и на один день», позже это истолкование трансформировалось в «ничем не примечательный и не творческий». Вот почему, в отличие от английского *ordinary man*, русский термин *обыденный человек* используется только метафорически и очень редко. Но философский термин *ordinary language* обычно переводится как «обыденный язык». В данном исследовании сопоставляется статистика употребления русских лексем *обычный, обыкновенный, привычный, обыденный и обычный* и их производных, в частности, отрицательных форм, в корпусе русских текстов, а также выявляются сходства и различия в употреблении английского *ordinary language* и русских *обыденный язык* и *обычный язык*. Исследование указанных сходных по значению лексических единиц опирается на сопоставление частоты их употребления в абсолютном начале и абсолютном конце предложений, а также на статистику их левого и правого контекстов. Особое внимание уделяется сочетаемости этих лексических единиц с предлогами, союзами и другими служебными элементами в русских текстах. Исследуются некоторые закономерности употребления отрицательных и положительных форм в связи с актуальным членением (функциональной перспективой) предложения. Так, в конце предложения положительные лексемы бывают гораздо чаще, чем отрицательные. Отрицательные же употребляются в конце предложения заметно чаще, чем в начале. В начале предложения положительные лексемы бывают чаще соответствующих отрицательных.

Ключевые слова: обыденность, обыденный язык, контрастивная лексикология, корпусное исследование, функциональная перспектива предложения, контекст

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

© Демьянков В.З., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Демьянков В.З. Обычное и необычное в обыденном языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1049–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064>

The Usual and the Unusual in Ordinary Language

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ vdemiank@iling-ran.ru

Abstract. Corpus research technically resembles sociological research and makes it possible to identify correlations and trends in the use of figures of speech and thought in various human cultures. Frequencies of collocations of the Russian adjectives ‘obychnyj’, ‘obyknovennyj’, ‘privychnyj’, ‘obydennyj’ and ‘obyhajnyj’ (all of them mean “ordinary, usual, habitual, daily”) and their cognates in the corpus of the Russian language are compared, similarities and differences in the use of the English and the Russian phrase meaning “ordinary language” are revealed. Etymologically, the Russian ‘obydennyj’ means “existing only one day” which was later replaced by “unremarkable and not creative”. Which is why, unlike the English ‘ordinary man’, the Russian term ‘obydennyj’ is only metaphorically and very rarely used in collocations like ‘ordinary humans’. Nevertheless, ‘ordinary language’ as a philosophical term with a long tradition is commonly translated into Russian as ‘obydennyj jazyk’. This study of semantically similar lexical items and their negative forms, in the Russian corpus relies on comparing their frequencies at the absolute beginning and the absolute end of the sentences, as well as on statistics of their left and right contexts. Special attention is paid to collocations of these lexical items in Russian texts. Some regularities of the use of negative/positive forms from the point of view of the functional sentence perspective are investigated.

Keywords: habituality, ordinary language, contrastive lexicology, corpus-linguistic investigation, functional sentence perspective, context

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Demyankov, V.Z. (2024). The Usual and the Unusual in Ordinary Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1049–1064. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1049-1064>

Введение

Термину *ordinary language*, обычно переводимому как *обыденный язык*, в XX в. дважды не повезло. Сначала оксфордско-кембриджская («оксбриджская») школа аналитической философии объявила *ordinary language*

ущербным, неточным и ненадежным (flawed and unreliable). Затем постструктуралисты начали обвинять его в семантической отсебятине: он еще склонен примешивать неустраняемые дополнительные значения всему, о чем на нем говорится («carries ambivalent and inherently undecidable meanings, no matter how much one attempts to clarify it» [1. С. 136]).

Так, в обычной коммуникации крылатые слова (скрытые цитаты), такие как *To be or not to be* и *Быть или не быть*, являются речевыми полуфабрикатами высказываний (prefabricated statements) [2. С. 177] и «обыденно-понятны» только тем, кто знает (хотя бы даже из вторых рук), что имелось в виду в первоисточнике и каковы отягощающие обстоятельства истолкования. А метафоры толкуются на основе общечеловеческих универсальных когнитивных механизмов в опоре на пространственные образы [3], ср.: «more concrete and relatively easy to imagine source domains are mapped onto more Abstract and less easy to conceptualize target sources. These conceptualized figurative expressions can be primary, where mappings may be grounded in physical experiences (e.g., *kind heart*) or complex in which literal elements of the source domain are mapped onto the figurative aspects of the target domain (e.g., *His reasoning fell apart*)» [4. С. 144].

В английском разделе большого многоязычного корпуса (16 тыс. художественных и 9 тыс. нехудожественных текстов с минимальной разметкой) сочетания *ordinary man* (около 1,8 тыс.), *ordinary people* (около 1,3 тыс.), *ordinary men* (более 1 тыс.), *ordinary woman* (больше 200 раз) и т. п. в значении «простой человек, простые люди» встречаются значительно чаще, чем *ordinary language* (около 400 раз) и *ordinary languages* (несколько примеров). В русском же (около 23,5 тыс. художественных и 13 тыс. научных и публицистических) *обыденный язык* сравнительно част, но *обыденные люди* упоминаются не больше 30 раз, напр.: *Трагедия начинается там, где отрывается индивидуальная человеческая судьба от судьбы всего мира, а она ведь всегда отрывается, даже у самых **обыденных людей**, не понимающих трагедии, отрывается смертью* (Н.А. Бердяев, *Трагедия и обыденность*, 1905). Особенно как термин «философии обыденности» начала 20 в.: *Ведь может быть, что обыденная жизнь среди **обыденных людей** дает и философию обыденности!* (Л.И. Шестов, Достоевский и Ницше: *Философия трагедии*, 1903). Здесь и далее в скобках при примере указываем фамилию автора, название произведения и год написания или первого издания.

Не более 50 раз встречается и *обыденный человек*, напр.: *В этом мире необычайно сильна привязанность к окружающей обстановке; животное неизмеримо больше, чем **обыденный человек** сознает себя частью природы, ибо сознание отчужденности и есть первый этап к сознанию индивидуальности* (В.А. Шмаков, *Священная книга Тота: Великие Арканы Таро*, 1916). Обыденность бывает и градуальной: *Сегодня Дмитрий казался более коренастым и еще **более обыденным человеком*** (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*: *Сорок лет. Повесть*, 1925–1936). Под влиянием новаторского

словоупотребления всплывает это словосочетание и в филологических исследованиях, напр.: *С одной стороны, это было просто и доступно для имитации, с другой, обыденная жизнь и **обыденный человек** получали своего литературного — следовательно, «благородного», культурно значимого — двойника* (Ю.М. Лотман, Сотворение Карамзина, 1987).

Звуковое сходство подталкивает к логическому переходу: «обыденный — значит, в быту, бытовой, мещанский»: *Дело заключается в том, что человек Менандра и Феофраста есть человек быта, **обыденный человек**, или, по-нашему, попросту говоря, мещанин* (А.Ф. Лосев, История античной эстетики. Том IV. Аристотель и поздняя классика, 1975).

Этот преднамеренный креатив бросается в глаза и вокруг обыденного ходит на необыденных цыпочках. Обыденная простота русских речевых нравов, «простые» слова, объясняя даже все сложное, входят в понятие «простой человек», но самих людей делают «обыденными» чаще по-английски, чем по-русски. Иначе говоря, *обыденный язык и философия обыденного языка* считаются эквивалентами для английских *ordinary language* и *ordinary language philosophy* в силу переводческой традиции, этим напоминая «крылатые слова».

Этимологически русская *обыденность* [5. С. 590], но не английская, связана с идеей «однодневности», ср.: *Церкви обетные всегда строились из дерева и в один день, отчего и назывались **обыденными**, в тот же день они и освящались и в них совершалось богослужение* (Митрополит Макарий, в миру М.П. Булгаков, История Русской Церкви, 1883). И далее: «Впоследствии случилось, что на местах этих деревянных обыденных церквей воздвигаемы были каменные во имя тех же святых, как бы по завету от предков, и назывались заветными» (там же). В русском термине *обыденный* исходным значением является сиюминутность, без претензии на вечность. О сиюминутности человека мы говорим чаще в философии, чем в быту: вспомним, чем эти размышления кончились для Гамлета. А английское *ordinary* означает нечто «в порядке вещей», не выделяющееся из ряда сходных явлений или представлений.

Английское *extraordinary*, как и *выдающийся* по-русски, характеризует пространство, в котором нечто «выдается из ряда вон». Значение «сделанный и употребленный за один день» подменяется значениями «употребленный за один день» и «живущий только один день», а затем и «ничем не примечательный, бытовой, без блесков креативности» [6. С. 47].

Далее рассмотрим в русском корпусе следующие лексемы и их производные: *обычное, обыкновенное, привычное, обыденное и обычайное*, сопоставив их частоты и частоты их отрицательных форм в абсолютном начале и абсолютном конце предложения, а также статистику левых и правых их контекстов. Для краткости указываем их в форме прилагательного, но имеем в виду словообразовательное гнездо.

Частота лексем и их словоформ

По убыванию количества упоминаний в корпусе имеем:

1. Обычное (примерно 350 тыс. раз, самая частотная словоформа — *обычно*, более 195 тыс.) в 7 раз чаще, чем необычное (49 тыс., самая частотная словоформа *необычно*, которая употребляется более 6,9 тыс. раз).
2. Обыкновенное (более 108 тыс. контекстов) в 3 раза реже, чем обычное и упоминается почти в 2 раза чаще, чем необыкновенное (более 50,8 тыс. контекстов). Самые частотные словоформы, соответственно: *обыкновенно* (более 32 тыс.) и *необыкновенно* (более 16,6 тыс.).
3. Привычное еще в 3 с лишним раза реже (около 30 тыс.) и более чем в 3 раза чаще, чем непривычное (около 10 тыс.). Лидируют по частоте *привычно* (более 13,4 тыс.) и *непривычно* (более 6,8 тыс.).
4. Обыденное (около 21,6 тыс.) в полтора раза реже, чем привычное и упоминается значительно чаще, чем необыденное (170 раз). Самая частотная словоформа — *обыденной* (более 4,14 тыс.), далее по убыванию: *обыденного* (более 3,22 тыс.), *обыденное* (более 1,8 тыс.), *обыденных* (более 1,79 тыс.), *обыденном* (более 1,5 тыс.), *обыденности* (более 1,3 тыс.), *обыденным* (более 1,23 тыс.) и только на седьмом месте *обыденно* (более 1 тыс.). С отрицательным префиксом примеров сравнительно немного, лидирует *необыденное* (около 35 раз).
5. Видим, что без отрицательного префикса эти лексемы значительно более часты, чем с ним. Максимален этот разрыв у лексемы *обыденный* — 120 раз, на втором месте (7 раз) *обычный*, на третьем *привычный* — 3 раза, на четвертом — *обыкновенный* — 2 раза.

Нарушая эту закономерность, обычайное упоминается значительно реже (всего около 100 раз), чем необычайное (36 тыс.). Тем не менее, самая частая форма без префикса отрицания — *обычайно* (46 раз), а с этим префиксом — *необычайно* (более 15,7 тыс.).

По [7. С. 70, 739], у «обычайности» как антонима для эпитетов *звычайный* и *необычайный* прослеживаются польские следы Петровского времени. Чемпионом по количеству примеров (больше 20 раз) является Антиох Кантемир (1708–1744), напр.: **Обычайно** слугам прикушивать все, что хозяевам на стол подают, лакомством побуждены (А.Д. Кантемир, Художественные произведения). В инфинитивном безличном обороте это прилагательное управляет дательным падежом, как и прилагательное *свойственный*. Итак, «слугам свойственно и обычайно» подъедать все соблазнительное с барского стола. А Кантемиру свойственно и **обычайно** употреблять это слово.

Можно было бы сказать это, употребив и краткую форму от *обычный* или *характерный* с предлогом *для*: «Кашель для него обычен». Герой С. Юрского в фильме «Любовь и голуби», вспоминая добрым словом Долгую

жизнь со своей женой, говорит: «Что характерно, любили друг друга». В более галантную эпоху российской словесности ожидалось бы: *Любили друг друга обычно*.

Но уже во времена А.С. Пушкина это слово имело привкус стилизации под старину: *Храня суровость **обычайну**, / Спокойно ведал он Украину, / Молве, казалось, не внимал / И равнодушно пировал* (А.С. Пушкин, Полтава, 1828). Консерваторам же обычно продлевать закат употребления слов, ср. пересказ мысли Вольтера: *Но заместить слово **обычайное** другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить* (П.А. Вяземский, Записные книжки, 1813–1848).

Ностальгично звучало и тогда, и позже: *Вот арфа ее в **обычном** углу, / Гвоздики и розы стоят у окна, / Полуденный луч задремал на полу: / Условное время! Но где же она?* (Ф.И. Тютчев, Cache-cache, 1828).

К «объедкам» со стола былого узуса относится предикатная позиция этого прилагательного: *Недаром и дальнейшая его судьба была тоже не совсем **обычна*** (К.М. Станюкович, Беглец, 1886). А также креативный с ним суперлатив: *Вот и в то, первое, воскресенье 1905 года, в многолюдном салоне, он тоже, если можно так выразиться, «со сверхобычным» уважением* (В.А. Пяст, Воспоминания о Блоке, 1940). И номинализация: *Я всё земное позабуду, / И там я буду не чужой, — / Доверюсь я иному чуду, / Как **обычайности** земной* (Ф.К. Сологуб, «Мой прах истлеет понемногу...», 1898).

Нарочито архаично употреблена эта лексема без префикса отрицания в романе, который В. Набоков написал по-русски в берлинский период жизни: *Она поняла, что ее спасение — в простоте строгости, **обычайности**; искомый способ должен быть совершенно естественным и чистым* (В. Набоков, Король, дама, валет, 1928). «Обычайность», рядоположенная строгости, содержит двойное отрицание: «не необычайное», «без необычайности». Как возрождение былого значения звучит в наши дни название книги Юрия Никитинского «Жизнь и обычные приключения Тamarочки Павловны» (2012).

Начало и конец предложения: тема и рема

Отрицание коррелирует с актуальным членением предложения. Так, в конце предложения рассматриваемые положительные единицы бывают гораздо чаще, чем отрицательные. Отрицательные единицы употребляются в конце предложения заметно чаще, чем в начале. В начале же предложения положительные единицы (кроме редкого *обычайный*) чаще соответствующих отрицательных.

1. В «тематической позиции» начала предложения имеем более 44,5 тыс. примеров с *обычный*, чаще всего это наречие *обычно* (более 34 тыс. предложений), напр.: ***Обычно** потирая руки, он напевал на голос какого-то водеvilного куплета* (А.А. Фет, Ранние годы моей жизни, 1891). Более 11,2 тыс. раз

обычный встречается в рематической предикатной позиции конца предложения, чаще всего (5,5 тыс.) в той же форме *обычно*, напр.: *Не тако пленникам ответствовать **обычно*** (А.П. Сумароков, Семира, 1751), где видим управление дательным падежом, сохранившееся сегодня у *свойственно* и *привычно*. А *необычный* встречается более 2,3 тыс. раз в начале предложения, напр.: ***Необычно** грустное выражение ее лица снова поразило его* (Вс.С. Соловьев, Великий Розенкрейцер, 1898). Но заметно чаще — в конце предложения (около 6 тыс. раз), придавая драматизм сообщению, напр.: *Даже познакомились мы с ним как-то **необычно*** (М.Е. Салтыков–Щедрин, Современная идиллия, 1877–1883); *Меж древних гор жил сказочный старик, / Безумием объятый **необычным*** (К.Д. Бальмонт, Будем как солнце, 1902).

2. Самая частая позиция словоформ лексемы *обыкновенный* — в начале предложения (около 8,8 тыс.): ***Обыкновенно** по утрам останавливался я в самых бедных деревенских избах, обедал и спал до вечера* (В.Т. Нарезный, Российский Жилбаз, 1814). В конце предложения *обычный* встречается более 5,3 тыс. раз: *Сей вечер расстался я с ним не так, как **обыкновенно*** (М.Д. Чулков, Пересмешник, или Славенские сказки, 1765/1789).

Необыкновенный начинается примерно 2 тыс. предложений, чаще всего (около 700 раз) в форме *необыкновенно*, напр.: ***Необыкновенно** даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный* (А.И. Герцен, Былое и думы, 1870). А завершает более 3,5 тыс. раз, чаще всего словоформой *необыкновенное* (более 700 раз), напр.: *Я смотрела на нее, не сводя глаз; в наружности ее проявлялось что-то **необыкновенное**...* (Н.А. Дурова, Кавалерист-девица, 1836). Несколько реже в конце предложения встречаем *необыкновенно* (более 600 раз), напр.: *Одежда их совершенно албанская, оружие также: сабля, кинжал и ружье, длинное **необыкновенно*** (Н.И. Гнедич, Простонародные песни нынешних греков, 1824).

3. *Привычный* в начале предложения встречается более 3,1 тыс. раз, чаще в форме *привычно* (почти 900 раз), напр.: ***Привычно** для Бабаева это было бы смешно, но теперь не было смешно: стало по-детски празднично почему-то* (С.Н. Сергеев–Ценский, Бабаев, 1907). В конце предложения больше 3,4 тыс., чаще в форме *привычно* (600 раз): *Быстро и ловко скатал бумажки меж ладонями в трубочки — видно, это дело ему было **привычно*** (С.Т. Григорьев, Малахов курган, 1940).

В 1,4 тыс. предложений, начинающихся лексемой *непривычный*, чаще всего это бывает словоформа *непривычно* (больше 600 раз), напр.: ***Непривычно** участие тому, кто, как я, / С детских дней одиноко бредет...* (С.Я. Надсон, Полное собрание стихотворений, 1886). Эта же лексема завершает почти 1,5 тыс. предложений, наиболее часто в словоформе *непривычно* (почти 700 раз), напр.: *Это было ему **непривычно*** (Ю.Н. Тынянов, Смерть Вазир–Мухтара, 1928).

4. *Обыденный* в начале предложения представлен 720 примерами, чаще всего (240 раз) словоформой *обыденное*, напр.: **Обыденное** становилось драгоценным (С. Довлатов, Зона, 1982). Эта лексема завершает примерно 1,7 тыс. предложений, напр.: *И вы не думайте, чтобы я не признавала своей **обыденности**...* (А.И. Куприн, Молох, 1896).

Необыденный начинает всего лишь 6 предложений, напр.: **Необыденным** является детски доверчивое отношение друг к другу, совершенно отсутствующее в городской толпе (В.Г. Ян, Записки пешехода, 1901). А завершает 10 предложений, напр.: *Я очень люблю все **необыденное**...* (Н.Э. Гейнце, Дочь Великого Петра, 1913).

5. *Обычайный* начинает 14 предложений, напр.: *Обычайно* имя муз стихотворцы за самые науки употребляют (А.Д. Кантемир, На хулящих учения: К уму своему, 1729). А завершает около 17 раз, чаще всего словоформой *обычайное* (4 раза), напр.: *Это явление далеко не **обычайное*** (Л.А. Чарская, Счастливчик, 1912).

Необычайный же начинает примерно 1,7 тыс. предложений, чаще всего (около 0,8 тыс.) в форме *необычайно*, напр.: **Необычайно** жестокие холода начались очень рано и сделали осадные работы невозможными (С.М. Соловьев, Восточный вопрос, 1876). А завершает более 1,8 тыс., чаще всего (около 0,5 тыс.) также словоформой *необычайно*, напр.: *Это одиночество, этот воздух чужбины душат меня, — сегодня втрое, чем когда-нибудь, — **необычайно!**..* (А.А. Бестужев-Марлинский, Он был убит, 1835).

Левые и правые контексты

Члены предложения, находящиеся в предложении слева от рассматриваемых лексем, часто не связаны с ними непосредственной синтаксической связью. Проиллюстрируем это на примере левых контекстов самой частой лексемы *обычный*:

- как (больше 21 тыс.), напр.: *Даже в столице народ восстал, и царю удалось умиротворить его только тем, что он пожертвовал несколькими любимцами, предав казни самых верных своих советников, которых простой народ, **как обычно**, считал виновниками всех бед* (С.М. Степняк-Кравчинский, Россия под властью царей, 1885);
- в (более 15 тыс.), напр.: *А пьянство — как известно всем, «даже не учившимся в семинарии», — и пороком-то вообще не считается **в обычном** земском быту...* (А.А. Григорьев, Мои литературные и нравственные скитальчества, 1862);
- и (6,8 тыс.), напр.: *Очевидно, это был знакомый **и обычно** условный удар в его дверь, потому что он с приветливой улыбкой отомкнул задвижку* (В.В. Крестовский, Петербургские трущобы, 1864).

Необычный:

- *и* (больше 2,6 тыс.), напр.: *Притом же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на стол, покрыли его взятым из церкви покровом и словно позабыли о нем* (Н.С. Лесков, *На ножах*, 1870);
- местоимение, особенно часто в 19–20 вв.: *ничего* (больше 1,5 тыс.), *что-то* (около 0,8 тыс.), *нечто* (0,4 тыс.), напр.: *Она старалась догадаться, где эта женщина печатает, и не видела ничего необычного* (М. Горький, *Мать*, 1906); *Что-то необычное поразило его в самом облике дома Анны* (В.Я. Брюсов, *Через пятнадцать лет*, 1909); *Он чувствовал только, что в существование его вторглось нечто необычное, какая-то тревога, тоска* (М.Е. Салтыков-Щедрин, *Сказки*, 1886);
- *в* (около 1,3 тыс.), напр.: *Неволью улыбнулся я, взглянув в зеркало и увидя себя в необычном наряде* (С.Н. Глинка, *Из записок о 1812 годе*, 1836);
- *с* (1,2 тыс.), напр.: *Он выпил почти залпом стакан и налил еще; вообще стал действовать с необычной до сих пор развязностью* (Ф.М. Достоевский, *Вечный муж*, 1870).

В отличие от левых контекстов, правые связаны с данными лексемами семантически (мы увидим это далее на примере союза *и*), но не всегда синтаксически в смысле «грамматики зависимостей». Там же, где эта связь есть, можно выделить 3 группы лексем: 1) *обычный, обыкновенный, обычный* (и их отрицание), управляющие предлогом *для*, 2) *привычный и непривычный*, управляющие предлогами *для* и *к*, 3) *обыденный и необыденный*, в управление которых предлоги не входят.

Приведем по три примера самых частых правых контекстов.

1. **Обычный:**

- *в* (более 12 тыс.), напр.: *Обычно в этот день Иерусалим, закончив все приготовления к великому празднику, исполнялся торжественной тишины: скоро Пасха* (И.Ф. Наживин, *Евангелие от Фомы*, 1933);
- *не* (7,8 тыс.), напр.: *Высшая знать обычно не посещала русских драматических спектаклей, предпочитая балет, оперу, французскую труппу* (Д.В. Григорович, *Литературные воспоминания*, 1893);
- *для* (5,74 тыс.), напр.: *У нее были темные синие глаза, не вполне сообразные с белобрысой головой, большие и не быстрые, тяжелее, чем обычно для такого маленького возраста, поэтому взгляд ее казался чересчур сосредоточенным* (К.А. Федин, *Первые радости*, 1943–1945).

2. **Необычный:**

- *для* (более 2,6 тыс.), напр.: *Одевшись наскоро, я выбежал на крыльцо, и глазам моим представилась картина необычной для Чемезова суеты* (М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи*, 1876);
- *и* (2,4 тыс.), напр.: *Потому что все, что вы делаете, необычно и красиво* (Тэффи, *Шарманка Сатаны*, 1916);

- в (более 1 тыс.), напр.: *Впрочем, тогда это было естественно такие услуги добрым знакомым оказывать, и ничего **необычного** в подобной просьбе молочник не мог усмотреть* (Л.С. Овалов, Рассказы майора Пронина, 1957).
3. **Обыкновенный:**
- в (больше 2,4 тыс.), напр.: *В сии ли то времена бедности будем искать начала наук и художеств, произрастающих **обыкновенно** в спокойствии и тишине* (Н.И. Новиков, Статьи по истории и философии, 1781);
 - и (более 2,3 тыс.), напр.: *В другое время это ничего бы не значило: граф мог уехать прогуливаться, быть приглашен кем-нибудь на завтрак, уехать на дачу обедать, пробыть целый день и даже два, и все это ничего, все это очень **обыкновенно** и часто бывало; но теперь!* (Н.А. Дурова, Угол, 1840);
 - не (около 1,8 тыс.), напр.: *В этих случаях я **обыкновенно** не скуплюсь и, чтоб украсить и обогатить мою родину, забираю все что ни есть лучшего во всей Европе* (М.Н. Загоскин, Москва и москвичи, 1848).
4. **Необыкновенный:**
- и (около 1,1 тыс.), напр.: *Вот **необыкновенное** и удовлетворительное явление* (П.А. Вяземский, Сонеты Мицкевича, 1827);
 - в (более 300 раз), напр.: *Девочка терзалась, а тут же, в двух шагах от нее, преспокойно гуторили два старика, как будто ничего **необыкновенного** в их глазах не происходило* (М.Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина, 1888);
 - для (около 200): *Глаза его смотрели с **необыкновенной** для этого беспечного человека хмурой сосредоточенностью* (А.Т. Кононов, Повесть о верном сердце, 1958).
5. **Привычный:**
- для (3,2 тыс.), напр.: *Чтобы выгородить себя, старины хотели закопать его и отослать для розыска; но Булавин, по **привычной** для казака дороге, бежал с Дона в Запорожье* (С.М. Соловьев, Рассказы из русской истории 18 века, 1860);
 - и (3,09 тыс.), напр.: *Перекрестив себя **привычным** и спешным крестом и сейчас же чему-то улыбнувшись, он твердо направился к своей страшной даме* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, 1880); *Тот **привычно** и доверчиво прильнул к нему, обхватил его шею правой ручкой и с детским удивлением стал пристально смотреть на меня: чего, дескать, я иду за ними и так смотрю?* (Ф.М. Достоевский, Дневник писателя, 1873). Этот союз указывает на семантическое сходство: привычный и быстрый жест (*спешный крест*) машинален, т.к. привычному доверяют больше, чем неожиданному и новому (ср. *привычно* и *доверчиво*);
 - к (1,64 тыс.), напр.: *Волнуемый различными ощущениями и помыслами, он добрел до трактира, где Силантьев, **привычный** к дорожной жизни,*

уже нанял для него квартиру и сделал все приготовления к его принятию (Н.И. Греч, Черная женщина, 1834).

6. **Непривычный:**

- для (более 2,2 тыс.), напр.: *Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно и слово, а мыслей у нас боятся больше всего, потому что они требуют слишком тяжелой и **непривычной** для многих работы — размышления* (В.Г. Белинский, Русская литература в 1840 году, 1841);
- и (около 1 тыс.), напр.: ***Непривычно и** странно мне было видеть в наших небольших комнатках столько новых лиц, особенно мужчин* (Ю.В. Жадовская, В стороне от большого света, 1857);
- к (более 800 раз), напр.: *Сами знаете, теперь жар; лошади хорошие, **непривычные** к такой гоньбе; да и, по-моему, деликатность надо знать...* (И.И. Панаев, Белая горячка, 1844).

7. **Обыденный:**

- и (больше 1,2 тыс.), напр.: *И жажда избавления от «социальной **обыденности**» и посредственности может быть еще острее, чем жажда избавления от страдания, причиняемого трагическими противоречиями мира* (Н.А. Бердяев, Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности, 1937);
 - в (200 раз), напр.: *Ахматова видела вещи под каким-то иным, **непривычным** углом: всякие **обыденности** в устах ее становились значительными — это поражало меня* (Н. Ильина, Дороги и судьбы, 1991);
 - а (140 раз), напр.: *Озаренная догорающим пламенем бенгальского огня, она в самом деле казалась не **обыденным**, а скорее каким-то сверхъестественным существом* (Л.А. Чарская, Лесовичка, 1912); примерно столько же предложений с как (140 раз), напр.: *На палубе, чистой и просторной, умилявшей своей простотой и сложностью, все было, казалось, так же тихо и **обыденно**, как и всегда* (М.П. Арцыбашев, Человеческая волна, 1905/1907).
8. **Необыденный:** союз *и* (всего 10 раз), напр.: *Они звучали как вполне обыденное предисловие к тому **необыденному** и даже сверхобычному, чего я втайне ждал и на что надеялся* (Г.С. Гор, Геометрический лес, 1980). Остальные разнообразные контексты употребляются еще реже.
9. **Обычайный:** единицы, найденные в правом контексте, употреблены один-два раза, статистика их не имеет смысла.
10. **Необычайный** обладает небольшим репертуаром вспомогательных элементов:
- союз *и* (около 600 раз), напр.: *Он невелик, это правда, но сколько в нем **необычайных** и особенного рода красот!* (М.Н. Загоскин, Москва и москвичи, 1848);

- для (больше 320 раз), напр.: *Те и другие ждали необычайной для себя радости, которая их благочестию была «возвещена во псалтыре»* (Н.С. Лесков, Печерские антики, 1883).

Необычно и красиво значит «необычно, а потому красиво». Как скрытое, имплицитное указание причины трактуются и другие подобные конъюнкции, высвечивая коннотации обыденного и обыкновенного: **обыкновенно и часто, необыкновенное и удовлетворительное, привычным и спешным (крестом), непривычно и странно, обыденности и посредственности, необычайных и особенного рода (красот)** и т.п.

Атрибутивность

1. Обычными бывают: человек (2,9 тыс.), люди (2,8 тыс.), дело (2,3 тыс.), жизнь (2,1 тыс.), условие (1,4 тыс.), время (1,1 тыс.), напр.: *А ведь я к тому же не совсем **обычный человек**, особь с повышенной чувствительностью, с повышенным воображением* (И.А. Бунин, В ночном море, 1923). А необычны: форма (больше 570 раз), вид (420 раз), условие (280 раз), способ (270 раз), образ (220 раз) и т.д., напр.: *Можно поэтому утверждать, что кроме тенденции ослабить глагол здесь выражается тенденция освободиться от **обычной формы** сравнений (с «как»), удлинняющей фразу* (Б.М. Эйхенбаум, Анна Ахматова: Опыт анализа, 1923).

2. Обыкновенны: человек (более 2,8 тыс.), люди (более 2,1 тыс.), история (более 1,4 тыс.), напр.: *Какая и в самом деле кому из нас нужда, колдун ли принц, или оборотень, или **обыкновенный человек*** (В.Т. Нарезный, Заморский принц: Новые повести, 1824). А необыкновенны: человек (больше 1,8 тыс.), сила (более 600 раз), лето (около 600 раз), красота (480 раз), легкость (390 раз), быстрота (320 раз), напр.: *Я просто-запросто намекнул, что «**необыкновенный**» человек имеет право...* (Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание, 1866/1877).

3. Привычны: дело (1,46 тыс.), движение (1,23 тыс.), место (910 раз), жест (600 раз), напр.: *Но внимания на них не обращала, — **дело привычное** слушать эти несуществующие голоса!* (И.А. Бунин, Веселый двор, 1911); *Егорин ловким **привычным движением** ухватился за подоконник и бесшумно прыгнул в комнату* (В.В. Курицын, Томские трущобы, 1906). А непривычны: тишина (290 раз), обстановка (270 раз), человек (200 раз), условия (130 раз), напр.: *Весь дом был как бы мертв; и за стенами странная воцарилась, такая теперь **непривычная тишина*** (И.А. Новиков, Золотые кресты, 1908).

4. Обыденными бывают: жизнь (2,6 тыс.), сознание (2 тыс.), речь (400 раз), напр.: *И проходишь, как будто не доверяя чему-то; слышится что-то другое, слышится, что сквозь бесцветный мотив **обыденной жизни** нашей звучит другой, пронзительно живучий и грустный, как в Берлиозовом бале у Капулетов* (Ф.М. Достоевский, Петербургская

летопись, 1847). А необыденное весьма редко, не больше 2–3 раз встречается с существительными *слова, думы, чувства, реальность* и т.п., напр.: *Принцип выбора слов для Чичикова в данной ситуации был очень прост: высокое социальное положение слушателя требовало и «высоких», необыденных, слов и «высокого», приподнятого, стиля* (В.Н. Волошинов, Конструкция высказывания, 1930).

5. Эпитетом *необычайный* характеризуются «идеальные» качества и свойства, самые частотные из которых: сила (больше 730 раз), красота (больше 340 раз), легкость (почти 320 раз), быстрота (260 раз), оживление (больше 140 раз), напр.: *К тому же, по вашей привычке морализировать, вы на нее смотрели докторально, сверху вниз, а я, изумленный необычайной силой ее, я склонялся перед ней* (А.И. Герцен, Кто виноват? 1846). Они же могут быть и *обычайными*, но встретились не больше одного раза, как и *церемония, угол, пора, время* и т.д.

Атрибуты языка

По убыванию количества примеров *обычный язык* уступает *обыденному*:

1. **Обычный язык** найден примерно в 600 предложениях, наиболее часты формы единственного числа: П.е. *обычном языке* (около 190 раз), И./В.е. *обычный язык* (около 160), Р.е. *обычного языка* (около 120), Тв.е. *обычным языком* (около 70), напр.: *В зоологии будут часто встречаться имена животных и частей их тела, в химии имена реагентов и химических реакций, совсем не употребительные в обычном языке* (Н.А. Морозов, Новое орудие объективного исследования древних документов, 1915); *«Оболгали мне здесь невозможность всеместных маневров», — писал он, что в переводе на обычный язык значит: мы доказали здесь, что маневры войск возможны в любых местных условиях, в любой природной обстановке* (С.Т. Григорьев, Александр Суворов, 1939).

А *необычный язык* в текстах корпуса непропорционально редок (20 раз), еще реже *необычность языка* (8 раз), напр.: *Конечно же, сама необычность языка не требует образованности и, пуще, специальной учености* (Д.С. Лихачев, Земля родная, 1983).

2. **Обыденный язык** встречается больше 800 раз, лидирует форма Р.е. (*обыденного языка*, 330 раз), напр.: *Нет, поправил он себя в духе своих размышлений о предательских свойствах нашего обыденного языка, это слово «зеленый» у нас одно, а значений у него множество* (Д.С. Данин, Нильс Бор, 1978). На втором месте — П.е. *обыденном языке*, около 200 раз: *Я исследовал 252 самых употребительных в обыденном языке французских глаголов* (Н.В. Крушевский, Очерк науки о языке, 1883). На третьем — форма И./В.е. *обыденный язык*, немного больше 100 раз: *Гоголь создал целую школу последователей, даже проник*

в *обыденный язык общества* (Н.П. Огарев, Предисловие к сборнику: «Русская потаенная литература», 1861). Выражение *необыденный язык* не встретилось вовсе.

3. *Привычный язык* упоминается около 100 раз, больше всего в форме Тв.е., напр.: *Да только потому, что на них была привычная форма, потому что они говорили привычным языком, потому что надеялась, что с ними кончится этот гадкий сон перемен, революций, шершавых глупых слов* (Ю.Л. Слезкин, Столовая гора, 1922). А *непривычный* значительно реже (6 раз), напр.: *Просто я пишу на непривычном языке* (Дж. Глэд, Беседы в изгнании, 1991).

4. *Обыкновенный язык* находится на дне частотности, как и *необыкновенный*. Сочетание *обыкновенный язык* чаще всего бывает в форме И.е. (около 40 раз), напр.: *Обыкновенный язык оратора к сему не довлеет* (М.М. Сперанский, Правила высшего красноречия, 1792); реже П.е. *обыкновенном языке* (30 раз), напр.: *Он редко о чем говорит, кроме метафизики; редко другим языком, кроме славянского; и очень редко что пьет, кроме пуншу; однако ж публичные речи его на обыкновенном языке, ибо так предписало ему начальство; зато он утешается в гостях и дома, рассуждая славянским* (В.Т. Нарезный, Российский Жилблаз, 1814). И еще реже в форме Тв.е. *обыкновенным языком* (20 раз): *На сцене отвыкли говорить обыкновенным языком образованного общества* (И.А. Гончаров, Опять «Гамлет» на русской сцене, 1875). А *необыкновенный язык* чуть больше 20 раз: П.е. *необыкновенном языке* (10), напр.: *Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же решал их и все время говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...* (А.П. Чехов, Ионыч, 1898). И совсем редко в И.е., напр.: *Наконец, сам необыкновенный язык наш есть еще тайна* (Н.В. Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями, 1847). В форме Р.е. находим всего 5 примеров: *И гармония этих звуков, музыка этого необыкновенного языка вовлекли меня в свой круг* (Г.С. Гор, Кумби, 1963).

5. В корпусе не встретился ни *обычайный*, ни *необычайный язык*: язык может обладать качествами, но сам качеством не является, см. предыдущий раздел.

Таким образом, фигуры речи, очеловечивающие язык — предмет социологически ориентированной антропологической лингвистики [8. С. 2]. Эмпирическое корпусное исследование не случайно технически напоминает социологическое (лингвисты опрашивают тексты корпуса, а не население) и позволяет выявить корреляции и тенденции в использовании фигур речи и мысли различными человеческими культурами.

Заключение

Исследование показало, что по данным русского корпуса, человек — типовой носитель свойств обычности, обыкновенности и необыкновенности, в меньшей степени — непривычности (разве что в смысле *непривычности к чему-либо*) и лишь в минимальной степени — обыденности. Язык же значительно реже бывает необычным, необыденным, (не) привычным, (не) обычайным и (не) обыкновенным: чаще обыденным (800 примеров) и чуть реже обычным (600 примеров).

Иначе говоря, английскому *ordinary language* по-русски лучше всего соответствует *обыденный язык*, внеположенный «очеловечиванию», заложенному в английском *ordinary language*.

Библиографический список

1. Basalamah S. Philosophical approaches // The Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts. New York etc. : Routledge, 2023. P. 129–154. <https://doi.org/10.4324/9781003161448>
2. Scott J. Creative writing and stylistics: critical and creative approaches. Revised and expanded edition. London, etc. : Bloomsbury Academic, 2023.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London : The University of Chicago.
4. Farnia F. Figurative language development: Implications for assessment and clinical practice // Handbook of Communication Disorders. Boston; Berlin : Walter de Gruyter Inc., 2018. P. 137–153.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. М. : Русский язык, 1993.
6. Демьянков В.З. Обыденный язык и ordinary language: Взаимодействие когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1(58). С. 44–48. EDN: LOFUZL
7. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : Азъ, 1999.
8. Nassenstein A., Mitchell A., Hollington N. Introduction // Anthropological Linguistics: Perspectives from Africa. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 2024. P. 1–28.

References

1. Basalamah, S. (2023). Philosophical approaches. In: *Routledge Handbook of Translation Theory and Concepts*. New York etc. : Routledge. pp. 129–154. <https://doi.org/10.4324/9781003161448>
2. Scott, J. (2023). *Creative writing and stylistics: critical and creative approaches. Revised and expanded edition*. London, etc. : Bloomsbury Academic.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago; London : The University of Chicago.
4. Farnia, F. (2018). Figurative language development: Implications for assessment and clinical practice. In: *Handbook of Communication Disorders*. Boston; Berlin : Walter de Gruyter Inc, pp. 137–153.
5. Chernykh, P.Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: 13560 words*. Moscow : Russian language. (In Russ.).
6. Demyankov, V.Z. (2024). Everyday language and ordinary language: On the interaction of cognition and communication. *Cognitive investigations of language*, 2–1(58), 44–48. EDN: LOFUZL (In Russ.).

7. Vinogradov, V.V. (1999). *History of Words*. Moscow : Az. (In Russ.).
8. Nassenstein, A., Mitchell, A. & Hollington, N. (2024). Introduction. In: *Anthropological Linguistics: Perspectives from Africa*. Amsterdam; Philadelphia : Benjamins. pp. 1–28.

Сведения об авторе:

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации имени Ю.С. Степанова, Институт языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1); *сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание; *e-mail*: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708. SPIN-код: 1278-7454; AuthorID: 57189616704, ResearcherID: O-7350-2017.

Information about the author:

Valery Z. Demyankov, Prof. Dr.Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Theory and Practice of Communication named after Yu.S. Stepanov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: theoretical and applied linguistics; *e-mail*: vdemiank@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0001-9331-3708. SPIN-code: 1278-7454; AuthorID: 57189616704, ResearcherID: O-7350-2017.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1065-1086

EDN: FLIZCH

УДК 811.161.1'22:070:004

Научная статья / Research article

Семиотика цифры в современном медиапространстве

Т.В. Маркелова

Институт современного искусства, Москва, Российская Федерация

✉ tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. Преобразование лексемы *цифра* как отражение встречи современного социума с миром и его глобальными переменами, происходящими под бурным влиянием развития IT-технологий и их возрастающей значимости в языковом сознании, является объектом исследования. Изменение понятийной, образной и ценностной характеристик лингвоспецифического слова и его дериватов актуализируется событиями медиапространства и мотивируется спецификой медиаречи: влиянием контекста на формирование внутренней семантики слова и мотивированным изменением прагматики его употребления. Освещается процесс концептуализации слова *цифра* в языковой картине мира под влиянием семиозиса: анализируется семантика слова на основе теории Л.А. Новикова, классифицируется ономастическая и деривационная природа *цифры* на базе его исторической лексикографии («пустой» знак). Описываются лингвистические наблюдения за типологическим сходством структур языка и структур культурной организации социума в контексте явления символизма в ключевом понятии картины трансформирующегося мира — *цифре*, реализующей семиотические феномены — «реального» языка, «абстрактной» математики и «виртуальных» информационных технологий. Анализируется специфика синтактики и прагматики на основе применения механизма компонентного аксиологического анализа с помощью параметров оценочной шкалы. Концептуализация новой прагматики и семантики слова обнаруживает двоякую сущность процесса: лингвистические трансформации отражают аксиологизацию процессов сознания, ибо контекст ориентируется на «добро» и «зло» информационных технологий во внелингвистической картине мира. Демонстрируется заместительная функция семы «знак» в семантике *цифры*, которая оказалась «всепобеждающей» для семантической актуализации, концептуальной прагматизации и коммуникативной употребительности *цифра*, *цифровой*, *цифровизация*. Частотность употребления исследуемого слова и его дериватов в актуальной синхронии множественных дискурсов объясняется расширяющимся функционалом *цифры* как ключевого слова-концепта в семиосфере культуры конкретного периода развития нации.

Ключевые слова: медийное пространство, концепт, семиозис, семантика, синтаксис, деривация, коннотация

Благодарности:

Автор выражает глубокую благодарность Марине Львовне Новиковой, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского

© Маркелова Т.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы за огромную помощь в подготовке материалов статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Маркелова Т.В. Семиотика цифры в современном медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1065–1086. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1065-1086>

Semiotics of the Digital Character on Modern Media Scene

Tatiana V. Markelova

Institute of Modern Arts, Moscow, Russian Federation

✉ tvmarkelova@mail.ru

Abstract. The analyses of the transformation of the lexeme *digit* (digital character) as a reflection of absorbing modern society and its global changes taking place under the excessive influence of the IT technologies development and their increasing importance in the linguistic consciousness is the object of study. Modification of conceptual, imagery and value characteristics of this linguistically specific word and its derivatives is under the influence of the media scene events, and is motivated by media speech peculiarities implying the context influence on the formation of the interior word semantics and its motivated pragmatics transformation in use. The work highlights the process of the conceptualization of the word *digit* in the worldview in course of the semiosis. The word's semantics is analyzed on the basis of Prof. L.A. Novikov theory. It classifies the onomaseologic and derivational nature of the lexeme *digit* in the historical lexicography ("blank" sign). There are described linguistic observations on the linguistic typological structural similarities and the society's organizational cultural structures in the context of linguistic symbolism revelation within the key notion of the world picture of the world under the modification, concerning the *digit* revealing semiotic phenomena of the "real" language, "abstract" mathematics and "virtual" IT technologies. By means of the mechanisms of the axiological component analysis and applying the parameters of the evaluation scale, there's given a description of the syntactic and pragmatic resources. The conceptualization of the new pragmatics and semantics of the word demonstrates the dual essence of the process of linguistic transformations, reflect the axiological development of the consciousness since the context orients itself both to the "good" and "evil" of the IT technologies in the exterior, non-linguistic world picture. The semantics of the *digit* shows and fulfils the substitutional function of the seme "sign" as the *digit* itself has become the "invincible" item of the semantic actualization, conceptual pragmatization and communicative use of *digit*, *digital*, *digitalization*. The frequency of using the word under the study as well as its derivatives in the actual synchrony of multiple discourses could be explained through the expansion of the functional of the *digit* as a key conceptual word in the semiosphere of culture belonging to a certain period of national development.

Keywords: media scene, concept, semiosis, semantics, syntax, derivation, connotation

Acknowledgements:

The author express her deep appreciation to Ms. Marina L. Novikova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of the Russian language and Linguoculturology, the Institute of the Russian

Language of the RUDN University for the great contribution in course of preparing materials for this article.

Conflicts of interest:

The author declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Markelova, T.V. (2024). Semiotics of the Digital Character on Modern Media Scene. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1065–1086. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1065-1086>

Введение

Анализ медиапространства демонстрирует устойчивую динамику употребления слова *цифра* и его дериватов в последние несколько лет. «*Цифра*» становится «модным маркером» современного социума, знаком «свой» для коммуниканта, кодовым механизмом трансляции информационной культуры: «Слово и цифра есть два главных человеческих инструмента описания мира» (П. Власов); «Цифра вместо бумаги»; «Урок цифры»; «Инвестиции в цифру»; «Цифра или бумага?»; «Что такое цифровизация и как происходит оцифровка документов в больших объемах?»; «цифровая зрелость»; «цифровая эволюция»; «цифровая молодежь» и мн. др.

«Оживление» слова, активное внедрение его в языковую картину мира современного социума преобразуют внутренний и внешний смыслы лексемы: преобразуют ее семантику, развивают прагматику в условиях контекста времени — глобальной трансформации экстралингвистической сферы на рубеже XX—XXI вв.: «Наиболее непосредственная ситуация встречи человека с миром — это непрекращающееся движение сознания в актуально воспринимаемом образе мира» [1. С. 17].

Цифра как ключевое слово понимания культуры [2] формирует каркас сознания и деятельности современного социума, сохраняя и расширяя свои семасиологические и семантические возможности, приобретая ритуальный характер, отражающий обратимость между ритуалом как языком символических действий, словесным языком и психологическими феноменами (сознательного и бессознательного): «...значимых эквивалентов означаемого, относящихся к иному порядку реальности, чем означаемое» [3. С. 178–179].

Подход к актуализированному слову *цифра* как к ключевому основан на лингвистической идее К. Леви-Стросса о типологическом сходстве структур языка и структур культурной организации социума, зависимости общества в целом, от теории коммуникации [3] и идеи Р. Барта, предполагающего структурное сходство семиотических знаков различных

культурно-семиотических феноменов [4], в нашем случае — слова языка как естественной семиотики и обозначения математической символики как искусственной семиотики: **цифра**, ж. 1. Знак, обозначающий число. *Арабские цифры* (1, 2, 3 и т.д.). *Римские цифры* (I, II, III и т.д.)¹.

Квалифицируя **цифру** как «модный маркер» языковой картины мира современника, считаем возможным опираться на поиски корреляции — «социологику» в книге Романа Барта «Система моды» [5. С. 512]. В числе оснований — предложенная Р. Бартом «обратимость» разных видов знаковой деятельности — графической и фотографической, музыкальной и визуальной, в нашем случае — лингвистической и математической, то есть конкретной и абстрактной. **Цифра** конкретизирует число как абстрактный знак — обозначим это дериватами **цифровой, цифровать, оцифровать, цифровизация, оцифровка** в коммуникативном пространстве социума. Позволим себе провести аналогию с семиотикой знака моды Р. Барта: «одежда — образ» и «одежда описание»: «цифра — образ» и «цифра описание». Коммуникативный процесс, активизирующий образ **цифры** с помощью слова, которое становится модным в языке современника (*Минцифры РФ; цифры говорят; мысли в цифре, цифровой след; цифровые дети, цифровые навыки, цифровая безопасность, цифровой профиль, цифровая коммуникация* и мн. др.), организует восприятие образа **цифры**: «...слово всегда имеет властную функцию, поскольку оно, так сказать, делает выбор вместо глаза. Образ запечатлевает множество возможностей; слово фиксирует одну единственную определенность» [5. С. 47].

Сложная лингвистическая природа слова **цифра**, с одной стороны, формируется его семиозисом — синтактикой, семантикой, прагматикой, с другой стороны, актуализацией употребления и усилением употребительности в медиапространстве последних лет. Об этом свидетельствуют данные НКРЯ².

Язык отражает при этом бурное развитие IT-технологий как приоритетное направление развития экономики России. И в этом отношении слово **цифра** вписывается в семиотический «словарь» необходимых для **познания** значений: информационные данные представляются в виде набора цифр в двоичной системе, которая используется в компьютерах.

Цифра как знак естественной семиотики и как культурный знак

Сложность слова **цифра** как знака естественной семиотики детерминирована, во-первых, его специфической денотативной природой, обусловленной корреляцией с математическим знаком; во-вторых, выполнением им особой знаковой функции, отражающей содержание семиотического парадокса (Р. Барт): знаковые функции приписываются денотатам, которые прежде

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1998. С. 876

² Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 3.09.2024).

не были знаками и, наоборот, денотаты-знаки могут утрачивать свои знаковые свойства: *Для обозначения нового вида социально-экономического неравенства, связанного с неравными возможностями доступа к ИКТ, информации и знаниям, используются различные метафоры, например, «цифровой раскол», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть»* (Информационное общество, 2010). Содержание такой знаковой функции трактуется Р. Бартом [4] как коннотация мифологического порядка, возникшая на грани идеологии и обыденного сознания.

Развитие прямого и переносного значений словесного знака в корреляции с математическим определяет лингвоспецифический характер слова и семиосферу **цифры** как нового культурного знака, отражает актуализацию современных социокультурных ценностей, детерминированных перегруппировкой значимых базовых смыслов: «...любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [6. С. 165].

В процессе преобразования **цифры** в «модный маркер» языковой картины современного социума происходит внедрение ее в число лингвоспецифических концептов, одновременно отражающих и формирующих образ мышления коммуникантов: *До сих пор цифра остается феноменом, объединяющим языки и страны; Цифра, как и буква, — это, прежде всего, знак, указывающий на определенное значение, образ и смысл; «Цифра и буква — структурные элементы построения дискурса, познания и коммуникации»* (Киберленинка).

Придание лингвоспецифическому слову не свойственного ему изначально концептуального значения происходит на фоне нового общественного установления — использование языка **цифр** как особого знака, необходимого для сохранения объектов материальной культуры: *«Переход на «цифру» позволяет формировать особую библиотечную информационную систему связи. Это один из глобальных и стратегических приоритетов цифровизации фонда без поисково-экспертной структуры ничего не дает. Переход на «цифру» требует колоссальных сил и ресурсов»* (Культура № 7, 2020) и развития одного из приоритетных направлений экономики и науки — информационных технологий: *«У нас сорок миллионов изданий, и оцифровать весь фонд — понятная производственная задача. Есть объем, есть ресурсы и сроки — но будет ли это переходом на «цифру»? Наверное, не вполне. Потому что, с одной стороны, просто отсканировать недостаточно. Нужно весь этот массив датифицировать, превратить изображения страниц в текстовый слой — для того, чтобы на эту базу напустить поисковый алгоритм, какого-то робота, подключить искусственный интеллект, словари. Библиотека как*

институция и информационные ресурсы, с которыми она работает, должны позволять читателю узнавать новое» (Культура № 7, 2024).

Далее сетка семиосферы распространяется на все области человеческой жизни, и в этом отношении олицетворяет «семиологический парадокс» Р. Барта — появление и утрату словом первичных знаковых функций: «Коллизия **цифры** и слова в том или ином виде присутствует почти в каждом материале этого номера, описывающего ситуацию в отечественной литературе. Образ, бесспорно, красивый и многозначный. Здесь легко впасть в символизм. Вспомнить, к примеру, что в Библии Бог творит словом, а его антагонист, напротив, открывает себя через число. А еще на ум приходит учение секты пифагорейцев — весь окружающий мир возможно «**оцифровать**», выразить в виде комбинации **цифр**, так как в основе бытия заложены определенные числовые сочетания» (Культура № 9, 2020).

Занимая все более значимое место в языковой картине мира социума, его лексиконе, наполняясь **ключевой идеей и становясь ключевым словом информационной культуры современника, цифра** и ее дериваты постепенно приобретают аксиологические свойства в хронологическом отрезке последнего десятилетия, наполняя прагматикон [7. С. 48–68] коммуникантов и развивая признаки концептуализации — понятийность, образность, ценность [8. С. 43].

Концептуализация **цифры** на семиотической основе

Семиотический подход к слову взаимодействует с когнитологическим и лингвокультурологическим, диктуя наполнение процесса концептуализации. Лингвистическое наблюдение за словом **цифра** и его деривационной парадигмой в контексте корреляции языка и внеязыковой действительности, преобразующей заложенные в слове концептуальные смыслы и изменяющей языковую картину мира, основано на определении концепта Ю.С. Степановым: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [8. С. 43]. Исследуемый знак как семиотический феномен, обладающий свойствами семиотического парадокса (Р. Барт), позволяет опираться на организацию концепта как явление слоистой структуры, в которой в качестве компонентов выделяют основной слой / актуальный признак, пассивный/исторический слой и внутреннюю форму. В сложную структуру концепта входит история и этимология, стимулы и реакции, ассоциации и оценки, смыслы и поведение — все, что определяет концепт как факт культуры, реализуемый ключевым словом эпохи — в нашем исследовании — словом **цифра** и его дериватами.

Семиотическая проблема, лежащая в основе концептуализации, требует семантического, синтаксического и прагматического анализа этого лингвоспецифического явления.

Историко-лексикографический аспект семантики

Семасиология лексемы **цифра** определяет многозначность ее семантической структуры, состоящей из двух семем — прямого значения: 1. Знак, обозначающий число, и переносного значения с пометой «разг.»: 2. Сумма, число, количество чего-л.; расчет, подсчет^{3, 4, 5}.

Словари С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова, Новейший словарь... не показывают особенных разночтений толкования слова в его **лексикографической истории**, которая отличается орфографией в слове В.И. Даля «**Цыфра** ж. — численный знак» и первым представлением о цифровизации: «**Цифрованное** письмо, шифрованная замена букв другими знаками, по особо придуманному ключу, чтобы сторонний не мог читать»⁶, высокой степенью словообразовательной транспозиции: **цыфирных, цыфровых, цыфирь** (счет, арифметика), **цыфиричик, цыфирник, цыфровать, цифрованные (ноты), цифрование, цифровки, цифровицик, -ица, цыфер-блат**, которая позже не повторяется ни в одном словаре, даже в специальном Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова⁷. Этот деривационный процесс показывает важную семантическую роль семы «знак», входящей в состав значения **цифры**, и его развитие в языке.

Академический словарь 1965 г.⁸ вводит в структуру толкования устаревшее значение: **Цифр**, а, м. — «Тайнопись, в которой вместо букв пишутся цифры; шифр». Отнесем также к лексикографической истории высокую представленность словарных статей из словообразовательного ряда **цифры** в словаре Д.Н. Ушакова⁹: — **цыфирный** (устар.), **цыфирь** (устар.), а также наличие пометы «спец.» у слов **цифрация, цифрованный, цифровать, цифроваться**, подтверждающей взаимодействие с искусственной математической

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1998. С. 876

⁴ Новейший толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб, М.: РИПОЛ классик, 2008. С. 1466

⁵ Толковый словарь русского языка / гл. ред. Проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 1227

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. :Русский язык, 1990. С. 576.

⁷ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1985. Т. 2. С. 108

⁸ Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах / Ред. К.С. Горбачевич. М. : Изд-во Наука, 1965. Т. 17. С. 713

⁹ Толковый словарь русского языка / гл. ред. Проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 108

семиотикой и предвидящей динамизацию употребительности слова. Академический словарь не использует данной пометы, ограничиваясь лишь пометой (Математика) у второй семемы слова **цифра**.

Современные словари Ожегова, Шведовой¹⁰, Евгеньевой¹¹, Новейший словарь¹² ограничиваются минимумом дериватов (**цифра** — **цифирь** — **цифровой**), строгостью толкований, сухостью иллюстраций — ср.: иллюстративный разножанровый материал и грамматическую характеристику **цифры** и ее дериватов в словаре Д.Н. Ушакова, академическом словаре^{13, 14}.

Значимой для семантического анализа и актуализации **цифры** в современной коммуникации оказывается и **этимология**, ее значения: в трактовке словаря М. Фасмера: **цифра**, **цифирь** «арифметика», **цыфарь** — вятск., **цифирный**, **Цыфиркин** (фамилия) — «через польск. или нем. „цифра“ из ит., средне-лат. **cifra**, от араб. „пустой, нуль“»¹⁵. **Нуль (ноль)** в происхождении слова **цифр** позволяет сделать семантический шаг к **прагматике** значения «никакой» от лат. **нуллюс** («число, от прибавления (или вычитания) которого к любому числу последнее не меняется»). Корреляция с семами «знак», «число» в составе первой семемы, «сумма» в составе второй семемы позволяет сделать предположения о прогнозном формировании отрицательной оценки (антиценности — «пустой знак», «число нулевое» — то есть никакое) у слова **цифра** в различных контекстах медийного пространства. «Человек меняется, слову следует приспособиться к новой реальности, пойти в услужение к **цифре**. ...подчиняя слово **цифре**, мы заодно отказываемся от более сложной и глубокой формы человеческого бытия, от человека, которого мы знали прежде и которого было за что ценить и уважать» (П. Власов). Прогнозом оценочной семантики здесь можно считать этимологию семы «знак» — общеславянского от *знати* в значении «отличать, заметить» (с семами «предпочтение, особое внимание»).

Лингвистические наблюдения над употреблением слова **цифра** и актуализацией его в дискурсивных практиках в рамках, реализуемых медиапространством русской речи, позволяют интерпретировать имплицитные смыслы в семантической структуре слова **цифра** и в его прагматическом

¹⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1998. С. 876

¹¹ Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1988. Т. IV: С. 648

¹² Новейший толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М. : РИПОЛ классик, 2008. С. 1466

¹³ Толковый словарь русского языка / гл. ред. проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 1227

¹⁴ Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах / ред. К.С. Горбачевич. М. : Изд-во Наука, 1965. Т. 17. С. 713

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. Т. 4. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986. С. 303

содержании, трактуемые, вслед за Л.А. Новиковым: «Содержательный аспект лексического значения предстает как известный образ мира, структурно-функциональный — как внутрисистемная характеристика значения» [9. С. 444]. В основе интерпретации лежат семы в составе семемы под влиянием контекста и внутренней формы слова, влияющие на процесс концептуализации и «модного» употребления: *Цифра без хайпа. Эксперты прогнозируют привыкание к информационным технологиям* (Коммерсант); *Журналистика «цифры»: переход к полилогу и «сетевому мышлению»; Наступает «Время цифры»*.

«Слоистый» концепт «вбирает» в свои понятия и ценности функционал семантики — первичные — вторичные функции (*знак — число — сложное число — количество — сумма — шифр*), общие компоненты — семы в составе семем (*знак — обозначение — число — сумма — количество*), ассоциативные связи (*цифра — число; число — цифра; знак — количество; количество — величина; знак — символ — след — предмет*).

Имплицитные смыслы, формирующиеся в семантической структуре слова *цифра*, возникают под влиянием «внутренней формы» сем в составе семемы, обнаруживающих их связанность: «*Внутренняя форма слова* есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета, и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные» [10. С. 47]. Считаем, что «разнородность» предметов для слова *цифра* носит символический характер, обеспечивая его **динамизм, актуализацию и коннотации**.

Символом разнородности оказывается сема *знак*, реализующая смыслы специфического многозначного слова «знак», в этимологии которого содержится отсылка к глаголу «знать» в значении «отличать, заметить»¹⁶ — то есть познавательному процессу, а в семантической структуре реализуется целый спектр семем, являющихся только символом предмета: *метка, изображение, примета, ярлык, след, сигнал, отличие, шифр, предвестие, отметина, признак, свидетельство*, то есть таким **семиотическим знаком, который не конкретизирует денотат, появляющийся только из контекстуального содержания предмета речи, дискурсивной области** и т.д. «Пустота» денотата (ср. с этимологией *цифры*), реализуемая семой *знак*, коррелирует с абстракцией семы *обозначение* и искусственной математической семиотикой *числа* («понятие, при помощи которого выражается количество и ведется счет, совокупность, состав предметов») с его способностью к шифрованию (ср. этимологию *цифры*) и дешифровке, становящихся символами смыслов

¹⁶ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина, 1994. С. 273

новых денотатов и целых предметных областей: *цифровая трансформация, цифровой университет, цифровая медицина, мысль в цифре, цифровое искусство, цифра брокер* и др.. «Пустота» знака, содержание которого формируется отношением к предмету, носит манипулятивный характер. Многозначность этого знака в словарях^{17, 18} отражает заместительную функцию семы «знак» в семантике *цифры*, которая оказалась «всепобеждающей» для семантической актуализации, концептуальной прагматизации и коммуникативной употребительности *цифра, цифровой*.

Семантика *цифры* отражает при этом эволюционные процессы в языке нации на конкретном этапе ее развития, опираясь на асимметричные отношения знака и значения С.О. Карцевского [11. С. 65, 90].

Сема «пустоты», с одной стороны, делает почти бесконечным разнообразие дискурсивных практик, в которых реализуется функционал *цифры*, с другой стороны, формирует **прагматический** потенциал лингвоспецифического слова-знака и развивает в его семантической структуре свойства элемента аксиологической шкалы: **хорошо — плохо; довольно хорошо — довольно плохо; очень хорошо — очень плохо** [12. Р. 70–77]. Оценочная шкала, несомненно, входит в прагматическую область, выстраивая ценностное отношение говорящего к предмету речи. Динамика оценки, коррелирующая с эмоциями — **радостно — печально, приятно — неприятно, удовлетворительно — неудовлетворительно** — организует устойчивые контексты **одобрения — неодобрения** в окружении лексем как знаков процессов цифровизации, виртуализации, внедрения искусственного интеллекта и др., то есть все процессы, в которых *цифра* участвует как «обозначение» *числа* (численных, цифровых трансформаций, транзакций и выражений) в жизни социума, отражаясь в его языковой картине мира и **преображая поведение «модного маркера» — от просто «знака (обозначения) числа» до модератора многих сфер человеческой жизни, трансформатора традиционных понятий и креатора новых процессов в развитии информационных технологий: урок цифры, цифровой ребенок, цифровое образование, цифровая антропология, цифровой университет, цифровые дети, цифровая молодежь; фильм в цифре, «цифра помогает людям с инвалидностью», цифровая безопасность; «Цифра» на службе в армии нового поколения, премия «Большая цифра», «Искусство в «цифре»: есть ли в современном мире место академическому рисунку?»; цифровой художник, цифровая мода** и др. Примеры демонстрируют очевидное «стирание границ» между гуманитарной, физической, биологической сферами, сферой культуры и искусства и другими. «Преобразованная» цифра и ее дериваты трансформируют не только процессы, но и сознание

¹⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1998. С. 876

¹⁸ Новейший толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М. : РИПОЛ классик. 2008. С. 1375

современника, отражаясь прежде всего в медиапространстве. Однако справедливости ради подчеркнем, что это явление свойственно и поэтической культуре: *А цифра — бессердечная метла, Недаром богадельня и больница Так любит слово, так боится, Так опасается числа* (Б. Слуцкий).

В культурном словаре современника многообразие контекстов, стоящих за употреблением **цифры**, конденсирует ее преобразенную семантику, обусловленную отношением оценивающего субъекта в **синтактике (синтагматике) знаков**. Предполагаем, что именно применение слова в контексте, частотность актуальных контекстов в синхронии приводит к концептуализации имени **цифра** через прагматику его интенционала, представленную отношением между знаками и человеком, взаимосвязанными с отношениями между знаками, то есть синтактикой, по Л. Витгенштейну: «То, что не может выражаться в знаке, выявляется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение» [13. С. 39].

Прежде чем приступить к анализу **цифры** и ее дериватов в контекстуальном окружении, прокомментируем специфику ономазиологии и наметим пути поиска деривационных характеристик как лингвоспецифических особенностей исследуемой лексемы.

Бедность ономазиологической картины **цифры** по данным словарей подтверждает наблюдения над денотативным «опустошением» этого слова и ряда **знаков**, формирующих его семантическую структуру в качестве семем. В словаре Александровой присутствует синонимический ряд **знака** с отсылкой к словам, репрезентирующим семемы в семантической структуре этого слова: *метка, признак, жест, сигнал, символ*. Словарь Н. Абрамова¹⁹ представляет отсылку слова **цифра** (с отсутствующим самостоятельным синонимическим рядом (рядами) и отсылкой «см.» к словам *знак, количество, число*, то есть словам-реализаторам семы в составе **цифры**). Однако в современном медиапространстве достаточно развита контекстуальная синонимия **цифры**: *показатель, параметр, число, цифровой аппарат* и контекстуальная антонимия: *буква, аналог, пленка*. Лексическая антонимия **цифры** в словарях не представлена, также не представлены в словарях лексические антонимы к формирующим значение цифры семемам *знак, число, сумма*, однако как контекстуальный антоним **цифры** фигурируют *слово, буква, аналог, пленка*: *Цифра наступает на слово, конечно, негласно, под прикрытием «удобства» и «разнообразия»* (Культура, № 9, 2020); *Аналого-цифровое и цифро-аналоговое преобразование* (Digital Music Academy). Например, контекстуальные знаки интерпретации положительной оценки содержатся в «сильной» прагмеме *удобство* с семемой, реализующей прямое значение «наличие

¹⁹ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1994. С. 484

условий легкого, приятного пользования»²⁰ и «средней» прагмеме *разнообразие* — «множество, обилие неисходного, не однообразного», то есть на втором шаге анализа — «однотипного, с отсутствующей новизной»²¹ реализуется прагматическое значение.

Фрагментами ономаσιологической картины являются относящиеся к *цифре* гиперонимы: *знак, количество, формат, фотоаппарат* и гипонимы: *ноль, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять*.

Семантика, синтактика, прагматика *цифры* в контекстуальном употреблении

Превращение *цифры* в «модный маркер» в языковой картине мира социума обусловлено экстралингвистическими факторами глобальной трансформации в развитии техники и технологий современной жизни, прежде всего приоритетных ИТ-технологий, терминологическое поле которых отличается устойчивостью применения слова *цифра* и изменчивостью его значения, разнообразием его дериватов, «удлинением» интенционала в зависимости от контекстуальной природы экстенционала, «включением» сложного в простое и «шифровкой» сложного в простом.

Таким образом, лингвоспецифичность семантики и употребления *цифры* базируется также на семиотической (взаимодействие семантики, синтактики и прагматики) особенности отношений между знаком и значением, детерминированной теорией Л.А. Новикова: «Языковая единица одновременно и устойчива, и подвижна. Асимметрия в синхронии снимается контекстом, „удлиняющим“ знак и делающим его значение определенным, соответствующим семиотическому правилу: *человек идет, поезд идет («едет»), теплоход идет («плывет») в Одессу, часы идут («работают»)»* [14. С. 30].

Присутствие *цифры* как самостоятельного слова и корневого элемента атрибута, предиката, объекта в многообразии сложных научных контекстов и экстраполяция этих контекстов на природу жизни человека отражает все вышеописанные признаки семасиологической, этимологической, ономаσιологической природы данной лексемы (см. семантику «пустоты», «знака», бедность парадигматики и др.). С помощью семантики *цифры* в прямом и переносном значении формируются значения в следующих словах и словосочетаниях с данным корнем: *Цифровизация* — внедрение *цифровых технологий, перевод или переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств (принтер, компьютер и т.д.) Цифровая дистрибуция* — распространение с помощью электронных книг, флешки и проч. *Цифровые технологии* — разнообразные инновационные средства,

²⁰ Новейший толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М. : РИПОЛ классик. 2008. С. 1375

²¹ Новейший толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М. : РИПОЛ классик. 2008. С. 702

основанные на использовании **цифровой** информации и обработке данных с помощью компьютерных и электронных устройств. Яркое отражение явления асимметрии языкового знака как символ его семиотической природы реализуется в расширении семантики деривата **цифровой** — это далеко не только «цифра в 1-ом значении — «знак, обозначающий число», «обозначенный в цифрах», «выраженный в цифрах», «цифровая запись», «цифровое выражение», как явствуют приведенные примеры.

Анализ большого числа контекстов и появление новых дериватов типа **оцифровка, цифровизация** — «выразить в виде комбинации цифр» от **цифровать, цифроваться** (страд.) — «обозначать цифрами»²² свидетельствует о реализации закона экономии языковых средств, побуждающего говорящих к сокращению терминологии информатики, одновременному «сжатию» и «расцвету» лексического состава семантического поля «**информационных технологий**». Первое происходит от интенции говорящего убрать один из ментальных элементов процесса («обозначать») и реализовать в одном слове **цифра** «длинную» мысль: *Инвестиции в цифру* («с.м. внедрение цифровых технологий») — не только для продаж; *Сигнал в «цифре»* («цифровой способ связи») отличается более высоким качеством изображения. *Воробьев: в 21 веке без «цифры»* («цифровой дистрибуции») жизнь невозможна ни взрослому, ни ребенку. *Орудие труда писателя* — слово, образ абсолютно нематериальные понятия. В то время как **цифра** — вещь максимально конкретная, обезличенная, бездушная даже можно сказать. Нет, российские литераторы видят и плюсы от цифровизации (Российский писатель).

Второе реализует интенцию социума, направленную на перегруппировку значимости базовых смыслов и приобретение ими оценочной окраски (коннотации — в семиотической терминологии Р. Барта) в новых реалиях, то есть развитие процесса концептуализации актуальной лексемы — «модно-го маркера» языковой картины мира.

Приступая к характеристике концептуальных параметров — образ и ценность — на основе семиотических областей — синтактики и прагматики, процитируем высказывание В.И. Шаховского о синергетике слова в семасиологической семиотике языка: «...обратимся к синергетике слова, в голограмме которого переструктурируются смысловые конституэнты, адаптируясь к социальным изменениям в обществе и конкретной коммуникативной ситуации, все время провоцирующим деривацию новых смыслов и новых семиотических знаков» [15. С. 6], точно квалифицирующее процессы трансформации слов в сознании и коммуникативной практике современного социума.

Анализ текстов в современном публичном пространстве демонстрирует новый облик **цифры** как семиотического знака, отражающего слово как **знак**

²² Толковый словарь русского языка / гл. ред. Проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 1228

реальной цифры и как знак виртуальной реальности. Совмещение в «означаемом» семиотических знаков разных «языков» — вербального (лингвистического), математического, информационно-технологического — развивает функциональность, основанную на архисеме «знак» (см. рассуждения на с. 8–9) в «означающем» — слове **цифра** и его дериватах, и демонстрирует роль слова в формировании концептосферы в конкретный период существования языка [15].

Многообразие синтаксического функционала лексемы порождает возможности развития его прагматического функционала, диктуемые контекстом:

Цифра — субъект: *Цифры врут; Цифра перешла в решительное наступление...; Цифра наступает на слово; Цифра против слова; До жителей каргалинского поселка не доходит «цифра»; Тогда цифра была свободна...; Цифра на службе в армии нового поколения; Наша «цифра» хорошо зарекомендовала себя в «зеленке»;*

Цифра — определяемое слово: *красивые цифры, большие цифры, убойные цифры, циничные цифры, уязвимая цифра;*

Цифра — предикат: *Возраст — лишь цифра в паспорте;*

Цифра — атрибут: *Человек цифры; Урок цифры; Цифра брокер; «День цифры» — всероссийский образовательный проект в сфере информационных технологий;*

Цифра — объект: *Издатель использует цифру как главный инструмент оценки реальности...; Слову следует...пойти в услужение к цифре; подчиняя слово цифре; ...смыслы, которые невозможно постичь цифрой; переход на «цифру»; Без цифры, без компьютера сложно представить нашу жизнь; Инвестиции в цифру;*

Цифра — обстоятельство: *Регионы стали активнее идти в «цифру».*

Лингвистические наблюдения демонстрируют преобладание употребления **цифры** в синтаксической позиции субъекта и объекта, усиление «предметной», денотативной составляющей имени, несмотря на обозначение им виртуального пространства. Слово приобретает функцию знака, ранее ему несвойственную, и, наоборот, утрачивает свои первичные содержательные свойства знака. Коннотативные (метафорические) свойства субъекта и объекта, совершающих или испытывающих разноплановые действия, в том числе «человеческие» (*врут, наступают, служат, инвестируют, постигают, рекомендуют, выступают* и др.), свидетельствуют о формировании его аксиологической природы, состоящей в интерпретации компонентов оценочной шкалы: *врут, наступают* («и это плохо»); *инвестируют, постигают, служат* («и это хорошо»). Позиция определяемого слова в окружении определяющих прилагательных с положительной (*красивая, большая*) и отрицательной (*убойная, циничная, уязвимая*) семантикой участвует в формировании переносного количественного значения («величина», «сумма») с их «слабыми»,

но, тем не менее, прагматическими характеристиками. Атрибутивная позиция **цифры** свидетельствует о некоторой глобализации сигнификативных представлений, заключенных в **цифре**: **цифра** — человек, урок, брокер, день — несет в себе высокий уровень обобщений технологического прогресса, включает принцип «информационный век» — век «**цифры**», «**цифровой мир**». За цифрой-атрибутом «скрываются» и способ связи, и устройство, и технологии, ср.: человек компьютерный, урок информационных технологий, брокер-дистрибьютер информации и т.д. Глобализация «внутреннего» семантического пространства **цифры** порождает глобализацию ее присутствия в концептосфере, постепенное превращение слова в «прецедентный феномен» [16. С. 170], основанный на признаках опознаваемости, культурной и эмоциональной значимости, воспроизводимости в множестве дискурсов [17. С. 20–21]: в экономике, образовании, медицине, информатике и др.

Семиотика и деривация

Лингвоспецифический характер слова — семиотического знака — порожден также регулятивной функцией языковой картины мира, изменяющей содержательный состав исследуемой единицы языка, особым образом трансформирующей его семантику, пространство которой расширяется за счет «соучастия» дериватов слова в языковой картине мира конкретного момента. Семантический анализ слова демонстрирует, что сигнификат **цифры** включает в себя смыслы **цифровой** («относящийся к цифре, цифрам», «обозначенный в цифрах», «выраженный цифрами»: «цифровое освещение» (термин В.И. Ленина)²³, **цифровать** («обозначать цифрами», «нумеровать»), **цифровка** — то же, что **цифрация** — «1. действие по знач. глаг. **цифровать**: **цифрация** страниц». «2. **Цифровое** обозначение чего-нибудь». **Процесс, признак, результат** «сливаются» на основе использования сем и семем одного знака — **цифры**. Корневой элемент и прецедентные смыслы определяют особенности деривационной парадигмы²⁴: использование одношаговых дериваторов, преобладание словообразовательной трансформации над модификацией (только уменьшительно-ласкательное **цифер-к-а**); продуктивность девербативов (**цифрование, цифровка, цифрация**); непродуктивность сложных слов (**колонцифра, алфавитно-цифровой** и др.); использование в способах словообразования производной основы прилагательного на **-ов** и глагола на **-ова**; суффиксального и префиксального способов (**за-цифровать**), Словообразовательный словарь А.Н. Тихонова²⁵ предлагает также лексемы

²³ Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах / Ред. К.С. Горбачевич. М. : Изд-во Наука, 1965. Т. 17. С. 713

²⁴ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1985. Т. 2. С. 108

²⁵ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1985. Т. 2. С. 108

цифирь (с пометой «устар.») и **цифирный**, употребление которых отличается эмоциональной образностью. Современные деривационные процессы реализуются в лексемах **цифрови-зация**, **о-цифров-к-а** и отличаются **словообразовательной семантикой** «всеобъемлющий», «всеохватный», демонстрирующей стремление слова к концептуализации.

Прагматика **цифры** и концепт

Трансформация семантики и коммуникативная актуализация слова-знака **цифра** определяет необходимость исследования контекстов в прагматической зоне — отношении между знаками и его пользователями.

Изменение прагматического содержания слова, описанное выше, как и примеры распространения его на все сферы жизни современного российского социума, реализует ингерентную и адгерентную аксиологическую семантику, мотивированную спецификой денотата и процессом концептуализации, поддержанным приобретенными в ходе актуализации прецедентными свойствами. Первая несет в себе смысл «вечные ценности» и интерпретирует слово—концепт, отражающее экстралингвистическую реальность, в координатах оценочных знаков **хорошо — нормально — плохо** и их градуальности — **довольно хорошо — довольно плохо; очень хорошо — очень плохо**. Умственный акт оценки сочетает в себе субъективное отношение говорящего и объективное мнение социума, которые «вершат суд» над изменяющимся в акте ингерентной коннотации содержанием актуального слова. Наблюдаемые нами контексты употребления **цифры** и **цифровой** демонстрируют когнитивно-эмоциональную амбивалентность оценочных коннотаций в процессе актуализации новых значений традиционных классических лексем. Вторая — адгерентная оценочная коннотация выражает личностную, социальную, национальную, то есть социокультурную оценку.

Публицистическое пространство речи на всех информационных каналах демонстрирует, с одной стороны, положительное значение **цифры**, несущее смыслы — развитие цивилизации, инновации и изменение мира к лучшему: «Без **цифры**, без компьютера сложно представить нашу жизнь. Хоть я и ретроград, будущее за этим» (утилитарная оценка); «**Цифра** рубль сбережет» (Москва вечерняя, 24.04, № 47) (утилитарная оценка). **Цифровой** рубль способствует безопасности расчетов и расширению применения **цифровых** технологий; **Цифра** нового поколения: Онежский судостроительно-судоремонтный завод станет в каком-то смысле инновацией. Мы уже по-своему транслируем свое **цифровое** восприятие... На его месте планируется создать первую в России **цифровую** верфь, чей рабочий цикл будет оцифрован, начиная с проектирования судов и заканчивая их сходом со стапеля; **Цифра** сегодня, завтра и на века способна скрупулезно вписаться в запрограммированную масштабную реальность **цифровизации** и более сосредоточенно выстраивать цепочку онлайн-взаимодействия по виртуальным запросам (Б. Есенькин).

Приближенное к терминологическому значение слова **цифра** и его дериватов в приведенных контекстах выражает рассудочную, интеллектуально-логическую оценку: рациональное начало лежит в основе оценочного суждения; когнитивный характер прагматического контекста реализует «всеобщность» знаний о мире, его ценностной полярности: **новый / старый, добро/зло, разум / безумие** и другие концепты, оказавшиеся в непосредственной «близости» к **цифре**. Национальное осмысление социо-культурного явления, реализующего технологические процессы, отражает разное восприятие субъектов речи: *инновации, прогресс, безопасность, новизна, развитие*, то есть одновременно содержит адгерентную (историко-культурную и личностную оценочные коннотации) как компоненты прагматического наполнения исследуемой единицы и ее производных. Попадая в фокус повышенного социального внимания, лингвоспецифическое слово **цифра** с помощью ментальных единиц отражает **преобразование** всех сфер российской действительности — экономики, производства, технологии общения и хранения информации, перехода в виртуальную реальность, освоенных сознанием коммуникантов со знаком «плюс».

Достаточно большое количество контекстов (особенно в текстах газет и журналов гуманитарной направленности) реализуют отношение неприятия социумом **цифры**, его нетолерантное отношение, реализующее негативную прагматику, актуализирующее отрицательные оценочные коннотации ингерентного и адгерентного плана: *Цифровой ребенок. Все его знания — на внешнем носителе.... Отсутствие необходимости изучать свойства реальных предметов и явлений, потребление уже переработанной (оформленной, «упакованной») информации нарушают ориентацию в пространстве и времени. способность к продуктивному анализу и сравнению, тормозят развитие навыков выделять главное и второстепенное, устанавливать причинно-следственные связи и обосновывать выводы. Страдают образное и вербально-логическое мышление, что не только выражается в неграмотной устной и письменной речи, но и в полном смысле слова лишает произвольности поведения. Виртуальная среда и виртуальное взаимодействие формируют не личность с широкими и глубокими взглядами на смысл жизни, а субъекта навязываемой активности, ибо смыслообразование и целеполагание подменяются чужими оценками текущих событий* (Лит. газ., 10–16 ноября 2021). Образность контекста демонстрирует негативное влияние виртуального (этимологически «пустого»), трансформированного контента на личность, оперируя оппозицией ценностей в прагматической зоне: **осмысленное/бессмысленное; свое/чужое, образное/безобразное, активное/пассивное, сознательное/бессознательное, внешнее/внутреннее**. Отрицательные оценочные коннотации **цифровой** в сочетании с *ребенок* очевидны из контекста, репрезентированы концептуально значимой лексикой, формирующей отрицательный каркас сознания социума в неокрепшем возрасте и связанную с этим опасность.

Специфика деривационной парадигмы **цифры** состоит в активности ее словообразовательной трансформации, расширяющей контексты употребления производных слов в рамках значения производящего слова. Семантическое пространство, формируемое лексемой **цифра** и ее производными, скреплено семиотической характеристикой **знака: цифра** — «численный знак»²⁶, **цифровой** — «обозначенный в цифрах», то есть «обозначенный в численных знаках», цифровать — «обозначать в цифрах, то есть численных знаках». Два активных члена парадигмы — **цифра и цифровой** — берут на себя **функции ментального репрезентанта информационных технологий** как отрасли науки, обозначая один из самых актуальных для российского этноса фрагментов картины мира, национально-культурная специфика которого реализуется языковыми личностями с помощью ассоциативно-вербальной сети лингвоспецифических знаков с базовой семантикой «**цифра**». В этом фрагменте языковой картины мира максимально расширяется семантическое пространство имен **цифра и цифровой**, а также **цифровизация**. Их денотативно-сигнификативная природа реализует не только разнообразные синтаксические функции, но и развивает способности к синтагматике, реализующиеся в необычных окружениях, сочетаемости лексически «несочетаемого», в существовании в разных семантических и семиотических пространствах — **в мыслительной деятельности: мысли в цифре, цифровые решения, цифровая прокачка: умный (цифровой) город, цифровые компетенции, цифровые вычисления, цифровая трансформация; в профессиональной деятельности: на стыке спорта и цифры; цифровая экономика, цифровая мода, цифровая культура, цифровое искусство; лица в профессии: цифровой атташе, цифровой художник, цифровой двойник, цифровой помощник, цифровой ассистент; артефакта: цифровой архив, цифровой рубль, цифровая валюта, цифровой полис, цифровой формуляр, цифровые новости, цифровые площадки, цифровая фотография, цифровой циферблат, цифровой завод.**

Цифра и цифровой выражают «преображенное» содержание мира информационных технологий и его семиотических знаков и смыслов (технологии, способы, устройства передачи информации с помощью цифры), то есть «вбирают» в себя семиотические знаки разных естественных и искусственных языков, «этически и социально закрепленных в семиотических системах» [18. С. 84].

Классификация новых смыслов лексем **цифры** и **цифрового** относится к перспективным задачам исследования в процессе описания их концептуализации. Но уже на данном этапе можно пронаблюдать их проникновение во все сферы жизни человека. В культурном пространстве современника

²⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. : Русский язык, 1990. С. 687

«преображенные» в мире актуальной коммуникации **цифра** и **цифровой** способны становиться как **символом добра, так и символом зла, как пользой, так и угрозой человеку и человечеству**:

цифровая гигиена (неол.); *Свод правил о наилучших способах сохранения информационной безопасности **цифрового** устройства и содержащихся в нем данных; (неол. разг.) совокупность влияющих на информационную безопасность действий, совершаемых определенным человеком*²⁷;

цифра без хайпа: эксперты прогнозируют привыкание к информационным технологиям;

цифра в «песочнице» — эксперимент, позволяющий создавать так называемые **«цифровые песочницы»** для апробации и разработки технологий, которые пока существуют вне правового поля;

цифровой концлагерь (неол., полит. жарг.) — Государственная система контроля над обществом, осуществляемая с помощью технологий **цифровой слежки**²⁸;

цифровой аватар: В Москве будет нейрокладбище: виртуальные копии усопших будут общаться прижизненным голосом и проживать на экране (психолог: **цифровой** аватар погибшего может помешать его близким пережить горе).

Сочетаясь, ингерентная и адгерентная коннотации (концепты «чистоты», «безопасности», «одобрения» / «опасности», «горя» в уже приведенных контекстах) создают «многоцветье» смыслов «преображенных» слов-знаков как в контекстах с нейтральным значением сигнификата (1), так и с отрицательной (2) и положительной (3) прагматикой.

(1) **цифровая среда, цифровые решения, цифровой сервис, цифровой Госплан; цифровое ГТО**;

(2) Медведев пообещал не строить **«цифровой колхоз»** в России (РБК); **«Цифровую фотографию можно фальсифицировать цифровыми способами»** (ДЗЕН)

(3) **Цифровая безопасность**: как защитить данные в интернете (Известия, 18.11.22), **Цифровая экосистема**: как бизнес использует новые технологии (Коммерсант, 06.07.22); **Цифровая грамотность населения**: как ее повысить (РИА Новости, 28.04.22); **Цифровая медицина**: как технологии помогают врачам (РБК, 27.08.22).

Лингвоспецифичность **цифры** и ее дериватов определяет стилистические особенности употребления — оценочные коннотации создают достаточно широкое метафорическое пространство: прямое значение: **Операторы мобильной связи обеспокоены: заканчиваются комбинации цифр номеров**

²⁷ Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 220

²⁸ Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 220

(Экономист): «обозначение числа» — ‘сокращается, переносное’ — «*цифровые процессы, способы, технологии*» — ‘расширяется’. Стилистика *цифры* распространяется и на пространство языкового креатива. Перспективным является наблюдение за экспрессивно-игровыми дериватами с операциональным словообразовательным средством — кавычки отличают производное новообразование от производящей базы, например, сокращенное именование ИКТ (информационно-коммуникационных технологий): *В рамках перехода на «цифру» россияне бесплатно получают набор из 20 телеканалов (Лента.ру); Работодателям «цифра» упрощает работу по предоставлению в фонд данных (РГ) Инвестиции в «цифру»; коннотации иронического употребления: «Цифровое» счастье — тебе с самим собой легче, чем с другими; Журналистика «цифры»: переход к «сетевому» «цифровому» мышлению: «Клипное мышление», благодаря новым «цифровым» медиа, для журналистов и потребителей контента в основном перестроилось в мышление «сетевое», «цифровое»* (Конференция «Журналистика-2019» БГУ).

Слово *цифра* отражает и активный процесс визуализации коммуникации, особенно в рекламе и на телевидении. Примеры недавнего времени демонстрируют появление графодеривата слова, репрезентированного латинской графикой в сочетании со шрифтовым выделением: **ЦИФРА** Брокер (реклама-вывеска на большом здании в г. Москва, ул. Дорогомиловская).

Таким образом, в языке средств массовой информации *цифра* и ее дериваты прежде всего постепенно «осваивают» концептуальное пространство, под которым понимаем, вслед за Ю.Е. Прохоровым, «...совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе **семиотических сфер**, именованных в наборе **семантических сфер** и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве» [18. С. 84].

Заключение

Исследование показало, что с помощью *цифры* во всей ее многозначности, стремящейся к омонимии, происходит удовлетворение коммуникативных и когнитивных потребностей социума в условиях номинативного дефицита. Динамика новых смыслов в приоритетном и бурно развивающемся пространстве информационно-коммуникационных технологий, широко распространяясь на все сферы жизни социума — бытовую, общественную, техническую, гуманитарную, эмоционально-психологическую, — «накрывается» расширяющимся функционалом *цифры* как ключевого слова-концепта в семиосфере культуры конкретного периода развития нации.

Лингвоспецифичность исследуемого имени на всех уровнях языка, коммуникативная востребованность, синтагматическая «всеохватность»,

стремление к прецедентности (*Цифра рубль бережет*), феноменальная динамичность, приобретенные оценочные коннотации позволяют говорить о концептуализации цифры и ее дериватов в лингвистическом сознании современника.

Библиографический список

1. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 296–299. EDN: VRNNWD
2. Вежбецкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М. : Языки славянской культуры, 2001.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Главная редакция восточной литературы, 1985.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступит. статья Г.К. Косикова. М., 1989.
5. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры, 1999.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. EDN: RTDQLX
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
9. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения / Отв. ред. В.В. Иванов. М. : Изд-во РУДН, 2001.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М. : Государственное учебно-методическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. Т. III.
11. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
12. Morris C.D.W. Varieties of human value. Chicago, London, 1956.
13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. / пер. с нем. Д. Лахути. Общ. ред. и предисл. В.Р. Асмус. М. : Изд-во иностр. лит., 1958.
14. Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Russian Journal of Linguistics. 2003. № 5. С. 21–36. EDN: RVHLM1
15. Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 5–11. EDN: UGSHNB
16. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
17. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв.ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.
18. Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Отв.ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 74–94.

References

1. Leontyev, A.A. (2016). Language consciousness and the image of the world. *Issues of psycholinguistics*, 27, 296–299. EDN: VRNNWD (In Russ.).
2. Vežběcka, A. (2001). *Understanding of cultures through keywords*, A.D. Shmelev (Transl., Ed.). Moscow : Languages of Slavic culture. (In Russ.).
3. Levi-Strauss, K. (1985). *Structural anthropology*. Moscow : Main edition of the Eastern literature. (In Russ.).

4. Bart, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics*, G.K. Kosikov (Ed.). Moscow. (In Russ.).
5. Bart, R. (2003). *Fashion system. Articles on semiotics of culture*, S.N. Zenkin (Transl., Ed.). Moscow : Publishing house by Sabashavniv. (In Russ.).
6. Lotman, Yu.M. (1999). *Inside the thinking worlds: Man — Text — Semisphere —History*. Moscow : Languages of Russian culture. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow : HLI publ. (In Russ.).
8. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constanta. Dictionary of Russian culture*. Moscow. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Vol I. Problems of language significance*, V.V. Ivanov (Ed.). Moscow : RUDN publ. (In Russ.).
10. Potebnya, A.A. (1958). *From the notes on Russian grammar*. Moscow : State educational and methodical publishing house of the Ministry of Education of the RF. (In Russ.).
11. Kartsevsky, S.O. (1965). About asymmetric dualism of linguistic sign. In: *Zvegintsev, V.A. History of linguistics of the XIX—XX centuries in the writings and extractions*. Part 2. Moscow. (In Russ.).
12. Morris, C.D.W. (1956). *Varieties of human value*. Chicago, London.
13. Wittgenstein, L. (1958). *Logical-philosophical treatise*, D. Lahouti (Transl.), V.R. Asmus (Ed.). Moscow : Izdatel'stvo inostrannoi literatury. (In Russ.).
14. Novikov, L.A. (2003). Semiotics as a science of symbolic systems and general linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 5, 21–36. EDN: RVHLM1. (In Russ.).
15. Shahovosky, V.I. (2015). Synergy of a Word in Semasiological Semiotics of the Language. *World of the Russian word*, 2, 5–11. EDN: UGSHHB (In Russ.).
16. Krashykh, V.V. (2003). “Own” among “Strangers”: myth or reality? Moscow. (In Russ.).
17. Telia, V.N. (2005). On the phenomenon of reproductibility of language expressions. In: *Language, consciousness, communication*. Moscow : MAX Press. (In Russ.).
18. Prokhorov, Yu.E. (2005). To Problem “Concept” and “Conceptual Sphere”. In: *Language, consciousness, communication*. Moscow : MAX Press. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор-проректор по учебной работе, Институт современного искусства (121309, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а); сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; e-mail: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-код: 4862-5769, AuthorID: 946099.

Information about the author:

Tatiana V. Markelova, Dr.Sc. (Philology), Professor, the First Vice-Rector — the Vice-Rector responsible for the educational process, Institute of Modern Arts (27a, Novozavodskaya str., Moscow, Russian Federation, 121309); Research interests: axiological linguistics, pragmacommunication, syntactic semantics, linguocultural studies; e-mail: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-code: 4862-5769, AuthorID: 946099.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099

EDN: EWMRBQ

УДК 811.111'373:1

Научная статья / Research article

Репрезентация властных отношений в английском языке: когнитивный подход

Л.А. Фурс , И.В. Коломлина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская
Федерация

 liudmila.furs@gmail.com

Аннотация. Репрезентация властных отношений, исследование которых с позиций когнитивного подхода позволило раскрыть специфику этого комплексного явления за счет установления его концептуальной основы, определения концептуальных областей, в которых реализуются властные отношения, и описания способов их репрезентации является объектом анализа. На основе концептуально-дефиниционного анализа одноименных лексем английского языка определены такие характеристики концепта POWER, как «контроль», «сила», «влияние». В результате когнитивного моделирования представлена иерархическая структура фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, в которой обязательными компонентами являются «субъект», «акт властных отношений», «объект» и «способ», а факультативными компонентами выступают «источник власти», «инструмент» и «цель». Разработана также модель властных отношений в соотношении со способами их реализации в английском языке. Определено, что властные отношения реализуются в концептуальных областях ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Представленная модель отражает вариативность способов реализации властных отношений в разных концептуальных областях и демонстрирует специфику их репрезентации в преломлении к характеру отношений между субъектом и объектом властных отношений. Осмысление властных отношений базируется на двух типах категоризации — первичной, когда активизируется механизм профилирования, и вторичной (оценочной) на основе действия механизмов концептуальной метонимии, метафоры и метафтонимии. Это положение свидетельствует также о том, что в процессах репрезентации властных отношений задействованы два типа знания — декларативное и процедурное, что характерно для явлений комплексного характера. Перспективой исследования является возможность использования разработанной методики в анализе других комплексных явлений.

Ключевые слова: концептуально-дефиниционный анализ, когнитивное моделирование, фрейм, концептуальная область, категоризация, когнитивный механизм

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Фурс Л.А., Коломлина И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Фурс Л.А., Коломлина И.В. Репрезентация властных отношений в английском языке: когнитивный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1087–1099. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099>

Representation of Power Relations in English: a Cognitive Approach

Liudmila A. Furs , **Irina V. Kolomlina**

Derzhavin Tambov State University, *Tambov, Russian Federation*

 liudmila.furs@gmail.com

Abstract. The representation of power relations in English from the perspective of a cognitive approach made it possible to reveal the specifics of this complex phenomenon by establishing its conceptual basis, defining the conceptual areas in which power relations are realized, and describing the methods of their representation. Based on the conceptual and definitional analysis of lexemes of the same name, such characteristics of the POWER concept as “control”, “strength”, “influence” were determined. As a result of cognitive modeling, a hierarchical structure of the POWER RELATIONS frame is presented, in which the obligatory components are “subject”, “act of power relations”, “object” and “method”, and the optional components are “source of power”, “tool” and “goal”. A model of power relations has also been developed in relation to the ways of their implementation in English. It has been determined that power relations are implemented in the conceptual areas of STATE, CORPORATE RELATIONS and INTERPERSONAL RELATIONS. The presented model reflects the variability of ways of implementing power relations in different conceptual areas and demonstrates the specificity of their representation in relation to the nature of the relationship between the subject and the object of power relations. Understanding of power relations is based on two types of categorization — primary, when the profiling mechanism is activated, and secondary (evaluative), based on the mechanisms of conceptual metonymy, metaphor and metaphonymy. This aspect also indicates that in the processes of representing power relations, two types of knowledge are involved — declarative and procedural, which is typical for phenomena of a complex nature. The prospect of the study is the possibility of using the developed methodology in the analysis of other complex phenomena.

Keywords: conceptual and definitional analysis, cognitive modeling, frame, conceptual domain, categorization, cognitive mechanism

Authors’ contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Furs, L.A. & Kolomlina, I.V (2024). Representation of Power Relations in English: a Cognitive Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1087–1099. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099>

Введение

На современном этапе развития когнитивного подхода к изучению языковых явлений наметилась тенденция к исследованию различных аспектов социальной когниции. Это обусловлено комплексным характером природы социальных явлений, который может быть разъяснен за счет описания их когнитивной основы. К таким явлениям относится и область властных отношений.

Сущность властных отношений рассматривалась М. Фуко в рамках права и институционального подчинения, в основе которых выделяется понятие «власть» как некая сила социального характера. При этом подчеркивается, что «власть» — это стратегия коммуникации субъектов и объектов властных отношений, которые четко не закреплены и могут меняться в зависимости от ситуации, т.е. она межсубъектна и отражает отношения в конкретный момент времени. Агентами, осуществляющими дисциплинарный контроль, выступают не только полицейские, администрация, государство, но и родители, учителя, старшие братья и сестры [1].

Образное определение властных отношений характерно для А.И. Стронина, утверждавшего, что такие отношения можно представить в виде пирамиды, в основании которой выделяются статический образ общества и динамический аспект, в соответствии с которыми индивидуум может одновременно входить в состав нескольких общественных союзов — концентрических кругов (семья, общество, государство), становясь субъектом или объектом властных отношений внутри них [2]. Существенным является и замечание Ж.Ф. Лиотар и Ж. Деррида о том, что власть существует лишь в форме коллективного взаимодействия в пределах коллектива, в форме коммуникации [3; 4]. Данные положения свидетельствуют о том, что любой акт коммуникации может интерпретироваться в соответствии с латентными или явными проявлениями власти. Не только коммуникация репрезентирует властные отношения, но и сама власть задает вектор развития межсубъектной коммуникации, определяя ее стратегии и цели.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является изучение когнитивной основы процессов репрезентации властных отношений в английском языке, что предполагает решение ряда исследовательских задач: 1) выявление концептуальной основы властных отношений; 2) определение концептуальных областей,

в которых активизируются властные отношения; 3) установление способов репрезентации властных отношений. Такой ракурс исследования позволит описать взаимодействие когнитивных и языковых структур в процессах передачи знания о властных отношениях в английском языке, показать специфику активизации этих отношений в разных концептуальных областях и определить разнообразные способы реализации властных отношений.

В качестве основных методов исследования определены концептуально-дефиниционный анализ и когнитивное моделирование. На основе концептуально-дефиниционного анализа определяются характеристики концепта POWER и устанавливаются концептуальные области, в которых реализуются властные отношения. В результате когнитивного моделирования раскрываются компоненты типичной ситуации властных отношений в виде фрейма. К тому же с опорой на этот метод будет представлена модель властных отношений в соотнесении со способами их реализации в английском языке.

Особенности репрезентации властных отношений

Феномен властных отношений изучался в русле лингвокультурологии [5–7] и в разных типах дискурса [8–10]. Однако описание когнитивной основы этого комплексного явления не рассматривалось. Заявленный в данном исследовании подход предполагает определение особенностей процессуальной деятельности сознания человека по обработке знания о властных отношениях с целью установления как общих, так и дифференциальных характеристик в преломлении к разным концептуальным областям. Важным при этом является разграничение декларативного знания (знания «что») и процедурного знания (знания «как»), представленного в виде когнитивных механизмов и процедур [11. С. 76–77]. В этой связи в качестве декларативного знания выступают характеристики концепта POWER, а процедурное знание представлено когнитивными механизмами и стратегиями, направленными на обработку информации о властных отношениях. С этим положением согласуется и концепция Дж. Лакоффа о разграничении динамических и статических явлений в процессах категоризации действительности, согласно которой выделяются такие модели процедурного знания, как пропозициональные, схематические, метафорические и метонимические модели [12. С. 31–32]. Что касается роли когнитивных механизмов, отмечается, что они являются инструментами интерпретативного процесса оперирования знаниями [13. С. 29]. Когнитивные механизмы понимаются как способы мыслительной обработки информации, пополнения, модификации структур знания, которые используются субъектом с целью формирования и организации концептуального содержания и передачи конкретных смыслов [14. С. 7].

Значимым в аспекте решения поставленных задач данного исследования является механизм профилирования. Согласно Р. Лэнекеру профилирование — это процесс высвечивания конкретного участка в пределах

определенной когнитивной области, при этом фокусируемый элемент выступает как «профиль» на фоне всей структуры, именуемой «базой» [15]. Другими значимыми когнитивными механизмами в процессах обработки информации об окружающем мире выступают механизмы концептуальной метафоры и концептуальной метонимии, а также механизм концептуальной метафтонимии, опирающийся на взаимодействие метафорического и метонимического переносов (термин был введен Л. Гуссенсом [16]). Учет данных механизмов позволяет определить специфику процессов формирования знания о властных отношениях.

В результате концептуально-дефиниционного анализа лексем *power*, *to power*, *powerful* установлены концептуальные характеристики концепта POWER, выступающие в качестве концептуальной основы фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. К ним относятся такие характеристики, как «контроль», «влияние», «сила». В качестве объективных оснований властных отношений установлены следующие аспекты: законодательная база (legal right), военная сила (military strength), финансовые ресурсы (wealth), социальная значимость (importance, authority)¹. Данные показатели дают основание заключить, что властные отношения спроецированы на концептуальные области ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и могут быть смоделированы в виде фрейма, обязательными компонентами которого являются «субъект», «акт властных отношений», «объект», «способ», а к факультативным компонентам относятся «источник власти», «инструмент» и «цель». Характерно, что структура фрейма является сложной и многогранной. Именно сложность и многогранность фрейма позволяет отразить комплексную природу властных отношений. К тому же фреймовая модель властных отношений идеально отражает ранжирование базовых и факультативных компонентов в ее составе [13. С. 190].

Рассмотрим особенности репрезентации властных отношений в преломлении к выделенным концептуальным областям.

Реализация властных отношений в концептуальной области ГОСУДАРСТВО

Now, when we get on the ground, we're still under the *command and control* of the governor and the adjutant general, the top military officer of the Illinois National Guard, but we're generally placed under a civilian authority at the emergency (здесь и далее²);

Therefore, Bland concluded that Parliament technically had no *jurisdiction* over the American colonies;

The attendees, who included John Adams and George Washington, set about forming a plan of *governance* for the new nation.

¹ Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 11.03.2024).

² Vocabulary Online. Режим доступа: <https://www.vocabulary.com>. (дата обращения: 11.03.2024).

Указанные примеры демонстрируют профилирование концептуальной характеристики «контроль». В качестве способа властных отношений выступает доминирование субъекта, наделенного полномочиями для осуществления контроля, что представлено лексемами *command of the governor*, *jurisdiction*, *governance*. Источником этих полномочий является законодательная база, регулирующая государственные отношения. Это осмысливается на основе ситуативного контекста, в котором представлены номинации государственных структурных подразделений и должностей.

Аналогичным является и следующий пример:

*In almost all instances, the state government enjoyed **legal dominion** over city government, and could override any local law or action taken.*

Особенность этого примера заключается в том, что вместе со способом осуществления контроля — доминированием, профилируется и цель (*override any local law or action taken*).

*The president recently visited Wisconsin to highlight his support for law enforcement and to reinforce his message that he is best suited to tamp down violence — with **force**, if necessary.*

В этом случае профилируется концептуальная характеристика «сила», а способом осуществления властных отношений также является доминирование субъекта в силу его президентских полномочий. Источник власти заключается в законодательной базе государства, обеспечивающей полномочия по подавлению насилия.

*He could **order** the Justice Department to begin the necessary regulatory work.*

Данный пример демонстрирует наряду с доминированием как способом властных отношений также и инструмент, посредством которого осуществляется доминирование — приказ для подчиненного подразделения, Министерства юстиции. Источник власти не представлен эксплицитно, но за счет указания на структурное подразделение имплицитно.

*He was able **to make peace** with the Chinese emperor, and under his rule the Koreans enjoyed freedom from war and oppression.*

В области межгосударственных отношений власть осмысливается как возможность влиять на внешнеполитическую деятельность друг друга. В случае военных действий значимость имеет заключение мира как возможность найти компромисс друг с другом, что рассматривается как еще один способ реализации властных отношений. Источник власти в этом контексте не представлен, что подтверждает статус этого фреймового компонента как факультативного.

*Archival India has money to throw around, and Iran and Russia are also exerting **influence** in the region.*

В этом случае также активизируется область межгосударственных отношений. Значимой является концептуальная характеристика «влияние». Ситуативный контекст за счет указания на третью страну влияния в регионе дает основание определить конкуренцию как способ властных отношений.

*But demonstrators, determined to keep up **the pressure on Nixon**, held a second Moratorium march on November 15.*³

Значимым способом влияния в области государственных отношений выступает и противодействие. Демонстранты, не согласные с политикой президента, организуют акции противодействия его указам. При этом инструментом выступает марш протеста.

Реализация властных отношений в концептуальной области КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*“Dr. Throckmorton is the headmaster. That means he is the head. There is no higher **authority**. His word is law”* (здесь и далее ⁴);

*Along with promises made by the agents of the northern factory owners, thousands of African Americans were **influenced** in their decision to migrate by the black press;*

*“I’ll be **pressuring** them to have some kind of schoolwide discussion on diversity and the dangers of hate speech like this”.*

В этих примерах репрезентируется концептуальная характеристика «влияние», а способ ее реализации различный. Если в первом случае представлено доминирование позиции директора школы, когда его слово является истиной в последней инстанции (*His word is law*), то во втором примере этой группы влияние на мнение других оказывается посредством убеждения. Субъектом властных отношений являются собственники предприятия и средства массовой информации. В последнем случае влияние реализуется за счет давления (*I’ll be pressuring them*), при этом в ситуативном контексте указывается и на цель этого давления.

*The police cannot ultimately **control** public opinion unilaterally.*⁵

Профилируемой концептуальной характеристикой выступает «контроль». Способом реализации контроля является диктат, что подчеркивается наречием *unilaterally*. Показательно, что такой способ реализации властных отношений признается невозможным.

*It remains the law in Alabama, where judges almost exclusively use **this power** to turn life sentences into death sentences, although they’re also authorized to reduce death verdicts to life if they so choose* (здесь и далее ⁶);

³ Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁵ Vocabulary Online. Режим доступа: <https://www.vocabulary.com>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

The threat of losing his job was certainly real.

Представленные в этих примерах ситуации властных отношений базируются на объективации концептуальной характеристики «сила». В примере 1 судья в американском штате Алабама как лицо, наделенное судебной властью, может варьировать приговор в пользу подсудимого или, напротив, выбирать более жесткое решение. В примере 2 руководитель предприятия представлен метонимически на основе отношений «человек — речевое действие». В обоих случаях указывается на принятие единоличного решения, которое может угрожать объекту властных отношений. Таким образом, способом актуализации властных отношений является угроза.

*It is **the unseen hand** which seems to direct these negotiations* (здесь и далее⁷).

В репрезентации концептуальной характеристики «контроль» задействован механизм метафтонимии. Метонимический перенос представлен отношениями по смежности «человек — часть тела». Контроль осмысляется на основе структурной метафоры «невидимая рука». В результате создается ассоциация «как рука управляет действиями человека, так и течение переговоров контролируется». В качестве способа реализации этого акта властных отношений выступает давление (*to direct — to control or be in charge of an activity, organization*).

Реализация властных отношений в концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*“Light some candles,” he **commanded** her as he turned a page* (здесь и далее⁸);
*I have paid, and now am in your **power**.*

Значимой концептуальной характеристикой, раскрывающей властные отношения, является «контроль». Средствами репрезентации этой характеристики выступают глагол *to command*, подчеркивающий контроль за действиями объекта, и фразеологическая единица *to be in someone’s power* (under the control or sway of someone⁹), на основе которой активизируется механизм концептуальной метафоры. В соответствии с этим механизмом знание о нахождении в границах контейнера проецируется на возможность контролировать действия человека. В результате создается ассоциация: «находиться под полным контролем». В первом примере используется императивная конструкция, которая осмысляется как требование, продиктованное одной, сильной стороной, и навязанное для безусловного выполнения другой, слабой

⁷ Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁹ Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 11.03.2024).

стороне. Это позволяет сделать вывод о таком способе реализации властных отношений, как диктат. В последнем примере говорящий добровольно соглашается быть в полной власти другого.

*I was not going to remove my hijab — it was a violation of my religious rights to be **forced** to do so (здесь и далее¹⁰);*

*Eventually, when she got better, maybe some days I would let her slide and not **force** her to take her medicine;*

*He yelled and shook his fists and with his very **threats** forced her across the cluttered room until she collided with one of the steel bed frames and fell back onto a mattress.*

Интерпретация властных отношений в этих примерах осуществляется за счет активизации характеристики «сила». Примечательно, что в первом случае ситуация представлена с позиции объекта властных отношений, когда объект выступает против реализации силы в отношении нарушения религиозных принципов. Вместе с указанием на противодействие силе объективируется и цель воздействия (*to remove my hijab*). Во втором примере сила реализуется на основе убеждения, когда важно разъяснить эффективность принятия медикаментов для полного выздоровления. В последнем примере ситуативный контекст подчеркивает физическую силу субъекта, который угрожает более слабой стороне расправой.

*With him one is at high **pressure** all the time, and I have gained a good many more ideas from him than I can work up in a hurry.¹¹*

*From the moment in which she entered the room Úrsula felt inhibited by the maturity of her son, by his aura of command, by the glow of **authority** that radiated from his skin (здесь и далее¹²);*

*“You persist, then, in supposing his sisters **influence** him?”.*

Профилирование концептуальной характеристики «влияние» в области межличностных отношений, как правило, соотносится с более высоким социальным статусом, возрастом или же личными качествами, которые позволяют субъекту доминировать, что отражено в данных примерах. В отличие от первых двух примеров, в последнем не уточняются личные качества, позволяющие субъекту доминировать над другими.

*Kindness is **the golden key** that unlocks the hearts of others.*

Такое качество личности, как доброта, обладает волшебной силой и дает возможность его обладателю доминировать над другими. За счет механизма метафтонимии взаимодействуют метонимический перенос на основе отношений «человек — качество» и метафорический перенос, в котором знание о том, чем открывается дверь, переносится на область личных качеств

¹⁰ Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

¹¹ Vocabulary Online. Режим доступа: <https://www.vocabulary.com>. (дата обращения: 11.03.2024).

¹² Ludwig Guru. Режим доступа: <https://ludwig.guru>. (дата обращения: 11.03.2024).

человека. Значимость такого качества, как доброта, подчеркивается и ассоциацией с драгоценным металлом (*golden*).

Проведенный фактологический анализ позволяет представить модель властных отношений в соотнесении со способами их реализации в английском языке в следующем виде (рис. 1):

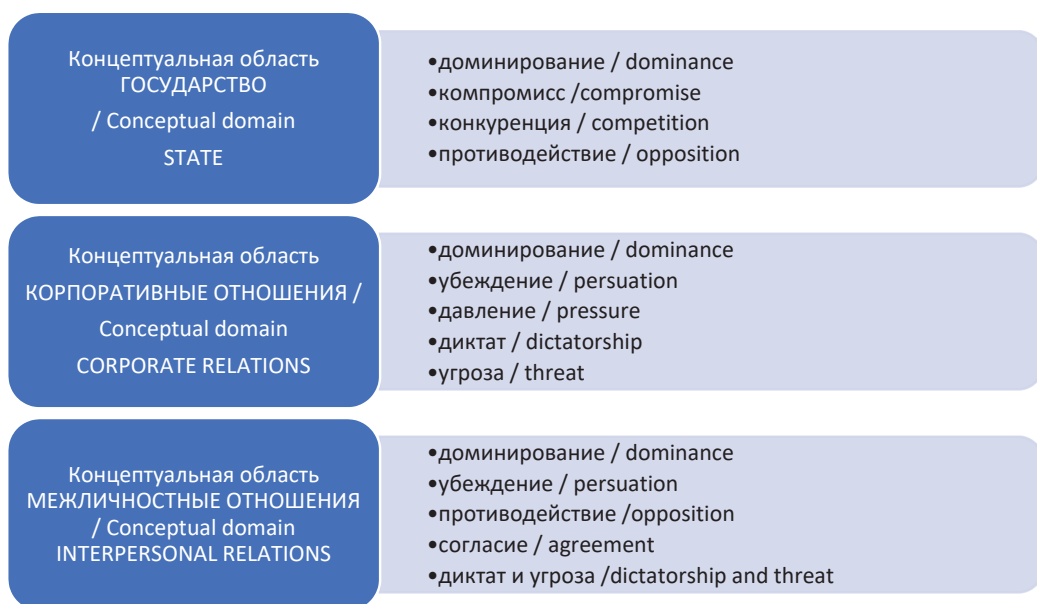

Рис. 1. Модель властных отношений в соотнесении со способами их реализации /
Источник: составлено Л.А. Фурс, И.В. Коломлиной.

Fig. 1. Model of power relations with methods of their implementation
Source: compiled by Liudmila A. Furs, Irina V. Kolomlina.

Как продемонстрировано на данном рисунке, наибольшее разнообразие способов реализации властных отношений представлено в концептуальной области МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, а наименьшее — в концептуальной области ГОСУДАРСТВО. При этом способ доминирования повторяется при активизации каждой из концептуальных областей. Ряд приемов являются общими, например, противодействие как способ реализации властных отношений востребовано в области государственных и межличностных отношений, а убеждение, диктат и угроза реализуются в области корпоративных и межличностных отношений. Наряду с этим отметим также единичные приемы, характерные только для одной концептуальной области. Это компромисс и конкуренция в области государственных отношений, давление в области корпоративных отношений и согласие в области межличностных отношений.

Необходимо также отметить, что все факультативные компоненты фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ представлены наиболее

частотно в ходе реализации данных отношений в концептуальной области ГОСУДАРСТВО. К ним относятся компоненты «цель», «источник власти», «инструмент». В других областях значимым факультативным компонентом является «цель». В целом, проведенное исследование подтвердило, что акт властных отношений реализуется на основе концептуальных характеристик «сила», «контроль», «влияние», а обращение к фреймовой модели позволило показать способы реализации данных характеристик.

Заключение

Исследование репрезентации властных отношений в английском языке с позиций когнитивного подхода расширяет ракурс описания этого социального явления за счет выявления концептуальной основы властных отношений; определения концептуальных областей, в которых активизируются властные отношения, и установления способов их репрезентации. Обращение к концептуально-дефиниционному анализу одноименных лексем позволило определить содержательный план концепта POWER и выделить концептуальные области, в которых реализуются властные отношения. В качестве результата когнитивного моделирования представлена иерархическая структура фрейма ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, в которой обязательными компонентами являются «субъект», «акт властных отношений», «объект», «способ», факультативными компонентами выступают «источник власти», «инструмент» и «цель».

Разработанная модель властных отношений в соотнесении со способами их реализации в английском языке отражает вариативность этих способов в разных концептуальных областях и демонстрирует специфику их репрезентации в преломлении к характеру отношений между субъектом и объектом властных отношений.

Фактологический анализ также подтвердил, что в репрезентации властных отношений в английском языке выделяются два типа категоризации — первичная, когда активизируется когнитивный механизм профилирования, и вторичная (оценочная), в результате которой реализуется образное осмысление властных отношений за счет действия механизмов концептуальной метонимии, метафоры и метафтонимии.

Перспектива исследования заключается в том, что разработанная методика может быть использована в анализе других комплексных явлений.

Библиографический список

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002.
2. Стронин А.И. Политика как наука. СПб., 2017.

3. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М. : АЛТЕЙЯ, 1998.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000.
5. Шабанова А.А. Репрезентация концепта власть / power в американской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2011. EDN: QFQPPR
6. Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 97–110. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110> EDN: ZVIVCL
7. Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647> EDN: YUZLWS
8. Кокорина К.А. Репрезентация концепта «Power» / «Сила» в дискурсе политика (на материале публичных выступлений Терезы Мей) : автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2021. EDN: ODTFIS
9. Копылова Н.В. Стратегия власти и подчинения в английском разговорном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. EDN: NPPVWD
10. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. С. 57–64. EDN: TEEGNN
11. Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.
12. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. 1988. № 23. С. 12–51.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. EDN: OGVICE
14. Boldyrev N.N., Makhovikova D.V. Lexical conceptualization of time in modern English // Issues of Cognitive Linguistics. 2012. № 2(31). P. 5–15. EDN: OWLBAV
15. Langacker R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1999. P. 13–59.
16. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions of linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 323–340.

References

1. Foucault, M. (2002). *Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews*. Moscow Praxis. (In Russ.).
2. Stronin, A.I. (2017). *Politics as a science*. St. Petersburg. (In Russ.).
3. Lyotard, J.F. (1998). *The state of postmodernity*. Moscow: ALETEYA. (In Russ.).
4. Derrida, J. (2000). *On grammarology*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
5. Shabanova, A.A. (2011). *Representation of the concept of power in American and Russian linguistic cultures* [dissertation]. Ulyanovsk. EDN: QFQPPR (In Russ.).
6. Karasik, V.I. & Kitanina, E.A. (2023). Axiology of power in the Russian language and culture. *Russian Language Studies*, 21(1), 97–110. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110> EDN: ZVIVCL (In Russ.).
7. Ufimtseva, N.V. (2022). The Image of Power Based on the Materials of the Crimean Associative Dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-630-647> EDN: YUZLWS (In Russ.).
8. Kokorina, K.A. (2021). *Representation of the concept “Power” / “Strength” in the discourse of a politician (based on the material of Theresa May’s public speeches)* [dissertation]. Moscow. EDN: ODTFIS (In Russ.).
9. Kopylova, N.V. (2008). *Strategy of power and subordination in English spoken discourse* [dissertation]. Irkutsk. EDN: NPPVWD (In Russ.).
10. Sheigal, E.I. (2001). Power as a concept and category of discourse. In: *An essay on the social power of language*. Voronezh. pp. 57–64. EDN: TEEGNN (In Russ.).

11. Furs, L.A. (2018). The Interplay of Cognitive and Metacognitive Levels in the Formation of Complex Knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 74–78. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-74-78> EDN: YVJDLK (In Russ.).
12. Lakoff, J. (1988). Thinking in the mirror of classifiers. New trends in foreign linguistics. *Cognitive aspects of language*, 23, 12–51. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1996). Brief dictionary of cognitive terms. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov publ. EDN: OGVICE (In Russ.).
14. Boldyrev, N.N. & Makhovikova, D.V. (2012). Lexical way of conceptualizing time in modern English. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5–15. EDN: OWLBAV (In Russ.).
15. Langacker, R.W. (1999). *Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. pp. 13–59.
16. Goossens, L. (1990). Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions of linguistic action. *Cognitive Linguistics*, 1, 323–340.

Сведения об авторах:

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики факультета филологии и лингвистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33); *сфера научных интересов*: когнитивный синтаксис, оценочная категоризация, когнитивно-дискурсивный анализ; *e-mail*: liudmila.furs@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0353-748X. SPIN-код: 1278-7454; AuthorID: 57189616704.

Коломлина Ирина Владимировна, ассистент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики факультета филологии и лингвистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (392000 Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33); *сфера научных интересов*: когнитивный синтаксис, оценочная категоризация, когнитивно-дискурсивный анализ; *e-mail*: irina_kolomlina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9086-1829. SPIN-код: 8134-3243.

Information about the authors:

Liudmila A. Furs, Dr.Sc. in Philology, Professor at the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Institute of Education and Social Sciences, Derzhavin Tambov State University (33, Internatsionalnaya str., Tambov, Russian Federation, 392000); *Research interests*: cognitive syntax, evaluative categorization, cognitive-discourse analysis; *e-mail*: liudmila.furs@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0353-748X. SPIN-code: 1278-7454; AuthorID: 57189616704.

Irina V. Kolomlina, Assistant at the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Institute of Education and Social Sciences, Derzhavin Tambov State University (33, Internatsionalnaya Str., Tambov, Russian Federation, 392000); *Research interests*: cognitive syntax, evaluative categorization, cognitive-discourse analysis; *e-mail*: irina_kolomlina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9086-1829. SPIN-код: 8134-3243.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1100-1117

EDN: JCMLTD

UDC 811.111:342(470)

Research article / Научная статья

Correlation of *Concept* and *Image* in the Process of Algorithm development for Analyzing the Image-Concept of a State

Ksenia P. Posternyak¹ , Kirill P. Posternyak²

¹Don State Technical University, *Rostov-on-Don, Russian Federation*

²Southern Federal University, *Rostov-on-Don, Russian Federation*

 xana2437@gmail.com

Abstract. The article is topical due to the interest of scientists to the images of states as subjects of politics and their formation and transformation in political discourse. The article contains the theoretical substantiation of the use of the term “image-concept” and offers the algorithm for analyzing linguistic material in synchrony and diachrony. Using this algorithm we describe the means of verbalization of 4 layers of the image-concept “Russia” in the British media discourse of 1916–1922, the period crucial for our country. Thus, we reveal the range of nominations, means of evaluation, metaphors as well as associations formed by British journalist in texts devoted to Russia.

Keywords: nomination, evaluation, metaphor, association, political modalization

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Posternyak, K.P. & Posternyak, K.P. (2024). Correlation of *Concept* and *Image* in the Process of Algorithm development for Analyzing the Image-Concept of a State. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1100–1117. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1100-1117>

© Posternyak K.P., Posternyak K.P., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Соотношение понятий *концепт* и *образ* в процессе разработки алгоритма анализа образа-концепта государства

К.П. Постерняк¹ , К.П. Постерняк²

¹Донской государственный технический университет, *Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

²Южный федеральный университет, *Ростов-на-Дону, Российская Федерация*
 xana2437@gmail.com

Аннотация. Использование термина *образ-концепт* в качестве цели и средства изучения образа государства нуждается в теоретическом обосновании; на основе научных парадигм лингвистической концептологии и лингвистической имагологии проводится сопоставление понятий *концепт* и *образ*, что позволяет получить представление об общих и специфических чертах рассматриваемых вербально-ментальных образований. Понимание лингвокультурного концепта позволило авторам исследования разработать алгоритм анализа языкового материала в синхронии и диахронии.

Ключевые слова: номинация, оценка, метафора, ассоциация, политическая модализация

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Posternyak K.P., Posternyak K.P. Correlation of *Concept* and *Image* in the Process of Algorithm development for Analyzing the Image-Concept of a State // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1100–1117. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1100-1117>

Introduction

Last decade witnesses the increased political and economic tension between some countries based on various reasons. This process is obligatory reflected in the media space of the states. T.A. van Dijk notes that media texts take part in the formation of definite public opinion [1. P. 35], and public conscience in the broad strata of the population. This means that people form their opinion about other states through the prism of images created by journalists who construct positive or, more often, negative images of other states in compliance with a certain political order [2. P. 26] (thus carrying out political modalization, which presupposes the formation of a positive or negative attitude towards the subjects of politics [3. P. 61]. In this situation it is important to know mechanisms and means of forming the image of “one’s own” and “foreign” state and the influence of this image on the public of their own and foreign countries. Therefore, the relatively young interdisciplinary

science Imagology unexpectedly turned out to be one of the most popular fields of research with scientists in various humanitarian fields. The image of a foreign state is studied by politicians, literary scholars, historians, sociologists, linguists that provides the many-sided analysis of the object of research and thus ensures its reliability. Scientists, studying the linguistic aspect of the representation of the image of an “alien”, “other” people or country, make a significant contribution to the development of this science, revealing the linguistic devices of image formation.

Another science, linguistic conceptology, approaches the solution of this problem from the other side, having in its arsenal the tools of cognitive sciences and defining the linguocultural concept, including the concept of the state, as a mental unit determined by culture and verbalized by language [4. P. 76].

Our study is carried out within the framework of two scientific paradigms — linguistic imagology and linguistic conceptology. The central object of investigation of linguistic imagology is the image, and of linguistic conceptology — the concept. Both terms are accepted by linguists as mental-verbal structures, but each of them has its specific features. It has become apparent for linguists The non-identity of the terms “concept” and “image” is quite obvious as well as their dialectical unity. So, the use of the double term “image-concept” requires theoretical comprehension.

Theoretical Framework

First of all, it should be emphasized that meaning of the term “concept” in Russian linguistics is slightly different from the meaning of this term in the Western humanities. American linguists George Lakoff and Mark Johnsen use this term only as linguistic one, synonymous of terms “notion”, “meaning” [5]. But Russian linguists understand “a concept” wider, approaching to it not only from a linguistic point of view, but also from the point of view of cognitive sciences. We agree with the Russian linguist T.G. Serebtsova, who states that such understanding of «the concept» is “exclusively the property of Russian science because in the world nobody have ever heard of a concept and conceptology as a branch of cognitive science and cognitive linguistics” [6. P. 334]. Indeed, the vector of Western cognitive linguistics research goes in a slightly different direction.

Speaking about the term “concept”, it necessary to mention that for the first time in the Russian science the original term “concept” was used by the philosopher A.S. Askoldov-Alekseev in 1928 in his article “Concept and Word”. The scientist defined the term “concept” as a mental formation of a dynamic nature, replacing a certain set of objects. At the same time, A.S. Askoldov-Alekseev paid attention to the factor of perception: the counter consciousness can interpret the concept in its own way, modifying it [7. P. 267–279].

In the end of the 20th, Russian Academician Yu.S. Stepanov and his linguistic school resumed the study of the concept according to A.S. Askoldov’s understanding and continued to participate in the development and formation of domestic conceptology as a science.

In course of the development of linguoconceptology, linguists who share the linguistic approach to the study of the concept (S.A. Askoldov, D.S. Likhachev, Yu.S. Stepanov, V.V. Kolesov, V.N. Telia, etc.), came to an agreement that a concept is the sum of all the meanings and connotations of a word. Taken together, linguocultural concepts form the conceptual sphere that exists in the collective consciousness and reflects culture [8. P. 151–152].

Actually, the notion “concept” has got several different approaches in modern Russian linguistics besides the linguistic approach mentioned above. The *culturological* approach considers culture as a set of concepts. Therefore, according to this approach, the concept is treated as a unit of culture in the empirical world of man [9. P. 89]. The *cognitive* approach assumes that the concept is formed by the semantics of a linguistic sign. Linguists who support this point of view agree that a concept is a complex cognitive process, which stipulates the description of the structure of a concept that motivates the nomination process and explains the names of things and objects assigned to them in the lexical system of the language [10. P. 91]. V.A. Maslova combines the last two approaches, characterizing the concept as a product of the collision of meaning and experience of an individual or an entire nation or “culturally marked verbalized meaning” [11. P. 58].

In Russian linguistics there are also different approaches to the structure of the concept. Many scientists, generally recognizing that the linguocultural concept is multilayered in structure, disagree on the number and nature of its components. N.F. Alefirenko notes the complexity and multi-tiered nature of the linguocultural concept, which, in addition to semantic content, includes evaluative and relative-evaluative semantics, fixing a person’s attitude to a particular reflected object [12. P. 144].

Such scientists as L.O. Cherneyko & V.A. Dolinsky [13], V.V. Krasnykh [14], V.I. Karasik [9] and others believe that the linguocultural concept is at least a three-dimensional formation, including conceptual, subject-metaphorical and evaluative components.

Summarizing the results of their research, we can say that the **notional** (informational-factual) component reflects the definitional and indicative side of the linguocultural concept.

The **metaphorical layer** includes perceptual (sensory experience), figurative (metaphors associated with the concept) and precedent (associations with literary characters) components. At the same time, the core of the **metaphorical layer** of the concept is the image as a set of cognitive metaphors fixed in the collective consciousness [15]. These metaphors make it possible to represent complex phenomena through simple ones [5].

The **axiological (evaluative) layer** of the linguocultural concept is its cultural significance, reflecting the basic values of culture [16]. The evaluative component characterizes the degree of importance of this mental-verbal structure both for the individual and for the entire linguistic community.

Along with the three components of the linguocultural concept considered above, it seems possible to single out the **associative component**, since the structure of the concept includes various connotations and associations [17]. In order to form certain associations text creators deliberately regularly use the name of one concept together with the names of certain other concepts (for example, “aggression”, “poverty”, “friendliness”, “achievements”, etc.). As a result, the name begins to evoke associations with the corresponding concepts.

S.G. Vorkachev also draws attention to the fact that “the linguocultural concept has a set of distinctive features, including emotional experience, semiotic density — representation by a number of linguistic units and synonymized symbols; the inclusion of the concept name in the associative links that have developed in the lexical system of the language; and the possession of a specific linguistic metaphor” [16. P. 19]. Moreover, the concept, according to S.G. Vorkachev, can perform a heuristic function, being an instrument of cognition [18. P. 4].

Thus, from the point of view of linguaconceptology, the term “concept” can be regarded as a mental-verbal structure, which includes four components: 1) the notion; 2) metaphors representing the notion; 3) the evaluations associated with this notion; 4) a system of verbal national-specific associations formed in the process of using the concept name.

It is important to emphasize that such understanding of the linguocultural concept allows us to consider it not only as a goal, but also as a means of analysis, which “presupposes the analysis of linguistic means from a certain angle of view, namely, as means of conceptualizing reality” [19. P. 22]. This approach to understanding the concept also provides us with an algorithm for analyzing linguistic material both in synchrony and diachrony. In the latter case, we deal with the comparative analysis of the means of verbalizing the components of the concept in different time periods.

The other component of the complex term “image-concept” — **an image** the cognitive nature of which has been noted for a long time and in various paradigms of knowledge. According to the linguist A.A. Potebnya, images are means of reducing mental efforts; they are “substitutes for those masses of thoughts from which they arose” [20. P. 520].

This is the first stage of cognition, on the one hand, and the verbalization of the thought, on the other. Images form not only a pre-scientific (naive) picture of the world, but also a scientific one, which is impossible without Abstract notions, in the materialization of which language participates actively. Some linguists even consider images “the initial cause, the starting point for the formation of the concept” [21. P. 50].

In imagology the image of the “alien” is studied as an emotionally colored stereotypical image existing in collective consciousness [22. P. 31]. This is essentially a generalized portrait of the country and its people [23]. Speaking about the image of the state, the linguists consider it as a special mental-verbal

formation that has distinctive features in comparison with the concept. This is also confirmed by the definition contained in explanatory dictionaries, where image is described as “a mental picture created in a poem or story by descriptive wording”¹. According to L.B. Nikitina, the term “image” can be replaced by the synonymous one — a picture” [24. P. 97].

These definitions emphasize the following essential characteristics of the image as a mental and verbal structure: **subjectivity** and **creativity**. The latter is understood as the creative principle, going beyond the usual use of the word. N.F. Alefirenko understands by this “new associative relations necessary for linguistic modeling of a particular phenomenon of national culture, for the formation of a linguistic picture of the world in the imaginative representations” [25. P. 71]. Indeed, from the standpoint of imagology, the image is characterized as a “subjective image of the picture of the world” [26. P. 116].

We are talking about an **individual** linguistic conceptualization of the world, which is **opposed** (although inextricably linked with it) to the linguistic conceptualization carried out by **society** and fixed in the speech and texts.

In the latter case, linguistic signs and texts verbalize concepts, the formation of which is “synchronous-diachronic, because they are represented by linguistic units that appeared at different times. According to this approach, **society** is viewed as a community of native speakers that has existed for a very long time and is composed of several generations” [19. P. 123]. That is, concepts accumulate **all** knowledge, ideas, opinions and assessments about a fragment of reality stored by a society over a long historical period.

Concepts as linguistic universals, “slots” of meaning in human consciousness [24. P. 98]. are mainly focused on the categories of **essential and typical features** and familiar meanings [27]. On the one hand, they are connected with the evolution of people’s ideas about a certain fragment of reality; on the other hand, at each specific moment of time, these concepts determine the perception of a fragment of reality by society at the level of language and communication (ibid.).

In the **image**, in contrast to the concept, the **personal author’s** perception of reality is reflected. It is a transformation, modeling of reality in accordance with life experience, ideas, beliefs and imagination of an individual. If the concept accumulates all the knowledge about a fragment of reality that exists in society, an individual author’s interpretation of a certain fragment of reality takes place in the image, which has its own “conceptual vectors of representation” [28. P. 253]; i.e. some aspects of a fragment of reality are represented as dominant, actualized with the help of pictorial and expressive means of language, while others, on the contrary, are not described in details or are omitted.

¹New Webster’s Dictionary (1989). URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 23.02.2024). P. 750.

The same concept can be embodied in different images, each of which draws attention to certain aspects of a fragment of reality, possessing a conceptual space that is different from the conceptual spaces of other images. For example, the image of a woman embodying the concept of “woman” in the work of J.G. Byron’s “Don Juan” includes, in particular, such conceptual components as “passion”, “impermanence”, “betrayal”, and the image of a woman in works of Alexander Pushkin — contrasting conceptual components: “modesty”, “constancy” and “loyalty” [28. P. 683].

The fact of the image dependence of the concept in the process of its verbalization is recognized by many researchers, therefore, one should pay attention to the method of creating the image and the conditions for its existence. In this sense, it becomes extremely important to track the process of concept verbalization at the initial stage, i.e. through the formation of an image. The image can be expressed by units of different levels of language: from a word to a whole text. Its creation involves the vocabulary of certain thematic groups, evaluative statements, a variety of pictorial and expressive language means, including emotional and expressive vocabulary, various tropes and figures of speech (metaphor, epithet, metonymy, comparison, irony, antithesis, oxymoron, etc.).

Thus, these linguistic means can form different sides of the image — an axiological image, a phraseological image, a metaphorical image and others, which together can represent a certain integral image. Let’s consider the various components of image formation.

A **metaphorical image** is “a dynamic, nationally-specific, cultural-linguistic structure reflecting the ideas of native speakers about a person, object, phenomenon or concept, which are based on the transfer of the linguistic form according to the associative similarity of the properties of denotations” [29. P. 95]. Metaphors are originally created by individuals and being the result of individual author’s creative activity become a collective property and replenish the figurative (metaphorical) layer of the concept.

The **axiological image** is determined by several reasons, including the **historical and cultural context**, which contributes to the transformation of reality in the image [30. P. 40]. The same famous historical figures (for example, Nicholas II or Stalin) can be perceived in completely different ways in different time periods.

K. Boulding was one of the first to point out the variability, in particular, of the axiological image of the state, caused by changes in international relations. According to K. Boulding, “the understanding of the mechanism of transformation of the “alien image” into the “enemy image” becomes very important in the process of mutual perception of different peoples” [31. P. 113].

Foreign policy, or the policy of war and peace, which regulates relations with other states, is inextricably linked with the creative process of forming such images; the policy of images complements the policy of power [32. P. 192]. **Stereotypes** play an important role in this process. Stereotypes as culturally conditioned irrational

components are stable and are manifested in the image of the state, which is formed in the texts of different eras and genres, despite the changes taking place in the country. Like any stereotype, the image of the state is constructed on the basis of a relatively small number of assessed parameters and may contain not always correct information [33. P. 61]. That is, with the help of the image of the state, **stereotypes** that have in the collective consciousness of society can be reproduced and consolidated, and new ones can be purposefully formed as contrasting with the original ones.

Today the point of view is widespread, according to which the constructed image of the state often “turns out to be more important for building international relations than the objective characteristics of the state” [34. P. 257].

K. Boulding initially drew attention to the **ideological meaning** of the purposefully formed image of a foreign country. In his opinion, “a nation is a formal and informal creation of historians, and a national image is essentially a lie, or at least an image of the truth from a certain angle” [35. P. 5].

A huge role in the creation of ideologically determined verbal images of states belongs to the media with their enormous power of influence on the mass audience. The image of the state created in the media can influence the consciousness, emotions, activity and actions of certain people and an entire population group [36. P. 96].

Many factors influence the creation of images of states in the media. One of the main ones is the **creative activity of journalists** with their views, preferences, their axiological picture of the world [37. P. 32–36]. Very often, all their creations are saturated with **emotionality** and involve the **purposeful modeling** of the image of an enemy state or an ally state. If a rational text can be interpreted by the audience in different ways, an emotionally rich image appealing to the emotional sphere evokes approximately the same reaction that is desirable for the media among most readers, contributing to the formation of a negative or positive image of the state in their minds. Because of this, emotionality, along with evaluation, is an integral property of the image of the state, which is emphasized in the definition of this image by K. Boulding. According to him, image characterizing is “an integral cognitive, evaluative and emotional structure” [35. P. 120–121].

The integrity inherent in the image of the state and noted by K. Boulding is considered by various scientists as the most important property of the image. I.A. Tarasova claims that the image and the concept convey the same deep meaning, but the way of representing this meaning is different: the image is continuous and undivided, while the concept is discrete and analytical. But this difference is in the sphere of language [38. P. 175]. A.A. Zalevskaya and V.A. Pishchalnikova also emphasize that the image resists dismembering and conveys a holistic view of an object or phenomenon [38. P. 77].

Investigating the specific features of both terms “concept” and “image”, scientists pay attention to the correlation of these notions and their level of relationship. I.V. Borisenko is sure that the imagological image as a fact of national identification

can correlate with the concept, the “clot” of culture, as the “particular” with the “general”, as the sensual, emotional-axiological with more conceptual, logical, cognitive “ [40. P. 26].

According to O.V. Tomberg, the relationship between the concepts of “image” and “concept” is ambiguous. On the one hand, the concept as a mental-verbal structure includes the entire amount of knowledge about a certain fragment of reality that exists in society” [41. P. 256]. Therefore, it is broader than the image. On the other hand, “an image arises from a complex of concepts which, in turn, form the conceptual space of this image. In this case the image is broader than the notion of “concept”, insofar as it is the sum of conceptual areas” [41. P. 256].

S.G. Vorkachev and V.A. Pishchalnikova treat the concept as a methodological construct, an instrument which gives the possibility of a concept to act not only as a goal, but also as a tool of analysis.

Summing up the comparison of the concept and the image as mental-verbal formations, we argue that the concept can be embodied in the language both in a logical and creative form; 2) the concept is formed by the whole society and reflects the most typical features of a fragment of reality, the image is an individual author’s creation that reflects a subjective view of the world; 3) concept is the sum of all knowledge, ideas and opinions accumulated by society about a fragment of reality and the image focuses on individual sides of a certain fragment; 4) the image includes various conceptual spheres, which, as society adapts the image, enrich the content of the concept represented by the image; 5) the concept is formed over a long historical period, the image is connected with a specific historical period.

Thus, a deep internal connection between the terms “concept” and “image” is revealed, as well as their clear differentiation, which ultimately allows the use of the compound term “image-concept” to develop a method of pragmalinguistic analysis of representing the image-concept of the state in the unity of its conceptual, imaginative, evaluative and associative components.

The identification of the characteristic features of both terms in their unity should determine our capabilities in identifying both the image-concept itself and the process of its formation. The detection mechanism is based on a special algorithm of analyzing linguistic means used in this process.

Methodology

Taking into account the said-above, the complex term “image-concept” can be used in scientific research, in which *the purpose of the analysis* is the image, including the image of the state, as an integral object serving as a figurative form of representation of the concept (i.e., its verbal visualization, picture) in different historical periods, and the means of analysis — a concept as an algorithm for the analysis of linguistic material involved in the construction and modification of the image. This algorithm, which involves identifying the means of verbalization of the four components of the concept (conceptual, figurative, ativevalue and associative), will make it possible to identify

the procedural mechanism for the formation of any image-concept of the state in any type of discourse — fictional, media, political, everyday, etc. at any length of time in synchronicity or diachrony.

In our research work, we use such algorithm for analyzing the image-concept of the state in the field of political media discourse, because a huge role in its formation belongs to the media, which can represent the state as a positive or negative one, “presenting events related to the political life of the country from a certain angle vision <...> in the desired for the author direction in accordance with his beliefs and social order” [3. P. 61].

Results

The object of our scientific interest was the image-concept of Russia, formed by the British press at a turning point for our country at the beginning of the 20th century — 1916–1922, before the organization of the Soviet Union. The material for our research was the English newspapers of 1916–1922 years.

It is worth noting that this period is interesting not only in connection with the cardinal changes in the life of our state, but also with the change in relations between Russia and Great Britain, which affected the image of our country created in the British mass media at that time.

According to our definition, the image-concept of the state created in the media can be defined as a dynamic verbal-mental pattern purposefully formed in the process of ideologically determined creative activity of journalists with a pronounced emotionality and evaluation, reflecting the variability of the ethnocultural manifestation of the concept in a specific historical and political context. In order to identify the image-concept of “Russia” formed in the British media in 1916–1922, we analyzed 520 articles of the British media discourse, fully or partially devoted to Russia, in which 631 examples were found.

We discover the largest number of examples in «The Manchester Guardian» (307). (Now this newspaper is called «The Guardian»). The rest of the examples were identified in other publications, respectively: The Times (92), The Freedom (52), The International Woman Suffrage News (48), The Western Daily Press (37), The Justice (17), The Mansfield Reporter (15), The Buchan Observer and East Aberdeenshire Advertiser (9), The Birmingham Daily Post (7), The Coventry Evening Telegraph (7), The Daily Herald (7), The Globe (6), The Daily Record (5), The Gloucestershire Chronicle (5), The Dublin Daily Express (3), The Sheffield Daily Telegraph (2), The Worker’s Dreadnought (1), The Bath Chronicle and Weekly Gazette (1), The Dundee Courier (1), The Labor Leader (1), The Liverpool Echo (1), The Sheffield Independent (1), Birmingham Daily Gazette (1), The Cambridge Daily News (1), The Scotsman (1), The Hartlepool Northern Daily Mail (1), The Huddersfield Daily Examiner (1), The Birmingham Mail (1).

The analysis showed that the formation of the image of Russia went through the following stages: Russia is a powerful empire and an ally of Britain (1916–1917);

New Russia, which overthrew tsarism and strives for democracy (the period after the February Revolution (1917–1918); Russia, a country exhausted by wars and revolutions (1919–1920); an authoritarian Bolshevik Russia (1920–1922) gaining strength. The dynamics of the formation of this image-concept in British political media discourse was also significantly influenced by the international situation and relations between Great Britain and Russia. Taken together, these factors significantly influenced the angle from which the events in Russia were viewed in the British press.

At the beginning of the 20th century (1916 — early 1917), Russia was perceived in Britain as an empire, which was a collection of non-independent territories governed from a single center. It was considered as an ally of Britain in the fight against Germany during the First World War and was seen as a source of raw materials and an important supplier of agricultural products, a consumer of British products and its ally. During this period, British journalists formed such an image with the help of the **nominations** that they had used in relation to Russia for several hundred years: *Russia, the Russian Empire, Holy Russia and the Russian State*. The phrase *Holy Russia* was used by journalists to emphasize the righteousness of Orthodox Russia, which needed to be rid of obscurantism of the “disgusting charlatan and scoundrel” G. Rasputin, who was causing harm to the country and the throne.

The **metaphoric** component of the image-concept “Russia” is presented in the British press of this period with words and combinations that emphasized the growing political tension in Russia. This was represented as a disease, for which journalists began to use **morbial metaphors** associated with illness and death (*revolutionary melodies, remedy, recovery, Russian exhaustion, worn out*); as well as the **agricultural metaphor field**, with the help of which the British press often compared Russia to a field that different countries could use for their own purposes.

The **evaluative** component is expressed in evaluative epithets. In January 1917 the British highly regarded Russia as a military ally (an epithet *a great ally of England*) and as *a great military power*. At the same time Russia was *poor* and *agricultural* country for Britain.

The **associative** component of the image-concept “Russia” in the British press was represented by microcontexts, which included the name of the country and the word “ally” (*Russia is an ally*).

After the February Revolution of 1917, journalists began to form **associations** of the lexeme Russia with lexemes *weakness and chaos*, describing the deteriorating economic and political situation in Russia. At the same time, in the spring of 1917, welcoming the February Revolution, British journalists introduced a new **nomination** — *new Russia*. Emphasizing the importance of democracy for building a new type of state in Russia, they applied the **construction metaphor** (*democracy for Russia is the only cement*).

Since 1919, when the Bolsheviks had been in power for almost two years in Russia, the British press had to admit the seriousness of their intentions, using the *Bolshevik Russia nomination*. At the end of 1919, another nomination, *Soviet Russia*, appeared. In connection with the transfer of the capital of Russia from Saint Petersburg to Moscow, the metonymic replacement of the lexeme *Russia* — the lexeme *Moscow* — began to be used in the British press.

In the period 1919–1920, at the height of the Civil War and the Intervention, **anthropomorphic metaphors** appeared in the British information field, representing Russia as *the leader of the Slavs, a member of the Communist Party, a Communist*, as well as a man with the Domocles sword of intervention above his head (*over the head of the Russia*), but which will not allow itself to be killed without a fight (*sink without a fight*), responding with a strong blow (*to hit back and hit hard*).

In the articles about Russia British journalists continued to use **morbial and physiological metaphors** (physical conditions inherent in humans). Disease (*meladies*) was the name of the problems generated by the revolution, and their elimination was like a *remedy*: (*agonized Russia, the indefinite postponement of Russia's recovery, starving Russia*). For Britain itself there was a threat of the spread of Bolshevism (*the roots of the cancer*).

The theatrical metaphor *theatrical Russia* was often used, which emphasized the unpredictability of Russia, its eccentricity.

The construction metaphor (*The ruin of Russia*) showed the extent of the collapse of the Russian Empire.

But even when calling for help to Russia in its terrible plight, the British press does not forget that the purpose of these actions will be to conquer Russia as a sales market for its goods (**an artifact metaphor** *as a market for our goods*) and a source of natural resources (**an artifact metaphor** *the source of supplies*).

The evaluative component of the concept-image Russia in British media discourse in this period contains evaluative adjectives with mostly negative connotations: *darkest, ruined, unhappy, worn out, anxious, undecided, brutally treated, not united, less powerful, weak, chaotic, not philanthropic, barbaric, distracted, autocratic disorganized, devastated by the war, helpless*. In some situations, fearing Russia' union with Germany, journalists even used the epithet *hostile*.

Epithets with a positive connotation were mostly limited to the epithet *great*, including superlatives. It appeared in different contexts related to Russia's past and its prospects for the future. The British have rated Russia in the past as the largest food-exporting country in the world (an estimated epithet *the greatest food-exporting country in the world*), so they hope that it will continue to be so.

It is interesting to note that in the articles of British newspapers of this period dreams were often expressed about the future of Russia after overcoming all difficulties and upheavals. One gets the impression that some British journalists sincerely believed in a bright future for Russia.

They used evaluative adjectives with positive connotations: *free, independent, purified and reinvigorated, well-governed, law-abiding and peaceful, democratic, cleaner and stronger, happy and contented* to create a positive image of Russia in the future and convince readers that the overthrow of the autocracy and difficulties will serve to move Russia forward towards building a new a modern state with all the attributes of progress and democracy (as the British understand them).

In the next period in 1921–1922, when Britain finally recognized the emergence of a new type of state, the press again began to use the **nomination** *new Russia*. During this period, when Soviet Russia proved its viability, British journalists used the **physiological metaphor** of *regeneration of Russia*, emphasizing the beginning of economic recovery. Some journalists linked the way out of the global crisis with the restoration of Russia, using the **construction metaphor** of *restoration*, as well as **game metaphor**, representing Russia as an intelligent political player in the international arena (*playing Poker with Russia, the international play of poker*). With the help of **artifact metaphors**, they emphasized the importance of Russia's natural resources for Britain, reminded of the pre-revolutionary status of Russia as an important supplier of grain to Europe (*a granary of Europe*), and with the help of **natural metaphor** (*desert*) they described the catastrophic level of the fall of the agricultural sector in Russia at that time, warning of negative prospects for Europe, which caused a negative image of Soviet Russia.

The **evaluative component** in this period is expressed by an epithet *an important element* that estimated Russia as a member of the economic system of Europe, both in the past and in the future.

Thus, after conducting a linguistic analysis of the verbalization of the image-concept "Russia" in the British media discourse in 1916–1922, we can conclude that the image of Russia, created with the help of various linguistic means in the British press during this period, was dynamic and had opposite vectors of assessment due to the saturation of that period with various historical events.

At the beginning of this period, Russia was described as a powerful empire with strong Orthodox traditions, an ally of Great Britain in the war against Germany, an important supplier of various products to Britain and a valuable market. After the overthrow of the tsarist regime, journalists formed the image of a new Russia, as a country standing on the path of democracy, but weakened by wars and revolutions, where chaos, devastation and hunger reign. Russia's catastrophic position was contrasted with its former prosperity. By the end of the period, by 1922, Russia began to be portrayed as a country gradually overcoming difficulties, returning to the world arena in a new status. However, at the same time, in the publications of journalists, Russia turned from an ally into an enemy that should be feared, because the growing Bolshevik authoritarian Russia began to be viewed as a threat to Britain.

Concluding Remarks

We assume to have demonstrated the practical use of the tools we have developed for identifying the structure and representation of a concept, as well as transforming the image associated with it, using the example of Russia in one of the crucial periods of its history. Such a linguistic tool can help in the solution of a wide variety of linguistic problems in the study of the mechanisms of formation of state images in many discourses (artistic, everyday, political, media), and also opens up prospects for further work concerning the images-concepts of the states in various linguistic cultures.

References

1. Van Dijk, T.A. (1995). The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity. *Javnost. The Public (Ljubljana)*, 2(2), 27–45.
2. Posternyak, K.P. (2021). *The dynamics of the verbalization of the image-concept “Russia” in the British media discourse in the XX–XXI centuries* [dissertation]. Belgorod. EDN: CMCKER (In Russ.).
3. Boeva-Omelechko, N.B., Kostenko, T.F. & Volodko, V.G. (2016.) The contrast of representation of political conflicts in American and Russian presidential discourses. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 3, 61–68. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2016-3-61-68> EDN: WMUJPV (In Russ.).
4. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001). Linguocultural concept as a research unit. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: VorSU. pp. 75–79. EDN: WGNDZZ (In Russ.).
5. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
6. Skrebtsova, T.G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Moscow: YASK Publ. (In Russ.).
7. Askoldov, S.A. (1997). Concept and word. In: *Russian literature*, V.P. Neroznak (Ed.). Moscow: Academia. pp. 267–279. (In Russ.).
8. Likhachev, D.S. (1993). *The concept sphere of the Russian language. Essays on the philosophy of artistic creativity*. RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Saint Petersburg: BLITZ. EDN: ZGYZQL (In Russ.).
9. Karasik, V.I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. EDN: QQWTKL (In Russ.).
10. Bessonova, O.L. (2013). *Procedures for the analysis of concepts while conducting comparative typological studies*. Lugansk: Publishing house of the State Institution LNU named after Taras Shevchenko. (In Russ.).
11. Maslova, V.A. (2004). *Poet and Culture: Marina Tsvetaeva’s Concept Sphere. A Study Guide*. Moscow: Flinta: Nauka. EDN: QRDVDT (In Russ.).
12. Alefirenko, N.F. (2006). *Language, cognition and culture: cognitive-semiological synergetics of the word*. Volgograd: Peremena. EDN: QSMETF (In Russ.).
13. Cherneyko, L.O. & Dolinsky, V.A. (1996). Fate as an object of conceptual and associative analysis. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 20–41. EDN: VYJVYI (In Russ.).
14. Krasnykh, V.V. (1998). *Virtual reality or real virtuality? (Human. Consciousness. Communication)*. Moscow: Dialogue-MSU. (In Russ.).
15. Vorkachev, S.G. (2003) The concept as an “umbrella term”. In: *Language, consciousness, communication*. V. 24. Moscow: Maxpress. pp. 5–12. EDN: UBCONJ (In Russ.).

16. Vorkachev, S.G. (2016). Ex pluribus unum: linguocultural concept as synthesis education. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 17–30. EDN: WHFFGT (In Russ.).
17. Frumkina, R.M. (1992). *Concept, category, prototype. Linguistic and extralinguistic semantics*. Moscow. EDN: QUIOHN (In Russ.).
18. Vorkachev, S.G. (2009). Categorical synthesis: from linguocultural concept to linguocultural idea. *Izvestiya VSPU*, 2, 4–8. EDN: MEGZST (In Russ.).
19. Ivanova, E.V. (2007). Social and individual in linguistic conceptualizing the world. *Cognitive language studies*, XXX, 122–125. EDN: ZMQGLJ (In Russ.).
20. Potebnya, A.A. (1976). *Aesthetics and poetics*. Moscow: Art. Series: History of aesthetics in monuments and documents. (In Russ.).
21. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language*. Moscow: YASK Publ. (In Russ.).
22. Papilova, E.V. (2011). Imagology as a humanitarian discipline. *Bulletin of the Moscow State University for the Humanities M.A. Sholokhov. Philological sciences*, 4, 31–40. EDN: OORQMV (In Russ.).
23. Sidorskaya, I.V. (2015). “Image” or “image” of the country: what the media represent. In: *Actual problems of research of communication aspects of PR-activity and journalism: collection of materials of the scientific seminar*. P. 4. Pskov: Pskov State University publ. pp. 64–84. EDN: VIZMNZ (In Russ.).
24. Nikitina, L.B. (2011). Linguistic image-concept: about the nature of a complex term. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art criticism*, 24(239), 57, 97–99. EDN: OXALOH (In Russ.).
25. Alefirenko, N.F. (2003). *Concept verbalization problems. Theoretical research*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
26. Kozlova, A.A. (2015). Imagological method in studies of literature and culture. *Observatory of culture*, 3, 114–118. EDN: XABGRH (In Russ.).
27. Gorelova, Y.R. (2018). City as a concept and visual art form. *Urban studies*, 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24086 (accessed: 23.02.2024). (In Russ.).
28. Boyeva-Omelechko, N.B. & Kolganova, K.S. (2015). Conceptualization of the Image of The Lady in G. Byron’s Work of Fiction “Don Juan”. *Cognitive language studies*, XX1, 682–684. EDN: TZWSRD (In Russ.).
29. Pshenkin, A.A. (2003). The role of metaphor in the description of political life in Russia (based on English-language publications). In: *Materials of the conference of young scientists*. Barnaul: BSPU Publ. Part 2. pp. 94–105. (In Russ.).
30. Evtushenko, O.V. (2010). *Fiction speech as a tool of cognition*. Moscow: Languages of Slavic cultures. EDN: UGNUOB (In Russ.).
31. Boulding, K. (1956). *The Image: Knowledge in Life and Society*. Michigan: University of Michigan Press: Ann Arbor.
32. Tehranian M. (1999). *Global Communications and World Politics: Domination, Development and Discourse*. Lakewood: Colarado Christian University: Lynne Rinner.
33. Smirnova, A.G. (2016). Perception of an external threat as construction of the image of the state. *Yaroslavl State University named after P.G. Demidov*, 15, 60–64. EDN: WJZQYD (In Russ.).
34. Kiselev, I.Yu. (2007). The problem of the state image in international relations: a constructivist paradigm. *POLITEX*, 3, 253–261. EDN: KNUZZL (In Russ.).
35. Boulding, K. (1959). National Images and International Systems. *The Journal of Conflict Resolution*, 3(2), 120–131.
36. Linets, A. (2016). Image Construction in Modern Virtual Space. *Journal of International Scientific Publications. Language, Individual & Society*, 10, 93–98.
37. Kleshchina, N.N. (2017). The metaphorical nature of the image of Russia in the American media and the image of the United States in the Russian media of the past and present. *Power*, 9, 32–36. EDN: ZGQFJX (In Russ.).

38. Tarasova, I.A. (2009). Image or concept? On the question of the categories of the author's consciousness. *Linguistic being of a person and an ethnos*, 15, 173–176. EDN: ZOARXF (In Russ.).
39. Pishchalnikova, V.A. (2007). *History and theory of psycholinguistics*. Moscow: MSLU. EDN: QBWLYZ (In Russ.).
40. Borisenko, I.V. (2008). *The national image of Russia: philosophical cultural analysis* [dissertation]. Rostov-on-Don. EDN: PNEXNV (In Russ.).
41. Tomberg, O.V. (2015). Literature study in the context of philological imagology. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*, 2, 255–259. EDN: UOGYHN (In Russ.).

Библиографический список

1. Van Dijk T.A. The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity // *Javnost /The Public* (Ljubljana). 1995. № 2(2). P. 27–45.
2. Постерняк К.П. Динамика вербализации образа-концепта «Россия» в британском медиадискурсе XX—XXI вв. : дисс. ... канд. филол. н. Белгород, 2021. EDN: CMCERK
3. Боева-Омелечко Н.Б., Костенко Т.Ф., Володько В.Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах // *Филологические науки*. 2016. № 3. С. 61–68.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж : ВорГУ, 2001. С. 75–79. EDN: WGNDZZ
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
6. Скребецова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М. : ЯСК, 2018.
7. Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность* / под ред. В.П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол.* М. : Ин-т народов России, 1997. С. 280–287. EDN: ZGYZQL
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. EDN: QQWTKL
10. Бессонова О.Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // *Лингвоконцептология: перспективные направления : монография*. Луганск : Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, 2013. С. 87–117. EDN YORQOJ
11. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М. : Флинта: Наука, 2004. EDN: QRDVDT
12. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. Монография. Волгоград : Перемена, 2006. EDN: QSMETF
13. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1996. № 6. С. 20–41. EDN: VYJVYI
14. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог-МГУ, 1998.
15. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24. М. : Макспресс, 2003. С. 5–12. EDN: UBCONJ
16. Воркачев С.Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. № 2. С. 17–30. EDN: WHFFGT
17. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // *Лингвистическая и экстралингвистическая семантика*. М. : Мысль, 1992. EDN: QUIOHN
18. Воркачев С.Г. Категориальный синтез: от лингвокультурного концепта к лингвокультурной идее // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009. № 2. С. 4–8. EDN: MEGZST

19. *Иванова Е.В.* Социальное и индивидуальное в языковой концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 122–125. EDN: ZMQGLJ
20. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976.
21. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : ЯСК, 2019. EDN: OXLIYG
22. *Папилова Е.В.* Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Филол. науки. 2011. № 4. С. 31–40. EDN: OORQMV
23. *Сидорская И.В.* «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики : сб. материалов научного семинара. Псков : Псковский государственный университет, 2015. Часть 4. С. 64–84. EDN: VIZMNZ
24. *Никитина Л.Б.* Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 24(239). Вып. 57. С. 97–99. EDN: OXALOH
25. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград : Перемена, 2003.
26. *Козлова А.А.* Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118. EDN: XABGRH
27. *Горелова Ю.Р.* Город как концепт и визуально-художественный образ // Урбанистика. 2018. № 1. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24086 (дата обращения: 23.05.2020).
28. *Боева-Омелечко Н.Б., Колганова К.С.* Концептуализация образа женщины в произведении Дж.Г. Байрона «Дон Жуан» // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 682–684. EDN: TZWSRD
29. *Пшенкин А.А.* Роль метафоры в описании политической жизни в России (на материале англоязычных публикаций) // Матер. конф. молодых ученых. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. Часть 2. С. 94 —105.
30. *Евтушенко О.В.* Художественная речь как инструмент познания. М. : Языки славянских культур, 2010. EDN: UGNUOB
31. *Boulding K.* The Image: Knowledge in Life and Society. Michigan: University of Michigan Press: Ann Arbor, 1956.
32. *Tehranian M.* Global Communications and World Politics: Domination, Development and Discourse. Lakewood : Colorado Christian University. United States: Lynne Rinner, 1999.
33. *Смирнова А.Г.* Восприятие внешней угрозы как конструирование Образа Государства // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 15. С. 60–64. EDN: WJZQYD
34. *Киселев И.Ю.* Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // ПОЛИТЭК. 2007. № 3. С. 253–261. EDN: KNUZZL
35. *Boulding K.* National Images and International Systems // The Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol. 3. (2). P. 120–131.
36. *Linets A.* Image Construction in Modern Virtual Space // Journal of International Scientific Publications. Language, Individual & Society. 2016. Vol. 10. P. 93–98.
37. *Клещина Н.Н.* Метафоричность образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ прошлого и настоящего // Власть. 2017. № 9. С. 32–36. EDN: ZGQFJX
38. *Тарасова И.А.* Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса. 2009. № 15. С. 173–176. EDN: ZOARXF
39. *Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. М. : МГЛУ, 2007. EDN: QBWLYZ
40. *Борисенко И.В.* Национальный образ России: философско-культурологический анализ : дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. EDN: PNEXNV

41. Томберг О.В. Изучение литературы в контексте филологической имагологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 255–259. EDN: UOGYHN

Information about the authors:

Ksenia P. Posternyak, PhD in Philology, Translator, Department of Information and Publication Activities, Don State Technical University, (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344000); *Research interests*: English language, imagology; *e-mail*: xana2437@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5227-878X. SPIN-код: 1323-6389, AuthorID: 1036402. ResearcherID: F-9049-2018; Scopus Author ID: 57211295072.

Kirill P. Posternyak, PhD student, Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006); *Research interests*: Imagology, political media discourse; *e-mail*: kir-posternyak@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5272-5113. SPIN-код: 5508-4473, AuthorID: 949684.

Сведения об авторах:

Постерняк Ксения Павловна, кандидат филологических наук, переводчик, Управление информационно-публикационной деятельности, Донской государственный технический университет, (344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1); *сфера научных интересов*: английский язык, имагология; *e-mail*: xana2437@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5227-878X. SPIN-код: 1323-6389, AuthorID: 1036402. ResearcherID: F-9049-2018; Scopus Author ID: 57211295072.

Постерняк Кирилл Павлович, аспирант кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42); *сфера научных интересов*: английский язык, имагология, политический медиадискурс; *e-mail*: kir-posternyak@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5272-5113. SPIN-код: 5508-4473, AuthorID: 949684.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1118-1127

EDN: IPLERZ

УДК [811.111:811.112.2:811.161.1]’276.1:17

Научная статья / Research article

Отражение ценностей во фразеологии, корпусный подход: на материале английского, немецкого и русского языков

С.М. Юсупова

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Российская
Федерация

✉ seda_linguist@mail.ru

Аннотация. Сопоставительное исследование семантики идиом является одной из актуальных проблем, позволяющих выявить специфику внутренней формы и значения. Рассматривается семантика английских, немецких и русских идиом, отражающих ценности ответственности, успеха, морали; проводится анализ контекстов их употребления по материалам Британского национального корпуса, Корпуса современного американского языка, Корпуса института немецкого языка в Мангейме, Национального корпуса русского языка. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения культурной специфики образов и значения в разных языках. Новизна работы заключается в использовании разных методов и подходов к исследованию семантики идиом, описывающих ценности. Результаты исследования показывают, что ценности отражаются в английском, немецком и русском языках сквозь призму культуры и социальных реалий. Корпусный анализ выявил дополнительные оттенки значения, новые значения, возникающие в контекстах, особенности употребления образных идиом в речи. Анализ идиом, обозначающих ценности, показал, что словарное и контекстуальное значение могут не совпадать, в контекстах английская идиома *a rolling moss (gathers no moss)* имеет значение ‘необходимо пробовать, делать попытки’, подчеркивая ценность опыта, движения, в немецком также высвечивается ценность движения для жизни. В русском языке — ‘отсутствие ответственности сопряжено с риском и легкостью’. Идея славы в английском языке передается через образ света, тепла, в немецком — успеха, известности, в русском языке через лексему *слава*. Английская идиома о славе имеет компонент ‘незаслуженный, показной’, что не отмечается в русском языке. Моральная правота ассоциируется с ангелом, чистотой в английском, с правдой в немецком, со светом в русском.

Ключевые слова: идиомы, семантика, образность, корпусный анализ, контексты

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Юсупова С.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Юсупова С.М. Отражение ценностей во фразеологии: корпусный подход, на материале английского, немецкого и русского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1118–1127. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1118-1127>

The Reflection of Values in Phraseology, Corpus Approach: on the Material of the English, German and Russian Languages

Seda M. Yusupova

Kadyrov Chechen State University, *Grozny, Russian Federation*

✉ seda_linguist@mail.ru

Abstract. A comparative study of the semantics of idioms is one of the urgent issues which makes it possible to identify the specificity of the inner form and meaning. The article examines the semantics of English, German and Russian idioms that reflect values of responsibility, success, morality, analyzes the contexts of their use based on materials from the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English, the Corpus of the Institute of the German Language in Mannheim, and the Russian National Corpus. The relevance of the topic is due to the need to study the cultural specificity of images and meaning in different languages. The novelty of the work lies in the use of different methods and approaches to the study of the semantics of idioms that describe values. The results of research show that values are reflected in English, German and Russian through the prism of culture and social realities. The corpus analysis revealed additional shades of meaning, new meanings arising in contexts, features of the use of figurative idioms in speech. The analysis of idioms denoting values showed that the dictionary meaning and contextual one may not coincide, in contexts the English idiom *a rolling moss (gathers no moss)* has the meaning ‘you need to try, make attempts’, emphasizing the value of experience, movement, in German the value of movement for life is highlighted. In Russian, the lack of responsibility is fraught with risk and ease. Glory in English is transmitted through the image of light, warmth, in German — success, fame, in Russian — through the lexeme *glory*. The English glory idiom has an ‘undeserved, ostentatious’ component, which is not noted in Russian. Moral correctness is associated with an angel, purity in English, in German with truth, in Russian with light.

Keywords: idioms, semantics, corpus analysis, contexts

Conflicts of interest:

The author declares no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Yusupova, S.M. (2024). The Reflection of Values in Phraseology, Corpus Approach: on the Material of the English, German and Russian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1118–1127. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1118-1127>

Введение

Ценности занимают важное место во фразеологии разных языков. Во внутренней форме и актуальном значении идиом наиболее ярко выражается отношение людей к разным явлениям и окружающей действительности, система ценностей. Образы, зафиксированные во внутренней форме идиом, отражают как социальный, культурный опыт народов, так и особенности метафоризации, искусство конструирования образа и значения, выстраивания моста между ними. Образы многих идиом характеризуются конвенциональностью и регулярностью, вызванными концептуальными метафорами, мотивирующими значения идиом [1].

Мотивация в основе образа может базироваться на социальных аспектах жизни человека [2. С. 119]. Внутренняя форма отражает процесс формирования актуального значения. Связь внутренней формы и значения раскрывается через образы, символы, этимологию выражения [3. С. 115]. Образы идиом передают как видение мира, так и оценку событий, действительности [4. С. 105]. Различия или сходства образов в идиомах разных языков обусловлены особенностями социокультурного опыта, мировосприятия и ценностей в разных культурах [5. С. 75]. Культурная специфика выявляется через категории культуры, культурные знания и метафоры. Обращение к антропоцентрическому компоненту семантики позволяет проследить познавательную деятельность человека [6. С. 690]. Коллективная память находит отражение в языке [7. С. 894].

Значение идиом, как известно, не выводится из значения их компонентов, а извлекается из памяти спонтанно. Значение идиом может меняться и переносно интерпретироваться. Как показывают исследования восприятия идиом, на начальном этапе происходит прямое извлечение формы из памяти с предполагаемым смыслом, а на поздней стадии осмысления воспроизведение и обработка компонентного состава [8]. Интерпретация идиом может быть буквальной и образной в зависимости от контекста. Контекст играет важную роль в распознавании идиом. Значимыми свойствами идиом являются распознавание в контексте и склонность к семантическому анализу для различения их образного и буквального использования [9. С. 3230–3235]. Для понимания идиом и интерпретации их значения важно учитывать в словарях этимологическую справку, иллюстрации — картинки [10. С. 342].

Инструменты и методы, разработанные в области корпусной лингвистики, играют важную роль в словарных исследованиях. Использование корпусной лингвистики при разработке новых словарных ресурсов, инструментов и концепций имеет большое значение [11. С. 79]. Корпусный подход к изучению семантики идиом и их творческого потенциала является эмпирическим методом, основанным на репрезентативной выборке языка, хранящегося в виде электронной базы данных, то есть корпуса. Большинство

исследований в этой области опираются на количественный анализ языковых данных в больших объемах, включающих тысячи, миллионы, а иногда и миллиарды слов. Количественный анализ дополняется качественным [12. С. 85; 9. С. 452]. Корпусный анализ широко используется для исследования языковой вариации [13. С. 195–196].

Исследование семантики идиом в разных языках является актуальной темой в современной лингвистике. Цель исследования — раскрыть специфику семантики идиом, описывающих ценности ответственности, морали и успеха в английском, немецком и русском языках. Методами исследования стали сопоставительный, семантический, корпусный анализ, позволяя выявить сходства и различия в семантике идиом, особенности их употребления в современных контекстах. Материалом исследования послужили более 1000 английских, немецких и русских идиом. Более 10 тысяч контекстов употребления идиом было взято из Британского национального корпуса¹. Корпуса современного американского языка², Корпуса института немецкого языка в Мангейме³, Национального корпуса русского языка⁴, Корпуса позволяют получить естественные контексты, рассмотреть реальное функционирование идиом.

Результаты исследования

Семантический анализ выявил особенности метафоризации и образного варьирования, влияние образов на актуальное значение. Корпусный подход позволил раскрыть специфику функционирования идиом в контекстах. Рассмотрим английские, немецкие и русские идиомы, отображающие ценности «отсутствие ответственности», «слава», «моральная правота».

Отсутствие ответственности

Англ. *a rolling stone (gathers no moss) (saying)* (букв. ‘катящийся камень не собирает мох’) ‘человек, который перемещается с места на место, с работы на работу и т.д. и поэтому не имеет больших денег, владения или друзей, но свободен от ответственности’⁵, 252 контекста. Английская идиома в контексте имеет значение ‘необходимо попробовать, делать попытки, то, что движется, не застаёт’. Внутренняя форма напрямую влияет

¹ Британский национальный корпус Режим доступа: <http://natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 25.03.2024).

² Корпус современного американского языка Режим доступа: <http://www.corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 25.03.2024).

³ Корпус института немецкого языка в Мангейме Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/> (дата обращения: 25.03.2024).

⁴ Национальный корпус русского языка Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.03.2024).

⁵ Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 330.

на значение. Нем. *wer rastet, der rostet* (букв. ‘кто не двигается, тот ржавеет’) ‘кто себя постоянно не занимает, не тренирует свои способности и не применяет их, тот теряет свой потенциал’⁶, 1741 контекст, русск. *перекасти-поле* ‘о человеке, часто меняющем работу, место жительства’, 30 контекстов. *Под лежащий камень вода не течет* ‘без усилий человек не добьется успеха, прогресса’, 26 контекстов.

Английский

Artificial Intelligence Reverse-Engineered from Neural Signals AIRENS were getting better and better at the trick, but it still didn't represent understanding. Omid, perhaps arguably one of the highest engineered AIRENS to date, was the best at it. OK, lets try this one, a rolling stone gathers no moss (BNC, 2012) ‘Искусственный интеллект, сконструированный из нейронных сигналов АЙРЕНС, становился все лучше и лучше, но он все еще не демонстрировал понимание. Омид, возможно, один из самых надежных АЙРЕНС на сегодняшний день, был лучшим в нем. Хорошо, давайте попробуем его, *катящийся камень не обрастает мхом*’ (здесь и далее перевод автора).

By now, Mekki was ready to begin teaching again. He asked me to come to the front and explain the meaning of some English proverbs he had written on the board. I read them out and the students repeated them softly in unison: A rolling stone gathers no moss. “Before you judge a man, walk a mile in his shoes” (BNC, 2014) ‘К этому времени Мекки был готов снова начать преподавать. Он попросил меня выйти вперед и объяснить смысл некоторых английских пословиц, которые он написал на доске. Я зачитал их, и ученики тихо повторяли в унисон: *Катящийся камень не собирает мха*. «Прежде чем судить человека, пройди милю в его ботинках». Прежде чем осуждать, нужно поставить себя на место другого человека. Движущийся человек заслуживает уважения. В данном контексте выявляется положительная коннотация — тот, кто движется, заслуживает уважения. Эмпатия как важная часть отношений’.

Немецкий

“Wer rastet, der rostet”, erwidert Hans Wilbert darauf. Zweimal die Woche macht er Physiotherapie und hält sich damit körperlich fit. Zur geistigen Fitness beschäftigt er sich mit Gedichten, die er sich täglich aufsagt (Rhein-Zeitung, 01.02.2021). ‘«Кто не двигается, тот ржавеет», — отвечает ему Ганс Вильберт. Два раза в неделю он проводит физиотерапию, поддерживая физическую форму. Для духовного фитнеса он занимается стихами, которые ежедневно произносит’.

⁶Duden 11. Duden: Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim : Dudenverlag, 2008. P. 608.

Русский

*Надо, однако, работать всем, чтобы масштаб перемен нарастал. **Под лежащий камень вода не течет*** (А.С. Горелик. Императив доступности. «Информационное общество», 2010).

*Именно эту тягу к приключениям, это желание словно **перекаати-поле** быть подхваченным туннельными сквозняками и нестись вслед за ними в неизвестность, навстречу своей судьбе, и угадал в нем, наверное, Хангер, прося его о такой непростой, связанной с огромным риском, услуге (Дмитрий Глуховский. Метро 2033(2005)).*

Как показывают контексты употребления идиом в разных языках, внутренняя форма влияет на значение настолько, что оно не совпадает со словарным. В словарях данные идиомы имеют значение ‘безответственный человек’, ‘неумение сосредоточиться и находиться на месте’, а в контекстах высвечивается положительная коннотация ‘движение приводит к прогрессу и переменам’.

СЛАВА

Англ. *bathe / bask in reflected glory* (букв. ‘купаться в отраженной славе’) ‘получить внимание и славу не потому, что сделали что-то, но через успех кого-то еще, связанного с вами’⁷, с *bask* — 26 контекстов, также возможно усечение с вариацией глаголов — *feel smug, sniff, arise*. Нем. *im Ruhm/Erfolg baden* (букв. ‘в славе/успехе купаться’) — ‘купаться в славе’, 3 контекста с *Ruhm*, 20 с *Erfolg*. Русск. *купаться в славе*, 1 контекст.

Английский

*If your home team wins the Super Bowl, you'll still have a smile on your face four days later- long after the opponents frowns have faded. "Fans are pretty resilient when things go wrong, " says Marc Jones, a sports psychologist at Staffordshire University." But when things go really well, they're happy **to bask in reflected glory*** (BNC, 2012) ‘Если ваша родная команда выиграет Суперкубок, у вас все еще будет улыбка на лице четыре дня спустя — долго еще после того, как исчезнут недовольства соперников. «Поклонники довольно выносливы, когда все идет не так», — говорит Марк Джонс, спортивный психолог из Стаффордширского университета. Но когда дела идут очень хорошо, они с удовольствием **греются в отраженной славе**’.

Немецкий

*Es sind nicht nur die Reichen und die, die **im Erfolg baden**. Auch verarmte, heimatlose Poeten finden zu Dutzenden eine billige Bleibe in New York* (Berliner Morgenpost, 31.08.2008) ‘Это не только богатые и те, которые **купаются**

⁷ Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 321.

в успехе. Также обедневшие, бездомные поэты находят дешевый ночлег в Нью-Йорке’.

... *man möchte meinen, Andrea Zogg würde im Ruhm baden und im Geld schwimmen* (Die Südostschweiz, 04.05.2016). ‘... хотелось бы думать, Андреа Цогг будет **купаться в славе** и деньгах’. В данном контексте наблюдается контаминация двух идиом.

Русский

*Между тем и подопытные кролики и те, кто это все придумал и воплотил в жизнь, уже предвкушают, как они будут **купаться в славе** и популярности* (Юрий Богомолов. Играем в слабое звено (2001). «Известия», 23.11.2001).

Во всех языках наблюдаются сходства в образных основах и значении идиом, описывающих славу через лексемы *bathe, bask, baden, купаться, Ruhm, Erfolg, слава*.

МОРАЛЬНАЯ ПРАВОТА

Англ. *be on the side of the angels* (букв. ‘быть на стороне ангелов’) ‘иметь правильные моральные принципы и вести себя корректно’⁸, 6 контекстов. Нем. *auf der Seite der Wahrheit sein* (букв. ‘быть на стороне правды’) ‘иметь правильные принципы’, 52 контекста, русск. **быть на стороне света** ‘выбирать сторону добра’, 2 контекста.

Английский

*Of course, that will never happen because the anti-vaccine movement sees Wakefield as **being on the side of angels*** (BNC, 2012) ‘Конечно, этого никогда не произойдет, потому что движение против вакцин видит Уэйкфилда (букв. ‘на стороне ангелов’) **на стороне добра**’.

Немецкий

*Als Bürger. Als Freunde. Heute stehen wir immer noch **auf der Seite der Wahrheit*** (Nordkurier, 10.02.2018) ‘Как граждане. Как друзья. Сегодня мы стоим все еще **на стороне истины**’.

Русский

*Мы — Иные, и пусть я стою **на стороне Света**, а мои собеседники на стороне Тьмы, но с ними у меня куда больше общего, чем с любым из простых людей* (Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998)).

Основной запрет «Властелина Колец» таков: те, кто стоят **на стороне Света**, не могут использовать силу, которую дает Кольцо Власти, поскольку

⁸ Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 355.

это *Кольцо Врага* (Наталья Прохорова. Добродетели мира Толкина: деяние и недеяние. «Знание — сила», 1998).

Мораль ассоциируется с чистотой, правдой, светом в сопоставляемых идиомах.

Заключение

Таким образом, исследование образных идиом показывает, что в контекстах внутренняя форма влияет на актуальное значение и употребление идиом, приводя к появлению новых значений, не отмеченных в словаре. Анализ идиом, обозначающих «отсутствие ответственности» показал, что в английском языке словарное значение и контекстуальное не совпадают, в контекстах добавляется ценность опыта, движения, в немецком и русском для жизни и прогресса также важно движение. Так, английская идиома *a rolling moss (gathers no moss)* имеет значение ‘необходимо пробовать, делать попытки’, подчеркивая ценность опыта, движения, в немецком также высвечивается ценность движения для жизни. В русском языке — отсутствие ответственности сопряжено с легкостью, рискованностью, готовностью к переменам. Английская идиома о славе имеет компонент значения ‘незаслуженный, показной’, что не отмечается в русском языке. В немецком высвечиваются компоненты ‘успех’, ‘слава, известность’. В русском языке слава передается напрямую через лексему *слава*. Моральная правота ассоциируется с ангелом, чистотой в английском, в немецком с правдой, в русском со светом. Сравнимые идиомы, близкие по значению, в разных языках имеют свою образную специфику, вариации, не всегда позволяющие им выступать в качестве функциональных соответствий. Корпусный анализ выявил дополнительные оттенки значения, новые значения, возникающие в контекстах, особенности употребления образных идиом в речи.

Библиографический список

1. Gibbs R.Jr., O'Brien J.E. Idioms and mental imagery // The metaphorical motivation for idiomatic meaning. 1990. Vol. 36. Iss. 1. P. 35–68.
2. Василенко А.П. Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1(459). С. 117–128. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10114> EDN: KSZEHU
3. Лысенкова В.Н. Внутренняя форма фразеологизма и его значение // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 111–116. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4277045> EDN: LNOWBP
4. Петрова Е.А. Культурологический подход в интерпретации этимологии фразеологизмов-зоонимов // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1(36). С. 102–112. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_102 EDN: RNCCKJ
5. Булгакова О.А., Пенелова Л.Ф. Концептуализация действительности во фреймовой организации фразеологизмов с компонентом цветы в русском, английском и китайском языках. СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. С. 72–83. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-72-83> EDN: IWIONB

6. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM.
7. Rebrina L.N., Solhyshkina M.I., Soldatkina T.A. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 876–897. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897> EDN: KFWHUH
8. Titone D., Lovseth K., Kasparian K., Tiv M. Are figurative interpretations of idioms directly retrieved, compositionally built, or both? // Canadian Journal of Experimental Psychology. 2019. № 73(4). P. 1–53. <https://doi.org/10.1037/cep0000175>
9. Liu Ch., Hwa R. Representations of context in recognizing the figurative and literal usages of idioms // Proceedings of the Thirty-First AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2017. № 31(1). P. 3230–3236. <https://doi.org/10.1609/aaai.v31i1.10998>
10. Szczepaniak R., Lew R. The role of imagery in dictionaries of idioms // Applied Linguistics. 2011. № 32(3). P. 323–347. <https://doi.org/10.1093/applin/amr001>
11. Anthony L. Corpus linguistics and vocabulary: A commentary on four studie // Vocabulary Learning and Instruction. 2017. № 6(2). P. 79–87. <https://doi.org/10.7820/vli.v06.2.Anthony>
12. Hinton M. Corpus linguistics methods in the study of (meta) argumentation. Argumentation. 2021. № 35. P. 435–455 <https://doi.org/10.1007/s10503-020-09533-z>
13. Taylor Ch. What is corpus linguistics? What the data says // ICAME Journal. 2008. № 32. P. 179–200.

References

1. Gibbs, R.Jr. & O'Brien, J.E. (1990). Idioms and mental imagery. *The metaphorical motivation for idiomatic meaning*, 36(1), 35–68.
2. Vasilenko, A.P. (2022). Phraseological Units Based on the Idea of Social Confrontation in Military Slang. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(459), 117–128. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10114> EDN: KSZEHU (In Russ.).
3. Lysenkova, V.N. (2020). Internal form of phraseology and its meaning. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 10, 111–116. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4277045> EDN: LNOWBP (In Russ.).
4. Petrova, E.A. (2024). Culturological approach in interpreting the etymology of phraseological zoonyms. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 1(36), 102–112. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_102 EDN: RNCKKJ (In Russ.).
5. Bulgakova, O.A. & Pepelova, L.F. (2024). Reality Framing in Russian, English, and Chinese Phraseological Units with Flowers. *SibScript*, 26(1), 72–83. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-72-83> EDN: IWIONB (In Russ.).
6. Boldyrev, N.N. & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 686–703. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703> EDN: LVSSMM (In Russ.).
7. Rebrina, L.N., Solhyshkina, M.I. & Soldatkina, T.A. (2022). Collective Memory as a Social Construct in German Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 876–897. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897> EDN: KFWHUH.
8. Titone, D., Lovseth, K., Kasparian, K. & Tiv, M. (2019). Are figurative interpretations of idioms directly retrieved, compositionally built, or both? *Canadian Journal of Experimental Psychology*, 73(4), 1–53. <https://doi.org/10.1037/cep0000175>
9. Liu, Ch & Hwa, R. (2017). Representations of context in recognizing the figurative and literal usages of idioms. *Proceedings of the Thirty-First AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 31(1), 3230–3236. <https://doi.org/10.1609/aaai.v31i1.10998>
10. Szczepaniak, R. & Lew, R. (2011). The role of imagery in dictionaries of idioms. *Applied Linguistics*, 32(3), 323–347. <https://doi.org/10.1093/applin/amr001>

11. Anthony, L. (2017). Corpus linguistics and vocabulary: A commentary on four studies. *Vocabulary Learning and Instruction*, 6(2), 72–79. <https://doi.org/10.7820/vli.v06.2.Anthony>
12. Hinton, M. (2021). Corpus linguistics methods in the study of (meta) argumentation. *Argumentation*, 35, 435–455 <https://doi.org/10.1007/s10503-020-09533-z>
13. Taylor, Ch. (2008). What is corpus linguistics? What the data says. *ICAME Journal*, 32, 179–200.

Сведения об авторе:

Юсупова Седя Мусаевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (364907, Российская Федерация, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32), *сфера научных интересов*: фразеология, корпусная лингвистика, сопоставительное языкознание, социолингвистика; *e-mail*: seda_linguist@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4924-1476, SPIN-код: 4759-7234, AuthorID: 850912.

Information about the author:

Seda M. Yusupova, PhD in Philology, Associate professor, Dean of the faculty of foreign languages, Kadyrov Chechen State University (32, Sheripova str., Grozny, Chechen Republic, Russian Federation, 364907), *Research interests*: phraseology, corpus linguistics, comparative linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: seda_linguist@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4924-1476, SPIN-code: 4759-7234, AuthorID: 850912.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147

EDN: IOFQXV

UDC 811.512.133'373.49

Research article / Научная статья

Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “Oolmok” (to Die)

Timur E. Alimov¹ , Gulchekhra N. Davlatova² ,
Khanym R. Sultanova³

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Fergana State University, Fergana, Republic of Uzbekistan

³Baku Slavic University, Baku, Republic of Azerbaijan

 1042228048@pfur.ru

Abstract. The object of the study is the structure of the speech act within the nominative process of euphemization. It is provided a detailed examination of the main stages in the formation and functioning of euphemistic constructions, determined as a result of horizontal and vertical differentiation and integration, forming the unity of euphemistic units in the content, semantic and functional terms. It is revealed, that the verbalization of the euphemistic text has a dynamic, unlimited structure, which is not discrete, has certain transformation restrictions, taking into account the peculiarities of communication, and is manifested in the reproduction of all the main functional criteria (hierarchy, volume and interference of discrete elements) in the process of implementing the pragmatic attitudes of the communicative situation. The expanded structure of a euphemism forms a complex system of semantic space of a communicative act, with figurative, verbal, non-verbal components, therefore, the growth of form leads to the “expansion” of content, which is capable of marking euphemistic units in the process of written and oral communication, and as a result, has a direct impact on the degree of priority of perceived information within the framework of a communicative situation. As a result of the quantitative analysis of the differential forms of explication of the structure of the euphemistic text “oolmok”, it was revealed that they are mainly presented at the level of figurative linguistic signs — euphemisms, due to the usual elements of the language, multi-component composition, generalized reference (to a large extent, allegorical attribution of linguistic signs to objects of reality), which are characterized by diffuseness of the semantics of the word with the maximum range of defocusing — removing from the focus of attention certain properties of the referent and tropic occasionality, reducing and veiling the effect of the stigmatic denotation of “oolmok” (to die). Stylistic analysis of the empirical material revealed that in the nominative area of “oolmok” euphemisms marked “conversational” predominate, which accompanies the lexical layer of the language with a pronounced weakened stylistic shade and has a marked discursive-rhetorical character, while being capable of acting as an indicator of allegorical discourse and expressiveness of the parameters of the communicative act.

© Alimov T.E., Davlyatova G.N., Sultanova Kh.R., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: euphemistic unit, structure of a euphemistic text, one-word euphemism, multi-word euphemism, euphemistic text

Authors' contribution:

T.A. Alimov was responsible for problem formulation, development of the article's conceptual framework, and critical literature review. Kh.R. Sultanova collected the statistical data and prepared the tabular and graphical representations of the results. G.N. Davlyatova described the results and formulated the study's conclusions.

Financing:

This paper has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050738–0-000.

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Alimov, T.E., Davlyatova, G.N. & Sultanova, Kh.R. (2024). Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “Oolmok” ‘to Die’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1128–1147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147>

Структурная организация эвфемистического текста узбекского языка на примере номинативного поля «Ўлмоқ»

Т.Э. Алимов¹ , Г.Н. Давлятова² , Х.Р. Султанова³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Ферганский государственный университет, Фергана, Республика Узбекистан

³Бакинский славянский университет, Баку, Республика Азербайджан

 1042228048@pfur.ru

Аннотация. Объект исследования — структура речевого акта в пределах номинативного процесса эвфемизации. Подробно освещаются основные этапы формирования и функционирования эвфемистических конструкций, детерминируемые вследствие дифференциации (горизонтальной и вертикальной), и интеграции, формирующее единство эвфемистических единиц в содержательном, смысловом и функциональном плане. Выявлено, что вербализация эвфемистического текста имеет динамическую, неопредельную структуру, которая не является дискретной, обладает определенными рестрикциями в возможности трансформации, учитывая особенности коммуникации, и проявляется в воспроизведении всех основных функциональных критериев (иерархии, объема и интерференции дискретных элементов) в процессе имплементации прагматических установок коммуникативной ситуации. Развернутая структура эвфемизма формирует сложную систему смыслового пространства коммуникативного акта, с образными, вербальными, невербальными составляющими, следовательно, наращение формы приводит к «расширению» содержания, что способно маркировать эвфемистические единицы в процессе письменного и устного общения, и как результат, оказывать непосредственное влияние на степень приоритетности воспринимаемой информации в рамках коммуникативной ситуации. В результате количественного анализа

дифференциальных форм экспликации структуры эвфемистического текста «ўлмок» было выявлено, что в основном они представлены на уровне сверхсловных лингвистических знаков — эвфемизмов, благодаря узуальным элементам языка, многокомпонентному составу, обобщенной референции (в значительной мере иносказательная отнесенность лингвистических знаков к объектам действительности), которые обладают признаком диффузности семантики слова с максимальным диапазоном дефокусирования — выведения из фокуса внимания определенных свойств референта и тропеическую окказиональность, редуцирующие и вуалирующие эффект стигматичного денотата «ўлмок». Стилистический анализ эмпирического материала обнаружил, что в номинативной области «ўлмок» преобладают эвфемизмы, отмеченные пометой «разговорные», которая сопровождает лексический пласт языка ярко выраженным ослабленным стилистическим оттенком и носит маркированный дискурсивно-риторический характер, выступающий в роли индикатора иносказательного дискурса и выразительности параметров коммуникативного акта.

Ключевые слова: эвфемистическая единица, структура эвфемистического текста, однословный эвфемизм, сверхсловный эвфемизм, эвфемистический текст

Вклад авторов:

Т.А. Алимов — постановка проблемы, разработка концепции статьи, критический анализ литературы; Х.Р. Султанова — сбор статистических данных, табличное и графическое представление результатов; Г.Н. Давлятова — описание результатов и формирование выводов исследования.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта No 050738–0–000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Alimov T.E., Davlyatova G.N., Sultanova Kh.R. Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “Oolmok” ‘to Die’ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1128–1147. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147>

Introduction

Euphemism is a uniquely organized system of linguistic codes, a complex systemic object of linguistic analysis, “a sublimation of the processes of cognition and transformation of reality through the prism of personal emotional experiences, complex mental and psychological processes, exteriorizing internal intentions by creating semantic correlates identical to the result of analytical activity” [1. P. 718], which meets the requirements of harmonious social communication of the subject within the framework of a certain communicative act, thereby inducing scientific discussions among researchers in various fields of linguistics (sociolinguistics, pragmatics, psycholinguistics, cognitive science, etc.). The vector of modern scientific paradigm — the scientific picture of the world — is oriented towards

structuring, ordering and hierarchical organization of all objects that are subject to practical and cognitive activity. Euphemism does not eliminate this norm, and, like any object that has an expanded structure, to which the action is directed, can be studied from the point of view of three main aspects: determination of sequence, hierarchical structure and holistic approach. While certain elements of the sequence (genesis and evolution of euphemistic units) as a logically conditioned complex of operations moving one after another (history and reasons for origin, methods of formation and expression, functional-pragmatic structure of euphemistic signs, etc.) have been considered within the framework of the structural-functional approach, the euphemistic text (understood in the broad aspect of its interpretation as a configuration of semiotic units united by semantic implication) in the form of a hierarchical structure, which is formed by means of elements of differential complexity, currently remains a little-studied area. A review of theoretical literature has shown that the phenomenon of euphemism in the context of linguistic research is mainly determined through the prism of one of its aspects. From the point of view of the functional-semantic approach, certain thematic classifications of euphemisms are presented (see B.A. Larin 1961 [2], A.M. Katsev [3], L.S. Turganbaeva [4], L.P. Krysin [5], V.P. Moskvina [6], L.V. Porokhnitskaya [7], J.S. Neaman & C.G. Silver [8], K. Allan, K. Burridge [9], A.Zh. Omonturdiyev [10], N. Ismatullaev [11]), and methods of forming euphemistic nominations are identified (see A.M. Katsev [3], V.P. Moskvina [12], E.I. Sheigal [13]). From the point of view of stigmatic denotation and pragmatics, euphemization is considered a way of preserving the appropriateness of language (see N.M. Berdova [14], N.V. Pryadilnikova [15], E.E. Tyurina [16], V.P. Moskvina [6]). Euphemia has been studied within the framework of cognitive linguistics — the basis for euphemistic nominations formation (see L.V. Babina [17], N.N. Boldyrev, Yu.V. Aleksikova [18]) and from the point of view of discursive linguistics (see E.I. Sheigal [11]). From the stylistic approach standpoint, the problems of stylistic affiliation of euphemistic nominations and euphemistic vocabulary functional styles have been investigated (I.R. Galperin [19], V.P. Moskvina [6], E.P. Senichkina [20], B. Warren [21]).

In the works of researchers, the main attention is paid to those components and features that directly interfere with the content of euphemistic signs, however, the form, which is a reflection of the transformation of semantic content from simple to complex, is considered insufficiently significant and therefore has not been fully studied. The form is defined as something known in advance, dialectically correlated with the content components of the whole [22], as a result of which, in linguistic studies it is important to take into account, that the form of a euphemism has its own specificity, determined by goals and reasons, both at the structural and content levels.

We have noticed that the expanded structure of a euphemism forms a complex system of semantic space of speech, with figurative, verbal and non-verbal components, therefore, in our opinion, the expansion of form leads to the

expansion of content, which is capable of marking euphemistic units in the process of written and oral communication, and as a result, has a direct impact on the degree of priority of perceived information in a communicative situation. In addition, we note that at the structural level, the organization of a euphemistic text is accompanied by: special segmentation of the text, differentiation (vertical and horizontal), which divides structural elements, and integration, determining the coding of a euphemistic nomination by semiotically heterogeneous linguistic signs, correlating with the individual psychological characteristics of the subject in the course of the processes of mental activity. *The purpose of this study* is to identify the main stages of the structural organization of a euphemistic text, which forms the nominative field “oolmok” in the Uzbek discourse, with subsequent quantitative and stylistic analysis of the empirical material. For a more complete representation of the euphemistic code “oolmok”, stylistic affiliation, as well as empirically relevant research material (within the framework of this study, the task of their full explication is not set), we will turn to corpus data that allow us to consider the key linguistic codes, cultural values and traditions associated with the concept “oolmok”, forming a complex structural organization of the euphemistic text.

Materials and methods of studies

The material of the study is euphemisms of the nominative field “oolmok” (‘to die’), presented in “Uzbek tilining kiskacha evfemik lugati” (Brief euphemistic dictionary of the Uzbek language) (A.Zh. Omonturdiev, 2006)¹, and constituting the largest group, which makes it possible to conduct a detailed analysis. However, the above-mentioned dictionary does not have an electronic version, so the procedure for selecting the empirical database was carried out with the corpus of the euphemistic dictionary of the Uzbek language in paper format using the directional (targeted) sampling method. As a result of the targeted selection from the UTKEL (Brief Euphemistic Dictionary of the Uzbek Language), more than 3,000 euphemisms, 659 euphemistic codes of the nominative field “oolmok” were found, identified as empirical research material and grouped by the number of units included in the euphemistic text. Within the framework of the corpus approach of linguistic science to language study, which consists in representativeness relative to the phenomenon under study — euphemism, the following methods were used: the linguistic-statistical method, the sampling method in empirical research, and stylistic analysis.

Results of the study

The analysis of the structural idiosyncrasy of the form of reproduction of the euphemistic text of the Uzbek language using the example of the nominative field “oolmok” revealed that its structure can manifest itself in the form of two

¹ Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. Т.: Фан, 2006. 134 б. Omonturdiev, A.Zh. (2006). *Short euphemistic dictionary of the Uzbek language*. Tashkent: Fan. (In Uzbek.).

central parameters — the degree of formalization and complexity. The possibilities of formalization aimed at revealing the form (structure) of thoughts as the reproduction of substantive knowledge in the concept of mathematical analysis — calculus, where in the course of the formalization process the euphemistic semantic space should be in some sense a fixed complex of provisions, were presented in the developed theory of the relational model of the euphemistic potential of a linguistic sign, namely a lexical unit (see S.A. Logvina [23]). In the context of this study, we will consider the complexity of the configuration of the extensional form of the euphemistic text, which is one of the key indicators of the structure. Researchers argue that “a more complex expression in form is also more complex semantically” [24. P. 40], which finds its equivalent in the concept of iconicity as a one-to-one relationship between the content and form of a language unit, which is expressed in a structural (form miming form) analogue between its two sides, the signifier and the signified (see the works of R. Barthes [25], W. Eco [26], C.W. Morris [27]), leading to semantic diffuseness. Consequently, “euphemisms consisting of two or more components are semantically more complex than single-word euphemisms; with their help, a greater distance is created between the negative denotation and its designation” [24. P. 39]. Let us turn to the linguistic realizations of an increasingly complex structure:

Oolmok ‘to die’ — **khukm ookilmok** ‘to adjudge’ — **kaitmas safarga ketmok** ‘to set out on a journey from which there is no return’ — **hayotinning soonghi nukyasi boolmok** ‘to become the last point of one’s life’ — **zhoni zhasadi kishvaridan barkham topmok** ‘to free the soul from the body’ — **dorul fanodin dorul bakoga rikhlal kilmok** ‘to leave the material life for the spiritual life’ (from here on — authors’ translation — A.T.).

Kabriston ‘cemetery’ — **abadiy makon** ‘eternal space’ — **bir kuloch er** ‘tiny land’ — **iti yok kishlok hamma boradigan joy** ‘a village without a dog, a place where everyone will definitely end up’.

Kummok ‘inhumation’ — **mozorga topshirmok** ‘to give to the grave’ — **chin uyiga kuzatmok** ‘to see off to the true home’ — **kora er bagriga kuymok** ‘to put in the bosom of the black earth’.

The more developed the structure of an indirect lexical unit is, the less concrete the reproduction of the stigmatic connotation becomes; such “speech redundancy always leads to semantic complication, even if it turns out to be false” [24. P. 40]. The accumulation of form leads to the “expansion” of content, which in turn leads to semantic uncertainty; cf.: *oolmok* ‘to die’ — **olamdan ootmok** ‘to pass away’; *oolim* ‘death’ — **bir oyoghi kabrda** ‘with one foot in the grave’.

Differentiation (vertical and horizontal) and integration are two central categories that determine the gradient of structural levels of a euphemistic text formation. Integration, representing a set of processes used “in the case of euphemistic nomination of codes aimed at achieving intellectual protection, determines the coding of a euphemism by semantically heterogeneous means that represent a semantic, substantive and functional integrity” [28. P. 84]. The form

of interaction of linguistic codes of such a community does not have equal rights and is realized within the framework of the concept of additivity “the value of the euphemistic code corresponding to the whole object, will be equal to the sum of the values of the quantities that correspond to its parts with any division of the element into parts” (see [29]) with a dominant, and in some cases sublimating activity of one of the elements of the reproduction of semantic content.

The most significant parameter of the organizational complexity of the spatial differentiation of structural linguistic signs is differentiation, which projects the heterogeneity of the organization, its universality of functioning and differential relationship in the set goals, such as: differentiation in the selection of goals, by the functions performed, and by the number of lexical units actively participating in the formation of the nomination.

Differentiation by the vertical parameter explicates the depth of the hierarchy structure and, in the context of a euphemistic text, is determined by the volume and levels of complexity of linguistic, psychological, and cognitive processes that are involved in the formation of the semantic content of the euphemistic code: “A high degree of vertical differentiation indicates the volume of the element of the euphemistic text — a set of processes, concepts, and intentions transmitted within the framework of an intellectual object — a euphemism” [28. P. 84]. According to the theoretical concept of identifying euphemistic units within the linguistic field developed by S.A. Logvina, such a phenomenon as euphemism can be represented by the following linguistic forms:

- *euphemisms* — *automatisms*, which are intellectual objects of minimal complexity, for example **ketmok** ‘to leave’, **vafot etmok** ‘to decease’, which use a ready-made, frequently used and well-known to all communicants form with a low degree of Abstraction, as a result of which the subject of the communication process expends the least amount of mental effort, which similarly manifests itself in the quantity and quality of mental operations;
- *euphemisms* — *occasionalisms* are more complex intellectual objects, during the coding of which the participant in communication always resorts to situational code switching — overcoming automatism in the selection of syntactic structures from among those already prepared, referring to the principle of humanity and the principle of here and now, for example **oyok kokmok** ‘to stumble’, **khuftongacha kolmaydigan kurinadi** ‘will not stay until the khufton’ (khufton is an obligatory four-time night prayer in Islam. The time for performing khufton begins with the disappearance of the evening dawn after sunset and continues until dawn, thereby there is a similarity that by this time the human body must be buried). These euphemistic units have an average level of Abstraction (at which the identification of the information of the original component can be understood to a sufficient degree) and high pragmatic potential. In addition, euphemisms — occasionalisms have intentions of conscious involvement of the subject of the communication process in its formation;

- *euphemistic simulacra* — intellectual objects of a highly complex level of Abstraction, are of an exclusively simulative nature, in which two processes are synchronized: connotative amelioration and substitution of the original information (where the implementation of complex modulation is needed — falsification of a concept, significantly influencing the perception or behavior of other people through implicit and coding procedures in the interests of the manipulator), for example, **Vatan tuproghida erkalani** **yotmok** ‘to embrace one’s native land’, **ajal denghiziga gark bulmok** ‘to drown in the sea of death’. In such a situation, the automation of perception is excluded, this is only seeming information exchange, however, in reality, the information producers deliberately do not allow the recipient to understand the reality of the transmitted information [1. P. 720–721].

Differentiation of a euphemistic text by horizontal parameter has heterogeneous configurations, both in complexity and in the size of syntactic relations. Within the framework of our study, in the context of increasing complexity of the structure of euphemistic unit, the emphasis shifts from the ways of expressing meaning to structural changes (the number of linguistic signs in the structure of a euphemistic text). Before presenting the classification of horizontal differentiation of a euphemistic text, it should be noted, that the interpretation of the text is understood in its classical version — a meaningfully interconnected, logically connected sequence of linguistic signs that have integrity and structure, and possess a specific purposefulness and pragmatic attitude (see I.R. Galperin [19], O.S. Akhmanova², Yu.M. Lotman [30]). Consequently, a text is capable of performing two functions: to act as an object of reference, and a system of signs. Expanding on this statement, we can say that texts act as referents for other texts. “The space of all the signified, to which a text refers (directly or simply by mentioning or hinting) is defined as the universum of textual projections” [31. P. 21].

In the context of this study, special attention is paid to the syntactic explication of the euphemistic text of the Uzbek language of the thematic group “oolmok” based on the material of “Uzbek tilining kiskacha evfemik lugati” (A Brief Euphemistic Dictionary of the Uzbek Language) by A.Zh. Omonturdiyev and its linguistic signs. In order to clearly illustrate the growing complexity of the structural organization, we have analyzed the differential forms of expression of a euphemistic text, selected by targeted sampling, and divided them into four groups depending on the number of sign units that are part of the euphemistic text and word classes that determine the maximum forms of representativeness of the lexical paradigm:

1. *A one-word euphemism* (euphemistic unit);
 - noun: **kyafan** ‘shroud’, **tobut** ‘funeral bier’, **yettisi** ‘seven, that is, seven days’, **yighirmasi** ‘twenty, that is, twenty days’, **kirki** ‘fortieth deathday’;

² Akhmanova, O.S. (2021). *A Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.).

- adjective: **rahmatli** ‘grateful’ is said about the deceased in the Islamic religion, which means that Allah may have mercy on him and show him His generosity, bestowing His blessings and other benefits;
 - expressed using a verb: **vafot etmok** ‘to decease’, **kurbon boolmok** ‘to become a victim’, **olamdan ootmok** ‘to pass away’;
 - linguistic signs with broad semantics — descriptions: **usha zhoy** ‘that very place’, **oorin** ‘place’ represent the possibility of acting as substitutes for various signs that belong to objects that are differential in nature. For example, the description **oorin** in the phrase **abadiy oorin oolmok** ‘to get an eternal place’ replaces the negative connotation **kabriston** ‘cemetery’, which allows encoding the sent information;
2. *Euphemisms, which consist of two or more words* (euphemistic expressions). A euphemistic expression, being a minimal relatively integral unit in the communication process, symbolizes a linguistic sign (unit of language), the structure of which can consist of two or more lexemes; in this case, the interpretation of the meaning does not correspond to the basic principles of classical semantics, therefore, the interpretation is determined by the principles of euphemization inherent in a specific language and cultural community:
- noun + noun, or two nouns: **zhinoyat zhoyi** ‘crime scene’, **vokea zhoyi** ‘scene of the accident’, **zhinoyat sodir etilgan zhoy** ‘scene of the commission of the criminal act’ — image of the scene of death;
 - noun + adjective, or noun and adjective, for example, comparing death with sleep **abadiy uyku** ‘eternal sleep’, **abadiy tinchlik** ‘eternal peace’;
 - verb + noun, or verb and noun: **adam diyoriga zhunatmok** ‘to go to the forefathers’, **adam chulistonika ketmok** ‘to go to the valley of the ancestors’. These euphemistic explications in Uzbek society, adherents of the Muslim religion have an amphoteric nature of interpretation: reunification with the Creator, and reunification with previously deceased relatives;
 - verb + prepositional phrase/adverb, or verb and prepositional phrase/adverb, for example, **abadiy uikuga ketmok** ‘to fall asleep in eternal sleep’, **abadiy oorin olmok** ‘to obtain an eternal place’, **bevakt ketmok** ‘to leave this world prematurely’;
 - preposition + noun, or preposition and noun. It is worth noting, that in the Uzbek language, prepositions of place are conveyed by suffixes attached to the end of the word form to which they refer. “In”, “on”, “under” in Uzbek are conveyed by the suffix — *da*. For example, **er ostida** ‘under the ground’, **osmonlarda** ‘in heaven’, **kabrda** ‘in the grave’.
3. *Euphemistic nominations consisting of more than two words* (euphemistic sentences). In order to explicate the euphemistic meaning, a syntactic form is often used — a sentence that has potential to act as a minimal unit of a communicative act, for example, a simple sentence: **oolim — oliy mas’udlik** ‘death is a high

blessing', **mas'udlik onini** — **oolim saodati** 'a moment of happiness is the bliss of death', **oolim** — **bu dunyoning eng ulug mukofoti** 'death is the highest reward in the world', **takdirdan kochib kutula olmayslik** 'you can't escape fate', **takdirda bor ekan** 'it was destined for him/her by fate', **takdirda yozilgan bulmok** 'what is written by fate will happen'.

4. *Figurative euphemistic nominations* (metaphors, metonymies, phraseological phrases, tropes, etc.). In this section it should be noted that the meaning of certain euphemisms is not determined by the semantics of individual linguistic signs of the language, which are one of the components of this composition and fall into the category of a complete sentence. As a result of the study of empirical data, "figurative euphemisms in their structure can be classified as fixed word combinations, phrasemes, idioms, cliches, etc. All of them are non-discrete, i.e. non-limiting, not fully divided units. In figurative euphemisms, as in idioms, the nominal part, as a rule, does not change; the verb is more flexible. In grammatical terms, euphemisms are characterized by: attributive predicate; inactive verb; the effective past and the continuous present, etc. The following stylistic devices are often used in the process of forming these explications:
 - metaphor: "oolmok" in the meaning of: 1) travel: **safar kilmok** 'to travel', **umr karvoni manzilga etmok** 'to get to the destination'; 2) the concept of transport, figuratively expressing the meaning of "oolmok": **umr karvoni safarga otlandi** 'a harnessed carriage for traveling', **toort oyokli chobin ot** 'literally a four-wheeled horse-drawn carriage'; 3) in the sense of transition from one world to another in order to fulfill a duty: **omnatini topshirmok** 'to fulfill a duty before God', **hakikiy hayotga yol olmok** 'to leave for the real life', **foniyy dunyodani bokiyya ketmok** 'lit. to pass from another world to another world', **dunyoni muttahamlardan halos kilmok** 'to free the world from the ignorant'; 4) the destination is the kingdom of God: **egasika kerak bulmok** 'to be necessary for the owner', **chin dunyoga ravona bulmok** 'to return to the true place'; 5) the point of completion of life's journey and the starting point of a new journey: **umriga intiho yasalmok** 'to end one's life', **hayotiga nukta koymok** 'to put an end to life', **dunyo eshigidan chikmok** 'lit. to go out the door of the world', **dunyo galvalaridan kutilib ketmok** 'to get rid of the problems of the world, to start a new life'; 6) bodily signs: **bir yaprok uzildi** 'one hair fell off', **oyoghini uzatib ketmok** 'to stretch one's legs', **yuragi urishdan tuhtadi** 'the heart stopped beating';
 - metonymy, figurative periphrases, formed with the help of metonymic transfer, and reproduced in a form characteristic of a given natural phenomenon, actional and artifactual "contexts", projecting perceptual images, associations in the form of *a cemetery, a grave, the afterlife and the organisms living in it*: **kabr yokasida tebranish** 'with one foot in the grave', **tobutga karamok** 'to look

into the stretcher’, **takhta olmok** ‘loaded into the stretcher’, **tobut tortmok** ‘the grave took him’, **marhumlar diyori** ‘the land of the dead’, images of the afterlife **dargoghiga chorlamok** ‘to be invited to the monastery’, **zhonini tamug kazarmasiga yubormok** ‘to send one’s life to the underworld’, **tamug kazarmasiga yubormok** ‘to go to the underworld’, **tamug elatiga yubormok** ‘to go to one’s native place’;

- phraseological units: 1) in the meaning of imminent, approaching death: **bir haftaga bormaydi** ‘will not last even a week’, **tort beshkunligi kolibdi** ‘literally four to five days left’, author’s phraseological units denoting imminent death: **huftongacha kolmaydigan korinadi** ‘will not stay until the khufton’; 2) reunification with loved ones and the Creator, which for a believer — a Muslim should be the only correct path: **ollohga kerak bulmok** ‘to be needed by God’, **rahmati parvardigorga ulanmok** ‘to unite with God’, **Khudo marhamat kilmok** ‘to be accepted by God’; 3) with the concept of “settling scores”: **zhoniga kasd kilmok** ‘to settle scores with life’, **zhonini fido kilmok** ‘to sacrifice one’s life’, **zhonini tamug kazarmasiga yubormok** ‘to send the soul to the barracks of hell’. In such euphemistic units, “the figuratively motivated internal form suppresses those meanings that are considered indecent or taboo” [31. P. 142]. The meaning of figuratively motivated euphemistic codes, “like idiomatic phraseological units, cannot be understood from the meaning of the components that make up these linguistic signs” [24. P. 41];
- personification. According to the Muslim faith, *Azrael* acts as a mediator of transition to another world, or as a certain creature that captures the spirit of a person. In the Uzbek language, he is euphemistically called **Malyakul-maut** (literally, the angel of death);
- depersonification. To a certain extent, the anthropometric nature serves as a confirmation of the existence of differential semantic associative links in the human perceptual system, which manifest themselves as a result of the assumption of the identity of an individual in some kind of functional, external, etc. similarity, close proximity, contiguity, mobilization in one direction, for example, **kora er bagriga kuydi** ‘the black earth accepted him/her’, **kora er bagriga berdi** ‘the black earth took him/her’;
- meiosis rhetorical device is mainly used for expressiveness and is based on implementing the producer’s communicative intention by reducing the intensity of the properties of phenomena and objects of speech: **uykuga ketmok** ‘go to rest’, **umr yakunlanmok** ‘life is drawing to a close’;
- stylistic device of allusion — **gul suldi** ‘the flower withered’, containing a cultural code — the death of great people, namely women. The great Uzbek poet and thinker A. Navoi, having learned of the death of the wife of the ruler of Khorasan, Hussein Baykara, gives him the following lines: “Sarvigulning soyasida **suldi gul**” (quoted from: [10. P. 35]) ‘In the shade of Sarvigul the flower withered’;

- hyperbole: **oolgunimcha** ‘until death’, **sungi nafasimgacha** ‘until the last breath’;
- litota: **khukm okilmok** ‘to pass a sentence, to execute’, **khukm izho ethylmok** ‘to carry out a punishment’, **oliy zhazoga khukm kilinmok** ‘to sentence to capital punishment’;
- irony: **okhirghi hayrlashuv** ‘last date’, **khur bolmok** ‘become free’;

metalepsis — the absence of permanent constancy, as a result of which the process of euphemization in this case is distinguished to a greater or lesser extent by irony and occasionality. For example, the stable combination **u ooz umrni sizlarga berdi** ‘he/she gave you his/her century’ instead of *he/she died* is based on metalepsis, representing the relationship of completion, approaching the end of life;

- foreign language vocabulary. As a result of the interference of the Arabic language into the Uzbek language and culture, which is largely due to the religious factor, where the social attitude and aspects of individual life are regulated in accordance with the commandments of the Quran and Hadith accounts, a large number of borrowed words have penetrated, which take a direct part in the process of euphemization. For example, in Arabic there is a lexeme *azhal* “لَحْزًا” ‘death, term’, which is used in the meaning of the direct nomination “oolmok” — the end of life — death, formed by means of a stylistic device — antonomasia, and implements euphemization in the original language. Thus, the expressions **azhali etib keldi** ‘the term has come’ in the meaning “the time has come for death”; **azhal kimningdir boshi uzra parvonaday aylanmokda** in the meaning ‘death becomes the center of rotation around someone’s head’, where the cognitive-semantic object refers to “death is very close”, penetrated into the vocabulary of the Uzbek language on the basis of this concept;
- bookish words or high style, based on the idea of aesthetic beauty, capable of acting as euphemistic codes of a language, due to the fact that members of a given language community do not use them in their usual everyday communication. For example, **khudoning dargokhiga bormok** ‘to go to God’s house’, **khudo omonatini olmok** ‘to receive God’s grace’;
- nominalization of the term “death” is expressed with the help of the personal pronoun **u** ‘he/she’, the index pronoun **usha** ‘that/that’, thereby not naming the frightening phenomenon and conveying the addressee’s respectful attitude towards death;
- ellipsis: **vakt** ‘time’. In the sentence **vakti soati etibdi** ‘time has struck’, the lexical unit **vakt** ‘time’ indicates the length of a person’s life and acquires the semantic content of “death time”.

We have presented stylistic devices, where the system of relations according to the hierarchical structure between the denotate of the initial nomination and its referent determine a more synthetic structure of expression of the form of a euphemistic text, not breaking down into details, in which, on the one hand, “oolmok” acts as a journey (departure) and return to native lands, peace (eternal sleep) and deserved retribution (according to the Muslim faith). On the other hand, “oolmok”

is the process of stopping life activity, approaching the earth and, ultimately, the transition to the afterlife (In accordance with common views). Neutralization of the pejorative features of the original concept is implemented by using a form that does not reflect a specific reference. In the nominative field “oolmok” units of different levels of language correlate. Words and stable combinations of traditional (not limited by time frames, in which the national-cultural semantics is most colorfully and expressively represented), including archaisms originating in the Muslim religion and mythology correlate with modern lexemes, including those that have just appeared, which reflect the “everyday”, in some cases sarcastic and cynical attitude to the natural phenomenon of “oolmok” as an irreversible cessation of all biological functions of the body. As a result of the use of lexemes with a wide semantic range, a number of associations are formed. These associations contribute to the transmission of insufficient information for reading the code, and allow idealizing reality, changing the form of the denotate, and making it unnatural. It is necessary to emphasize, that “at the heart of these associations are processes caused by the peculiarities of the human perceptual system functioning” [33. P. 237], which serve as a beginning for further formation of the structure of a euphemistic text or a complex syntactic unit — whole-predicative expressions. Metaphorization processes contribute to the fixation of Abstract mental constructs in the meaning of units of various linguistic levels, both the emotional and intellectual originality of a linguistic community representative, and directly project his\her subjectivity to the object of communication.

As a result of identifying the linguistic and statistical features of linguistic codes — euphemisms of the nominative field “oolmok”, in the signs-symbols according to the differential forms of modeling the world of the euphemistic text “oolmok” through the prism of the aesthetic attitude to these linguistic signs in a combination of idiosyncrasy and stereotypicality (symbolic elements of the linguacultural community), it is possible to present a quantitative analysis of the empirical material (Fig. 1).

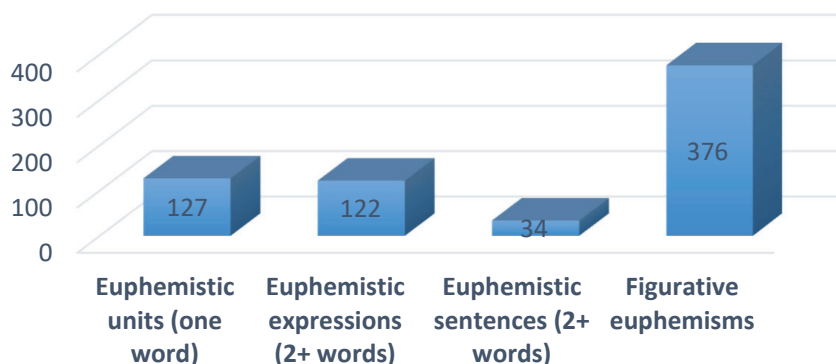

Fig. 1. Quantitative ratio of euphemistic units of the nominative field “oolmok” at different levels of the euphemistic text formation

Source: Timur E. Alimov, Gulchekhra N. Davlatova & Khanym R. Sultanova Research

The denotative basis of the concept “oolmok” is largely encoded by figurative linguistic codes — euphemisms — 376 (53 %) units, due to the usual elements of the language, multi-component composition, generalized reference (largely allegorical attribution of linguistic signs to objects of reality), which have the feature of diffuseness of the semantics of the word with the maximum range of defocusing — removing certain properties of the referent from the focus of attention [34; 35] and tropic occasionality, reducing and encoding the effect of the negative natural phenomenon “oolmok”. The second largest group of units was the group of one-word euphemisms — 127 (17 %) units. Euphemisms of two or more words show a small difference compared to the second group — 122 (16 %) units, the lowest indicator was in the group of euphemisms consisting of more than two words (euphemistic sentences) — 34 (3 %) units, which is due to their highly complex degree of Abstractness, in which the process of replacing information occurs. This process is characterized by high pragmatic potential, and the conscious involvement of the individual in its formation, which in turn requires increased mental activity and, probably, has the ability to manifest itself in time, as well as be reflected in the characteristic structure of speech with text segmentation [1. P. 721].

The analysis of the nominative field “oolmok” labels contained in “Uzbek tilining kiskacha evfemik lugati (A Brief Euphemistic Dictionary of the Uzbek Language)” by A.Zh. Omonturdiyev (2006) made it possible to establish stylistic groups of euphemistic substitutes related to the nominative field “oolmok” (Fig. 2).

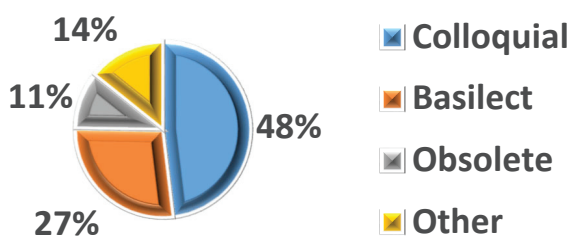

Fig. 2. Quantitative ratio of euphemistic units of the nominative field “oolmok” by stylistic coloring

Source: Timur E. Alimov, Gulchekhra N. Davlatova & Khanym R. Sultanova Research

The data from Figure 2 clearly demonstrate that the linguistic codes of the Uzbek language of the nominative field “oolmok”, marked “colloquial” form a significant part of the empirical material (317 out of 659 units, which is approximately 48 %). This label accompanies the linguistic signs under consideration with a clearly expressed weakened stylistic shade, which appears primarily within the framework of oral verbal communication, inherent in the informal form of communication. To a large extent, such colloquial units promote detailed creative perception of metaphorical images in a literary text, or reflect language play in speech communication, do not carry a serious semantic load, and at the same time are both ways of the author’s

creative representation of scientific thought, often using metaphorical turns, and externally anticipated linguistic techniques of argumentation of such a linguistic representation [36]. They are followed by “basilect” euphemistic nominations, uncoded forms of language, the result of which amounted to 179 (27 %) units. They are used mainly in a particular, relaxed communicative act, reflecting the folklore tradition of Uzbek society and people’s ideas about the natural phenomenon of “oolmok”. In fact, the classification of linguistic signs as basilect expressions suggests that these units can be used exclusively within the framework of a speech act, which can be characterized as “colloquial–slangy”.

Group “other” included 94 (14 %) units, which were divided into three categories: 1) expressions from official business speech: **dokhili rakhmat bulganlar** ‘those who suffered a disaster’, **kurbon bulmok** ‘to become a victim’, **dafn etish** ‘to inhumate’, creating a certain emotional background, a solemn mourning atmosphere; 2) bookish expressions, for example, **saodat kuchoghiga kirmok** ‘to enter the arms of happiness’, which became a catch phrase from the novel by A. Kodiriy “Ootgan kunlar” ‘Past days’; 3) dialects **iti yuk kishlokka ketmok** ‘to go to the village where there are no dogs’, **oyok kokmok** ‘to stumble’; 4) ironic euphemisms: **katta sarguzasht** ‘big adventure’, **okhirghi hayrlashuv** ‘last date’.

The final group includes “obsolete words and expressions” — 69 (11 %) units, which at the first stage enrich the book vocabulary, and at the second, completely cease to be used in speech communication. The internal form (semantic correlation) of obsolete euphemistic nominations over time ceases to have the function of neutralizing the pejorative characteristics of the original components, as a result of which the implementation of the substitution function is impossible. Thus, it can be assumed, that certain words and expressions will go out of active use after some time and pass into the category of obsolete linguistic signs.

In conclusion of the stylistic analysis of the euphemistic codes of the Uzbek language of the nominative field “oolmok”, it is necessary to emphasize that, regardless of the stylistic correlation of linguistic signs, euphemistic units are used mainly in uncoded speech, in the process of informal communication. It is significant that the designation of death, as evidenced by the etymology of euphemisms in the Uzbek language system, is subject to certain criteria: gender, age and social status of a person. For example, the linguistic explications **Rakhmatullohga ulanmok** ‘to reunite with Allah’, **dokhili rakhmat bulmok** ‘to pass into the possession of Allah’, **gul suldi** ‘the flower withered’ are mainly used to convey information about the death of famous and respected people; **olamdan utmok** ‘to leave this life’, **vafot etmok** ‘to pass away’ represent the death of ordinary citizens, and the expressions **gul tergani ketmok** ‘to go pick flowers’, **khur bulmok** ‘to become free’, **nobud bulmok** ‘to disappear’ are used exclusively to denote the death of the younger generations, while **khazon kilmok** ‘to fade away’, **kiz ketmok** ‘the girl/ young woman has left us’, and **hayot bilan vidolashmok** ‘to say goodbye to life’ explicate the death of females.

Conclusions

The result of the conducted study was the selection of 659 euphemistic codes of the nominative field “oolmok”, presented in “Uzbek tilining kiskacha evfemik lugati (Brief euphemistic dictionary of the Uzbek language)” by A.Zh. Omonturdiev, which are related to all the main referents of the situation “oolmok” (to die), as an irreversible cessation of all biological functions of the body, the process of inhumation and the place of stay after death. The structural organization of the euphemistic text by the number of lexical units that participate in the formation of the nomination using the example of the nominative field “oolmok” showed that euphemistic nominations consist of: 1) a one-word euphemism (consists of one euphemistic nomination); 2) a euphemism that contains two or more words (represents a euphemistic expression); 3) a euphemism consisting of more than two words (a euphemistic sentence); and 4) a figurative euphemism (metaphor, metonymy, phraseological phrases, tropes, clichés, etc.), thereby determining a more synthetic and less detailed structure of expression of a euphemistic text. The selected groups express quantitative representativeness by the number of units that are part of the euphemistic text and the indicator of representativeness of the sample of empirical material, expressed as a percentage. A detailed study of the quantitative analysis of units, percentage ratio and stylistic coloring of differential forms of expression of the euphemistic text determined the objectivity of research corpus modeling and, consequently, the composition of the nominative field “oolmok” of “Uzbek tilining kiskacha evfemik lugati (Brief euphemistic dictionary of the Uzbek language)”.

The material studied allows us to assert that the verbalization of the euphemistic text is characterized by a dynamic, non-limiting form, is not discrete, and has certain transformation restrictions, taking into account the peculiarities of communication, and is manifested in the reproduction of all the main functional criteria (hierarchy, volume and interference of discrete elements) in the process of implementing the pragmatic settings of the communicative situation. The dynamic structure of the euphemistic text is explicated by means of the categories of complexity and size of linguistic signs, determined by the designated goals of the communicative situation. The complexity and density of the euphemistic text are determined by the communication process, where the text will be placed more closely and densely in accordance with the set pragmatic task to be realized.

References

1. Logvina, S.A. (2020). Euphemism: Prosodic Organization of Conceptual Components. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 716–732. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732> EDN: HDVNOL (In Russ.).
2. Larin, B.A. (1961). On euphemisms. *Scientific Notes of Leningrad State University: Philological Sciences*, 60(301), 101–114. (In Russ.).
3. Katsev, A.M. (1988). *Linguistic taboo and Euphemia*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A.I. Herzen publ. (In Russ.).

4. Turganbaeva, L.S. (1989). *Functional semantics of euphemisms in modern French* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
5. Krysin, L.P. (1996). Euphemisms in modern speech. In: *Russian language of the end of the XX century (1985–1995)*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 384–408. (In Russ.).
6. Moskvina, V.P. (1999). *Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
7. Porohnickaja, L.V. (2014). *Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, French, Spanish and Italian languages)* [dissertation]. Moscow. EDN: OESOAW (In Russ.).
8. Neaman, J.S. & Silver, C.G. (1995). *Book of Euphemism*. Ware: Wordsworth Editions Ltd.
9. Allan, K. & Burridge, K. (2006). *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Omonturdiyev, A.Zh. (2006). *Short euphemistic dictionary of the Uzbek language*. Tashkent: Fan. (In Uzbek.).
11. Ismatullaev, N. (1964). Euphemisms in the Uzbek language and their classification. *Uzbek language and literature*, 1, 42–57. (In Uzbek.).
12. Moskvina, V.P. (2001). Euphemisms: systemic links, functions and means of formation. *Issues of Language Studies*, 3, 58–69. EDN: UIASHV (In Russ.).
13. Sheygal, Ye.I. (2004). *Semiotics of the political discourse*. Moscow: Gnosis EDN: QODCTF (In Russ.).
14. Berdova, N.M. (1981). *Euphemisms in modern German* [dissertation]. Kiev. (In Russ.).
15. Pryadilnikova, N.V. (2007). *Euphemisms in Russian mass media at the beginning of the XXI century: complex characteristics* [dissertation]. Samara. EDN: ZNFFUV (In Russ.).
16. Tjurina, E.E. (1998). *Semantic status of euphemisms and their place in the system of nominative means of language* [dissertation]. Nizhny Novgorod. EDN: NLNXLD (In Russ.).
17. Babina, L.V. & Shepeleva, D.A. (2008). Cognitive foundations of the formation of occasional meanings of complex words formed according to the N+ N model. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 39–50. EDN: JVGUWB (In Russ.).
18. Boldyrev, N.N. & Aleksikova, Y.V. (2010). Cognitive aspect of euphemisation in the English language. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5–11. EDN: MVDFKD (In Russ.).
19. Galperin, I.R. (1981). *Stylistics of the English language*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
20. Senichkina, E.P. (2012). *Euphemisms of the Russian Language: A Special Course*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
21. Warren, B. (1992). What euphemisms tell us about the interpretation of words. *Studia Lingüística*, 46(2), 128–179.
22. Moskalchuk, G.G. (2006). Structural organization as an aspect of the general text theory. *Bulletin of the Orenburg State University*, 1(51), 73–81. EDN: WAQUYH (In Russ.).
23. Logvina, S.A. (2020). Realization of the euphemistic potential of a lexical unit within the framework of the relational model. *Vestnik TvGU Series: Philology*, 4(67), 31–43. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.4.031> EDN: RWRRUG (In Russ.).
24. Kovshova, M. L. (2019). Euphemisms and phraseological units: frozen structures from the standpoint of euphemisation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 4, 35–48. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI (In Russ.).
25. Bart, R. (1989). *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
26. Eco, U. (2006). *Missing structure. Introduction to semiology*. St. Petersburg: Symposium. (In Russ.).
27. Morris, C.W. (1983). The foundation of the theory of signs. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. pp. 37–89. (In Russ.).
28. Logvina, S.A. (2021). Structural organization of euphemistic text. *Theoretical and applied aspects of the study of speech activity*, 14(7), 82–88. EDN: SOOVWF (In Russ.).

29. Karpov, V.A. (2003). *Language as a system*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.).
30. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphera*. Saint Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.).
31. Brazgovskaya, E.E. (2006). *References and mapping: from philosophy of language to philosophy of text*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. EDN: QWMFZJ (In Russ.).
32. Baranov, A.N. & Dobrovolskii, D. O. (2013). *The basics of phraseology*. Moscow: Flinta. EDN: SBRZAN (In Russ.).
33. Zubkova, O.S. (2014). Metaphor categorization of the professional language space as the reflection of perceptual pattern. *Cognitive Studies of Language*, 19, 237–245. EDN: QRDTT (In Russ.).
34. Kubryakova, E.S. & Iriskhanova, O.K. (2007). Linguistic Abstraction in category names. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 66(2), 1–11. (In Russ.).
35. Taylor, J.R. (1995). *Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford: Oxford University Press.
36. Leontyeva, A.V. (2014). Problems of semantic diffuseness (using the example of a scientific linguistic text). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 104–110. EDN: WJFGGB (In Russ.).

Библиографический список

1. Логвина С.А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 716–732. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732> EDN: HDVNOL
2. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки Ленинградского ун-та. Серия филологических наук. 1961. Вып. 60. № 301. С. 110–124.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л. : Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1988.
4. Турганбаева Л.С. Функциональная семантика эвфемизмов в современном французском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 384–408.
6. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград : Перемена, 1999.
7. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. EDN: OESOAW
8. Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth book of euphemisms Ware : Wordsworth Editions Ltd., 1995.
9. Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
10. Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати. Т. : Фан, 2006.
11. Исмагуллаев Н. Ўзбек тилидаги эвфемизмлар ва уларнинг классификациясига доир // Ўзбек тили ва адабиёти. 1964. № 1. Б. 42–57.
12. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70. EDN: UIASHV
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. EDN: QODCTF
14. Бердова Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981.
15. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. EDN: ZNFFUV

16. *Тюрина Е.Е.* Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка : дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998. EDN: NLNXLД
17. *Бабина Л.В., Шепелева Д.А.* Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N+ N // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2. С. 39–50. EDN: JVGUWB
18. *Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В.* Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5–11. EDN: MVDFKD
19. *Гальперин И.Р.* Стилистика английского языка. М. : Высшая школа, 1981.
20. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка : спецкурс. М. : Флинта, 2012.
21. *Warren B.* What euphemisms tell us about the interpretation of words // *Studia linguistica*. 1992. Т. 46. № 2. С. 128–172.
22. *Москальчук Г.Г.* Структурная организация как аспект общей теории текста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 1–1(51). С. 73–81. EDN: WAQUYN
23. *Логвина С.А.* Реализация эвфемистического потенциала лексической единицы в рамках реляционной модели // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 4(67). С. 31–43. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.4.031> EDN: RWRRUG
24. *Ковшова М.Л.* Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI
25. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994.
26. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004.
27. *Моррис Ч.У.* Основание теории знаков // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 37–89.
28. *Логвина С.А.* Структурная организация эвфемистического текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2021. Т. 14. № 7. С. 82–88. EDN: SOOVWF
29. *Карнов В.А.* Язык как система. М. : Эдиториал УРСС, 2003.
30. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб : Искусство–СПб, 2000.
31. *Бразговская Е.Е.* Референция и отображение: от философии языка к философии текста. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2006. EDN: QWMFZJ
32. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. М. : Флинта, 2013. EDN: SBRZAN
33. *Зубкова О.С.* Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 237–245. EDN: QRDTTT
34. *Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К.* Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 3. С. 1–11. EDN: ZDPPCX
35. *Taylor J.R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford : Oxford University Press, 1989.
36. *Леонтьева А.В.* Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 104–110. EDN: WJFGGB

Сведения об авторах:

Алимов Тимур Эрмекович, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: проблемы семантики, лексикологии, сопоставительное исследование; *e-mail*: 1042228048@pfur.ru
 ORCID: 0000-0002-9207-8547, SPIN-код: 6878-7041, AuthorID: 1175782.

Давлятова Гульчехра Насыровна, кандидат педагогических наук, профессор, член редакционной коллегии журнала «Научный вестник ФерГУ», Ферганский государственный университет (150100, Республика Узбекистан, г. Фергана, улица Мураббийлар, д. 19); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, формирование поликультурной языковой личности, филологическая акмеология, семиотика, развитие риторической речи, гендерные исследования, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, поликультурное просвещение; *e-mail*: gdavlyatova@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-0767-8485.

Султанова Ханум Рза кызы, доктор филологических наук, доцент кафедры регионоведения, Бакинский славянский университет (1014, Азербайджан, Баку, Сулейман Рустам, д. 33); *сфера научных интересов*: мифопоэтика в поэзии, дискурс-анализ, лингвокультурология; *e-mail*: sultanovaxanim@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0779-9540.

Information about the authors:

Timur E. Alimov, PhD student at the Foreign languages department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: problems of semantics, lexicology, and comparative research; *e-mail*: 1042228048@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-9207-8547, SPIN-code: 6878-7041, AuthorID: 1175782.

Gulchekhra N. Davlatova, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, member of the editorial board of the journal “Scientific journal of the Fergana State University”, Fergana State University (19, Murabbiylar Str., Fergana, Republic of Uzbekistan, 150100); *Research interests*: linguoculture, the formation of a polycultural linguistic personality, philological acmeology, semiotics, the development of rhetorical speech, gender studies, cognitive linguistics, intercultural communication, multicultural education; *e-mail*: gdavlyatova@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-0767-8485.

Khanyim R. Sultanova, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Baku Slavic University (33, Suleyman Rustam Str., Baku, Azerbaijan, 1014); *Research interests*: mythpoetics in poetry, discourse analysis, and linguoculture; *e-mail*: sultanovaxanim@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0779-9540.

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DISCURSIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1148-1168

EDN: INYGTL

УДК 811.512.156:39:659.1

Научная статья / Research article

Культурно-историческое наследие Республики Тыва как фактор формирования этнокультурного бренда

И.А. Гусейнова¹ , А.Д. Левшиц² , Н.В. Дубинина²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 levshits-ad@rudn.ru

Аннотация. В настоящее время назрела необходимость в продвижении конкретных регионов с целью усиления их социально-экономической значимости. По этой причине маркетинговые коммуникации и семиотика маркетинга приобретают все больший вес в региональной стратегии позиционирования территорий. Предпочтение отдается локусному брендингу, который способствует представлению культурно-исторического наследия при помощи языковых средств, обладающих этнокультурной спецификой. Изучение этнокультурного бренда как отдельной маркетинговой категории является одним из перспективных направлений исследований ряда гуманитарных наук: лингвистики, лингвокультурологии, маркетинговой коммуникации и др. Этнокультурный бренд рассматривается как сложный конструкт, который формируется в результате взаимодействия определенных обстоятельств и влияния определенных факторов. Для понимания основ этнокультурного брендинга необходим анализ культурных и исторических особенностей преимущественно моноэтнических регионов, которые наиболее репрезентативны для понимания этнобрендинга. Исследование направлено на описание этнокультурной специфики наиболее известных брендов Республики Тыва, включая культурно-этнографические объекты, сувенирную продукцию, блюда национальной кухни, различные товары массового потребления и предметы повседневного обихода с государственной и национальной символикой. Выбор данного региона в качестве объекта исследования обусловлен его географическим и историческим своеобразием, уникальностью фольклорного наследия, спецификой языковой ситуации, особым ментальным кодом населения. Проведенное исследование позволяет апробировать и расширить существующие научные подходы к этнокультурным брендам, выявить ключевые лингвистические технологии брендинга и обозначить дополнительные факторы, необходимые для формирования и функционирования этнокультурных брендов в различных типах пространства.

© Гусейнова И.А., Левшиц А.Д., Дубинина Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: лингвистика маркетинга, лингвистический ландшафт, семиотический анализ, бренд территории, маркетинговая коммуникация, социолингвистические параметры

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Благодарности:

Авторы выражают признательность Д.В. Накисбаеву за неоценимую помощь в поиске социолингвистического материала и примеров локусных брендов иных лингвокультур.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2024

Дата приема в печать: 15.12.2024

Для цитирования:

Гусейнова И.А., Левишиц А.Д., Дубинина Н.В. Культурно-историческое наследие Республики Тыва как фактор формирования этнокультурного бренда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1148–1168. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1148-1168>

Cultural and Historical Heritage of the Republic of Tyva as Ethnocultural Brand Formation Factor

Innara A. Guseynova¹ , Anna D. Levshits² , Natalia V. Dubinina²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 levshits-ad@rudn.ru

Abstract. There is an urgent need nowadays to promote different regions for strengthening their social and economic importance. For this reason, marketing communications and semiotic marketing are gaining more weight in regional strategies where main preference is given to ‘locus branding’. Locus branding promotes region’s cultural and historical heritage using linguistic tools and considering its ethnocultural specifics. Ethnocultural brand as a particular marketing category is one of the main humanitarian promising areas including linguistics, linguoculturology, marketing communications, etc. Ethnocultural brand should be considered as a complex construct that is formed as a circumstances and factors interaction result, there is need to focus on analyzing cultural and historical territories of mainly monoethnic regions, that are most representative for understanding ethnobranding. In this article we attempt to study the ethnocultural specifics of the most famous brands in the Republic of Tyva, including cultural and ethnographic objects, souvenirs, national cuisine, various consumer goods and everyday items marked with state and national symbols. We choose the Republic of Tyva as our research object due to its geographical and historical uniqueness, its folklore heritage, specificity of its language situation and special mental code of its population. Our research allows to expand and test traditional scientific approaches to ethnocultural brands, in particular, understand key linguistic branding technologies and increase additional factors necessary for the formation and development of ethnocultural brands in various types of spaces.

Keywords: linguistic landscape, marketing linguistics, semiotic analysis, territory brand, marketing communication, dimensions of sociolinguistic

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Financing. Acknowledgements:

The authors express their gratitude to D.V. Nakisbaev for invaluable assistance in searching for sociolinguistic material and examples of locus brands of other linguacultures,.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Guseynova, I.A., Levshits, A.D. & Dubinina, N.V. (2024). Cultural and Historical Heritage of the Republic of Tyva as Ethnocultural Brand Formation Factor. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1148–1168. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1148-1168>

Введение

Изучение этнокультурного бренда как особой маркетингово значимой категории вызывает устойчивый интерес у отечественных и зарубежных ученых (Дж. Барнетта и С. Мориарти [1], Ф. Котлера, Х. Картаджайя и А. Сетиаван [2], В.А. Митягиной и И.Г. Сидоровой [3], Ю.К. Пироговой [4] и др.). В проводимом нами междисциплинарном исследовании мы опираемся на научные изыскания в области маркетинга и маркетинговых коммуникаций и лингвистики маркетинга, требуемых для понимания теоретико-практических основ функционирования этнокультурного бренда. При классификации вербальных и невербальных средств, объективирующих этнокультурный бренд в различных типах среды и пространства, а также уточняя разработанную нами модели функционирования этнобренда, мы также применяем методы социолингвистики и маркетинговой лингвистики.

Научный фокус одного из соавторов настоящего исследования был прежде сосредоточен на Японии [5–7]¹, однако мы полагаем, что наши исследования адаптивны и к иным регионам. С позиции маркетинговой лингвистики нами выявлены и систематизированы три фактора — социолингвистический, номадический и лингвострановедческий, которые играют ключевую роль при построении устойчивого этнобренда.

Социолингвистический фактор. Ю.Д. Дешериев рассматривает природу, структуру и классификацию социальных факторов и утверждает, что к социальным относятся факторы не только материальной и духовной культуры, но также это «явления и процессы, которые являются продуктом развития общества и деятельности людей», которые имеют соответствующие

¹ *Левшиц А.Д.* Социолингвистические параметры функционирования этнокультурных брендов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2023. EDN: DOHUNN

признаки: возраст, пол, социальное положение и др., отмечая, что «все элементы языка формируются в процессе взаимодействия социальных факторов и в условиях конкретной речевой деятельности человека» [8. С. 7]. По утверждениям Ч.С. Цыбеновой, функционал тувинского языка претерпел существенные изменения в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944), когда были созданы национальная письменность, расширились и укрепились общественные функции языка, произошло становление литературных форм. В настоящее время основное влияние на тувинский язык оказывает именно сфера культуры², а также возрождение традиций и обычаев [9. С. 471], отмечается, что «безусловным ядром поля [тувинской культуры] является культураема «Родной тувинский язык», перекрывающая фольклорные формы устного народного творчества» [10. С. 179]. Необходимо отметить и проводимую государственную политику, направленную на культурное развитие и поддержку инноваций в рамках принимаемых законов³ и проведение уникальных мероприятий⁴.

Номадический фактор: Традиционная культура тувинцев восходит к культуре кочевников. Как отмечает Ч.К.О. Ламажаа «...в случае с тувинцами особенность кочевой культуры нашла одно из самых ярких проявлений, так как для тувинцев с их резко-континентальным национальным характером оказалось приемлемо полусобственное существование» [11. С.]. М.В. Томская утверждает, что «...лингвистический интерес к «многогранному» феномену номадизма обусловлен необходимостью досконального рассмотрения проявлений номадизма в культуре и языковой коммуникации» [12. С. 253]. С точки зрения маркетинговой коммуникации мы наблюдаем буквальное «кочевание» потребителей от бренда к бренду, обусловленное *номадическим* образом жизни в условиях географической и культурной разрозненности, а также «кочевание» ряда константных элементов, присущих этнобрендам, понятных не только широкой аудитории в регионе происхождения бренда, но также иным лингвокультурам. Данные элементы

² Согласно официальным данным, представленным на портале Республики Тыва (Культура Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1322/> (дата обращения: 17.01.2024). в регионе функционируют следующие структуры, деятельность которых направлена на усиление и сохранение культурного потенциала региона : 176 библиотек, 144 сельских домов культуры, 32 ДШИ, 7 музеев, 19 республиканских учреждений культуры и искусства, а также 6 творческих союзов.

³ Законы: «О культуре»; «О библиотечном деле»; «О Музейном фонде Республики Тыва и музеях в Республике Тыва»; «О народных художественных промыслах»; «Об охране и использовании историко-культурного наследия народов Республики Тыва».

⁴ Мероприятия: экологический кинофестиваль «Живая тропа Дерсу», межрегиональный фестиваль национальных культур «Сердце Азии», региональный конкурс-фестиваль исполнителей на национальных инструментах «Дынгылдай», международный фестиваль войлока «Узоры жизни на войлоке» и др.

были выявлены нами при помощи авторской методики семиотического анализа, которая будет более подробно рассмотрена далее.

Лингвострановедческий фактор: Для нашего исследования принципиально обращение к лингвострановедческому фактору, поскольку Республика Тыва мононациональна, также наблюдается тенденция изменений миграционных потоков, что неизбежно оказывает влияние на все жизненные сферы и приводит к усилению [моно] этнического компонента. Сквозное сочленение трех обозначенных выше факторов, как мы полагаем, образует универсальную для любого этнокультурного бренда модель, к которой добавляются вариативный части, меняющиеся в зависимости от специфики языка, специфики продукта и его маркетинговых характеристик.

Формирование устойчивого этнокультурного бренда: социолингвистические параметры

Этнокультурный бренд является сложным конструктом, возникающим в результате взаимодействия социолингвистического, номадического и лингвострановедческого факторов, учитывающим культурные, исторические и географические особенности и ментальный код населения региона. В.А. Тишков и В.В. Степанов утверждают, что этнокультурный бренд рассматривается в качестве «...идей выявления, моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов» [13. С. 184]. Согласно Е.Б. Хорольцевой, «бренд региона может создаваться как территориальная идентичность, выраженная в этнокультурных ценностях, образах, символах. В этом случае речь идет о конструировании этнокультурного бренда» [14. С. 26]. И.И. Горлова, О.И. Бычкова и Н.В. Костина полагают, что «в контексте социокультурного развития территорий этнокультурное брендинг выступает как мультипликатор развития региона и инструмент повышения конкурентоспособности локации» [15. С. 4]. А.П. Панкрухин рассматривает региональный культурный бренд как «инструмент маркетинга территорий, который ориентирован как на местное население, с целью формирования у него чувства единства, патриотизма, так и на внешних потребителей, с целью привлечения людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития» [16. С. 197].

Нами установлено, что благодаря сохранению национального колорита и особенного внимания и отношения коренного населения к историческим традициям и культурному наследию в подобных регионах особую роль играет т.н. «локусный брендинг», который «формируется благодаря исследованиям национальной идентичности и «эффекту страны происхождения») и является «знаком, содержательно обладающим свойствами бренда, добрым именем, обещающим обеспечить желаемые переживания, имеющим топоним в качестве законодателя и указывающим на некоторый *локус* (территорию, место, город, регион и т.п.) в качестве денотата» [17. С. 33]. Примеры локуса различных культур и их языковой специфики представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Примеры «локусного брендинга» в различных лингвокультурах
‘Locus branding’ in Various Linguistic Cultures

Язык / Language	Пример «локусного брендинга» / Example of ‘locus branding’
Японский / Japanese	1. Специальная лексика, которая обозначает товар, произведенный в конкретном месте или регионе / Specialized vocabulary that refers to a product produced in a specific location or region, например, (岡山の) 特産品 [окаяма-но токусанхин] ‘уникальные продукты или товары префектуры Окаяма’, 特製 [токусэй] ‘особенные, оригинальные [товары]’, 日本土産 [нихон тосан/досан] ‘произведенное именно в Японии’, 地方ブランド [тихо: бурандо] ‘локальный, местный бренд’ 2. Языковые приемы / Language techniques: использование заимствований (преимущественно из английского языка): “Everything Everywhere All at Once” (2022) идёт в японском прокате под названием 「エブリシング・エブリウェア・オール・アット・ワンス」 [эбурисингу эбуриуэа оору атто вансу] — прямая транскрипция названия на английском языке); использование устаревших грамматических форм, например, языка бунго; употребление в слоганах рекламных кампаний традиционных поэтических ритмов: в слогане использован ритм <i>танка</i> — 「南向きだから/すてきなね/駅前だから/便利だね」 заголовков рекламы недвижимости; букв. ‘Выходит на юг — прекрасно, к вокзалу близко — удобно!’
Китайский / Chinese	1. Специальная лексика / Specialized vocabulary В большом китайском словаре зафиксирован термин 土特产 [тутэчань] ‘специфическая местная продукция’ / ‘продукция конкретной местности’, который объединяет в себе два понятия 土产 [тучань] ‘местная продукция’ и 特产 [тэчань] ‘особые товары местного производства’. Приведем далее примеры, иллюстрирующие разницу этих понятий. В Китае под названием тучань обычно понимают сельскохозяйственную и ремесленную продукцию различных регионов, например: 松香 [сунсян] ‘сосновая смола’, 毛竹 [маочжу] ‘бамбук мосо хубэй’, 栲胶 [каоцзяо] ‘дубильный экстракт из коры растительного сырья с богатым содержанием танина’, 陶瓷器 [таоцыци] ‘керамическая посуда’, 丝织品 [сычжипин] ‘изделия из шелка’, 花边 [хуабянь] ‘кружево’, 水果 [шуйго] ‘фрукты’ и т.д. Под названием тэчань понимается продукция различных регионов, которая обладает уникальными качествами, стилем или техникой, в которой она выполнена: 杭州织锦 [ханчжоу чжицинь] ‘ханчжоуский дамаст’, 景德镇瓷器 [цзиндэчжэнь цыци] ‘цзиндэчжэньский фарфор’, 宜兴陶器 [исин таоци] ‘исинская керамика’, 绍兴黄酒 [шаосин хуанцзю] ‘шаосинское рисовое вино’, 南丰蜜橘 [наньфэн мицзюй] ‘наньфэнские мандарины’, 汕头抽纱 [шаньтоу чоуша] ‘шаньтоуская вышивка’ и др. 2. Рекламные слоганы, содержащие «локусный» компонент / Advertising slogans containing a “locus” component: 青川黑木耳“高端山珍形象 [цинчуань хэй муэр гаодуань шаньчжэнь синсян] ‘Черные древесные грибы уезда Цинчуань — образец изысканных деликатесов, дарованных горами’; 品豆腐乳到湖北, 承恩峙前味最美 [пинь доуфужу дао хубэй, чэньэньчжи цянэ вэй цзуй мэй] ‘Приезжай в провинцию Хубэй отведать доуфужу, насладись прекрасным вкусом озирая склоны гор Чэньэнь’; 仙有长寿蟠桃, 人有南丰蜜橘 [сянь ю чаншоу паньтао, жэнь ю наньфэн мицзюй] ‘В небесных чертогах растут персики бессмертия, а на земле мандарины уезда Наньфэн’; 云南山泉水回味无穷 [юньнань шаньцюаньшуй хуэйвэй тянь] ‘Сладкое послевкусие воды горных источников провинции Юньнань’

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

Для понимания основ успешности и устойчивости локальных брендов нами была поставлена задача определить социолингвистические критерии, побуждающие покупателя сделать выбор товара. В проводимых исследованиях на материале Японии при помощи анкетного опроса нами установлено, что помимо экстралингвистических знаний о товаре, важную роль играет

комплекс лингвистических средств, в разной мере оказывающий влияние и воздействие на потенциального потребителя. Рассмотрим такие аспекты, как речь применительно к социальной принадлежности отправителя; обстановке; фольклорные исследования и синхронические и диахронические социолингвистические исследования; масштабы разнообразия.

Социальная принадлежность получателя: выражается в употреблении особой почтительной лексики при обращении к старшим по статусу. А.К. Кужугет, описывая нормы тувинского этикета, отмечает, что важнейшим элементом почтительных приветствий является язык жестов. Во время *чолукушууру*, формы приветствия, принятой в дни Нового года по лунному календарю — *Шагаа* — или при первой встрече после праздника младший по возрасту «вытягивал в знак приветствия руки первым, ладонями вверх, а старший опускал свои руки ладонями вниз, при этом руки их соприкасались на уровне локтей» [18. С. 15]. Согласно опросу о понимании и восприятии черт, присущих национальному характеру тувинцев, многие респонденты в качестве черты, присущей тувинскому этносу, отмечают именно почтительное отношение к старшим в семье и социуме [11].

Обстановка: проявляется в особом использовании языка, а также в ситуациях, когда, по Л.С. Кара-оол, официальный и неофициальный стили резко различаются по форме и функции [19]. В тувинском языке присутствует большое количество русизмов преимущественно общественно-политической направленности: названия общественно-политических формаций, политических организаций и госаппарата, слова, относящиеся к различным заседаниям и решениям; «в настоящее время русизмы используются во всех подстилях официально-делового стиля тувинского языка» [19. С. 140], при этом нередко ситуации, когда употребление иноязычной лексики или неологизмов неоправданно, поскольку в тувинском языке существует аналогичная терминология. Отметим, что проблема сохранения и использования тувинского языка решается на государственном уровне. В Постановлении Правительства Республики Тыва от 8 ноября 2023 г. «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва» регламентированы многочисленные цели и задачи, касающиеся «укрепления общероссийского гражданского самосознания, сохранение и развитие этнокультурного многообразия, гармонизация национальных и межнациональных отношений»⁵. За годы реализации программы в регионе созданы электронный корпус

⁵Постановление Правительства Республики Тыва 8 ноября 2023 года N 815 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва "Развитие государственных языков Республики Тыва" и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Тыва» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406943337?marker=64U0IK> (дата обращения: 24.01.2024).

тувинского языка, тувинская раскладка клавиатуры для различных операционных систем, утверждены различные национальные премии и мероприятия, касающиеся тувинского языка, принята «Стратегия государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.».

Фольклорные исследования и синхронические и диахронические социолингвистические исследования: данные параметры по Ч.С. Цыбеновой описывают «разницу между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других», а также позволяют увидеть различия в языковом поведении и «найти исторические объяснения диалектных расхождений». Мы полагаем, что для современного тувинского языка свойственны типичные проблемы языкового функционирования миноритарных языков. Согласимся с Ч.С. Цыбеновой, что в поликультурном русскоязычном обществе к числу наиболее острых проблем относятся «интенсивное влияние функционально более мощного русского языка, узость сфер употребления, низкий социальный престиж, сокращение количества носителей языка и ухудшение владения родным языком молодым поколением» [20. С. 84]. Автор приводит понятие «функциональной мощности», которое в современной социолингвистике принято толковать как «репертуар социальных функций, выполняемых оцениваемым языком и представляющий собой долю его функций, из числа всех существующих в данном регионе» [20. С. 84]. Благодаря методикам социолингвистического исследования, были выявлены ситуации функционального соотношения русского и тувинского языков, а именно: в сферах общественно-производственной деятельности, в сферах семейно-бытового и межличностного общения, в сферах удовлетворения информационных и эстетических потребностей. Согласно приведенным результатам наиболее активно русский язык используется в государственных учреждениях, тувинский язык — в семье и близком кругу, что в целом является сферой доминирования миноритарных языков и воспринимается исследователями традиционным языковым поведением. Данную точку зрения также разделяет И.А. Гусейнова, которая отмечает что «применение эритажных языков на фоне языка титульного народа или доминирующего языка носит амбивалентный характер, но их использование в конструктивном или деструктивном русле зависит от интенций и намерений участников институциональной коммуникации... наибольший научный интерес заслуживают вопросы комплексного взаимодействия эритажных языков с доминирующим языком в институциональной среде» [21. С. 55]. Частота использования тувинского и русского языков зависит от внешних обстоятельств и специфики коммуникативных ситуаций и языковой среды.

Масштабы разнообразия: параметр, «относящийся к географическим масштабам или простейшим лингвистическим характеристикам, таким, как число общих слов». В понятие масштаба У. Брайт включает три типа:

мультидиалектный, мультиязыковой, мультисоциальный [22]. Ономастика и лингвистический ландшафт Республики Тыва, по Н.Д. Сувандии, изучавшей тувинские географические наименования в ходе диалектологических экспедиций в 1999–2019 гг. в различные районы региона, демонстрирует ключевую роль цветового компонента в географических названиях Тувы, при этом используются основные цвета тувинского языка: «...распространенными топоформантами в топонимической системе тувинского языка являются имена прилагательные, обозначающие цветовые обозначения, как кара — ‘черный, темный’, кызыл — ‘красный’, сарыг — ‘желтый’, ногаан — ‘зеленый’, көк — ‘синий; зеленый; седой; серый’, хүрең — ‘коричневый; бурый’, бора — ‘серый’, ала — ‘пегий (о масти животных), полосатый, пестрый’, шокар — ‘пестрый, рябой, пятнистый; разрисованный, украшенный орнаментом’ и др.» [23. С. 197]. Подобное многообразие отражает не только цветовую палитру *окружающего* мира, но также позволяет изучать глубинные основы *картины* мира, принятой в тувинской культуре.

Семиотический анализ популярных тувинских брендов в русле теорий маркетинговой лингвистики

Фундаментальное изучение сложных феноменов, к которым мы относим и этнокультурные бренды, предполагает разработку методики семиотического анализа, включающую три этапа: анализ вербальных сигналов, визуальных сигналов и символических сообщений. Данные этапы были обозначены нами с опорой на научные изыскания Л. Освальд, утверждающей, что бренд является «знаковой системой, которую потребители ассоциируют с конкретными названиями, логотипами, цветами, тенденциями популярной культуры и пр.» (перевод авторов) [24. Р. 11–12]. Мы также принимаем во внимание тезис П.Б. Паршина, который отмечает, что «использование вербальных, визуальных и концептуальных символов способствует формированию имиджа территории и продвижению ее бренда в маркетинговой коммуникации» [17. С. 29]. Для создания комплексной методики семиотического анализа нами был отобран корпус рекламно-информационных текстов, включающих наружную рекламу, коммерческие ролики на радио и телевидении и в СМИ. Первоначально исследование проводилось на материале популярных имен японских брендов, популярных и узнаваемых как в Японии, так и за ее пределами среди представителей других лингвокультур.

В рамках нашей методики проанализированы несколько тувинских брендов различных маркетинговых категорий (культурно-этнографические объекты, сувенирная продукция, блюда национальной кухни, товары массового потребления и предметы повседневного обихода с государственной и национальной символикой и др.), знаковых для региона. Вынуждены признать, что в силу специфики рассматриваемого

региона, ограниченности маркетингового материала и малой доступности информации, практически невозможно реализовать все этапы семиотического анализа, изначально разработанного на примере японских брендов. Как отмечают Ч.К. Ламажаа и В.Ю. Сузукей, «...к сожалению, в Туве абсолютно не развиты маркетинг и менеджмент, особенно в сфере культуры» [25. С. 811]. Рассмотрены государственная символика (Тыва как национальный бренд) (см. табл. 2), предметы повседневного обихода / сувенирная продукция (см. табл. 3), продовольственные товары и национальные блюда (гастрономический бренд) (см. табл. 4), культурно-исторические объекты (бренд территории) (см. табл. 5), памятники (территориальные бренды) (см. табл. 6), заповедники (природные бренды) (см. табл. 7), другие природные бренды (см. табл. 8).

Государственная символика (Тыва как национальный бренд)

Таблица 2 / Table 2

Семиотический анализ национального бренда Республики Тыва
The Republic of Tyva National Brands’ Semiotic Analysis

Краткая информация / Brief information	Герб Республики Тыва / Coat of Arms of the Republic of Tyva	
Вербальные сигналы / Verbal signals	Ролик «Герб Республики Тыва» / Video “Coat of Arms of the Republic of Tyva” (https://www.youtube.com/watch?v=dfsMDUgBTmk)	
Визуальные сигналы / Visual signals	<i>Золотой цвет</i> символизирует богатство, верховенство, величие; <i>голубой цвет</i> символизирует чистое небо, возвышенность целей, взаимоуважение и согласие в обществе; <i>белый цвет</i> символизирует чистоту и благородство общественной морали, а также напоминает о традиционном напитке тувинцев — чае с молоком — который первым делом преподносят гостю, когда он входит в дом ⁶ . / The <i>gold color</i> symbolizes wealth, supremacy, greatness; The <i>blue color</i> symbolizes a clear sky, the sublimity of goals, mutual respect and harmony in society; the <i>white color</i> symbolizes the purity and nobility of public morality, and also reminds of the traditional drink of the Tuvans — tea with milk — which is the first thing a guest is served when he enters the house.	
Символические сообщения / Symbolic messages	Изображение всадника на лошади — арата (крестьянин-скотовод) в национальном костюме «тон» — выражает самобытность тувинского этноса и их основную хозяйственную деятельность. Движение навстречу солнцу символизирует движение к светлой, счастливой и благополучной жизни. Форма герба — стилизованный буддийский знак вечности «Самбыга». Золотое обрамление герба — символическое изображение традиционной ленты «кадак», церемониального шарфа, который преподносится как почетный дар и выражает гостеприимство и трудолюбие тувинцев ⁷ . / The image of a horseman on a horse — arat (a peasant-cattleman) in the national costume “ton” — expresses the identity of the Tuvan ethnic group and their main economic activity. The movement towards the sun symbolizes the movement towards a bright, happy and prosperous life. The shape of the coat of arms is a stylized Buddhist sign of eternity “Sambyga”. The golden frame of the coat of arms is a symbolic image of the traditional ribbon “kadak”, a ceremonial scarf, which is presented as an honorary gift and expresses the hospitality and hard work of the Tuvans.	

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

⁶ Государственная символика [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. Режим доступа: https://rtyva.ru/region/gos_symbol/ (дата обращения: 24.01.2024).

⁷ Гербы регионов России. Республика Тыва. М. : Ариа-АиФ, 2016. .

**Предметы повседневного обихода /
сувенирная продукция (FMCG)**

Таблица 3 / Table 3

**Семиотический анализ брендов
товаров повседневного спроса Республики Тыва
The Republic of Tyva FMCG Semiotic Analysis**

Краткая информация / Brief information	Марки Республики Тыва / Stamps of the Republic of Tyva
	
Вербальные сигналы / Verbal signals	Ролик «Филателия. Марки Тувы — история, выпуски, в каталогах» / Video “Philately. Stamps of Tyva — history, issues, in catalogues” (https://www.youtube.com/watch?v=fh58Cx3otHw)
Визуальные сигналы / Visual signals / Visual signals	Коллекционеры-филателисты отмечают, что марки Республики Тыва остаются одними из самых редких в мире, благодаря уникальным формам, неповторимости изображений и орнаментов. Для анализа нами выбраны две марки: марка 1927 г. из этнографической серии с изображением тувинца на фоне юрты и марка 1926 г. выпуска с изображением главного символа буддизма, эмблемы «Дхармачакра» («Колесо закона», «Колесо жизни»)⁸. / Philatelic collectors note that the stamps of the Republic of Tyva remain among the rarest in the world, thanks to their unique shapes, unique images and ornaments. We selected two stamps for analysis: a 1927 stamp from the ethnographic series with an image of a Tuvan against the background of a yurt and a 1926 stamp with an image of the main symbol of Buddhism, the emblem of the “Dharmachakra” (“Wheel of Law”, “Wheel of Life”).
Символические сообщения / Symbolic messages	Изображение «Дхармачакры» символизирует намерение местных революционеров, провозгласивших в 1921 году независимость Народной Республики Танну-Тыва, стремление сохранить господствующую в регионе религию. Монгуш Буян-Бадыргы, новый руководитель республики, являлся учеником Ламы и исповедовал буддизм⁹. Юрта, согласно научным изысканиям М.С. Байыр-оола, «является ключевым концептом традиционной культуры тувинцев. С ней непосредственно связаны повседневная жизнь nomadов, их стереотипизированное сознание и поведение» (Байыроол, 2013: 68). / The image of the “Dharmachakra” symbolizes the intention of local revolutionaries who proclaimed the independence of the People’s Republic of Tannu-Tuva in 1921, the desire to preserve the dominant religion in the region. Mongush Buyan-Badyrgy, the new leader of the republic, was a disciple of the Lama and professed Buddhism. The yurt is a key concept of the traditional culture of Tuvans. It is directly connected with the daily life of nomads, their stereotypical consciousness and behavior

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

⁸ Марки суверенной, советской и современной Тувы [Электронный ресурс] // Личный сайт филателиста Сачёва Михаила Владимировича. Режим доступа: http://sachev.ru/kollekcionirovanie_marki.htm (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ Марки суверенной, советской и современной Тувы [Электронный ресурс] // Личный сайт филателиста Сачёва Михаила Владимировича. Режим доступа: http://sachev.ru/kollekcionirovanie_marki.htm (дата обращения: 23.01.2024).

Продовольственные товары и национальные блюда
(гастрономический бренд)

Таблица 4 / Table 4

Семиотический анализ гастрономических брендов Республики Тыва
The Republic of Tyva Gastronomic Brands’ Semiotic Analysis

	
Краткая информация / Brief information	Природная питьевая вода «Бай-Хаак», напиток «Чуксугбай», сушеное мясо яка «Хенме» и мука из жареного ячменя «Тыва далган» / Natural drinking water “Bai-Khaak”, drink “Chuksugbai”, dried yak meat “Henme” and flour from roasted barley “Tyva dalgan”
Вербальные сигналы / Verbal signals	Статья «Четыре продуктовых бренда из Тувы участвуют в конкурсе «Вкусы России» ¹⁰ . / Article “Four food brands from Tyva participate in the “Tastes of Russia” competition”.
Визуальные сигналы / Visual signals	В октябре 2021 г. на платформе Министерства сельского хозяйства и продовольствия Тувы в открытом доступе проходило голосование, призывающее потребителей выбрать лучшую местную продукцию, представленную в рамках второго Национального конкурса региональных брендов продуктов питания «Вкусы России» (организатор — Министерство сельского хозяйства РФ). / In October 2021, a publicly accessible vote was held on the platform of the Ministry of Agriculture and Food of Tyva, calling on consumers to choose the best local products presented as part of the second National Competition of Regional Food Brands “Tastes of Russia” (organized by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation)
Символические сообщения / Symbolic messages	«Бай-Хаак» — природная питьевая вода; добывается из скважины Терехтинского месторождения в Тандинском районе Республики Тыва. Вода содержит серебро, обладает бактерицидными и антисептическими свойствами. «Чуксугбай» — переводится как ‘смолянистый’ или ‘богатый смолой’ (чук ‘смола’). Корень чуксугбая — трава-эндемик, произрастающая в Республике Тыва. Напиток принимают для лечения ряда заболеваний: сахарного диабета, пневмонии, язвы желудка, при нарушениях работы ЖКТ. Мясо яка «Хенме» — высокобелковый продукт, который, благодаря невысокой температурной обработке, сохраняет все жизненно необходимые аминокислоты и практически не отличается по составу от сырого мяса яка. Самое богатое по содержанию гемоглобина. Мука из жареного ячменя «Тыва далган» — издревле один из древнейших национальных ингредиентов тувинской кухни. Ячменную муку смешивали с молочным чаем и топленым маслом, доводя до твердого кашеобразного состояния. Особенная ценность далгана заключается в оптимальном содержании белков и углеводов, а также важных микроэлементов. / “Bai-Khaak” is a natural drinking water; it is extracted from the well of the Terekhtinsky deposit in the Tandinsky district of the Republic of Tyva. The water contains silver, has bactericidal and antiseptic properties. “Chuksugbai” is translated as ‘resinous’ or ‘rich in resin’ (chuk ‘resin’). The root of chuksugbai is an endemic herb growing in the Republic of Tyva. The drink is taken to treat a number of diseases: diabetes, pneumonia, stomach ulcers, and gastrointestinal disorders. Yak meat “Henme” is a high-protein product that, due to low temperature treatment, retains all the vital amino acids and is practically no different in composition from raw yak meat. It has the richest hemoglobin content. Roasted barley flour “Tyva dalgan” has been one of the oldest national ingredients of Tuvan cuisine since ancient times. Barley flour was mixed with milk tea and ghee, bringing it to a solid porridge-like state. The special value of dalgan lies in the optimal content of proteins and carbohydrates, as well as important microelements

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

¹⁰ Четыре продуктовых бренда из Тувы участвуют в конкурсе «Вкусы России» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. Режим доступа: https://rtyva.ru/press_center/news/konkursy/46190/ (дата обращения: 24.01.2024).

Культурно-исторические объекты (бренды территории)

Таблица 5 / Table 5

Семиотический анализ территориальных брендов Республики Тыва
The Republic of Tyva Territory Brands’ Semiotic Analysis

	
Краткая информация / Brief information	Золото скифов Тувы (курганы «Аржаан-1» и «Аржаан-2») / Gold of the Scythians of Tuva (mounds “Arzhaan-1” and “Arzhaan-2”)
Вербальные сигналы / Verbal signals	Полик «Hermitage Online. Курганы первых царей кочевых племен в центре Азии» / Video “Hermitage Online. Mounds of the first kings of nomadic tribes in central Asia” (https://www.youtube.com/watch?v=1p1Dg9-v88) Полик «Академик А.П. Деревянко. Курган «Аржаан II», Тыва» / The video “Academician A.P. Derevyanko. Kurgan “Arzhaan II”, Tuva” (https://www.youtube.com/watch?v=enCBxDhFBss)
Визуальные сигналы / Visual signals	В начале XX в. Учеными-археологами были обнаружены курганы скифского типа, расположенные вдоль реки Уюк (Турано-Уюкская котловина в Республике Тыва). Особую ценность для науки представляет обнаружение захоронения представителей высшего социального слоя. Среди находок, датированных VII в. до н.э. выделяют высокохудожественные изделия, выполненные в технике литья и штамповки, в знаменитом «зверином стиле» древних Скифов» ¹¹ / At the beginning of the 20th century, archaeologists discovered Scythian-type burial mounds located along the Uyuk River (Turan-Uyuk Basin in the Republic of Tuva). The discovery of a burial of representatives of the highest social class is of particular value to science. Among the finds, dated to the 7th century BC, highly artistic products made using the casting and stamping technique, in the famous “animal style” of the ancient Scythians, stand out.
Символические сообщения / Symbolic messages	Долина Царей Тывы — несколько цепочек курганов, внутри которых были обнаружены останки людей и лошадей времен 9–7 веков до н. э., относящихся к культуре скифов, а также образцы художественных изделий из драгоценных материалов. Золотые находки демонстрируют наличие у населения раннескифского времени Тывы ювелирного мастерства высочайшего уровня. Среди найденных предметов выделяют следующие: гривну — знак царской власти — мужское шейное украшение, пектораль — женское нагрудное украшение, бляхи в виде кошачьих хищников и кабана, шпильки, кинжалы и наконечники стрел и др. погребальные украшения. Обнаруженные предметы неоднократно экспонировали во всемирно известных музеях мира: Государственном Эрмитаже, в США, Японии, Китае, Австрии, Швейцарии, Финляндии, Корее, Бельгии, Германии ¹² . / The Valley of the Kings of Tuva is a series of burial mounds, inside which the remains of people and horses from the 9th-7th centuries BC, related to the Scythian culture, were found, as well as examples of art objects made of precious materials. Gold finds demonstrate the presence of the highest level of jewelry craftsmanship among the population of the early Scythian period of Tuva. Among the found objects, the following stand out: a grivna — a sign of royal power — a male neck decoration, a pectoral — a female chest decoration, plaques in the form of feline predators and a wild boar, hairpins, daggers and arrowheads, and other burial decorations. The discovered objects have been repeatedly exhibited in world-famous museums: the State Hermitage Museum, in the USA, Japan, China, Austria, Switzerland, Finland, Korea, Belgium, Germany.

Источники: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

¹¹ Основные «бренды» территории Республики Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ — Система обмена туристской информацией. Режим доступа: <https://nbc.rs.org/regions/respublika-tyva/brendy-territorii> (дата обращения: 24.01.2024).

¹² Там же.

Семиотический анализ территориальных брендов Республики Тыва
The Republic of Tyva Territory Brands' Semiotic Analysis

Краткая информация / Brief information	Скульптурный комплекс «Центр Азии» (автор — российский скульптор, художник, ювелир, член Союза художников России Д.Б. Намдаков) / Sculptural complex “Center of Asia” (author is Russian sculptor, artist, jeweler, member of the Union of Artists of Russia D.B. Namdakov)
Вербальные сигналы / Verbal signals	Ролик «Видеогид по Туве. Обелиск «Центр Азии» / Video “Video guide to Tuva. Obelisk “Center of Asia” (https://www.youtube.com/watch?v=CfbJD2uLyIM)
Визуальные сигналы / Visual signals	Памятник возводили три раза — в 1964, 1984 и 2014 гг. Основная идея памятника — Республика Тыва является географическим центром Азиатского материка. Памятник находится на левом берегу реки Улуг-Хем (Енисей) у слияния двух рек: Бий-Хем и Каа-Хем, является брендом города Кызыла и Республики Тыва. / The monument was erected three times — in 1964, 1984 and 2014. The main idea of the monument is that the Republic of Tyva is the geographical center of the Asian continent. The monument is located on the left bank of the river Ulug-Khem (Yenisei) at the confluence of two rivers: Biy-Khem and Kaa-Khem, is a brand of the city of Kyzyl and the Republic of Tyva
Символические сообщения / Symbolic messages	Обелиск 2014 г. представляет собой ансамбль из трех львов — арзыланов, которые держат спинами земной шар, увенчанный шпилем. Шар декорирован фигурами восточных драконов, а высокая стела — барельефами, которые изображают символических животных ¹³ . / The 2014 obelisk is an ensemble of three lions - arzylyans, who hold the globe with their backs, crowned with a spire. The globe is decorated with figures of oriental dragons, and the high stele — with bas-reliefs depicting symbolic animals.

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

¹³ Образы России Кызыла [Электронный ресурс] // Культура. РФ. Портал культурного наследия России. Режим доступа: <https://www.culture.ru/institutes/29347/obelisk-centr-azii> (дата обращения: 24.01.2024).

Заповедники (природные бренды)

Таблица 7 / Table 7

Семиотический анализ природных брендов Республики Тыва
The Republic of Tyva Nature Brands' Semiotic Analysis

Краткая информация / Brief information	Государственный природный заповедник «Азас»; создан в 1985 году на базе республиканского заказника «Азас» с целью сохранения и изучения типичных и уникальных экосистем Тоджинской котловины и обрамляющих ее гор, а также охраны растительного и животного мира Южной Сибири / State Nature Reserve “Azas”; created in 1985 on the basis of the republican reserve “Azas” with the aim of preserving and studying the typical and unique ecosystems of the Todzha Basin and the mountains surrounding it, as well as protecting the flora and fauna of Southern Siberia
Вербальные сигналы / Verbal signals	Полик «Заповедник «Азас», Большой Енисей» / Video “Azas Nature Reserve, Big Yenisei” (https://www.youtube.com/watch?v=jVVgrPB5aFw)
Визуальные сигналы / Visual signals	Лесообразующие породы заповедника — кедр (сосна сибирская), лиственница сибирская и сосна обыкновенная; также ландшафтообразующую роль играют представители цветковых растений из семейств березовых, ивовых и вересковых. Из фауны заповедника особенно примечателен тувинский бобр, который в начале 1960-х годов находился под угрозой исчезновения, но после создания заказника и затем заповедника его численность выросла в несколько раз и стабилизировалась ¹⁴ . / The reserve’s forest-forming species are cedar (Siberian pine), Siberian larch and Scots pine; representatives of flowering plants from the birch, willow and heather families also play a landscape-forming role. Of the reserve’s fauna, the Tuvan beaver is particularly noteworthy; in the early 1960s, it was under threat of extinction, but after the creation of the sanctuary and then the reserve, its population increased several times and stabilized.
Символические сообщения / Symbolic messages	Эмблема ФГБУ «Государственный природный заповедник «Азас» (утверждена приказом Минприроды от 25 ноября 2014 года № 515.): стилизованное изображение тувинского бобра — редкого вида животных, для сохранения которого создан заповедник, и реки — основного места обитания бобра. Коричневый фон эмблемы символизирует сумеречный и ночной образ жизни тувинского бобра ¹⁵ . / Emblem of the Federal State Budgetary Institution “Azas State Nature Reserve” (approved by the order of the Ministry of Natural Resources dated November 25, 2014, No. 515): a stylized image of the Tuvan beaver - a rare species of animal, for the preservation of which the reserve was created, and a river - the main habitat of the beaver. The brown background of the emblem symbolizes the twilight and nocturnal lifestyle of the Tuvan beaver.

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

¹⁴ Азас Заповедник [Электронный ресурс] // Центр Экологический Путешествий. Режим доступа: <http://www.ecotravel.ru/regions/reserves/1/17/116/> (дата обращения: 24.01.2024).
¹⁵ Государственный природный заповедник «Азас» [Электронный ресурс] // геральдика.ру Режим доступа: <https://geraldika.ru/s/17600> (дата обращения: 24.01.2024).

Таблица 8 / Table 8

Семиотический анализ природных брендов Республики Тыва
The Republic of Tyva Nature Brands' Semiotic Analysis

Краткая информация / Brief information	Государственный природный биосферный заповедник «Убсунурская котловина»; российская часть трансграничного российско-монгольского объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Убсунурская котловина». Создан в 1993 г. / State Nature Biosphere Reserve “Ubsunur Basin”; Russian part of the transboundary Russian-Mongolian UNESCO World Heritage Site “Ubsunur Basin”. Established in 1993
Вербальные сигналы / Verbal signals	Ролик «Убсунурская котловина. Заповедник в Республике Тыва Российской Федерации» / Video “Ubsunur Basin. Nature Reserve in the Republic of Tyva of the Russian Federation” (https://www.youtube.com/watch?v=NUcc6hhulXo)
Визуальные сигналы / Visual signals	Заповедник расположен на трансграничной территории: южной границе Тувы и северо-западной Монголии. Уникальной природной особенностью котловины является наличие в ней почти всех природных зон Земли — ледниковой зоны, тундры, тайги, степи, полупустыни и пустыни — все это есть в Убсунурской котловине. То, что делает заповедник не только неоценимым объектом для экологических, биогеографических и других биосферных исследований, но также привело к разнообразию фауны: в заповеднике обитают пустынная ящурка, белая куропатка, снежный барс, верблюд, архар и сурок-тарбаган. На территории заповедника зарегистрировано 359 видов птиц ¹⁶ . / The reserve is located on a transboundary territory: the southern border of Tyva and northwestern Mongolia. A unique natural feature of the basin is the presence of almost all natural zones of the Earth — glacial zone, tundra, taiga, steppe, semi-desert and desert — all this is in the Ubsunur Basin. This makes the reserve not only an invaluable object for ecological, biogeographical and other biosphere studies, but also led to a variety of fauna: the desert lizard, white partridge, snow leopard, camel, argali and tarbagan marmot live in the reserve. 359 species of birds have been registered on the territory of the reserve.
Символические сообщения / Symbolic messages	Заповедник Убсунурская котловина наделен международным статусом биосферного заповедника в 1998 году, как один из проектов, направленных на защиту сибирской сосны и сибирской ели ¹⁷ . / The Ubsunurskaya Basin Reserve was granted the international status of a biosphere reserve in 1998, as one of the projects aimed at protecting Siberian pine and Siberian spruce.

Источник: составлено И.А. Гусейновой, А.Д. Левшиц, Н.В. Дубининой / Source: compiled by Innara A. Guseynova, Anna D. Levshits, Natalia V. Dubinina.

На основании проведенного выше краткого семиотического анализа отдельных брендов Республики Тыва мы делаем вывод, что принципиальное значение имеют этнокультурный компонент и традиционные культурные

¹⁶ Убсунурская котловина — памятник всемирного природного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Режим доступа: <https://www.rgo.ru/ru/tuva/proekty/ubsunurskaya-kotlovina-pamyatnik-vsemirnogo-prirodnogo-naslediya-yunesko> (дата обращения: 24.01.2024).

¹⁷ Southern Siberia Hotspot in the Taiga [Электронный ресурс] // Taiga News. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20000816065033/http://forests.org/archive/europe/sthnsib.htm> дата обращения: 24.01.2024).

архетипы, сохраняющие национальную идентичность Тувы. По утверждению И.С. Тарбастаевой, «...родной язык, кочевой образ жизни, шаманизм, буддизм, священные обряды, горловое пение, национальная борьба хуреш, — все это не только визитные карточки региона, но и повседневные социальные практики народа» [26. С. 78]. Значительный интерес к тувинскому языку и культуре как к уникальному феномену и как части языковой общности «тюркских и монгольских народов в рамках алтайской макросемьи языков» развивает тувиноведение [27. С. 46] в том числе в аспекте роста маркетингового и модернизационного потенциала рассматриваемого региона.

Определяющую роль играет и географическое местоположение региона: особенные природные условия, стык таежных и пустынно-степных ландшафтов, горный рельеф, многообразие рек и озер, богатство растительного мира — перечисленные особенности, вне всякого сомнения, оказывают влияние как на формирование образа локальных брендов, так и на восприятие региона целевыми аудиториями.

Согласимся с Д.В. Скнаревым, М.М. Русаковой и Н.Ю. Нелюбовой, которые, изучая сайты Рунета и материалы видеохостинга YouTube.com, посвященные туризму Республики Тыва, утверждают об «огромном потенциале региона, но не до конца используемыми возможностями, среди которых наиболее значимы культура, туризм, наука и др. ...» [28. С. 202].

Полагаем, что данные обстоятельства дают основу для дополнения модели функционирования этнокультурного бренда фактором, учитывающим не только историко-культурный опыт и ментальный код региона, но также закономерности природно-территориальной организации и социальной инфраструктуры, связанные с особенностями географической среды. Разработанная нами гравитационная модель обладает как устойчивыми характеристиками, которые являются универсальными для этнокультурного бренда, так и вариативными, которые меняются в зависимости от языковой специфики, особенностей продукта и его маркетинговых характеристик. На основании вышесказанного мы наблюдаем увеличение вариативных характеристик модели этнокультурного бренда, которые, на наш взгляд, могут быть сгруппированы и представлены как *географический фактор*. Для наших научных изысканий данное обстоятельство является ключевым: географическое месторасположение Республики Тыва, которая остается одним из отдаленных и труднодоступных регионов, способствует компактному проживанию тувинского населения, сдерживанию миграционных потоков и усилению этнических и, как следствие, маркетинговых характеристик.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что модель функционирования этнокультурного бренда остается универсальной и имеет определенные перспективы: при анализе маркетингового

материала регионов, вне зависимости от уровня их благосостояния, мы наблюдаем изменение вариативной части модели. Таким образом, в дальнейшем возможно сформулировать иные новые факторы, учитывая новую этноспецифику. Полагаем, что наши теории вносят вклад не только в маркетинговые исследования, но и представляют научный и научно-прикладной интерес для современного тувиноведения, иллюстрируя маркетинговый и модернизационный потенциал рассматриваемого региона.

Библиографический список

1. *Burnett J., Moriarty S.* Introduction to Marketing Communications: An Integrated Approach. Victoria : Pearson College Div publ., 1997.
2. *Котлер Ф., Кармаджайя Х., Сетиаван А.* Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому. Технологии продвижения в интернете / пер. с англ. М. Хорошиловой; под ред. М. Невзорова. М. : Бомбора, 2019.
3. *Митягина В.А., Сидорова И.Г.* Лингвистический фокус брендинга территорий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 2. С. 42–51. EDN: XMHJIL
4. *Пирогова Ю.К.* От концепции ИМК к концепции ИБК: этапы развития // Маркетинговые коммуникации. 2024. № 2. С. 98–107. EDN: MFTSPV
5. *Левшиц А.Д.* Функции социолингвистических параметров в этнокультурном брендинге (на материале наименований японских брендов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 13(855). С. 166–180. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_166 EDN: CWRKMM
6. *Левшиц А.Д.* Методика семиотического анализа этнокультурного бренда (на материале наименований популярных японских брендов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 5(860). С. 55–60. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_55. EDN: UVVCGH
7. *Левшиц А.Д.* Цифровой нomaдизм как инструмент формирования этнокультурного бренда // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2(53). С. 449–457. EDN: TCSSUA
8. *Дешериев Ю.Д.* Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М. : Наука, 1988. С. 5–41. EDN: VJGGJD
9. *Цыбенкова Ч.С.* Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 3(43). С. 460–477. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477> EDN: EBITSU
10. *Москвичева С.А., Александрова О.И., Эбзеева Ю.Н.* Фольклорные культуры и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182. <https://doi.org/10.25178/Nit.2022.1.11> EDN: ZDVECW
11. *Ламажаа Ч.К.О.* Национальный характер тувинцев. М.; СПб. : Нестор-История, 2018.
12. *Томская М.В.* Вербализация культуры нomaдов в текстах якутской волшебной сказки // Восточноевропейское обозрение. 2018. Т. 9. № 2. С. 253–262. <https://doi.org/10.31648/rw.3210> EDN: QOXOPG
13. *Тишков, В.А., Степанов, В.В.* Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. М. : ИЭА РАН, 2016.
14. *Хорольцева Е.Б.* Проектирование этнокультурного бренда региона как ресурс управления развитием территории // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Социология. 2018. Т. 13. № 2. С. 23–36.
15. *Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А.* Особенности продвижения этнокультурных брендов в контексте формирования и реализации потенциала территориальных музеев // Культурное наследие России. 2019. № 3(26). С. 3–12. EDN: YETAUI

16. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб. : Питер, 2006.
17. Паршин П.Б. Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М. : МГИМО-Университет, 2015. EDN: XPQFXV
18. Кужугет А.К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX—XX века). Кызыл : Изд-во ТувГУ, 2019.
19. Караол Л.С. Лексические особенности официально-делового стиля тувинского языка // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2017. № 4(35). С. 137–142. EDN: XPAXEL
20. Цыбенова Ч.С. Функциональное развитие тувинского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3(21). С. 56–66. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-3-56-66> EDN: GWAKBC
21. Гусейнова И.А. Цифровизация и ее последствия для эритажных языков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2020. № S. С. 44–58. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-44-58> EDN: PCEYXC
22. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Выпуск 7. Социолингвистика (Общая редакция и вступительная статья: Н.С. Чемоданов). М. : Прогресс, 1975. С. 34–41.
23. Сувандии Н.Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 195–206. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16> EDN: RETEQK
24. Oswald L.R. Creating Value. The Theory and Practice of Marketing Semiotics Research. New York : Oxford University Press, 2015.
25. Ламажсаа Ч.К.О., Сузукей В.О. Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 72–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6> EDN: JKORBD
26. Тарбастаева И.С. Тува превращается в моноэтничный регион: риски и перспективы // ЭКО. 2018. № 5(527). С. 65–80. EDN: OSRMMB
27. Бредис М.А., Новоспаская Н.В. Особенности употребления нумератива пять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 36–50. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3> EDN: CDQUSF
28. Скнарев Д.С., Русакова М.М., Нелюбова Н.Ю. Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 200–216. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14> EDN: AVVIMA

References

1. Burnett, J. & Moriarty, S. (1997). *Introduction to Marketing Communications: An Integrated Approach*. Victoria: Pearson College Div publ.
2. Kotler, Ph., Kartajaya H. & Setiawan, I. (2016). *Marketing 4.0: Moving from traditional to digital*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc. (Russ. ed.: Kotler, Ph., Kartajaya, H. & Setiawan, I. (2019). *Marketing 4.0: razvorot ot traditsionnogo k tsifrovomu. Tekhnologii prodvizheniya v internete*. Moscow: Bombora).
3. Mityagina, V.A. & Sidorova, I.G. (2018). Linguistic Focus of Territory Branding. *Vestnik Ikbfu. Philology, Pedagogy, And Psychology*, 2, 42–51. EDN: XMHJIL (In Russ.).
4. Pirogova, Yu.K. (2024). From the concept of IMC to the concept of IBC: stages of development. *Marketing communications*, 2, 98–107. EDN: MFTSPV (In Russ.).
5. Levshits, A.D. (2021). Functions of Sociolinguistic Dimensions in Ethnocultural Branding (Based on Japanese Brandnames). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 166–180. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_166 EDN: CWRKMM (In Russ.).
6. Levshits, A.D. (2022). Methods of Semiotic Analysis in Ethnocultural Branding (Based on Popular Japanese Brandnames). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(860), 55–60. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_55. EDN: UUVCGH (In Russ.).

7. Levshits, A.D. (2023). Digital Nomadism as an Ethnocultural Brand Formation Tool. *Cognitive Studies of Language*, 2(53), 449–457. EDN: TCSSUA (In Russ.).
8. Desheriev, Yu.D. (1988). Theoretical aspects of studying the social determinacy of language. In: *The influence of social factors on the functioning and development of language*. Moscow: Nauka. pp. 5–41. EDN: VJGGJD (In Russ.).
9. Tsybenova, Ch.S. (2019). Language Situation in the Tyva Republic: Social Characteristics. *Oriental Studies*, 12–3(43), 460–477. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477> EDN: EBITSU (In Russ.).
10. Moskvitcheva, S.A., Aleksandrova, O.I. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). Folklore Culturemes in the Structure of Cultural Representations of Tuvan People. *The New Research of Tuva*, 1, 164–182. <https://doi.org/10.25178/Nit.2022.1.11> EDN: ZDVECW (In Russ.).
11. Lamazhaa, Ch.K.O. (2018). *National character of Tuvans*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
12. Tomsкая, M.V. (2018). Verbalization of Nomadic Culture in Yakut Fairytales. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 9(2), 253–262. <https://doi.org/10.31648/pw.3210> EDN: QOXOPG (In Russ.).
13. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (2016). *Interethnic relations and ethnocultural education in the regions of Russia*. Moscow: IEA RAS publ. (In Russ.).
14. Khoroltseva, E.B. (2018). Design of Ethno-Cultural Brand of the Region as a Resource for Managing the Territory Development. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 13(2), 23–36. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-2-23-36> EDN: XOQZCH (In Russ.).
15. Gorlova, I.I., Bychkova, O.I. & Kostina, N.A. (2019). Features of Promotion of Ethnocultural Brands in the Context of Formation and Realization of the Potential of Territorial Museums. *Kul'turnoe Nasledie Rossii*, 3(26), 3–12. EDN: YETAUI (In Russ.).
16. Pankrukhin, A.P. (2006). *Territory Marketing*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
17. Parshin, P.B. (2015). *Territory as a Brand: Marketing Metaphor, Identity, and Competition*. Moscow: MGIMO-University publ. EDN: XPQFXV (In Russ.).
18. Kuzhuget, A.K. (2019). *Traditional etiquette of Tuvans in the context of ethical culture (based on the works of travelers and scientists of the late 19th-20th centuries)*. Kyzyl: TuvSU publ. (In Russ.).
19. Karaool, L. (2017). Lexical Features of the Official-Business Style of Tuvan Language. *Bulletin of Tuvan State University*, 4(35), 137–142. EDN: XPAXEL (In Russ.).
20. Tsybenova, Ch.S. (2018). Functional Development of the Tuva Language: Diachronic Aspect. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 3(21), 56–66. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-3-56-66> EDN: GWAKBC (In Russ.).
21. Guseynova, I.A. (2020). Digital Transformation and Its Consequences for Heritage Languages. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, S, 44–58. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-44-58> EDN: PCEYXC (In Russ.).
22. Bright, W. (1975). Introduction: Parameters of Sociolinguistics. In: *New in Linguistics. Issue 7. Sociolinguistics*, N.S. Chemodanov (Ed.). Moscow: Progress. pp. 34–41. (In Russ.).
23. Suvandii, N.D. (2019). Place Names of Color Designation in Tuvan Language. *The New Research of Tuva*, 4, 195–206. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16> EDN: RETEQK (In Russ.).
24. Oswald, L.R. (2015). *Creating Value. The Theory and Practice of Marketing Semiotics Research*. New York: Oxford University Press.
25. Lamazhaa, Ch.K.O. & Suzukei, V.Yu. (2019). Tuvan Throat Singing as Intangible Cultural Heritage and as Tuva's Cultural Brand. *The New Research of Tuva*, 2, 72–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6> EDN: JKORBD (In Russ.).
26. Tarbastaeva, I.S. (2018). Tuva Turns to the Monothern Region: Risks and Prospects. *ECO*, 5(527), 65–80. EDN: OSRMMB (In Russ.).
27. Bredis, M.A. & Novospasskaya, N.V. (2023). Features of the Use of the Numeral Five in Tuvan Linguoculture (as Contrasted to a Number of Turkic and Mongolian Languages). *The New Research of Tuva*, 3, 36–50. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3> EDN: CDQUSF

28. Sknarev, D.S., Rusakova, M.M. & Nelyubova, N.Yu. (2023). Tuva Tourist: Linguistic and Cultural Features of Marketing Internet Communication. *The New Research of Tuva*, 4, 200–216. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14> EDN: AVVIMA

Сведения об авторах:

Гусейнова Иннара Алиевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); *научные интересы*: лингвистика маркетинга, лингвистический ландшафт; *e-mail*: ginnap@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6544-699X, SPIN-код: 1635-5260, AuthorID: 662483.

Левшиц Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, специалист института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций (ИСЯМКиМ), Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: лингвистика маркетинга, лингвистический ландшафт; *e-mail*: levshits-ad@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9266-3124, SPIN-код: 5943-7566, AuthorID: 613632.

Дубинина Наталья Валентиновна, кандидат филологических наук, заместитель декана по учебной работе, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: лингвистика маркетинга, лингвистический ландшафт; *e-mail*: dubinina-nv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-9137-7334, SPIN-код: 7302-7650, AuthorID: 613604; Scopus Author ID: 57194497859.

Information about the authors:

Innara A. Guseynova, Ds.Sc. (Philology), Professor at Lexicology and Stylistics of German Language Department, German Language Faculty, Moscow State Linguistic University (MSLU) (38, Ostozhenka Str. Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: marketing linguistics, linguistic landscape; *e-mail*: ginnap@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6544-699X, SPIN-code: 1635-5260, AuthorID: 662483.

Anna D. Levshits, PhD in Philology, Associate Professor at Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Specialist at Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: marketing linguistics, linguistic landscape; *e-mail*: levshits-ad@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-9266-3124, SPIN-code: 5943-7566, AuthorID: 613632.

Natalia V. Dubinina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at Foreign Languages Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: marketing linguistics, linguistic landscape; *e-mail*: dubinina-nv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-9137-7334, SPIN-code: 7302-7650, AuthorID: 613604; Scopus Author ID: 57194497859.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1169-1191

EDN: UQQILZ

УДК [811.111:811.581]:373:578.834.1

Научная статья / Research article

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19

А.А. Хабаров

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный лингвистический университет», Москва,

Российская Федерация

✉ lancelot567@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению когнитивных механизмов, коммуникативных методик и средств моделирования дискурсивной реальности глобального кризиса в языковом сознании носителей английского и китайского языков в проекции на специфику репрезентации пандемии COVID-19 в официальных и оппозиционных институтах массмедиа. Лингвистический анализ сосредоточен на поликодовых средствах коммуникации: вербальных единицах, связанных с элементами лингвокультурной семиотики. В ходе исследования автор выдвигает гипотезу от том, что лингвокогнитивная модель глобального кризиса формируется путем концептуализации в языковом сознании массового адресата противоположных идеологических установок в условиях контрастной дискурсивной динамики. Верификация гипотезы исследования базируется на результатах лингвистического анализа эмпирического материала на китайском и английском языках с акцентом на количественный анализ контрастных корпусов текстов. В фокусе внимания автора также находится описание ключевых нарративов периода пандемии как в ракурсе лингвистики, так и с позиций лингвосемиотики, включая восприятие образов. Полученные выводы свидетельствуют о том, что технология дискурсивного моделирования глобальных кризисов является комплексным процессом синхронизированного применения совокупности коммуникативных методик, поликодовых средств и мультимодальных каналов реализации дискурсивного воздействия в прямой и скрытой формах с целью реконцептуализации образов восприятия действительности.

© Хабаров А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дискурсивная реальность, креолизованный текст, поликодовые средства, мультимодальность, интертекстуальность, массовый адресат, пандемия

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Хабаров А.А. Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1168–1191. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1168-1191>

MODELLING THE DISCURSIVE REALITY OF THE GLOBAL CRISIS: THE EXPERIENCE OF MEDIA REPRESENTATION OF THE COVID-19 PANDEMIC

Artyom A. Khabarov

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education ‘Moscow State Linguistic University’, Moscow, Russian Federation

✉ lancelot567@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the study of cognitive mechanisms, communicative techniques and means of modeling the discursive reality of the global crisis in the linguistic consciousness of native speakers of English and Chinese in projection on the specifics of representation of the COVID-19 pandemic in official and oppositional mass media institutions. The linguistic analysis is focused on polycode means of communication: verbal units associated with elements of linguocultural semiotics. During the study the author puts forward the hypothesis that the linguistic and cognitive model of the global crisis is formed by conceptualizing in the linguistic consciousness of the mass addressee opposite ideological attitudes in the conditions of contrasting discursive dynamics. The verification of the research hypothesis is based on the results of the linguistic analysis of empirical material in Chinese and English with an emphasis on the quantitative analysis of contrasting corpuses of texts. The author also focuses on the description of the key narratives of the pandemic period from the perspectives of both linguistics and linguosemiotics, including image perception. The obtained conclusions indicate that the technology of discursive modeling of global crises is a complex process of synchronized application of a set of communicative techniques, polycode means and multimodal channels of implementation of discursive influence in direct and hidden forms in order to reconceptualize the images of perception of reality.

Keywords: discursive reality, creolized text, polycode means, multimodality, intertextuality, mass addressee, pandemic

Conflicts of interest.

The author declares no conflicts of interest:

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Khabarov, A.A. (2024). Modelling. the Discursive Reality of the Global Crisis: the Experience of Media Representation of the Covid-19 Pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1168–1191. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1168-1191>

Введение

В декабре 2019 г. население планеты Земля столкнулось с одним из самых серьезных в новейшей истории глобальных кризисов, который спровоцировала пандемия коронавируса SARS-Cov-2 (коронавирус острого тяжелого респираторного синдрома-2). Последствиями массового распространения новой коронавирусной инфекции стали существенные демографические потери, нарушение производственных и логистических цепочек между странами и регионами, паралич экономической активности, введение правовых ограничений и трансформация этических норм. Серия локдаунов пандемийного периода трансформировала ценностные ориентиры общества, нарушила культурные традиции и правила, вызвав новые риски и угрозы в политической, экономической, социальной, культурной, экологической, научно-технической и других ключевых сферах жизни современного общества. В силу своих масштабов и географии распространения глобальные кризисы развиваются по другим законам как с точки зрения социально-политических характеристик, так и позиций вербализации и лингвистического оформления идей, постулатов и ключевых понятий, которые проектируются на социум. Таким образом, лингвистические особенности в моделях кризисов разных сфер жизни общества (политических, экономических, военных и пандемийного в том числе) можно рассматривать с позиций дискурс-анализа, семиотики, семантики и лингвопрагматики.

Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса, как показал опыт пандемии коронавируса SARS-Cov-2, происходит не только на уровне государственных и медицинских институтов, а в большей мере на уровне социума. Международное взаимодействие в современном цифровом обществе строится в формате глобального медиатекста, построенного на основе вербально-невербальных гипертекстовых и трансмедийных технологий с привлечением возможностей различных семиотических систем. Вслед за Н.А. Ахреновой мы будем рассматривать проблемы моделирования дискурсивной реальности глобального кризиса, спровоцированного

эпидемией COVID-19, опираясь на метод комплексного анализа дискурса пандемии [1], развивая при этом идею о контрастной идеологической конфликтогенности разнородных дискурсивных практик.

Понятие «дискурсивная реальность» до определенного времени было, в первую очередь, единицей терминосферы философии и психологии. В философии под дискурсивной реальностью понималась «реальность мнений и знаний о мире, сформированная у человека воздействием на него конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и недискурсивных (т.е. внешних по отношению к данному дискурсу) компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального сознания, реальность. <...>. Наиболее очевидная сфера обнаружения дискурсивной реальности — процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя» [2. С. 30]. Анализируя дискурс интернет-коммуникации, Т.А. Гребенщикова указывала: «Поскольку в психологическом плане интернет — это в первую очередь человеческий феномен, интерес представляет описание дискурсивной реальности сети как феномена, конституируемого активностью и переживаниями интернет-пользователей» [3. С. 93]. Ей также удалось выделить основные характеристики дискурсивной реальности интернета: 1) вариативность дискурсивного отображения событий, задающих способы говорения о мире и трансформирующих его картину; 2) коммуникативная контекстность, связанная с принятыми нормами, намерениями, речевыми интенциями говорящих и другими факторами; 3) интерактивность и мультимодальность, повышающие оказываемое эмоциональное воздействие и доверие к получаемой информации [3]. Полагаем, что введение в лингвистический научный оборот понятия *дискурсивная реальность* и ее моделирование на основе лингвистических характеристик глобального пандемийного кризиса определяет *новизну* данного исследования.

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем *гипотезу* о том, что лингвокогнитивная модель глобального пандемийного кризиса явления формируется путем концептуализации в языковом сознании массового адресата совокупности противопоставленных друг другу идеологических установок, функционирующих в условиях контрастной дискурсивной динамики. Хронология медийного освещения кризисных ситуаций на фоне эпидемии коронавируса позволяет реконструировать этапы создания в психосфере людей альтернативных видов дискурсивной реальности, обеспечивающих перманентную разновекторность и конфликтогенность всемирного информационного пространства.

Цель исследования заключается в анализе вербальных и невербальных средств моделирования глобального кризиса для построения модели его дискурсивной реальности. Лингвистический анализ спроецирован на мультимодальные каналы коммуникации, варианты поликодовых текстов, интегрированных в глобальном медиатексте с опорой на трансмедийные технологии передачи данных.

Актуальность работы продиктована необходимостью выявления общих параметров моделирования дискурсивной реальности глобального кризиса с целью определения прямых (аргументативных, персуазивных) и скрытых (манипулятивных) способов воздействия на массового адресата при помощи современных телекоммуникационных технологий и ресурсов сети Интернет.

Источником *материала* исследования послужили базы данных Оксфордского онлайн-словаря английского языка (“Oxford English Dictionary”), раздел “BuzzWords” («модные слова») словаря “Macmillan”, статьи Китайско-английского словаря пандемии коронавируса (汉英新冠词典), выборка статей журнала «Экономист» (“The Economist”) по рассматриваемой теме, глоссарии Портала мультязычного перевода основных понятий и выражений (重要概念范畴表述外译发布平台). Верификация гипотезы исследования будет строиться на результатах анализа эмпирического материала, основным источником которого послужили идеологически *контрастные* корпуса текстов массмедиа на китайском языке. Первый корпус включает в себя тексты программных выступлений Си Цзиньпина за период пребывания в должности Председателя Китайской Народной Республики с 10 ноября 2012 г. по 3 марта 2022 г. Объем корпуса № 1 составляет 1881897 знаков (без пробелов), которые были сегментированы на 910167 токенов.¹ Противопоставляемый ему корпус включает в себя тексты, отражающие коммуникативную деятельность в китайскоязычном сегменте глобальной сети представителей несистемной оппозиции, чья точка зрения диссонирует с официальной позицией партийно-политического руководства КНР. Объем корпуса № 2 исчисляется 2648998 знаками (без пробелов), сегментированными на 1621243 токенизированные лексические единицы.² Компиляция корпуса осуществлялась на базе контента популярных в Китае медиаплатформ и социальных сетей «Вичат»

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623409 Российская Федерация. «Программные речи Си Цзиньпина (2012–2022 гг.)» на основе выборки эмпирического материала с сайта «Электронный банк основных речей Си Цзиньпина»: № 2023621622: заявл. 25.05.2023: опубл. 11.10.2023 / А.А. Хабаров, В.Г. Шешин, В.А. Сплендер [и др.].

² Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623460 Российская Федерация. «Интерпретация государственной политики Китая» на основе выборки эмпирического материала с сайта «Китай цифровой эпохи»: № 202362161: заявл. 25.05.2023: опубл. 16.10.2023 / А.А. Хабаров, В.Г. Шешин, В.А. Сплендер [и др.].

(微信), «Доубань» (豆瓣), «Тик-Ток» (抖音), «Чжиху» (知乎), микроблоговой платформы «Sina Weibo» (微博) и др.

Как упоминалось выше, основной метод исследования — это метод дискурс-анализа. Кроме того, в работе применялись *методы* квантитативного, семантико-структурного, прагматического и контекстуального анализа примеров на китайском и английском языках. Отбор материала основывался на методе сплошной выборки с целью дальнейшей систематизации и объективного сравнения.

Эффективность воздействия мультимодального медиадискурса как ключевого формата программирования сознания обусловлена апелляцией к базовым инстинктам человека, возбуждением эмоциональных реакций, провоцированием состояний аффекта и сопереживания и определяется действенностью техник аргументации, внушения (суггестии) и имплицитного влияния на подсознание. Дискурсивная репрезентация невербальной составляющей медиатекста совокупно обусловлена его креолизацией, поликодовостью и мультимодальностью как имманентными свойствами любой семиотической системы. Характер функционирования идеологически маркированных знаков, жестов и элементов культурной символики в современной массовой коммуникации говорит о том, что креолизованные тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей» [4], являются действенным инструментом манипулирования массами [5]. Вариативность жанрово-стилевой палитры медиатекстов повышает их интертекстуальную валентность за счет использования разнородных изображений (иконических образов, карикатур, мемов), средств орфографии, пунктуации, варьирования шрифтов и других инструментов многоканальной визуализации. Востребованность поликодового контента при подготовке общественного мнения к восприятию заранее заданной медийной повестки подтверждается, в частности, форматом заголовков на титульных страницах, а также слоганами, штампами и клише в выпусках крупнейших новостных таблоидов, популярных журналов, газет и публицистических произведений.

Профилирование идеологических установок в современных СМИ достигается интеграцией фасцинативных, суггестивных, персуазивных и манипулятивных форм и методов дискурсивного воздействия, выбором актуальных вербальных и невербальных средств, которые ассоциативно связаны с предварительно сформированной в сознании объекта когнитивной матрицей. Использование речевых тактик и стратегий аргументации, убеждения либо введения в заблуждение определяется частотой и характером функционирования в речевом узусе вербальных маркеров, демонстрирующих насаждение той или иной идеологической установки. На концептуально-аксиологическом начале идеологий массового управления, например, идеологии борьбы с пандемией, конструируется новая дискурсивная реальность с присущими ей коммуникативными ситуациями,

сценариями и паттернами. Так, по данным Оксфордского словаря английского языка, в период с 2017 г. по 2023 г. количество случаев употребления слова «коронавирус» экспоненциально возросло с октября-декабря 2019 г., когда его частотность составляла 0,033 единиц на один миллион словоупотреблений (ipm), достигнув в апреле-июле 2020 г. пика показателя частотности 1100 ед./млн, с последующим понижением до 550 ед./млн в июле-сентябре 2020 г. (рис. 1).

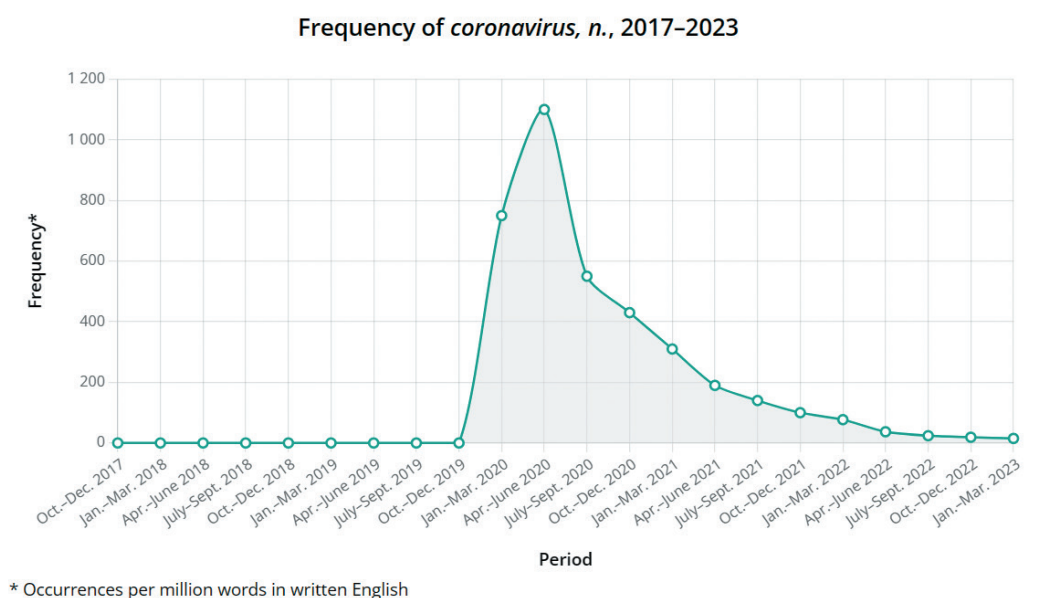

Рис. 1. Количество словоупотреблений лексической единицы «коронавирус» в письменном английском языке в период с октября-декабря 2017 г. по январь—март 2023 г. (по данным корпуса глобальных англоязычных онлайн-источников новостей)¹

Источник: составлено А.А. Хабаровым.

Fig. 1. Number of occurrences of the lexical unit “coronavirus” in written English in the period from October-December 2017 to January-March 2023 (according to the corpus of global English-language online news sources)

Source: compiled by the Artyom A. Khabarov. 3.

В начале 2023 г. количество запросов сократилось, что говорит об определенной стабилизации и снижении интереса к этой теме. Имеющиеся данные позволяют провести ретроспективный анализ языкового материала, собранного за период с 2020 по 2022 гг., а также сформировавшихся в этот период тенденций, которые сигнализируют об укоренении в массовом сознании дискурсивной реальности глобального пандемийного кризиса.

³ OED. [Electronic resource]. URL: [https:// coronavirus, n. meanings, etymology and more | Oxford English Dictionary \(oed.com\)/](https://coronavirus.n.meanings.etymology.and.more|OxfordEnglishDictionary(oed.com)/) (Accessed 09.02.2024).

Модель дискурсивной реальности глобального кризиса

Исследование показало, что конструирование дискурсивной реальности глобального кризиса в мировых СМИ происходит с привлечением вербальных и невербальных средств универсального характера, где ключевая роль отводится креолизованному и/или поликодовому мультимодальному тексту. На рис. 2 представлена обобщенная схема лингвопрагматической модели дискурсивной реальности глобального пандемийного кризиса.

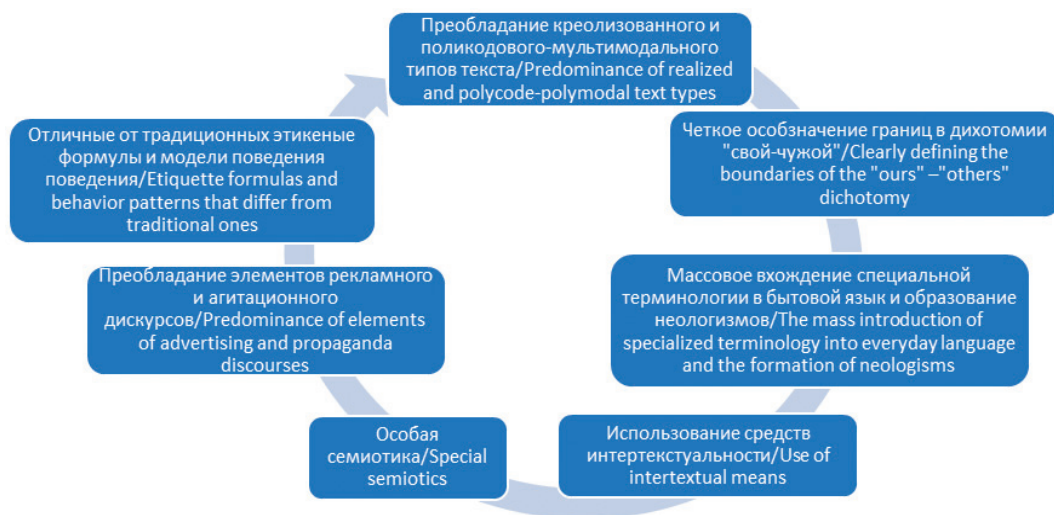

Рис. 2. Лингвопрагматическая модель дискурсивной реальности глобального кризиса

Источник: составлено А.А. Хабаровым.

Fig. 2. Linguopragmatic model of the discursive reality of the global crisis

Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

Конструирование дискурсивной реальности происходит на всех уровнях языка с учетом ряда экстралингвистических факторов, определяющих формат и особенности коммуникации в создавшейся ситуации, таких как соблюдение правил общения (этикета), которые способствуют установлению четких границ поведения коммуникантов, формированию новых социальных норм и, как результат, возможности более эффективного контроля над поведением масс. При анализе примеров карантинного этикета периода коронавируса выделяются его следующие особенности:

1. Появление ряда приветственных жестов универсальных для представителей всех культур: *elbow bump/fist bump (fist pound, knuckles, knuckle knock etc.)* – 肘撞拳撞拳擊指关节转向节敲击 и т.д.

2. Унификация понятия личного пространства, которое до пандемии варьировалось от культуры к культуре, а во время пандемии стало минимум 1,5 метра для всех.
3. Ношение масок и перчаток, характерное ранее для представителей восточных культур, стало повсеместным требованием в период с марта 2020 г. по конец 2021 г.

Значимой тенденцией в этикете периода пандемии стало нарушение прав отдельных категорий граждан, а именно представителей поколения бейби-бумеров, которым на тот момент было 65+ лет. Обратим внимание на то, что в западном обществе стала наблюдаться тенденция категоричного разделения на «своих» и «чужих», что подчеркивается типовыми неологизмами (см. рис. 3):

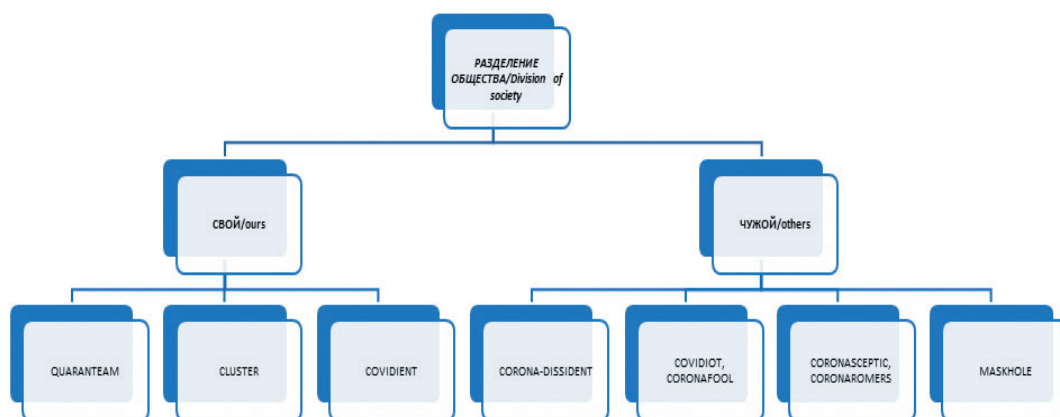

Рис. 3. Новая лексика по группам
Источник: составлено А.А. Хабаровым.

Fig. 3. New vocabulary by groups
Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

Н.А. Ахренова отмечает, что появление новых этикетных формул в ковидный период обусловлено переключением деловой и личной коммуникации в онлайн-формат, предполагающий использование таких облачных платформ, как «Zoom.us», а работа в подобных программах, утроенных в стиле западной культуры, зачастую предполагает редукцию отчества в русскоязычных именах, автоматический ввод обращений и пр. [6]. В свете вышесказанного исследователь указывает на вхождение в английский лексикон таких слов, как *coronallennial*, которое относится к детям, родившимся через девять месяцев после пандемии, а также *coronababies* — детей, родившиеся в пандемию, отмечая при этом

фиксацию в интернет-дискурсе неологизмов с продуктивным корнем *zoom*:

- 1) бленд *zoomeral* (*zoom+funeral*) — похороны в Zoom;
- 2) сложные слова, образованные путем сложения двух и более основ, например: *zoombombing* — проникновение в zoom-конференцию участников, позволяющих себе оскорбительное поведение и высказывания по отношению к организатору и участникам;
- 3) *zoom town* — город, в который переезжают люди, работающие в удаленном режиме, *zoom mom* — мать, которая проводит много времени, работая в Zoom;
- 4) *zoom party* — вечеринка в зуме, *upperwear* (неологизм) — одежда, которую видно в камере компьютера;
- 5) эвфемизмы, которые употребляются для прикрытия пристрастия к потреблению алкоголя, например, *on-nomi* либо *virtual happy hour* — потребление коктейлей в Zoom⁴.

Это показывает, что, помимо присущего языку свойства лингвокреативности, в эпоху кризиса появляются продуктивные лексические матрицы и аффиксы, которые содержат в своей основе концептуальную суть происходящего, способствуя созданию дискурсивной реальности путем формирования определенного вокабуляра, в данном случае, пандемийного. В английском языке продуктивными корнями стали лексемы *zoom*, *corona*; частотным суффиксом — *exit*, который традиционно участвует в словообразовании, когда речь заходит о нестандартных ситуациях и кризисах, ср.: *Brexit* и *Megexit*. К продуктивным префиксам относится *iso-*, являющейся частью слова *isolation*, ставшего знакомым в изучаемый период, например: *iso-banking* — банковские операции, производящиеся удаленно на самоизоляции; *iso-beard* — борода, которая отросла у мужчин за время пандемии, а до этого времени они ее не носили и т.д.

В китайском языке вербальным маркером пандемийного кризиса стала лексема 新冠 — «корона (вирус)». Квантитативный анализ авторских корпусов текстов на китайском языке, построенных по принципу «официальные/ оппозиционные тексты» и вобравших в себя материалы по тематике основных событий пандемийного периода (декабрь 2019 — март 2022 гг.), показал, что среди коллокаций с вербальным маркером 新冠 — «корона (вирус)» по критерию правдоподобия (*likelihood*) в корпусе № 1 («официальном») присутствует 85 единиц, а в корпусе № 2 («оппозиционном») — 178 единиц. По критерию семантико-синтаксической целостности нами была выявлена параллельная представленность 11 коллокатов и лакунарность 241 коллокатов, в том числе в корпусе № 1–74 единицы (87 %), в корпусе № 2–167 единиц (93 %).⁵

⁴ OED. [Electronic resource]. URL: [https:// coronavirus, n. meanings, etymology and more | Oxford English Dictionary \(oed.com\)/](https://coronavirus.n.meanings.etymology.and.more|OxfordEnglishDictionary(oed.com)/) (Accessed 09.02.2024).

⁵ В подсчетах по критерию параллельной представленности сопоставляемых коллокативных единиц учитывается погрешность в объеме корпусов, отражаемая в коэффициенте

Учитывая лимиты объема публикации, мы выборочно проиллюстрируем ниже контрастную коммуникативную динамику ряда комбинаторных сочетаний, актуальных для обоснования гипотезы исследования (табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Репрезентативная выборка компонентов параллельных коллокаций с вербальным маркером «коронавирус» (新冠) в идеологически полярных корпусах / Representative sample of parallel collocation units with the verbal marker coronavirus (新冠) in ideologically polar corpora

№	Вербальный маркер / Verbal marker		Корпус № 1 / Corpus 1	Корпус № 2 / Corpus 2
	китайский язык / Chinese	русский язык / Russian		
1.	肺炎	пневмония	1694,451	1760,499
2.	疫情	пандемия	1289,109	2147,370
3.	抗击	наносить контрудар; противостоять	301,195	108,808
4.	防控	профилактика и контроль	253,290	111,865
5.	疫苗	вакцина	37,341	400,646
6.	肆虐	свирепствовать, зверствовать	44,462	24,824
7.	应对	противодействовать; давать отпор	23,574	20,925
8.	流行	распространяться, течь	69,699	49,521
9.	溯源	искать источник; первопричина	15,716	168,213
10	病毒	вирус	124,232	1274,441
11	武汉市	(город) Ухань	17,615	53,422

Источник: составлено А.А. Хабаровым / Source: compiled by Artyom A. Khabarov

Представленные в выборке коллокаты демонстрируют тождественную семантику на фоне прагматических, экспрессивных и смысловых расхождений, наблюдаемых в общем контексте их функционирования. Контекстуально-прагматический анализ дискурса официальной власти показывает прямую ассоциативную связь специальной терминологии с нарративом борьбы с пандемией, транслируемым официальными китайскими СМИ в синхронные временные интервалы с публикациями

правдоподобия, коэффициенте средней частоты, а также обобщается тематическая вариативность текстового материала.

в оппозиционных источниках. Приведем примеры узуального употребления ряда параметрически контрастных единиц в программных выступлениях партийно-политического руководства Китая (маркеры № 4, 5, 9, 10, 11):

- 1) 坚决打赢疫情防控的人民战争、总体战、阻击战。‘Решительно выиграть общенациональную битву по сдерживанию распространения коронавирусной эпидемии’.
- 2) 疫苗临床试验和上市使用。‘Клиническое испытание и применение вакцины’.
- 3) 加强病毒溯源和传播机理研究。‘Усилить исследования происхождения и механизма передачи вируса’.
- 4) “四抗”，第一是抗病毒；第二是抗休克；第三是抗低氧血症；第四是抗继发感染。‘«Четыре направления борьбы»: комбинированное лечение вируса, шока, гипоксемии и вторичного заражения’.
- 5) 以武汉市为主战场的全国本土疫情传播已基本阻断。‘Распространение коронавирусной эпидемии в стране, где главным полем битвы стал город Ухань, в основном остановлено’.⁶

Смыслообразующий посыл дискурса официальной власти направлен в позитивное русло благодаря созидательно-конструктивным нарративам, закрепляющим в сознании массового адресата концептуальный формат пандемийного кризиса, в котором доминирует установка на коллективную борьбу с инфекцией, взаимопомощь, научный подход и иные тождественные шаблоны действий. Выделенные в примерах вербальные маркеры закрепляют в сознании целевой аудитории семантические и эмоциональные коннотации положительной направленности к «своему» (сдерживать/лечить, г. Ухань) и отрицательной к «чужим» (вирус, эпидемия). Отметим, что помимо метафорической модели концептуализации борьбы с ковидом как войны с врагом на поле боя, в китайском медиадискурсе выделяются также импликации, в которых коронавирус олицетворяется как живое существо, стихийное бедствие и чувство страха [7], как растения и их формы, враг, замкнутое пространство, медицинская утварь и пр. [8].

Особое место среди лексики кризисного этапа занимает терминология, которая до этого этапа либо была неизвестна широкому кругу граждан, либо не существовала вообще. Так, в период 2020–2021 гг. в активное речевое употребление через средства массовой информации вошли такие термины как: *Covid hotspots*, *Droplet transmission*, *antibody therapy*, *side effect*, *morbidity*, *Intubation*, *airborne disease*, *death toll*, *Index patient*.

В корпусах китайского языка можно найти следующие термины, вошедшие в языковую практику жителей Китая в 2020–2021 гг. (табл. 2).

⁶ 重要概念范畴表述外译发布平台。 [Electronic resource]. URL: [https:// 抗击新冠肺炎疫情中俄对照词汇 \(pmtkcde.org.cn\)/](https://抗击新冠肺炎疫情中俄对照词汇 (pmtkcde.org.cn)/) (Accessed 09.02.2024).

Таблица 2 / Table 2

Терминология, вошедшая в языковую практику в Китае в 2020–2021 гг. / Terminology that came into active use in China in 2020–2021

№	Термин / Term		Корпус № 1 / Corpus 1	Корпус № 2 / Corpus 2
	китайский язык / Chinese	русский язык / Russian		
1.	mRNA	мРНК- (вакцина)	0	30,482
2.	奥密克戎	омикрон	0	29,416
3.	德尔塔	дельта	0	28,472
4.	阳性	положительный результат (теста)	0	22,042
5.	毒株	штамм	64,200	0
6.	基因组	геном	59,134	0
7.	决战	решающий бой	39,298	0
8.	冲击	атака, удар	27,863	0
9.	洪涝	наводнение, потоп	27,769	
10.	战线	фронт	18,299	0
11.	攻坚	сокрушительный удар	18,192	0
12.	感染	заражение	0	239,042
13.	感染者	зараженный	0	50,069
14.	病毒感染	заразность вируса (контагиозность)	0	43,903
15.	死亡率	коэффициент смертности	0	32,772
16.	公共卫生	общественная гигиена	41,332	0
17.	分离	разделение (сепарация)	52,074	0
18.	清零	(политика) «нулевой терпимости»	34,462	0
19.	联防联控	коллективная профилактика и контроль	22,647	0

Источник: составлено А.А. Хабаровым / Source: compiled by Artyom A. Khabarov

Китайско-английский специализированный словарь терминов и определений в области пандемии коронавируса (汉英新冠词典), содержащий 7683 словарных статей, отмечает высокочастотный характер функционирования в мировых СМИ новых ассоциированных с коронавирусом лексических единиц, заимствованных из специальных терминологических областей, к примеру:

- 1. 方舱医院 ‘мобильный госпиталь’ (mobile/cabin hospital);
- 2. 保持社交距离 ‘держат социальную дистанцию’ (to maintain social distancing);

3. 呼吸衰竭 ‘дыхательная недостаточность’ (respiratory failure);
4. 咽拭子 ‘мазок из носоглотки’ (throat swab).

Нарративным трендов 2020 г. также стало появление неологизмов по типу:

5. 大流行 ‘пандемический, широко распространяющийся’ (pandemic)⁷;
6. 无接触配送 ‘бесконтактная доставка’ (contactless delivery);
7. 在家工作 ‘работа на дому’ (work from home, WFH);
8. 封锁 ‘локдаун, строгие санитарно-эпидемиологические ограничения’ (lockdown);
9. 直播带货 ‘маркетинговый стриминг’ (онлайн-трансляция с целью продажи товаров)» (influencer marketing) и др.

С точки зрения изучения лексикона и риторических приемов, для эпохи любого кризиса характерным остается преобладание эмоционально окрашенной лексики. Англоязычный и русскоязычный сегменты СМИ достаточно хорошо изучены с позиций эмотивности, результаты этих исследований отражены в ряде публикаций Е.Ю. Андреевой [9], М.В. Белякова [10], А.Д. Бобр, Н.А. Ахреновой [11]; В.И. Карасика [12] и др., однако китайское медиапространство во времена пандемии COVID-19 не изучалось с точки зрения эмотивности. Опираясь на корпусный подход к исследованию, в одном из текстов-источников корпуса под заголовком «В других странах коронавируса — это природный вирус, а в Китае — это политический вирус» (“新冠在别的国家是生物病毒, 在我国是政治病毒”) проявляется идеологическая полярированность способа синхронизированной репрезентации пандемийного кризиса, контрастирующего с официальными комментариями правительства КНР:

1. 1月1日—8日 这一周, 西安因疫情封城已达17天, <...>而西安当局已于6日率先宣布“社会面清零基本实现”, 但封城管控措施还在层层加码, 当地防疫乱象频频曝出, 遍地激起沸腾的民怨。‘В течение недели с 1 по 8 января (2022 г.), на момент наступления 17 дня изоляции г. Сиань по причине пандемии, 6 января, правительство г. Сиань в первую очередь объявило о выполнении базовых требований курса *«изоляции общественного пространства (городов, районов) и устранения коронавируса»*, а также приступило к наращиванию степени изоляции города во всех сферах жизнедеятельности, что привело к повсеместному хаосу и неразберихе в условиях антипандемийных ограничений, повсюду наблюдалось *кипящее негодование людей*’⁸.

Градус напряжения оппозиционной риторики отражает установку на нагнетание негативного фона за счет эмоционально-экспрессивной лексики (乱象 ‘хаос’, 沸腾的民怨 ‘кипящее негодование’), описывающей

⁷ По данным Оксфордского словаря, употребляемость данного слова выросла в 2020 г. на 57000 %.

⁸ 中国数字时代 (封城). [Electronic resource]. URL: [https://【CDT周报】第51期: 新冠在别的国家是生物病毒, 在我国是政治病毒 \(chinadigitaltimes.net\)](https://【CDT周报】第51期: 新冠在别的国家是生物病毒, 在我国是政治病毒 (chinadigitaltimes.net) (Accessed 04.02.2024).) (Accessed 04.02.2024).

реализуемые властями карантинные меры, в том числе с опорой на актуальную терминологию (疫情 ‘пандемия’, 封城清零 ‘политика «нулевой терпимости» (изоляция городов и устранение коронавирусной инфекции)’, 管控措施 ‘меры управления и контроля’, 防疫 ‘антипандемийные меры’).

2. 就在西安封城日记仍在续写时，天津因 **Omicron** 新冠变体的出现也宣布封城，或许，在新冠疫情爆发距今的两年后，高强度的封城模式所带来的伤害，已超过病毒本身。‘Как раз в то время, когда летопись изоляции г. Сиань все еще продолжала писаться, г. Тяньцзинь также объявил о закрытии города в связи с появлением нового штамма «Омикрон». Возможно, что спустя два года после вспышки эпидемии коронавируса общий *ущерб*, который нанесла концепция жесткой *изоляции* городов, превзошел вред от самого вируса’.⁹

Состояние истерии и отрицания магнифицируется оценочными суждениями автора (поста в социальной сети), которые не подкрепляются фактами, но создают стереотипную ассоциацию между понятиями ‘омикрон — меры изоляции — вред (ущерб)’. Квантитативный анализ корпусного материала позволил проследить вербально-ассоциативные связи, формирующие интертекстуальное взаимодействие разнородных акторов дискурса и информационных ресурсов. В частности, среди текстов-источников корпуса №2 выявлена дискурсивная репрезентация штамма *омикрон* в анонимном интервью под названием «Как мы победим омикрон в 2022 году? — С помощью китайского языка» (“2022年，我们将如何战胜奥秘克戎？用中文”), где перечисляется весь спектр мер правительственного контроля в формате сатирического высмеивания:

3. 面对奥密克戎这个新问题，我们<...>需要拿出新水平、达到新境界，通过新举措、新发展，形成新突破。<...> 赋予绿码、黄码、红码、灰码、场所码、健康码、行程码。由此，我们便可战胜奥密克戎。‘Столкнувшись с новой проблемой — штаммом *омикрон*, нам нужно выйти на новый уровень, выйти на новый рубеж, совершить новые прорывы с помощью новых мер и разработок. (Мы должны) присвоить зеленые *коды*, желтые *коды*, красные *коды*, серые *коды*, *коды* локаций, *коды* здоровья и *коды* маршрутов. Исходя из всего этого, мы можем победить *омикрон*’¹⁰.

Используя стилистические приемы повтора, параллелизма и иронии, а также аллюзию к литературным антиутопиям, где язык узурпируется диктатурой правящих кругов, автор текста (представитель оппозиционных кругов) высмеивает политические лозунги из программных документов, демонстрируя недоверие к власти и недовольство мерами по ограничению прав и свобод граждан под эгидой антиковидной кампании. Очевидно, что

⁹ Там же.

¹⁰ 中国数字时代(奥秘克戎). [Electronic resource]. URL: [https://【404文库】贰條 | 用中文战胜奥密克戎 \(chinadigitaltimes.net\) /](https://【404文库】贰條 | 用中文战胜奥密克戎 (chinadigitaltimes.net) / (Accessed 09.02.2024).) (Accessed 09.02.2024).

перечисление различных видов цветовых кодов для подтверждения статуса либо состояния гражданина является чувствительной темой для определенных категорий массмедиа. Следует отметить, что лакунарность конкретных дискурсообразующих единиц (онимов, терминов, реалий) в корпусе «неофициальных» СМИ не может быть основанием для смысловой интерпретации релевантных результатов выборки и не предполагает отсутствие данных единиц. Однако факт непредставленности лексических комбинаций, имеющих признаки семантико-синтаксической целостности, сигнализирует о снижении их потенциала дискурсивной транзакции в функции языковой идентификации определенных предметов и явлений действительности.

Моделирование в СМИ состояния пандемийного кризиса обращено на массового адресата, что предполагает обязательное задействование *интертекстуальных связей*. В частности, помимо аллюзий, фразеологизмов, цитат, в активный речевой репертуар входят такие средства, как:

- 1) каламбур, ср.: — *What is opposite of anti-biotics? — Uncle-biotics*;
- 2) пародия, основанная на прецедентных, культурно маркированных текстах: *All we need is gloves — All we need is love (The Beatles); Covido, ergo zoom — Cogito, ergo sum* (Рене Декарт);
- 3) игра слов, основанная на омонимии и антонимии, например: *I'm a social vegan. I avoid **meet**. Positive (adj.) The most negative word of 2020. Any ideas for games to play during self-imposed social distancing? (Other than Solitaire).*

Такое использование интертекста прагматически обосновано рядом факторов. Во-первых, благодаря аллюзиям и паремиям возникает апелляция к общим для целевой аудитории и автора/спикера ценностям с целью повышения доверия и достижения цели коммуникации. Пародия, каламбур и игра слов призваны, помимо своей объединяющей функции, исполнить роль юмористических элементов, разряжающих напряженную стрессовую ситуацию, сложившуюся в обществе и достичь эффекта *отсроченной кульминации* кризиса. Таким образом, юмор является одним из мощных воздействующих механизмов [13], который позволяет направить вектор общественной мысли в нужное идеологическое «русло» и скорректировать динамику поведения масс.

Мы считаем, что в дискурсивной реальности глобального кризиса ведущая роль отводится невербальной составляющей, что ярко проявляется в условиях цифровизации общественной жизни. Э. Кассирер утверждал, что именно символическая, знаковая составляющая является средством, раскрывающим саму сущность человеческого сознания [14]. Бурное развитие культуры использования гаджетов в наши дни предопределило переход трафика обмена данными в измерение визуальной коммуникации, при которой современный человек воспринимает не более 10–15 % информации в виде вербального сообщения, а ключевые 85–90 % — в виде невербального.

Логично, что в период эпидемии COVID-19 в европейских массмедиа и социальных сетях в целом, и в англоязычном сегменте в частности, активно распространялись такие виды поликодовых текстов, как агитационные плакаты, карикатуры, демотиваторы и другие виды разного рода мемов. Так, в США преобладали постеры-аллюзии на сюжеты агитплакатов времен Второй мировой войны, а также изображения, пропагандирующие традиционные семейные ценности.

Рис. 4. Примеры агитационных плакатов разных периодов
 Источник: из архива А.А. Хабарова.

Fig. 4. Examples of propaganda posters from different periods
 Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

Заметим, что в таких плакатах прослеживается определенная вербальная избыточность. Наряду с краткой императивной конструкцией («STAY HOME!») присутствует развернутая синтаксическая конструкция «HELP SLOW THE SPREAD OF CORONAVIRUS».

Другим распространенным семиотическим явлением в массмедийной коммуникации стали предупреждающие знаки-символы, которые, помимо иконического компонента, содержали вербальную составляющую [15; 16]. Фоном для этих знаков выбран желтый цвет, демонстрирующий временность мер, указанных на знаках. Мы солидарны с точкой зрения Н.А. Ахреновой о том, что «Демотиваторы и агитационные плакаты эпохи пандемии, созданные в США, носят глобальный характер и имеют всемирную узнаваемость, что еще раз доказывает: именно англосаксонская популярная культура Северной Америки и английский язык являются глобальными «диктаторами» мировых трендов времени пандемии COVID-19» [17. С. 9]. Фоном этих знаков выбран желтый цвет, демонстрирующий временность мер, указанных на знаках (рис. 5).

Политическая карикатура также стала компонентом дискурсивной реальности пандемийного кризиса и демонстрировала, в частности, отклонение руководства англоязычных стран от правил, установленных на государственном уровне:

Рис. 5. Примеры знаков- символов массовой коммуникации
 Источник: из архива А.А. Хабарова.

Fig. 5. Examples of signs and symbols of mass media communication
 Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

Fig. 6. Примеры англосаксонской политической карикатуры о COVID-19
 Источник: из архива А.А. Хабарова

Fig. 6. Examples of Anglo- Saxon political cartoons about Covid
 Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

В китайском сегменте глобальной сети превалировал жанр агитационного плаката, отражающий смысловые доминанты официального дискурса партийно-политического руководства КНР. Иные поликодовые жанры представлены не были, что определяется культурной составляющей китайского общества, где существует жесткая модерация контента, директивное общение в строго регламентированном формате коммуникации власти и общества:

Рис. 7. Примеры китайского агитационного плаката о COVID-19
Источник: из архива А.А. Хабарова.

Fig. 7. Examples of Chinese propaganda posters about Covid
Source: compiled by the Artyom A. Khabarov.

На волне мощных пропагандистских акций, инициированных властями КНР, вызов, брошенный эпидемией SARS-Cov-2, был воспринят как война, и китайское общество закономерно поддержало этот посыл. Так идея борьбы становится лейтмотивом плакатов ковидной эпохи. Ключевыми фигурами любой войны и борьбы являются воины, которыми в Китае стали герои пандемии — врачи и волонтеры. Этот тезис подтверждается большим количеством плакатов, в которых в качестве сферы-источника метафоры выступает сам человек или части его тела, например, сжатая в кулак рука, наносящая удар. Этим способом актуализирована метафора «сопротивления», «ответного удара», «непрерывной борьбы». Сомкнутые руки людей разных профессий, очевидно, символизируют единство и сплоченность китайской нации. Вербальная составляющая (致敬防疫人员 ‘Поблагодарим персонал, борющийся с пандемией!’; 致敬英雄 ‘Скажем спасибо героям!’; 武汉加油 ‘Вперед, Ухань!’; 众志成城 ‘Сила в единстве!’; 抗击疫情 ‘Дадим отпор пандемии!’; 百毒退散 ‘Прогоним прочь сто зараз!’) дополняет изображение и подчеркивает важную миссию врачей и всех, кто поднялся на борьбу с вирусом. В подобных агитационных материалах манифестируются типовые идеологические оппозиции («жизнь — смерть», «добро — зло», «свет — тьма», «единение — разобщение»), восходящие к архетипам сознания, что предопределяет их высокий дискурсивный потенциал.

Заключение

Дедуктивный подход к изучению опыта репрезентации пандемии COVID-19 в зарубежных (англоязычных и китайских) массмедиа с целью построения на его основе модели дискурсивной реальности пандемийного кризиса позволил заключить, что технология моделирования глобальных кризисов представляет собой комплексный процесс применения коммуникативных методов, поликодовых средств и мультимодальных каналов реализации дискурсивной динамики. Поэтапное конструирование в СМИ лингвокогнитивной модели пандемийного кризиса строилось на почве архетипов языкового сознания целевой аудитории (этнических и социальных групп), а также с учетом ранее заложенного пресуппозиционного знания как когнитивной базы восприятия идеологизированной информации. Начиная с этапа предиктивного программирования масс, в медиапространстве разворачивается как прямая пропаганда, так и скрытое навязывание представлений, идеалов, ценностей и норм новых социально значимых концептов, что неизбежно провоцирует когнитивный диссонанс. Статистика употребления антонимических лексических единиц в контрастных текстах, функционирующих в рамках репрезентации пандемийных сценариев в китайских и англоязычных массмедиа, свидетельствует о процессах изменения образов восприятия действительности в рамках идеологического антагонизма, что подтверждает заявленную гипотезу исследования.

Контрастная конфликтогенность массовой коммуникации обеспечивается применением полярных идейно-нравственных установок и ценностных ориентиров, вербальные и невербальные формы овнешнения выявлены в ходе лингвистического анализа медиатекстов разного типа. Альтернативные модели дискурсивной реальности строятся по принципу балансирования и поддержания борьбы между оппозитивными установками на определенные виды деятельности в парадигме «свой-чужой», что за ковидное время выразилось в дихотомиях «вызов (война) — избегание (уход)», «добровольная — насильственная (вакцинация)», «вынужденное согласие с карантином/изоляция — ущемление прав и свобод» и пр.

Сопутствующие эпидемическим обстоятельствам стрессогенные факторы (неопределенность, информационный вакуум, психическое неравновесие, материальная необеспеченность, ущемление прав и свобод и др.) способствовали активации у массового адресата аффективной (эмоциональной) стороны мышления в ущерб рациональной, превалированию идеологически полярной оценочности и инстинктивного поведения. Ознаменовав собой новый этап наступившей цифровой эры, глобальный кризис пандемии COVID-19, с одной стороны, привнес в жизнь нашей цивилизации тренды на гуманизацию социальных отношений, взаимопомощь и консолидацию усилий на фронте борьбы с коронавирусом как с общим врагом, с другой, ускорил институционализацию в медийном поле установочных нарративов, нацеленных на идейно-политическую стратификацию общества, формирование единообразного коллективного сознания и групповых стереотипов.

Библиографический список

1. *Ахренова Н.А.* Дискурс пандемии / Н.А. Ахренова // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С. 328–329.
2. *Петряков Л.Д.* Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты; дисс д-ра философ наук. Иваново, 2014. 350 с.
3. *Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д.* Дискурсивная реальность интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Психологические науки. 2020 № 1 С. 92–100.
4. *Сорокин Ю.А., Тарасов, Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Высшая школа, 1990. С. 180–186.
5. *Vashunina, I.V., Il'ina V.A.* Text creolization as manipulative strategy tactics // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2020. Vol. 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1036>.
6. *Ахренова Н.А.* Особенности репрезентации концепта COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 108–121.
7. *Калинин О.И.* Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8(837). С. 26–37.
8. 陈菰霖. 新冠疫情医疗词彙之多面向叙事——语言、事件与时间. 2022年7月. 第101卷第2期213页. July 2022, 101(2), 213–143. [https://doi.org/10.29499/CrCL.202207_101\(2\).0010](https://doi.org/10.29499/CrCL.202207_101(2).0010)

9. Андреева Е.Ю. Лексические и синтаксические средства эмотивности в первую волну пандемии: дискурс-анализ медиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. Вып. 3(63). С. 9–23. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23>.
10. Беляков М.В. Отражение тематики коронавируса в дипломатическом дискурсе (на примере выступлений С.В. Лаврова и выступлений на Генассамблее ООН) // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дискурсивные практики в современном мире». М. : Изд-во МГОУ, 2021. С. 88–96.
11. Бобр А.Д., Ахренова Н.А. Лингвоконфликтогенез в социолингвистическом дискурсе на фоне пандемии COVID-19 // Военно-гуманитарный альманах: По материалам XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Москва, 24 июня 2022 г. М. : Военный университет, 2022. С. 90–97.
12. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020 № 2(80). С. 25–34.
13. Ахренова Н.А., Заринов Р.И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика, 2023. № 10(4). С. 428–449. <https://doi.org/10.21638/srbu22.2023.401>
14. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб. : Университетская книга, 2002.
15. Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Семиотика медицинского дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 802–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820>
16. Дубинина М.Н. Визуальная метафора в плакатах периода пандемии в Китае // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 1(56). С. 15–23. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.56.1.002>. EDN: ORTTGQ
17. Ахренова Н.А. Невербальная презентация концепта COVID-19 в интернет-пространстве // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 1(56). С. 5–14. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.56.1.001>.

References

1. Akhrenova, N.A. (2022). *Discourse of the pandemic*. In: Theses of the reports of the 50th International Scientific Philological Conference named after Ludmila Alekseevna Verbitskaya: Theses of the reports, Saint-Petersburg, 15–23 March 2022. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ. pp. 328–329. EDN: EMREPU (In Russ.).
2. Petryakov L.D. (2014). *Discursive reality as an object of philosophical analysis: ontological and epistemological aspects*; dissertation of Doctor of Philosophy. Ivanovo. 350 p. (In Russ.).
3. Grebenshchikova T.A., Kubrak T.A., Pavlova N.D. (2020). *Discursive reality of the Internet*: Bulletin of Moscow State Regional University. Series Psychological Sciences. № 1 pp. 92–100. (In Russ.).
4. Sorokin, Ju.A. & Tarasov, E.F. (1990). *Creolized texts and their communicative function*. In: Optimization of speech impact. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 180–186. EDN: UWKFKR (In Russ.).
5. Vashunina, I.V. & Il'ina, V.A. (2020). *Text creolization as manipulative strategy tactics*. Moscow Region State University (e-journal), 4, 180–186. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1036> EDN: SORSPK (In Russ.).
6. Akhrenova, N.A. (2021). *Representational peculiarities of the conceptual sphere covid-19*. The Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 4, 108–121. EDN: LPVOYD (In Russ.).
7. Kalinin, O.I. (2020). *Discursive metaphor of coronavirus in prc media*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(837), 26–37. EDN: MWXAZK (In Russ.).

8. Chen Song-Lin. *Multi-oriented narratives of the new crown epidemic medical vocabulary-language, event, and time*. July 2022, 101(2), 213–143. [https:// doi:10.29499/CrCL.202207_101\(2\).0010](https://doi.org/10.29499/CrCL.202207_101(2).0010) (In Chinese). 陈崧霖。新冠疫情医疗词彙之多面向叙事——语言、事件与时间。2022年7月。第101卷第2期213页。
9. Andreeva, E.Yu. (2023). *Lexical and syntactic means of expressing emotivity in the first wave of the pandemic: a media discourse analysis*. Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin, 63, 9–23. [https:// doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23](https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23) EDN: ALEOCR. (In Russ.).
10. Belyakov M.V. (2021). *Reflection of the coronavirus theme in diplomatic discourse* (on the example of S.V. Lavrov's speeches and speeches at the UN General Assembly). Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Discursive Practices in the Modern World". Moscow: Izd-vo MGOU. pp. 88–96. (In Russ.).
11. Bobr, A.D. & Akhrenova, N.A. (2022). *Language conflict genesis in socio- linguistic discourse against the backdrop of the COVID-19 pandemic*. In: Military and humanitarian almanacs : According to the materials of the XVI International Scientific Conference on current problems of the theory of language and communication, Moscow, June 24, 2022. Moscow: Military University Publ. pp. 90–97. EDN: VKBENE (In Russ.).
12. Karasik, V.I. (2023). *Discourse emblems as the object of semiotic analysis*. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 14(4), 1122–1138. [https:// doi:10.22363.2313.2299-2023-14-4-1122-1138](https://doi.org/10.22363.2313.2299-2023-14-4-1122-1138) EDN: CNHRIQ (In Russ.).
13. Akhrenova, N.A. & Zaripov, R.I. (2023). *The linguistic and pragmatic characteristics of modern polycoded multimodal media text in the context of information- psychological influence*. Media Linguistics, 10(4), 428–449. [https:// doi.org/10.21638/spbu22.2023.401](https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.401) EDN: MGSNLK (In Russ.).
14. Cassirer, E. (2002). *Philosophy of symbolic forms*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
15. Ebzeeva, Y.N. & Dugalich, N.M. (2024). *Semiotics of Medical Discourse*. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(3), 802–820. [https:// doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820)
16. Dubinina, M.N. (2021). *Visual Metaphors in Posters During the Coronavirus Pandemic in China*. Foreign Languages in Tertiary Education, 1(56), 15–23. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.56.1.002> EDN: ORTTGQ (In Russ.).
17. Akhrenova, N.A. (2021). *Non-verbal Presentation of the Concept COVID-19 in the Internet*. Foreign Languages in Tertiary Education, 1(56), 5–14. [https:// doi.org/10.37724/RSU.2021.56.1.001](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.56.1.001) EDN: YIDIVN (In Russ.).

Сведения об авторе:

Хабаров Артем Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры китайского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1); сфера научных интересов: китайский язык, политическая лингвистика; когнитивные исследования языка; e-mail: lancelot567@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6459-4966; SPIN-код: 9868-3521, Author ID: 790720

Information about the author:

Artyom A. Khabarov, Ds.Sc. (Philology), Professor of the Department of Chinese Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034); Research interests: Chinese language, political linguistics; cognitive studies of language; e-mail: lancelot567@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6459-4966; SPIN-code: 9868-3521, Author ID: 790720

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1192-1214

EDN: UMWGAJ

УДК 81'373.21(470.58+571.12+571.13+574)

Научная статья / Research article

Этноязыковая картина топонимического ландшафта приграничья Северо-Казахстанской области и Российской Федерации

Е.В. Сабиева¹ , М.Е. Какимова¹ , Г.Б. Мадиева² , В.И. Супрун³

¹ Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, *Петропавловск, Республика Казахстан*

² Казахский национальный университет имени аль-Фараби, *Алматы, Республика Казахстан*

³ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, *Волгоград, Российская Федерация*

mkakimova2009@mail.ru

Аннотация. Исследуемое топонимическое пространство приграничной территории Северо-Казахстанской области и Российской Федерации отличается этническое многообразие, которое свидетельствует о многочисленных миграционных процессах. Исторически на этой территории проживают представители разных народов: казахи, русские, украинцы, немцы, белорусы, поляки, татары, калмыки, башкиры и др. Этот факт обусловил топонимический спектр региона, который представляет собой уникальный поликультурный этноязыковой ареал, сложившийся в результате тесного этноязыкового контактирования, вызывающий интерес как объект региональных исследований, что и предопределило выбор изучаемой темы. Языковым материалом для исследования послужили наименования географических объектов, расположенных на приграничных территориях Северо-Казахстанской области и Российской Федерации (Курганская, Тюменская и Омская области). В ходе исследования использовались разные методы и приемы: описательный метод, элементы историко-сравнительного метода, прием сплошной выборки, языковая атрибуция, инвентаризация и систематизация, дифференциация топонимического материала. Предложенный подход может применяться в описании этноязыковых процессов в контексте создания этноязыковой картины любого топонимического ландшафта приграничья. Для достижения заявленной цели был осуществлен сбор этнотопонимов с максимальной степенью полноты охвата фактического материала, в котором особое внимание уделялось казахским наименованиям. Были определены места расселения казахов, согласно их ареальной принадлежности, выявлены зоны расселения разных этносов на приграничных территориях Северо-Казахстанской области и Российской Федерации. Анализ топонимического материала позволил определить как наличие иноэтнических наименований, что свидетельствует о многочисленных миграционных процессах в прошлом и тесных этноязыковых контактах

© Сабиева Е.В., Какимова М.Е., Мадиева Г.Б., Супрун В.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

на исследуемых территориях, так и ареалы расселения разных этносов на приграничных территориях России и Северо-Казахстанской области, в том числе зоны исторического расселения казахов на территории России.

Ключевые слова: топонимы, этнотопонимы, этноязыковые контакты, иноэтнические топонимы, миграционные процессы

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта ИРН АР19676219 «Интегральное исследование топонимического ландшафта приграничных районов Северного Казахстана и Российской Федерации» согласно Договору МНВО РК на грантовое финансирование № 243/23-25 от 03 августа 2023 года.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Сабиева Е.В., Какимова М.Е., Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Этноязыковая картина топонимического ландшафта приграничья Северо-казахстанской области и Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1191–1214. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1191-1214>

Ethnolanguage Picture of the Toponymic Landscape of the Border Area of the North Kazakhstan Region and the Russian Federation

Yelena V. Sabiyeva¹ , Maira E. Kakimova¹ ,
Gulmira B. Madiyeva² , Vasilii I. Suprun³

¹M. Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

 mkakimova2009@mail.ru

Abstract. The studied toponymic space of the border area is distinguished by ethnic diversity, which indicates numerous migration processes. Historically, representatives of different peoples lived in this territory: Kazakhs, Russians, Ukrainians, Germans, Belarusians, Poles, Tatars, Kalmyks, Bashkirs, etc. In this regard, the toponymic spectrum of the region is a unique multicultural ethno-linguistic area, formed as a result of close ethno-linguistic contact, which is interesting as an object of regional research, this fact determined the choice of the topic under study. The names of geographical objects located on the border territories of the North Kazakhstan region and the Russian Federation (Kurgan, Tyumen and Omsk regions) served as the linguistic material for the study. Various methods and techniques were used in the course of the study: continuous sampling, linguistic attribution, inventory and systematization, differentiation of toponymic material, descriptive method, as well as historical and comparative method. The

proposed approach can be applied in the description of ethnolanguage processes in the context of creating an ethnolanguage picture of any toponymic landscape of the border region. Within the framework of the stated goal, the collection of ethnotoponyms was carried out, with the maximum degree of completeness of coverage of the factual material, in which special attention was paid to Kazakh names. The places of settlement of the Kazakhs were determined, according to their areal affiliation, the zones of settlement of different ethnic groups in the border territories of the North Kazakhstan region and the Russian Federation were identified. The analysis of toponymic material made it possible to determine the presence of foreign-ethnic toponyms, which indicates numerous migration processes in the past and their close ethno-linguistic contacts in the studied territories, the areas of settlement of different ethnic groups in the border territories of the North Kazakhstan region and Russia. The analysis made it possible to identify areas of historical settlement of Kazakhs in Russia.

Keywords: toponyms, toponymic landscape, ethnolanguage contacts, foreign-ethnic toponyms, migration processes

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Financing:

The study was carried out within the framework of the scientific project IRN AR19676219 “Integrated study of the toponymic landscape of the border regions of Northern Kazakhstan and the Russian Federation” according to the Agreement of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan for grant financing No. 243/23-25 dated August 03, 2023.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Sabiyeva, Y.V., Kakimova, M.E., Madieva, G.B. & Suprun, V.I. (2024). Ethnolanguage Picture of the Toponymic Landscape of the Border Area of the North Kazakhstan Region and the Russian Federation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1191–1214. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1191-1214>

Введение

Топонимический ландшафт казахско-русского приграничья, как и топонимия любого полиэтнического региона, неоднороден в языковом отношении. Процесс формирования топонимов происходил в течение длительного времени под влиянием многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Данная проблематика была объектом исследования многих ученых: лингвистов, географов, социологов, культурологов, историков и др. Так, пермским топонимическим субстратом на территории Марий Эл занимался О.В. Смирнов [1. С. 33]. На основе топонимических данных ученый, помимо этимологических исследований и обнаружения фонетических соответствий языковых фактов, прослеживает пути миграций этносов и их расселение [2. С. 61].

Изучением проблем топонимического ландшафта этого же региона занимался А.Л. Пустяков, объектом исследования которого стали топонимы Ветлужско-Вятского междуречья. Для анализа субстратной топонимии автор, опираясь на методику, разработанную А.К. Матвеевым, использует формантный метод и метод географических терминов (географический метод). Особое внимание А.Л. Пустяков обращает на метод картографирования, отметив, что «картографирование топонимов позволяет выделить ареалы пространства топонимических фактов» [3. С. 7].

Современный антропоцентрический подход позволяет по-новому взглянуть на проблемы взаимоотношений личности, языка, культуры и мышления, языковой ландшафт [4]. Серьезный опыт ономастических исследований представлен в совместном научном труде ономатологов Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруна. Ввиду отсутствия единообразия при освещении основных подходов к изучению имен собственных (ИС) это научное исследование является ценным в общетеоретическом плане. Оно представляет наиболее приемлемый подход для исследования ядерных и периферийных разрядов ономастической лексики. Достоинством этой работы является всеобъемлющий охват аспектов исследования ономастической лексики в теоретическом и практическом освещении. В книге дается обоснованное понимание методологии в изучении онимов в его логической последовательности с учетом их специфики. Среди многих аспектов ономастических исследований авторы выделяют лингвокультурологический и дают ему развернутую дефиницию: «определение обусловленности использования ИС общекультурными, ситуативными и индивидуальными нормами коммуникативного поведения; выявление отражения культуры как исторической памяти народа в ИС: мифологические представления данного народа, национально-культурная семантика ИС, обладающих индивидуальной информацией, т. е. изучение системы ИС, отражающей национальные формы бытия, основанные на культурных ценностях конкретно-исторического языкового сообщества <...>» [5. С. 46].

Интересные работы в аспекте изучения номинационных процессов в топонимической лексике прошлого представлены немецким ученым Гройле Альбрехтом. Языковые процессы рассматриваются им как симбиоз лингвистики, ономастики, истории и археологии. Автор отмечает, что «названные науки находятся в отношениях взаимодополняемости, суть которых заключается в том, что историческая ономастика и археология могут эффективно взаимодействовать при работе с надежно локализованными географическими названиями» [6. Р. 113] и утверждает, что такой подход в изучении наименований географических названий (особый упор ученый делает на ойконимы и гидронимы) является наиболее эффективным в силу того, что, имея давнюю историко-географическую атрибуцию, они связаны с определенным местом и пространством на протяжении долгого периода.

Придерживаясь точки зрения, что ономастические исследования содержат глубинные этноязыковые процессы, ученый выдвигает гипотезу о связи исторической ономастики с археологией, поскольку, как утверждает автор, цели сравнительно-исторического языкознания и археологии схожи. В связи с этим Г. Альбрехт вводит термин «лингвистическая археология» [6. Р. 113]. Такой подход позволил ученому выявить топонимы кельтского происхождения на территории Южной Германии, период существования которых насчитывает не одно тысячелетие.

По мнению А.И. Соболева, «<...> географические названия могут обладать собственной культурно-исторической ценностью и содержат в себе определенную этноисторическую информацию <...>» [7. С. 68]. А.Г. Шайхулов также подчеркивает важность этнических исследований в ономастике: «<...> те или иные лингвистические сопоставления, в частности, антропонимических, топонимических и других данных близкородственных языков, в конечном итоге могут иметь немаловажное значение, с одной стороны, в разработке истории языков этих народов, с другой — могут способствовать уточнению некоторых моментов в их этногенезе» [8. С. 293]. Исследователь указывает на то, что в системе онимов Волго-Камско-Уральского лингвоонимастического региона фиксируются онимы как собственно тюркского происхождения (наименования древних татар, башкир и чувашей), так и пласты онимов, которые сформировались под влиянием этнических контактов и взаимодействия разных социумов. Ученый предлагает ввести термин «Волго-Камско-Уральский антропонимический пласт» на основании того, что в данном регионе зафиксированы казахские, уйгурские, ногайские, калмыцкие наименования, а также наименования, относящиеся к финно-угорским народам: мордве, мари, удмуртам [8].

Исследуя топонимию Республики Калмыкии, Н.А. Кичикова высказывает мнение о том, что «многовековые языковые контакты калмыков с другими народами, обусловленные территориальным соседством, нашли отражение в топонимике республики, что подтверждается неоднородным характером топонимической системы исследуемого региона» [9. С. 129].

Все сказанное выше справедливо и в отношении рассматриваемого нами региона. Несмотря на то, что проблемы этнолингвистической топонимии освещаются в трудах казахстанских ученых, приходится констатировать тот факт, что топонимический ландшафт исследуемого нами региона изучен в этом аспекте фрагментарно. Можно отметить работу директора филиала Института истории и этнографии им. Ч. Валиханова Н.А. Абуова, который замечает, что на территории России, особенно в приграничных с Казахстаном территориях, фиксируются казахские топонимы. Ссылаясь на Е.М. Поспелова, Н.А. Абуов делает вывод о том, что многие национальные системы наименований зачастую носят полиязычный характер [10. С. 41]. Исследователи топонимии приграничных регионов Казахстана, в свою очередь, отмечают, что

«языковые пласты региональной топонимии Костанайской области уникальны в своей многогранности и показаны сквозь призму языковой компетенции современного носителя языка» [11. С. 39].

Однако при фиксации подобных наименований возникают большие сложности в их написании. И.А. Дамбуев, исследуя эту проблему на материале алтайских топонимов Горного Алтая, пишет, что данные онимы представляют богатый материал по топонимическому варьированию. Он подчеркивает, что эта тенденция характерна и для других тюркских топонимов: «Разные подходы к написанию на русском языке алтайских сложных топонимов тесно связаны с вопросами передачи на русский язык тюркоязычных топонимов в целом. В силу языкового родства тюркоязычные топонимы имеют ряд общих фонетических, лексических и грамматических черт» [12. С. 313]. Эта проблема сохраняется и в казахско-русском приграничье, поскольку регулярно наблюдается вариативность в написании одних и тех же казахских по происхождению наименований.

Цель исследования — выявить этноязыковые наименования географических объектов, расположенных на приграничных территориях Северного Казахстана и Российской Федерации. На основании выявленных этноязыковых фактов были определены исторические ареалы расселения разных этносов, в том числе казахов, проживающих на приграничных территориях Северо-Казахстанской области (СКО) с Российской Федерацией (РФ), представлена этноязыковая картина топонимического ландшафта.

Материалы и методы исследования

Национально-культурная специфика иноэтнических топонимов важна для определения формирования топонимического ландшафта любой территории. Для изучения топонимического ландшафта приграничных территорий Северного Казахстана (СК) и Российской Федерации необходимо интегрирование знаний из разных научных областей (лингвистики, истории, географии, археологии и др.).

Для достижения поставленных цели и задач использованы различные методы и приемы анализа топонимической лексики. На первом этапе исследования была составлена библиографическая база и проведена систематизация источниковедческих данных по исторической топонимике казахско-русского приграничья (архивные документы, труды географов, путешественников и исследователей Западной Сибири и Средней Азии и др., картографические и современные статистические данные). Это дает возможность представить этноязыковую картину топонимического ландшафта во всем его многообразии, а также определяет вклад каждого этноса в образовании топонимов на исследуемой территории. Сплошная выборка практического топонимического материала проводилась с активным использованием картографических данных на разных носителях.

Параллельно осуществлялся сбор топонимического материала с последующей его систематизацией и языковой атрибуцией согласно ареальной принадлежности географических названий. В результате выявлены иноэтнические топонимы с определением их территориальной принадлежности, обозначены зоны скопления казахских наименований географических объектов на основе локальных особенностей топонимической лексики в приграничных регионах РФ, что позволило выявить исторические ареалы расселения казахов в приграничных территориях.

В ходе изучения фактического материала были использованы как традиционные, так и инновационные подходы с учетом современных тенденций науки (интегральный подход). Последовательно был осуществлен переход от общетеоретических знаний к достижению конкретных практических результатов.

Особенно важным, на наш взгляд, является следование принципу сохранения последовательности эмпирического и теоретического этапов проведения исследований. Исследование носит прикладной характер, но не исключает взаимосвязь фундаментального и прикладного характера научного поиска.

Авторами использован также источниковедческий анализ архивных статистических, картографических материалов. Разработанная методология исследования в данном исследовании может применяться в дальнейшем при описании других региональных топонимических ландшафтов.

Результаты и обсуждение

Настоящее исследование предполагает изучение этноязыковой картины топонимического ландшафта Северо-Казахстанской области и приграничных районов Российской Федерации во всем ее многообразии. Особый акцент в статье делается на определение ареалов расселения казахов и мест их обитания на территориях, приграничных с Российской Федерацией. Выявление подобных фактов будет способствовать дальнейшим исследованиям в этом направлении, поможет проследить пути миграции казахов, особенности их проживания на территориях, которые являются инородной средой обитания для них, а также, опираясь на топонимическом материале, определить другие этнические группы, проживающие в этих регионах, поскольку, как известно, топонимический материал порой является историческим свидетельством этногенеза определенного народа.

Такой подход, по нашему мнению, будет оправдан с научной точки зрения и даст свой положительный эффект. Надеемся, что предложенное исследование поможет раскрыть международную значимость сотрудничества и взаимодействия в области исторической топонимики приграничных районов Северного Казахстана и России. Исследования в данном направлении имеют социально-культурную значимость в развитии казахской и русской ономастики приграничных территорий Северного

Казахстана и приграничных регионов России (Тюменской, Курганской и Омской областей).

Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в изучение топонимической лексики в социоэтническом аспекте, а также будут способствовать формированию ономастической компетенции, ориентированной на развитие межнациональных, этнокультурных и поликонфессиональных толерантных отношений между разными этносами, населяющими единое топонимическое пространство.

Ведущие российские ученые в области ономастических исследований И.В. Крюкова и В.И. Супрун указывают на то, что в последнее время в результате глобализации особо актуальными становятся исследования в области трансграничья с учетом взаимовлияния нескольких языков [13. С. 243]. Российские и казахстанские ученые-ономатологи отмечают, что такой подход позволяет исследовать человеческое лингвосознание посредством топонимической лексики в новом формате современной научной парадигмы, ориентированной на носителя языка [14. С. 155].

Трудно не согласиться с мнением казахстанского ученого Г.Б. Мадиевой, которая считает, что «имена собственные не только историчны, но и глубоко национальны» [15. С. 274]. На наш взгляд, такой подход подчеркивает значимость этноокрашенных топонимов в общей топонимической этноязыковой картине приграничья.

На основе топонимической лексики можно выявить ареалы расселения казахов на приграничных территориях России. Анализ статистических данных показывает, что исследуемые ареалы всегда были активны в плане миграционных процессов, что находит отражение в топонимических наименованиях. Изучение топонимии в этом аспекте будет способствовать пониманию процессов взаимодействия разных этносов. Так, с целью верификации этого предположения был проведен системный анализ наименований объектов, полученных путем сплошной выборки.

Общая протяженность границы Казахстана и Российской Федерации составляет 1417 км. Северо-Казахстанская область на севере граничит с тремя российскими областями — Курганской, Тюменской и Омской. Самая большая по протяженности граница с Омской областью, далее идут Курганская и Тюменская области. Приграничный топонимический ландшафт составляют топонимы, функционирующие на территории этих областей. Зафиксированные наименования объектов были сгруппированы в две большие группы: русские наименования и другие этнические наименования, из которых в дальнейшем были вычленены казахские топонимы.

Следующий этап исследования заключался в определении локализации казахских наименований географических объектов с целью выявления основных зон расселения казахов на приграничных территориях. Данный анализ был проведен на фактическом материале каждой обозначенной

области с привлечением современных статистических данных управления Федеральной службы государственной статистики по Курганской, Тюменской и Омской областям, результатов переписи населения и Общероссийского классификатора территорий муниципальных образований. В заключение было проведено сопоставление полученных данных по отдельным областям.

Фактические данные по наименованиям поселений

Фактические данные по Курганской области

Общая площадь Курганской области составляет 71,5 тысяч квадратных километров. Регион расположен в южной части Западно-Сибирской равнины, на юге и юго-востоке граничит с Северо-Казахстанской областью Республики Казахстан (РК). Административным центром области является г. Курган. Дата основания города — 1679 год. Этническая самобытность топонимического ландшафта Курганской области показывает, что основной спектр топонимической лексики составляют русские названия географических объектов, однако отмечаются и наименования другого этнического происхождения: *д. Алакуль* (каз.), *д. Майлык* (каз.), *д. Украинец* (укр./рус.), *д. Иткуль* (каз.), *д. Бараба* (тат.), *Искандарово* (каз. *Ескендір*), *Танрыкулово* (башк. *Тәңрекүл*), *Тамакульское* (каз. *Тамаққөл*), *Большое Касаргульское* (каз. *Үлкен Қасаркөл*), *Басказык* (каз. *Басқазық*), *Куртамыш* (башк. *Құртқамыс*), *Арлагуль* (каз. *Арлықөл*), *Балакуль* (каз. *Балакөл*), *Ақтабан* (каз. *Ақтабан*), *Булдак* (каз. *Бұлдақ*), *Нижняя Алабуга* (каз. *Төменгі Алабұға*), *Кызылбай* (каз. *Қызылбай*), *Камаган* (каз. *Қамаған*), *Отряд-Алабуга* (каз. *Алабұға Жасағы*), *Верхняя Алабуга* (каз. *Жоғарғы Алабұға*) и др. Их процентное соотношение представлено на диаграмме (рис. 1).

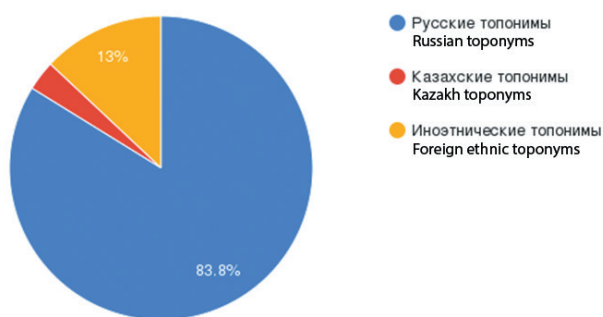

Рис. 1. Наименования поселений Курганской области

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 1. Names of settlements in the Kurgan region

Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madiyeva, Vasilii I. Suprun.

Всего было проанализировано 722 наименования, из которых было выделено 23 казахских топонима. Русских названий поселений выявлено 605 единиц, ойконимы, относящиеся к другим языкам, насчитывают 94 наименования поселений. Таким образом, процент русских наименований составил 83,8 %. иноязычных ойконимов — 13 %, казахских — 3,2 %.

Фактические данные по Тюменской области

Тюменская область расположена на юге Западной Сибири, на юго-западе она граничит с Курганской областью РФ, на юге — с Северо-Казахстанской областью РК и на юго-востоке — с Омской областью РФ. Общая площадь Тюменской области составляет 14 64173 км². Административный центр — г. Тюмень. Первое упоминание топонима в 1406 году в Архангелогородском летописце. Строительство Тюменского острога было начато в 1586 г. по указу царя Фёдора Иоанновича.

Анализ наименований поселений Тюменской области показал неравномерность распределения топонимического материала относительно их этноязыковой принадлежности и неравномерное сосредоточение онимов на карте региона. Периферийное положение на севере занимают поселения коренных жителей (ханты, манси, ненцы), центральное положение ближе к границе с Казахстаном занимают русские наименования, которые составляют наибольшую долю в количественном отношении. Характерной особенностью этого региона является большое количество тюркских наименований, поскольку здесь проживают представители тюркских этносов (казахи, башкиры, татары, чуваш). Собственно, казахских наименований поселений в Тюменской области незначительное количество: *Балаир* (каз. *Балайыр*), *Бузаны* (каз. *Бұзаны*), *Кайнак* (каз. *Қайнақ*), *Калмакское* (каз. *Қалмақты*), *Малый Кайнак* (каз. *Кіші Қайнақ*), *Кошкарагай* (каз. *Қошқарағай*), *Байгара* (каз. *Байқара*), *Устамак* (каз. *Үштамақ*), *Большой Карагай* (каз. *Үлкен Қарағай*), *Каргалы* (каз. *Қарғалы*), *Тамакуль* (каз. *Тамақкөл*), *Старый Каишкуль* (каз. *Ескі Қайшыкөл*).

И.С. Карабулатова, исследовавшая топонимию Тюменской области, отмечает ее полиэтнический характер: «Население Тюменского региона с давних пор было полиэтничным. В близком соседстве жили и живут русские, манси, татары и другие национальности. Однотипные способы хозяйствования, сложившиеся под воздействием природной среды, и постоянные контакты на смежных территориях проживания послужили базой для сближения народов. Культура народов, населяющих Тюменский регион, рассматривается через призму сближения ее с русской культурой» [16. С. 45]. Соотношение описанных топонимов Тюменской области представлено на диаграмме (рис. 2).

Всего было выявлено 1150 наименований поселений, из которых наибольшую часть составляют русские топонимы (955 названий),

вторая по численности группа — это иноязычные названия (179 единиц). Наименьшую часть наименований представляют казахские наименования — 16 казахских ойконимов. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: русских наименований — 83 %, иноязычных — 15,6 %, казахских — 1,4 %.

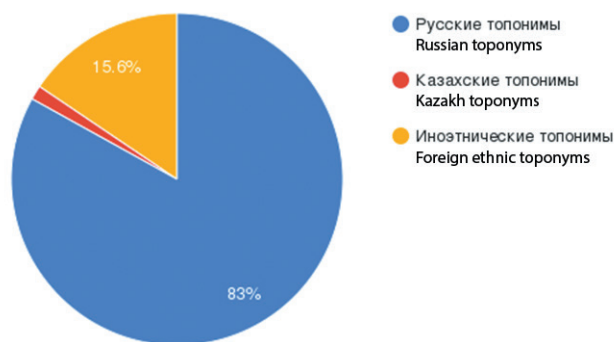

Рис. 2. Наименования поселений Тюменской области /
 Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 2. Names of settlements in the Tyumen region
 Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madiyeva, Vasilii I. Suprun.

Фактические данные по Омской области

Омская область расположена на юго-западе Сибири, на юге и на западе граничит с Казахстаном, на севере — с Тюменской областью. Ее территория составляет 141140 км². Административным центром области является г. Омск, который был основан в 1716 году. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что территория Омской области была заселена уже во времена верхнего палеолита. В средние века эти земли входили в состав Западно-Тюркского каганата. Позднее они вошли в состав Сибирского ханства, что послужило формированию особого этноса сибирских татар. В этом регионе проживали и другие народы. Анализ наименований поселений Омской области показывает, что основной их пласт представлен русскими названиями. Это естественный процесс, характерный для любого региона России. Однако в топонимическом ландшафте Омской области прослеживается многообразие топонимов, основу которых составляют этнотопонимы. Этот пласт представлен такими наименованиями, как *с. Гуляй-Поле*, *с. Любино-Малороссы*, *с. Славянка*, *с. Новороссийка*, *с. Нововаршавка*, *с. Ганновка*, *с. Полтавка*, *с. Эстонка*, *с. Ларга*, *с. Чеченево*, *с. Таврическое*, *с. Фины*, *с. Поляки*, *с. Таборы* и др., которые свидетельствуют о том, что в них первопоселенцами были украинцы, поляки, эстонцы и другие народы (без подробного исследования истории основания поселения нельзя, однако, исключить случайное совпадение

звучания топонима с этническими наименованием или топонимом на территории проживания этого этноса; на процесс преобразования названия может оказать воздействие также народная этимология).

Топонимическое пространство наименований области включает и немецкие названия: д. *Гауф*, д. *Гольбштадт*, д. *Гофнунгсвальд*, д. *Крафт* (исчезла в 1972 г.), с. *Маргенау*, д. *Мариенфельд* (исчезла в 1973 г.), д. *Нейдорф*, д. *Нейфельд*, д. *Новый Ревель*, д. *Райнфельд*, д. *Розенталь*. Причины появления немецких поселений связаны с эмиграцией немцев в Россию в XVIII—XIX вв. Одной из них было экономическое благополучие, которое обещалось переселенцам на новых местах проживания. Другой причиной были политические и религиозные проблемы для их жизни на родине. Однако немцы в нынешней Омской области появились уже после того, как в Поволжье, куда они прибыли во второй половине XVIII в., земель для увеличивающегося населения стало не хватать не только в материнских, но и в дочерних колониях [17. С. 94–95]. «Первый крупный очаг немецкой крестьянской колонизации в Сибири возник в Омском уезде Акмолинской области на государственных землях, где в 1893–1896 гг. немцами-колонистами (в большинстве своем лютеранского вероисповедания) из Саратовской и Самарской губерний были образованы переселенческие поселки Александровка, Привальное, Сосновка, Поповка, Красноярка, Новинка. Первые два из них — Александровка и Привальное — появились в Омском округе, можно сказать, случайно. Направляясь за Урал, колонисты, основавшие их, предполагали поселиться в других районах. Но по ряду причин они вынуждены были остановиться в Омском уезде» [18. С. 1]. При советской власти в связи с национальной политикой государства многим из этих поселений были присвоены немецкие названия, так возник немецкий топонимический пласт в регионе.

В 1992 году на юге области был образован Азовский немецкий национальный район (*der Deutsche Nationalrajon Asowo*), в котором на момент основания немцы составляли около 60 % населения [19; 20. С. 31]. После выезда многих немецких семей в Германию число немцев уменьшилось до 20 %. На территории района сохранилось лишь один исконно немецкий топоним — д. *Гауф*, однако имеется несколько топонимических калек: были переведены на русский язык немецкие названия поселений: *Цветнополе* — *Блюменфельд*, *Роза-Долина* — *Розенталь*, *Мирная Долина* — *Фриденвальд*, *Среброполе* — *Зильберфельд*. На территории района имеется несколько казахских аулов: *Сегизбай*, *Кутумбет*, *Тулумбай*, *Бакзе*, а также д. *Кудук-Чилек*.

В Омской области представлены и другие казахские наименования поселений. Их семантические поля транслируют названия, свидетельствующие о природно-климатических реалиях региона, хозяйственно-бытовых особенностях уклада жизни казахов, об уникальности флоры и фауны, социальных преобразованиях советской эпохи. В прошлом в этом регионе проживали

кочевые казахские племена, в последующем они постепенно переходили на оседлый образ жизни. В советское время и позже казахи переселялись в Омскую область из Северо-Казахстанской области РК.

Размышляя о тюркоязычном топонимическом фоне (background), азербайджанские исследователи отмечают, что топонимическая картина является отражением этнического происхождения людей, в топонимах отражается «быт, экономическая деятельность и другие сферы». Они подчеркивают, что «сельское хозяйство, скотоводство, в первую очередь овцеводство и коневодство, ремесла и другие отрасли занимали особое место в жизни тюркских народов» [21. Р. 10].

Этноязыковая топонимическая картина Омской области представлена на диаграмме (рис. 3).

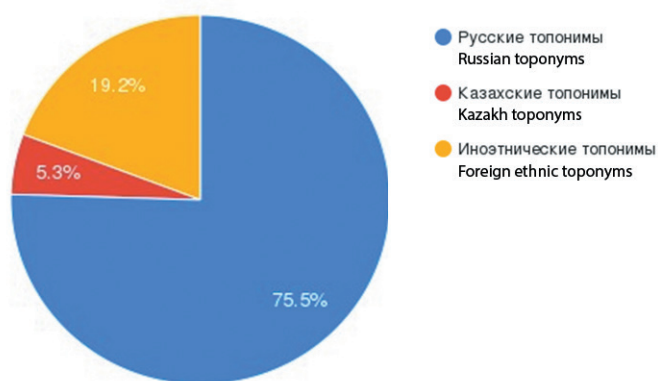

Рис. 3. Наименования поселений Омской области

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 3. Names of settlements in the Omsk region

Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madiyeva, Vasilii I. Suprun.

Нами было проанализировано 1170 наименований поселений Омской области, в числе которых 883 наименования являются русскими, 225 — иноязычных и 62 казахских ойконима. В процентном соотношении это наглядно представлено в диаграмме 3.

Статистические данные об этническом составе населения Курганской, Тюменской и Омской областей подтвердили нашу гипотезу о том, что топонимы являются важными этномаркерами, они свидетельствуют о миграционных процессах в прошлом, а также о местах проживания и расселения различных этносов. Это исторически оказывало влияние на топонимические номинационные процессы.

Одной из задач проведенного исследования стал анализ численности населения и их этнического состава в исследуемых областях, поскольку топонимикон любого региона связан с проживающими в данных населенных пунктах этносами.

Этнический состав населения

Данные по Курганской области

Численность населения области составляет 877362 человек. Национальный состав Курганской области характеризуется наличием разных этносов. Основные народности, проживающие в этом регионе: русские, татары, башкиры, казахи и удмурты. Несмотря на территориальную близость границ с Российской Федерацией казахи занимают четвертое место по численности народов области.

В табл. 1 представлен основной спектр этносов Курганской области.

Таблица 1 / Table 1

Национальный состав Курганской области
National composition of the Kurgan region

Национальность / Nationality	Численность (чел.) / Number (people)	% от общей численности населения / % of total population
Русские / Russians	932613	91.47 %
Татары / Tatars	20899	2.05 %
Башкиры / Bashkirs	15343	1.50 %
Казахи / Kazakhs	14804	1.45 %
Украинцы / Ukrainians	11243	1.10 %
Белорусы / Belarusians	4175	0.41 %
Немцы / Germans	2706	0.27 %
Удмурты / Udmurts	291	0.22 %
Армяне / Armenians	2109	0.21 %
Чуваши / Chuvash	1912	0.19 %
Азербайджанцы / Azerbaijanis	1723	0.17 %
Мордва / Mordvins	1089	0.11 %
Молдаване / Moldovans	1064	0.10 %
Чеченцы / Chechens	1041	0.10 %
Цыгане / Gypsies	835	0.08 %
Грузины / Georgians	551	0.05 %
Поляки / Poles	420	0.04 %
Марийцы / Mari	411	0.04 %
Лица, не указ. нац. / Persons, not specified nationality	391	0.04 %
Евреи / Jews	352	0.03 %
Узбеки / Uzbeks	313	0.03 %
Ингуши / Ingush	300	0.03 %
Коми-пермяки / Komi-Permyaks	267	0.03 %
Таджики / Tajiks	237	0.02 %
Курды / Kurds	221	0.02 %

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун
Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madieva, Vasili I. Suprun

На территории Курганской области проживает 25 народов. Эта область является полиэтническим регионом. Основной этнический состав населения Курганской области представлен на диаграмме (рис. 4).

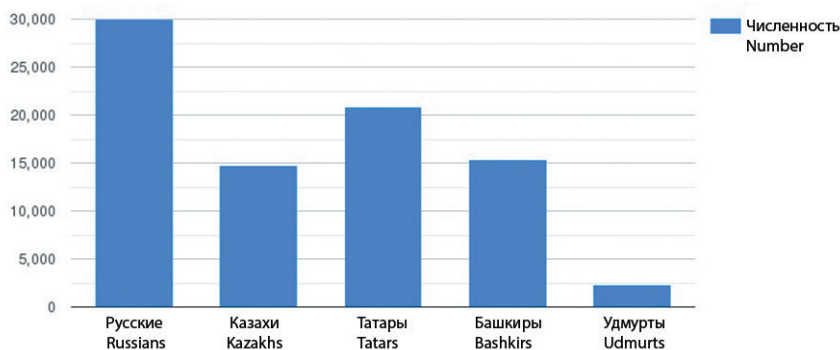

Рис. 4. Основной этнический состав населения Курганской области

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 4. The main ethnic composition of the population of the Kurgan region

Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madieva, Vasilii I. Suprun.

Данные по Тюменской области

Население Тюменской области составляет 1601940 человек. Национальный состав этого региона представлен в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Национальный состав Тюменской области
National composition of the Tyumen region Table

Национальность / Nationality	Численность (чел.) / Number (people)	% от общей численности населения / % of total population
Русские / Russians	1 197 435	74.749 %
Татары / Tatars	96 592	6.030 %
Украинцы / Ukrainians	10 953	0.684 %
Немцы / Germans	6 966	0.435 %
Казахи / Kazakhs	14 435	0.901 %
Чуваши / Chuvash	4 605	0.287 %
Лица, не указ. нац. / Persons, not specified nationality	207 177	12.933 %
Азербайджанцы / Azerbaijanis	6 880	0.429 %
Армяне / Armenians	6 746	0.421 %
Белорусы / Belarusians	2 386	0.149 %
Башкиры / Bashkirs	3 001	0.187 %
Марийцы / Mari	1 004	0.063 %
Цыгане / Gypsies	1 047	0.065 %
Удмурты / Udmurts	818	0.051 %

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун

Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madieva, Vasilii I. Suprun

Как и многие другие регионы России, эта область характеризуется мультинациональностью (более 13 этносов), но она уступает по количеству представителей разных этносов Курганской области. Что касается представителей казахской национальности, то по численному составу на этой территории они занимают пятое место. Их численность в обоих регионах примерно одинакова: 14804 человека в Курганской области и 14435 человек в Тюменской области. Однако в связи с тем, что численность населения в Тюменской области значительно выше, чем в Курганской, процент казахов в Тюменской области в полтора раза ниже (0,901 % и 1,45 % соответственно). Этнический состав населения Тюменской области представлен на диаграмме (рис. 5).

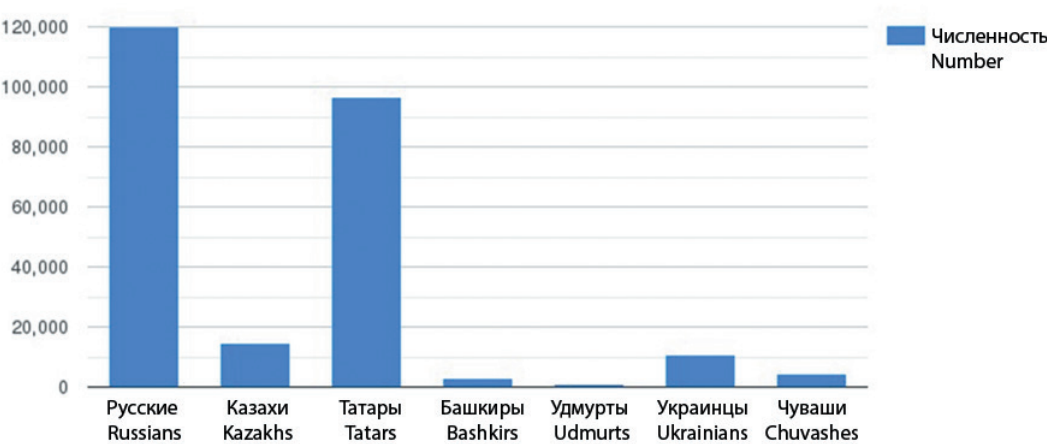

Рис. 5. Основной этнический состав населения Тюменской области
Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 5. The main ethnic composition of the population of the Tyumen region
Source: compiled by Yelena V. Sabyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madieva, Vasilii I. Suprun.

Данные по Омской области

Численность населения Омской области составляет 1832064 человека. По данным последней переписи населения здесь проживают 134 национальности, что позволяет отнести этот регион к многоязычному и полиэтническому. На исследуемой территории проживают представители таких народностей, как цыгане, греки, эскимосы, вепсы, афганцы, японцы, удэгейцы, хорваты, эвены, сету, чуваша, керекы, кеты, коряки, селькупы, турки-месхетинцы и многие другие. Основное население составляют следующие народы: русские — 1648097 (85,8 %), казахи — 78303 (4,1 %), украинцы — 51841 (2,7 %), немцы — 50055 (2,6 %), татары — 41870 (2,2 %), армяне — 7300, белорусы — 6051.

Этнический состав населения Омской области представлен на диаграмме (рис. 6)..

Рис. 6. Основной этнический состав населения Омской области

Источник: составлено Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун.

Fig. 6. The main ethnic composition of the population of the Omsk region

Source: compiled by Yelena V. Sabiyeva, Maira E. Kakimova, Gulmira B. Madiyeva, Vasilii I. Suprun.

Диаграмма 6 наглядно иллюстрирует тот факт, что значительный удельный вес среди основных этносов Омской области в общей численности населения занимают казахи. Их здесь проживает 78303 человека (4,1 %), и они занимают второе место в области. Численность казахов, проживающих в Омской области, в несколько раз выше, чем в Тюменской и Курганской областях. Она является основной зоной проживания казахов на приграничной с Северным Казахстаном территории Российской Федерации.

Топонимический спектр исследуемых территорий помимо наименований поселений включает также названия гидрографических объектов тюркского происхождения, среди которых активно фиксируются и казахские названия. В Курганской области можно встретить такие гидронимы, как оз. Айдыкуль, оз. Аалаколь, оз. Алакуль, оз. Арлагуль, оз. Каксарлы, оз. Кызылбай, оз. Теренколь, оз. Горький Теренкуль, оз. Большой Турналыколь.

В Тюменской области были выявлены только единичные наименования, среди которых оз. Большой Куртал, оз. Сундукуль и др.

В топонимической системе Омской области отмечается множество рек и озер тюркского происхождения. Среди них можно отметить такие названия, как: Тарлыкуль, Байбулак, Саракул, Тайкуль, Казырлы, Кузенкуль, Большой Саманкуль, Саракуль, Кундукуль, Сулы Камыш, Узынколь, Большой Кошкуль, Малый Теренкуль, Теренкуль, Малый Кошкуль и др. Наличие русского атрибута (малый, большой) в подобных гидронимах свидетельствует о первичности тюркских наименований.

В Русско-Полянском районе Омской области почти все названия являются тюркскими по своему происхождению (оз. *Алабота*, оз. *Карыль-Дыколь*, оз. *Кумдыколь*, оз. *Сарыколь*). В то время как в Тюкалинском районе Омской области, наоборот, идет преобладание русских наименований водных объектов и отмечаются лишь единичные вкрапления тюркских названий (оз. *Кошара*, оз. *Ашкуль*, оз. *Кошкуль*).

Проведенный анализ гидронимов показывает, что в составе большинства гидронимов присутствует гидрографический термин *коль/куль* («озеро»). Данный факт отмечается и в приграничной Северо-Казахстанской области. Важной особенностью, на наш взгляд, является наличие идентичных названий, зафиксированных как на территории Северо-Казахстанской области, так и в приграничных областях Российской Федерации. Среди таких подобий встречаются такие гидронимы как:

- оз. *Большой Теренкуль* (Курганская область, РФ) — озеро *Большой Тарангул* (каз. *Kişi Тораңғыл*) (Есильский район, СКО);
- оз. *Теренколь* (Курганская область, РФ) — озеро *Теренколь* (каз. *Тереңкөл*) (Айыртауский район, СКО), озеро *Теренколь* (каз. *Тереңкөл*) (Аккайынский район, СКО);
- оз. *Саракуль* (Омская область, РФ) — озеро *Сарыколь* (каз. *Сарыкөл*) (Айыртауский район, СКО);
- оз. *Ачикуль* (Курганская область, РФ) — оз. *Ащыколь* (каз. *Ащыкөл*) (Акжарский район, СКО), оз. *Ашыколь* (каз. *Ащыкөл*) (район шал Акына, СКО), оз. *Ащыколь* (каз. *Ащыкөл*) (Акжарский район, СКО);
- оз. *Кундукуль* (Омская область, РФ) — оз. *Кондыколь* (каз. *Қондыкөл*), оз. *Кумдыколь* (каз. *Құмдыкөл*) (Тайыншинский район, СКО), оз. *Кундыколь* (каз. *Құндыкөл*) (Акжарский район, СКО), оз. *Кумдыколь* (каз. *Құмдыкөл*) (Тайыншинский район, СКО);
- оз. *Узынколь* (Омская область, РФ) — оз. *Узынколь* (каз. *Ұзынкөл*) (Аккайынский район, СКО), оз. *Узынколь* (район Габита Мусрепова, СКО);
- оз. *Арлагуль* (Курганская область, РФ) — оз. *Арлаколь* (каз. *Аралкөл*) (Жамбылский район, СКО);
- оз. *Большой Каракуль* — (Омская область, РФ) — оз. *Большой Караколь* (каз. *Үлкен Қаракөл*), болото *Караколь* (каз. *Қаракөл*) (Жамбылский район, СКО);
- оз. *Алаколь* (Курганская область, РФ), оз. *Алакуль* (Курганская область, РФ) — оз. *Алаколь* (каз. *Алакөл*) (Тайыншинский район, СКО);
- оз. *Карагай* (Омская область, РФ) — оз. *Карагай* (Есильский район, СКО).

Обилие тюркских наименований рек и озер также свидетельствует о зонах проживания тюркских народностей (казахов в том числе) на данном топонимическом пространстве. Тот факт, что большинство водных объектов располагаются в непосредственной близости от зоны проживания казахов

на территории Российской Федерации (близ казахских аулов), свидетельствует о том, что на территории исследуемых областей активно фиксируются зоны обитания казахов. Данный фактор этнического проживания казаков нашел отражение в номинационном процессе гидронимической лексики этих территорий.

Заключение

Таким образом, исследование топонимического материала в этноязыковом аспекте представляет несомненный интерес. Предназначение любого топонима — не только номинация объекта, но и сохранение, передача различной информации о нем. Процессом номинации управляет человек, и именно его когнитивные, номинативные способности определяют особенности топонимов. Рассмотрение географических названий продуктивно в контексте культурно-исторического, социального и когнитивного опыта человека.

Анализ топонимического ландшафта приграничья Российской Федерации и Северо-Казахстанской области позволяет характеризовать эту территорию как многонациональную этноязыковую зону, на формирование которой повлияли различные этнопроцессы: исторические и современные миграционные потоки, геополитическая и языковая ситуация и др.

Описание этноязыковой картины топонимического ландшафта Северного Казахстана и приграничных регионов РФ на территории обитания тюркских этносов создаст полномасштабную базу топонимического материала, отражающего лингвальную и духовную культуру разных народов приграничных территорий. Благодаря четкой территориальной привязке топонимов легче осуществлять реконструкцию этнических процессов в конкретном регионе в относительно определяемый хронологический период.

Этноязыковая картина приграничного региона Российской Федерации характеризуется этнической дифференциацией. В топонимическом пространстве приграничных территорий РФ четко выделяется основной этнос — русский. Иноязычные топонимы отражают исторические аспекты этнического взаимодействия на отмеченной территории, следы далекого прошлого и новых миграций.

Результаты исследования содержат практическую направленность с точки зрения исследования топонимического материала любого региона для выявления полноценной картины топонимического ландшафта. Анализ теоретического и практического материала позволяет сделать вывод о том, что любой региональный топонимический ландшафт не может быть моноэтническим, он всегда полиэтничен, поскольку в истории любой территории всегда происходят сложные процессы этнического взаимодействия. Изучение тенденций взаимодействия культур, процессов и результатов этнолингвокультурных контактов, зафиксированных в региональной топонимии, по-прежнему остается актуальным и перспективным.

Являясь языковыми единицами, этнотопонимы могут рассматриваться с лингвистической, исторической, культурологической точек зрения. В образовательном процессе данный пласт топонимической лексики рекомендуется использовать с целью формирования межкультурного этнического самосознания, патриотизма и толерантности обучающихся в многонациональном окружении.

Библиографический список

1. Смирнов О.В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур) // Вопросы ономастики. 2014. № 1(16). С. 7–33. EDN: TFLUOF
2. Смирнов О.В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2(19). С. 7–61. EDN: VKPUYJ
3. Пустяков А.Л. К проблеме разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском Междуречье // Вопросы ономастики. 2014. № 2(17). С. 7–34. EDN: TFNBFL
4. Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. Р. 1321–1336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336>. EDN: YRCCOJ
5. Мадиева Г.Б., Сунпун В.И. Теория и практика ономастики. Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Перемена, 2015.
6. Albrecht G. Onomastic Archaeology (with References to German Toponymy) // Вопросы ономастики. 2015. № 2(12). С. 101–113. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.004
7. Соболев А.И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1(18). С. 47–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.003 EDN: UABCND
8. Шайхулов А.Г. Введение в изучение ономастикона народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона // Тюркская ономастика. От истоков до современности = Төрки ономастика. Үткәне һәм бүгенгесе = Turkic onomastics. From the origins to the present time: матер. Междунар. научно-практ. конф. Казань: изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 290–293. EDN: YAVZHV
9. Кичикова Н.А. Языковая отнесенность топонимов Республики Калмыкия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 7(102). С. 123–129. EDN: SWOERC
10. Абуов Н.А. Этнотопонимическая система Северного Казахстана // Солтүстік ономастикасы журналы (Петропавловск). 2023. № 1. С. 38–41.
11. Ахметова Б.З., Чаукерова Г.К. К вопросу о топонимических исследованиях на территории российско-казахстанского приграничья // Байтурсиновские чтения — 2019: матер. междунар. научно-практ. конф. Костанай: Изд-во КГУ им. А. Байтурсинова, 2019. С. 35–39.
12. Дамбуев И.А. Проблемы нормализации алтайских топонимов на русском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 300–313. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/21> EDN: GOZPBJ
13. Крюкова И.В., Сунпун В.И. Пути развития славянской ономастической лексикографии: аналитический обзор // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 238–269. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.3.042 EDN: CUNFZS
14. Мадиева Г.Б., Сунпун В.И., Борибаева Г.А. Научная, народная и кабинетная этимология астионимов (на материале названий городов Республики Казахстан) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 140–161.
15. Мадиева Г.Б. Имя собственное в контексте познания: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2019.

16. Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте : дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2002.
17. Супрун В.И. Дочерние колонии (Töchterkolonien). Материнские колонии (Mutterkolonien) // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М.А. Рыблова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 94–95, 179.
18. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Монография. Омск, 2007.
19. Бетхер А.Р., Сизутов П.Т. Азовский немецкий национальный район: краткий очерк по истории территории и населенных пунктов района. Омск : Издатель-Полиграфист, 2003.
20. Бетхер А.Р. Азовский немецкий национальный район // Немцы России : энциклопедия. Т. 1. М. : ЭРН, 1999. С. 31–32.
21. Babayev N.G., Imrani Z.T., Zakirova A.R. Ethnos with Turkish Ancestry in the Toponymic Background of the Territory of Azerbaijan // *Revista de Gestão Social e Ambiental*. 2023. Vol. 17. № 7. P. 1–10.

References

1. Smirnov, O.V. (2014). On the Permic Toponymic Substrate in Mari El and in the Middle Course of the Vyatka River (In the Light of the Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures). *Problems of Onomastics*, 1(16), 7–33. EDN: TFLUOF (In Russ.).
2. Smirnov, O.V. (2015). The «Mari» Hypothesis in the Study of the Toponymy of the Oka and Unzha Rivers and the Western Borders of the Old Mari Toponymic Area. *Problems of Onomastics*, 2(19), 7–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.001 EDN: VKPUYJ (In Russ.).
3. Pustyakov, A.L. (2014). On the Differentiation of Mari and Permic Place Names in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area. *Problems of Onomastics*, 2(17), 7–34. EDN: TFNBLF (In Russ.).
4. Povalko, P.Yu., Smolii, E.S. & Kolysheva, O.N. (2023). Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1321–1336. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1321-1336>. EDN: YRCCOJ.
5. Madieva, G.B. & Suprun, V.I. (2015). *Theory and practice of onomastics*. Almaty: Kazakstan university; Volgograd: Peremena. (In Russ.).
6. Albrecht, G. (2015). Onomastic Archaeology (with References to German Toponymy). *Problems of Onomastics*, 2(12), 101–113. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.004
7. Sobolev, A.I. (2015). Karelian Heritage in the Toponymy of the Southeastern Lake Onega Area. *Problems of Onomastics*, 1(18), 47–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.003 EDN: UABCND (In Russ.).
8. Shayhoulov, A.G. (2018). Introduction to the study of onomasticon of peoples of the Volgo-Camsco-Uralsk ethno-linguistic region. In: *Proceedings of Turkic onomastics. From the origins to the present day = Tangle of onomastic. Ytckalnichtnichtcompaniemn ygenhesees*. Kazan: Kazan university publ. pp. 290–293. EDN: YAVZHV (In Russ.).
9. Kichikova, N.A. (2015). Language attribution of toponyms of the Kalmyk Republic. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(102), 123–129. EDN: SWOEPС (In Russ.).
10. Abyov, N.A. (2023). Ethno-toponymic system of Northern Kazakhstan. *Soltystik nomasticas magazines* (Petrovskiy), 1, 38–41. (In Russ.).
11. Ahmetova, B.Z. & Chaukerova, G.K. (2019). On the Issue of Toponymic Research on the Territory of the Russian-Kazakh Border Area. In: *Baitursynov Readings — 2019: Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Kostanai: A. Baitursynov KSU Publ. pp. 35–39. (In Russ.).
12. Dambuev, I.A. (2022). Problematic Aspects of the Standardization of Altai Toponyms in Russian. *Siberian Journal of Philology*, 1, 300–313. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/21> EDN: GOZPBJ (In Russ.).

13. Kryukova, I.V. & Suprun, V.I. (2021). Ways of Development of Slavic Onomastic Lexicography: An Analytical Overview. *Problems of Onomastics*, 18(3), 238–269. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.3.042 EDN: CUNFZS (In Russ.).
14. Madieva, G.B., Suprun, V.I. & Boribaeva, G.A. (2019). The Scientific, Folk, and Armchair Etymology of City Names (Based on the Names of the Cities in the Republic of Kazakhstan). *Problems of Onomastics*, 16(3), 140–161. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.036 EDN: LFZPRX (In Russ.).
15. Madieva, G.B. (2019). *Proper name in the context of cognition*: monograph. Almaty: Kazakh University publ. (In Russ.).
16. Karabulatova, I.S. (2002). *Russian Toponymy in the Ethnopsycholinguistic Aspect* [dissertation]. Tver. EDN: QDVCKR (In Russ.).
17. Suprun, V.I. (2017). Daughter colonies (Töchterkolonien). Mother colonies (Mutterkolonien). In: *Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region*, M.A. Ryblova (Ed.). Volgograd: VolSU publ. pp. 94–95, 179. EDN: XQFVMC (In Russ.).
18. Wiebe, P.P. (2007). *German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect*. Monograph. Omsk. (In Russ.).
19. Bether, A.R. & Sigutov, P.T. (2003). *The Azov German Autonomous Region: A Brief Essay on the History of the Territory and Settlements of the Region*. Omsk: Poligrafist. (In Russ.).
20. Bether, A.R. (1999). The Azov German Autonomous Region. In: *The Germans of Russia: Encyclopedia*. Moscow: ERN. Vol. 1. pp. 31–32. (In Russ.).
21. Babayev, N.G., Imrani, Z.T. & Zakirova, A.R. (2023). Ethnos with Turkish Ancestry in the Toponymic Background of the Territory of Azerbaijan. *Revista de Gestão Gestao Social e Ambiental*, 17(7), 1–10. <https://doi.org/10.24857/rgsa.v17n7-009>

Сведения об авторах:

Сабиева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института языка и литературы, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (150000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Магжана Жумабаева, д. 114); *сфера научных интересов*: социолингвистика, ономастика; *e-mail*: sabieva1969@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4440-9778. SPIN-код: 9330-9399, AuthorID: 1254317.

Какимова Майра Еренгаиповна, кандидат филологических наук, завед., доцент кафедры германо-романской филологии, Институт языка и литературы, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (150000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Магжана Жумабаева, д. 114); *сфера научных интересов*: социолингвистика, ономастика; *e-mail*: mkakimova2009@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6833-5857.

Мадиева Гульмира Баянжановна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии и теории языка филологического факультета, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, проспект Аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: социолингвистика, ономастика; *e-mail*: gmadi@mail.ru
ORCID: 000-0003-3198-0024. SPIN-код: 6520-6802, AuthorID: 904264.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Институт русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, проспект им В.И. Ленина, д. 27); *сфера научных интересов*: ономастика, диалектология; *e-mail*: suprun@vspu.ru
ORCID: 0000-0003-2489-9199. SPIN-код: 2563-5967, AuthorID: 445643.

Information about the authors:

Yelena V. Sabiyeva, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Institute of Language and Literature, M. Kozybaev North Kazakhstan University (114, Magzhan Zhumabayev str., Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan, 150000); *Research interests*: sociolinguistics, onomastics; *e-mail*: sabieva1969@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4440-9778. SPIN-code: 9330-9399, AuthorID: 1254317.

Maira E. Kakimova, PhD in Philological Sciences, Associate Professor Department of German-Roman Philology, M. Kozybaev North Kazakhstan University (114, Magzhan Zhumabayev str., Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan, 150000); *Research interests*: sociolinguistics, onomastics; *e-mail*: mkakimova2009@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6833-5857.

Gulmira B. Madiyeva, Dr.Sc. In Philology, Professor of the Department of Turkology and Language Theory, Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Avenue, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: sociolinguistics, onomastics; *e-mail*: gmadi@mail.ru

ORCID: 000-0003-3198-0024. SPIN-code: 6520-6802, AuthorID: 904264.

Vasiliy I. Suprun, Dr.Sc. In Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and Teaching Methodology, Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, V.I. Lenin avenue, Volgograd, Russian Federation, 400005); *Research interests*: onomastics, dialectology; *e-mail*: uprun@vspu.ru

ORCID: 0000-0003-2489-9199. SPIN-code: 2563-5967, AuthorID: 445643.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1215-1231

EDN: TXCRQL

УДК 811.111'276.6:659.1

Научная статья / Research article

Парцелляция как графическое средство выразительности в английских рекламных заголовках

Ю.А. Филясова Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация✉ phill.yield@gmail.com

Аннотация. Парцелляция является эффективным средством актуализации коммуникативной перспективы высказывания и выделения рематической доминанты. Исследование посвящено изучению особенностей парцелляции в заголовках рекламных брошюр, содержащих описание моделей автомобилей. Материал исследования включал 164 заголовка объемом около 1000 лексических единиц, которые были отобраны методом сплошной выборки и проанализированы с точки зрения семантики, синтаксического оформления и средств выразительности. В результате исследования было выявлено, что рекламные заголовки отличаются краткостью наподобие рекламных слоганов. Парцелляция тяготеет к разделению заголовков на две равные части — 2:2 или 3:3 слова в каждой; реже — на три части. Лексический состав парцеллированных заголовков наполнен эмотивной лексикой и словами с гиперболизированным и эмфатическим значением, которые формируют ассоциативные связи между техническими характеристиками автомобилей и покупательскими ценностями. С точки зрения синтаксиса заголовки представляют собой номинативные конструкции, подчеркивающие ценности брендов; предикативные, содержащие элементы нарративизации, кастомизации, прямого убеждения, а также элементы эмоционального интеллекта брендов; адъективные, описывающие характеристики автомобилей; смешанные, сочетающие разные синтаксические конструкции. Среди средств выразительности следует отметить контраст и синтаксический параллелизм как наиболее органично сочетающиеся приемы с явлением парцелляции. Кастомизация как маркетинговый подход, дополненный графическими средствами парцелляции, фокусирует внимание на личности покупателей и их потребностях. Стилистический прием олицетворения наделяет бренд элементами эмоционального интеллекта; парцелляция дополнительно подчеркивает экспликацию антропоцентризма. Таким образом, парцелляция в совокупности с языковыми и рекламными приемами позволяет эффективно достигать персуазивного эффекта в рекламном дискурсе, необходимого для дифференциации брендов в условиях высокой конкуренции на рынке автомобильной продукции.

Ключевые слова: персуазивный эффект, антропоцентрический подход, олицетворение, акцентное выделение, гиперболизация, контраст, эллипсис, эмотивная лексика

© Филясова Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Филиасова Ю.А. Парцелляция как графическое средство выразительности в английских рекламных заголовках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1214–1231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1214-1231>

Parcellation as a Graphic Tool of Expressiveness in English Advertising Headlines

Yulia A. Filyasova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ phill.yield@gmail.com

Abstract. Parcellation is an effective means of actualizing the communicative perspective of an utterance and accentuating its rhematic dominant. The study is devoted to the research into the specifics of parcellation in advertising headlines from promotional brochures containing descriptions of automobile brands. The study material included 164 headlines comprising about 1000 words, which were selected with the help of the continuous sampling method and analyzed in terms of their semantics, syntax and means of expressiveness. As a result of the study, it was found that the advertising headlines are characterized by brevity, similarly to advertising slogans. Parcellation tends to the division of the headlines into two equal parts — 2:2 and 3:3 words in each; or more rarely, into three parts. The lexical composition of the parceled headlines is full of emotive lexis and words with the hyperbolized and emphatic meanings, which build the associative connections between technical features of automobiles and customer values. From the syntactic point of view, the headlines contain nominative constructions, which underline brand values; predicative constructions, which have some elements of narrativization, customization, direct persuasion, as well as some elements of emotional intelligence of brands; adjectival constructions, describing automobile features; and mixed constructions, combining various syntactic structures. Among the means of expressiveness, it is worth mentioning that contrast and syntactic parallelism are the most organically collocated techniques with the phenomenon of parcellation. Customization as a marketing approach, supplemented with the graphic tools of parcellation, focuses attention to the customer personality and their needs. Personalization as a stylistic technique provides brands with some elements of emotional intelligence; parcellation additionally accentuates the explication of anthropocentrism. In conclusion, parcellation in combination with linguistic and advertising methods contributes to achieving the persuasive effect in the promotional discourse, necessary for brand differentiation in a highly competitive environment of the automotive market.

Keywords: persuasive effect, anthropocentric approach, personification, emphasis, hyperbolisation, contrast, ellipsis, emotive lexis

Conflicts of interest:

The author declares no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Filyasova, Yu.A. (2024). Parcellation as a Graphic Tool of Expressiveness in English Advertising Headlines. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1214–1231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1214-1231>

Введение

Парцелляция является графическим средством актуализации значимых компонентов заголовков посредством их разделения на сегменты, выделяющие коммуникативно важные фрагменты информационного сообщения для восприятия целевой аудитории. Парцелляция предоставляет широкие возможности для актуализационной модификации заголовков с различным синтаксическим оформлением, в том числе с инверсированным порядком слов. С помощью парцелляции определяются границы синтагматического членения, что способствует выразительности заголовка, акцентируя внимание на релевантных свойствах рекламируемого продукта и его преимуществах для потенциальных пользователей. Парцеллированные части выступают в роли семантических конкретизаторов актуального коммуникативного членения рекламных заголовков.

Рекламный дискурс задействует практически неограниченные возможности, предоставляемые языковыми средствами для оказания воздействия на целевую аудиторию. Наиболее частотные средства выразительности — это гиперболизация [1], метафора, сравнение, антитеза, повтор, эпитет и некоторые другие [2]. Пунктуационные знаки и другие экспрессивные графические приемы — восклицательные, вопросительные знаки, многоточие, тире и их комбинации — являются важной составляющей рекламного текста [3–4]. В целом, графические средства, в том числе парцелляция, обладают значительным коммуникативным потенциалом, в том числе способностью передавать эмоционально окрашенные и социально-прагматические значения [5–8]. Так, например, Ю.В. Богоявленская различает парцеллаты малой, значительной, равной и разной протяженности [9. С. 28]. Н.И. Полидовец приходит к выводу о том, что парцелляция предложений и словосочетаний встречается чаще, чем отдельных словоформ [10. С. 110]. Н.П. Галкина отмечает воздействующую функцию парцелляции под влиянием коммуникативной установки автора [11. С. 198]. На основе анализа данных теоретических исследований О.Л. Соколова и Л.В. Скопова отмечают тесную связь парцелляции с такими языковыми средствами, как повтор, градация, антитеза, параллелизм и метафора [12. С. 163]. М.В. Иванова и Н.И. Клушина [13; 14] и Е.Я. Шмелева [15] рассматривают данные языковые средства в современном интернет-пространстве.

Материал и методика исследования

В качестве материала исследования послужили 115 рекламных брошюр, посвященных 44-м автомобильным брендам. Объектом исследования стали заголовки разделов брошюр, предметом исследования — парцелляция как стилистический прием акцентирования и привлечения внимания читателей — потенциальных покупателей автомобилей.

Цель данного исследования заключается в исследовании особенностей функционирования парцелляции в заголовках рекламного дискурса. Задачи исследования включают: 1) определение лексического состава парцеллированных заголовков; 2) изучение синтаксической структуры парцеллированных заголовков; 3) анализ комплементарных средств выразительности, дополняющих явление парцелляции.

Актуальность исследования языковых особенностей рекламных брошюр определяется необходимостью выявления стилистических особенностей языка рекламы, который наиболее ярко проявляется на объемном материале дискурса рекламных брошюр. Преимуществом изучения рекламного текста на материале английского языка является многолетняя история автомобильных брендов и опыта их продвижения для целевой аудитории. Практическая ценность данного исследования заключается в возможности использования результатов в практике обучения профессионально-ориентированному английскому языку студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью».

Результаты

На изученном материале были выявлены 164 заголовков, характеризующихся парцелляцией, которая получило графическое выражение с помощью таких знаков препинания, как точка (87 %), тире (7 %), двоеточие (5 %), многоточие (1 %). При нормальном среднеквадратическом отклонении 2,5 среднеарифметическое число слов и медиана выборки в исследуемых заголовках равны 6. Значение моды показывает, что наиболее часто встречающимися заголовками оказались заголовки с четырьмя словами. Заголовки с 5-ю и 6-ю словами составляют вторую по частотности группу, тогда как заголовки с 2-мя, 7-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю словами встречались реже (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Количественные данные заголовков разделов рекламных брошюр, содержащих явление парцелляции
Numerical data on section headings in promotional brochures containing the parcellation phenomenon

Слова/Words	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]	[7]
Заголовки/Headlines	14	11	30	23	25	19
Слова/Words	[8]	[9]	[10]	[11]	[12]	[14]
Заголовки/Headlines	16	10	12	1	2	1

Источник: составлено Ю.А. Филясовой / Source: compiled by Yulia A. Filyasova

Соотношение заголовков с четным и нечетным числом слов составило 64 % vs. 36 %, соответственно, т.е. парцеллированные заголовки состояли преимущественно из четного числа слов. Данное явление объясняется распространением параллельных синтаксических конструкций, например:

- (a) *Feel protected. Stay connected.*
- (b) *LESS IMITATION. MORE INNOVATION.*

В примере (a) предикативная конструкция сопровождается комплементарными средствами: фонетическим — рифмой и коммуникативно-прагматическим — повелительным наклонением. В примере (b) в составе номинативной конструкции эффект акцентирования достигается за счет фонетического средства — рифмы, а также стилистической фигуры контраста *more* vs. *less*.

Большинство заголовков (87 %) имеют двухчастную структуру, т.е. разделены на две части. Соотношение между левой и правой частями заголовков, разделенных пунктуационным знаком парцелляции, составило 3:3 слова (медиана 3:3 слова; мода 2:2 слова; СКО 1,52:1,63). Следовательно, наблюдается тенденция к парцеллированию заголовка на две равные части. Остальная часть заголовков (13 %), в среднем, состоит из трех частей (максимум 5 слов; минимум 3 слов; медиана 3 слова; мода 3 слова; СКО 0,58).

Лексический состав заголовков предсказуемо содержит преимущественно именные части речи, реализуя их онтологически значимую номинативную функцию. Однако, как будет показано ниже, в рекламном тексте номинативные типы синтаксических конструкций не достигает даже половины в числе исследованных заголовков. Среди 966 слов, составивших их языковое наполнение, наиболее частотными частями речи оказались существительные (33 %), прилагательные (16 %), глаголы (10 %), личные и притяжательные местоимения *we*, *our*, *you*, *your* (10 %). Остальные 30 % включали наречия, предлоги, союзы и другие вспомогательные части речи.

Синтаксическая структура парцеллированных конструкций

Синтаксическое оформление заголовков рекламных брошюр демонстрирует четыре категории: номинативные, предикативные, адъективные и смешанные; а также три подкатегории предикативных заголовков: субъектно-предикатные, императивные и эллиптические. Несмотря на преобладание номинативного типа, заголовки достаточно разнообразны по лексическому составу и синтаксическому оформлению.

Номинативные конструкции

Номинативные конструкции составили 37 % в числе заголовков, характеризующихся парцелляцией. Заголовки традиционно носят номинативный характер. Однако в рекламном дискурсе они обретают дополнительные

коммуникативно-прагматические и стилистические особенности. Рассмотрим некоторые примеры:

- (c) *THE XE — YOUR CHOICE*
- (d) *YOUR TIME. YOUR PLACE. YOUR WI-FI.*

Заголовки фокусируют внимание на интересах потенциальных пользователей с помощью притяжательного местоимения *your*. В примере (c) тире является графическим средством актуализации предложения биниминативной характеристики между носителем признака и его квалификатором — в данном случае, между моделью автомобиля и предполагаемым выбором потенциального покупателя. В примере (d) парцелляция сопровождается повтором притяжательного местоимения. В совокупности они способствуют интенсификации в привлечении внимания читателей.

- (e) *COMFORT. PERFORMANCE IN THE ABSOLUTE.*
- (f) *Standard items of equipment: Life*

Заголовки (e) и (f) характеризуются противоположным типом отделения парцеллированного участка — анафорическим (e) и эпифорическим (f). Оба заголовка выделяют только одно слово средствами парцелляции — *comfort* и *life*. В заголовке (e) дополнительно используется гиперболизация, подчеркивающая техническое совершенство автомобиля: *performance in the absolute*, обеспечивающее комфортное перемещение. Имплиcitный смысл заголовка (f) заключается в том, что автомобиль позиционируется как неотъемлемая часть повседневной жизни потенциальных покупателей.

- (g) *POWER. STYLE. DRAMA.*
- (h) *Style. Power. Comfort.*
- (i) *POWER. BEAUTY. SOUL.*
- (j) *TWO YEARS. EIGHT CIRCUITS. ONE UNFORGETTABLE EXPERIENCE.*

Примеры (g) — (j) обладают трехчастной структурой, парцеллированные точкой. Семантически, заголовки сочетают функциональные свойства (*power, eight circuits*), долговечность, свидетельствующую о надежности (*two years*), с социально значимыми (*comfort, style, beauty*) и эмоционально окрашенными (*drama, soul, unforgettable experience*) характеристиками бренда автомобиля. Трехчастные парцеллированные заголовки, таким образом, объединяют разноплановые преимущества автомобиля.

Номинативные конструкции наиболее понятным образом передают различные преимущества автомобильных брендов путем их прямого перечисления и акцентирования с помощью графических средств парцелляции.

Предикативные конструкции

Предикативные конструкции составили 30 %, включая субъектно-предикатные, императивные и эллиптические. С помощью предикативных конструкций копирайтеры осуществляют попытку интегрировать элемент повествования в традиционный номинативный стиль заголовков. Нарратив позволяет с высокой точностью передать взаимосвязь свойств автомобиля, образов бренда и предпочтений целевой аудитории. Рассмотрим их более подробно.

Субъектно-предикатные (16 %) — заголовки, представляющие собой простое предложение, например:

(k) *EVERYONE CAN SEE THEY'RE SMART. EVEN ONCOMING TRAFFIC.*

(l) *A dream comes true. And goes into overdrive.*

В примере (k) парцеллированная часть *even oncoming traffic* подчеркивает техническое преимущество автомобиля — использование искусственного интеллекта в управлении. Парцеллированная часть семантически относится к подлежащему *everyone* и, будучи вынесена в эпифорическую позицию, образует кольцевую синтаксическую структуру, усиленную эмфатическим наречием *even*.

В примере (l) парцеллированный участок речи *And goes into overdrive* акцентирует эмоциональную вовлеченность потенциальных покупателей на основе ассоциаций автомобиля с мечтой. Многозначность слова *overdrive* способствует достижению эффекта вовлечения эмоций за счет таких значений как превышение личных ожиданий в отношении эффективности работы двигателя ('overdrive' означает сниженный расход топлива, меньший шум и меньший износ). Парцеллированная часть образует семантически последовательную синтаксическую структуру, выполняющую функцию акцентирования нарративного повествования.

Императивные (10 %) — заголовки в повелительном наклонении, например:

(m) *LOOK COOL. STAY WARM.*

(n) *START LIGHT. GET LIGHTER.*

В примере (m) предикативные конструкции в повелительном наклонении сопровождаются противопоставлением на основе многозначности прилагательного *cool*, которое, с одной стороны, указывает на социальное преимущество, а с другой стороны — вступает в антонимические отношения с прилагательным *warm*. Контраст *cool* vs. *warm* в сочетании с глаголами *look* и *stay* акцентирует положительные перцептивные свойства, предлагающие выгодные преимущества для потенциальных пользователей автомобиля.

В примере (n) парцелляция участвует в создании эффекта интенсификации на основе градации, выраженной глаголами *start* — *get* и прилагательными

light — *lighter*. В данном заголовке подчеркиваются технические преимущества автомобиля по управлению и скорости — быстрый запуск двигателя и быстрый разгон машины.

Оба заголовка (m) и (n), несмотря на самостоятельность составляющих их предложений и графическое отделение точками в середине и в конце заголовка, представляют собой единое целое, объединенное идеями контраста или градации. Парцелляция выполняет функцию графического средства актуализации коммуникативных отношений однородных предикатов по признакам противопоставления и интенсификации.

(o) *720S Spider. Open it up*

В данном заголовке название серии автомобильного бренда занимает анафорическую позицию и отделяется точкой от предикативной части в повелительном наклонении, в которой название серии заменяется объектным местоимением. Парцелляция выполняет функции отделения и вынесения названия серии бренда в начало заголовка.

(p) *ENHANCE. PROTECT. PERSONALIZE.*

Заголовок (p) имеет трехчастную структуру, схожую с примерами (g) — (j), но отличающуюся грамматическим составом. Заголовок (p) представлен глаголами в начальной форме и характеризуется коммуникативным намерением копирайтера к открытому убеждению целевой аудитории сделать выбор в пользу определенного автомобильного бренда. Семантика глаголов, аналогично примерам (g) — (j), направлена на разные преимущества машины: технологичность (*enhance*), безопасность (*protect*) и личное предпочтение (*personalize*) соответственно.

Эллиптические (4 %) — заголовки, представляющие собой неполные простые предложения, как правило, без семантического субъекта, акцентирующие предикатную глагольную группу — носителя рематической доминанты, например:

(q) *Thinking ahead. Even before you do.*

(r) *GETS TO THE POINT. FAST.*

Пример (q) имеет сходство с примером (k) благодаря эмфатическому наречию *even*, занимающему постпозицию по отношению к отсутствующему подлежащему, которое имплицитно подразумевает рекламируемый автомобильный бренд. Парцелляция основана на контрасте преимуществ автомобиля перед человеческими способностями и подчеркивает очевидные возможности искусственного интеллекта в процессе вождения.

В примере (r) парцеллированная часть представляет собой прилагательное *fast*, которое в нейтральной письменной речи не отделялось бы от основного

состава предложения никакими знаками препинания. Парцелляция подчеркивает скоростные преимущества автомобиля.

Предикативные конструкции в форме нарратива передают отношения между участниками рынка (производителями, рекламодателями и потребителями), мгновенно достигают персуазивного эффекта и позиционируют автомобиль с антропоцентрической точки зрения как продукт, обладающий человеческими свойствами. Парцелляция наиболее выгодным образом членит заголовки и в сочетании с олицетворением достигает персуазивного эффекта для целевой аудитории.

Адъективные конструкции

Адъективные конструкции составили 12 % от общего числа заголовков, содержащих графическое явление парцелляции. Адъективные заголовки, основным элементом которых выступают прилагательные, передают различные атрибуты бренда, которые создатели бренда ассоциируют с тем или иным автомобилем. Атрибуты позволяют потенциальным покупателям выбрать автомобиль, соответствующие собственным личностным качествам, персональным предпочтениям и иррациональным установкам. Общеизвестно, что ряд покупателей затрудняются принять решение о покупке в условиях широкого выбора различных брендов и моделей автомобилей. По данной причине, описания копирайтеров, представляющие описательные нарративы, сопровождаемые множеством прилагательных, способствуют правильному выбору на основе ассоциативных признаков в сознании целевой аудитории. Рассмотрим некоторые примеры:

(s) *PURPOSEFUL. SLEEK*

(t) *Elegantly sporty. Uniquely daring.*

Заголовки (s) и (t) сочетают явления парцелляции и олицетворения, т.е. очеловечивания свойств бренда. Данный прием способствует восприятию автомобиля как продолжения собственной личности покупателя. Атрибуты *purposeful* и *sporty* акцентируют внимание на функциональных преимуществах бренда (мощности двигателя), в то время как *sleek* и *daring* — на социальных свойствах, важных для самовыражения владельца автомобиля.

(u) *Easy. Breezy.*

В примере (u) парцелляция дополнительно подчеркивает фонетический прием — рифму. Семантика прилагательных акцентирует внимание читателей на таких преимуществах как малолитражный двигатель и открытый верх, подходящий для теплого климата или сезона.

(v) *Classical ... but disruptive*

В примере (v) копирайтер делает попытку расширить аудиторию потенциальных покупателей, предпочитающих не только классический (*classical*), но и современный революционный (*disruptive*) стиль. Заголовок объединяет разные свойства автомобиля.

(w) *PURE ESSENCE. LOW. GENUINELY SPECIAL. RARE. BESPOKE. DIFFERENT.*

Заголовок (w) представляет собой описание особенной модели. Прилагательные указывают на автомобиль с низкой посадкой (*low*), заметно отличающийся от других машин (*genuinely special, rare, different*), максимально кастомизированный (*bespoke*) и, таким образом, обеспечивающий высокую узнаваемость владельца подобного автомобиля.

Адъективные конструкции содержат признаки автомобиля, имплицитно указывающие на его свойства. Коннотативные особенности прилагательных передают эмоциональный интеллект брендов, создающий продуктовую ценность на основе личных ассоциаций и ожиданий потенциальных покупателей. Парцелляция акцентирует внимание на значимых признаках бренда и их сопоставлении с собственными ожиданиями.

Смешанные конструкции

Смешанные конструкции, сочетающие несколько синтаксических конструкций, составили 21 % от общего числа заголовков. Рассмотрим некоторые примеры:

(x) *THE CHOICE IS YOURS. ALWAYS.*

(y) *SHAPING THE FUTURE — RESPONSIBLY.*

В заголовках (x) и (y) сочетаются номинативная с адвербиальной и герундиальная с адвербиальной конструкции соответственно. Графические средства парцелляции различаются: точка в (x) и тире в (y); однако парцеллированные части речи одинаковые — наречия в финальной постпозиции заголовков. Семантический акцент в примере (x) подчеркивает приоритет выбора покупателя, в то время как в примере (y) — экологичность автомобиля.

(z) *ACCESSORIES. GO EVEN FURTHER.*

(aa) *IN ONE SECOND A PERSON CAN LESS TALK. MORE DRIVE*

В примерах (z) и (aa) сочетаются номинативная и предикативно-императивная, осложненная эмфатическим наречием *even* (z); субъектно-предикатная и предикативно-императивная конструкции, осложненная инверсией — *in one second* (aa). Парцеллированный участок заголовка (z) акцентирует внимание на достоинствах аксессуаров, в то время как в заголовке (aa) — на преимуществе по скорости быстро разгоняющегося автомобиля.

- (bb) *JOY WANTS MORE MPH. MORE MPG. AND LESS CO2. BMW ACTIVE HYBRID.*
(cc) *UNMISTAKABLE. INIMITABLE. IRRESISTIBLE. THE ASTON MARTIN RAPIDE S.*
(dd) *FOUR DOORS. FOUR SEATS. SHARE IN THE LUXURY OF ASTON MARTIN.*

Заголовки (bb), (cc) и (dd) состоят из нескольких парцеллированных участков, разделенных графическим знаком точкой, и содержат названия брендов в финальной части. Парцелляция в примере (bb) акцентирует внимание на контрастных свойствах автомобиля: более высокой топливной экономичности (*miles per gallon*) и меньшей доли выбросов, загрязняющих атмосферу (CO₂). Парцелляция в примере (cc) концентрирует внимание на эмоциональном интеллекте бренда, передающем субъективные ожидания покупателей с помощью эмотивных прилагательных. Парцелляция в заголовке (dd) разделяет номинативные и предикативно-императивную конструкции. Семантически подчеркивается функциональное удобство салона и повышенная комфортность автомобиля.

Смешанные конструкции более сложны для восприятия читателями, однако они более гибки и обладают более высоким потенциалом персуазивности. Парцелляция способствует более легкому восприятию разнообразных синтаксических конструкций и установлению семантических связей между парцеллированными участками заголовков.

Дополнительные средства выразительности

Явление парцелляции, выполняющее роль средства актуализации коммуникативной перспективы в заголовках рекламных брошюр, сопровождается стилистическими приемами, которые способствуют акцентному выделению и интенсификации персуазивного эффекта в отношении потенциальных покупателей автомобилей. Около 80 % рассмотренных заголовков содержали дополнительные языковые средства выразительности, усиливающие восприятие читателей о моделях автомобилей. Рассмотрим наиболее употребительные приемы.

Гиперболизация

Гиперболизация представляет собой явление чрезмерного преувеличения качеств или свойств объекта для создания эффекта его исключительности из ряда подобных. На изученном материале гиперболизация сопровождала парцелляцию в 30 % заголовков. В примерах заголовков (ee), (ff) и (gg) гиперболизация локализована на таких участках как прилагательные в превосходной степени *the most powerful*, *the best*, прилагательные с ингерентной семантикой превосходства *superior* и указание на отсутствие каких-либо ограничений в отношении функциональных свойств автомобиля *without limit*.

- (ee) *THE NEW BMW X3. VERSATILITY WITHOUT LIMIT.*
(ff) *XJR575 — THE MOST POWERFUL AND AGILE XJ*
(gg) *A superior chassis. The best foundation for dynamic performance.*

Примеры гиперболизации включали также: *premium, more premium, as never before, no ordinary, unique, ultimate, outstanding, timeless, perfection, excellence, superheroes, icon, champion, no compromises* и некоторые другие. Преувеличение реализуется исключительно в положительном свете для создания привлекательного имиджа рекламируемых продуктов.

Гиперболизация позволяет копирайтерам попытаться остановить выбор потенциальных покупателей на определенной модели автомобиля, акцентируя ее исключительные свойства.

Контраст

В основе контраста как стилистического приема лежит противопоставление, которое может проявляться как на поверхностном языковом, так и глубинном семантическом уровне. Единицами реализации контраста могут выступать различные по протяженности участки речи — словосочетание, предложение или текст. Парцелляция наиболее органично сочетается со стилистическим приемом контраста. Семантически контраст объединяет противоположные сущности, которые вместе составляют единое целое одного явления. На исследуемом материале явление контраста сопровождало около 13 % заголовков. Рассмотрим некоторые примеры:

(hh) *INSPIRED BY NATURE. IMPLEMENTED IN THE MAYBACH*

(ii) *The challenges of tomorrow. Already our strongest driving force today.*

(jj) *Less emissions. More driving pleasure.*

(kk) *DUAL POWER SOURCES. A SINGULAR DRIVING EXPERIENCE.*

В заголовках (hh), (ii) и (jj) прослеживается контраст по двум смысловым компонентам: *inspired* vs. *implemented* и *by nature* vs. *in the Maybach*; *challenges* vs. *force* и *tomorrow* vs. *today*; *less* vs. *more* и *emissions* vs. *pleasure*. Антонимические пары в заголовках (jj) и (kk) *less* vs. *more* и *dual* vs. *singular* относятся к категории языкового контраста поверхностного уровня. Противопоставление в заголовке (ii) *tomorrow* vs. *today* носит контекстуальный характер, поскольку каждый элемент потенциально может составить оппозицию, например, *yesterday*. На уровне содержания контраст находит выражение в заголовке (hh): *by nature* vs. *in the Maybach* — созданное природой противопоставляется автомобилю, созданному человеком; *inspired* vs. *implemented* — семантически противопоставлены по хронологическому критерию производственного процесса (стадия генерации идеи vs. стадия производства); в заголовке (ii) контраст характеризует рыночные условия — *challenges* (трудности) противостоят *force* (преимуществу), последнее усиливается наречием *already*.

Контраст является многоплановым функционально-стилистическим явлением и реализуется по различным критериям. На семантическом уровне контраст менее заметен в рекламном тексте, в отличие от поверхностного

уровня антонимических коррелятов. Парцелляция наиболее эффективна именно для привлечения внимания к контекстуальным противопоставлениям, т.к. способствует восприятию контраста за счет визуально-графических знаков препинания.

Эмотивная лексика

Под эмотивной лексикой понимаются лексические единицы, выражающие человеческие чувства. Использование эмотивной лексики в описании автомобилей объясняется антропоцентрическим подходом к техническим подробностям интерьера салона, адаптированным к особенностям человеческого тела, транспортным потребностям пассажиров и созданию комфортного климата в салоне. Эргономический дизайн современных автомобилей передается через чувственное восприятие и ощущения, получающие выражение в эмоциональной сфере пользователей. Ключевую роль в рекламных брошюрах выполняют иррациональные установки потенциальных покупателей, на которые опираются копирайтеры при составлении текстов рекламного характера. Среди рассмотренных заголовков эмотивная лексика присутствовала в 12 % случаев. Рассмотрим некоторые примеры:

(ll) *BUILT WITH PASSION. BORN TO RACE.*

(mm) *A JOY FOR PASSENGERS. A SENSATION FOR THE DRIVER.*

(nn) *Love every moment. Trust every mile.*

Лексические единицы *passion, sensation, joy, love* обозначают положительные чувства высшего качества, в том числе повышенный интерес к определенному делу, объекту или роду занятий. Так, в заголовке (ll) подчеркивается высокая ответственность в процессе производства автомобиля и искренняя заинтересованность дизайнеров в его качестве. В заголовке (mm) предугадываются эмоции пользователей от эксплуатации автомобиля. В заголовке (nn) *trust* выражается уверенность в технической надежности автомобиля.

Поскольку прямые связи между чувствами и объектами действительно отсутствуют, копирайтеры свободны в формировании ассоциативных отношений между свойствами автомобиля и эмоциями представителей целевой аудитории. Парцелляция визуально привлекает внимание к тем или иным эмоциям, ассоциирующимся с моделями автомобилей.

Кастомизация

Кастомизация относится к числу маркетинговых принципов представления рекламных сообщений, фокусирующих внимание на целевой аудитории и адаптирующих продукт для интересов и потребностей покупателей. На языковом уровне кастомизация проявляется в повсеместном употреблении личных и притяжательных местоимений второго лица, в особенности их синтаксическое выделение в постпозицию. Парцелляция

в рекламных заголовках активно используется для визуального отделения и, следовательно, актуализации такой рематической доминанты, как личность покупателя.

(oo) *YOU DON'T MESS WITH SUCCESS. YOU ADD TO IT.*

(pp) *WELCOME TO A SOPHISTICATED NEW WORLD. YOURS.*

(qq) *DESIGN WITH A SINGLE FOCUS: YOU.*

В примере (oo) местоимение *you* используется дважды в синтаксических структурах, парцелированных точкой. Левая часть заголовка содержит дополнительное фонетическое средство выразительности — рифму (*mess — success*). Примеры (pp) и (qq) помещают *yours* и *you* в сильную конечную позицию и дополнительно акцентируют внимание с помощью средств парцелляции — точки и двоеточия соответственно.

На анализируемом материале кастомизация выявлена в 11 % заголовков. Обращение к целевой аудитории создает интерактивный эффект и является неотъемлемым признаком рекламного дискурса. С помощью парцелляции значимость целевой аудитории дополнительно подчеркивается визуально-графическими средствами.

Параллельные конструкции

Параллельные конструкции как средство выразительности использовались примерно в 7 % заголовков, разделяя их, как было отмечено выше, на две равные части. В отдельных случаях наблюдался полный параллелизм, когда левая и правая части почти полностью повторялись, за исключением одного элемента, который контрастировал с лексической единицей в аналогичной позиции другой части заголовка, как например, в (rr) и (ss). В других случаях встречался частичный параллелизм, когда повторялась синтаксическая структура в левой и правой части заголовков, в то время как лексический состав менялся, см. (tt).

(rr) *PERFECTION YOU CAN FEEL. PERFECTION YOU CAN SEE*

(ss) *NO ORDINARY LOOKS. NO ORDINARY CAR.*

(tt) *A heritage of innovation. A future of sustainable exhilaration.*

Параллельные конструкции способствуют интенсификации коммуникативной значимости и персуазивного эффекта. Лексическое наполнение составляет эмотивная лексика — *feel, see, exhilaration*, а также лексика, гиперболизирующая положительную оценку автомобилей — *perfection, no ordinary, heritage*, которая усиливает экспрессивность сообщений.

Парцелляция графически способствует более заметному подчеркиванию явления параллелизма в заголовках и привлечению внимания читателей к моделям автомобилей. Парцелляция так же удачно дополняет явление параллелизма, как и контраста.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что особенностью парцелляции в рекламном дискурсе является тенденция к визуальному делению заголовков на две равные части продолжительностью два или три слова, реже — на три части. Краткость объясняется стремлением копирайтеров создать запоминающиеся сообщения наподобие рекламных слоганов. Заголовки создаются как информационно емкие высказывания, поскольку вероятность игнорирования текста брошюр по аналогии с любой рекламой очень велика.

Парцелляция на рассмотренном материале явилась интегральным графическим компонентом разнообразных синтаксических конструкций заголовков. Пунктуационные знаки парцелляции разделяют однородные именные, адъективные, глагольные и адverbиальные элементы заголовков или фокусируют внимание на значимых языковых единицах путем их отделения. В совокупности с различными средствами выразительности парцелляция способствует не только актуализации коммуникативной перспективы, но и акцентному выделению рематических участков речи. Особенно органично парцелляция взаимодействует с приемами контраста и синтаксическим параллелизмом. Кроме того, парцелляция выразительно подчеркивает лексические единицы, обладающие гиперболизированным и эмотивным значением.

Наряду с языковыми средствами выразительности парцелляция часто функционирует с такими маркетинговыми приемами, как кастомизация и эмоциональный интеллект бренда, имеющий корреляты со стилистическим приемом олицетворения. Они наиболее эффективны с эмоционально-психологической точки зрения, т.к. способствует эффективному убеждению путем распознавания желаний, создания смыслов и ценностей, формирования мотивации для приобретения рекламируемого продукта.

Использование значительного спектра графических, языковых и маркетинговых приемов объясняется высокой конкуренцией на рынке автомобильных брендов и стремлением рекламодателей к достижению максимального персуазивного эффекта в дискурсе рекламных брошюр.

Библиографический список

1. *Filyasova Yu.A.* Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // *Training, Language and Culture*. 2022. Vol. 6. Iss. 4. P. 50–61. <http://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61> EDN: BRYLPR
2. *Filyasova Y.A.* The Stylistics of English Headlines in Promotional Discourse: a Multidimensional Study // *Вестник Российского университет дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 856–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875> EDN: FNBDYU
3. *Захарова Е.О.* Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 25–28.

4. Seghers M., De Clerck B., Lybaert C. How effective is expressive? Consumer perceptions of new vernacular features in Facebook webcare responses // *Lingua*. 2022. Vol. 272. 103310. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2022.103310>
5. Салькова М.А. Динамика пунктуационной нормы в интернет-коммуникации: функционирование отделяющей точки // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2023. № 50. С. 74–107. <https://doi.org/10.25076/vpl.50.04>
6. Busch F. The interactional principle in digital punctuation // *Discourse, Context & Media*. 2021. Vol. 40. 100481. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100481>
7. Liang M.-Y. Contingent (dis) agreement and emotional expressiveness in online responsive discourse // *Journal of Pragmatics*. 2024. Vol. 219. P. 58–68. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.11.007>
8. Androutsopoulos J. Punctuating the other: Graphic cues, voice, and positioning in digital discourse // *Language & Communication*. 2023. Vol. 88. P. 141–152. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2022.11.004>
9. Богоявленская Ю.В. Типология парцеллятов по протяженности // *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2018. № 4. С. 24–29.
10. Полидовец Н.И. Некоторые особенности использования парцелляции в интернет-коммуникации // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26. № 1. С. 106–111. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-106-111>
11. Галкина Н.П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. Т. 164. № 1. С. 193–200.
12. Соколова О.Л., Скопова Л.В. Парцелляция в русском и французском медиатексте: опыт корпусного анализа // *Политическая лингвистика*. 2018. Т. 72. № 6. С. 160–165.
13. Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382> EDN: FYERZY
14. Иванова М.В., Клушина Н.И. Нормы в массмедиа: когнитивный аспект // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. С. 5–12. <http://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-5-12> EDN: YVJDIN
15. Шмелева Е.Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // *Верхневолжский филологический вестник*. 2015. № 2. С. 46–52. EDN: UXQQNB

References

1. Filyasova, Yu.A. (2022). Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis. *Training, Language and Culture*, 6(4), 50–61. <http://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61> EDN: BRYLPR
2. Filyasova, Yu.A. (2023). The stylistics of English headlines in promotional discourse: a multidimensional study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 856–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-856-875> EDN: FNBDYU
3. Zakharova, E.O. (2009). Stylistic devices of punctuation and devices of punctuation in combination with graphical means in Russian advertising texts. *Tomsk State University Journal*, 324, 25–28. (In Russ.).
4. Seghers, M., De Clerck, B. & Lybaert, C. (2022). How effective is expressive? Consumer perceptions of new vernacular features in Facebook webcare responses. *Lingua*, 272, 103310. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2022.103310>
5. Salkova, M.A. (2023). Dynamism of punctuation norm in internet communication: functioning of period. *Issues of Applied Linguistics*, 50, 74–107. <https://doi.org/10.25076/vpl.50.04> (In Russ.).
6. Busch, F. (2021). The interactional principle in digital punctuation. *Discourse, Context & Media*, 40, 100481. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100481>

7. Liang, M.-Y. (2024). Contingent (dis) agreement and emotional expressiveness in online responsive discourse. *Journal of Pragmatics*, 219, 58–68. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.11.007>
8. Androutsopoulos, J. (2023). Punctuating the other: Graphic cues, voice, and positioning in digital discourse. *Language & Communication*, 88, 141–152. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2022.11.004>
9. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2018). Typology of parcels by size. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 4, 24–29. (In Russ.).
10. Polidovets, N.I. (2020). Some features of the use of parceling in Internet communication. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 1(26), 106–111. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-106-111> (In Russ.).
11. Galkina, N.P. (2022). Parcelling as a tool of influence in journalism. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1(134), 193–200. (In Russ.).
12. Sokolova, O.L. & Skopova, L.V. (2018). Parcelling in Russian and French mediatext: corpus analysis. *Political Linguistics*, 6(72), 160–165. (In Russ.).
13. Ivanova, M.V. & Klushina, N.I. (2021). Russian language in modern web space: dynamic processes and development trends. *Russian Language Studies*, 19(4), 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
14. Ivanova, M.V. & Klushina, N.I. (2018). Norms in mass media: Cognitive aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5–12. <http://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-5-12> EDN: YVJDIH (In Russ.).
15. Shmeleva, E.Ya. (2015). Internet communication: New trends in Russian word formation. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, (2), 46–52. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Института иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); *сфера научных интересов*: лингвистика, педагогика; *e-mail*: phill.yield@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9728-9458; SPIN-код: 9503-8000, AuthorID: 550869

Information about the author:

Yulia A. Filyasova, Associate Professor, the English Language Department for Professional Communication, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186); *Research interests*: linguistics, pedagogy; *e-mail*: phill.yield@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9728-9458; SPIN-code: 9503-8000, AuthorID: 550869.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1232-1244

EDN: TORFNH

UDC [811.512.122:811.161.1]'271:316.77

Research article / Научная статья

Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show

Nazerke Yergazy , Anastasia V. Denisenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 naz_erke9898@inbox.ru

Abstract. The research material was talk-shows presented on the YouTube platform. The study is aimed at identifying the characteristics of the use of polite strategies in different cultural contexts and their impact on communication within the family. Attention is paid to how participants in the discourse express respect, support and agreement (positive politeness) or seek to minimize intrusion into the personal space of the interlocutor, avoid direct conflicts and the imposition of opinions (negative politeness). The research methodology includes analysis of talk show videos, transcription of dialogues, and subsequent qualitative and quantitative study of politeness strategies used. The main techniques and tactics used by presenters and participants to achieve communicative goals are highlighted. The results show that in Kazakh family discourse the emphasis is on maintaining harmony and respect for elders, which is manifested through the frequent use of negative politeness strategies. In Russian discourse, there is a more frequent use of positive politeness strategies aimed at establishing trusting relationships and an open exchange of opinions. The article also discusses possible reasons for such differences related to cultural and social norms and their impact on communication effectiveness in the family context. The findings may be useful for linguists, cultural scientists and intercultural communication specialists, as well as for content creators targeting family audiences. The paper analyzes both positive and negative politeness strategies that are used by presenters and participants to manage interactions, reduce conflict, and maintain harmonious relationships in public. The authors draw on Brown and Levinson's theoretical framework of politeness to identify and describe specific politeness strategies used in discourse. The results of the study show that the choice of The study material makes talk-shows presented on the YouTube platform. It is aimed at identifying the characteristics of the use of polite strategies in different cultural contexts and their impact on communication within the family. Attention is paid to how participants of the discourse express respect, support and agreement (positive politeness) or seek to minimize intrusion into the personal space of an interlocutor, avoid direct conflicts and the imposition of opinions (negative politeness). The study methodology includes the analysis of talk show videos, transcription of dialogues, and subsequent qualitative and quantitative study of politeness strategies used. The main techniques and tactics used by presenters and participants to achieve communicative goals are highlighted. The results show that in Kazakh

© Yergazy N., Denisenko A.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

family discourse the emphasis is on maintaining harmony and respect for the elders, which is manifested through the frequent use of negative politeness strategies. In Russian discourse, there is a more frequent use of positive politeness strategies aimed at establishing trusting relationships and an open exchange of opinions. The article also discusses possible reasons for such differences related to cultural and social norms and their impact on communication effectiveness in the family context. The findings may be useful for linguists, cultural scientists and intercultural communication experts, as well as for content creators targeting family audiences. The paper analyzes both positive and negative politeness strategies that are used by presenters and participants to manage interactions, reduce conflict, and maintain harmonious relationships in public. The authorbi draw on Brown and Levinson's theoretical framework of politeness to identify and describe specific politeness strategies used in discourse. The results of the study show that the choice of politeness strategy often depends on the cultural characteristics of the society in which communication takes place, and note significant differences in the use of these strategies between Kazakh and Russian talk shows. It contributes to the understanding of cross-cultural differences in the use of politeness strategies and offers recommendations for media professionals on how to effectively use these strategies to improve interpersonal communication in family talk shows..

Keywords: positive politeness, negative politeness, YouTube, cultural differences, communication strategies, intercultural communication

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Yergazy, N. & Denisenko, A.V. (2024). Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1231–1244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1231-1244>

Реализация стратегий позитивной и негативной вежливости в казахском и русском семейном дискурсе ток-шоу

Назерке Ергазы , А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 naz_erke9898@inbox.ru

Аннотация. Материалом исследования стали ток-шоу, представленные на платформе YouTube. Исследование направлено на выявление особенностей использования стратегий вежливости в разных культурных контекстах и их влияния на коммуникацию внутри семьи. Уделяется внимание тому, как участники дискурса выражают уважение, поддержку и согласие (позитивная вежливость) или стремятся минимизировать вторжение в личное пространство собеседника, избегать прямых конфликтов и навязывания своего мнения (негативная вежливость). Методология исследования включает анализ видеозаписей ток-шоу, транскрипцию диалогов и последующее качественное и количественное изучение используемых стратегий вежливости. Выделены

основные приемы и тактики, используемые ведущими и участниками для достижения коммуникативных целей. Результаты показывают, что в казахском семейном дискурсе акцент делается на поддержании гармонии и уважении к старшим, что проявляется в частом использовании негативных стратегий вежливости. В русском дискурсе наблюдается более частое использование позитивных стратегий вежливости, направленных на установление доверительных отношений и открытый обмен мнениями. В статье также обсуждаются возможные причины таких различий, связанные с культурными и социальными нормами, и их влияние на эффективность коммуникации в семейном контексте. Результаты могут быть полезны лингвистам, культурологам и специалистам по межкультурной коммуникации, а также создателям контента, ориентированного на семейную аудиторию. В статье анализируются как позитивные, так и негативные стратегии вежливости, которые используются ведущими и участниками для управления взаимодействиями, снижения конфликтности и поддержания гармоничных отношений на публике. Авторы опираются на теорию вежливости Брауна и Левинсона для выявления и описания конкретных стратегий вежливости, используемых в дискурсе. Результаты исследования показывают, что выбор стратегии вежливости часто зависит от культурных особенностей общества, в котором происходит общение, и отмечают существенные различия в использовании этих стратегий между казахскими и русскими ток-шоу. Статья способствует пониманию кросс-культурных различий в использовании стратегий вежливости и предлагает рекомендации для специалистов в области СМИ о том, как эффективно использовать эти стратегии для улучшения межличностной коммуникации в семейных ток-шоу.

Ключевые слова: позитивная вежливость, негативная вежливость, YouTube, культурные различия, стратегии общения, межкультурная коммуникация

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Yergazy N., Denisenko A.V. Implementation of Positive and Negative Politeness Strategies in Kazakh and Russian Family Discourse Talk Show // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1231–1244. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1231-1244>

Introduction

Politeness strategies have continually attracted the attention of scholars in the fields of semantics, pragmatics, sociolinguistics, and intercultural communication [1–15]. They explain and reflect the norms of particular speech communities and provide important information about their social structure. The strategies which people use to address each other play an important role in determining their relationships [10. P. 2]. Comparative studies on the implementation of speech strategies in the aspect of politeness and studies on intercultural communication in the aspect of politeness 2 show that in addition to the social context, the cultural context also has a significant impact on the set of politeness forms and their functioning [7; 12; 13]. In addition, the choice of politeness strategy to perform a communicative task is an important means

of conveying cultural messages and contains information about the norms, values, and social practices of a given society. This study aims to reflect the peculiarities of the implementation of positive and negative politeness in Russian and Kazakh talk shows on the YouTube platform. Positive politeness seeks to enhance social connections through displays of warmth, agreement, or thanks, while negative politeness respects others' privacy by employing formality or indirect language. While Russian conversations typically employ more straightforward modes of communication and exhibit negative politeness, which entails maintaining a certain level of distance or formality, Kazakh talk shows emphasize hospitality and reverence towards elders, thereby exemplifying positive politeness. In Kazakh broadcasts, it is customary to address guests by their first and middle names or use formal language. However, in Russian broadcasts, it is more typical to discuss private and sensitive topics with a certain level of straightforwardness. Traditionally, linguistics did not consider the study of politeness and its usage as distinct scientific fields. However, researchers have determined that during speech, certain social behaviors that are essential but not instinctive to the human body are encouraged and influenced by the concepts of "appropriate," "inappropriate," "polite," and "impolite".

Politeness reveals itself as a social, psychological and speech construct. It is always built on the basis of dialogue and is implemented on the basis of the requirements of a certain behavior.

L.P. Yakubinsky highlights the significance of the words and phrases used by the speaker to initiate dialogues, examining how language functions in dialogical speech, such as the use of terms like "guilty" and phrases like "tell me please". Through this, the speaker lays the foundation for achieving their communication objective. The study of politeness was examined within the context of classical linguistics, focusing on the utilisation of consistent terminology associated with recognised norms of speech. In his work, L.P. Yakubinsky highlights the phenomenon of certain phrases that are linked to stereotypical life events, which can give rise to intricate grammatical structures and clichés [17].

Within the realm of semantic-grammatical categories, V.V. Vinogradov identifies a distinct subset of interjections which he labels as "original expressive sound gestures that are exchanged by friends or acquaintances in various social situations as dictated by social norms". These words depict an intricate sequence of commonplace emotions and behaviors. Thank you! For instance Thank you; obsolete: Greetings!; regrets; et cetera. The reference is provided in [18. P. 593].

An essential aspect of effective intercultural communication is a thorough understanding of the cultural dimensions of concepts. The works of researchers on intercultural communication contribute to the establishment of this field of study [7; 11; 12; 15]. We will talk about politeness specifically in the sphere of communication channels, of which there are a large number today. Each of these channels has its own requirements for politeness and is implemented in the context of its own ideas about the correctness of the narrative and the construction of a dialogue.

The members of the second direction study behavioral trends across cultural boundaries. Researchers in the field of cross-cultural pragmatics analyze communication practices from different cultures in a comparative manner. The concept of civility is highly emphasized in this context. P. Brown and S. Levinson [1] conducted a thorough examination and proposed a distinction between two primary types of politeness: negative politeness, which involves maintaining a physical distance between the speaker and the listener, and positive politeness, which is rooted in a sense of solidarity with the communication partner. The basis of this classification is the notion that every individual possesses a “social facade”, which communication channels risk revealing. Following the framework proposed by P. Brown and S. Levinson, we characterize polite conduct as a collection of tactics designed to achieve the most effective communication outcomes. However, we do not consider the preservation of the interlocutor’s “face” to be at stake in every communication scenario.

For our project, we chose materials from talk shows that were categorized thematically as entertainment. We selected these discussion programmes because the conversations in them closely resemble those in everyday communication. The discourse of talk shows plays a crucial role in our analysis of speech behavior, as it provides distinct speech standards and limitations for every participant.

The talk show’s structure and format dictate the extralinguistic factors that impact the speech of each participant throughout an episode. As a result, the features of talk show discourse are tightly linked to the talk show speech genre. The talk show genre necessitates that each participant in the conversation will undertake a distinct role. The phrase “talk show” refers to a style of performance characterized by conversation and spectacle, which in turn determines its unique qualities as a genre of speech (such as “talk” referring to discussion or argument, and “show” referring to a spectacle).

The primary indications of a talk show being a vibrant and energetic production are the host’s creative prowess, the ease of conversation, and the requirement of an audience’s presence. The central figure of the talk show is the host, a talented orator who possesses the ability to turn the conversation into an authentic spectacle. The talk show guests are temporary participants in the programme, and the studio discourse focuses on their individualities and life experiences. The inherent discourse limits of talk programmes are directly influenced by their format, which consists of a beginning, climax, and conclusion.

The show opening often consists of a concise introduction where the host or hostesses discuss recent and pertinent societal events, while also setting the main theme of the programme. The central element of the talk show consists of one or more dialogues with specifically chosen guests, usually concentrated their own attributes, accomplishments, or life experiences. Entertainment discussion presentations often have prize draws, comedy sketches, and appearances by sports, magicians, or musicians.

These elements are often employed as a climax or denouement. The structure of the talk show episode and the studio communication guidelines define the boundaries and constraints of the talk show conversation. Talk show discourse is an interactive form of speech interaction between the telecommunicator and the television audience. It is characterized by specific national-and-cultural features which are evident in the context of interpersonal communication. Additionally, it is influenced by the complexities of mass communication and the institutional status of the telecommunicator.

Verbal apologizing is a widespread expression of bad politeness observed in various cultures worldwide. This strategy of displaying politeness is commonly utilized in the Kazakh and Russian discussions of Kazakh talk shows. Talk show participants can utilize this method to limit the scope of discussed subjects, while talk show hosts can employ it to reduce the chances of feeling embarrassed due to an uncomfortable question or a poorly delivered joke.

As a result, we discovered that specific tactics, such as offering apologies, showing respect, expressing pessimism, avoiding questions, downplaying, and engaging in face-threatening behaviour, are commonly used. Furthermore, the frequency of these strategies is similar in both Kazakh and Russian talk show discussions. The Kazakh discourse is characterized by the utilization of strategies such as acknowledging indebtedness to the listener and adopting standard indirect terms, which are applied with greater frequency. The discussion on talk programmes in Russia often involves the application of tactics such as nominalization and personalization of the speaker or viewer.

The first show to investigate is “Male and Female” and the issue of termination of parental rights of an SWO participant.

Adelina Murtazalieva, 22, from Makhachkala, wants to establish the paternity of her ex-husband Marat Kulaev for the twin children and get alimony from him. But Marat and his current wife Heidi Magomedova have their own plans — to deprive Adelina of parental rights and formalize custody over the twins. Adelina believes that Marat and Heidi simply do not want to pay alimony for the girls: since Marat is a member of the SWO, the amount of alimony will be huge. The girl says that she saw how Heidi brings up her one-year-old child: she did not wash him, did not look after him, went out for a walk at night and left him alone.

In turn, Marat and Heidi claim that Adelina is a bad mother. According to them, she leaves her children alone at home, and at the same time she rests in clubs, has a promiscuous sex life and uses drugs.

Since this show is built on the need to scandalize, to bring the viewer to emotions, the predominant type of politeness in this program is negative. Let us turn to specific examples.

Let us consider some of the strategies that, in our opinion, are most characteristic of everyday communication situations.

- Notice the listener, pay attention to him/her, his/her interests, desires, needs. This strategy is widely used in conversational dialogs.

— *ДОБРЫЙ ДЕНЬ. Вот родила, а отца в свидетельство о рождении не вписала. И вдруг в какой-то момент проснулась и решила. Да, он наконец может стать отцом. Что же такого произошло? И почему здесь суд, алименты.*

— *Я думаю, просто у мужика зарплата выросла (in Russian).*

It should be noted that this strategy also includes such speech acts as greeting, farewell, apology, gratitude.

Since the talk show genre is aimed at emotionalization, we can say that hyperbole plays a very important role in filling the characters' statements. The exaggerated assessment of the characters' actions and qualities given in the talk show is one of the most important ways to create interest in the audience.

— *Вам 22?*

— *22 года.*

— *Двое детей?*

— *Двое.*

— *А возраст какой?*

— *4 года.*

— *А, ну то есть Вы достаточно в юном возрасте стали мамой.*

— *Я вышла в 16 лет, родила в 17 двоих детей и буквально 2 года назад развелась (in Russian).*

The speaker seeks to ensure that the addressee is left with no shadow of doubt about their sincerity (in Russian):

я выросла и поняла, что человек не мой! А дети, получается, поскольку брак был религиозный, но не официально зарегистрированный, в свидетельстве о рождении детей стоял прочерк.

On the other hand, hyperbolic statements violate the truth postulate of P. Grice. The given communication does not hinder communication in any way, but has the greatest impact on the emotional perception of the research material: the research material given in the text indicates that the direct meaning of the statement is not enough, therefore the viewer must look for a hidden meaning [1].

— *Вы остались одна, с двумя маленькими детками, без работы, естественно,*

— *Ну, да!*

— *А он помогал?*

— *Он не помогал*

— *Вообще?*

— *вообще*

- Demonstrate an emphasized interest in the listener

— *As you can see, this strategy overlaps with the previous ones and differs little from them.*

— *Давайте мы от прошлого отвлечемся. Что сейчас изменилось? Он вписан?*

— *Пока нет.*

- Я узнала, что он на СВО, и контракт у него заканчивается в декабре этого года. И в итоге ...
- Обратились в суд?
- Да. (in Russian):

Showing care can be focused on the vital needs of loved ones, such as maintaining health:

The purpose of this strategy is to harmonize communication, demonstrating unity of views, feelings, attitudes, reciprocity and mutual understanding.

- Вы от него ушли?
- Да, я от него ушла.
- То есть Вы от него ушли.
- Знаю-знаю, иди давай!
- Seek agreement
- Conversational discourse often uses thematic picking up to maintain agreement:
- А он то в курсе Ваших планов?
- Я ему отправила заказное письмо. Положила все документы, заявление...
- А Вы куда его отправили?
- По его адресу.
- Я знала, что он должен был приехать.
- В отпуск?
- Да. Но письма я ему отправила. (in Russian):

Clear indicators of agreement are such answers as “Yes. Of course. Absolutely. Of course. Don’t say (those). You bet.”

During a dialogue, we expect, if not acceptance, then the communication of our own point of view to the interlocutor. Often the purpose of this statement is to attract the attention of a person, to evaluate the event from the point of view of different sides. The result is the attraction of the audience to your side.

- Вы от него ушли?
- Да, я от него ушла. Сначала мы с ним договаривались, что он будет помогать по возможности. В итоге он ничем не помогал. А, когда я его спрашивала «слушай, может ты хотя бы в этом месяце отправишь? 10 тысяч, 5 тысяч, он говорил, что у него долги, что вот он сам пытается что-то заработать.
- Слушайте, давайте так. Смотрите, сейчас статус отца не установлен. Он сдал материал?
- Он ничего не сдал и сказал, что в суд он тоже не пойдет, поэтому суд отложили
- Если он не придет в суд, его могут же просто так признать отцом?
- Потому я и подала на алименты
- Often such phrases are supplemented with examples of negative politeness.
- Возможно, Вы тут свою выгоду ищете. Сейчас, когда у него заработок вырос в 10 раз.
- Да даже если она сейчас ищет свою выгоду, она больше нарушает закон, когда не требует с него алименты, нежели, когда она не требует с него. Потому что она действует в интересах детей.
- Согласен, но парадокс сегодняшней передачи заключается в чем. Он вроде, как и не отказывается от детей. Мало того, он хочет, чтобы дети с ними были. (in Russian):

Be optimistic

For Russian conversational discourse, exaggeratedly optimistic answers — *Great! / Beautiful! / Wonderful!* — are not so typical. They are often used ironically. Neutral answers are more typical: *Good, thank you / Everything is good / Everything is fine / Not bad / Normal / Nothing.*

Showing politeness towards the interlocutor becomes a way of building a dialogue. Evaluative remarks, which are implemented as a reflection of the attitude towards the interlocutor, act as a kind of expression of support, which is implemented as a reflection of not only the view of what is happening, but also the desire to emphasize that the person is heard. Let's give an example in Russian.

- *Отлично выглядишь!*
- *Спасибо.*

The second stage of the analysis was the use of positive and negative politeness strategies in Kazakh shows. The show “Астарлы ақиқат: Өке іздеген егіз қыз”, which can be translated as “The Basic Truth: Twin Girl Seeks Father”, was chosen for analysis.

In the case of Kazakh shows, the emphasis is not on the aggressive delivery of information, but on the desire to understand all the participants of the talk show. Hence, when characterizing Kazakh talk shows, we relied on two types of politeness — positive and negative.

The goal of positive politeness is to hide the threat to the positive face [1. P. 216]. The speaker is as attentive as possible to the feelings of the Other, trying to maintain a “positive face” for him. There are over 15 positive strategies, but their main purpose is to respect the importance of information for the interlocutor, the desire to understand him and support him in any situation.

1. Expressing a need, a request.

- *У всех людей есть отец и мать. Они ищут своего отца. А где их мать?*
- *Сразу после 40 дней с рождения внучек я взяла их к себе. Когда девочкам исполнилось 3 года, я отправила дочь работать в «Казахмыс», она жила в общежитии. Она была в стрессе, и я отправила ее работать, чтобы она наладила свою жизнь. Она познакомилась с парнем из села Енбек Каркаралинского района и вышла за него замуж.*
- *Значит мать была с дочерьми до 3 лет?*
- *Да, работала и жила с нами.*
- *Или она уехала сразу после 40 дней?*
- *Нет, уехала, когда внучкам было 3 года (in Russian).*

2. Group solidarity.

- *В нашем обществе бывают разные случаи. Некоторые дети не знают, кто их мама. Вы сказали, кто их мама, но они называют Вас мамой?*
- *Да, я очень рано объяснила им, что Гульсин их мама.*
- *Сколько у Вас детей?*

- 13 детей, 9 из них живы.
- Ваша дочь вышла замуж и начала новую жизнь?
- Да. (in Russian).

3. Expressing a optimism.

- Если она уехала, когда дочерям было 3 года, то прошло 10 лет. Она общалась с дочерьми 10 лет, навещала их?
- Она работает в «Казахмысе» по вахтовому графику. 15 дней на работе, 15 дней у себя дома. Сейчас у нее двое детей. Один ребенок учится во 2 классе, а второму 9 месяцев.
- Мать видится с дочерьми после замужества?
- Да.
- Покупает все необходимое?
- Да. Помогает.
- У меня шесть дочерей, они все помогают. Есть три сына. Покупают все, что нужно.
- Огромное спасибо Вам, что Вы вырастили своих детей. А сейчас воспитываете красивых внушек (in Russian).

4. Including the speaker and listener in a collaborative activity.

- Мы посмотрели по какой причине вы здесь. Слезы девочек не оставили равнодушными гостей и экспертов студии. Расскажите все с самого начала. Откуда вы приехали? (in Russian).

5. Empathy, understanding, or participation.

- Как Ваша дочь познакомилась с этим парнем? Я, думаю, она получила достойное воспитание от Вас.
- Как познакомились родители Ваших внушек? (in Russian).
- Я не знаю, когда он работал в нашем регионе. Все произошло в 2010 году. Дочь рассказала мне в ноябре 2010 года, когда была на 5 месяце беременности. Я встретила Дархана вечером, когда тот шел на работу. Он сказал, чтобы я не переживала, сказал, что заберет ее в Караганду в конце ноября после окончания вахты.
- Вашу дочь? Да, я согласилась. Сказала ему, чтобы решили этот вопрос.
- Он сказал, что женится. Ваша дочь была ранее замужем?
- Нет. Моя дочь скромная. Ранее не была замужем (in Russian).

All the listed data indicate that the goal of this politeness strategy is to support the interlocutor as much as possible and express one's own respect for him.

II. The specificity of negative politeness is that it seeks, on the contrary, to insult the interlocutor [1. P. 74]. It reflects the speaker's attitude to events and seeks to "hurt" the interlocutor as much as possible and express the attitude towards him in a negative way. As a rule, the negative politeness strategy is implemented either as an insult strategy or as a distancing strategy. The material we are analyzing makes extensive use of the distancing strategy.

- Дархан приехал ночью 31 ноября и забрал мою дочь в Караганду. Они 2–3 дня были в городе. Когда вернулись, я спросила у дочери что решили. Дархан выпил чаю и сказал, что ему нужно ехать, отец ждет его.

— *За те дни они зарегистрировали брак.*

— *Нет.*

— *В Караганде они сходили на узи, узнали, что будет двойня. Они переночевали в доме его брата и сестры. Сестра сказала, чтобы он не расставался с ней, что она воспитанная. Дочь сказала, что Дархан заберет ее через 5 дней. Но он не приехал. Приехал через 15 дней. Дочь была обижена, что он не приехал в обещанное время. Мы с мужем поехали в Енбек и нашли дом Дархана (in Russian).*

Expression of pessimism

— *Мы обижены на них. Им нужно было пожениться. В 3м классе была одна девочка, с которой мы дружили. Мы поругались с ней, и она сказала, что нас никому защитить. Было тяжело это слышать. Сказала, что у нас никого нет и мы никому не нужны. Он был слабым, не смог переступить через волю отца (in Russian).*

Direct aggression

— *Мы не хотим тебя видеть. Тебе сказали, чтобы ты женился. А ты не смог этого сделать. Из-за тебя нас называют сиротами. Изначально нужно было думать. Пусть алименты платит и все. Мы жили без него 13 лет и дальше сможем.*

Conclusions

Positive and negative politeness allows reveal the peculiarities of attitude towards communication participants. It is especially important to establish trusting relationships between people, readiness to listen to the other one and create positive communication. Politeness strategies are directly determined by the peculiarities of communication in the language environment, which leads to the fact that both common and different language codes are observed in Russian and Kazakh talk shows.

References / Библиографический список

1. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
2. Tyurina, S.Yu. (2008). Discursive markers of politeness in business communication. *Vestnik IGEU*, 1, 92–95. EDN: PFJKNH (In Russ.).
Тюрина С.Ю. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. № 1. С. 92–95. EDN: PFJKNH
3. Lakoff, R.T. (1973). The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 9(1), 292–305.
4. Goffman, E. (1955). On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction. *Psychiatry*, 18(3), 213–231. <https://doi.org/10.1080/00332747>
5. Brown, P. & Levinson, S. (2009). Modelling linguistic politeness (II): Brown and Levinson and their critics. In: *Politeness*, R.J. Watts (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press. pp. 85–116.
6. Fraser, B. (2005). Wither politeness. In: *Broadening the horizon of linguistic politeness*, R.T. Lakoff & S. Ide (Eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 65–83.
7. Janney, R.W. & Arndt, H. (1993). Universality and relativity in cross-cultural politeness research: A historical perspective. *Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 12(1), 13–50.

8. Formanovskaya, N.I. (1984). Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach). *Russian Language Abroad*, 6, 67–72. EDN: JSDOUL (In Russ.).
Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 67–72. EDN: JSDOUL
9. Holmes, J. (2006). Politeness strategies as linguistic variables. In: *Encyclopedia of Language & Linguistics*, E.K. Brown (Ed.). Elsevier. pp. 684–697.
10. Leech, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
11. Leech, G. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9–34. EDN: TFLGPX
12. Norrby, C. & Wide, C. (2015). Introduction: Address practice as social action across cultures and contexts. In: *Address Practice as Social Action: European Perspectives*, Catrin Norrby & Camilla Wide (eds.). Houndsmills-Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 1–12.
13. Khalil, A.A. & Larina, T.V. (2022). Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 27–44. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44> EDN: RUITPY
14. Van, Yue (2023). Politeness and Antipoliteness in the Communication Space of the Internet (a Study of the Online Comments). *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 12(1), 48–52. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-1-48-52> EDN: RTIDPC (In Russ.).
Ван Юе. Вежливость и антивежливость в коммуникативном пространстве интернета (на материале интернет-комментариев) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 1. С. 48–52. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-1-48-52> EDN: RTIDPC
15. Karasik, V.I. (2024). Linguistic and cultural conceptualization of politeness. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 2, 1–15. EDN: HJVGCE (In Russ.).
Карасик В.И. Лингвокультурное осмысление вежливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 2. С. 1–15. EDN: HJVGCE
16. Leontovich, O.A. & Nikitina, A.V. (2024). Communication monitoring as a politeness mechanism. *Training, Language and Culture*, 8(3), 62–72. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72> EDN: GMYCZZ
17. Yakubinsky, L.P. (2023). *O dialogicheskoi rechi* [About dialogical speech]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech]. Moscow. Iss. 1. pp. 96–194. (In Russ.).
Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. М., 1923. Кн. 1. С. 96–194.
18. Vinogradov, V.V. (1972). *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow. (In Russ.).
Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
19. Grice, H.P. (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics*, P. Cole & J. Morgan (eds.). Vol. 3.: Speech Arts. New York: Academic Press. pp. 41–58.

Information about the authors:

Nazerke Yergazy, PhD student, the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: naz_erke9898@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4346-983X.

Anastasia V. Denisenko, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian language department № 4 of Russian Language Institute, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: cognitive linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: denisenko_av@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-0222-5460; SPIN-code: 9567-3407, AuthorID: 209908, ResearcherID: D-7770-2019.

Сведения об авторах:

Ергазы Назерке, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: когнитивная лингвистика, социолингвистика; *e-mail*: naz_erke9898@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4346-983X.

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: когнитивная лингвистика, социолингвистика; *e-mail*: denisenko_av@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-0222-5460; SPIN-код: 9567-3407, AuthorID: 209908, ResearcherID: D-7770-2019.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1245-1259

EDN: TIEXKV

УДК 811.581'272:578.834.1

Научная статья / Research article

Языковая политика и национальный имидж Китая в сообщениях ТАСС о коронавирусе: дискурсивный анализ

С. Ван¹ , Ф.Г. Фаткуллина² , Е.С. Кузьмина³ , А.Г. Люлина⁴

¹Ляонинский университет, Чониань, Китайская Народная Республика

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

³Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

⁴Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

liulina_ag@pfur.ru

Аннотация. Коммунистическая партия Китая утверждает, что национальная языковая политика является важной основой для развития национального управления. Как известно, с конца 2019 г. весь мир серьезно пострадал от эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Китай, в котором началась эпидемия, до настоящего времени находится в центре внимания мировой общественности. Авторы исследуют особенности репрезентации национального имиджа Китая и национальной языковой политики в контексте эпидемии COVID-19 с помощью системы трехмерного анализа дискурса N. Fairclough. Сведения, предоставляемые ТАСС, стали основным источником данного исследования. Контент данного информационного агентства способствует развитию стратегии и тактики создания международного имиджа Китайской Народной Республики и содействует адекватному ее восприятию на международной политической арене.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, ТАСС, эпидемия коронавируса, стратегия международной пропаганды

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2024

Дата приема в печать: 15.12.2024

Для цитирования:

Ван С., Фаткуллина Ф.Г., Кузьмина Е.С., Люлина А.Г. Языковая политика и национальный имидж Китая в сообщениях ТАСС о коронавирусе: дискурсивный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1244–1259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1244-1259>

© Ван С., Фаткуллина Ф.Г., Кузьмина Е.С., Люлина А.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Language Policy and China's National Image in TASS Reports on Coronavirus: a Discursive Analysis

Xuejiao Wang¹ , Flyuza G. Fatkullina² , Elena S. Kuzmina³ ,
Anastasia G. Liulina⁴

¹Liaoning University, Chongshan, People's Republic of China

²Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

³Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

⁴RUDN University, Moscow, Russian Federation

 liulina_ag@pfur.ru

Abstract. The Communist Party of China claims that national language policy is an important basis for the development of national governance. As is known, since the end of 2019, the whole world has been seriously affected by the epidemics of the new coronavirus infection COVID-19. China, where the epidemics began, is still in the center of attention of the world community. The authors study the features of the representation of the national image of China and the national language policy in the context of the COVID-19 epidemics using the three-dimensional discourse analysis system of N. Fairclough. The information provided by TASS became the main source of this study. The content of this news agency contributes to the development of the strategy and tactics of creating the international image of the People's Republic of China and promotes its adequate perception in the international political arena.

Keywords: TASS, coronavirus epidemic, international propaganda strategy

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Wang, Xuejiao, Fatkullina, F.G., Kuzmina, E.S. & Liulina, A.G. (2024). Language Policy and China's National Image in TASS Reports on Coronavirus: a Discursive Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1244–1259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1244-1259>

Введение

На XIX и XX съездах правящей в КНР Коммунистической партии Китая (КПК) было принято решение о совершенствовании социалистической системы и модернизации национальной системы управления. Языковая политика Китая, которая является важным инструментом осуществления национального управления, основывается на восприятии языка и письменности как основы национальной идентичности. Регулирование Си Цзиньпином языковых норм и стандартов в новую эпоху должно способствовать дальнейшей

положительной динамике и учитывать реальные потребности национального развития Китая, при этом может выходить за рамки только языковой политики в целях решения социальных проблем. С конца 2019 г. мир серьезно пострадал от эпидемии коронавируса COVID-19, которая началась именно в Китае, что и послужило привлечению мирового общественного внимания к китайской национальной политике. Международная пропаганда, как важный аспект работы национального управления Китая, столкнулась с беспрецедентными проблемами, вызванными восприятием национального имиджа Китая в мире.

Концепция национального имиджа была впервые предложена в XX в. американским ученым К.Ю. Боулдингом и включает геопространственное положение, измерение социального мнения (восприятие гражданами своей собственной страны, их мнения, иллюзии, представления о престиже, а также восприятие страны гражданами других стран в международном сообществе) и физических показателей [1]. Исследованием национального имиджа Китая занимается множество дисциплин, включая международные отношения, социологию, политологию, экономику, культуру, журналистику и коммуникацию. Крупные новостные события имеют большое исследовательское значение для формирования национального имиджа [2. Р. 37]. Эпидемия коронавируса — это глобальная чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, она затронувшая многие аспекты жизни. Рассмотрение различных аспектов освещения в средствах массовой информации развертывания и последствий новой эпидемии COVID-19 в Китае позволило в динамике рассмотреть изменение имиджа Китая в мировом общественном сознании и наметить перспективы его улучшения и укрепления.

Президент Российского информационного агентства С.В. Михайлов отметил, что информационное агентство ТАСС всегда придавало большое значение освещению событий в Китае, уделяя внимание развитию и изменениям политической ситуации Китая, и имело возможность стать одним из немногих иностранных СМИ, которые могут точно и своевременно сообщить о «важнейших решениях» Китая¹ [3]. Таким образом, ТАСС уделяет большое внимание Китаю, его репортажи обладают определенным авторитетом и репрезентативностью, что позволяет признать их высокую исследовательскую ценность.

Данное исследование статьи основывается на трехмерной теории критического дискурсивного анализа Н. Фэркло (N. Fairclough) и базируется на трех аспектах: анализе текста, дискурсивной практики и социальной практики, в которой рассматриваются сообщения основных российских СМИ ТАСС, национальная языковая политика Китая и национальный имидж Китая, а также приводятся ссылки по принятию решений относительно корректировки

¹ Глава ТАСС Сергей Михайлов принял участие в первом российско-китайском медиафоруме. Режим доступа: <https://tass.ru/novosti-agentstva/2071129?ysclid=lju3pv2yl0914192177> (дата обращения: 20.06.2023).

стратегии международного представления Китая и создания его международного имиджа, способствующего дальнейшему развитию страны.

Исследование и проектирование

(1) Структура трехмерного дискурсивного анализа (text, discourse practice, social practice)

Н. Фэркло отметил, что дискурс представляет собой трехмерное единство, состоящее из текста, дискурсивной практики и социальной практики (text, discourse practice, social practice), и реализует свой социальный конструктивизм посредством построения социальной идентичности и отношений, системы знаний и убеждений субъекта дискурса. Трехмерный уровень понимания дискурса формирует основу структуры трехмерного анализа дискурса. Кроме того, Н. Фэркло предложил описательный, объяснительный и поясняющий виды анализа в качестве основных характеристик исследования текста, дискурсивной практики и социальной практики соответственно. Описательный характер анализа текста относится к лингвистическим характеристикам текста, объяснительный характер анализа дискурсивной практики относится к процессу объяснения взаимосвязи между текстом и дискурсивной практикой, а поясняющий характер анализа социальной практики относится к глубокой взаимосвязи между интерпретацией дискурсивной практики и социальным контекстом и идеологией [3. Р. 36; 4. Р. 42].

Конкретный для рамок данного исследования анализ текста может быть проанализирован в аспекте контекста совместного употребления высокочастотных новостных слов и ключевых словосочетаний с помощью метода корпусной лингвистики или унифицированного массива данных. Анализ дискурсивной практики в основном фокусируется на генерации, распространении и интерпретации текста и может изучать источник информации и информационное восприятие текста [5. Р. 305]. Социальный анализ практики может сочетать социальные, политические и культурные предпосылки для объяснения результатов анализа практики текста и дискурса.

(2) Создание корпуса текстов

С 31 декабря 2019 г. по 31 августа 2020 г. ТАСС опубликовало 1739 сообщений об эпидемии коронавируса в Китае.

Процесс и результаты анализа

(1) Обзор корпуса текстов агентства ТАСС

Динамика изменения объема сообщений об эпидемии, связанной с Китаем, на официальном сайте ТАСС в основном соответствует разворачиванию событий эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19

в Китае. Так, во время вспышки эпидемии в Китае официальный сайт ТАСС уделял большое внимание профилактике заболеваемости и контролю над ней в Китае. Вместе с тем в период стабилизации эпидемической ситуации в Китае глобальная эпидемия продолжала набирать обороты в других частях мира, что переключило внимание ТАСС на другие страны. Субъективная реальность аудитории во многом формируется за счет отражения объективной реальности средствами массовой информации. В дни, когда новый коронавирус был впервые обнаружен в Китае, людям не хватало информации о новом вирусе. В этот период сообщения СМИ стали важным сигналом для иностранных граждан начать изучение сведений о вирусе и профилактику заболеваемости с тем, чтобы взять над ней контроль. Это также стало критическим моментом в формировании национального имиджа Китая.

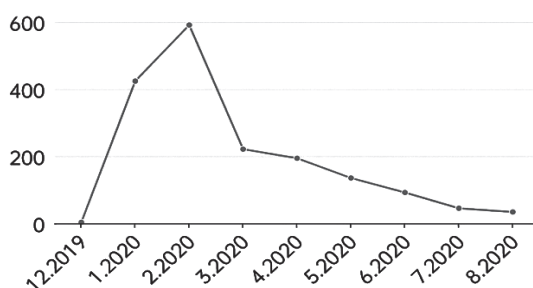

Рис. 1. Ежемесячный график количества сообщений об эпидемии в Китае на официальном сайте информационного агентства ТАСС

Источник: составлено Ван С., Ф.Г. Фаткуллиной, Е.С. Кузьминой, А.Г. Люлиной

Fig. 1. Monthly Chinese epidemic news on the official website of TASS

Source: compiled by Xuejiao Wang, Flyuza G. Fatkullina, Elena S. Kuzmina, Anastasia G. Liulina

(2) Анализ текста

1) Анализ ключевых слов

В нашем исследовании были проанализированы слова официальных лиц Министерства иностранных дел Китая, процитированные в отчете ТАСС. Для реализации поставленной задачи мы использовали инструмент анализа новостей ROST и систему контент-анализа ROST для статистического анализа китайского текста [6. Р. 341]. Первый — определение статистики частотности оригинальных слов, цитируемых в соответствующих отчетах Министерства иностранных дел Китая на официальном сайте ТАСС. В проведенном исследовании в основном учитываются три типа частей речи: существительные, глаголы и прилагательные.

Существительные: среди оригинальных слов, цитируемых в соответствующих отчетах Министерства иностранных дел Китая на официальном сайте ТАСС, в топ-15 слов входят: 疫情 *эпидемия* (86), 中方 *Китай* (61), 病毒 *вирус* (32), 世界卫生组织 *Всемирная организация здравоохранения* (27), 美方

Соединенные Штаты Америки (23), *国际社会 международное сообщество* (17), *安全 безопасность* (15), *肺炎 пневмония* (14), *人民 народ* (14), *措施 меры* (12), *科学 наука* (9), *污名 китайская стигматизация* (9), *病例 случаи заболевания* (7), *疫苗 вакцины* (7), *证据 доказательства* (7).

Глаголы: 15 наиболее распространенных слов: *合作 сотрудничать*, *反对 противодействовать*, *支持 поддерживать*, *抗击 оказывать сопротивление*, *采取 брать*, *帮助 помогать*, *防控 предотвращать*, *контролировать*, *敦促 побуждать*, *加强 укреплять*.

Прилагательные: наиболее частотными в тексте изучаемых корпусов стали следующие 15 слов: *坚决 решительный*, *个别 индивидуальный*, *全面 всеобъемлющий*, *严格 строгий* и *积极 позитивный*, *坚定 твердый*, *明确 ясный*, *及时 своевременный*, *严重 серьезный*, *团结 сплоченный*, *愤慨 возмущенный*, *强烈 сильный*, *公正 справедливый*, *客观 объективный*, *有效 эффективный*.

2) Анализ контекста крупномасштабных корпусов (Concordance)

Посредством анализа контекста крупномасштабных корпусов можно изучить использование конкретных слов в данном контексте. Анализируя феномен коллокации, английский ученый Дж.Р. Фёрс подчеркивал важность контекста, в котором находится слово, и полагал, что в лексической семантике семантическое представление лексики может быть получено путем анализа контекста совместного появления лексики в лингвистической базе данных. Он сформулировал этот принцип следующим образом: «значение слова формируется средой, в которой оно используется» [7]. Основываясь на исследуемых нами сообщениях Министерства иностранных дел Китая на официальном сайте ТАСС, проведен анализ соответствия оригинальных слов, процитированных в тексте, формулировки при описании китайской эпидемии и микросмыслов глубокого уровня, которые они передают.

Анализ статистических данных сообщений показал, что на официальном сайте ТАСС размещены 152 оригинальные цитаты из соответствующих отчетов официальных лиц Министерства иностранных дел Китая. С помощью анализа контекста (положительного, нейтрального или негативного) было установлено, что оригинальный текст, использованный официальным сайтом ТАСС в отчете, в основном имеет положительную окраску и составляет более 60 % всего объема текстов; в то время как негативные коннотации составляют 28,29 %; нейтральных окрашенных текстов меньше всего, на их долю приходится всего 8,55 %.

Статистический анализ частотности использования слов и контекста с помощью инструмента анализа новостей ROST и системы контент-анализа ROST позволил нам понять ключевые моменты дискурса официальных лиц Министерства иностранных дел Китая. Во-первых, высказывания официальных лиц Министерства иностранных дел Китая тесно связаны с центральной темой эпидемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и в абсолютном большинстве случаев ставили борьбу с эпидемией и победу над

вирусом главным приоритетом на данный момент. Во-вторых, заявления официальных лиц Министерства иностранных дел Китая более позитивны: *合作 сотрудничество*, *团结 единство*, *积极 позитивность*, *帮助 помощь*, *尊重 уважение*, *敦促 призыв* и другие стали высокочастотными словами. Китай не рассматривал борьбу с эпидемией как свою собственную «сольную песню» или как геополитическое оружие. Вместо этого он активно выступал за глобальное единство и сотрудничество в борьбе с эпидемией, неоднократно употребляя такие лексические единицы, как *Соединенные Штаты Америки*, *международное сообщество*, *Всемирная организация здравоохранения* и др., в надежде на мобилизацию многосторонних сил. В-третьих, для инициации международного расследования или против ложных обвинений, выдвинутых против страны, официальные лица Министерства иностранных дел Китая неоднократно использовали слова *损害 ущерб*, *抹黑 очернение*, *污名 стигматизация*, *愤慨 возмущение* и т.д., указывая на решительный оппозиционный настрой и подчеркивая необходимость представления фактов и доказательств. Большинство текстов с негативными коннотациями взяты из соответствующих отчетов официальных лиц Министерства иностранных дел Китая в ответ на обвинения, выдвинутые против Китая.

В дополнение к использованию инструментов анализа для объективного подсчета текстов, цитируемых в соответствующих сообщениях должностных лиц Министерства иностранных дел Китая, качественный анализ этих текстов также был проведен в сочетании с конкретным контекстом. Прежде всего речь идет о заявлениях, сделанных официальными лицами Министерства иностранных дел Китая, которые содержат призыв людей быть разумными. В ответ на требование официальных лиц США о том, чтобы Китай извинился за вспышку эпидемии, пресс-секретарь Чжао Лицзянь прямо указал на то, что эпидемия является общим врагом человечества. Он заявил о том, что люди, которые болеют в разных странах, являются жертвами, и подчеркнул, что теория о необходимости извинений со стороны Китая необоснованна и неразумна (*道歉论теория извинений*)². В ответ на обвинения официальных лиц США в том, что Китай скрыл серьезность эпидемии, посол Китая в России Чжан Ханьхуэй заявил о том, что когда Китай принял максимально строгие карантинные меры, Соединенные Штаты Америки первыми эвакуировали американских граждан из провинции Хубэй и отозвали дипломатов, предпринимателей и туристов, что свидетельствует об их осведомленности о ситуации с эпидемией³. Тем временем в ответ на утверждения Министерства юстиции США о том, что

² МИД Китая не считает нужным извиняться за распространение коронавируса в мире. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7909509?ysclid=lju2mb09yr164349220> (дата обращения: 03.05.2023).

³ МИД Китая не считает нужным извиняться за распространение коронавируса в мире. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7909509?ysclid=lju2mb09yr164349220> (дата обращения: 03.05.2023).

китайские хакеры украли данные об эпидемии в США, Ван Вэньбинь заявил, что с точки зрения независимых исследований и разработки новых вакцин от пневмонии коронавируса Китай занимает лидирующие позиции в мире. Ван Вэньбинь подчеркнул, что невозможно полагаться на воровство, чтобы занять лидирующее положение в мире⁴. Это показывает уверенность Китая в своих силах. В ответ на необоснованную критику и обвинения со стороны некоторых стран официальные лица Министерства иностранных дел Китая решительно опровергали и давали отпор фактами и никогда не позволяли другой стране выдвигать ложные обвинения.

Во-вторых, будучи ведущим ведомством, занимающимся иностранными делами, Министерство иностранных дел КНР и его должностные лица все чаще выступали от имени страны перед международным сообществом и часто использовали лексические единицы *Китай* и *Поднебесная* для подтверждения своих позиций. Кроме того, местоимение *мы* встретилось в тексте в общей сложности 50 раз. При выборе местоимений первого лица чиновники Министерства иностранных дел чаще использовали *мы* вместо *я*. Выражая позицию Китая, официальные лица МИД КНР заменяли местоимение *я* на *мы* с целью объединения страны и народа, проявления единства, и чтобы вступить в диалог с «ними» в международном сообществе.

В-третьих, официальные лица Министерства иностранных дел Китая неоднократно употребляли лексические единицы *人民 народ* и *安全 безопасность*, подчеркивая необходимость поддержания здоровья и безопасности людей всего мира, а также утверждая, что противоэпидемические результаты, достигнутые Китаем, получены благодаря самопожертвованию и самоотверженности людей. В ответ на обвинения США официальные лица Министерства иностранных дел Китая неоднократно напоминали американской стороне, что необходимо ставить безопасность жизни и здоровья американского народа на первое место и уделять больше внимания их поддержанию и профилактике заболеваемости. Это свидетельствует не только о том, что китайское правительство целенаправленно придерживалось концепции «ориентированности на людей», но и старалось усилить близость самовыражения и сократить дистанцию с людьми со всего мира. Находясь рядом с народами мира, Китай демонстрирует образ мыслей великой страны, которая стремится к счастью для людей и благополучию для всего мира.

В-четвертых, чиновники Министерства иностранных дел Китая уместно используют китайские паремии. Так, выступая с благодарностью международного сообщества за поддержку Китая во время эпидемии, пресс-секретарь Хуа Чуньин использовала выражение 患难见真

⁴ Посол Китая в России о коронавирусе: однажды все тайное станет явным. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/8264707?ysclid=lju2pa0reg310049271> (дата обращения: 07.05.2023).

情 настоящие чувства проявляются в беде. Официальный сайт ТАСС также перевел эту фразу как русскую поговорку с аналогичным значением *Друзья познаются в беде*⁵. Критикуя несправедливые слова и поступки некоторых антикитайских сил, стремящихся переложить обвинения на Китай, официальные лица Министерства иностранных дел выразили решительное несогласие с мнением о том, что Китай 唯恐天下不乱 заботится только о себе и желает создать в мире хаос. МИД, напротив, призывал 行有不得, 反求诸己 искать причину неудач в себе самом и 亡羊补牢 учиться на прежних ошибках⁶. Интеграция таких выражений в язык межкультурных коммуникаций не только значительно повышает его яркость и привлекательность, но и демонстрирует культурную основу уверенности страны в себе.

В-пятых, представители Министерства иностранных дел Китая неоднократно выражали сопереживание народам других стран. Выразив искреннюю готовность Китая и России сотрудничать в борьбе с эпидемией, пресс-секретарь Хуа Чуньин сравнила «войну» китайского народа против эпидемии с «Битвой за Москву», выигранную русским народом во время Второй мировой войны, процитировав известное высказывание: «Отступить некуда — позади Москва!». Такое сравнение показывает дружбу между народами Китая и России.

(3) Анализ дискурсивной практики

Характеристики дискурсивной практики обуславливаются социальным контекстом, порождаемым этой практикой. Отличительные особенности дискурсивной практики заключаются в том, что она влияет на текст. По Н. Фэркло, анализ дискурсивной практики относится к интерпретации взаимосвязи между процессом генерации и понимания дискурса и текста [3. Р. 32], то есть к анализу того, как текст генерируется, распространяется и принимается. В настоящем исследовании источник информации и особенности принятия информации рассматриваются как основное содержание анализа дискурсивной практики.

Согласно мнению британского культуролога Стюарта Холла, источник является основным ограничителем социальной истины [8. Р. 331]. После сопоставления и анализа выборок в соответствии с количеством сообщений источники были разделены на четыре типа: официальные источники, другие СМИ, самостоятельно собранную информацию ТАСС

⁵ МИД Китая назвал клеветой утверждение о кибератаках на американскую компанию Moderna. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9097189?ysclid=lju2w118e5931255711> (дата обращения: 05.05.2023).

⁶ МИД КНР сообщил, что число выздоровевших после коронавируса вдвое выше числа умерших. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7687781?ysclid=lju325y6bl183848344> (дата обращения: 03.05.2023).

и мнения экспертов. Рассмотрим источники подробнее. На долю официальных источников пришлось 57,2 %, источников средств массовой информации — 26,8 %, на долю самостоятельно подготовленных новостей — 13 %, мнения экспертов заняли 3 %.

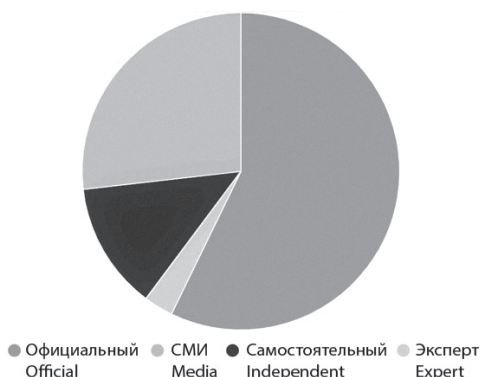

Рис. 2. Источники информации по сообщениям об эпидемии в Китае на официальном сайте ТАСС
 Источник: составлено Ван С., Ф.Г. Фаткуллиной, Е.С. Кузьминой, А.Г. Люлиной

Fig. 2. Sources of information on the epidemic reports in China on the official website of TASS
 Source: compiled by Xuejiao Wang, Flyuza G. Fatkullina, Elena S. Kuzmina, Anastasia G. Liulina

1. Официальные источники

На долю официальных источников пришлось 57,2 % всех сообщений от ТАСС. К ним относятся не только сообщения о действиях правительства, организаций, предприятий и т.д. от имени официального лица разных стран посредством проведения пресс-конференций, публикации заявлений, рассылки уведомлений и т.д. для публичного распространения информации среди общественности, но также заявления, сделанные высокопоставленными лицами и элитами по поводу эпидемии в Китае в официальных или неофициальных формах.

2. Источники средств массовой информации

Вторым по величине источником сообщений об эпидемии в Китае на официальном сайте ТАСС являются средства массовой информации, на долю которых приходится 26,8 % всех сообщений. Средства массовой информации здесь относятся к другим средствам массовой информации, отличным от ТАСС, включая как иностранные СМИ, так и другие отечественные СМИ в России.

Среди репортажей об эпидемии в Китае, составленных ТАСС, наибольшее количество сообщений приходится на китайские СМИ, что составляет около 65,2 %. Обобщение большого количества сообщений китайских СМИ в новостях, связанных с Китаем, может отражать то, что ТАСС в определенной степени доверяет информации, распространяемой китайскими СМИ.

Следует отметить, что ТАСС также собрал множество репортажей из местных хайнаньских СМИ, на долю которых приходится около 18 %

от общего числа, в основном сосредоточенных в Hnews.cn, Hainan Daily, Sanya Daily и Haikou Daily. Указанный факт тесно связан со стратегическим сотрудничеством в области СМИ, достигнутым ТАСС и провинцией Хайнань в 2019 г. Видно, что в контексте сотрудничества ТАСС уделил больше внимания развитию провинции Хайнань, а также расширил свои медиа-ресурсы.

3. Самостоятельно подготовленные новости

Самостоятельно подобранные новости относятся к новостям, для которых репортеры брали интервью и редактировали самостоятельно. Третьим по величине источником сообщений об эпидемии в Китае на официальном сайте ТАСС являются такие самостоятельно собранные репортерами ТАСС новости, на их долю приходится около 12,8 % от общего числа сообщений. ТАСС опросило широкий круг людей, не только глав правительств, организаций, предприятий, школ и других учреждений, но и авторитетных экспертов и ученых в различных областях знаний в стране и за рубежом. Они также опросили российских студентов в Ухане, китайских студентов в России и других представителей широкой общественности. ТАСС также собрало общественное мнение российских пользователей социальной сети «Фейсбук» (Facebook)⁷ и других соцсетей.

4. Мнения экспертов

В дополнение к официальным источникам, источникам СМИ и информации, собранной ТАСС самостоятельно, экспертное мнение также является одним из источников информации для сообщений об эпидемии в Китае на официальном сайте ТАСС, на долю которых приходится около 3,2 % от общего числа сообщений.

(4) Анализ социальной практики — анализ социального, политического и культурного фона

1. Влияние журналистики и коммуникации

В западном мире, с тех пор как во второй половине XIX в. началось активное движение “Muckraking Movement” и постепенно превратилось в своего рода журналистскую традицию, которая сохранилась в концепции и практике западной журналистики по сей день. Для России распад Советского Союза вызвал фундаментальные изменения в индустрии журналистики на постсоветском пространстве. Россия встала на путь реконструкции медиасистемы, пытаясь избавиться от границ мышления времен «холодной войны» в прошлом, активно интегрироваться в глобальный медиа-контекст и начать новые диалоги. В отчете об эпидемической ситуации в Китае на официальном сайте ТАСС в некоторых сообщениях основное внимание уделяется использованию противоречивого новостного дискурса, акцентируя внимание на выделении фокуса противоречий в процессе сообщения объективных фактов и создании

⁷ Деятельность Facebook в России признана экстремистской и запрещена.

атмосферы напряженности и конфликта. В заголовках некоторых отчетов, таких как «Трамп называет ВОЗ марионеткой Китая» и «Посол Китая в России призывает Соединенные Штаты Америки не валять дурака», ТАСС также использовало элементы конфликта для создания напряженной ситуации между двумя сторонами.

2. Влияние китайско-российских отношений

Китайско-российские отношения также являются одним из ключевых факторов, влияющих на освещение ТАСС эпидемии в Китае. В последние годы китайско-российские отношения продолжали подниматься на более высокий уровень, степень интеграции интересов углублялась день ото дня, а обмена и сотрудничество в различных областях были очень тесными. Во время эпидемии, от правительства до частного сектора, Китай и Россия использовали конкретные действия, чтобы отчетливо интерпретировать богатый смысл китайско-российского стратегического партнерства в новую эпоху. Так, например, ученый Цзя Чжуншань отмечал, что когда средства массовой информации страны создают образ другой страны, они в основном берут за основу защиту своей собственной страны, национальных интересов и собственных интересов СМИ [9. Р. 48; 10]. Будучи ключевым иностранным пропагандистским СМИ, ТАСС закономерно придерживается официальной позиции, согласующейся с Кремлем с точки зрения зарубежного общественного мнения, и изображает Китай как искреннего и надежного партнера, насколько это возможно. Это продиктовано не только необходимостью поддержания китайско-российских отношений, но и собственными интересами России.

3. Влияние культурных различий

Российское агентство ТАСС открыло несколько филиалов в Китае, но из-за многообразных культурных различий между Китаем и Россией, с точки зрения политической системы и идеологии, большинству российских репортеров не хватало глубокого понимания китайской культуры, в том числе мог возникнуть языковой барьер. Многие отличия в культурном плане могут оказать определенное влияние на образ мышления репортера. В этой связи, освещая проблемы Китая, репортеры ТАСС привыкли использовать свой собственный культурный опыт в качестве отправной точки при выборе содержания репортажа. Именно из-за объективного существования культурных различий и языкового барьера все еще существуют некоторые несоответствия между образом Китая, созданным ТАСС, и реальной ситуацией.

Выводы и заключение

Исследование, проведенное на материале созданного авторами корпуса текстов с помощью системы трехмерного структурного анализа дискурса, показало:

- заявления официальных лиц Министерства иностранных дел Китая логичны, последовательны и имеют цель убедить людей быть разумными;

- будучи ведущим ведомством, занимающимся внешней политикой Китая, Министерство иностранных дел КНР и его должностные лица перед международным сообществом чаще выступают от имени страны;
- официальные лица Министерства иностранных дел Китая неоднократно употребляли лексические единицы *люди* и *безопасность*, подчеркивая необходимость поддержания здоровья и безопасности людей всего мира и отмечая, что противоэпидемические результаты, достигнутые Китаем, получены благодаря самопожертвованию и самоотверженности людей;
- представители Министерства иностранных дел Китая широко используют китайские паремии для усиления смысла высказывания;
- чиновники Министерства иностранных дел Китая в своих сообщениях сопереживают народам других стран.

Однако ложное освещение событий западными СМИ искаженного и негативного национального имиджа Китая нуждается в регулировании, донесении истины и совершенствовании. В этой связи мы полагаем, что отдел внешней пропаганды КНР может приложить усилия по следующим трем аспектам в качестве практических рекомендаций по результатам проведенного нами исследования:

1. своевременно и решительно реагировать на слухи, т.к. образ страны не может формироваться произвольно в течение длительного времени. Объективная реальность в конечном итоге определит предел «гибкости»;
2. изучить когнитивные законы пропаганды западной аудитории. Для разных аудиторий используются разные языковые стратегии, чтобы повысить эффективность воздействия и определенным образом рассказать китайскую историю;
3. использовать инновационные каналы коммуникации. Для создания позитивного национального имиджа Китая в дополнение к официальным средствам массовой информации и новостным репортажам мобилизовать неправительственные организации внутри страны и за ее пределами, что позволит оперативно и инициативно бороться за право выступать на международном уровне и демонстрировать миру новый образ ответственной великой державы.

Библиографический список / References

1. Boulding Kenneth, E. (1959). National images and international systems. *Journal of Conflict Resolution*, 3, 120–131. <https://doi.org/10.1177/002200275900300204> EDN: JNFRFP
2. Cao, Wei & Zhao, Yuanyuan. (2019). The image of China in Argentina's mainstream media: Analysis of critical discourse based on the report of the 19th National Congress of the Communist Party of China. *Journal of Xi'an Foreign Studies University*, 3, 37–42 (In Chin.). 曹韦, 赵媛媛. 阿根廷主流媒体中的中国形象: 基于对《中共十九大》报道的批评话语分析 // 西安外国语大学学报. 2019. № 3. P. 37–42
3. Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social change*. Cambridge: Polity Press.
4. Fairclough, N. (2010). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. New York: Routledge.

5. Kazantseva, E.A., Fatkullina, F.G., Valiakhmetova, E.K., et al. (2018). Modern Academic Discourse: Psycholinguistic Portrait of the Main Participants. *Modern Journal of language teaching methods*, 8, 12, 300–310. EDN: VUYLYB
6. Sakaeva, L.R., Yahin, M.A., Mensah, D. & Fatkullina, F.G. (2019). The peculiarities of translations of official business plans from English into Russian. *OPCION*, 35(23), 433–447. EDN: NJYYER
7. Firth, J. (1957). A synopsis of linguistic theory 1930–1955. *Studies in Linguistic Analysis*, 12, 1–32.
8. Hall, S., Critcher, C., Jefferson, T., et al. (1981). The social production of news: mugging in the media. In: *The Manufacture of News: Deviance, Social Problems, and the Mass Media*. New York. pp. 335–367.
9. Jia, Zhongshan & Zhu, Wanjun. (2013). Analysis of China's national image in the three major Spanish media newspapers-taking China-related reports during the 18th National Congress as an example. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 35(04), 47–49. (In Chin.).
10. 贾中山, 朱婉君. 西班牙媒体三大报纸上的中国国家形象分析——以《十八大》期间涉华报道为例 // 现代传播 (中国传媒大学学报). 2013. № 35(04). P. 47–49.
11. Li, Qunshan. (2018). The dilemma of shaping China's national image and its coping strategies. *Journal of Jishou University (Social Sciences Edition)*, 4, 92–98. (In Chin.).
12. 李群山. 中国国家形象塑造的困境及其应对之策 // 吉首大学学报 (社会科学版). 2018. № 4. P. 92–98.

Сведения об авторе:

Ван Сюэцзяо, кандидат филологических наук, преподаватель Института Конфуция, Ляонинский университет (110136, КНР, г. Шэньян, пров. Ляонин, г. Чоншань, д. 66); *научные интересы*: лингвокультурология, семантика, межкультурные коммуникации России и Китая; *e-mail*: wangxuejiao2014@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-2299-6339.

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного языкознания и экскурсоведения факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32); *научные интересы*: семантика, прагматика, язык СМИ, лингвокультурология; *e-mail*: fluzarus@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8711-2993; SPIN-код 2022–2453; AuthorID: 459700; Scopus AuthorID: 57191874946.

Кузьмина Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук, Иркутский государственный университет (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1); *научные интересы*: международная академическая мобильность, российско-китайское сотрудничество; *e-mail*: kuzelenas@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9356-7847, SPIN-код: 1672–8398, AuthorID: 700499.

Люлина Анастасия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: этимология иероглифов китайского языка, проблемы перевода, история межкультурных коммуникаций России и Китая; *e-mail*: liulina_ag@pfur.ru
ORCID: 0000-0003-0634-8844; SPIN-код 9703–4208; AuthorID: 841957; Scopus AuthorID: 57210935478.

Information about the authors:

Wang Xuejiao, PhD in Philology, Lecturer at the Confucius Institute of Liaoning University (66, Chongshan, Liaoning Province, Shenyang, China, 110136); *Research interests*: linguocultural studies, semantics, intercultural communications between Russia and China; *e-mail*: wangxuejiao2014@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-2299-6339.

Fliuza G. Fatkullina, Dr.Sc. (Philology), professor, Head of the Department of Comparative Linguistics and Tourist Guidance Studies, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation, 450076); *Research interests*: semantics, pragmatics, media language, linguoculturology; *e-mail*: fluzarus@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8711-2993, SPIN-code 2022–2453; AuthorID: 459700; Scopus AuthorID: 57191874946.

Elena S. Kuzmina, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology of the Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (1, Karl Marx St., Irkutsk, 664003); *Research interests*: international academic mobility, Russian-Chinese cooperation; *e-mail*: kuzelenas@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9356-7847, SPIN-code: 1672–8398, AuthorID: 700499.

Anastasia G. Liulina, PhD in History, Associate Professor at Foreign Languages Department, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Etymology of Chinese characters, translation problems, history of intercultural communications between Russia and China; *e-mail*: liulina_ag@pfur.ru
ORCID: 0000-0003-0634-8844; SPIN-code 9703–4208; AuthorID: 841957; Scopus AuthorID: 57210935478.

ТЕРМИНОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

TERMINOLOGY. LEXICOGRAPHY

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1260-1282

EDN: SYSGSS

УДК 811.161.1'34'373.46

Научная статья / Research article

Становление терминологии русской фонетики: дифтонг

А.В. Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,

Нижний Новгород, Российская Федерация

✉ holzmann2014@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является описание истории вхождения термина *дифтонг* и синонимичных номинаций в терминологическую систему русской лингвистики, анализ точек зрения лингвистов на дифтонг как явление звукового строя языка в период с XIV в. по XVIII в. На основе анализа научно-теоретических (грамматики, грамматические сочинения) и лексикографических (лексиконы, словари) источников, появившихся в России в XIV—XVIII вв., автор прослеживает эволюцию фонетического статуса дифтонга, который в русле традиций, заложенных создателями славянских и русских грамматик, долгое время трактовался в согласии с греческой традицией, будучи передаваем на письме одной или двумя буквами. С учетом такого подхода к дифтонгам относили не свойственные русскому языку квазидифтонгические сочетания, диграфы и даже аффрикаты. К концу XVIII в. научно-лингвистическая парадигма в части изучения звукового строя языка претерпевает некоторые изменения, переосмысливается трактовка многих фонетических явлений, а вместе с этим меняется и подход к оценке лингвистического статуса дифтонга, хотя при этом дифтонгические звуко сочетания продолжают считаться частью вокализма русского языка. Дифтонг однозначно описывается как сложный звук, который состоит из двух гласных букв и образует один слог. На протяжении своего существования исследуемое понятие наряду с заимствованным в русский язык и постепенно ассимилированным греческим этимологом получило несколько синонимичных обозначений, представлявших собой структурно-семантические кальки заимствованного слова: *двогласная* (XIV в.), *двоесложная* (XIV в.), *двоегласная* (1578), *двосложная* (XVII в.), *двугласная* (1739), *полгласие* (1769), *сложная* (1779), *сложенная* (1788). Почти все эти названия отражали бивокалическую природу дифтонга как фонетического явления. В ходе исследования применяются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа.

© Иванов А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дифтонг, русская фонетика, лингвистический термин, терминологическая семантика, историко-лингвистический анализ

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Иванов А.В. Становление терминологии русской фонетики: *дифтонг* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1259–1282. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1259-1282>

Forming the Terminology of Russian Phonetics: Diftong ‘Diphthong’

Andrey V. Ivanov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ holzmann2014@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to describe the history of the occurrence of the term *diftong* ‘diphthong’ and its synonymous nominations in the terminological system of Russian linguistics, to analyze linguists’ points of view on diphthong as a sound phenomenon in the period from the 14th century to the 18th century. Based on the analysis of scientific (grammars, grammatical works) and lexicographical (lexicons, dictionaries) sources, appeared in Russia in the 14th—18th centuries, the author traces the evolution of the phonetic status of diphthong, which in line with the traditions, laid down by the creators of Slavonic and Russian grammars, for a long time was treated in accordance with the Greek tradition, being transmitted in writing by one or two letters. Taking this approach into account, quasidiphthongal combinations, digraphs and even affricates, which were not peculiar to the Russian language, were treated as diphthongs. By the end of the 18th century, the scientific-linguistic paradigm in the sphere of sound system study underwent certain changes; many phonetic phenomena were reinterpreted, and simultaneously the approach to the evaluation of the linguistic status of diphthongs changed, though diphthongal sound-combinations were still considered to be a part of the Russian vocalism. Diphthong is unambiguously described as a complex sound that consists of two vowel letters and forms one syllable. Throughout its existence this notion, along with the Greek etymon borrowed into Russian and gradually assimilated, received several synonymous nominations, which were structural-semantic loan translations of the borrowed word: *dvoglasnaya* (14th c.), *dvoeslozhnaya* (14th c.), *dvoeglasnaya* (1578), *dvoslozhnaya* (17th c.), *dvuglasnaya* (1739), *polglasie* (1769), *slozhnaya* (1779), *slozhennaya* (1788). Almost all of these names reflected the bivocalic nature of the diphthong as a phonetic phenomenon. The research employs methods of historical-linguistic, definitional and semantic analysis.

Keywords: diphthong, Russian phonetics, linguistic term, terminological semantics, historical-linguistic analysis

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Ivanov, A.V. (2024). Forming the Terminology of Russian Phonetics: *Diftong* 'Diphthong'. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1259–1282. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1259-1282>

Введение

Статья посвящена изучению истории термина *дифтонг*, который входит в состав лингвотерминологической системы русского языка. Автор ставит целью описать историю вхождения термина в лингвистический обиход, выявить возможные параллельные названия данной терминологической единицы, проследить эволюцию фонетического статуса дифтонга.

Появление номинации *дифтонг* датируется началом XV в. Термин впервые обнаруживается в грамматическом трактате *О письменех* Константина Костенецкого (Философа) и в дальнейшем используется при описании вокализма греческого языка в сочинениях Максима Грека, Ивана Федорова и др. В 1596 г. термин *дифтонг* встречается в *Грамматике словенской* у Лаврентия Зизания (Тустановского) в приложении к славянскому звуковому строю. На всем протяжении своего существования термин претерпел ассимилирующее воздействие русского языка, выразившееся в появлении целого ряда орфографических дублетов, различавшихся по написанию и постановке ударения.

Данный термин не являлся первым в ряду терминологических номинаций, обозначавших соответствующее фонетическое явление. Еще до его заимствования и ассимиляции русским языком грамматисты XIV в. пользовались как минимум двумя структурно-семантическими кальками греческого термина *δίφθογγον* (*δίφθογγος*) — *двогласная* и *двоесложная* (Храбр). Со временем номенклатура терминологических синонимов расширялась и происходило это в основном за счет появления орфографических дублетов. За всю историю наблюдения, описания и изучения дифтонгических буквосочетаний возникло не менее восьми их номинаций (*двогласная*, *двогласная*, *двоесложная*, *двосложная*, *двугласная*, *полгласие*, *сложная*, *сложенная*).

На протяжении своего существования понятие, обозначаемое термином *дифтонг*, по-разному трактовалось отечественными лингвистами. В число дифтонгов включались не только истинные дифтонги, описание которых строилось, как правило, на материале других языков, но и квазидифтонгические сочетания, набор которых варьировал у различных авторов. К концу XVIII в. семантика термина стала отражать реальную сущность этого фонетического явления, а число его многочисленных терминологических обозначений было сведено к трем — *дифтонг*, *двогласная* и *двугласная*.

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают грамматики русского языка, грамматические сочинения и словари, существовавшие в виде рукописей или опубликованные в России в период с XIV в. по XVIII в. Научно-теоретические источники сгруппированы в соответствии с хронологическим принципом: (1) источники, опубликованные в XIV—XVI вв. (грамматики и грамматические трактаты черноризца Храбра, Константина Костенецкого, Максима Грека, Ивана Федорова, Лаврентия Зизания); (2) источники, относящиеся к XVII в. (азбуковники, грамматики Памвы Берынды¹, Василия Бурцова-Протопопова, Милетия Смотрицкого, Ильи Копиевича и др.); (3) источники, увидевшие свет в XVIII в. (грамматики и грамматические сочинения Федора Максимова, Василия Тредиаковского, Василия Адогурова, Михаила Ломоносова, Мартин Шванвица, Василия Лебедева, Егора Булатницкого, Антона Барсова, Людвиг Ранцова, Николая Курганова, Мартына Соколовского, Стефана Вуяновского, Николая Бантыш-Каменского, Михаила Агентова, Жана Робера Пеплие, Ивана Соца, Ивана Переверзева, Василия Теплова, Иммануила Шеллера, Варлаама Лящевского, Семена Протасова, Петра Соколова, Иоганна Шалля, Бориса Филонова, Василия Светова, Франца Гёлтергофа, Андрея Байбакова, Федора Каржавина, Василия Кряжева, Василия Подшивалова, Ивана Фабиана).

Лексикографические источники представляют собой лексиконы и переводные словари, большая часть которых издана в XVIII в. Авторами обследованных словарей выступают Федор Поликарпов-Орлов, Антиох Кантемир, Николай Курганов, Иван Соц, Прохор Жданов, Иван Гейм, Иоганн Геснер, Николай Яновский.

В статье используются методы историографического, историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. Перечисленные виды анализа позволяют детально осветить историю заимствования и последующей ассимиляции термина, эволюцию его семантики, уточнить некоторые факты, связанные с первичным и последующими употреблениями исследуемой терминологической единицы и ее многочисленных синонимов в том или ином значении.

Дифтонг как термин и лингвистическое понятие: описание и эволюция

Описание дифтонгов в русских грамматических источниках в XIV—XVI вв.

Интересующее нас терминопотребление в указанный период относилось поначалу к звуковой системе греческого языка и, как правило, не затрагивало славянский вокализм. Первое употребление термина *дифтонг*

¹ Берында П. Леґиконъ Славенорѡсскій, и Именъ Тлъкованіе. Кутеин : Тип. Богоявленская, 1653.

зафиксировано в начале XV в. в *Грамматике о письменех* Константина Костенецкого (Философа) в форме жен. р. *днѣдѣѣ* применительно к греческому языку: «ѣдино съ писмены и силы, кромѣ антистихаа. и мнѣгаа сѣть тамо сѣце въ всѣхъ писменехъ. и на во соудѣдѣѣ, и друга ѡила и мнѣговѣразна» [1. С. 414]. Константин Философ перечисляет ряд греческих букв и буквосочетаний, некоторые из которых с учетом графического отображения, бесспорно, являются дифтонгами (*ei, oi*), прочие же представляют собой либо краткие или долгие гласные (*α, η* без подписной йоты), либо гласные, над которыми стоит трема, т. е. знак разделения (*ī, ū*). По поводу *α* Игнатий Ягич замечает, что здесь, вероятно, Константин допустил опisku, имея в виду дифтонг *vi* [1. С. 414].

В первой половине XVI в. термин встречается у Максима Грека (см. в *Описании славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры* иером. Арсения, № 201, Москва, 1878 г., I, с. 214). Ниже дается цитата из *Исследований по русскому языку* Ягича с сохранением орфографии текста: «Ѧще же к сѣмъ приложишь ѣще ѡдѣнъ склѣ лѣвъсъ, будѣ василѣвъсъ (βασιλεύς), ѣже ѣ црь. ѣще вѣждь, ꙗко и та гласовнаа совокупляема, другъ ко другу, творѣ склады. ꙗ. ѣже и дифтогги именуются. суть же сѣи двѣ. ...» [1. С. 598]. Полный перечень дифтонгов Максим Грек, именующий дифтонги «складами», как видим, не приводит. В написании термина явная ошибка, хотя ее, скорее, следует приписать не Ягичу, а наборщику типографского текста. Сама же цитата несмотря на указанный Ягичем источник в *Описании славянских рукописей* отсутствует.

В 1578 г. в *Азбуке* Ивана Федорова появляется синоним к термину *дифтонг* — *двоегласная*, который является структурно-семантической калькой греческого слова διφθογγον (διφθογγος): « [грѣцы] приложили сѹть двоѣгласныхъ, ѿи, ѡ възислѣхъ же три... » [2. С. 51—51 об.]. При описании системы гласных греческого языка Федоров указывает на наличие трех двоегласных (дифтонгов), но вслед за Максимом Греком называет при этом только один — ѿи.

В 1596 г. термин *дифтонг* в форме м. р. *Дѣфдо҃гъ* обнаруживается в *Грамматике словенской* у Лаврентия Зизания (Тустановского): «҃есоради Дѣфдо҃ги нарицаю҃са; Сегоради двогла҃наа пи́мена нарицаю҃са, понеже двѣ пи́мѣ гла҃сныхъ съвоку́пльшиа, съставляя҃т ѣдинò пи́мо» [3]. Из пояснений Зизания следует, что под дифтонгом он понимает сочетание двух гласных букв, которые представляют собой фонетическое единство, если оставить за скобками наших рассуждений свойственное грамматистам того времени неразличение звука и буквы. К «дифтонгам» он относит *ѡ, Ѣ, ю, я*.

Обращает на себя внимание, что Зизаний наряду с термином *дифтонг* пользуется параллельной номинацией *двогласная*, которая выступает в качестве орфографического дублета *двоегласной*. Авторство этого наименования принадлежит, однако, не Зизанию, поскольку ранее оно встречается в других источниках, например, в одном из списков староболгарского трактата *О писменехъ чрьноризца Храбра* (1348 г.), датировемых XV—XVI вв.: «ѡбѣрѣте.

и събра са ихъ, къ. по мнозѣхъ же лѣтѣхъ Дионисъ граматикъ, ѿ двогласныхъ ѡбрѣте. по томъ же друуги, ѿ. и друуги г. чисменитаа» [1. С. 299]. Впрочем, едва ли можно однозначно утверждать, что именно Храбр является автором этого термина.

Ссылаясь на Дионисия грамматика, который, как полагает Ягич, никаких «двухгласных» не изобретал [1. С. 318], Храбр говорит о шести греческих дифтонгах (*αι, αυ, οι, ευ, ει, ου*). В составе славянского вокализма он выявляет пять дифтонгов — оу, ю, ы, е (ю), а, которые именует термином *двоесложни* (в другом списке: *двѣслѡжнѣи*) [1. С. 636, 696].

Таким образом, в период с XIV в. по XVI в., термин *дифтонг*, заимствованный из греческого языка в русский и обозначающий двоезвучие, передаваемое на письме одной или двумя буквами, получил несколько синонимичных названий-калек: *двоесложная, двогласная, двоегласная*. Сама же заимствованная номинация выступала в трех орфографических вариантах, сохраняя ударение на первом слоге, свойственное языку заимствования.

Описание дифтонгов в русских грамматических источниках в XVII в.

Термин *дифтонг* продолжает применяться на протяжении всего XVII в. В начале описываемого периода он появляется в форме *дифѡтѡнг* в *Граматице по языку словенску*: «Ѧ дифѡтѡнгѡхъ. Колико ѿ дифѡтѡнгѡвъ. ѡдъ. у, ы, ю, ѡ. Чего рѡ дифѡтѡнгѡми нарицаются. ѡ понѣже двѣ смѣ (!) гласныхъ совокуплѣшиа, сего рѡди двогласнаѡ писмена нарицаются, понеже двѣ писмене гласны совокуплѣше составляютьъ единое писмо. ѡко, о. и ѡ. составляють, и. Тако, ь, ѡ, ѡ. составляють ѡры. Такоже, ѡ. и ѡ. совокуплѣше, составляють, ю. Такоже, ѡ. и ѡ. совокуплѣше составляють, ѡ.» [4. С. къ]. Незвестный автор *Граматики* почти дословно повторяет определение дифтонга, предложенное Зизанием несколькими годами ранее, предлагает фактически тот же набор буквосочетаний, сопровождая его комментариями, объясняющими образование дифтонгов, и копирует написание термина.

В XVII в. в рукописи *Грамматическое* также обнаруживается упоминание о дифтонгах: «Чѡ ѡсть дѡдѡнги. Ѡвѣ. Дѡа писмене ѡ единое речѣние сложены, тѡ ѡсть по ѡлински дѡдѡнга, ѡ по словѣнску двѡсложное, ѡкоже сѡ г да аз совокуплѣны сѡце ѡ нарицаются единымъ именем, ѡ. И паки ѡнъ да ѡ совокуплѣны глѡтся ѡ. ѡщеже, ѡръ ѡ, присовокуплѣны другѡе другѡму, нарицаются ѡры. и пакидѡа ѡ совокуплѣны, нарицаются иже. Конецъ дѡдѡнга» [1. С. 995]. Написание термина, как видим, представляет собой еще один орфографический дублет — *дѡдѡнга*, который в рукописи выступает в форме жен. р. Кроме того, незвестный автор пользуется терминологическим синонимом ср. р. *дѡсложное*, который встречается ранее в одном из списков грамматического трактата черноризца Храбра. Набор дифтонгов в целом соответствует номенклатуре Зизания.

В XVII в. дифтонги часто упоминаются в рукописях, которые традиционно относят к разряду азбуковников, имеющих однотипные названия.

Ниже приводятся цитаты из трех таких источников. *Книга, глаголемая гречески алфавит*: «двоесложное словце: азъ, да і, сложены вкупѣ сице «іа» нарицается «іѧ» и... то есть диффонги. Алф.¹, 63 об. XVII в.»²; *Книга глѣмаѧ алѡавитъ*: «Колико ѣсть дифѡтѡнѡвъ; чѣтыри. ѹ, ы, ю, іа. Чѣсѡ рѡди дифѡтѡнѡги нарицаѡтсѧ; Сѣго рѡди двогласнаѧ писмена нарицаѡтсѧ, понеже двѣ смѣ (!) гласныхъ совокупльшися, составляѡтъ єдиѡ писмѡ. іѧко о. и ѹ. совокупльшися, составляѡтъ ѡѹ. також ѣ и і. ы. и і и о, совокупльшися составляѡтъ ю., також і и ѧ составляѡтъ іѧ. Сіе преведѡ на русскій іѧзыкъ прѡво.» [1. С. 1009]; *Книга глѣмаѧ алѡавитъ*...: «Дифѡнѡги двѡласнаѧ, илѡ двѡсложнаѧ. В грамматичѣ же нѣкаѧ ѧзвучнаѧ писма, наричѣ дифѡнга, рекше двогласными, іѧже сѹтъ сѣѧ ѹ ы ю іа. Понѣже бо тѣ двѣ писмѣ совокуплены. составляѡтъ писмѡ єдинѡ, и тогѡ рѡди Писмѡ тѡ наричѣтсѧ дѡдѡнга» [5. С. 2—42 об.]. Искомый термин выступает здесь в орфографических вариантах с неустойчивой родовой принадлежностью: *дифѡтѡнѡг*, *дифѡнга*, *дифѡнга*, *дѡдѡнга*. Наряду с перечисленными номинациями продолжают встречаться и другие, которым также свойственны некоторые различия в написании: *двогласнаѧ*, *двѡласнаѧ*, *двѡсложнаѧ*, *двоесложнаѧ*. Эти различия в основном касаются использования титулов, а также юсов и заменяющих их гласных.

В число источников, относящихся к XVII в., кроме азбуковников, входят авторские грамматики и грамматические трактаты неизвестных авторов, в которых обнаруживается интересующая нас терминология. В частности, в *Грамматике словенскаго языка* («и приложили сѹтъ двоегласныхъ, ѧі. и въ числѣхъ же три...» [6. С. 49]) и в *Азбуке* Василия Бурцова-Протопопова («...и приложили сѹтъ двегласныхъ, ѧі, и въ числѣхъ же три») [7. С. 90]) практически дословно повторяется текст *Азбуки* Федорова, в котором говорится о греческих дифтонгах. В отличие от исходного текста, в котором используется в форме род. п. мн. ч., номинация с титулом *двоегла́ньхъ*³; в цитируемых источниках появляются орфографические варианты *двоегласныхъ* и *двигласныхъ*.

В 1638 г. в *Писменнице языка словенскаго* Милетия Смотрицкого читаем: «Чѣсѡ вываѣ и гласнѣ писменъ; двогласныѧ. Колико ѣсть двогласнѣ; шестъ [і] ѡѹ Ѹ іа ѧ ю ы [2б]» [8. Р. 2]; позднее у него же: «Двогласнаѧ писмена соѹтъ сѹгоѹба, свойственаѧ, и не свойственаѧ» [9. С. 47 об.]. В рамках первого деления сугубых, или двойных, гласных к «свойственным» Смотрицкий относит заимствованные из греческого языка дифтонги ѧі, єі, ѡі. Не употребляемыми в славянских языках, по его мнению, являются ѧѹ, єѹ, ѡѹ, а также дифтонги латинского происхождения іа, ѧ, іе. ю. К «свойственным» славянским дифтонгам относится только ы. «Не свойственными» он считает «двогласные» ѧй, єй, ѡй, ий, їй, ой, ѡй, ый, ѣй, ай, кй, жй, вй, ѡй. Второе деление «двогласных» Смотрицкий связывает с количественными характеристиками дифтонгов, классифицируя их на долгие, краткие и общие с учетом «стихотворной меры». Так, к долгим

² Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. IV (Г—Д). М.: Наука, 1977. С. 247

он относит *ав, еу, ѣ, а, ie, ий, ѣй, ы, вй, оу* или *Ѹ*, к кратким — *ей* и *ой*, к общим — *ю, у* (без *о*), *ай, ев, ив* и *вй*.

Термин *двогласная*, используемый составителями азбуковников и позднее Смотрицким, встречается в 1700 г. в *Latina grammatica* у Ильи Копиевича (Копиевского) применительно к латинскому языку: «[*Кákw рáдѣлajúтсѧ лите-ры.] На Самогласныя и́ двогласныя*]» [10]. Копиевич в дальнейшем никак не комментирует свои рассуждения, касающиеся дифтонгических сочетаний, и примеров не приводит.

Описание дифтонгов в русских грамматических источниках в XVIII в.

В описываемый период применение термина *дифтонг* оказывается более ограниченным по сравнению с XVII в. Фокус терминопотребления смещается в сторону исконной терминологии, в основу создания которой положены процессы структурно-семантического калькирования греческого этимона. Все зафиксированные нами случаи использования этой терминологической единицы хронологически восходят ко второй половине XVIII в. В частности, в *Кратких правилах Российской грамматики* Антона Барсова и др. читаем: «Двогласныя буквы обыкновенно называются въ Грамматикахъ другихъ языковъ дифтонгами съ Греческаго языка: убо *δις* на Греческомъ значить два, и *φτόυυος* голосъ» [11. С. 11]. Из приведенной цитаты невозможно сделать однозначный вывод о том, какова родовая принадлежность термина *дифтонг*, так как он используется составителями *Кратких правил* во множественном числе. Однако можно предположить, что мы имеем дело с формой жен. р., поскольку выше речь идет о «двогласной букве».

Второй случай терминопотребления отмечен в двуязычной *Новой Немецкой грамматике* Ивана Фабиана: «Двѣ вмѣстѣ выговоренныя гласныя буквы составляютъ двугласную или дифтонгу (*ein Doppellaut*)... Лучше называютъ ихъ по произношенію, т. е. не *аи*, но *ай* однимъ голо-сомъ» [12. С. 3]. Термин обладает четко выраженной родовой принадлежностью, которая, очевидно, определяется грамматическим родом слова «буква». При этом следует заметить, что в немецком языке, также, как и в русском, некоторое время параллельно существовали две различающиеся по роду формы термина — мужская и женская, отражающие двойкий род греческого этимона. Однако Фабиан в качестве переводного эквивалента приводит немецкий термин муж. р. *Doppellaut*, что исключает привязку лексемы *дифтонга* к заимствованному в немецкий язык греческому термину в какой бы то ни было родовой форме.

В 1769 г. термин *дифтонг* стал объектом лексикографической фиксации в *Словаре разноречном* Николая Курганова: «Дифтонгъ, пол-гласіе» [13. С. 391]. Некоторые исследователи датируют первое лексикографическое упоминание о дифтонге как о лингвистическом термине 1777 годом,

ссылаясь на *Письмовник* Курганова^{3,4}. На самом деле Курганов ввел его в словник своего разноязычного словаря, составленного как приложение к *Российской универсальной грамматике*, именно в 1769 г. Курганов приводит форму муж. р. и снабжает ее несколько неожиданным толкованием. Возможно, хотя весьма сомнительно, что причиной тому являются /ь/ и /ъ/, имевшие статус «полугласных букв» (ср: «**Полугласныя** буквы, так наз. въ граматикѣ буквы ъ, ѣ и ѥ, составляющія как бы половину гласныхъ»⁵; «**Полугласныя** буквы, ѣ и ѥ»⁶), однако, как считалось, они могли образовывать дифтонгические сочетания только вместе с другими звуками и во времена Курганова назывались безгласными. С другой стороны, предлагая *полгласіе*, Курганов мог подразумевать под этим неслоговую часть дифтонга (глайд), не обладающую способностью самостоятельно образовывать слог. Оба этих предположения остаются таковыми, поскольку в грамматике Курганова в главах, описывающих русский вокализм, нет вообще никакого упоминания о дифтонгах (единожды встречается без пояснений только термин *двугласная*, о котором речь пойдет ниже).

На стыке XVIII и XIX вв. термин *дифтонг* лексикографирован в *Новом словотолкователе* Николая Яновского: «ДИФТОНГА. Зри *Диѳонга*»⁷; там же: «ДИѲОНГА или Дифтонга, *Гр.* Двугласная; имя, коимъ называютъ двѣ гласныя буквы, соединенныя вмѣстѣ и составляющія одинъ слогъ на пр. ай, ей и проч.».

В приведенных выше цитатах наряду с заимствованной терминологической единицей встречаются своеязычные кальки *двоегласная* и *двугласная*.

Термин *двоегласная* используется авторами греческих, латинских, русских, немецких и английских грамматик на протяжении всего XVIII в. Ср.: в 1738 г. в «пространной» грамматике или «книге Ивана Сердюкова» Василия Адодурова: «Когда двѣ гласныя літеры соединяются въ одинъ голосъ то происходятъ отъ того двоегласныя, нѣкоторыя и нѣ изображаются у насъ одною літерою а нѣкоторыя двумя...» [14. С. 234]; в *Немецкой грамматике* Мартина Шванвица: «Когда двѣ разныя гласныя літеры выговариваются единоголасно, тогда называется то *двоегласное*...» [15. С. 7]; в латинской грамматике в переводе Василия Лебедева: «Изъ литеръ составляются слоги, изъ которыхъ тѣ, которые надлежатъ до одного слова, нераздѣльно ставить должно... Слоги

³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах. Т. I (А-Пантомима). М. : Русский язык, 1993. С. 256

⁴ Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах. Т. I (А-Начальство). М. : Флинта; Наука, 2010. С. 229

⁵ Толль Ф.Г. Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія : в 3 томах. Т. III (П-V). СПб. : Изд. Ф. Толля, 1864. С. 155

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4 томах. Т. III (П). СПб. : Изд. М.О. Вольфа, 1882. С. 250

⁷ Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. В 3 ч. Ч. I (А-І). СПб. : Имп. Академія Наукъ, 1803. Стб. 721—722.

состоять либо изъ одной простой Гласной литеры...; либо изъ Двоегласной литеры...; либо изъ одной которой нибудь сихъ литеръ съ соединеніемъ одной или многихъ Согласныхъ...» [16. С. 3—4]; там же в составе дефиниции лат. термина *elisio* как «фигуры просодической»: «*Elisio* есть, когда Гласная или Двоегласная при концѣ како́ва слова пожирается отъ слѣдующей Гласной или Двоегласной...» [16. С. 332]; в *Российской грамматике* Михаила Ломоносова: «Изъ самогласныхъ составляются *двоегласныя* и *троегласныя*. Двоегласныя раздѣляю на *явственныя* и *потаенныя*. Явственные дѣйствительно изображаются двумя самогласными, изъ которыхъ послѣдняя есть всегда краткое *Й*, съ предъидущею самогласною соединенное... Потаенныя двоегласныя состоятъ также изъ слитаго произношенія двухъ буквъ самогласныхъ; но въ одномъ начертаніи, и въ противномъ порядкѣ: ибо *Й* краткое напередѣ слышно и со слѣдующею самогласною сливается, которая полнымъ выговоромъ произносится. Оныя суть *Е, Ю, Я...*» [17. С. 44]; в *Новой Итальянской грамматике* Егора Булатницкого: «Сїи гласные литеры, когда двѣ или три въ другъ выговариваются, называются двоегласные...» [18. С. 2]; в *Кратких правилах французской грамматики*: «Двоегласными называются двѣ гласныя литеры, которыя въ произношеніи одного слога слитно выговариваются» [19. С. 5]; в *Готшедовой Немецкой грамматике*: «Когда двѣ гласныя буквы стоятъ вмѣстѣ, то оныя называются двоегласными [*Zwenlautende*], изъ которыхъ главныхъ тринадцать, то есть: *á, ô, û, aí* или *ay, éí* или *ey, óí* или *ou, ai, ei, ui, и ии*. Двоегласныя буквы *á, ô, û* называются мягкими или несвойственными, и иногда протяжно, а иногда кратко выговариваются...» [20. С. 3]; в *Грамматике Французской* Людвига Ранцова: «*De diphtongues*. О буквахъ двоегласныхъ» [21. С. 9]; в *Кратких правилах Российской грамматики* Антона Барсова: «Двоегласныя составляются изъ двухъ гласныхъ, коихъ находится 9» [22. С. 5]; в *Латинской грамматике* Николая Бантыш-Каменского: «Для избѣжанія сея погрешности должно знать, что *ae* и *oe* *diphthongum* (двоегласное) всегда пишется (1) въ началѣ слѣд. словъ...» [23. С. 2]; у него же: «Сложныя, или двоегласныя суть *тѣ*, кои изъ двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ составленныхъ буквъ дѣлаются» [23. С. 6]; в *Краткой Немецкой грамматике* Михаила Агентова: «Изъ оныхъ гласныхъ составляются *шестнадцать* двоегласныхъ, и суть слѣдующія: (*doppellaute*)...» [24. С. 3]; в *Кратких правилах Российской грамматики*: «Двоегласныя составляются изъ двухъ гласныхъ, коихъ находится 9. *ай, ей, ій, ой, уй, ый, ѣй, іой, яй*» [19. С. 14]; во *Французской грамматике* Жана Робера Пеплие в переводе Федора Сокольского: «...двоегласныя, коихъ двѣ или три буквы выговариваются однимъ голосомъ» [25. С. 2]; в *Иерусалемовом творении* в переводе Андрея Мейера: «...и в томъ доказательство можно опять почерпнуть изъ Греческаго языка, имѣющаго кромѣ многихъ, слуху противныхъ двоегласныхъ на *oi* и *ai* кончащихся то же стеченіе [с]толь многихъ согласныхъ, (сколь же жестко уже соединеніе двоегласнаго слова)...» [26. С. 34]; в *Кратких правилах Российской грамматики*:

«Двоегласныя буквы обыкновенно называются въ Грамматикахъ другихъ языковъ дифтонгами съ Греческаго языка: убо δις на Греческомъ значить два, и φθούρος голосъ» [11. С. 11]; ок. 1786/1788 гг. в *Российской грамматике* Антона Барсова: «Изъ гласныхъ составляются. а) Двоегласныя (когда двѣ гласныя такимъ образомъ выговариваются вдругъ, что обѣихъ ихъ голосъ вмѣстѣ слышенъ, каковыя происходятъ единственно изъ показаннаго предъ симъ приложенія *и́же краткаго* къ самогласной простой, или и къ изошренной, токмо когда она имѣетъ произношеніе растворенное т. е. когда предъ нею непосредственно стоитъ согласная буква» [27. С. 50]; во *Французской грамматике* Василия Теплова: «О гласныхъ и двоегласныхъ, также и о произношеніи оныхъ» [28. С. 2]; в *Латинском языкоучении* Иммануила Шеллера: «Двѣ гласныя вмѣстѣ произносимыя, называются *Diphthongus*, т. е. *двоегласная...*» [29. С. 2]; в *Кратких Правилах Российского правописания* Ивана Переверзева: «Двоегласныя раздѣляются на явственные и потаенныя» [30. С. 5]; в *Греческой грамматике* Варлаама Лящевского в переводе Василия Петрова: «Гласная сложная назыв[ается] та, которая слагается изъ двухъ гласныхъ, иначе назыв[ается] *двоегласною*. <...> Двоегласныя бываютъ двоякія *собственные* и *несобственные*. <...> *Собственныхъ* считается 9: *av, ei, ev, oi, ov, ηv, ωv, vi...* *Несобственныхъ* считается 3: *α, η, φ*. А несобственными назыв[аются] онѣ по тому, что не имѣютъ никакой гласной съ боку, такъ какъ двоегласныя собственные, но только *iota* подписанное» [31. С. 5]; в *Греческой грамматике* Семена Протасова: «Гласная сложенная или *двоегласная* есть та, которая будучи составлена изъ двухъ гласныхъ простыхъ, выговаривается однимъ складомъ» [32. С. 11]; в *Новой Немецкой грамматике* Иоганна Шалля: «Изъ гласныхъ буквъ составляются одиннадцать двоегласныхъ, то есть, такихъ которые въ себѣ имѣютъ сложной голосъ двухъ различныхъ гласныхъ буквъ. онѣ суть слѣдующіе и произносятся слѣдующимъ образомъ: Ae или *ä* произносится въ половину буквы a и въ половину буквы e или какъ руссiйское Ё въ словѣ слѣдую, напр. *Väter*, фѣтеръ, и проч.» [33. С. 7]; в *Краткой грамматике Греческого языка* Бориса Филонова: «Изъ сложенія двухъ гласныхъ происходятъ *двоегласныя собственные... Несобственные...*» [34. С. 1]; в значении «аффриката» в *Кратких правилах ко изучению языка Россiйскаго* Василия Светова: «Но по сему правилу надлежало бы также *ц* и *ч* за излишнія въ Росс. алфавитѣ почитать письмена; ибо *вм. ц* служить можетъ *дс* или *тс*; *вм. ч* *ти* и проч. Однако общее употребленіе двоегласныхъ сихъ въ единомъ начертаніи буквъ и различіе во правописаніи дѣлаютъ ихъ всѣхъ необходимо нужными...» [35. С. 12]; у него же: «Самогласныя раздѣляются <...> 2) на *двоегласныя*, коихъ числится девять...» [35. С. 13]; в *Немецкой грамматике* Франца Гёлтергофа: «Изъ оныхъ гласныхъ составляются шестнадцать двоегласныхъ, и суть слѣдующія, какъ: *aa, ä, ai, au, av, ee, ei, eu, ev, ie, ö, oi, oo, ou, ü, uu*» [36. С. 2]; у него же: «*Äe*, какъ: *Väter*, фетеръ, отцы; она произносится въ половину буквы a, и въ половину

буквы е» [36. С. 3]; в *Вожасе* Федора Каржавина: «Примѣчать надлежитъ что я, ѣ, ѳо, ю, суть здѣсь не потаенныя двоегласныя, но явственныя и чистыя самогласныя буквы...» [37. С. 65]; в *Грамматике славено-российскаго языка* Андрея Байбакова: «Звательцо ['] полагается въ началѣ реченій съ гласной или двоегласной начинающихся» [38. С. 9]; в *Аглинской грамматике* Василия Кряжева: «О произношеніи двоегласныхъ» [39. С. 12]; в *Сокращенном курсе Россійскаго слога* Василия Подшивалова: «Ю и я почитаются отъ нѣкоторыхъ за двоегласныя» [40. С. 47].

Общими характеристиками *двоегласных* этого периода являются следующие: 1) они составляют «один голос» или «полный выговор», иначе говоря, произносятся «единогласно», т. е. как одна, хотя и сложная, гласная (Адодуров, Шванвиц, Ломоносов, Булатницкий, *Краткие правила французской грамматики*, Ранцов, Агентов, Пеплие, Барсов, Теплов, Шеллер, Лящевский, Шалль, Гёлтергоф, Кряжев); 2) они передаются на письме одной или двумя буквами (Адодуров, Шванвиц, Ломоносов, *Краткие правила французской грамматики*, Готшедова *Немецкая грамматика*, Ранцов, Барсов, Бантыш-Каменский, Агентов, *Краткие правила Россійской грамматики*, Пеплие, *Иерусалемово творение*, Теплов, Шеллер, Переверзев, Лящевский, Протасов, Шалль, Филонов, Светов, Гёлтергоф, Каржавин, Байбаков, Кряжев, Подшивалов); 3) они образуют один слог (Лебедев, *Краткие правила французской грамматики*, Ранцов, Бантыш-Каменский, Переверзев, Протасов).

Перечисленные выше характеристики нуждаются в некоторых комментариях.

1. Сложный или комплексный характер произнесения *двоегласных* может трактоваться двояко. С одной стороны, он свидетельствует о неделимости звука, относящегося к данному разряду, с другой — о «половинном» произнесении каждой из частей, составляющих такой звук. Обе так называемые «половины» образовывали дифтонг или квазидифтонгическое сочетание. К примеру, в немецких грамматиках, составленных для русских читателей, относимые к *двоегласным* умлауты часто сопровождались именно таким пояснением.

2. Графическая репрезентация *двоегласных* обыкновенно предполагала написание двух стоящих рядом букв, иногда вне зависимости от того, были ли они гласными или согласными. По этой причине к разряду *двоегласных* могли быть отнесены не только дифтонги (в понимании грамматистов XVIII в.), но и уже упомянутые умлауты, которые передавались на письме с помощью надписного *e* (*ä, ö, ü*), и удвоенные гласные (*aa, ee, oo* и т. п.). Под *двоегласными*, которые передавались на письме с помощью одной гласной буквы, подразумевались йотированные гласные *e, ю, я*, в том числе с учетом их позиции в слове и звукового окружения, называвшиеся «потаенными» (с начальным призвуком /j/) или «несобственными» (греческие гласные с *i subscriptum*). Широкая трактовка понятия «*двоегласный*» допускала

отнесение к данному разряду диграфов (см. напр, у Кряжева применительно к системе английских гласных), латинских лигатур *ae* (æ) и *oe* (œ) и даже русских аффрикат (*ц* = *дс/тс*; *ч* = *тш*).

3. Способность дифтонгов образовывать один слог прямо вытекает из восприятия дифтонга как звука сложного, но при этом не разложимого в составе слова на составные элементы, а значит, и на слоги. Эта особенность, присущая дифтонгу, не выявляется однозначно грамматистами, признававшими слитную звуковую реализацию ядра и призвука, но имплицитно она включается в эту характеристику.

Анализ контекстов, содержащих прилагательное *двоегласный*, включая его субстантивированную форму, показывает, что в подавляющем большинстве случаев грамматисты используют форму жен. р., соотносимую с существительными «буква» или «литера». Форма ср. р. (*двоегласное*) встречается только у Шванвица и Бантыш-Каменского. У последнего такое словоупотребление связывается с искусственной латинской формой «*diphthongum*».

Термин *двоегласная* лексикографирован не как отдельная единица специальной номинации, но как элемент в составе терминосочетания *двоегласная буква* в *Новом словаре Английском и Российском* Прохора Жданова: «*f. Diphthong (gram.) Двоегласная буква*»⁸ и в *Новом Лексиконе* Ивана Соца: «*Diphthongue, f, <...> ein Doppellauter, diphthongus, двоегласная, двугласная буква*»⁹. Как существительное он появляется в *Словаре Немецко-Российском* Ивана Гейма: «*der Doppellaut двоегласный*»¹⁰ и как прилагательное в *Полном Латинском Лексиконе* Иоганна Геснера: «*Diphthongus, a, um, двоегласный. Isidor.*»¹¹.

На этом этапе исследования выявляются также две номинации, параллельные терминам *двоегласная* и *дифтонг* — *сложенная* (Протасов) и *сложная* (Лящевский, Бантыш-Каменский).

В XVIII в. в лингвистическом дискурсе фиксируются еще два термина, представляющие собой орфографические варианты *двоегласной* — *двогласная* и *двугласная*.

Двогласная как термин сохраняется в употреблении практически только в первой половине века и выступает в формах ср. и муж. р. Форма ср. р. обнаруживает привязку к существительному *писмя* (т. е. буква) как в составе словосочетания, так и будучи субстантивированной. Форма муж. р. встречается единожды в словарной форме прилагательного.

⁸ Жданов П.И. Новой словарь Англиской и Россійской. СПб. : При морскомъ Корпусѣ, 1784. С. 69 об.

⁹ Соц И. Новый Лексиконъ или Словарь на Французскомъ, Италіанскомъ, Нѣмецкомъ, Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ. Ч. I (А — F). М. : Въ тип. Н. Новикова, 1784. С. 363

¹⁰ Гейм И. Словарь Нѣмецко-Россійскій и Россійско-Нѣмецкій. Ч. I. Рига : I.Ф. Гарткнох, 1795. Стб. 241.

¹¹ Геснер И.М. Полной Латинской Геснеровъ Лексиконъ. Ч. III. М. : Въ тип. Ридигера и Клаудія, 1798. Стл. 101.

Так, искомый термин встречается в *Грамматике славенской* Федора Максимова: «...гласнаа [раздѣляются] на самогласнаа и припражногласнаа. изъ, гласныхъ оубв бывають двогласнаа» [41. С. 1]; в 1735 г. в *Новом и кратком способе к сложенію российских стихов* у Василия Тредиаковского: «Чрез слог: двух, или многих согласных писмен, с каковым-нибудь гласным или двогласным сложенных; или одного гласного или двогласного одним и тем же временем, без всякого разделения, уст с языком движение» [42. С. 367]; у него же в 1748 г. в *Разговоре между чужестранным человеком и Российским...* с отсылкой к Смотрицкому: «“Ѡ нѣсть писма, нѣже двогласное, но слогъ, “тѣмже буквамъ са два сочислімо есть» [43. С. 135]; в *Немецкой грамматике* сербского ученого Стефана Вуяновского: «Двогласнаа суть, таже двѣма гласными состоятъ; находятса же ихъ въ нѣмецкомъ языкѣ три; такъ: а (ae), ѳ (we), и (yi)» [44. С. 4].

Термин *двогласная* дважды становится объектом лексикографической фиксации: в 1704 г. в ср. р. как элемент метаязыкового описания в *Лексиконе трехязычном* Федора Поликарпова-Орлова: «Ю” писма двогласное...»¹² и ок. 1744 г. в муж. р. как отдельное прилагательное в *Русско-Французском словаре* Антиоха Кантемира: «Двогласны Adj. à deux voix. § (En terme de Grammaire) Diphthongue»¹³.

Если после 1748 г. *двогласная* фактически переходит в число устаревших слов, то его орфографический дублет *двугласная* продолжает широко употребляться до конца XVIII в., выступая исключительно в форме жен. или муж. р. либо как прилагательное к словам «буква», «слог» (Каржавин; ср.: «склады» у Максима Грека), либо как субстантивированная часть речи. Ср.: в 1739 г. в *Письме о правилах российского стихотворства* Ломоносова: «Того ради совсѣмъ худо и свойству Славенскаго языка, которой съ нынѣшнимъ нашимъ много разнится, противно учинилъ Смотрицкій, когда онъ е, о, за короткія, а, і, ѵ, за общія; и, ѳ, ѵ, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ» [45. С. 538]; у него же в 1757 г. в *Материалах к Российской грамматике*: «Двугласная раздѣлить на подлинныя и мнимыя, подлин. *ai* нѣм. и *ei*, франц. *oi*, *toi*; мнимыя *ai*, *ai*, аглинское *i* какъ *ей*» [46. С. 690]; в 1748 г. в *Разговоре между чужестранным человеком и Российским...* Тредиаковского: «Всѣ наші двугласныя въ сложеніи своемъ имѣють отъ лѣвыя руки букву (i) а потѣмъ уже (a), ілі (e), іпроч. но у грековъ буква (i) прилагается въ двугласныхъ отъ правыя руки, какъ наприѣръ (ai) (ei) (oi) іпрочая» [43. С. 11]; у него же: «Грамматисты обыкновенно называютъ... тѣ буквы... ДВУГЛАСНЫМИ, ²⁾ которые [сначала] сложный [нашъ звонъ]. ²⁾ διφθοῡροι diphthongi» [43. С. 12]; у него же в 1755 г. в трактате *О древнем, среднем, и новом Стихотворении Российском*: «Сему

¹² Поликарпов-Орлов Ф.П. Лезіконъ трезычннй. М. : Въ царской тѣп., 1704. С. 166 обл.

¹³ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира : в 2 томах. Т. I (А-О) / Вступит. ст. и публ. Е.Э. Бабаевой. М. : Азбуковник; ЯСК, 2004. С. 256

примѣру Смотритскій послѣдую, здѣлать наши гласные и двугласные літеры, иные съ природы долгими, иные краткими, а иные общими...» [47. С. 768]; у него же: «Притомъ, нѣтъ никакова раздѣленія страннаго Літерамъ, кромѣ обыкновеннаго на гласные, двугласные, и согласные» [47. С. 786]; в *Грамматике* Целлария в переводе Барсова: «Двугласная дѣлаетъ слогъ долгой...» [48. С. 146]; в *Российской универсальной грамматике* Курганова: «3. Русскія слова состоятъ. <...> 3) изъ одной самогласной и двугласной: И, У, Я, О, Ей, Ау» [13. С. 94]; в *Сокращенной Французской грамматике* Мартына Соколовского: «Когда двѣ, три или четыре гласныхъ стоятъ вмѣстѣ, а дѣлаютъ произношеніе только одно; то ихъ называютъ двугласною» [49. С. 6—7]; в *Краткой Немецкой грамматике* Агентова: «Dyphthongi, die Doppel-laute, двугласныя» [24]; в *Кратких Правилах Российской правописания* Переверзева: «Явственныя [двугласныя] суть, когда краткое й: стоит послѣ какой нибудь самогласной въ одинъ слогъ: напр: ай, ей, ій, ой, уй, и пр. Двугласныя потаенныя бываютъ изъ буквъ Е, Ю, Я, когда не стоитъ предъ ними припряженная имъ согласная буква. На пр: *единъ*...» [30. С. 5—6]; в *Латинском языкоучении* Шеллера: «Двугласная дѣлаетъ слогъ долгій...» [29. С. 308] (Шеллер 1787: 308); в *Новой Немецкой грамматике* Шалля: «...тоже и послѣ [, m, n, g и между двугласными, гдѣ она раздѣленная [st] на два склада произносится» [33. С. 10]; в *Новой Французской грамматике* Соца: «Имена существительныя общія, кончащіяся на двугласныя буквы *ai, au, ei, eu, oi, ou* просто, или такожь и съ послѣдующею за ними буквою согласною» [50. С. 14]; в 1788 г. и позднее в *Начальных основаниях Российской грамматики* Петра Соколова: «Изъ сихъ самогласныхъ буквъ дѣлаются *Двугласныя*, которые изображаются двумя *самогласными* буквами, изъ коихъ послѣдняя всегда бываетъ *Й* кратко произносимое, но одинъ только голосъ производить» [51. С. 5]; в *Вожаске* Каржавина: «Французы считаютъ *oi* однимъ двугласнымъ слогомъ въ словахъ *toi-si, em-ploi*...» [37. С. 88].

Двугласная встречается как элемент метаязыкового описания в 1784 г. в *Новом Лексиконе* Соца (см. выше).

В заключение нельзя не упомянуть об особом случае лексикографической фиксации латинского термина «diphthongus» в одном из двуязычных переводных словарей того времени. В опубликованном в 1797 г. *Латинском Лексиконе* Фомы Розанова находим: «**Diphthongus*, i, f. Соединеніе двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ»¹⁴. Несмотря на то, что языком перевода в лексиконе выступает русский, составитель не приводит варианта перевода к латинскому слову, ограничиваясь только толкованием последнего. Однако в этом толковании отражены основные признаки дифтонга как комплексной звуковой единицы.

Полученные в ходе исследования данные в целях наглядности целесообразно обобщить в табличной форме.

¹⁴ Латинскій Лексиконъ съ Россійскимъ переводомъ. М., 1797. Стб. 505.

Таблица.
**Частотность терминов, обозначающих дифтонги и дифтонгические сочетания
в период с XIV в. по XVIII в. / Frequency of terms for diphthongs and diphthongal sound-
combinations between the 14th and 18th centuries)**

Грамматисты	Номинации								
	дифтонг	двоегласная	двогласная	двоесложная	двосложная	двугласная	полгласие	сложная	сложенная
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
XIV—XV вв.									
Черноризец Храбр (1348 г. — нач. XV в.)			•	•					
Константин Костенецкий (нач. XV в.)	•								
XVI в.									
Максим Грек (первая пол. XVI в.)	•								
Иван Федоров (1578)		•							
Лаврентий Зизаний (1596)	•		•						
XVII в.									
Грамматика словенского языка (1621)		•							
Грамматика по языку словенску (1622)	•		•						
Василий Бурцов-Протопопов (1637)		•							
Милетий Смотрицкий (1638)			•						
Памва Берында (1653)	○		○						
Грамматичесство (XVII в.)	•				•				
Книга, глаголемая гречески алфавит (XVII в.)	•		•	•					
Книга глѣмаѣ алфавит (XVII в.)	•		•						
Книга глаголемая Алфавит (XVII в.)	•		•		•				
Илья Копиевич (1700)			•						
XVIII в.									
Федор Поликарпов-Орлов (1704)			○						
Федор Максимов (1723)			•						
Василий Тредиаковский (1735)			•						
Василий Адодуров (1738)		•							
Михаил Ломоносов (1739)						•			
Антиох Кантемир (1744)			○						
Мартин Шванвиц (1745)		•							
Василий Лебедев (1746)		•							
Василий Тредиаковский (1748)						•			
Василий Тредиаковский (1755)						•			
Михаил Ломоносов (1755)		•							
Михаил Ломоносов (1757)						•			
Егор Булатницкий (1759)		•							
Краткие правила франц. грамматики (1761)		•							
Антон Барсов (1762)						•			
Готшедова Немецкая грамматика (1769)		•							
Людвиг Ранцов (1769)		•							
Николай Курганов (1769)	○					•	○		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мартын Соколовский (1770)						•			
Стефан Вуяновский (1772)			•						
Антон Барсов (1773)		•							
Николай Бантыш-Каменский (1779)		•						•	
Михаил Агентов (1779)		•				•			
<i>Краткие правила Рос. грамматики</i> (1780)		•							
Жан Робер Пеплие (1780)		•							
<i>Иерусалемово творение</i> (1783)		•							
Антон Барсов (1784)	•	•							
Иван Соц (1784)		○				○			
Прохор Жданов (1784)		○							
Иван Переверзев (1787)		•				•			
Василий Теплов (1787)		•							
Иммануил Шеллер (1787)		•				•			
Варлаам Лящевский (1788)		•						•	
Семен Протасов (1788)		•							•
Петр Соколов (1788)						•			
Иоганн Шалль (1789)		•				•			
Борис Филонов (1789)		•							
Василий Светов (1790)		•							
Иван Соц (1790)						•			
Франц Гёлтергоф (1791)		•							
Андрей Байбаков (1794)		•							
Федор Каржавин (1794)		•				•			
Василий Кряжев (1795)		•							
Иван Гейм (1795)		○							
Василий Подшивалов (1796)		•							
Иоганн Геснер (1798)		○							
Иван Фабиан (1799)	•					•			
Николай Яновский (1803)	○					○			
Частотность	13	35	13	2	2	17	1	2	1

Источник: составлено А.В. Ивановым / Source: compiled by Andrey V. Ivanov

Комментарии к таблице. В целях экономии места все номинации, синонимичные термину *дифтонг*, даны в форме жен. р. ед. ч. безотносительно к их фактической родовой принадлежности, выявляемой в ходе работы с источниками. Не учитывались также специфические особенности их написания.

Значком ○ в таблице обозначены лексикографические источники.

Сопоставительный анализ данных таблицы позволяет прийти к следующему заключению.

1. Наиболее распространенным номинациями в период с XIV в. по XVIII в. выступают (в порядке убывания) такие терминологические обозначения, как *двоегласная*, *двугласная*, *дифтонг* и *двогласная*.
2. В XV—XVI вв. в силу очевидного влияния греческой традиции наиболее употребительным термином, обозначающим дифтонгические сочетания, являлся *дифтонг*.

3. В XVII в. термин *дифтонг* демонстрирует равную частотность по сравнению с номинацией *двогласная*, которая сравнительно редко встречается в более ранних источниках.
4. В XVIII в. количество случаев использования термина *дифтонг* резко снижается (в первой половине периода данное терминопотребление не зафиксировано), и в качестве основной номинации выступает структурно-семантическая калька *двогласная*. Примерно в два раза меньшую частотность по сравнению с *двогласной* показывает терминологическая калька *двугласная*. Все прочие номинации обнаруживаются в единичных случаях или эпизодически и фактически могут рассматриваться на уровне статистической погрешности.

Заключение

1. Термин *дифтонг* вошел в лингвистический обиход в начале XV в., будучи упомянут применительно к греческому языку Константином Костенецким (Философом) в грамматическом трактате *О письменех*. Постепенно представление о греческих дифтонгах распространилось сначала на сходные в структурном отношении звуко сочетания славянского, а затем и русского языка с закреплением в русской лексике греческого термина в различных написаниях, свидетельствующих о частичной ассимилированности данного заимствования. О полной ассимиляции термина можно говорить начиная с 1784 г., когда в современном написании он встречается в *Кратких правилах Российской грамматики* Антона Барсова. В 1769 г. термин стал объектом лексикографической фиксации в *Словаре разномыслии* Николая Курганова. С учетом полученных данных недостаточно обоснованным представляется утверждение авторов некоторых этимологических словарей, что *дифтонг* как лингвистический термин известен в русском языке с последней четверти XVIII в.
2. В XIV—XVIII вв. понятие, обозначаемое термином *дифтонг*, получило восемь обозначений, синонимичных основной терминологической номинации: *двогласная*, *двогласная*, *двогласная*, *двогласная*, *двугласная*, *полгласие*, *сложная*, *сложная*. Большая часть перечисленных номинаций представляет собой структурно-семантические кальки греческого этимона и отражает комплексный характер звуковой репрезентации дифтонга.
3. Наибольшую распространенность в описываемый период получило терминологическое обозначение *двогласная*, которое в XVIII в. выступило в качестве самой употребительной номинации и потеснило как основной термин, так и собственный орфографический дублет *двугласная*. Две эти номинации впервые были лексикографированы в 1784 г. в *Новом Лексиконе* Ивана Соца. Все случаи лексикографической фиксации исследуемой терминологии отмечены в словарях переводного типа.

4. На протяжении всего периода существования выявленных в ходе исследования номинаций с учетом расширения знаний языковедов о звуковом строе языка наблюдается процесс постепенной конкретизации значения соответствующих терминологических единиц. Из числа дифтонгов исчезают йотированные гласные, переосмысливается природа отдельных звуков, традиционно относимых к разряду гласных, дифтонг как сложная фонетическая единица со временем начинает трактоваться как совокупность двух гласных в составе одного слога.

Библиографический список

1. Ягич И.В. Исслѣдованія по русскому языку. Т. I. Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. СПб. : Имп. Академія Наукъ, 1895.
2. Федоров И. Азбука. Острог : И. Федоров, 1578.
3. Зизаний Л.И. Грамматика словенска. Вильно : Въ друкаръни Братской, 1596.
4. Грамматика по языку словенску // Сборник грамматический. XVII в. Из собрания Тихонравова (№ 336). Отдел рукописей РГБ. 1622. Лл. 1–23.
5. Книга глѣмаѣ аловать — Отдел рукописей РГБ. Фонд № 173.III. Ед. хр. № 118.1 (кон. XVII — нач. XVIII вв.).
6. Грамматика. Вильно : Тип. Л.К. Мамонича, 1621.
7. Бурцов-Протопопов В.Ф. Азбука. М. : № 130. По катал. Ар [хиепископа] Ан [тония] № 885, № 274, Ус. 2, Вл. 130, 1637.
8. Horbatsch Olexa. Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho. Kremjaneč, 1638. München : Kubon & Sagner, 1977.
9. Смотрницкий М. Грамматикі славенскія правильное свнтагма. М., 1648.
10. Kopiewitz Elas F. Latina grammatica. Amstelodami, 1700.
11. Барсов А.А. и др. Краткія правила Россійской грамматики. М. : Въ тип. Н. Новикова, 1784.
12. Фабиан И. Новая Нѣмецкая грамматика. М. : Въ тип. Ридигера и Клаудія, 1799.
13. Курганов Н.Г. Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. СПб. : При морскомъ Корпусѣ, 1769.
14. Адоуров В.Е. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб. : Наука; Нестор-История, 2014.
15. Шванвиц М. Нѣмецкая грамматика. СПб. : Имп. Академія наукъ, 1745.
16. Сокращеніе грамматики латинской. СПб. : Имп. Академія наукъ, 1746.
17. Ломоносов М.В. Россійская Грамматика. СПб. : Имп. Академія наукъ, 1755.
18. Булатницкий Е. Новая Италіанская грамматика. М. : При Имп. Московскомъ университетѣ, 1759.
19. Краткія Правила Россійской Грамматики. М. : Въ тип. Н. Новикова, 1780.
20. Готшедова Нѣмецкая грамматика. СПб. : При морскомъ Корпусѣ, 1769.
21. Ранцов Л. Грамматика Французская съ Россійскимъ переводомъ. М. : При Имп. Московскомъ университетѣ, 1769.
22. Барсов А.А. Краткія правила Россійской грамматики. М. : При Имп. Московскомъ университетѣ, 1773.
23. Бантыш-Каменский Н.Н. Латинская Грамматика. М. : Въ тип. Имп. Московскаго университета, 1779.
24. Агентов М.И. Краткая Нѣмецкая грамматика. М. : Въ Университетской тип., 1779.
25. Пеплие Ж.Р. Французская грамматика. М. : Въ тип. Н. Новикова, 1780.
26. Иерузалимово твореніе о Нѣмецкомъ языкѣ и учености. СПб. : Въ тип. И.К. Шнора, 1783.

27. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М. : МГУ, 1981.
28. *Теплов В.Е.* Французская грамматика. СПб. : Имп. Академія Наукъ, 1787.
29. *Шеллер И.И.Г.* Сокращенное Латинское языкоученіе или Грамматика новѣйшая. М. : Въ тип. Н. Новикова, 1787.
30. *Переверзев И.А.* Краткія Правила Россійскаго правописанія. М. : Въ тип. Компаніи Типографической, 1787.
31. *Ляцевский В.* Греческая Грамматика. СПб. : Имп. Академія Наукъ, 1788.
32. *Протасов С.* Греческая грамматика. М. : Въ тип. Пономарева, 1788.
33. *Шаль И.Э.Ф.* Новая Нѣмецкая грамматика. СПб. : При Имп. Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1789.
34. *Филонов Б.В.* Краткая грамматика древняго Греческаго языка. СПб. : Въ Имп. тип., 1789.
35. *Светов В.П.* Краткія правила ко изученію языка Россійскаго. СПб., 1790.
36. *Гѣлтергоф Ф.* Нѣмецкая грамматика. М. : Въ тип. В. Огорокова, 1791.
37. *Каржавин Ф.В.* Вожакъ, показывающій путь къ лучшему выговору буквъ и рѣченій Французскихъ. СПб. : Въ тип. И.К. Шнора, 1794.
38. *Байбаков А.Д.* Грамматика руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка. Киев : Въ тип. Кіевопечерскія лавры, 1794.
39. *Кряжев В.С.* Аглинская грамматика. М. : Въ тип. Ридигера и Клаудія, 1795.
40. *Подшивалов В.С.* Сокращенный курсъ Россійскаго слога. М. : Въ тип. Ридигера и Клаудія, 1796.
41. *Максимов Ф.* Грамматика славенская. СПб., 1723.
42. *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложенію российских стихов с определеньями до сего надлежащих званий // Избранные произведения. М.; Л. : Советский писатель, 1963. С. 365–420.
43. *Тредиаковский В.К.* Разговоръ между чужестраннымъ челоѡкомъ и Россійскимъ // Сочиненія Тредьяковскаго : в 3 томах.Т. 3. СПб. : Изд. А. Смирдина, 1849.
44. *Вуяновский С.* Нѣмецкаа Грамматика. Віенна : При Івсифѣ Курцьбекѣ, 1772.
45. *Ломоносов М.В.* Письмо о правилахъ Россійскаго Стихотворства // Сочиненія Ломоносова : в 3 томах.Т. 1. СПб. : Изд. А. Смирдина, 1847. С. 536–548.
46. *Ломоносов М.В.* Материалы к Россійской грамматике // ПСС : в 11 томах.Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л. : АН СССР, 1952. С. 595–760.
47. *Тредиаковский В.К.* О древнемъ, среднемъ, и новомъ Стіхотвореніи Россійскомъ // Сочиненія Тредьяковскаго : в 3 томах.Т. 1. СПб. : Изд. А. Смирдина, 1849. С. 756–796
48. Краткая Латинская Грамматика. М. : Въ Университетской тип., 1762.
49. *Соколовский М.Н.* Сокращенная Французская грамматика. М. : При Имп. Московскомъ университетѣ, 1770.
50. *Соц И.В.* Новая Французская грамматика. М. : Въ тип. В. Огорокова, 1790
51. *Соколов П.И.* Начальныя основанія Россійскія грамматики. СПб. : Имп. Академія Наукъ, 1797.

References

1. Yagich, Ignatii V. (1895). *Izsledovaniya po russkomu yazyku*. T.I. Razsuzhdeniya yuzhnoslavyanskoi i russkoi stariny o tserkovno-slavyanskom yazyke (Studies on Russian language. Vol. 1. Speculations on Church Slavonic from old South Slavonic and Russian manuscripts). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In Russ.).
2. Fedorov, Ivan. (1578). *Azbuka* (Alphabet). Ostrog: I. Fedorov. (In Russ.).
3. Zizanii, Lavrentii I. (1596). *Grammatika slovenska* (Slavonic Grammar). Vil'no: V drukarni Bratskoi. (In Russ.).
4. *Gramatika po yazyku slovensku* (Grammar on Slavonic language) (1622). In: *Sbornik grammaticheskii. XVII v.* Iz sobraniya Tikhonravova (№ 336). Otdel rukopisei RGB. Ll. 1–23

- (Grammar collected papers. 17th c. From the collection of Tikhonravov (No. 336). Manuscripts department, Russian State Library of Russia. 1622. Sheets 1–23. (In Russ.).
5. *Kniga glagolemaya alfavit* (The Book called Alphabet) Otdel rukopisei RGB. Fond No. 173. III. Ed. khr. № 118.1 (kon. 17 — nach. 18 vv.). (In Russ.).
 6. *Grammatika* (Grammar) (1621). Vil'no: Tip. L.K. Mamonicha. (In Russ.).
 7. Burtsov-Protopopov, Vasilii F. (1637). *Azbuka* (Alphabet). Moscow: No. 130. Po katal. Ar [khiepiskopa] An [toniya] No. 885, No. 274, Us. 2, Vl. 130. (In Russ.).
 8. Horbatsch, Olexa. (1977). *Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho*. Kremjaneč, 1638. München: Kubon & Sagner. (In German).
 9. Smotritskii, Miletii. (1648). *Grammatiki slavenskiya pravilnoe svntagma* (Slavonic grammar). Moscow. (In Russ.).
 10. *Kopiewitz, Elias F.* 1700. *Latina grammatica*. Amstelodami: e typogr. auctoris. (In Latin).
 11. Barsov, Anton A., et al. (1784). *Kratkiya pravila Rossiiskoi grammatiki* (Short rules of Russian grammar). Moscow: V tip. N. Novikova. (In Russ.).].
 12. Fabian, Ivan. (1799). *Novaya Nemetskaya grammatika* (A new German grammar). Moscow: V tip. Ridigera i Klaudiya. (In German and Russ.).
 13. Kurganov, Nikolai G. (1769). *Rossiiskaya universal'naya grammatika, ili Vseobshchee pismoslovie* (Russian universal grammar, or universal writing). Saint Petersburg: Pri morskome Korpuse. (In Russ.).
 14. Adodurov, Vasilii E. (2014). “*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*” ili “*Pervye osnovaniya rossiiskogo yazyka*” (“Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” or “The First Foundations of the Russian Language”). Saint-Petersburg: Nauka; Nestor-Istoriya. (In German and Russ.).
 15. Schwanwitz, Martin. (1745). *Nemetskaya grammatika* (German grammar). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In German and Russ.).].
 16. *Sokrashchenie grammatiki latinskoi* (The abridged grammar of Latin) (1746). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In Latin and Russ.).
 17. Lomonosov, M.V. (1755). *Rossiiskaya Grammatika* (Russian grammar). Saint Petersburg: Imp. Akademiya nauk. (In Russ.).
 18. Bulatnitskii, Egor (1759). *Novaya Italianskaya grammatika* (New Italian Grammar). Moscow: Pri Imp. Moskovskom universitete. (In Italian and Russ.).
 19. *Kratkiya Právila Rossiiskoi Grammatiki* (Brief Rules of Russian Grammar) (1780). Moscow: V tip. N. Novikova. (In Russ.).
 20. *Gotshedova Nemetskaya grammatika* (Gottsched's German Grammar) (1769). Saint Petersburg: Pri morskome Korpuse. (In German and Russ.).
 21. Rantzow, Ludwig. (1769). *Grammatika Frantsuzskaya s Rossiiskim perevodom* (French Grammar with Russian translation). Moscow: Pri Imp. Moskovskom universitete. (In French and Russ.).
 22. Barsov, Anton A. (1773). *Kratkiya pravila Rossiiskoi grammatiki* (Short rules of Russian grammar). Moscow: Pri Imp. Moskovskom universitete. (In Russ.).
 23. Bantysh-Kamenskii, Nikolai N. (1779). *Latinskaya Grammatika* (Latin Grammar). Moscow: V tip. Imp. Moskovskago universiteta. (In Latin and Russ.).
 24. Agentov, Mikhail I. (1779). *Kratkaya Nemetskaya grammatika* (Concise German Grammar). Moscow: V Universitetskoi tip. (In German and Russ.).
 25. Peplier, Jean Robert. 1780. *Frantsuskaya grammatika* (French grammar). Moscow: V tip. N. Novikova. (In French and Russ.).
 26. *Ieruzalemovo tvorenie o Nemetskom yazyke i uchenosti* (Jerusalem's work on the German language and scholarship). 1783. Saint Petersburg: V tip. I.K. Shnora. (In Russ.).].
 27. Uspenskii, Boris A. (ed.). (1981). *Rossiiskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* (Russian Grammar by Anton Alekseyevich Barsov). Moscow: MGU publ. (In Russ.).
 28. Teplov, Vasilii E. (1787). *Frantsuzskaya grammatika* (French Grammar). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In French and Russ.).

29. Scheller, Johann I.G. (1787). *Sokrashchennoe Latinskoe yazykouchenie ili Grammatika noveishaya* (The abridged Latin linguistics or the newest grammar). Moscow: V tip. N. Novikova. (In Latin and Russ.).
30. Pereverzev, Ivan A. (1787). *Kratkiya Pravila Rossiiskago pravopisaniya* (Brief rules of Russian orthography). Moscow: V tip. Kompanii Tipograficheskoi (In Russ.).
31. Lyashchevskii, Varlaam (1788). *Grecheskaya Grammatika* (Greek grammar). Saint Petersburg: Imp. Akademiya nauk. (In Greek and Russ.).
32. Protasov, Semen (1788). *Grecheskaya grammatika* (Greek grammar). Moscow: V tip. Ponomareva. (In Greek and Russ.).
33. Shall, Johann E.F. (1789). *Novaya Nemetskaya grammatika* (A new German grammar). Saint Petersburg: Pri Imp. Sukhoputnom Kadetskom Korpuse. (In German and Russ.).
34. Filonov, Boris V. (1789). *Kratkaya grammatika drevnyago Grecheskago yazyka* (Concise grammar of ancient Greek). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In Old Greek and Russ.).
35. Svetov, Vasilii P. (1790). *Kratkiya pravila ko izucheniyu yazyka Rossiiskago* (Short rules for studying Russian language). Saint Petersburg. (In Russ.).
36. Hölterhof, Franz (1791). *Nemetskaya grammatika* (German Grammar). Moscow: V tip. V. Okorokova. (In German and Russ.).
37. Karzhavin, Fedor V. (1794). *Vozhak, pokazyvayushchii put' k luchshemu vygovoru bukv i rechenii Frantsuzskikh* (The Leader, showing the way to the better pronunciation of French letters and phrases). Saint Petersburg: V tip. I.K. Shnora. (In French and Russ.).
38. Baibakov, Andrei D. (1794). *Grammatika rukovodstvuyushchaya k poznaniyu slaveno-rossiiskago yazyka* (Grammar guiding to the knowledge of the Slavonic-Russian language). Kiev: V tip. Kievopecherskiya lavry. (In Russ.).
39. Kryazhev, Vasilii S. (1795). *Agliinskaya grammatika* (English Grammar). Moscow: V tip. Ridigera i Klaudiya. (In English and Russ.).
40. Podshivalov, Vasilii S. (1796). *Sokrashchennyi kurs Rossiiskago sloga* (Abridged course of Russian spelling). Moscow: V tip. Ridigera i Klaudiya. (In Russ.).
41. Maksimov, Fedor (1723). *Grammatika slavenskaya* (Slavonic Grammar). Saint Petersburg. (In Russ.).
42. Trediakovskii, Vasilii K. (1763). *Novyi i kratkii sposob k slozheniyu rossiiskikh stikhov s opredeleniyami do sego nadlezhashchikh zvaniy* (New and brief way to the addition of Russian verses with definitions of proper ranks). In: *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'. pp. 365–420. (In Russ.).
43. Trediakovskii, Vasilii K. (1749). *Rasgovor mezhdru chuzhestrannym chelovekom i Rossiiskim* (Conversation between a Foreign Man and a Russian Man). In: *Sochineniya Tred'yakovskago*. Vol. 3. Saint Petersburg: Izd. A. Smirdina. (In Russ.).
44. Vuyanova, Stefan (1772). *Nemetskaya Grammatika* (German Grammar). Vienna: Pri Iosife Kurtsbeke. (In German and Russ.).
45. Lomonosov, M.V. (1747). *Pis'mo o pravilakh Rossiiskago Stikhotvorstva* (Letter on the rules of Russian poetry). In: *Sochineniya Lomonosova*. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. A. Smirdina. pp. 536–548. (In Russ.).
46. Lomonosov, M.V. (1952.) *Materialy k Rossiiskoi grammatike* (Materials for Russian Grammar). In: *Polnoye sobraniye sochinenii*. Vol. 7.: *Trudy po filologii 1739–1758 gg.* Moscow; Leningrad: AN SSSR. pp. 595–760. (In Russ.).
47. Trediakovskii, Vasilii K. (1749). *O drevnem, srednem, i novom Stikhotvorenii Rossiiskom* (On the ancient, middle and new Russian versification). In: *Sochineniya Tred'yakovskago*. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. A. Smirdina.. pp. 756–796. (In Russ.).
48. *Kratkaya Latinskaya Grammatika* (A Concise Latin Grammar) (1762). Moscow: V Universitetskoi tip. (In Latin and Russ.).
49. Sokolovskii, Martyn N. (1770). *Sokrashchennaya Frantsuzskaya grammatika* (Abridged French Grammar). Moscow: Pri Imp. Moskovskom universitete. (In French and Russ.).

50. Sots, Ivan V. (1790). *Novaya Frantsuzskaya grammatika* (A new French grammar). Moscow: V tip. V. Okorokova. (In French and Russ.).
51. Sokolov, Petr I. (1797). *Nachal'nyya osnovaniya Rossiiskiya grammatiki* (Primary Foundations of Russian grammar). Saint Petersburg: Imp. Akademiya Nauk. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель и ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (603155, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А); *Научные интересы*: история языка, германские языки, терминология, терминография, лексикография; *e-mail*: holzmann2014@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0031-5769, SPIN-код: 1291-3219, AuthorID: 665425, ResearcherID: O-9274-2015

Information about the author:

Andrey V. Ivanov, Ds.Sc. (Philology), Professor, Head and Leading Researcher of the Research Laboratory “Fundamental and Applied Linguistic Research”, Linguistics University of Nizhny Novgorod (31A Minin Str., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155); *Research interests*: History of language, Germanic languages, terminology, terminography, lexicography; *e-mail*: holzmann2014@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0031-5769, SPIN-code: 1291-3219, AuthorID: 665425, ResearcherID: O-9274-2015.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1283-1295

EDN: SFFSQZ

УДК 811.161.1'367.623'373.46

Научная статья / Research article

ЯЗЫКОВОЙ versus ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ: ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, УЗУС

О.С. Крюкова¹ , М.Б. Раренко² ¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация² Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Российская Федерация florin2002@yandex.ru

Аннотация. Разграничение употребления в современном русском языке прилагательных *языковой* и *лингвистический*, в том числе в профессиональной сфере общения, является нерешенным вопросом. Актуальность исследования определяется участвовавшими в последнее время случаями некорректного использования указанных прилагательных не только рядовыми носителями русского языка, но и специалистами — филологами и представителями других гуманитарных направлений. Некорректное использование прилагательных *языковой* и *лингвистический* в специальной научной литературе в составе терминологических сочетаний (лингвистический конфликт, лингвистические способности ребенка, лингвистическая безопасность и пр.) влечет за собой закрепление сомнительных с точки зрения языковой нормы коллокаций, появлению в текстах двусмысленности, размыванию терминологической системы в целом. Целью статьи является уточнение узуса прилагательных *языковой* и *лингвистический*. Материалом исследования послужили аутентичные тексты на русском языке, данные авторитетных словарей русского языка, личные наблюдения авторов статьи. Рассматриваются отдельные словосочетания, в состав которых входят прилагательные *языковой* и *лингвистический*, анализируются их происхождение, значение, употребление. Методами исследования послужили описательный, сопоставительный и сравнительный методы, а также метод компонентного анализа. Основные результаты исследования заключаются в том, что многие использующиеся сегодня в качестве устойчивых сочетаний словосочетания, а также словосочетания, использующиеся в качестве терминов, являются заимствованными из английского языка или через его посредничество. В современном английском языке у прилагательного *linguistic* авторитетные толковые словари фиксируют два значения (в отличие от аналогичного русского прилагательного *лингвистический* — относящийся к лингвистике (науке)): 1) относящийся к языку, 2) относящийся к лингвистике (науке), что во многом и объясняет появление в русском языке таких словосочетаний, как *лингвистический капитал* (вместо языкового капитала), *лингвистическая проблема* (вместо языковой проблемы, если речь идет о языке, а не о лингвистике), *лингвистический конфликт* (вместо языкового конфликта) и пр.

© Крюкова О.С., Раренко М.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: термин, норма, коллокация, русский язык

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2024

Дата приема в печать: 15.12.2024

Для цитирования:

Крюкова О.С., Раренко М.Б. ЯЗЫКОВОЙ versus ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ: этимология, семантика, узус Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 000–000. <https://vestnik.rudn.ru/issue/view/issueDetail.htm?id=2313-2299-2024-15-4-1282-1295>

“Jazykovoj” (Language) Versus “Lingvisticheskij” (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage

Olga.S. Kryukova¹ , Maria B. Rarenko²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Institute for Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

 florin2002@yandex.ru

Abstract. The authors deal with the issue of distinguishing between the use of the adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic) in modern Russian, in the professional sphere of communication as well. The relevance of the study is determined by the recent increase in the cases of incorrect use of these adjectives not only by ordinary native speakers of the Russian language, but also by experts — philologists and representatives of other humanitarian areas. Incorrect use of adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic) in special scientific literature as part of terminological combinations (lingvisticheskij konflikt (linguistic conflict), lingvisticheskie sposobnosti rebenka (linguistic abilities of the child), lingvisticheskaja bezopasnost’ (linguistic security), etc.) entails the consolidation of dubious collocations from the point of view of the language norm, the appearance of ambiguity in the texts, and the blurring of the terminological system as a whole. The purpose of the article is to clarify the use of the adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic). The material of the study was authentic texts in Russian, data from authoritative dictionaries of the Russian language, personal observations of the authors of the article. Separate phrases are considered, which include adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic), their origins, meanings, usages are analyzed. The research methods were descriptive, comparative and comparative methods, as well as the method of component analysis. The main results of the study are that many phrases used today as stable combinations, as well as phrases used as terms, are borrowed from the English language or through its mediation. In modern English, the adjective linguistic has two meanings in authoritative explanatory dictionaries (unlike the similar Russian adjective “lingvisticheskij” (linguistic) — related to linguistics (science)): 1) related to language, 2) related to linguistics (science), which largely explains the appearance in the

Russian language of such phrases as *lingvisticheskij kapital* (instead of *jazykovoj kapital*), *lingvisticheskaja problema* (instead of *jazykovaja problema*, if we are talking about language, and not about linguistics), *lingvisticheskij konflikt* (instead of *jazykovoj konflikt*), etc.

Keywords: term, norm, collocation, Russian language

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Kryukova, O.S. & Rarenko, M.B. (2024). "Jazykovoj" (Language) Versus "Lingvisticheskij" (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1282–1295. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1282-1295>

Введение

В эпоху глобализационных процессов особенно уязвимым оказываются те составляющие национальной культуры, которые определяют ее уникальность и неповторимость. К таким элементам, в первую очередь, относится национальный язык, сохранение которого во многом равнозначно сохранению нации. Значимость языка для самоидентификации личности подчеркивали многие русские писатели и общественные деятели. Так, И.А. Гончаров писал, что язык — «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [1. С. 258]. В свете этой крайне важной функции национального языка весьма актуальным представляется исследование семантической истории слов и выражений. Академик В.В. Виноградов указывал, что «история отдельного слова не случайное, а последовательное историческое звено в общих сдвигах языковых систем» [2. С. 15].

В статье рассматривается проблема разграничения значений и употребления прилагательных *языковой* и *лингвистический*, что представляет определенные трудности. Как показывает анализ современной специальной литературы (см. например [3–11]), в том числе метатекстов, ошибки в употреблении прилагательных *языковой* и *лингвистический* допускают не только «рядовые» носители русского языка (не говоря уже о изучающих русский язык как иностранный), но и специалисты, имеющие профильное лингвистическое или филологическое образование.

Несмотря на кажущуюся близость значений, эти прилагательные, тем не менее, обладают довольно различными значениями, поэтому неверное употребление одного прилагательного вместо другого может приводить к нарушению и потере смысла высказывания.

Если обратиться к современным толковым словарям русского языка, то можно увидеть, что, обозначая близкие категории, эти прилагательные имеют разную этимологию, различаются семантикой, обладают разным узусом.

В словаре Д.Н. Ушакова¹ слово *лингвистический* выделено в отдельную словарную статью и имеет два значения. В качестве иллюстративных примеров здесь приведены соответствующие словосочетания: ‘лингвистический метод’ и ‘лингвистическое исследование’ к первому значению; ‘лингвистические явления’ — ко второму значению. В четырехтомном Словаре русского языка (1985–1988)² слово *лингвистический* имеет одно значение: относящийся к лингвистике. В Словаре современного русского литературного языка (1949–1966)³ слово *лингвистический* имеет два значения (относящийся к лингвистике и относящийся к языку, языковой). В качестве иллюстративных примеров к обоим значениям выбраны цитаты из научных текстов, авторами которых являются Грановский и Щерба. Указано, что впервые слово *лингвистический* было зафиксировано Словарем Академии Российской в 1847 г. Уменьшение количества значений у слова *лингвистический* в четырехтомном (так называемом Малом академическом словаре) объясняется, по-видимому, типом толкового словаря (средний, в классификации С.И. Ожегова), в котором приводится обычно активная лексика с небольшим объемом пассивной лексики или отдельных значений слова.

В словаре Д.Н. Ушакова слово *языковой* фигурирует как прилагательное к слову ‘язык’ в 3 и 4 значениях. В качестве иллюстративных примеров в этом словаре используются словосочетания: ‘языковое чутье’, ‘языковой факт’, ‘языковые явления’, ‘языковая система’. Очевидно, что существительные подобраны таким образом, чтобы продемонстрировать изменение прилагательного по числам и родам. В четырехтомном словаре 1986 г. слово *языковой* определяется так же, как и в словаре Д.Н. Ушакова, в качестве иллюстративных примеров приводятся словосочетания: ‘языковые явления’, ‘языковое чутье’, ‘языковое родство’.

Согласно Словарю русского языка (1999)⁴, лексема *лингвистический* является прилагательным к существительному ‘лингвистика’, т.е. науке о языке, языкознанию, в то время как лексема *языковой* — прилагательным к существительному ‘язык’ в третьем и четвертом значениях, описанных в этом же словаре. Третье значение лексической единицы ‘язык’ в словаре трактуется как средство общения людей, а четвертое значение определяется как стиль,

¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Д.И. Ушакова: В 4-х тт. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

² Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985–1988.

³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.—Л., 1966.

⁴ Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К—О.

слог, разновидность речи. В четвертом значении отмечена также коннотация: характерный кому-либо, чему-либо способ словесного выражения.

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова «Большой толковый словарь русского языка» (2000) отдельной статьи, посвященной прилагательному **лингвистический**, нет, но имеются статьи ‘лингвист’ и ‘лингвистика’. В статье ‘лингвистика’, однако, отмечается, что прилагательным к данному существительному является **лингвистический**. Также приводятся примеры сочетаемости: ‘лингвистические исследования’ и ‘лингвистический анализ’⁵. Значения прилагательных ‘языковой’ и ‘языковый’ предлагается уточнять, обратившись к статье ‘язык’, где отсылка делается на 3 и 4 значения существительного, дефиниции которых принципиально не отличаются от соответствующих дефиниций в Словаре русского языка (1999). В качестве примеров сочетаемости с прилагательным приведены ‘языковые явления’, ‘языковое чутье’, ‘языковое родство’⁶.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой прилагательное **лингвистический** выделено в отдельную статью. Его английским эквивалентом указано прилагательное *linguistic*, значение определяется как ‘прил. к лингвистика’. В статье анализируются словосочетания ‘лингвистическая география’, ‘лингвистическая единица’, ‘лингвистическая историология’, ‘лингвистическое картографирование’, ‘лингвистические категории’, ‘лингвистическая относительность’, ‘лингвистическая палеонтология’, ‘лингвистическая психология’, ‘лингвистическая статистика’, ‘лингвистическая стилистика’, ‘лингвистическая универсалия’, ‘лингвистическая фаза’, ‘лингвистическая философия’, ‘лингвистическая характерология’, ‘лингвистическая экономика’, ‘лингвистического описания метод’⁷. Отметим, что многие приводимые в статье термины сопровождаются англоязычными эквивалентами — *linguistic phase*, *linguistic relativism*, *linguistic characterology* и пр., в состав которых входит прилагательное *linguistic*, что позволяет прийти к выводу о том, что термины были заимствованы из английского языка (или через посредничество английского языка) и являются языковыми кальками. Прилагательное **языковой** также выделено в специальную статью. Указываются соответствия на английском языке. Примечательно, что первым упоминается прилагательное *linguistic*, затем существительное *language* (употребляемое в качестве атрибутива). Отмечается общее значение лексической единицы как прилагательного, образованного от существительного ‘язык’. Далее подробно описываются словосочетания, в состав которых входит прилагательное **лингвистический**: ‘лингвистическая география’, ‘языковой контакт’, ‘языковое

⁵ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. С. 497

⁶ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. С. 1532

⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Комкнига, 2007. С. 219

мышление’, ‘языковая общность’, ‘языковое сознание’, ‘языковой стиль’, ‘языковое творчество’, ‘языковая форма внутренняя’, ‘языковое чутье’.

В online Etymology Dictionary прилагательное *linguistic* (adj.) описывается как “of or pertaining to the study of language”. Его появление датируется 1824 г. и восходит к немецкой лексеме *linguistisch* (1807), а существительное *language* (n.) датируется как появившееся в английском языке в конце XIII в. и восходящее к французской лексеме *langage* в значении ‘words, what is said, conversation, talk’ (т.е. ‘слова; то, что сказано; разговор; беседа’). В свою очередь в старофранцузском лексеме *langage* употреблялась в значении ‘speech, words, oratory; a tribe, people, nation’ (т.е. ‘речь, слова, ораторское искусство’, а также ‘племя, народ, нация’). Старофранцузская лексема восходит к латинской лексеме *lingua*, имеющей значение ‘язык, речь’⁸.

Компетентные словари английского языка, например Longman Dictionary of English Language and Culture (1998) и Oxford Advanced Learner’s Dictionary (2000), прилагательное поясняют как “of languages, words, or linguistics”⁹; и “connected with language or the scientific study of language”¹⁰. В последнем в качестве иллюстрации приводятся примеры: *linguistic and cultural barriers*, *a child’s innate linguistic ability*, *new developments in linguistic theory*¹¹, из которых становится понятно, что русскими соответствиями прилагательному *linguistic* выступает как прилагательное **языковой**, если речь идет о языке — языковые и культурные барьеры, врожденные языковые способности ребенка и **лингвистический**, если обсуждаются вопросы, имеющие отношение к лингвистике (науке) — новые разработки в лингвистической теории.

Заметим, что различие в употреблении русских прилагательных **языковой** и **лингвистический** не всегда учитывается в онлайн-переводчике. Так, при переводе на русский язык словосочетания ‘a child’s innate linguistic ability’ программа предлагает вариант врожденные лингвистические способности ребенка, что, конечно, является ошибкой, в то время как Google-переводчик предлагает перевод прилагательного *linguistic* в этом словосочетании как ‘врожденные языковые способности ребенка’.

«Частотный словарь русского языка»¹² фиксирует общую частоту 1 у прилагательного ‘лингвистический’, прилагательное ‘языковой’ в алфавитно-частотном словнике отсутствует. Казалось бы, никаких трудностей в употреблении этих прилагательных быть не может, поскольку их значения точно

⁸ Etymology Dictionary. Точка доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=language/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture, 1998. P. 767.

¹⁰ Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000. P. 781.

¹¹ Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000. P. 781.

¹² Частотный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1977.

определены и нормированы. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся коллокации с прилагательными *лингвистический* и *языковой*.

Так, с прилагательным *языковой* используются следующие существительные: *анализ, барьер, вариант, вкус, дискомфорт, знак, игра, империализм, код, коллектив, комфорт, континиум, конфликт, конформизм, материал, нигилизм, опыт, плюрализм, портфель, посредник, пуризм, репертуар, сдвиг, состав населения, союз, стандарт, стиль, субкод, суверенитет личности / нации, ценз, экстремизм*¹³. Также прилагательное *языковой* употребляется в словосочетаниях ‘языковой экзамен’, ‘языковая политика’ и пр. С прилагательным *лингвистический* словари рекомендуют использование существительных: *анализ, атлас, билингвизм, биологизм (=лингвистический натурализм), закон, компонент, контекст, логизм, перевод, подход, психологизм, словарь, эксперимент, экстремизм*¹⁴.

Заметим, что некоторые существительные образуют словосочетания и с прилагательным *языковой*, и с прилагательным *лингвистический*. Рассмотрим некоторые из этих случаев подробно.

Согласно данным «Словаря лингвистических терминов» (2010)¹⁵, словосочетания ‘языковой экстремизм’ / ‘лингвистический экстремизм’ признаются эквивалентными и обозначают «стремление создать вместо единого литературного языка несколько литературных языков путем придания статуса литературного языка диалектам. Языковой экстремизм обычно прослеживается в рамках реализации идей национального сепаратизма».

Термины ‘лингвистическая география’ и ‘языковая география’ в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой также предлагается рассматривать как синонимичные — «отрасль диалектологии, изучающая территориальное распространение тех элементов языка, которые определяют его диалектные разновидности»¹⁶.

В то же самое время словосочетания ‘языковой анализ’ и ‘лингвистический анализ’ обозначают разные процедуры и направлены на выявление разных характеристик текста. Под термином ‘языковой анализ’ понимают совокупность приемов, систематически применяемых при изучении всех сторон языка: фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, стилистики. Целью языкового анализа является выявление структуры, типов языковых единиц, их форм и способов образования, целесообразности их использования в тексте и пр. Под ‘лингвистическим анализом’ понимают метод исследования текста, который может быть охарактеризован как лингвосмысловой анализ. Такой вид анализа ориентирован на постижение предметно-логического содержания текста, фактуальной и концептуальной информации,

¹³ <https://sanstv.ru/dict> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁴ <https://sanstv.ru/dict> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁵ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010.

¹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Комкнига, 2007. С. 218

имеющейся в тексте. Использование прилагательных *языковой* и *лингвистический* в сочетании с существительным *анализ* определяется контекстом.

Словосочетания ‘языковая проблема’ и ‘лингвистическая проблема’ указывают на разные проблемы: первое сочетание обозначает проблему внутри языка (например использование определенных форм слова), в то время как второе словосочетание обозначает проблему, с которой сталкиваются лингвисты (например проблему определения границ слова в немецком языке). Аналогичным образом дело можно охарактеризовать употребление словосочетаний ‘языковой вопрос’ / ‘лингвистический вопрос’.

Неоднозначен вопрос об употреблении словосочетания ‘лингвистическая безопасность’, претендующего на статус термина. С одной стороны, если следовать словарному значению прилагательного *лингвистический*, то данное словосочетание следует трактовать как безопасность в области лингвистических исследований или безопасность специалистов, занятых в этой области знания, что, безусловно, неверно. С другой стороны, в названиях статей современных авторов словосочетание ‘лингвистическая безопасность’ встречается весьма часто. Авторы рассматривают следующие аспекты ‘лингвистической безопасности’: «Лингвистическая безопасность как часть национальной безопасности государства», «Речевая агрессия как проблема лингвистической безопасности», «Лингвистическая безопасность коммуникативных процессов онлайн-игр», «Лингвистическая безопасность в контексте современной глобализации». Более того, одна из статей посвящена самому понятию ‘лингвистическая безопасность’: «Работа над понятием лингвистической безопасности в процессе изучения бакалаврами РГУП предмета “риторика”», в которой автор, отмечая, что термин ‘лингвистическая безопасность’ относительно новый, использует его вслед за Е.Н. Бирюковой как «устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, сохранение целостности, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, несмотря на неблагоприятное внутреннее и внешнее воздействие» [12. С. 68]. В ряде публикаций терминологическое словосочетание «лингвистическая безопасность» употребляется в значении «национальная безопасность в языковой сфере» (см. например [13]). В то же время некоторые авторы, словно испытывая затруднения в выборе соответствующего термина, соединяют оба прилагательных в одном заглавии [5].

Распространенное сегодня в научных кругах словосочетание ‘языковая личность’, имеющее статус термина, в широкий научный лексикон ввел Ю.Н. Караулов, опубликовав в 1987 г. книгу под названием «Русский язык и языковая личность», несмотря на то, что впервые это словосочетание использовал в своей статье «О художественной прозе» (1930) В.В. Виноградов, рассуждая о методе Бодуэна де Куртенэ: «Бодуэн де Куртенэ, подобно

Потебне, устранил из своих исследований литературного языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала *языковая личность* (курсив наш — О.К., М.Р.) как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения разных социально-языковых категорий» [14. С. 82]. Более того, еще раньше схожие идеи — о нерасторжимом единстве родного языка с личностью говорящего — не используя, однако, словосочетания ‘языковая личность’, высказывал Ф.И. Буслаев: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать (личность) духовные способности учащегося» [15. С. 7].

В настоящее время точного определения языковой личности нет. Ю.Н. Караулов отмечает, что в современных исследованиях «понятие ‘языковая личность’ (*homo loquens*) употребляется чаще для обозначения родового свойства *homo sapiens* вообще. Оно разрабатывается с заметной эффективностью в лингводидактических целях, и на достигнутом ныне уровне обобщенных научных представлений о ней ‘языковая личность’ выступает как многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения» [16. С. 29], ссылаясь на работы Г.И. Богина [17; 18]. Таким образом, можно констатировать, что в термине ‘языковая личность’ преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

Данный термин, таким образом, возник в русском языке, поэтому было бы интересно посмотреть, как он переводится на английский язык. Для этого мы обратились к сайту *elibrary.ru* и ввели в поисковую строку словосочетание ‘языковая личность’. В англоязычных аннотациях к статьям, посвященным разным аспектам изучения ‘языковой личности’, мы заметили два регулярно используемых авторами английских словосочетания для передачи термина — *linguistic personality* и *language personality*. Отметим, что частотность употребления обоих словосочетаний приблизительно одинакова, что было нами вполне ожидаемым, поскольку, как показано выше, оба английских слова употребляются в современном английском языке в значении ‘относящийся к языку’.

Термин ‘языковая политика’ является калькой с английского (*language policy*) и широко используется в социолингвистике. «Разработка лингвистических [*sic* — О.К. и М.Р.] проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики; языковая политика — часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику», — подчеркивают В.И. Беликов и Л.П. Крысин. Заметим, что в выражении «лингвистические проблемы» слово «лингвистический» употреблено, по-видимому, в стилистических целях — во избежание четырехкратного повтора слова

«языковой» в предложении. Помимо социолингвистики термин «языковая политика» используется также в политологических исследованиях [19. С. 13].

«Лингвистический энциклопедический словарь» (1990)¹⁷ [33] дает несколько словарных статей, включающих слова *лингвистический* и *языковой*: лингвистическая география, лингвистическая поэтика, лингвистическая статистика, лингвистическая философия, лингвистический атлас, с одной стороны, и языковая политика, языковая ситуация, языковая способность, языкового существования школа, языковой союз — с другой. Количественно — это равное соотношение энциклопедических статей и стоящих за ними терминов.

Еще один термин, получивший широкое распространение в последнее время, — языковой капитал, который также имеет вариант употребления с прилагательным *лингвистический* — ‘лингвистический капитал’ [3]. Изначально термин появился как социолингвистический, будучи предложенным французским социологом и философом Пьером Бурдьё (1930–2002). Бурдьё описывает языковой капитал как форму культурного капитала. Термин использовался для описания различных языковых ресурсов, доступных одному человеку, а также ценностей, связанных с этим ресурсом. Сегодня этот термин (более подробно см., например: [20]) используется для обозначения того, как эти ресурсы играют роль в динамике власти на всех уровнях, начиная с индивидуальных, семейных, институциональных, правительственных и международных ролей, т.е. владение определенным языком (языками) предопределяет положение отдельного человека в обществе. Из контекста становится понятным, что речь идет именно о владении языком, а не лингвистическими знаниями, поэтому употребление в составе термина русского прилагательного *лингвистический* не является оправданным, более того, ошибочно, поскольку возникает путаница — не понятно, о каких компетенциях идет речь. Если следовать логике, то, употребляя прилагательное *лингвистический* в составе данного термина, говорящий наделяет особой символической властью лингвистов, т.е. людей, имеющих лингвистическое образование.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в современном русском языке сложилась довольно интересная, с одной стороны, ситуация, но неоднозначная, с другой. Многие термины, в состав которых входят прилагательные *языковой* и *лингвистический*, пришли в язык из других языков, в большинстве своем из английского, где прилагательное ‘linguistic’ одновременно относится к языку (в разных значениях) и лингвистике как науке. В результате

¹⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.

калькирования словосочетаний на русский язык в языке закрепились неправильные (в частности, противоречащие значению прилагательного *лингвистический*) терминологические единицы, которые получили широкое распространение. Ряд терминов и терминологических словосочетаний употребляются не совсем точно и нуждаются в упорядочении и смысловом разграничении в справочной литературе.

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Статьи, заметки, рецензии, письма // собрание сочинений : в 8 тт. Т. 8. М. : Художественная литература, 1977.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
3. Телегин Д.В. Лингвистический капитал как способ реализации символической власти: П. Бурдьё [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm (дата обращения: 14).
4. Могилевич Б.Р. Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208> EDN: YUCXEN
5. Алексеев К.В. Языковая (лингвистическая) безопасность в системе национальной безопасности России // Русская филология и национальная культура. 2023. № 1(6). С. 1–8. <https://doi.org/10.37724/z8016-2905-1967-1> EDN: HXLQXP
6. Семенова О.С. Лингвистическая безопасность как часть национальной безопасности государства // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию филиала КузГТУ в г. Междуреченске. Кемерово, 2018. С. 323–325.
7. Ривлина А.А. О понятии «лингвокультурный конфликт» в контексте общей и лингвистической конфликтологии // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. Отв. редактор Т.А. Барановская. М., 2013. С. 146–156. EDN: SSZWPV
8. Beloborodova A. Formation of the secondary linguistic personality by means of phraseology / Формирование вторичной языковой личности посредством фразеологии // Инновации в системе высшего образования. Материалы I Всероссийской научно-методической конференции. М., 2010. С. 8–10.
9. Baklagova Ju. V. The influence of the secondary language experience on developing linguistic identity // Мир Науки. Социология, Филология, Культурология. 2021. Т. 12. № 2. № 15. EDN: BJIXUE
10. Селютин А.А. Предпосылки для выделения новой категории языковой личности: корпоративная языковая личность // Языковая личность в современном коммуникативном поле. Редакторы-составители Е.А. Селютина, О.Г. Усанова. Челябинск, 2017. С. 108–123.
11. Хрусталева О.Н. От «языковой личности» преподавателя к «языковой личности» курсанта вуза МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4(18). С. 99–104. EDN: THLIFJ
12. Бирюкова Е.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2(11). С. 67–72. EDN: OWUXRX
13. Жигалев Б.А., Прохорова А.А. Лингвистическая безопасность России в модусе мультилингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2020. № 5. С. 139–152. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-139-152> EDN: SNAKGC
14. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л. : Гос. изд-во (Госиздат), 1930.
15. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М. : Юрайт, 2023.

16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. EDN: RTDQLX
17. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.
18. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
19. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. EDN: PWFALV
20. Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социолингвистика. 2020. № 2(2). С. 8–20. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20> EDN: AOFLUO

References

1. Goncharov, I.A. (1977). Articles, notes, reviews, letters. In: *Collected works: in 8 vols.* Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Vinogradov, V.V. (1999). *History of words*. Moscow. (In Russ.).
3. Telegin, D.V. Linguistic capital as a way to implement symbolic power: P. Bourdieu. URL: https://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm (accessed: 15.03.2023) (In Russ.).
4. Mogilevich, B.R. (2020). Polylinguism as a Global Linguistic Capital. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(1), 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208> EDN: YUCXEN (In Russ.).
5. Alekseev, K.V. (2023). Linguistic (Linguistic) Security in the Russian National Security System. *Russian Philology and National Culture*, 1(6), 1–8. (In Russ.).
6. Semenova, O.S. (2018). Linguistic security as part of the national security of the state. In: *Modern trends and innovations in science and production. Materials of the VII International scientific-practical conference dedicated to the 20th anniversary of the branch of KuzGTU in Mezhdurechensk*. Kemerovo. pp. 323–325. (In Russ.).
7. Rivlina, A.A. (2013). On the concept of “linguocultural conflict” in the context of general and linguistic conflictology. In: *Communication in the modern multicultural world: an ethnopsycholinguistic analysis*. T.A. Baranovskaya (Ed.). Moscow. pp. 146–156. (In Russ.).
8. Beloborodova, A. (2010). Formation of the secondary linguistic personality by means of phraseology. In: *Innovations in the system of higher education. Materials of the I All-Russian Scientific and Methodological Conference*. A.L. Khudoborodov G.I. Ladoshina (eds.). Moscow. pp. 8–10. (In Russ.).
9. Baklagova, J.V. (2021). The influence of the secondary language experience on developing linguistic identity. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 12(2), 15. EDN: BJIXUE (In Russ.).
10. Selyutin, A.A. (2017). Prerequisites for the allocation of a new category of linguistic personality: corporate linguistic personality. In: *Linguistic personality in the modern communicative field*. E.A. Selyutina, O.G. Usanova. Chelyabinsk (eds.). Chelyabinsk. pp. 108–123. (In Russ.).
11. Khrustaleva, O.N. (2014). From the “linguistic personality” of a teacher to the “linguistic personality” of a cadet of a higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, 4(18), 99–104. EDN: THLIFJ (In Russ.).
12. Biryukova, E.N. (2011). Linguistic security and language policy in the modern Russian context. *The Legal Culture*, 2(11), 67–72. EDN: OWUXRX (In Russ.).
13. Zhigalev, B.A. & Prokhorova A.A. (2020). Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 5, 139–152. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-139-152> EDN: SNAKGC (In Russ.).
14. Vinogradov, V.V. (1930). *On fiction*. Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).
15. Buslaev, F.I. (2023). *On teaching the native language*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).

16. Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI. EDN: RTDQLX (In Russ.).
17. Bogin, G.I. (1975). *Levels and components of human speech ability*. Kalinin. (In Russ.).
18. Bogin, G.I. (1984). *The model of linguistic personality in its relation to the varieties of texts* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
19. Belikov, V.I. & Krysin, L.P. (2001). *Sociolinguistics*. Moscow: Ros. state humanit. un-t. (In Russ.).
20. Bogdanov, S.I., Marusenko, M.A. & Marusenko, N.M. (2020). Language Capital in Cultural and Educational Capital. *Sociolinguistic Studies*, 2(2), 8–20. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20> EDN: AOFLUO (In Russ.).

Сведения об авторах:

Крюкова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова (117218, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д.1); *сфера научных интересов*: семантическая история слов, лексикография, язык и общество; *e-mail*: florin2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4737-841X, SPIN-код: 8791-5500, AuthorID: 76509.

Раренко Мария Борисовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21); *сфера научных интересов*: социолингвистика, перевод и переводоведение, дискурс, семантическая история слов, языковая норма; *e-mail*: rarenco@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3601-6832, SPIN-код: 7817-9319, AuthorID: 418853.

Information about the authors:

Olga S. Kryukova, Ds.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 1117218); *Research interests*: semantic history of words, lexicography, language and society; *e-mail*: florin2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4737-841X, SPIN-code: 8791-5500, AuthorID: 76509.

Maria B. Rarenko, PhD in Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences (51/2, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russian Federation, 1117218); *Research interests*: sociolinguistics, translation and translation studies, discourse, semantic history of words, language norm; *e-mail*: rarenco@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3601-6832, SPIN code: 7817–9319, AuthorID: 418853.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1296-1309

EDN: QXJYTT

УДК [811.161.1:811.111]'276.6'373.46:33:070

Научная статья / Research article

Системный подход к изучению экономической терминологии: на материале журнальных статей на английском и русском языках

Л.Г. Аксютенкова , С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет, *Краснодар, Российская Федерация*
 ludmila100@mail.ru

Аннотация. Комплексный структурно-системный анализ экономической терминологии в рамках экономической когнитивной сферы является актуальным исследованием, т.к. решает следующие задачи: 1) проанализирована структура терминологических единиц «языка рынка» в двух языках в рамках журнальных статей; 2) выделены виды их актуализации и функционирования; 3) определены варианты перевода с английского языка на русский; 4) описана собранная информация. Используются аналитический, метод системного и лингвистического анализа, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-типологический методы. Предложены авторские дефиниции экономического термина и экономической терминологии. В статье представлены примеры, основные приемы перевода исследуемой терминологии с английского языка на русский, и влияние экстралингвистических факторов на применение данных приемов. При разработке практических и теоретических курсов по языкознанию и переводоведению могут быть использованы результаты, полученные в процессе изучения оригинальных статей. Был сделан вывод, что экономическая терминология — динамическое образование, которое находится в непрерывном взаимодействии с другими сферами научного знания и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: экономический термин, структура экономического термина, типология экономического термина, приемы перевода

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

© Аксютенкова Л.Г., Семенова С.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Аксютенкова Л.Г., Семенова С.Н. Системный подход к изучению экономической терминологии: на материале журнальных статей на английском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1295–1309. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1295-1309>

A Systematic Approach to the Study of Economic Terminology based on Materials from Journal Articles in English and Russian

Lyudmila G. Aksyutenkova , **Sofiya N. Semenova**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 ludmila100@mail.ru

Abstract. The complex structural-systemic analysis of economic terminology within the framework of economic cognitive sphere is an actual study, i.e. it solves the following tasks: 1) the structure of the terminological units «market language» in two languages within the scope of journal articles is analyzed; 2) the types of their actualization and functioning are highlighted; 3) options for translation from English into Russian are defined; 4) the collected information is described. The following methods were used: analytical, systemic and linguistic analysis, comparative and comparative-typological. The authors' definitions of the economic term and economic terminology are proposed. The article presents: 1) the examples taken from original sources; 2) the basic techniques for translating the studied terminology into Russian; 3) the influence of extralinguistic factors on the use of these methods. The results can be used in the preparation of educational and methodological manuals for practical and theoretical courses in linguistics and translation studies. It was concluded that economic terminology is a dynamic formation that is in continuous interaction with other areas of scientific knowledge and requires further study.

Keywords: economic term, structure of economic term, typology of economic term, methods of translation

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Aksyutenkova, L.G. & Semenova, S.N. (2024). A Systematic Approach to the Study of Economic Terminology based on Materials from Journal Articles in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1295–1309. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1295-1309>

Введение

Актуальность исследования определяется комплексным характером анализа экономической терминологии в массиве журнальных текстов на английском и русском языках. Научная новизна заключается

в том, что впервые была предпринята попытка сделать сравнительно-сопоставительный анализ экономической терминологии с точки зрения актуализации ее в массиве оригинальных журнальных текстов на английском языке и их профессионального перевода на русский язык. Материалом для системного лингвистического анализа послужили рандомно выбранные статьи из англоязычных изданий CNBC (США), Bloomberg, Forbes, Global и др. и их переводы в русскоязычных изданиях ИноСМИ, объединенные общей тематикой «Есопому» и имеющие схожую структуру. Методология исследования базируется на теоретических работах Л.Ю. Буяновой [1], С.Д. Шелова [2], Г.П. Мельникова [3] и современных исследованиях функционирования термина в различных типах дискурса [4–17]. Проведенный анализ статей экономической направленности дал нам возможность дефинировать понятия *экономический термин* и *экономическая терминология* следующим образом:

Экономический термин — специальная единица языка, репрезентирующая понятие профессиональной области знания или деятельности и применяющаяся для когнитивного освоения этого знания.

Экономическая терминология — комплекс терминологических единиц, взаимодействующих на разных уровнях языка и объединенных определенными структурными и системными характеристиками.

Данное исследование является составной частью комплексного исследования английского и русского экономического языка, что позволит в дальнейшем расширить и углубить системное лингвистическое исследование этого пласта в обоих языках, обратить внимание на сходства и различия в употреблении и переводе экономических текстов в двух языках.

Общие характеристики экономической терминологии

Итак, язык как зеркало отражает все изменения, происходящие в общественно-политической, культурной и других сферах жизни любого общества, и экономическая область не является исключением, и, как следствие, требует постоянного пристального внимания со стороны ученых-лингвистов всего мира. Мы разделяем позицию В.М. Лейчика, который считает, что даже «интеллектуализация языка» в определенной степени зависит от функционирования в нем специализированных лексических единиц [18. С. 20].

Динамическое развитие мирохозяйственных отношений между Россией и Западом приводит к появлению новых понятий, концепций в экономике, привнося определенные изменения в языки. В этой связи системное исследование специализированной лексики с различных позиций является чрезвычайно актуальным в лингвистической науке. В нашем случае следует рассматривать совместно экономическую терминологию, ее актуализацию в английских журнальных текстах и ее перевод

на русский язык. Терминология — это система, под которой мы понимаем определенную форму организации, где каждому конкретному ее элементу присущи определенная позиция и четкие связи с другими элементами. Следовательно, системность — это свойство, присущее термину, а терминология (в нашем случае экономическая) системна.

Исследование проводилось поэтапно. Первый этап заключался в подборке англоязычных журналов, находящихся в свободном доступе в сети Интернет и русскоязычных журналов, содержащих перевод выбранных статей на русском языке. На втором этапе был проведен системный языковой анализ содержания данных статей. На третьем этапе были рассмотрены полученные результаты, и на четвертом заключительном этапе сформулированы выводы.

В первую очередь нами была исследована терминологическая составляющая данных статей. Термин является одним из значимых компонентов лингвистического исследования. При переводе используются приемы: транскрипция, транслитерация, калькирование, заимствование. Как известно, термин — знак, в котором есть содержание и форма. Его содержание обуславливается принадлежностью к определенной специальной сфере, а форма его практически ничем не отличается от формы лексических единиц общелитературного языка.

Иллюстрированное описание и анализ полученных данных

В процессе изучения текстов журнальных статей нами были выявлены виды терминов, которые приведем с примерами:

1. простые термины: *price* — цена, *barrel* — баррель, *demand* — спрос, *loan* — кредит, *value* — ценность;
2. производные: *investment* — инвестиции, *competition* — конкуренция, *consumer* — потребитель, *insurance* — страховка, *analyst* — аналитик;
3. сложные: *cyberattack* — кибератака / хакерская атака, *counterpart* — коллега, *partnership* — партнерство, *framework* — шаблон.
4. словосочетания: *default currency* — основная валюта, *yuan-based payment system* — платежная система, использующая для расчетов юани, *global risk consultancy* — консалтинговая фирма по оценке глобальных рисков, *geopolitical strategic value* — стратегическая ценность с геополитической точки зрения, *trade partner* — торговый партнер.

Результаты изученного материала показали, что в общей сложности авторами журнальных статей было употреблено 159 английских и 164 русских экономических терминов, классифицированных и представленных нами в табл. 1 (всего терминов — 323, а общее число слов, входящих в состав терминов — 7320) и в табл. 2 (процентные значения).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели и виды терминов в журнальных статьях /
Indexes and types of the economic terms in magazine articles**

Виды терминов / Types of terms	Английский, количество / English, quantity	Русский (перевод статьи), количество / Russian (translation of article), quantity
Простые термины / Simple Terms	47	46
Производные термины / Derivative Terms	36	48
Сложные термины / Complex Terms	5	1
Сложные производные термины / Complex Derivative Terms	–	5
Словосочетания / Phrases	71	64
<i>Итого / Total:</i>	159	164

Источник: составлено Л.Г. Аксютенковой, С.Н. Семеновой / Source: compiled by Lyudmila G. Aksyutenkova, Sofiya N. Semenova

Таблица 2 / Table 2

**Процентное соотношение видов терминов в журнальных статьях /
Percentage of the types of the economic terms in magazine articles**

Виды терминов / Types of terms	Английский / English, %	Русский (перевод статьи) / Russian (translation of article), %
Простые термины / Simple Terms	29	28
Производные термины / Derivative Terms	23	29
Сложные термины / Complex Terms	3	1
Сложные производные термины / Complex Derivative Terms	0	3
Словосочетания / Phrases	45	39
<i>Итого / Total:</i>	100	100

Источник: составлено Л.Г. Аксютенковой, С.Н. Семеновой / Source: compiled by Lyudmila G. Aksyutenkova, Sofiya N. Semenova

По данным таблиц (табл. 1 и табл. 2) построены диаграммы (рис. 1, рис. 2), наглядно иллюстрирующие полученные результаты. Согласно данным таблиц (табл. 1, табл. 2) и диаграмм (рис. 1, рис. 2) видно, что среднее количество употребленных терминов в обоих языках приблизительно одинаковое, но в русской экономической терминологии преобладает использование производных терминов и сложных производных над английскими простыми и сложными производными, что безусловно связано с деривационными особенностями и различиями в обоих языках.

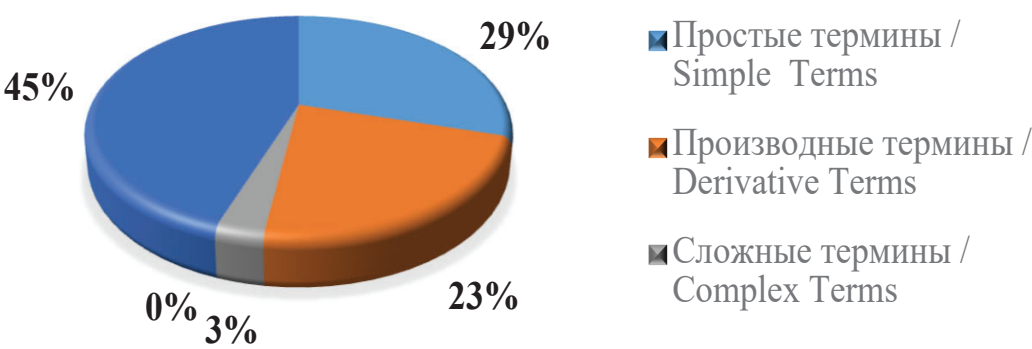

Рис. 1. Виды терминов (английский язык)
Источник: составлено Л.Г. Аксютенковой, С.Н. Семеновой.

Fig. 1. Types of terms (English)
Source: compiled by Lyudmila G. Aksyutenkova, Sofiya N. Semenova.

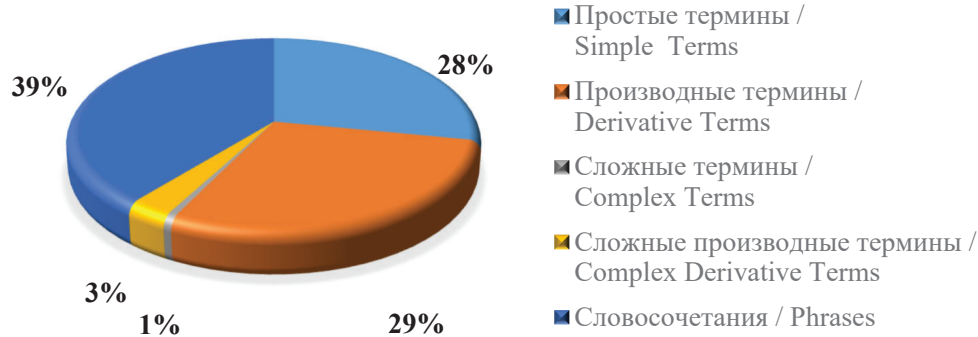

Рис. 2. Виды терминов (русский язык)
Источник: составлено Л.Г. Аксютенковой, С.Н. Семеновой.

Fig. 2. Types of terms (Russian)
Source: compiled by Lyudmila G. Aksyutenkova, Sofiya N. Semenova.

В некоторых случаях термин может выражать оценку явлений реальной действительности. В процессе изучения массива текстов экономической направленности нами были выявлены виды эмоционально-экспрессивной лексики, которые систематизированы таким образом:

1. имеющие положительную оценку, например: *cash* ‘наличные деньги’, *charitable* ‘благотворительный’, *corporation* ‘корпорация’, *credit* ‘кредит’, *dealings* ‘деловые отношения’, *emolument* ‘заработок’;
2. имеющие отрицательную оценку, например: *consignation* ‘депонирование’, *deduction* ‘вычет’, *defalcator* ‘растратчик’, *fabrication* ‘подделка’, *profiteer* ‘спекулянт’;

3. имеющие нейтральную оценку, например: *cash-memo* ‘кассовый чек’, *circumspective* ‘осмотрительный’, *coin* ‘монета’, *conference* ‘переговоры’, *cost* ‘стоимость’, *examination* ‘проверка’.

На наш взгляд, термины, образованные при помощи префиксов и суффиксов также представляют большой интерес. Приведем примеры, выделенные из журнальных статей.

Термины, образованные при помощи префиксов:

- mis-: ***mislabel*** ‘неправильно этикетировать’;
- non-: ***non-delivery*** ‘непоставка’, ***non-payment*** ‘неплатеж’;
- in-: ***inaccurate*** ‘ошибочный’, ***incorporator*** ‘учредитель’;
- ir-: ***irreversibility*** ‘невозможность отмены’;
- sub-: ***subtenant*** ‘поднаиматель’, ***subscription*** ‘подписной взнос’;
- de-: ***defalcation*** ‘растрата чужих денег’, ***default*** ‘неплатеж’;
- im-: ***impost*** ‘налог’;
- co-: ***co-tenancy*** ‘соаренда’;
- re-: ***reaffirm*** ‘повторно подтверждать’, ***recompense*** ‘возмещение’;
- dis-: ***disadvantage*** ‘убыток’, ***disbursement*** ‘издержки’;
- pre-: ***pre-payment*** ‘предоплата’.

Таким образом, нами обнаружено 11 префиксально образованных видов терминов.

Далее приведем примеры терминов, образованных при помощи суффиксов:

- ity: ***ability*** ‘платежеспособность’;
- able: ***abatable*** ‘могущий быть аннулированным’, ***marketable*** ‘товарный’;
- tion: ***bonification*** ‘освобождение от налога’;
- age: ***brokerage*** ‘маклерство’;
- ary: ***voluntary compensation*** ‘добровольное возмещение’;
- ive: ***effective*** ‘имеющий силу’ ***operative*** ‘действительный’;
- ship: ***factorship*** ‘посредничество’, ***membership*** ‘членство’, ***partnership*** ‘товарищество’;
- less: ***ownerless property*** ‘бесхозяйственное имущество’;
- ment: ***abandonment*** ‘отказ’, ***settlement*** ‘уплата’, ***statement*** ‘баланс’;
- ness: ***remissness*** ‘небрежность’.

Выделено 10 видов суффиксов, с помощью которых образованы термины в экономических журнальных статьях. Итак, мы пришли к выводу, что префиксальное и суффиксальное образование терминов продуктивно в экономической сфере.

Особенности перевода английских экономических терминов на русский язык

Экономика любой страны не может существовать изолированно. Она находится в непрерывном взаимодействии с другими областями и сферами деятельности, в результате в исследованных нами статьях присутствуют

термины из других секторов, например: *potash* — калий; *soil nutrient* — удобрение; *crude* — нефть; *lawmakers and officials* — чиновники и официальные лица; *political alliances* — политические союзы; *election* — выборы; *repressions* — репрессии; *overflights and landing rights* — права на пролет и посадку.

На данном этапе все употребленные английские экономические термины имеют устойчивые эквиваленты в русском языке, например: *sanction* — санкция; *dollar-denominated oil contracts* — долларовые нефтяные контракты.

Иногда переводчики прибегают к использованию описательного перевода, например: *FinTech competitors* — финансово-технологические конкуренты; *high tech companies* — высокотехнологичные компании.

В отличие от перевода английских терминов, которые имеют четкие зафиксированные словарями русские эквиваленты, имена собственные предполагают вариативный перевод. Помимо традиционных транскрипции, транслитерации и устойчивых эквивалентов, все чаще переводчики предпочитают оставлять названия известных иностранных компаний в своих исходных графических формах, например:

Russian Deputy Prime Minister Alexander Novak¹ — российский вице-премьер Александр Новак²; President Joe Biden's administration³ — администрация президента Джо Байдена⁴ (устойчивый эквивалент + транскрипция / транслитерация).

SollarWinds cyberattack⁵ — хакерская атака на системы SollarWinds⁶; Brent crude futures⁷ — фьючерсы на нефть марки Brent⁸; West Texas Intermediate futures⁹ — фьючерсы на нефть марки West Texas Intermediate¹⁰ (устойчивый эквивалент + транскрипция / транслитерация, калькирование и использование имен в своих исходных графических формах).

Иногда данные приемы комбинируются:

¹ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (accessed: 16.06.2021).

² Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (accessed: 16.06.2021).

⁴ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁵ Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/06/03/us-sanctions-may-see-russia-ditch-dollar-denominated-oil-contracts-novak-says.html> (дата обращения 10.06.2021).

⁶ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁷ Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/06/03/us-sanctions-may-see-russia-ditch-dollar-denominated-oil-contracts-novak-says.html> (дата обращения 10.06.2021).

⁸ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

⁹ Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/06/03/us-sanctions-may-see-russia-ditch-dollar-denominated-oil-contracts-novak-says.html> (дата обращения 10.06.2021).

¹⁰ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Rory Hopcraft¹¹ — Рори Хопкрафт (Rory Hopcraft)¹²; Peter Sand¹³ — Питер Сэнд (Peter Sand)¹⁴.

Особое внимание хотелось бы уделить использованию стилистических приемов в публицистическом функциональном стиле, в языке газет, журналов и вариантам их перевода, как одному из самых интересных и перспективных направлений в переводоведении. Из-за национальной специфики и особенностей стилистических систем английского и русского языков переводчикам приходится выбирать между передачей функции стилистического приема и самой его формой. При невозможности сохранить экспрессивную окраску в рамках одного предложения переводчику целесообразно использовать прием компенсации. Приведем примеры:

“It makes no sense rocking Belarus,” ...¹⁵ — Нет смысла раскачивать Беларусь...¹⁶;
“hybrid warfare”¹⁷ — «гибридная война»¹⁸.

Напротив, в следующих примерах переводчики посчитали нецелесообразным использование подобного стилистического приема в русском варианте и перевели нейтральными словосочетаниями.

The European Union is aiming to hit Belarus with a new round of sanctions by June...¹⁹ — Европейский союз намерен к июню ввести против Белоруссии новые санкции...²⁰.

Нормы русского и английского языков отличаются значительно друг от друга и, как следствие, перевод не может производиться всегда

¹¹ Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/suez-canal-ever-given-shipping-global-economy-sinks/> (дата обращения: 16.06.2021).

¹² Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (дата обращения: 16.06.2021).

¹³ Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/suez-canal-ever-given-shipping-global-economy-sinks/> (дата обращения: 16.06.2021).

¹⁴ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (дата обращения: 16.06.2021).

¹⁵ Режим доступа: <https://www.cnn.com/2021/06/03/us-sanctions-may-see-russia-ditch-dollar-denominated-oil-contracts-novak-says.html> (дата обращения: 10.06.2021).

¹⁶ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210526/249805026.html> (дата обращения: 10.06.2021).

¹⁷ Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-26/eu-may-sanction-belarus-s-potash-industry-by-this-summer> (дата обращения: 10.06.2021).

¹⁸ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210526/249805026.html> (дата обращения: 10.06.2021).

¹⁹ Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-26/eu-may-sanction-belarus-s-potash-industry-by-this-summer> (дата обращения: 10.06.2021).

²⁰ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210526/249805026.html> (дата обращения: 10.06.2021).

на синтаксическом уровне с использованием аналогичных лексических единиц и синтаксических конструкций. Для достижения соответствия нормам русского языка переводчики нередко используют такие переводческие приемы как опущение, добавление, логическое развитие, перестановка членов предложения, объединение предложений и членение. Но, в процессе исследования материала мы выявили такие приемы, как:

1) добавление, например:

For its part, the new Biden administration has promised “extreme competition” and has sent envoys around the world to bolster existing alliances and forge new coalitions, such as the Quadrilateral Security Dialogue (Quad) with Australia, India and Japan²¹ — Со своей стороны, новая администрация Байдена пообещала Китаю «острую конкуренцию» и направила своих представителей укреплять существующие по всему миру альянсы и создавать новые коалиции, подобные Четырехстороннему диалогу по безопасности (Quad), в котором помимо США участвуют Австралия, Индия и Япония²².

2) опущение, например:

“Shipping is a comfortably forgotten industry,” said Simon Lockwood, a shipping expert with the global insurance brokerage and advisory firm Willis Towers Watson²³ — «Судоходство — это забытая отрасль, — говорит эксперт по морским перевозкам Саймон Локвуд (Simon Lockwood), работающий в международной страховой и консалтинговой фирме Willis Towers Watson²⁴.

Говоря о переводе, невозможно обойти вниманием проблему коммуникативной установки и коммуникативного эффекта. Ведь переводчик должен извлечь информацию из языка-источника и передать ее читателю на другом языке, так как переведенный текст является своего рода коммуникативной заменой исходного.

Нами были найдены примеры, когда переводчики решили добавить или опустить целые абзацы для достижения максимального коммуникативного эффекта.

“There is too much speculative information about the topic”, Belarusian Potash Co.’s press service said by e-mail: . BPC, as the company is also known, said it hopes for a “measured and reasonable” approach in the matter as potash supplies are important for food safety and agriculture industry in the countries that buy the nutrient²⁵ (пе-

²¹ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (дата обращения: 16.06.2021).

²² Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210604/249862247.html> (дата обращения: 10.06.2021).

²³ Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/suez-canal-ever-given-shipping-global-economy-sinks/> (дата обращения: 16.06.2021).

²⁴ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (дата обращения: 16.06.2021).

²⁵ Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-26/eu-may-sanction-belarus-s-potash-industry-by-this-summer> (дата обращения: 10.06.2021).

ревод на русский язык отсутствует) — Европейский союз намерен к июню ввести против Белоруссии новые санкции из-за посадки самолета Ryanair и ареста оппозиционного журналиста. Более серьезные меры запретят европейским компаниям торговать с белорусскими производителями калийных удобрений. Однако Белоруссия сможет уйти из Европы на другие рынки, считают эксперты²⁶ (добавление переводчика).

Нами были также найдены примеры, когда переводчик посчитал необходимым добавить подзаголовки, что позволило структурировать статью и сделать ее более четкой для восприятия русскоязычного читателя: узкое место торговых путей; военные угрозы; о важности сигналов GPS; уязвимость Запада²⁷.

Рассмотренные варианты перевода английских терминов, актуализированных в массиве журнальных статей, с английского на русский язык обратили наше внимание на то, что для успешного «адекватного» перевода переводчики используют не только русские устойчивые эквиваленты английских терминов, но и переводческие трансформации, а также одновременно учитывают межкультурные различия между Россией и Западом.

Исследование показало, что язык, являясь отражением всех без исключения сфер жизни общества, в нашем случае, экономическая терминология и «язык рынка» как подсистема языка — динамично развивающаяся структура в двух языках, изучение которой нуждается в регулярном корректировочном анализе и дополнении.

Заключение

Подводя итоги исследования отметим, что установленные структурные и системные связи внутри экономической терминологии и ее взаимодействие с терминологиями других сфер науки и профессиональной деятельности, вне сомнения, не являются изолированным и самостоятельно функционирующим континуумом, а являются образованиями, которые под воздействием экстралингвистических факторов интегрируются и заимствуют терминологию из других специальных областей.

Таким образом, наше исследование вносит дополнительный вклад в структуризацию и систематизацию экономической терминологии, переводоведение и теорию языка в целом. Полученные результаты могут применяться на теоретических и практических занятиях по языкознанию, теории и практике перевода.

²⁶ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210526/249805026.html> (дата обращения: 10.06.2021).

²⁷ Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20210402/249474251.html> (дата обращения: 16.06.2021).

Библиографический список

1. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. М. : Флинта, 2012. EDN: SGPRFX
2. Шелов С.Д. Семантическое, понятийное и терминологическое поле термина // Научно-техническая терминология. 2001. № 2. С. 100–102. EDN: TJWLZX
3. Мельников Г.П. Основы терминоведения. М. : РУДН, 2009.
4. Аксютенкова Л.Г. Экономическая когнитивная область: аспекты концептуализации // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2(40). С. 67–69. EDN: OFENDZ
5. Алексеева Т.Е., Федосеева Л.Н. Английские заимствования в современной экономической терминологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 4(285). С. 203–207. EDN: VYFKCQ
6. Алендеева С.В., Ашрапова А.Х. Дискурс о трудностях перевода заимствованных экономических терминов с английского языка на русский // В мире научных открытий. 2015. № 3(63). С. 141–147. EDN: TNPUVV
7. Беляков М.В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 83–92. EDN: PXZTQV
8. Корнеева А.Ю. Новые явления в русской экономической терминологии последних десятилетий // Менеджмент и предпринимательство: Пета научна конференция, Болгария, Пловдив, 30–31 октября 2008 года. Пловдив : Технический университет, 2008. С. 224–231. EDN: VNMWLF
9. Rubert I.B., Rosyanova T.S., Kiseliyeva S.V. Nominative Specificity of English Marketing Terminology // Discourse. 2020. Vol. 6. № 4. P. 121–130. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-121-130> EDN: GFHFAP
10. Semenova S.N., Aksyutenkova L.G. Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the Example of Market-Economic Terminology) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 760–774. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774> EDN: LLNGIL
11. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311> EDN: SOJLDU
12. Yuhan, Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T. Peculiarities of Formation of the Term System of International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473> EDN: OLJZNY
13. Романова Т.В., Колчина О.Н. Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> EDN: GYJNPJ
14. Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И., Новоспаская Н.В., Речинский В.А. Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103> EDN: ORDIGZ
15. Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> EDN: UJCEYB
16. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008.

17. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> EDN: BOVCXP
18. Лейчик В.В. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 6. С. 20–29.

References

1. Buyanova, L.Yu. (2012). *The term as a unit of the logo*. Moscow: Flinta. EDN: SGPRFX (In Russ.).
2. Shelov, S.D. (2001). Semantic, conceptual and terminological field of the term. *Scientific and technical terminology* 2, 100–102. EDN: TJWLZX (In Russ.).
3. Melnikov, G.P. (2009). *Fundamentals of terminology*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
4. Aksyutenkova, L.G. (2011). Economic cognitive field: conceptualization aspects. *Cultural Studies of Russian South*, 2(40), 67–69. EDN: OFENDZ (In Russ.).
5. Alexeeva T.E., Fedoseeva L.N. (2019). English Borrowings in Modern Economic Terminology. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 4(285), 203–207. EDN: VYFKCQ (In Russ.).
6. Alendeeva, S.V. & Ashrapova, A.Kh. (2015). Discourse on the difficulties of the translation of the borrowed economic terms from English into Russian. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 3(63), 141–147. EDN: TNPUVV (In Russ.).
7. Belyakov, M.V. (2012). Diplomatic terminology: lexicographic problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 83–92. EDN: PXZTQV (In Russ.).
8. Korneeva, A.Yu. (2008). New phenomena in Russian economic terminology of last decades. In: *Management and enterprise: Peta scientific conference*. Plovdiv: Technical University. pp. 224–231. EDN: VNMWLF (In Russ.).
9. Rubert, I.B., Rosyanova, T.S. & Kiselieva, S.V. (2020). Nominaive Specificity of English Marketing Terminology. *Discourse*, 6(4), 121–130. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-121-130> EDN: GFHFAP
10. Semenova, S.N. & Aksyutenkova L.G. (2020). Cognitive-Pragmatic Interpretation of Linguistic Personality (on the Example of Market-Economic Terminology). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 760–774. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774> EDN: LLNGIL
11. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311> EDN: SOJLDU
12. Yuhan, Lazareva, O.V., Barov, S.A. & Vered, V.T. (2024). Peculiarities of Formation of the Term System of International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473> EDN: OLJZNY
13. Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2022). Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> EDN: GYJNPJ (In Russ.).
14. Chulkina, N.L., Philippovich, Y.N., Alexandrova, O.I., Novospassskaya, N.V. & Rechinsky, V.A. (2023). Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103> EDN: ORDIGZ (In Russ.).
15. Galankina, I.I., Perfilieva, N.V., & Tsibizova, O.V. (2022). Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> EDN: UJCEYB (In Russ.).

16. Grinev-Griniewicz, S.V. (2008). *Terminology*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
17. Grinev-Griniewicz, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> EDN: BOVCXP (In Russ.).
18. Leichik, V.V. (2000). Problems of Russian terminology at the end of the twentieth century. *Problems of Philology*, 6, 20–29. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Аксютенкова Людмила Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149); *сфера научных интересов*: теория языка, терминология, морфология терминов; *e-mail*: ludmila100@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5925-0317. SPIN-код: 2473-7446, AuthorID: 256654.

Семенова София Новиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д.149); *сфера научных интересов*: социолингвистика, теория дискурса, семантика; *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3172-9198. SPIN-код: 6833-6538, AuthorID: 598566.

Information about the authors:

Lyudmila G. Aksyutenkova, PhD in Philology, Associate Professor of English in professional sphere department, Roman-German Philology Faculty, Kuban State University (149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, Russian Federation, 350040); *Research interests*: theory of language, terminology, morphology of terms; *e-mail*: ludmila100@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5925-0317; SPIN-code: 2473-7446; AuthorID: 256654.

Sofiya N. Semenova, PhD in Philology, Associate Professor of English in professional sphere department, Roman-German Philology Faculty, Kuban State University (149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, Russian Federation, 350040); *Research interests*: sociolinguistics, theory of discourse, semantics; *e-mail*: sofya.semenova75@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3172-9198; SPIN-code: 6833-6538; AuthorID: 598566.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1310-1327

EDN: QUAFKI

УДК 811.133.1'276.6'373.46:629.78

Научная статья / Research article

Интернациональные термины предметной области *космическое приборостроение* как акселератор профессиональной коммуникации

Т.В. Сладникова¹ , Е.И. Черкашина¹ ,
С.А. Баров² , Д.В. Коваленко¹

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская
Федерация
 sabarov@fa.ru

Аннотация. Актуальность настоящей статьи, выполненной в русле сопоставительного анализа терминов в области *космического приборостроения*, обусловлена изучением интернациональной терминологии предметной области *космическое приборостроение* на примере французского языка в сопоставлении с русским, английским и итальянскими языками. Цель статьи состоит в попытке аргументированного и обобщающего освещения статуса французского языка как донора интернациональных терминологических единиц предметной области *космическое приборостроение*. Выполнен обзор исследований отечественных и зарубежных ученых-терминологов в период с конца XX в. по настоящее время. Научная новизна исследования видится в разработке логико-понятийной классификации терминов области *космическое приборостроение* и классификации принципов образования терминов-словосочетаний во французском языке. Сделан вывод, что французский язык является донором интернациональных терминов, а не их реципиентом. Отмечено закрепление французского языка в статусе языка-инноватора, т.к. французские интернациональные термины активно заимствуются другими языками профессионального общения в области *космическое приборостроение* благодаря их краткости и ассоциативности. В перспективе авторский корпус примеров, полученных методом извлечения терминов и терминологических словосочетаний из специализированных технических словарей, может использоваться для составления глоссариев по отдельным темам *космического приборостроения*. Полученные результаты могут быть интересны для переводчиков сферы *космического приборостроения*.

Ключевые слова: интернационализация терминов, профессиональная коммуникация, классификация терминов, французские термины-словосочетания, язык-донор, языки-реципиенты

© Сладникова Т.В., Черкашина Е.И., Баров С.А., Коваленко Д.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов:

Т.В. Сластникова — автор идеи и формулирование концепции исследования, написание раздела «Материалы и методы исследования»; Е.И. Черкашина — обработка данных, написание раздела «Результаты исследования»; С.А. Баров — написание разделов «Введение» и «Заключение»; Д.В. Коваленко — сбор, анализ и обработка материалов, написание раздела «Материалы и методы исследования».

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Сластникова Т.В., Черкашина Е.И., Баров С.А., Коваленко Д.В. Интернациональные термины предметной области космическое приборостроение как акселератор профессиональной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1309–1327. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1309-1327>

International Terminology of *Space Instrumentation* in the Field of International Professional Communication

Tamara V. Slastnikova¹ , Elena I. Cherkashina¹ ,
Sergey A. Barov² , Daria V. Kovalenko¹

¹Moscow City University, Moscow, Russian Federation

²Financial University, Moscow, Russian Federation

 sabarov@fa.ru

Abstract. The relevance of this article, written in the context of a comparative analysis of terms in the field of space instrumentation, is due to the study of the space instrumentation international terminology on the example of the French language in comparison with Russian, English and Italian. The subject of this publication is the process of internationalization of terms, which acts as a constant companion of professional communication, replenishing the vocabulary of the host languages with new terminological units. The purpose of the article is to attempt a reasoning and generalizing coverage of the status of the French language as a donor of space instrumentation international terminological units. A review of the research of domestic and foreign scientists-terminologists in the period from the end of the twentieth century to the present is carried out. The scientific novelty of the study is seen in the development of a logical and conceptual classification of terms in the field of space instrumentation and the classification of the principles of the formation of terms and phrases in the French language. It is concluded that the French language is a donor of international terms, and not their recipient. Contributing to the consolidation of the French language in the status of an innovative language, its international terms are actively borrowed by other languages of professional communication in the field of space instrumentation due to their brevity and associativity. In the future, the author's corpus of examples can be used to compile glossaries on individual topics within the framework of space instrumentation based on methods of extracting terms and terminological phrases from specialized technical dictionaries. The results obtained may be of interest to translators in the field of space instrumentation.

Keywords: internationalization of terms, professional communication, classification of terms, French terms-phrases, donor language, recipient languages

Authors' contribution:

Participation of authors: Tamara V. Slastnikova— author of the idea and formulation of the concept of research, writing section «Materials and methods of research»; Elena I. Cherkashina— data processing, writing section «Results of research»; Sergey A. Barov — writing sections «Introduction» and «Conclusion»; Daria V. Kovalenko — collection, analysis and processing of materials, writing the section «Materials and methods of research».

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Slastnikova, T.V., Cherkashina, E.I., Barov, S.A. & Kovalenko, D.V. (2024). International Terminology of *Space Instrumentation* in the Field of International Professional Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1309–1327. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1309-1327>

Введение

Интернационализация технических терминов представляет собой процесс, который наряду с другими орудиями фиксации и передачи мысли профессионала — чертежами, формулами и условными знаками — определяет вектор взаимного понимания между изобретателем и конструктором, составителем технического задания и его исполнителем, между переводчиками и техническими специалистами одной области знаний, но говорящими на разных языках, которые используют интернациональные термины с целью фасилитации профессиональной коммуникации.

Анализируя терминологию области *космическое приборостроение* на материале специализированных технических словарей и глоссариев¹,

¹ Вестник «НПО им. С.А. Лавочкина»: ежеквартальный научно-технический журнал: Выпуски с 2009 по 2023 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.laspacespace.ru/ru/press/vestnik/archive/> (дата обращения: 25.06.2024).. ЭСКТ [Электронный ресурс] Режим доступа: *Электронный словарь космических терминов. Госкорпорация Роскосмос*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.roscosmos.ru/dictionary/224/> (дата обращения: 25.06.2024). *Dictionnaire Larousse français monolingue et bilingues en ligne*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 18.05.2024). *Dizionario Etimologico*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.etimo.it/> (дата обращения: 22.05.2024). *English–Russian Cambridge Dictionary*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/> (дата обращения: 10.05.2024). *La neuvième édition du Dictionnaire de l'Académie française*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire/la-9e-edition> (дата обращения: 18.05.2024). *Online etymology dictionary*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.05.2024). *Vocabolario della lingua italiana. Seconda edizione*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archive.org/details/VocabolarioDellaLinguaItaliana2> (дата обращения: 25.06.2024).

мы выдвинули гипотезу о том, что в ней широко используются французские интернациональные термины, что привело к комплексному изучению интернациональных терминов, роли французского языка как донора интернациональной лексики в диахронии, а также роли интернациональной лексики в различные периоды ее вхождения в языки-реципиенты. В ходе исследования наша гипотеза нашла свое подтверждение: в области *космическое приборостроение* французский язык является доминирующим в интернационализации терминов.

В рамках исследования впервые были изучены интернациональные термины, представленные на французском, английском, итальянском и русском языках в области *космическое приборостроение*. Впервые разработана классификация принципов образования терминов-словосочетаний категории космических испытаний во французском языке, проведена логико-понятийная классификация терминов области *космическое приборостроение*, результатом которой стало определение наиболее распространенного вида терминов изучаемой предметной области.

Материалы и методы исследования

Целью работы является рассмотрение статуса французского языка как донора интернациональных терминологических единиц предметной области *космическое приборостроение*.

Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в научно-техническом журнале «Вестник «НПО имени С.А. Лавочкина», включенном в перечень ведущих научных изданий и являющимся расширенным средством описания решений стратегических задач в области создания космических приборов, комплексов и систем с 2009 года. В качестве эмпирической базы дополнительно взяты словари и глоссарии, содержащие терминологические единицы изучаемой предметной области. Корпус примеров, сформированный методом сплошной выборки из указанных источников, составил 332 терминологические единицы.

При анализе терминов области *космического приборостроения* были использованы теоретические методы исследования: метод морфологического, семантического анализов, словарно-дефиниционный метод, метод сплошной выборки, метод наблюдения, а также статистический и описательный методы.

Изменения, происходящие в современном мире, предполагают пересмотр идей, подходов и затрагивают, прежде всего, подготовку кадров для новой эпохи, которая требует творческого, масштабного мышления. Последнее время организационные системы и процессы, посредством которых знания, включая технологии, опыт и навыки передаются от одной стороны к другой, приводят к инновациям в экономике и социальной сфере. Речь идет о трансфере технологий, которые в современном обществе приобретают транснациональный характер [1].

Космическая терминология представляет собой достаточно сложный специфический пласт специальной лексики, что обусловлено собственно составом терминов, ее междисциплинарным характером и особенностями ее употребления в различных типах текстов. В основу изучения и анализа терминов области *космического приборостроения* положены теоретические труды отечественных и зарубежных ученых. Развитию терминоведения предшествовал длительный период накопления знаний о специальной лексике, используемой в разных сферах науки и производства.

К началу 1970-х гг. необходимость комплексного рассмотрения сущности термина через призму категорий лингвистики становится очевидной [2]. Именно в это время В.П. Даниленко опубликовала работу, в которой описывается синонимия, закономерность полисемии и важность контекста для термина [3. С. 43]. Всеобщее признание в качестве самостоятельной дисциплины терминоведение получило в 70–80 гг. XX в., когда в России формируются научные школы терминоведения: московская под руководством О.С. Ахмановой; горьковская, которую возглавил Б.Н. Головин; омская во главе с Л.Б. Ткачевой и ленинградские школы, возглавляемые А.С. Гердом и Р.Г. Пиотровским.

В европейских странах зарождение терминоведения как самостоятельной научной отрасли связано с именем австрийского ученого Ойгена Вюстера, автора работы о международном нормировании речи в технике и электронике который высказал мысль о необходимости «отдавать предпочтение латинским и греческим основам в ходе выделения терминов из лексики национального языка» [4. С. 431].

Активное развитие терминоведения как науки отмечается во франкоговорящих странах последние десятилетия. Французские исследователи языка (A. Rey, J. Dubois, J. Rey-Debove, F. Gaudin, L. Guespin, C. Roche) считают, что терминологии возникают на основе различных практических потребностей, в число которых входят профессиональные и социальные. Французский лингвист А. Польгер (A. Polguère) утверждает, что терминология — это «совокупность строго определенных терминов, которые специфичны для той или иной науки, техники, конкретной области человеческих знаний» [5. С. 51].

Разделяя точку зрения А. Польгера (A. Polguère), его соотечественник Л. Геспен (L. Guespin), под терминологией понимает «набор технических слов, относящихся к той или иной области науки, искусства, используемых для обозначения классов и понятий и принадлежащих отдельному автору или социальной группе» [6. С. 48]. В более узком смысле терминология определяется как языковая дисциплина, посвященная научному изучению понятий и терминов, употребляемых в специальных языках. Если общим языком является тот, который используется в повседневной жизни, то специальный язык — это язык однозначного общения в конкретной области

практики, основанный на свойственной ему лексике и языковых обычаях. Междисциплинарный характер терминологии отмечает французский ученый П. Ожера (P. Auger), который выделяет в терминоведении следующие направления: лингвистическое, переводческое и третье — стандартизация и систематизация терминов [7].

В XXI веке французский терминолог Кристоф Рош (C. Roche), ввел новое понятие *онтотерминология*: «Nous introduisons le néologisme ontoterminologie pour désigner cette approche qui place l'ontologie au centre de la terminologie. Une approche où l'ontologie joue un rôle fondamental à double titre : pour la construction du système notionnel et pour l'opérationnalisation de la terminologie» [8. P. 8]. *Онтотерминология* в понимании К. Роша, анализирует отношения между терминами, обозначающими концепции, специфичные для конкретной области, интегрируя социолингвистическое измерение и использование в специализированном языке.

Анализ исследований терминологии отечественных и зарубежных ученых показал, что в советских и российских работах по терминоведению акцент делается на теоретические основы. Зарубежные лингвисты, начиная с работ О. Вюстера, в большей мере ориентируются на практическую направленность использования термина как основного элемента профессионального общения (G. Ménage, A. Bailly, E. Forcellini, J. Lions, R. Dubuc, D. Goadec, D. Nolet). На сегодняшний день в отечественной терминологии исследования узкоспециализированной области *космического приборостроения* не проводятся в рамках отдельной научной школы.

Результаты исследования

Классификация терминов космического приборостроения

Сотрудничество России, Италии, США с Французской Республикой представлено довольно широко (совместные исследования на МКС, запуски российских «Союзов», полномасштабные долгосрочные программы межпланетных исследований), что приводит к выводу, что в мире современных технологий космонавтика (и связанная с ней ракетная техника) стала одной из развитых отраслей человеческой деятельности.

Космическая терминология широко использует термины смежных с ней областей знаний: астрономии, метеорологии, космической физики, инженерии, геодезии, химии, информационных технологий, микробиологии, планетологии, военного производства и ряда других наук. Такие авиационные термины, как *закрылок, обтекатель, сопло, руль направления, передняя кромка крыла* демонстрируют тесную связь космической и авиационной сфер. Это подтверждает утверждение, выдвинутое в свое время В.М. Лейчиком и отмеченное С.Д. Шеловым, «меняя теории, в рамках которых термин рождается и функционирует, один и тот же по форме термин настолько меняет свое понятийное содержание, что фактически

«расщепляется» на разные омонимы, каждый из которых имеет свое собственное понятийно-терминологическое содержание, подтверждающее рождение из одной терминологической единицы нескольких» [9. С. 355].

Отметим, что большое значение для терминологической деятельности имеет классификация терминов. В процессе структурирования терминов выстраивается их связь на логико-понятийном уровне, включающая множество свойственных ей признаков. В данном исследовании мы опираемся на классификацию, позволяющую систематизировать терминологические единицы предметной области *космическое приборостроение* по формальному признаку.

Простые термины, согласно классификации по формальному признаку, включают в себя производные слова, которые не образованы от другого корня, они самостоятельны: *coupé* (f), *câble* (f), *circuit* (m), *bus* (m), *tresse* (f), *diode* (f), *carte* (f), *rampe* (f), *mât* (m) и др.

Сложные термины состоят из двух корней, например *infrastructure* (f), *magnétomètre* (m), *anémomètre* (m), *bio-indicateur* (m), *pyrovanne* (f), *rétrofusée* (f), они рассмотрены ранее в нашей работе [10].

Аффиксальные термины состоят из основы и префикса (*supercarburant* (m), *ultracentrifugeuse* (f)) / суффикса (*émetteur-récepteur* (m), *feeder* (m), *cordage* (m)) / аффикса (*mini-processeur* (m)), и как правило, представлены существительными, обозначающими лиц по профессии или роду занятий, названиями видов техники и оборудования.

Терминологические единицы в работе также разделяются на термины-словосочетания, служащие наименованием приборов, процессов их сборки, интеграции и верификации, образуются по следующим выявленным нами принципам:

- существительное + прилагательное: *coupé fusible* (f), *élément électrique* (m), *résistance variable* (f), *capteur optique* (m), *détecteur stellaire* (m);
- существительное + существительное: *barre bus* (m), *lame ressort* (f);
- существительное + предлог de/à + существительное: *dispositif de prélèvement* (m), *collecteur de dégazage* (m), *écrou à poignées* (m).

Особую категорию терминов-словосочетаний в изучаемой нами области составляют термины с понятийным признаком компонентов, служащие для наименования проводимых испытаний. Термины данной тематической категории представляют собой устойчивые словосочетания. Первый элемент такого фразеологизма стабильно составляет существительное *essais* — испытания; далее следуют единицы, непосредственно характеризующие главное слово испытания, зависимые слова могут присоединяться несколькими способами:

- существительное «essais» + прилагательное: *essais électrostatiques/mécaniques/acoustiques/hydrauliques/aérodynamiques/hydrogazomécaniques/aléatoires/séquentiels*;

- существительное «essais» + предлог «de», который на русский язык в большинстве случаев переводится предлогом «на»: *essais de compatibilité électromagnétique* (испытания на электромагнитную совместимость), *essais de polarité/ d'isolation/ de réception/ de vibration/ de qualification/ de carburant/ d'équilibrage thermique/ de protection contre l'humidité* и др.;
- существительное «essais» + предлог «à», на русский язык переводится существительным в творительном падеже (чем?): *essais à la chaleur sèche* (испытание сухим теплом), *essais à l'échelle*, *essais au chaud*, *essais aux limites*, *essais à la bombe*;
- существительное «essais» + предлог «en»: *essais en fonctionnement*, *essais en soufflerie*.

Отметим, что зачастую специалисты области космического приборостроения используют в своей речи наименования испытаний, образованные по формуле существительное «essais» + существительное без употребления артикля и без использования предлога (эллиптические конструкции) для экономии времени и речевых усилий, что также вошло в письменный язык: *essais tir*, *essais ultraviolet*, *essais usine*, *essais grandeur*, *essais passagers*, *essais random*, *essais sinus*.

В некоторых случаях наблюдается опущение главного слова «essais»: *stérilisation (f) aux vapeurs H₂O*, *plateau (m) chaud*, *plateau (m) froid* и др.

Основанием следующей классификации является принадлежность термина к конкретной сфере. Первым видом терминов являются общенаучные термины, вторым видом выступают межнаучные термины, выражающие теоретические и практические аспекты различных сфер знаний. Например, *transducteur (m)* (биология, космонавтика, информационные технологии, радио), *adaptateur (m)* (авиация, информационные технологии, космические, медицинские технологии, нефтегазовая промышленность, химия), *antenne (f)* (авиация, гидротехнологии, юриспруденция, космическое приборостроение), *navigateur (m)* (авиационные, космические, информационные технологии, радио), *radiateur (m)* (строительство, космические, информационные технологии), *dispositif de mise à feu (m)* (авиация, военная сфера, космическое приборостроение), *émetteur-récepteur (m)* (информационные, космические технологии, радио, авиация).

Завершающим видом в классификации являются узкоспециальные термины. К терминам данного типа предметной области *космическое приборостроение* относим: *feeder (m)* — фидер, *cordon tire-feu (m)* — вытяжной шнур парашюта, *antenne Grand Gain (f)* — остронаправленная антенна, *dispositif sauvegarde embarqué (m)* — бортовое устройство резервного копирования, *rétrofusée (f)* — тормозной ракетный двигатель и др. Отдельную категорию узкоспециальных терминов космического приборостроения составляют признаки и свойства приборов и их комплектующих: *à jet* (реактивный), *à faible poussée* (малой тяги), *plasmique* (плазменный),

potentiométrique (потенциометрический), *thermo-rétrécissant* (термоусадочный), *stellaire* (звездный), *solaire* (солнечный), *de purge* (продувки), *d'apogée* (апогея), *d'éjection* (выведения) и другие.

Следуя вышеизложенной классификации, методом сплошной выборки из указанных источников нами были отобраны 332 терминологические единицы. Проведенный анализ показал, что 18 единиц относятся к общенаучным, 15 — к межнаучным и, соответственно, 299 (90 %) к узкоспециальным терминам, отражающим реалии, понятия и категории, специфичные для данной отрасли знания. Результаты исследования представлены в форме диаграммы (рис. 1).

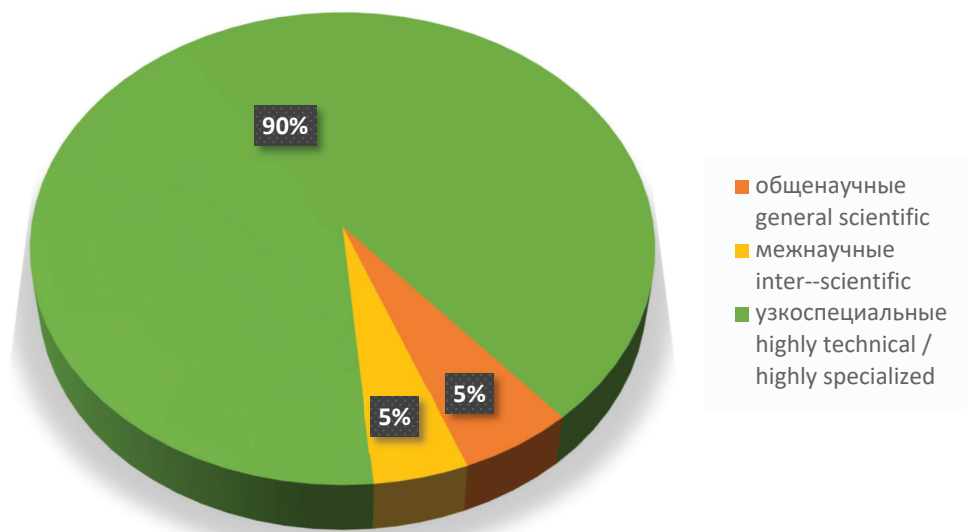

Рис. 1. Частотность употребления терминов по логико-понятийному критерию
 Источник: составлено Т.В. Слостниковой, Е.И. Черкашиной, С.А. Баровым, Д.Р. Коваленко.

Fig. 1. Frequency of use of terms by logical-conceptual criterion
 Source: compiled by Tamara V. Slastnikova, Elena I. Cherkashina, Sergey A. Barov & Daria V. Kovalenko.

Выявление языка-донора интернациональных терминов предметной области космическое приборостроение

В конце XX — начале XXI вв. интернационализмы остаются предметом расширенного исследования ряда российских лингвистов: Т.В. Солтановская, А.Э. Рыцарева, Е.И. Косенко, Л.П. Гикал, Ю.Н. Кочурова. В настоящее время в сфере интернациональной лексики ведутся исследования 1) по определению места интернациональных лексических единиц среди заимствованной лексики; 2) по выявлению типов интернационализмов, источников их происхождения, особенностей функционирования и развития; 3) освещаются вопросы фразеологической интернационализации [11–18 и др.].

Интернациональные термины Д.С. Лотте определяет как «термины, совпадающие по звуковому составу и значению в трех и более

языках» [19. С. 83]. Как отмечает Е.В. Мошняга, «даже при совпадении не только общих, но и специализированных понятий данных терминов, при их интернационализации, ни в коей мере не мешает признавать их словами того или иного национального языка. Ассимилируясь фонетически и графически под влиянием языка-реципиента, сохраняя общность корня слова и единство семантической идеи, такие термины все же отражают этимологию своего генезиса и фиксируются в системе международной терминологии» [20. С. 69].

В середине 80-х гг. XX в. стали говорить о «тенденции создания интернационального фонда в новых для того времени терминологиях — освоения космоса, ядерной физики, информационных технологий, электроники, радиолокации, телевидения, ракетной техники» [21. С. 113]. Отметим, что именно тогда французский язык раздал значимо большое число интернационализмов космической области другим языкам, так как в этот период Франция активно занялась освоением космоса. Успехи Французской Республики (свой космодром Куру, огромное подразделение европейского космического агентства, Arianespace, космические организации CNES, Association Aeronautique et Astronautique de France, Airbus, Snecma, своя ракета-носитель Ариан-6, передовые приборы) активизировали создание интернационального фонда в новых для того времени терминологиях, в том числе, в *космическом приборостроении*.

Функционал интернациональных терминов состоит в точной передаче значения слова. Таким образом, «термины дают монореференциальные наименования окружающим процессам и соответствующим объектам действительности, что исключает двусмысленность в интерпретации терминологической единицы в рамках профессиональной коммуникации» [11. С. 40]. Ранее отмечалось, что «наименования большей части оборудования сопровождаются интернациональной лексикой, поскольку она помогает специалистам дифференцировать однородную продукцию, распределять ее по типам, разрядам, различать, уточнять ее, ускоряя процесс визуального и слухового восприятия» [10. С. 315]:

вентилятор (рус.) — *ventilator* (англ.) — *ventilateur* (м) (франц.) — *ventilatore* (м) (итал.);

демпфер (рус.) — *damper* (англ.) — *damper* (м) (франц.) — *damper* (м) (итал.);

диффузор (рус.) — *diffuser* (англ.) — *diffuseur* (м) (франц.) — *diffusore* (м) (итал.);

траверс (рус.) — *traverse* (англ.) — *traverse* (f) (франц.) — *traversa* (f) (итал.) и так далее.

Интернациональным терминам присуща однозначность, они не мотивируют терминологические наименования, а расшифровывают именуемые понятия. Структурно-семантическая предсказуемость интернациональных терминов соответствует требованиям научной дефиниции.

Подчеркнем, что группа интернациональных терминов не стремится к выходу за пределы конкретной области знаний, что объясняется изолированностью данной сферы и ограниченным использованием таких единиц. Рассматривая вопросы семантики и семантической адаптации интернациональных терминов, отметим, что в области *космическое приборостроение* выделяют преимущественно термины, интернациональные по семантике и форме (например, *стандарт* (русс.), *standard* (англ.), *standard* (m) (итал.), *standard* (m) (франц.); *элемент* (русс.), *element* (англ.), *elemento* (m) (итал.), *élément* (m) (франц.); *норма* (русс.), *norm* (англ.), *norma* (f) (итал.), *norme* (f) (франц.) и т. д.), значительное количество таких единиц функционирует в вычислительной технике и программном обеспечении (*консоль* (русс.), *console* (англ.), *console* (f) (итал.), *console* (f) (франц.); *сервер* (русс.), *server* (англ.), *server* (m) (итал.), *serveur* (m) (франц.); *браузер* (русс.), *browser* (англ.), *browser* (m) (итал.), *browser* (m) (франц.)).

Ссылаясь на работу А.Я. Банкава, можно утверждать, что «количество заимствованных нероманскими языками интернационализмов, этимологически восходящих к французскому языку, на момент проведения его исследования превысило 2000 самостоятельных единиц» [22. С. 18]. Расхождения в пути (напрямую, при помощи языка-посредника, устно, письменно) и во времени процессов заимствования французских интернационализмов в различные языки объясняются экстралингвистическими факторами.

Отобранные в ходе сплошной выборки интернациональные термины представлены соответственно на французском, английском, итальянском и русском языках:

magnétomètre (m) — *magnetometer* — *magnetometro* (m) — *магнитометр*;
relais (m) — *relay* — *relè* (m) — *реле*;
résistance (f) — *resistor* — *resistor* (m) — *резистор*.

Несмотря на общеизвестный факт, о том, что латинский и греческий языки издревле стояли у истоков формирования терминологий внушительного перечня сфер деятельности человека, в своем исследовании мы не рассматриваем их в качестве потенциальных языков-доноров терминов области *космическое приборостроение*. Это объясняется тем, что на момент первых разработок космических летательных аппаратов в середине XX в. они фактически не обладали достаточным терминологическим потенциалом для наименования возникающих в режиме реального времени неологизмов, инновационных терминов. Процесс терминообразования в данной области исторически сложился таким образом, что космические державы предпочитают создавать собственную терминологию или заимствовать ее у стран, активно разрабатывающих космические технологии. Стоит отметить, что использование морфем греко-латинского происхождения для образования большинства терминов выбранной нами предметной области не позволяет назвать греческий

или латинский языки донорами ввиду отсутствия в их вокабуляре наименований для космических приборов на момент их номинации.

Анализ тестового материала проводился в несколько этапов. Первоначально методом сплошной выборки осуществлен поиск терминов, соответствующих по признакам интернациональной категории. Далее путем использования сетевых технологий, а именно электронного словаря Multitran и онлайн-сервиса Reverso Context, предлагающего переводы слов в контексте, основанном на реальных примерах из новостных статей, научных работ и других источников, проведен сопоставительный анализ перевода отобранных терминов русского/французского/английского/итальянского языков для подтверждения их интернационального статуса. За язык-эталон был принят русский в связи с доступностью и разнообразием исследуемого материала. Термины, имеющие в одном или нескольких языках форму, не соответствующую интернациональной, были исключены из перечня примеров.

Следующий этап исследования состоял в выявлении языка-донора терминов области космическое приборостроение. В целях реализации поставленной задачи каждый термин был верифицирован по словарям, указанным в источниках, для отслеживания вхождения в язык, языковых модификаций и ассимиляции отобранных единиц. В заключение проведен количественный подсчет единиц, заимствованных из каждого отдельного языка в язык-реципиент, и, таким образом, выяснено, что языком-донором преобладающего количества космических интернациональных терминов является французский.

Результаты исследования представлены на нижеприведенных диаграммах. В русский язык вошло 48 % интернациональных терминов области космическое приборостроение из французского языка; 38 % — из английского; 14 % — из немецкого языка (рис. 2).

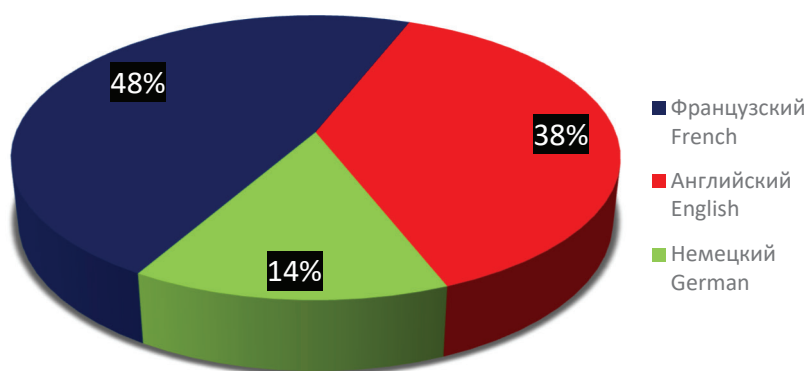

Рис. 2. Языки-доноры интернациональных терминов в русский

Источник: составлено Т.В. Сластниковой, Е.И. Черкашиной, С.А. Баровым, Д.В. Коваленко.

Fig. 2. Languages-donors of international terms in Russian

Source: compiled by Tamara V. Slastnikova, Elena I. Cherkashina, Sergey A. Barov & Daria V. Kovalenko.

Английский язык, в свою очередь, заимствовал в свой лексический состав 91 % интернациональных терминов изучаемой области из французского языка и 9 % из немецкого. Интересно также заметить, что несмотря на статус английского языка как языка глобализации, доминирующего практически во всех областях научного знания, в процессе интернационализации терминологии *космического приборостроения* он играет второстепенную роль после французского языка (рис. 3).

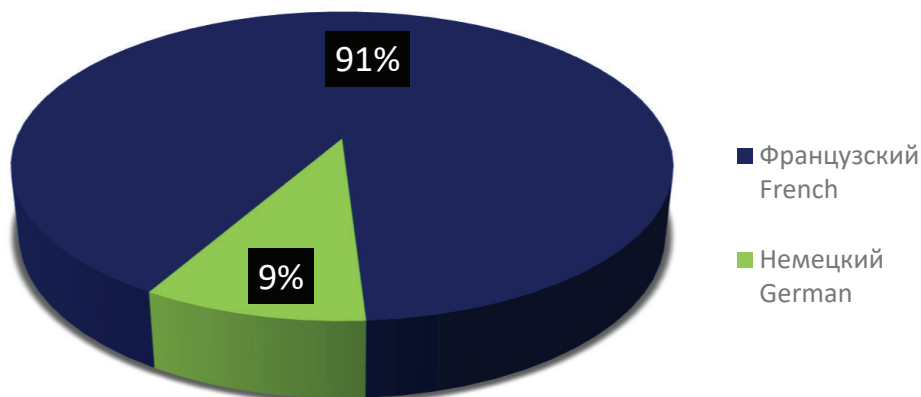

Рис. 3. Языки-доноры интернациональных терминов в английский

Источник: составлено Т.В. Слостниковой, Е.И. Черкашиной, С.А. Баровым, Д.Р. Коваленко.

Fig. 3. Languages-donors of international terms in Russian

Source: compiled by Tatiana V. Slastnikova, Elena I. Cherkashina, Sergey A. Barov & Daria R. Kovalenko.

В итальянском языке 67 % терминов имеют французское происхождение, 23 % — этимологически восходят к английскому языку, в свою очередь, испанский язык обогатил итальянский лишь 10 % интернациональных терминов, что наглядно представлено на диаграмме (рис. 4).

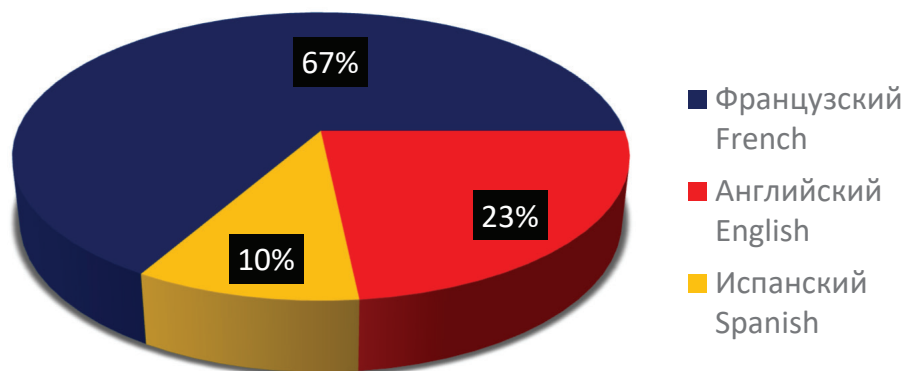

Рис. 4. Языки-доноры интернациональных терминов в итальянский

Источник: составлено Т.В. Слостниковой, Е.И. Черкашиной, С.А. Баровым, Д.В. Коваленко.

Fig. 4. Languages-donors of international terms in Italian

Source: compiled by Tamara V. Slastnikova, Elena I. Cherkashina, Sergey A. Barov & Daria V. Kovalenko.

Подчеркнем, что интернациональные термины итальянского происхождения в изучаемой нами области не заимствовались другими языками, что говорит об их слабой лингвистической мобильности и адаптивности.

В результате исследования было выявлено 56 интернациональных лексических единиц. Французский язык, выступая языком-донором, поставил в другие языки 34 термина, что составило 61 %. Английский язык — 35 %, русский и итальянский являются малопродуктивными. Таким образом, выдвинутая гипотеза, что французский язык является активным источником обогащения словарного состава других языков, в области *космическое приборостроение*, находит свое подтверждение. Стоит отметить, что степень интернационализации терминов области *космическое приборостроение* недостаточно высока.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что как внутренняя структура языка, так и факторы внешнего воздействия способствовали активному внедрению интернациональных единиц в область *космического приборостроения*. Результаты теоретического исследования интернационализации терминов имеют практическую значимость и находят свое применение в работе специалистов с разными языками в области *космического приборостроения*.

Интернациональные термины, активно входящие в профессиональный узус специалистов, говорящих на разных языках и участвующих в реализации общего международного проекта, выполняют функцию фасилитации общения, экономии времени и, зачастую, не требуют перевода в связи с идентичной семантикой в разных языках. Знание интернациональной терминологии позволит плюрилингвальным специалистам, обеспечивающим языковую поддержку в процессе сборки космических аппаратов, быстрее овладеть профессиональной терминологией сразу нескольких рабочих языков.

Перспективой дальнейшего исследования терминов предметной области *космическое приборостроение* видится изучение терминологических единиц в лексикографическом аспекте, использование авторского корпуса примеров для составления глоссариев по отдельным темам *космического приборостроения* на основе методов извлечения терминов и терминологических словосочетаний из специализированных технических словарей. Сопоставление корпуса предметно-ориентированных текстов на французском, русском, английском и итальянском языках позволит составить словарь лексических минимумов данной области.

Библиографический список

1. Черкашина Е.И. Трансфер знаний в системе языковой подготовки технических специалистов // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. С. 252–261. EDN: ZFAZLX

2. *Лейчик В.М.* Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса) // Научно-техническая информация. 1969. Сер. 1. № 8. С. 5–8.
3. *Даниленко В.П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: Сб. ст. М. : Наука, 1971. С. 7–67.
4. *Wuster E.* Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektronik. Berlin, 1931.
5. *Polguère A.* Lexical systems: graph models of natural language lexicons // Language Resources and Evaluation. 2009. № 43(1). С. 41–55.
6. *Guespin L.* Types de discours, ou fonctionnement discursif // Langages. 1976. № 41. С. 44–57.
7. *Auger P.* La Terminologie au Québec et dans le monde de la naissance à la maturité // Actes du Sixième Colloque OLFSTQ de Terminologie, 1985, Québec. Québec : Office de la Langue Française et Société des Traducteurs du Québec, 1988. P. 27–59.
8. *Roche C.* Le terme et le concept : fondements d’une ontoterminologie // TOTh 2007 : Terminologie et Ontologie : Théories et Applications, Jun 2007. Annecy, 2007. P. 1–22.
9. *Шелов С.Д.* Владимир Моисеевич Лейчик: ученый и человек // Преподаватель XXI век. 2024. № 2–2. С. 353–361. EDN: OJHRFB
10. *Гоголь Д.В.* Классификация терминов предметной области космическое приборостроение // Научный старт–2021: Сб. статей магистрантов и аспирантов. М. : Языки народов мира, 2021. С. 314–318. EDN: FGSUKL
11. *Суюмбаева А.Ж., Бухарбаев М.А.* Интернациональная лексика в составе авиационной терминологии // Вестник ОрГУ. 2016. № 3(191). С. 46–49. EDN: VYUTZF
12. *Бахарлу Х.* Терминообразование как объект анализа терминосистем (на примере русской аэрокосмической терминологии) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2017. № 1(9). С. 91–110. EDN: YMHHLLW
13. *Гринев С.В.* Сопоставительное терминоведение: современное состояние // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1(25). С. 68–76. EDN: YJGTJH
14. *Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А.* Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>. EDN: BOVCXP
15. *Шелов С.Д., Шуфан С.* Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 102–114. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003840-3>
16. *Шарова И.Н.* Аспекты изучения термина в зарубежной лингвистике // Научный альманах. 2019. № 9–1(59). С. 256–261. EDN: CFPMKY
17. *Slastnikova T.V., Gogol D.V.* À propos des concepts “terminologie” et “terme” dans les études des linguistes étrangers // UNIVERSUM ROMANUM: Материалы VI Международной научно-практической конференции, 2020. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2020. P. 48–53. EDN: SEWUJE
18. *Разводовская Я.В.* Вариативность терминов в подязыке репродуктивного здоровья английского, русского и белорусского языков // Вестник МГЛУ. Серия «Филология». 2020. № 1. С. 86–93.
19. *Лотте Д.С.* Образование системы научно-технических терминов. М. : Мир, 2001.
20. *Мошняга Е.В.* Терминосистема международного туризма как лингвокультурное явление // Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1(3). С. 67–73. EDN: MLKDML
21. *Гринев С.В.* Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса). Приложение I к кн. : Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М. : Наука, 1982. С. 108–135. EDN: VUUPXZ

22. Банкав А.Я. Роль французского языка в интернационализации словарного состава нероманских языков. Современные проблемы романистики: функциональная семантика: Тез. V Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. Калинин : Калинин. гос. ун-т., 1986. С. 17–19.

References

1. Cherkashina, E.I. (2017). Knowledge transfer in the system of linguistic training of technical specialists. *Pedagogicheskij zhurnal*, 7, 252–261. EDN: ZFAZLX (In Russ.).
2. Lejchik, V.M. (1969). The Place of Terminology in the System of Modern Sciences (to raise the Question). *Scientific and Technical Information*, 1(8), 5–8. (In Russ.).
3. Danilenko, V.P. (1971). Lexico-Semantic and Grammatical Features of Terminological Words. In: *Studies in Russian Terminology: Collection of Articles*. Moscow: Nauka. pp. 7–67. (In Russ.).
4. Wuster, E. (1931). *Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektronik*. Berlin.
5. Polguère, A. (2009). Lexical systems: graph models of natural language lexicons. *Language Resources and Evaluation*, 43(1), 41–55.
6. Guespin, L. (1976). Types de discours, ou fonctionnement discursif. *Langages*, 41, 44–57.
7. Auger, P. (1988). La terminologie au Québec et dans le monde, de la naissance à la maturité. In: *Actes du sixième colloque OLF-STQ de terminologie. L'ère nouvelle de la terminologie*. Québec. pp. 27–59.
8. Roche, C. (2007). Le terme et le concept: fondements d'une ontoterminologie. In: *TOTh 2007: Terminologie et Ontologie: Théories et Applications, Jun 2007*. Annecy. pp.1–22.
9. Shelov, S.D. (2024). Vladimir Moiseevich Leitchik: A Scientist and a Man. *Teacher XXI Century*, 2–2, 353–361. EDN: OJHRFB (In Russ.).
10. Gogol, D.V. (2021). Classification of terms in subject field of Space Device Engineering. In: *Nauchnyj start-2021. Sbornik statej magistrantov i aspirantov*. Vikulova L.G. et al. (eds.) Moscow. pp. 314–318. EDN: FGSUKL (In Russ.).
11. Sujnbayeva, A.Zh. & Bukharbayev, M.A. (2016). International language as part of aviation terminology. *Vestnik OrSU*, 3(191), 46–49. EDN: VYUTZF (In Russ.).
12. Baharloo, H. (2017). Term formation as the object of analysis of various terminology systems (on the basis of analysis of aerospace terminology in Russian language). *Issledovatel'skij zhurnal russkogo jazyka i literatury*, 1(9), 91–110. EDN: YMHHLLW (In Russ.).
13. Grinev, S.V. (2017). Comparative terminology science: the state of the art. *Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie»*, 1(25), 68–76. EDN: YJGTJH (In Russ.).
14. Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.A. (2022). Once Again on the Question of Defining the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>. EDN BOVCXP (In Russ.).
15. Shelov, S.D. & Shufan, S. (2017). Term as a fundamental item of terminology. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 102–114. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003840-3> (In Russ.).
16. Sharova, I.N. (2019). Aspects of studying the term in foreign linguistics. *Science Almanac*, 9–1(59), 256–261. EDN: CFPMKY (In Russ.).
17. Slastnikova, T.V. & Gogol, D.V. (2020). À propos des concepts “terminologie” et “terme” dans les études des linguistes étrangers. In: *UNIVERSUM ROMANUM. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pyatigorsk: Pyatigorsk University publ. pp. 48–53.
18. Razvodovskaya, Ya.V. (2020). Term variation in reproductive health terminology of the English, Russian and Belarusian languages. *Vestnik MGLU. Serija: «Filologija»*, 1, 86–93. (In Russ.).

19. Lotte, D.S. (2001). *The system of scientific and technical terms` formation*. Moscow: Mir. (In Russ.).
20. Moshnyaga, Ye.V. (2009). Terminology system of international tourism as linguacultural phenomenon. *Vestnik MGPU. Serija: «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie»*, 1(3), 67–73. EDN: MLKDML (In Russ.).
21. Grinev, S.V. (1982). Terminological borrowing (a brief overview of the current state of issue). Annex I in book: Lotte D.S. *Voprosy zaimstvovanija i uporyadochenija inojazychnyh terminov i terminojelementov*. Moscow: Nauka. pp. 108–135. EDN: VUUPXZ (In Russ.).
22. Bankav, A.Ya. (1986). The role of French language in the internationalization of non-romance languages vocabulary. In: *Sovremennye problemy romanistiki: funkcional'naja semantika: Tez. V Vsesojuz. konf. po romanskomu jazykoznaniju*. Kalinin: Kalinin State University publ. pp. 17–19. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сластникова Тамара Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); *сфера научных интересов*: лексикология французского языка; *e-mail*: slastnikovatv@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-9455-0254. SPIN-код: 7936-6966, AuthorID: 622870.

Черкашина Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романских языков и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, дискурсивная лингвистика; *e-mail*: CherkashinaEI@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-3665-2807. SPIN-код: 1782-0574, AuthorID: 472360.

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49); *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: sabarov@fa.ru

ORCID: 0009-0008-4844-1549. SPIN-код: 2325-8802, AuthorID: 620017.

Коваленко Дария Валерьевна, соискатель кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика; *e-mail*: kovalenkodv491@mgpu.ru

ORCID: 0009-0002-7192-5222. SPIN-код: 2174-5823 AuthorID: 1021446.

Information about the authors:

Tamara V. Slastnikova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (4, Vtoroy Selskohoziastvenny pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: French lexicology; *e-mail*: slastnikovatv@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-9455-0254. SPIN-code: 7936-6966, AuthorID: 622870.

Elena I. Cherkashina, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (4, Vtoroy Selskohoziastvenny pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: linguocultorology, discursive linguistics; *e-mail*: CherkashinaEI@mgpu.ru ORCID: 0000-0002-3665-2807. SPIN-code: 1782-0574, AuthorID: 472360.

Sergey A. Barov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia Federation, 125993); *Research interests*: contrastive linguistics, linguocultorology; *e-mail*: sabarov@fa.ru ORCID: 0009-0008-4844-1549. SPIN-code: 2325-8802, AuthorID: 620017.

Daria V. Kovalenko, applicant of the Department of German Studies and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (4, Vtoroy Selskohoziastvenny pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: contrastive linguistics; *e-mail*: kovalenkodv491@mgpu.ru ORCID: 0009-0002-7192-5222. SPIN-code: 2174-5823 AuthorID: 1021446.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1328-1342

EDN: QQYYKB

UDC 811.161.1'276.6'373.46:556:004.8:35

Research article / Научная статья

Features of the Formation of Terminology Systems of Non-Humanitarian Disciplines

Inna I. Galankina¹ , Nour A.T. Mostafa², Alexey K. Perfiliev²

¹Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, *Moscow, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 galankina@rgau-msha.ru

Abstract. At the present stage of development of linguistics terminology as a science forms both a general theory, including such aspects as formation of the term, its structure, type (term, quasi-term, pre-term, terminological combination of lexical units); connection with the term of other languages, etc., and develops terminology systems of various disciplines. The study is a contrastive analysis of terminology systems of the hydraulic engineering industry, the theory of artificial intelligence and the sphere of state and municipal procurement. The material of the study was the texts of the specified industries, the terms were obtained by the method of continuous sampling. The novelty of the study is an appeal to three terminology systems of the Russian language, which belong to non-humanitarian disciplines for the purpose of universal and specific characteristics and the possibility of analyzing terminology systems according to the principle chosen by the authors. Three terminology systems are analyzed on the material of the Russian language and assessed by such parameters as the use of lexical units to express new concepts; dominance of elements of functional style: scientific or official-business; predominant use of lexical means of the Russian language or borrowed vocabulary. The study showed that the terminology systems under consideration demonstrate similarities in the use of terminological combinations for the nomination of new concepts. The specificity of the nomination of objects in the terminology systems of different industries is determined by the time of their formation, the degree of influence of foreign languages, primarily English, and extralinguistic factors. The terminology system of the hydraulic engineering industry belongs to the old terminology systems, is distinguished by its polycentric nature and contains terms formed mainly on the basis of units of the Russian language, which also have non-terminological lexical meaning. These characteristics are contrasted with the terminology systems of the theory of artificial intelligence and the sphere of state and municipal procurement, which are currently characterized as emerging. The system of terms in the sphere of state and municipal procurement is characterized by relative heterogeneity, which is manifested in the predominance of translation equivalents from English and translation clichéd phrases, which brings it closer to the system of terms in the theory of artificial intelligence, the distinctive feature of which is the variability of terminological combinations.

© Galankina I.I., Mostafa N.A.T., Perfiliev A.K., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: term, Russian language, hydraulic engineering industry, theory of artificial intelligence, sphere of state and municipal procurement

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Financing. Acknowledgements:

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238–1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Galankina, I.I., Mostafa, N.A.T. & Perfiliev, A.K. (2024). Features of the Formation of Terminology Systems of Non-Humanitarian Disciplines. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1327–1342. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1327-1342>

Особенности формирования терминосистем негуманитарных дисциплин

И.И. Галанкина¹ , Нур Мостафа², А.К. Перфильев²

¹ Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 galankina@rgau-msha.ru

Аннотация. Терминология как наука на современном этапе развития лингвистики формирует как общую теорию, включающую такие аспекты, как образование термина, его структура, тип (термин, квазитермин, предтермин, терминологическое сочетание лексических единиц); связь с термином других языков и др., так и развивает терминосистемы различных дисциплин. Исследование представляет собой контрастивный анализ терминосистем гидротехнической отрасли, теории искусственного интеллекта и сферы государственных и муниципальных закупок. Материалом исследования стали тексты указанных отраслей, термины получены методом сплошной выборки. Новизной исследования является обращение к трем терминосистемам русского языка, которые принадлежат к негуманитарным дисциплинам с целью универсальных и специфических характеристик и возможности анализа систем терминов по выбранному авторами принципу. Три системы терминов анализируются на материале русского языка и оцениваются по таким параметрам, как использование лексических единиц для выражения новых понятий; доминирование элементов функционального стиля: научного или официально-делового; преимущественное использование лексических средств русского языка или заимствованной лексики. Исследование показало, что рассматриваемые терминосистемы демонстрируют сходство в использовании терминологических сочетаний для номинации новых понятий. Специфика номинации объектов в терминосистемах разных отраслей обусловлена временем их формирования, степенью влияния иностранных языков, в первую очередь английского и экстралингвистическими фак-

торами. Терминосистема гидротехнической отрасли относится к старым терминологическим системам, отличается полицентричным характером и содержит термины, сформированные преимущественно на основе единиц русского языка, имеющих также нетерминологическое лексическое значение. Данные характеристики противопоставляются системам терминов теории искусственного интеллекта и сферы государственных и муниципальных закупок, которые в настоящее время характеризуются как формирующиеся. Систему терминов сферы государственных и муниципальных закупок характеризует относительная неоднородность, которая проявляется в преобладании переводных с английского языка терминов и клишированных фраз, что сближает ее с системой терминов теории искусственного интеллекта, отличительной чертой которой является также вариативность терминологических сочетаний.

Ключевые слова: термин, русский язык, гидротехническая отрасль, теория искусственного интеллекта, сфера государственных и муниципальных закупок

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238–1 «Модель мультиязычного терминологического словаря».

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Galankina I.I., Mostafa N.A.T., Perfiliev A.K. Features of the Formation of Terminology Systems of Non-Humanitarian Disciplines // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1327–1342. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1327-1342>

Введение. Постановка проблемы

Terms and their systemic properties as a reflection of the structure of scientific knowledge have been the focus of researchers for about a hundred years. Currently, there is an intensification of scientific interest in the analysis of specialized vocabulary, motivated by the formation of new terminology systems [1-7] and the crystallization of the vocabulary of existing ones [8-11], as well as the development of lexicography technologies [12; 13]. The relevance of the proposed is based on the existing scientific and practical interest of researchers in the terminology of new branches of knowledge, for example, artificial intelligence [14], in comparison with the analysis of the terminology system of the hydraulic engineering industry, which has developed mainly on Russian material [15], and the terminology system of state and municipal procurement, which is in the process of formation [16].

A school of terminology has developed in Russian linguistics: D.S. Lotte [17], G.O. Vinokur [18], A.A. Reformatsky [19], V.M. Leychik [20],

V.P. Danilenko [21], E.A. Sorokina [22] and S.V. Grinev-Grinevich [23; 24], V.F. Novodranova [25] and many others, demonstrating a significant theoretical scientific base, the traditions of which were continued in the works of linguists and terminologists of the near abroad [26–33]. It is important to note the schools and approaches existing within the linguistic description, as well as the distinction between the array of lexical units of the language for special purposes — special vocabulary (terms, pre-terms, quasi-terms, professionalisms, professional jargon, nomen and prototerms) [34. P. 80–81], and the set of terminological units called the terminology system of the language, which is an ordered structure [32. P. 37–39], which reflects the commonality of a concept, theory or idea [33. P. 107–109]. The heterogeneous composition of lexical units is designated by a number of terms: professionalisms, professional jargonisms, nomina and prototerms. Later, V.M. Leichik introduced the nomination of preterms for designating extended phrases and descriptive turns of phrase temporarily used as terms, and quasiterms for more stable combinations [34].

Materials and Research Methods

The material of the study was regulatory documents and specialized literature on the topic of the study. A continuous sample of units from professional texts and the method of linguistic analysis of the selected units made it possible to identify individual properties of the terminology systems under consideration. The total sample of the studied material consisted of 400 hydraulic engineering terms, 270 terminological units in the sphere of artificial intelligence and 200 terminological units in the sphere of procurement for ensuring state and municipal needs. The functional approach and semantic analysis were used in the analysis; retrospective analysis in analyzing the formation of the terminology systems under consideration; descriptive method in describing the properties of a terminological unit.

Results

The study showed that

1. the terminology systems under consideration demonstrate similarities in the use of terminological combinations for the nomination of new concepts;
2. the specifics of nominating objects in the terminology systems of different branches of activity are motivated by the time of their formation, the degree of influence of foreign languages, primarily English;
3. a separate significant aspect of the formation of the terminology system should be considered the dominance of elements of the functional style in it: scientific or official-business;
4. extralinguistic factors become an important element in the formation of the terminology system;

5. the terminology system of hydraulic engineering is an old terminology system, the defining characteristics of the system are complexity, polycentricity, diffuseness, preferential use of native language tools compared to borrowings, brevity, motivation and clarity of most units, the accuracy of the meanings of terms reflecting the scientific linguistic picture of the world.
6. the defining characteristic of the system of terms in the field of artificial intelligence is the technical richness of the concept, which contributes to the widespread use of abbreviations and acronyms;
7. the defining characteristic of the system of terms in state and municipal procurement is heterogeneity, which is manifested in the predominance of a combination of lexical units of the modern Russian language, which are used in the function of a term, as well as the presence of translation equivalents from English and translation clichéd phrases.

Discussion

Hydrotechnical terms

The features of old terminology systems can be considered using the example of the vocabulary of hydraulic engineering. This area of knowledge is a complex of fundamental and applied disciplines, which, in addition to hydraulic engineering structures, includes hydrology, ecology, geology, shipping, melioration, agriculture, water purification, safety of water management facilities, and hydropower. The complex and interdisciplinary nature of hydraulic engineering has influenced the structure of its terminology system, which unites several equivalent term fields corresponding to the listed sciences. Thus, this terminological formation is characterized by polycentricity [15].

The analysis of Russian terminological units of hydraulic engineering construction as part of the term fields: Hydraulic engineering construction, Hydrology, Geology, Ecology, Shipping, Land reclamation, Agriculture, Water purification, Safety, Recreation, Energy, allowed us to identify the belonging of some lexemes and terminological phrases to several term fields at the same time, which led to the emergence of significant areas of intersection and coincidence. This feature is due to the multifunctionality of hydraulic structures and the interrelation of those areas of human activity in which water plays an important role. In everyday life, terminologists use the term “borrowed terms” for isolated cases of vocabulary repetition. However, when studying hydraulic engineering vocabulary, not individual borrowed terms were discovered, but rather areas of overlap, which led to the conclusion about the diffuseness of the term system [15; 16].

The property of diffuseness manifests itself both within the terminology system — in the presence of areas of interaction between term fields — and externally — in the blurring of boundaries with the general literary language, in the processes of terminologization, de- and reterminologization. As an example,

we can cite the term *prud* ‘pond’, which is found in almost all of the named term fields: *poimennyi prud* ‘floodplain pond’, *ruslovyi prud* ‘channel pond’ (term fields: Hydrology and Hydraulic Engineering Structures), *biologicheskii prud* ‘biological pond’ (term field: Water purification), *rybovodnyi prud* ‘fish pond’ (term field: Agriculture), *пруд-охладитель* ‘cooling pond’ (term field: Power engineering), *пруд-накопитель* ‘storage pond’ (term field: Land reclamation), *декоративный пруд* ‘ornamental pond’ (term field: Recreation) и т.п.

In addition, the word *prud* ‘pond’ is commonly used and is part of the phraseological unit *Prud prudi* ‘a dime a dozen.’ A number of names of hydraulic structures: *prud* ‘pond’, *kanal* ‘canal’, *shlyuz* ‘lock’, *damba* ‘dam’, *vodokhranilishche* ‘reservoir’, etc. simultaneously belong to the terminology of Shipping.

The terminology of hydraulic engineering has been formed over a long period of time, the term fields were formed in different periods, and this feature of development was the reason for the heterogeneity of the terminology system. Since ancient times, water bodies have been used as sources of water and for transport communication. This fact determined the features of the composition of the term fields Hydrology and Shipping, which contain a number of single-word non-derivative terms dating back to ancient Proto-Slavic roots: *reka* ‘river’, *more* ‘sea’, *volna volna* ‘wave’, *bereg* ‘bank’, *ruslo* ‘channel’, *dno* ‘bottom’, *led* ‘ice’, etc. These terms are formed lexically, they are a product of the terminologization of proto-terms and have lexical-semantic variants in the general literary language, including those with figurative meanings: *more tsvetov* ‘sea of flowers’ = many flowers, *informatsionnaya volna* ‘information wave’ = reaction to any event in the media, etc.

The new era was marked by the development of engineering thought and hydraulic engineering, and then scientific melioration and hydropower. By the beginning of the 20th century, the terminology of hydraulic engineering construction was formed in the Russian language, including the names of the elements of the *gidrouzel* ‘hydroelectric complex’. Despite the borrowing of some devices and technologies: *kanal* ‘channel’, *shlyuz* ‘sluice’, *risberma* ‘apron’, *fashina* ‘fascine’, etc., there was no oversaturation of the terminology of this industry with foreign vocabulary. Various means of derivation were actively used for term formation, among which one can single out word composition from prefixal verb stems: *vodosliv* ‘spillway’, *zoloshlakoprovod* ‘ash and slag pipeline’, *ledozashchitnyi* ‘ice protection’, etc.

The terminological fields Ecology, Safety and Water Purification can be considered the youngest in the terminological system. In these terminological fields we will highlight international words: Greek words — terms of biology, borrowed by ecology, *gidrobionty* ‘hydrobionts’, *gidrofily* ‘hydrophiles’, *zoobentos* ‘zoobenthos’ and Latin words — terms of water purification *flotatsiya* ‘flotation’, *flokulyatsiya* ‘flocculation’, *sorbtsiya* ‘sorption’, etc. The units of the terminological field Safety are formed mainly by syntactic means of the Russian language.

These are terminological phrases with various types of syntactic connection, both subordinate: terms *nadezhnost' gidrotekhnicheskogo sooruzheniya* 'reliability of a hydraulic structure', etc., and coordinative: pre-terms *predotvrashchenie zatornykh i zazhornykh yavlenii* 'prevention of jams and jam phenomena', etc.

In general, the terminological units of hydraulic engineering in Russian are characterized by precision: an insignificant number of doublet synonyms and differentiation of the meanings of incomplete synonyms, which sometimes makes it difficult to translate them into other languages. For example, in the names of the phases of the hydrological regime, the semantics of *pavodok* 'suddenness flood' and *polovod'e* 'seasonal recurrence (flood)' are different. Flooding in Russian science is considered a consequence of a sudden or seasonal rise in water level, but is not considered a term of the hydrological regime. In some languages, for example, in Chinese or English, there is only one equivalent for all three terms. Thus, the scientific linguistic picture of the world is reflected in the Russian hydraulic engineering vocabulary.

The average length of a term in the terminology system being described is less than two words, which, as has been established, is characteristic of the language of technical sciences or the scientific style of speech [34]. An exception is the term field Security, where the average length of a term is more than three words, which is more characteristic of the official business style of speech.

Terminological Units of the Field of Artificial Intelligence

Artificial intelligence as part of research in the field of computer science began to form its own system of terms in the languages of the world in the 1960s; in the Russian language, this process has been actively developing since the early 2020s due to the increased automation of production processes, the integration of artificial intelligence systems into all spheres of human life, including healthcare, education and leisure. The versatility of the areas of implementation of artificial intelligence, its cognitive support for mathematical optimization, formal logic, natural language processing, statistics, psychology, etc., as well as its connection with computer science as a whole form the intersection of lists of terms from various fields of activity.

Part of the terminological system of the sphere of artificial intelligence is formed by morphological means — adding affixes to roots — primarily to create a noun that names a process or result: *GPT* (Generative Pre-trained Transformer) — gypification in the meaning of 'digital optimization of processes using GPT technologies'.

For the terminology system under consideration, a large percentage of terms are noted that are not lexicographic and represent a pre-term. An example is the lexical unit *giperpersonalizatsiya* 'hyperpersonalization', which denotes a concept that differs from standard personalization in the use of artificial intelligence technologies in real time to improve personalized marketing strategies. This concept provides the user with adapted content, personalized recommendations, products

or services. Note that this unit is not yet recorded in Russian-language dictionaries and lacks a standard form: there are various spelling options, such as hyperpersonalization (with a hyphen, similar to the English version Hyper-Personalization) or *giper-personalizatsiya*, as well as multi-syllabic formulations, for example, *giperpersonalizatsiya II* ‘AI hyperpersonalization’, *giperpersonalizatsiya na osnove II* ‘AI-based hyperpersonalization’ and *giperpersonalizatsiya s ispol'zovaniem II* ‘AI-using hyperpersonalization’.

In the course of the analyze, the lexical elements were divided into terms, pre-terms and terminological combinations and analyzed by the level of terminologization and by form. It was revealed that the main share in the array under consideration is made up of terms (more than half), which emphasizes the specialized nature of the vocabulary used. Terminological combinations make up approximately 30 % (*intellektual'nye interfeisy* ‘intelligent interfaces’), pre-terms less than 20 % (*doverie algoritmu* ‘trust in the algorithm’). This result indicates a high specificity of the terminology and its predominantly scientific nature. As a result of the classification by form, the majority — about 60 % (*intellektual'nyi lichnyi pomoshchnik* ‘intelligent personal assistant’) — refers to phrases that consist of two (*oblachnye vychisleniya* ‘cloud computing’) or more words (*adaptivnaya set' na osnove sistemy nechetkogo vyvoda* ‘adaptive network based on a fuzzy inference system’).

Interestingly, there is a predominance of abbreviations of about 25 % (*OLAP / operativnaya analiticheskaya obrabotka* ‘Online Analytical Processing’) over the use of individual words of less than 15 % (*lemmatizatsiya* ‘lemmatization’) in the dataset under consideration. We believe that this is due to the fact that AI concepts are complex and technically rich, which encourages the widespread use of abbreviations and acronyms. This phenomenon can be interpreted as a characteristic feature

Terminological units of state and municipal procurement

The sphere of state and municipal procurement has been functioning for a long time, decrees of Russian tsars on the organization of deliveries to the court are known (for example, “Decree on the collection of money for the supply and contract of marine provisions”, 1721), however, terminological design began during the period of changing economic and political conditions in the mid-90s of the 20th century. In 1992–1997, the first legislative acts were adopted, in 1999, the fundamental federal law was issued, which was assessed as a comprehensive effort to regulate and systematize the system of state procurement in Russia.

The terminology system of state and municipal procurement is characterized as recently formed and is at the stage of structuring the composition of lexemes. We have noted the functioning of a significant volume of single-word-terminologized units of the general literary language (*dopusk* ‘admission’, *zakupka* ‘purchase’, *zakazchik* ‘customer’), among which a separate group consists of words using the plural form to express terminological meaning (*torgi* ‘trades’, *uslugi* ‘services’, *nuzhdy* ‘needs’, *raboty* ‘work’);

- borrowings (*ploshchadka* ‘platform (about trades)’, *bank* ‘bank’, *dokument* ‘document’, *konkurs* ‘competition’, *monitoring* ‘monitoring’). For this group, it is important to note that the borrowing of these lexical units did not take place with the purpose of replenishing the terminology of state and municipal purchases, but within the framework of the general literary language (*konkurs* ‘competition’) or others, for example, the economic terminology (*bank*) or technical sciences (*monitoring*);
- terms included from other terminology systems (*grant*, *audit* — financial sphere; *kontrakt* ‘contract’ — legal sphere, etc.).

In the sphere of state and municipal procurement, some phrases of the general literary language are terminologized: *okazanie uslug* ‘provision of services’, *podacha zayavki* ‘submission of an application’, *predostavlenie dokumentatsii* ‘provision of documentation’, *provedenie konkursa* ‘holding a competition’, *postavka tovara* ‘delivery of goods’, etc. Phrases can be classified into:

- terms — pairs of a noun + an adjective (agreement relationship), in which the expansion of a noun by an adjective transfers the given phrase into the category of terminological units: *pomoshch* ‘aid’ — *gumanitarnaya pomoshch* ‘humanitarian aid’, *ploshchadka* ‘platform’ — *elektronnaya ploshchadka* ‘electronic platform’;
- terms — pairs of verb + noun: *okazat’ uslugu* ‘to render a service’, *vypolnit’ raboty* ‘to perform work’, which also have a variant with a verbal noun: *okazanie uslugi* ‘rendering a service’ and *vypolnenie raboty* ‘performing work’;
- terms — pairs of verbal noun + noun: *dopusk tovarov* ‘admission of goods’, *zakupka tovarov* ‘purchase of goods’, which do not have a pair with a verb.

More complex constructions, which are combinations of 3 or more parts, are understood by us as pre-terms, and consist of three (*narushenie zhizneobespecheniya grazhdan* ‘violation of life support of citizens’), four (*ispolnenie obyazatel’stv storonami kontrakta* ‘fulfillment of obligations by the parties to the contract’), five or more parts (*poryadok podgotovki obosnovaniya nevozmozhnosti vypolneniya kontrakta* ‘the procedure for preparing a justification for the impossibility of fulfilling the contract’). The most frequent terminological combinations are two-, three- and four-component models.

These extended models should be considered as terminological units, namely pre-terms, since they serve to designate concepts in the sphere of provision of state or municipal needs; the functioning of such models is explained by the dominance of elements of the official business functional style in the terminology system of state and municipal purchases; terminological phrases are organized by mandatory valence, that is, in this function they represent single terminological complexes; the described area does not have other terminological units for naming the corresponding concepts; the maximum length of terminological units in the sphere of purchases for provision of state or municipal needs is limited to seven mandatory components; with optional components, the number of words in a terminological name may

be greater. For example, in the five-component model, optional distributors with a coordinating connection are used, the valence of which is optional: *obyazatel'stva postavshchika (ispolnitelya) po sozdaniyu, (modernizatsii), osvoeniyu proizvodstva tovara* 'obligations of the supplier (contractor) to create', (modernize), master the production of goods'. The examples given show that in this area the most common way of naming concepts is through terminological phrases — pre-terms.

Thus, for the sphere of procurement for ensuring state or municipal needs, pre-term names are typical, which are chains of names. They differ from terms by the absence of brevity, but other features of terms are inherent to them: accuracy, regularity, reference to a certain sphere, stylistic neutrality. The criterion that allows us to single out pre-term phrases as independent units is the presence of a mandatory connection or valence, uniting pre-terms into integral structures.

Conclusions

The study showed that the terminology systems under consideration demonstrate similarities in the use of terminological combinations for the nomination of new concepts. The specifics of nominating objects in the terminology systems of different industries are motivated by the time of their formation, the degree of influence of foreign languages, primarily English; extralinguistic factors become an important element in the formation of the terminology system;

The terminology system of hydraulic engineering is an old terminology system, the defining characteristic of the system is its complexity, polycentricity, diffuseness, the predominant use of native language tools compared to borrowings, brevity, motivation and clarity of most units, the accuracy of the meanings of terms reflecting the scientific linguistic picture of the world.

A feature of the terminology system of the procurement sphere for meeting state and municipal needs is its relative heterogeneity, which is manifested in the predominance of translation equivalents from English and translated clichéd phrases, on the one hand, and a large number of vocabulary of the modern Russian language, which is used in the function of the term.

The defining characteristic of the system of terms in the field of artificial intelligence is its relative heterogeneity, which is manifested in the predominance of translated equivalents from English and translated clichéd phrases, on the one hand, and a large number of vocabulary from the modern Russian language, which is used in the function of the term.

References

1. Matskevich, N.A. (2023). Cognitive Modelling of Term System "Open Architectural Space Design". *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1(225), 19–31. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-19-31> EDN: OGQPQC (In Russ.).
2. Novospasskaya, N.V. & Dugalich, N.M. (2022). Terminological system of the polycode text theory. *Russian Language Studies*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311> EDN: SOJLDU

3. Marinova, E.V. (2024). Russian terminology of the digital society: grammatical features in the focus of neology and neography. *Russian Language Studies*, 22(2), 225–241. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-2-225-241> EDN: SESKAP (In Russ.).
4. Bozhenkova, N.A., Rubleva, E.V. & Baharloo, H. (2023). Dictionary of IT terms as a tool for Russian language studies and linguodidactics in the context of digitalization in education. *Russian Language Studies*, 21(4), 457–473. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473> EDN: GTMVWD (In Russ.).
5. Serbinovskaya, N.V. (2009). *Terminological field “Marketing” in Russian*. Novocherkassk: SUSU (NPI). EDN: QUYSWJ
6. Sirotinina, A.Y. (2017). Specificity of “Young” Terminological Systems and Their Term Composition (Perfusiology Terminology). *Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 24–34. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-4-24-34> EDN: ZHTMZB (In Russ.).
7. Yuhan, Lazareva, O.V., Barov, S.A. & Vered, V.T. (2024). Peculiarities of Formation of the Term System of International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473> EDN: OLJZNY
8. Bانشchikov, D.S. (2024). Conceptual Modeling of the Terminological System of Urban Planning. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1(231), 15–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-15-22> EDN: LPJMJG (In Russ.).
9. Kripak, A.V. (2024). Quasi-Synonyms of the Ophthalmological Terminological System: Towards the Formulation of the Problem. *Philology: Scientific Researches*, 4, 21–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.4.70418> EDN: DANMET (In Russ.).
10. Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2022). Russian Cognitive Terms as a Result of Integration Processes in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> EDN: GYJNPJ (In Russ.).
11. Mohammed, S. (2022). Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language. *Training, Language and Culture*, 6(3), 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77> EDN: PIYKZX
12. Chulkina, N.L., Philippovich, Y.N., Alexandrova, O.I., Novospasskaya, N.V. & Rechinsky, V.A. (2023). Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103> EDN: ORDIGZ (In Russ.).
13. Dyatko, D. (2020). Macrostructure of Belarusian Dictionaries of Linguistic Terms. *Magyar Tudományos Journal*, 42, 24–29. EDN: RMLLAZ (In Russ.).
14. Musaeva, A.S. (2022). Common Linguistic Substratum Of Artificial Intelligence Terminology (On The Example Of Word-Combination Terms). *Aktual'nye Voprosy Sovremennoi Filologii I Zhurnalistiki*, 3(46), 12–18. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.50.60.002> EDN: ACEUMP
15. Galankina, I.I., Perfilieva, N.V., & Tsibizova, O.V. (2022). Terminological System of Hydraulic Engineering: Diffuseness of Terminological Fields and Polycentricity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> EDN: UJCEYB (In Russ.).
16. Galankina I.I., Perfilieva N.V. & Perfiliev A.K. (2024). The Variety of Models of Terminological Units of the Hydraulic Engineering Industry and the Sphere of State and Municipal Procurement. *Litera*, 1, 26–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.1.69596> EDN: PCNSTG
17. Lotte, D.S. (1961). *Basics of constructing scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology*. Moscow: USSR Academy of Sciences publ. (In Russ.).
18. Vinokur, G.O. (1939). On some phenomena of word formation in Russian technical terminology. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*, V, 3–54. (In Russ.).
19. Reformatsky, A.A. (1968). Term as a member of the lexical system of language. In: *Problems of structural linguistics 1967*. Moscow: Nauka. pp. 103–125. (In Russ.).

20. Leichik, V.M. (2001). The problem of systematicity in domestic terminology. In: *Scientific and technical terminology (scientific and reference collection)*. Iss. 2. Moscow. pp. 54–55. (In Russ.).
21. Danilenko, V.P. (1977). *Russian terminology. Experience of linguistic description*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
22. Sorokina, E.A (2018). Issues of Analyzing Multiword Terms. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 4, 150–158. EDN: YYTSHJ (In Russ.).
23. Grinev-Griniewicz, S.V. (2008). *Terminology*. Moscow: Akademiya. EDN: YYTSHJ (In Russ.).
24. Grinev-Griniewicz, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.M. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> EDN: BOVCXP (In Russ.).
25. Novodranova, V.F. (2021). Theoretical Foundations of the Direction in Cognitive Linguistics “Language for Special Purposes”. *Cognitive Studies of Language*, 4(47), 133–137. EDN: OERCCD
26. Ismailov, A.R. (2020). Cognitive terminology as one of the directions of modern linguistics. *European Journal of Molecular & Clinical Medicine*, 7(07), 207–5210.
27. Mammadova, Ja.R. (2017). Semantic correlation of English and Azerbaijani ecological terms // *European Journal of Literature and Linguistics*, 2, 14–19. <https://doi.org/10.20534/EJLL-17-1-14-19> EDN: YSQMVX
28. Nartaeva, M.B. (2019). Sinonimy and the causes of its occurrence in dental terminology. In: *International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: LXIV International Correspondence Scientific and Practical Conference, Boston, 20–21.11*. Boston: Problems of Science. pp. 63–65.
29. Picht, H. (2011). The science of terminology: History and evolution. *Terminologija*, 18, 6–26.
30. Rondeau, G.I. (1981). *Introduction a la terminologie*. Montreal.
31. Moschitz-Hagspiel, B. (1994). *Die sowjetische Schule der Terminologie (1931–1991)*. Wien: TermNet, Internat. Network for Terminology.
32. Almahasses, Z. & Husienat, I. (2024). A comparative analysis of terminological inconsistency in scientific translation from English into Arabic across different medical fields. *Training, Language and Culture*, 8(3), 25–40. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-3-25-40> EDN: UPYFUM
33. Kobrin, R.Yu. (2003). On the concepts of “terminology” and “terminological system”. In: V.A. Tatarinov (Ed.). *History of domestic terminology: in 3 vols. Vol. 3*. Moscow: Moscow Lyceum. pp. 35–40. (In Russ.).
34. Leychik, V.M. (2009). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: Librokom. (In Russ.).

Библиографический список

1. Мацкевич Н.А. Когнитивное моделирование терминосистемы «Дизайн открытого архитектурного пространства» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1(225). С. 19–31. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-19-31> EDN: OGQPQC
2. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311> EDN: SOJLDU
3. Маринова Е.В. Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии // Русистика. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–241. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-2-225-241> EDN: SESKAP
4. Боженкова Н.А., Рублева Е.В., Бахарлу Х. Словарь IT-терминов как инструмент русистики и лингводидактики в контексте цифровизации образования // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-457-473> EDN: GTMVWD

5. *Сербиновская Н.В.* Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. EDN: QUYSWJ
6. *Сиротинина А.Ю.* Специфика состава молодой терминосистемы на примере терминологии перфузиологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 24–34. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-4-24-34> EDN: ZHTMZZ
7. *Yuhan, Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T.* Peculiarities of Formation of the Term System of International Trade: Linguocultural and Ecolinguistic Aspects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 457–473. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473> EDN: OLJZNY
8. *Банищikov Д.С.* Понятийное моделирование терминосистемы градостроительства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 1 231. С. 15–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-1-15-22> EDN: LPJMJG
9. *Крипак А.В.* Квасисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2024. № 4. С. 21–29. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.4.70418> EDN: DANMET
10. *Романова Т.В., Колчина О.Н.* Русскоязычные когнитивные термины как результат интеграционных процессов в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 972–988. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-972-988> EDN: GYJNPJ
11. *Mohammed S.* Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language // Training, Language and Culture. 2022. № 6(3). P. 67–77. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77> EDN: PIYKZX
12. *Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И., Новоспасская Н.В., Речинский В.А.* Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103> EDN: ORDIGZ
13. *Дятко Д.В.* Макроструктура белорусских словарей лингвистических терминов // Magyar Tudományok Journal. 2020. № 42. С. 24–29. EDN: RMLLAZ
14. *Мусаева А.С.* Общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. Т. 3. № 46. С. 12–18. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.50.60.002> EDN: ACEUMP
15. *Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Цибизова О.В.* Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 730–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749> EDN: UJCEYB
16. *Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Перфильев А.К.* Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок // Litera. 2024. № 1. С. 26–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.1.69596> EDN: PCNSTG
17. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. М. : Изд-во АН СССР, 1961.
18. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. 1939. Т.V.C. 3–54.
19. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики 1967. М.: Наука, 1968. С. 103–125.
20. *Leichik, V.V.* (2000). Problems of Russian terminology at the end of the twentieth century. *Problems of Philology*, 6, 20–29. (In Russ.).
21. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

22. Сорокина Э.А. Проблемы анализа неоднословных терминов // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 4. С. 150–158. EDN: YYTSHJ
23. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. EDN: VRDUHV
24. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> DN: BOVCXP
25. Новодранова В.Ф. Теоретические основы направления в когнитивной лингвистике «Язык для специальных целей» // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4(47). С. 133–137. EDN: OERCCD
26. Ismailov A.R. Cognitive terminology as one of the directions of modern linguistics // European Journal of Molecular & Clinical Medicine. 2020. V. 07. Iss. 07. P. 5207–5210.
27. Mammadova Ja.R. Semantic correlation of English and Azerbaijani ecological terms // European Journal of Literature and Linguistics. 2017. № 2. P. 14–19. <https://doi.org/10.20534/EJLL-17-1-14-19> EDN: YSQMVX
28. Nartaeva M.B. Sinonimy and the causes of its occurrence in dental terminology // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: LXIV International Correspondence Scientific and Practical Conference, Boston, 20–21.11. Boston: Problems of Science, 2019. P. 63–65.
29. Picht H. The science of terminology: History and evolution // Terminologija. 2011. № 18. P. 6–26.
30. Rondeau G. Introduction a la terminologie. Montreal, 1981.
31. Moschitz-Hagspiel B. Die sowjetische Schule der Terminologie (1931–1991). Wien: TermNet, Internat. Network for Terminology, 1994.
32. Almahasses Z., Husienat I. A comparative analysis of terminological inconsistency in scientific translation from English into Arabic across different medical fields / Z. Almahasses, // Training, Language and Culture. 2024. Vol. 8. № 3. P. 25–40. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-3-25-40> EDN: UPYFUM
33. Кобрин Р.Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» // В.А. Татаринов (ред.). История отечественного терминоведения: в 3 томах. Т. 3. М.: Московский Лицей, 2003. С. 35–40.
34. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : Либроком, 2009.

Information about the authors:

Inna I. Galankina, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Subjects, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (49, Timiryazevskaya str., Moscow, Russian Federation, 127434); *Research interests*: terminology, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: galankina@rgau-msha.ru

ORCID: 0000-0003-2702-0581; Scopus ID: 57296940100, ResearcherID; ABG-8095-2021, SPIN-code: 1362-1820, AuthorID: 397500.

Nour F.A.T. Mostafa, PhD student, assistant at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: terminology, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: 1042235191@pfur.ru

Alexey K. Perfiliev, PhD student, assistant at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: terminology, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: 1142221165@pfur.ru

Сведения об авторах:

Галанкина Инна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева (127434, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 49); *сфера научных интересов*: терминология, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: galankina@rgau-msha.ru

ORCID: 0000-0003-2702-0581; Scopus ID: 57296940100, ResearcherID; ABG-8095-2021, SPIN-код: 1362-1820, AuthorID: 397500.

Нур Мостафа, аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: терминология, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: 1042235191@pfur.ru

Перфильев Алексей Кириллович, аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: терминология, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: 1142221165@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1343-1358

EDN: QQMQGE

UDC 811.161.1'367.623'373.46'374.2

Research article / Научная статья

Style and Uzus Labels of Adjectives in the Russian Language Dictionaries: a Comparative Quantitative and Qualitative Study

Sharapat K. Mamirova¹ , Gulzhana A. Kuzembayeva² ,
Zhmagul A. Maydangalieva^{3,4}

¹ Central Asian Innovation University, *Shymkent City, the Republic of Kazakhstan*

² K. Zhubanov Aktobe Regional University, *Aktobe, the Republic of Kazakhstan*

³ Baishev University, *Aktobe, the Republic of Kazakhstan*

⁴ Kh.Dosmukhamedov Atyrau University, *Atyrau, the Republic of Kazakhstan*

kuzembayeva@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to examine the stylistic coloring of adjectives in Russian language dictionaries to establish similarities and differences in the use of vocabulary. The research material was eight dictionaries of the Russian language. The complex is a part of style and uzus in Russian language dictionaries, indicating historical, emotional-expressive and functional-stylistic adjectives, continuously modified and supplemented by new style and uzus terms, what is determined by the influence of social-historical processes, linguistic and extralinguistic factors on the development of the Russian language style. Analysis of the system of stylistic and uzus dubs in Russian language dictionaries shows a lack of uniformity in the marking of both individual adjectives and the class of adjectives as a whole, this makes it necessary to improve the normative description of adjectives in Russian and create a coherent system of markers for indicating the style and features of use of lexical unit.

Keywords: style and usage labels, notes, comparative analysis, qualitative and quantitative analysis, stylistics, lexicography

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

© Mamirova Sh.K., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Zh.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Mamirova, Sh.K., Kuzembayeva, G.A. & Maydangalieva, Zh.A. (2024). Style and Uzus Labels of Adjectives in the Russian Language Dictionaries: a Comparative Quantitative and Qualitative Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1342–1358. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1342-1358>

Стилевые и словоупотребительные обозначения прилагательных в словарях русского языка: сравнительное количественное и качественное исследование

Ш.К. Мамирова¹ , Г.А. Кузембаева² , Ж.А. Майдангалиева^{3, 4}

¹Центрально-Азиатский инновационный университет, *Шымкент, Республика Казахстан*

²Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, *Актобе, Республика Казахстан*

³Баишев Университет, *Актобе, Республика Казахстан*

⁴Атырауский университет им. Х. Досмухамедова, *Атырау, Республика Казахстан*
 kuzembayeva@mail.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в рассмотрении стилистической окраски прилагательных в словарях русского языка для установления сходств и различий в употреблении словарных помет. Материалом исследования стали восемь словарей русского языка. Комплекс помет стиля и узуса в словарях русского языка, указывающих на историческую, эмоционально-экспрессивную и функционально-стилистическую окраску прилагательных, непрерывно модифицируется и пополняется новыми пометами стиля и узуса, что определяется влиянием на развитие стилистики русского языка общественно-исторических процессов, языковых и экстралингвистических факторов. Анализ системы стилистических и употребительных помет в словарях русского языка показывает отсутствие единообразия в маркировании как отдельных прилагательных, так и класса прилагательных в целом, что обуславливает необходимость совершенствования нормативного описания прилагательных в русском языке и создания целостной системы маркеров для указания на стиль и особенности употребления лексической единицы.

Ключевые слова: ярлыки стиля и употребления, пометы, сравнительный анализ, качественный и количественный анализ, стилистика, лексикография

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Mamirova Sh.K., Kuzembayeva G.A., Maydangalieva Zh.A. Style and Uzus Labels of Adjectives in the Russian Language Dictionaries: a Comparative Quantitative and Qualitative Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1342–1358. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1342-1358>

Introduction

Dictionaries, being “the guiding stars for those who sought knowledge not only in the field of linguistics, which by all means governed the field of lexicography among others, but also in all the trades and fields cultivated by human beings” [1. С. 35], help distinguish informal and colloquial language units, bookish and stylistically neutral vocabulary. The dictionary is the main legitimate source that an expert uses when performing linguistic expertise [2. С. 152]. There is no generally accepted list of dictionaries recommended as sources for the interpretation and stylistic qualification of words. As a rule, the goals of traditional and modern Russian explanatory dictionaries do not always meet the requirements of linguistic expertise [3. С. 20].

Style and uzus labels are of great importance to dictionary users and language learners as they provide the specific information on restrictions of the word uzus and prevent from making mistakes [4]. However, the system of style and use labels is far from perfect. This is evidenced by the fact that each explanatory dictionary uses its own system of style and uzus labels sometimes significantly different from the system of style and uzus labels of other explanatory dictionaries [5. С. 445]. Very often the same word in different dictionaries, published at the same time, has different qualitative and quantitative presentation, i.e., it is supplied with different style and uzus labels, or unequal dictionary entries. Until now the boundaries of the style and uzus labels “colloquial” and “vernacular”, “literary” and “fiction”, “substandard” and “vulgar”, “special”, “professional” and “scientific” are still undefined in the dictionaries of the Russian language.

Without a deep comprehensive study of the stylistic structure of the Russian language and Russian speech, and determining the most objective scientific criteria for differentiating the stylistic and functional coloring of words, there will be no unity in the style and uzus labels of dictionaries. Despite the previous analysis of style and uzus labels based in the explanatory dictionaries of the Russian language [3–4], the system of style and uzus labels of adjectives in the Russian language is unexplored.

We aimed at exploring the system of style and uzus labels of adjectives in the dictionaries of the Russian language due to the fact that determining the stylistic and functional coloring of vocabulary and its classification in various respects requires a very deep and detailed study of its presentation. The results of the study will offer insights for determining the stylistic and functional coloring of adjectives in the Russian language and an effective classification of style and uzus labels of adjectives in the Russian language dictionaries.

Materials and methods

In line with the study aim, the comparative qualitative and quantitative analysis of style and uzus labels of adjectives in the Russian language dictionaries was conducted. The study materials comprised of the corpus of eight Russian language dictionaries¹ published in the 20th and early 21st centuries:

Linguistic and statistical methods were manipulated for analyzing the research data.

Results and discussion

Classification of style and uzus labels of adjectives in the dictionaries of the Russian language

The analysis of eight Russian language dictionaries revealed that each dictionary has accumulated an established system of style and uzus labels that can be classified according to their types. Based on the study of the dictionary prefaces and explanatory notes, the style and uzus labels of the adjectives in the dictionaries of the Russian language were grouped into three main categories, reflecting:

- 1) historical coloring;
- 2) functional and stylistic coloring;
- 3) emotional and expressive coloring.

Functional and stylistic coloring refers to:

- a) bookish, and
- b) conversational style and uzus labels.

Emotional and expressive coloring refers to:

- a) style and uzus labels with a positive coloring, and
- b) style and uzus labels with a negative coloring.

The style and uzus labels used in the dictionaries of the Russian language are presented in Table 1.

The table 1 demonstrates the quantitative variation and the qualitative differences in the classifications of the style and uzus labels of adjectives in eight dictionaries of the Russian language. The appearance of new colorings and disappearance of some old ones is noticed in the dictionaries of the latest period. Most of the style and uzus labels are presented in UD (36), BED (32), and DRL (23).

¹DD — Dal, V. (1981–1982). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. In 4 vols. Moscow : Russian language. (In Russ.); UD — Ushakov, D.N. (1935–1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow : Russian language. (In Russ.); OD — Ozhegov, S.I. (1984). *Dictionary of the Russian language*. Moscow : Russian language. (In Russ.); DRL — Evgeniev, A.P. et al. (1981–1986). *Dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow: Russian language. (In Russ.); DMRL — *Dictionary of the modern Russian literary language in 20 vols.* (1991). 1–2 vols. Moscow : AS USSR. (In Russ.); EDRL — Sklyarevskaya, G.N. (1998). *Explanatory dictionary of the Russian language of the late XX century. Language changes*. St. Petersburg : Folio-press. (In Russ.); OShD — Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2000). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow : Az. (In Russ.); BED — Kuznetsov, S.A. (2002). *Big explanatory dictionary of the modern Russian language*. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).

Table 1

Style and uzus labels of adjectives in the Russian language dictionaries

Style and uzus labels		Dictionaries*							
Coloring	Types	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Historical									
	Старин. / Old	+	+	+				+	
	Устар. / Outdated		+	+	+	+		+	+
	Дореволюц. / Pre-revolutionary		+						
	Истор. / Historical		+						
	Нов. / New		+			+			
	Нов.истор. / New-historic		+						
	Церк.-книжн. / Church-literary		+						
	Црк. / Church	+							
	Советск. / Soviet						+		+
	Соврем. / Modern						+		
2. Functional and stylistic									
Bookish	Книжн. / Bookish		+	+	+		+	+	+
	Научн. / Scientific		+				+		
	Спец. / Special		+	+	+	+		+	+
	Тех. / Technical		+						
	Канц. / Committee		+						
	Газет. / Newspaper		+						
	Публ. / Publicistic		+				+		+
	Офиц. / Official		+	+	+		+	+	+
	Офиц.дел. / Official business				+				
	Поэт. / Poetic		+						
	Нар.-поэт. / Folk poetic		+		+	+			+
	Трад.-поэт. / Traditional poetic				+				+
	Трад.-лит. / Traditional literary								+
	Пес. / Song	+							
Informal	Проф. / Professional								+
	Обл. / Regional		+	+	+	+		+	
	Простореч. / Colloquial		+	+	+	+		+	+
	Разг. / Informal		+	+	+	+	+	+	+
	Фам. / Familiar		+						+
	Арго / Argo		+						
	Школьн. / School		+						
	Вульг. / Vulgar		+						+
	Детск. / Children's		+						
	Загр. / Overseas		+						
	Нар. / Folk	+							
	Сказ. / Fairy-tale	+							
	Груб.-прост. / Roughly colloquial				+				
	Сниж. / Substandard						+		
	Разг.-сниж. / Informal substandard								+
	Жарг. / Jargon						+		+
	Лаж.жарг. / Camp jargon						+		
	Трад.-нар. / Traditional folk								+
	Нар.-разг. / Folk informal								+
	Окказ. / Occasional						+		+

Ending of the Table 1

Coloring	Types	1	2	3	4	5	6	7	8
3. Emotional and expressive									
Positive	Высок. / High			+	+		+	+	+
	Шутл. / Playful	+	+	+	+		+	+	+
	Почтит. / Respectful				+	+			+
	Ласк. / Affectionate				+				+
	Ум.-ласк. / Diminutive				+				
	Торж. / Solemn		+		+				
	Эвф. / Euphemistic		+				+		
	Ритор. / Rhetorical		+						
	Одобр. / Approving								+
	Приветл. / Friendly	+							
Negative	Бран. / Expletive	+	+	+	+	+		+	+
	Ирон. / Ironical		+	+	+	+	+	+	+
	Неодобр. / Disapproving		+	+	+	+	+	+	+
	Презр. / Contemptuous		+	+	+	+	+	+	+
	Пренебр. / Disparaging		+	+	+	+	+	+	+
	Уничиж. / Derogatory				+			+	+
	Груб. / Rude							+	+
	Укор. / Reproachful		+						
Total		8	36	15	23	13	19	16	32

* 1 — DD, 2 — UD, 3 — OD, 4 — DRL, 5 — DMRL, 6 — EDRL, 7 — OShD, 8 — BED

Source: compiled by Sharapat K. Mamirova, Gulzhana A. Kuzembayeva, Zhumagul A. Maydangalieva elaboration, based on the analysis of dictionaries

The discrepancies in the categories of coloring and types of the style and uzus labels of adjectives in the dictionaries of the Russian language can be stated based on the following examples:

- *безмозглый* (mindless) is stated in DD as “neutral”, in UD — “informal”, “expletive”, in the DRL — “informal”, “contemptuous”, in DMRL — “expletive”, in OD and OShD — “informal”, in BED — “contemptuous”, and is not presented in EDRL;
- *дерзостный* (impudent, ill-mannered) is stated in DD as “church”, in UD — “bookish”, “outdated”, in DRL, DMRL and BED — “outdated”, and is not presented in OD, EDRL and OShD. This indicates the transition of some adjectives into the category of archaisms and historicisms.

DRL has simplified the classification of style and uzus labels, and does not provide such a qualitative nomenclature as in UD: there are no style and uzus labels indicating the historical-temporal space, but only one style and uzus label “outdated” is stated, though there are labels as “folk poetic”, “traditional poetic”, “derogatory”, “respectful”, “solemn”.

OD, DMRL, OShD have approximately the same number of style and uzus labels (15, 13, and 16 respectively), which is half as much as in UD and DRL. This indicates a period in the development of Russian language stylistics, when

the dictionary compilers sought to achieve uniformity in distinguishing style and *uzus* labels. OShD was released in relatively recent times after the formation of the CIS, when the stylistic assessment of the word and the content of style and *uzus* labels should have changed radically, though this did not happen. OShD repeats OD in the principles of compiling a dictionary, but is co-authored with N.Yu. Shvedova, and remains one of the most demanded, popular and normative dictionaries.

There are only eight style and *uzus* labels in DD. In the period of compiling Dal's dictionary, stylistics and lexicography of the Russian language has not reached their current development as a science, therefore DD is a dialectal and interpretive, non-normative dictionary type. Style and *uzus* labels in DD can be divided into:

- a) high style ("old", "church");
- b) neutral style ("narrative", "song", "fairy-tale");
- c) low style ("expletive", "friendly", "playful").

EDRL was an impetus in the development of the system of style and *uzus* labels in the Russian language dictionaries, since fundamental changes in the political, economic, socio-spiritual, public sphere (extralinguistic factors) influenced the Russian language and speech. In the latest period of the Russian language development, the old meanings of some words were rethought, some obsolete words were forced out of the lexical composition of the dictionary, new borrowings became habitual as a result of the emergence and intensive development of technical sciences — cybernetics, cosmology, parapsychology, logistics. New style and *uzus* labels as "jargon", "camp jargon", "Soviet" were used in EDRL to indicate the position in society and social coloring of adjectives.

BED presents new meanings of lexemes in their stylistic diversity that is justified from the point of view of the modern language.

Although DRL and OShD use the style and *uzus* label "bookish", it is inconsistent. In DRL the following adjectives are stated as bookish words: *всевластный* (all-powerful), *гневный* (irate), *докторальный* (doctoral), *зидительный* (constructive), *злонамеренный* (malevolent). Whereas, other bookish adjectives remain without a corresponding style and *uzus* label: *аналогичный* (similar), *доскональный* (thorough), *гармоничный* (harmonious), *гнусный* (vile), *закостенелый* (ossified).

In different dictionaries the coloring of adjectives is not fully reflected being presented inconsistently and inaccurately in some cases. Style and *uzus* labels are recorded irregularly: *аффективный* (affective, emotional) in DD is stated as "French", in UD, OD and OShD — "bookish", in other dictionaries it has no label, and remains neutral. A number of obsolete words are not properly marked in some dictionaries: *жантильный* (gentle, pretentious, mannered) is stated as "informal", "outdated" in UD, "outdated" — in DMRL, and is no longer available in the dictionaries of the post-Soviet era — OD, DRL, EDRL, OShD and BED.

New style and uzus labels as “jargon”, “camp jargon”, “Soviet”, “substandard” indicating the historical and social processes taking place are present in EDRL and BED.

In three of the eight dictionaries under study (UD, EDRL and BED), the style and uzus label “publicistic” is used. The adjective *запретительный* (prohibitive) that has shifted from colloquial speech to publicistic style is stated by the compilers of DRL as “neutral”, though, is provided with an example of use: *запретительные меры* (prohibitive measures). In OD and OShD this adjective with the same dictionary entry is stated as “bookish”.

Factors determining the development of the system of style and uzus labels in the dictionaries of the Russian language

Comparing the coloring of adjectives taking into account periods of publication of the dictionaries revealed definite similarities and differences in the quality and quantity of style and uzus labels. The results show, that differences in the style and uzus labels in eight dictionaries of the Russian language, and in determining the stylistic coloring of adjectives in them, depend on the following linguistic factors:

- different goals and objectives of compiling dictionaries;
- different principles for constructing a dictionary and the structure of a dictionary entry;
- unequal illustrative material and different interpretation of words;
- different approaches of the dictionary compilers to the problem of stylistic normativity of lexical units;
- features of the development of lexicography and stylistics in the historical-temporal space.

The following extralinguistic factors are also significant in the development of the system of style and uzus labels in dictionaries:

- unequal volume and composition of dictionaries;
- different years of publication and collection of vocabulary entries;
- significant changes in the socio-political system;
- development of versatile international relations;
- the presence of marginal groups in society;
- the emergence of new areas of human knowledge such as cosmology, cybernetics, parapsychology, extrasensory perception, etc.;
- intensive development of the mass media, including Internet and telephony;
- development of the technical component of the human environment;
- active “Europeanization”, “jargonization” and “neutralization” of literary language under the influence of the language of the media and popular literature.

The analysis of the 8 dictionaries allows us to trace the evolutionary development of the bank of style and uzus labels based on their quantitative variation presented in Figure 1.

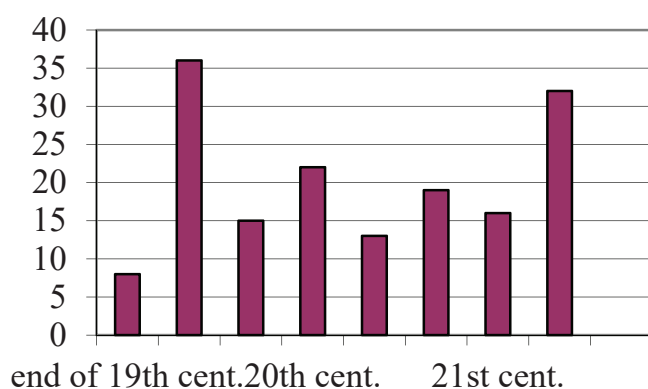

Fig. 1. Evolutionary development of the bank of style and uzus labels in the Russian language dictionaries

Source: compiled by Sharapat K. Mamirova, Gulzhana A. Kuzembayeva, Zhumagul A. Maydangalieva.

The evolutionary transformation of the bank of style and uzus labels in the dictionaries of the Russian language demonstrates a noticeable variation: from 8 to 36 style and uzus labels in the dictionaries of the stated periods, which confirms the absence at the present time of a final, definite, unified set of style and uzus labels in the Russian language dictionaries both in terms of quality (content) and quantity.

The historical period of collecting material and the time of publication of UD and BED, which state the most of the style and uzus labels of adjectives, should be taken into account. UD was compiled after the socio-political events of 1917 in the beginning of the First World War, when the grammatical features of the Russian language finally took shape, and published in 1934–1940 by a team of compilers led by Professor D.N. Ushakov. BED was compiled after 1990 by a team of authors headed by S.A. Kuznetsov, based on the electronic card catalogue of all explanatory dictionaries of the Russian language, and published in 2002. It includes the active vocabulary of the last decade, and the number of words of the one-volume explanatory dictionary amounts to 130,000 units.

In recent years, the volume of style and uzus labels in the Russian language dictionaries has become approximately the same: DMRL — 13, EDRL — 19, OShD — 16, that indicates the attempts of coming to a consensus among the representatives of stylistics. Though, recent mass publication of BED showed a different look at the stylistic marking and evaluation of coloring of adjectives, and hence the resumption of urgent problems of stylistics. The dictionary presented an updated lexical composition of the Russian language, new meanings of adjectives, introduced the replenished system of style and uzus labels, among which are style and uzus labels of social differentiation, not recorded in the dictionaries of early editions.

The comparative analysis of style and uzus labels of adjectives in the Russian language dictionaries shows that the post-revolutionary and post-Soviet years of the

20th century are characterized by approximately the same trend towards an increase in the number of style and uzus labels of adjectives (36 in UD and 32 in BED), and their quality reflects the outgoing historical era — “pre-revolutionary” and “Soviet”. After each significant historical period, the lexical fund of the Russian language is intensively replenished with colloquial words, the stylistic norms are violated, and dictionaries include different style and uzus labels without consistency in labelling policy.

**The system of style and uzus labels of adjectives:
the proposal based on the study of dictionaries of the Russian language
and factors influencing the formation of style and uzus labels in them**

At the present stage of development of Russian stylistics and lexicography, there are still interesting and deeply thought-out concepts that have not yet found their practical application, and there is no consensus among researchers on this issue. There is no definitively defined single set of style and uzus labels in modern lexicography both in terms of content and quantity. Therefore, the existing system of style and uzus labels in dictionaries at the present stage of development of Russian stylistics and lexicography is not the final solution to the problem, which needs further development “taking into account new and interesting concepts” [5–6]. Until the stylistic structure of the Russian language and speech is deeply described, and scientific criteria for the stylistic assessment of linguistic units are found, there will be no unity in style and uzus labels of dictionaries.

Based on the comparative analysis of the style and uzus labels in the Russian language dictionaries that do not always create the correct and final idea of the emotional and expressive, functional and stylistic coloring of adjectives in the modern Russian language, and taking into account the influence of style-forming linguistic and extralinguistic factors, we propose the following system of style and uzus labels of adjectives to be used in the dictionaries of the Russian language:

1. Historical style and uzus labels: стар. (old), устар. (outdated), нов. (new), советск. (Soviet);
2. Functional and stylistic style and uzus labels:
 - a) bookish: книжн. (bookish), спец. (special), публ. (publicistic), офиц. (official), нар.-поэт. (folk poetic);
 - b) informal: обл. (regional), разг. (informal), прост. (colloquial), жарг. (jargon), фам. (familiar), вульг. (vulgar), окказ. (occasional);
3. Emotional and expressive style and uzus labels:
 - a) positive: высок. (high), шутил. (playful), ласк. (affectionate), усилит. (intensifying), эвф. (euphemistic);
 - b) negative: бран. (expletive), ирон. (ironical), неодобр. (disapproving), презр. (contemptuous), пренебр. (disparaging), груб. (rude).

There can be two types of and *uzus* labels in explanatory dictionaries: the former characterizes the functional and stylistic coloring; the latter indicates the emotional and expressive coloring.

L.S. Sidorkova [7], proceeding from the analysis of nouns in UD and OD, classifies the style and *uzus* labels into five types:

1. single;
2. double single-type;
3. double heterogeneous;
4. triple heterogeneous;
5. triple mixed style and *uzus* labels [7. С. 59–60]. Though, the results of the qualitative and quantitative analysis of style and *uzus* labels in the DRL and OShD revealed no adjectives with triple style and *uzus* labels. Therefore, we will limit ourselves to highlighting double single-type and double heterogeneous style and *uzus* labels for adjectives, e.g.:

сиволапый (gray-footed) — 1) “обл.” (regional) and 2) “прост.” (colloquial);
всеведущий (omniscient) — 1) “устар.” (outdated) and 2) “обл.” (regional);
гулливый (husky) — 1) “устар.” (outdated) and 2) “обл.” (regional);
подопечный (ward) — 1) “офиц.” (official) and 2) “разг.” (informal);
супостатный (adversarial) — 1) “стар.” (old) and 2) “высок.” (high);
сутяжный (barratry) — 1) “разг.” (informal) and 2) “неодобр.” (disapproving);
черномазый (darky) — 1) “прост.” (colloquial) and 2) “неодобр.” (disapproving);

потребный (needful) — 1) “устар.” (outdated) and 2) “книжн.” (bookish);
неведомый (unknown) — 1) “устар.” (outdated) and 2) “книжн.” (bookish).

Historical style and uzus labels characterize vocabulary in terms of its active and passive units. Appearance and archaization of language units (adjectives) is a lengthy and complex process.

The style and *uzus* label “стар.” (old) indicates old, obsolete concepts, objects, and names. They include historicisms, to which there are no synonyms in modern Russian: *дружинный* meaning “army of knyaz”, *бургомистерский* meaning “city government”, *будуарная* meaning “the female half of the house” and “the type of furniture”. The style and *uzus* label “стар.” (old) should be used to mark vocabulary that is out of use or is becoming obsolete, but is still known from classical fiction of the 19th and 20th centuries: *верноподданный* (faithful), *иноплеменный* (foreign), *благочестивый* (right-believing), *аглицкий* (English). Outdated words can be archaisms, i.e., obsolete words for which there are synonyms in modern language.

The style and *uzus* label “нов.” (new) is applied to new words or new meanings of words: *холдинговый* (referring to the holding), *стрессовый* (stress), *менеджерский* (managerial).

The style and *uzus* label “советск.” (Soviet) refers to words that were formed in Soviet times and disappeared in post-Soviet times. This style and *uzus* label

should be used at the present stage of development of the Russian language vocabulary just as the style and uzus label “дореволюц.” (pre-revolutionary) is used in UD: *исполкомовский* (referring to executive committee), *пионерский* (pioneer), *комсомольский* (Komsomol), *октябрятский* (October). We assume that such words will pass into the category of historicisms, and will be marked by the style and uzus label “устар.” (outdated).

Functional and stylistic style and uzus labels with bookish coloring include:

- the style and uzus label “книжн.” (bookish), referring to literary style: *добродетельный* (virtuous), *локальный* (local), *экстраординарный* (extraordinary), *коррумпированный* (corrupt);
- “спец.” (special), referring to the language and speech of any narrow specialty or profession, scientific style and scientific speech. Some lexicographers differentiate them into “спец.” (special), “проф.” (prof.), “тех.” (technical), “научн.” (scientific). We propose combining style and uzus labels of this type: *гомогенный* (homogeneous), *теплоизоляционный* (heat-insulating), *антивозрастной* (anti-aging), *дебаркадерный* (landing stage), *мажоритарный* (majority), *синергетический* (synergistic), *приватизированный* (privatized), *солодовенный* (malt).
- “публ.” (publ.) indicates the brightly colored vocabulary that the media represents: *клондайкский* meaning “quickly get rich”, *унитарный* meaning “combined”.
- “офиц.” (official), inherent in official business speech and the language of business documents: *многомандатный* (multi-mandate), *глубокоуважаемый* (highly respected), *подсудимый* (defendant), *присяжный* (juror), *пострадавший* (victim).
- “нар.-поэт.” (Folk poetic), characteristic of ethnic poetic speech: *одичалый* (wild), *подноготная* (ins and outs), *ранехонький* (early).

Functional and stylistic style and uzus labels with colloquial coloring refer to the vocabulary of the social strata of society, and are characterized by the ease and informality.

The style and uzus label “обл.” (region) is characteristic of regional, dialectal speech: *нонешний* meaning “current”, *надучий* meaning “autumn”, *сродный* meaning “cousin”. They are more or less clear or familiar from fiction or from the speech of old people than dialect words: *рясный* meaning “abundant, thick”, *молосный* — modest, *хрушкий* — large, *баской* — beautiful. Basque in the meaning. Style and uzus label should also mark dialectisms, since it is non-normative and peripheral vocabulary.

The style and uzus label “пазр.” (colloquial) is characteristic of colloquial speech: *вертлявый* meaning “fidgety”, *тамошний* meaning “foreign”.

Adjectives with the style and uzus label “прост.” (colloquial) are lower than informal adjectives, and are used in common speech: *голопузый* (bare-bellied), *башиковитый* (brainy), *ментовский* (cop).

Adjectives with the style and uzus label “жарг.” (jargon) is characteristic of the speech of people related to one professional field (students, drivers, teachers, fishermen, children, prisoners).

The style and uzus label “фам.” (familiar) is characteristic of too relaxed and inappropriately cheeky behavior of a person and his speech.

Adjectives with the style and uzus label “вульг.” (vulgar) are not standardized, they are used in a colloquial setting, differ from familiar and vernacular in a vulgar, rude and obscene connotation.

The style and uzus label “оказ.” (occasional) is characteristic of the author’s neologisms, formed according to unusual models. Due to extralinguistic reasons and the rich imagination of poets and writers, new words and new meanings of words appear, significantly replenishing the vocabulary of the Russian language: *тяжелозвонкое* скаканье meaning “heavy-voiced galloping” (A. Pushkin); *молоткастый* “hammer”, *миллионопалая* “million-toed”, *двухметроворостая* “two-meter tall” (V. Mayakovsky); *обосененная* тишина “enlightened silence”, *чисточетверговая* свечка “pure Thursday candle” (S. Yesenin).

Emotional and expressive style and uzus labels with positive coloring include:

- “высок.” (high), characteristic of sublime, solemn, pathetic speech: *доблестный* (valiant), *пламенный* (fiery), *исполинский* (gigantic);
- “шутл.” (playful), characteristic of speech in a joking manner, with a jocular tinge: *мыльный* (soapy) meaning “multi-series”, *дражайший* — “dearest”, *сногсшибательный* — “stunning”.
- “ласк.” (affectionate), characteristic of colloquial speech, but with an affectionate touch, good-natured attitude: *махонький* (tiddly), *миленький* (cute), *полненький* (plump).
- “усилит.” (intensifying), applicable for the intensity of the quality, attribute and property of an object, phenomenon, person: *бездонный* (bottomless), *прилизанный* (slick).
- “эвф.” (euphemistic), replacing non-literary words with decent words: *дурак* (fool) — *неумный* (stupid).

Emotional and expressive style and uzus labels with negative coloring include:

- “бран.” (expletive), characteristic of the speech of scolding people: *дурий* (foolish), *подколотная* (under-the-wall), *подзаборная* (sub-fence), *сукин сын* (son of a bitch), *сопливый* (snotty). Such style and uzus labels are always used as part of “informal” and “colloquial” style and uzus labels.
- “ирон.” (ironical) — with a touch of irony, mockery, causticity: *озабоченный* meaning “thinking of sexual relations”, *суленый* meaning “promised”, *богобоязненный* meaning “God-fearing”.
- “неодобр.” (disapproving) — with a touch of disapproval, malevolence: *безбожный* (godless), *сутяжный* (litigious), *левацкий* (leftist).

- “презр.” (contemptuous) — with a touch of contempt, hatred: *густопсовый* (thick-dog), *плюгавый* (shabby).
- “пренебр.” (disparaging) — with a touch of neglect, disgust: *гороховый* (pea) in the meaning “pertaining to the agent”; *бабий* (woman’s — voice, character, behavior), *легавый* meaning “pertaining to a police officer”;
- “груб.” (rude), referring to colloquial adjectives: *сволочной* (bastard), *дурашливый* (foolish).

Conclusions

The study of the style and uzus labels of the adjectives in the Russian language dictionaries can be considered as an attempt to determine one of the possible ways of objective interpretation of the types and categories of the stylistic coloring of language units in the Russian language.

Having subjected to the comparative analysis of the system of style and uzus labels in the dictionaries of the Russian language united into unequal groups and heterogeneously by different dictionary compilers, it became clear that they vary both in qualitative and quantitative characteristics. Variety in the views of the dictionary compilers are observed not only in the classification of style and uzus labels, but also in determining the type of coloring of a single adjective in different dictionaries of the Russian language.

The bank of style and uzus labels in the dictionaries of the Russian language indicating the historical, emotional and expressive, functional and stylistic coloring of adjectives is continuously modified and replenished with new style and uzus labels. It is determined by the influence of socio-historical processes, linguistic and extralinguistic factors on the development of the Russian language stylistics. Until the stylistic structure of the Russian language is fully described, and scientific criteria for the stylistic assessment of language units are found, there will be no unity in the style and uzus labels in dictionaries.

References

1. Leščinskij, R. (2013). Linguistic features of English and Russian dictionaries (A Comparative Study). *SANTALKA: Filologija, Edukologija*, 21(1), 35–44.
2. Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2003). Legal linguistic expertise: at the crossroads of language and law. *Siberian Journal of Philology*, 1, 146–157. EDN: WIEQFT. (In Russ.).
3. Kochergina, K.S. (2017). Stylistic labels in dictionaries of the modern Russian language: A comparative analysis. *Russian Journal of Lexicography*, 11, 20–38. <https://doi.org/10.17223/22274200/11/2> EDN: ZAPCKH (In Russ.).
4. Fedorova, I. (2004). Style and usage labels in learners’ dictionaries. In: *Ways of optimization. Proceedings of the 11th EURALEX International Congress*. Leiden. pp. 265–272. URL: <https://euralex.org/publications/style-and-usage-labels-in-learners-dictionaries-ways-of-optimisation/> (accessed: 25.06.2024).

5. Apresian, Y.D. (1988). Pragmatic information for the dictionary. In: *Pragmatics and problems of intentionality*. Moscow: Akadeniya nauk. pp. 7–44. (In Russ.).
6. Apresian, Y.D. (1991). Concept of the new dictionary of synonyms of Russian language. In: *Russian and modernity. Problems and prospects of development of frustics*. Moscow: Akadeniya nauk. pp. 5–28. (In Russ.).
7. Sidorkova, L.R. (2007). *Stylistic marking of the name of a noun in the dictionaries of Russian language and artistic speech* [dissertation]. Tashent: National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek publ. (In Russ.).

Библиографический список

1. Leščinskij R. Linguistic features of English and Russian dictionaries (A Comparative Study) // SANTALKA: Filologija, Edukologija. 2013. № 21(1). С. 35–44.
2. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 146–157 EDN: WIEQFT.
3. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: Сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38. <https://doi.org/10.17223/22274200/11/2> EDN: ZAPCKH
4. Fedorova I. Style and usage labels in learners' dictionaries // Ways of optimization. Proceedings of the 11th EURALEX International Congress. Leiden, 2004. P. 265–272. Режим доступа: <https://euralex.org/publications/style-and-usage-labels-in-learners-dictionaries-ways-of-optimisation/> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : АН, 1988. С. 7–44.
6. Апресян Ю.Д. Концепция нового словаря синонимов русского языка // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М. : АН, 1991. С. 5–28.
7. Сидоркова Л.Р. Стилистическая маркированность имени существительного в толковых словарях русского языка и художественной речи : дисс...канд. филол. наук. Ташкент : Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, 2007.

Information about the authors:

Sharapat Mamirova, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Language and Literature, Akademik Mardan Saparbayev Institute, Central Asian Innovation University (137/2, Madeli Kozha str., Shymkent city, the Republic of Kazakhstan, 160013); Research interests: stylistics, lexicography, methods of teaching Russian language and literature; e-mail: shake06@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0615-1921.

Gulzhana A. Kuzembayeva, Gulzhana Kuzembayeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University (7A, Grishin str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000); Research interests: psycholinguistics, comparative linguistics, cultural linguistics; e-mail: kuzembayeva@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8964-3683. SPIN-code: 1510-2232.

Zhumagul A. Maydangalieva, PhD in Education, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, Baishev University (302A, br. Zhubanovykh str., Aktobe, the Republic of Kazakhstan, 030000), postdoctoral of Atyrau University named after Khalel Dosmukhamedov (1, pr-d Student, Atyrau, the Republic of Kazakhstan, 030000) ; Research interests: linguoculturology, methodology of teaching Russian; e-mail: maydangalieva@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3189-8880. SPIN-code: 4996-8927.

Сведения об авторах:

Мамирова Шарапат Калибековна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков и литературы института Академика Мардана Сапарбаева, Центрально-Азиатский инновационный университет (160013, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Мадели Кожя, д. 137/2); сфера научных интересов: стилистика, лексикография, методика преподавания русского языка и литературы; e-mail: shake06@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0615-1921.

Кузембаева Гульжана Айтжановна, кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент кафедры английского и немецкого языков, Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (030000, Республика Казахстан, г. Актобе, ул. Гришина, д. 7А); сфера научных интересов: психолингвистика, сравнительное языкознание, лингвокультурология; e-mail: kuzembayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8964-3683. SPIN-код: 1510-2232.

Майдангалиева Жумагуль Алдияровна, доктор философии (PhD), доцент кафедры иностранных языков и литературы, Баишев Университет (030000, Республика Казахстан, г. Актобе, ул. Братьев Жубановых, д. 302А); постдокторант, Атырауский университет имени Халела Досмухамедова (030000, Республика Казахстан, г. Атырау, пр. Студенческий, д. 1); сфера научных интересов: лингвокультурология, методика русского языка и литературы; e-mail: maydangalieva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3189-8880. SPIN-код: 4996-8927.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1359-1373

EDN: QOFKGA

UDC 811.411.21'28'374.2

Research article / Научная статья

Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions

Aida D. Haddad , Natalia V. Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 khaddad_a@pfur.ru

Abstract. In Arabic countries, the linguistic situation, characterized by diglossia, which manifests itself in the presence of colloquial variants as the primary means of communication and the literary Arabic language as the language of the official sphere, attracts the interest of sociolinguistic researchers and is a relevant issue of the Arabic linguistics. With the growing interest in Arabic dialects, there is an increasing need for accessible resources for linguists and those studying the Arabic language and its dialects. One of such resources is the multimedia dictionary of Arabic dialects we are now developing, which contains information about the phonetic and grammatical characteristics of words, their origins, syntagmatic and paradigmatic relations, as well as extralinguistic information about the concepts or objects they denote. The creation of a dictionary for the Syrian dialect, in light of the insufficiency of lexicographic resources, defines the novelty of this study. The analysis focuses on the lexical units from the Syrian dialect of the Arabic examined, regarding the stages of their selection and the characteristics which distinguish them from the units of the literary language for inclusion in the multimedia dictionary. The research material consists of dialect words obtained through a comprehensive sampling method from film discourse in the Syrian dialect of the Arabic. The result of this work is an algorithm developed by the authors, aimed at improving natural language processing, for analyzing dialectal lexical units and expressions in the Syrian dialect of the Arabic, allowing for the acquisition of the most complete information about their origins, phonetic and grammatical features.

Keywords: literary language, lexicography, arabic lexicology, multimedia dictionary, algorithm

Financing. Acknowledgements:

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238–1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

© Haddad A.D., Novospasskaya N.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Haddad, A.D. & Novospasskaya, N.V. (2024). Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1358–1373. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1358-1373>

Специфика анализа сирийских диалектизмов арабского языка

А.Д. Хаддад , Н.В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 khaddad_a@pfur.ru

Аннотация. Языковая ситуация в арабских странах, характеризующаяся диглоссией, выражающейся наличием разговорных вариантов, выступающих основным средством общения, и литературного арабского языка как языка официальной сферы, вызывает интерес исследователей-социолингвистов и является актуальной проблемой арабского языкознания. С развитием интереса к диалектам арабского языка растет необходимость в доступных ресурсах для лингвистов и изучающих арабский язык и его диалекты. Таким ресурсом может служить разрабатываемый нами мультимедийный словарь диалектов арабского языка, содержащий информацию о фонетических, грамматических особенностях лексемы, ее происхождении, синтагматических и парадигматических связях, а также экстралингвистическую информацию о понятии или предмете, которые она номинует. Создание словаря сирийского диалекта арабского языка в условиях недостаточности лексикографических ресурсов определяет новизну исследования. *Предметом* анализа стали лексические единицы сирийского диалекта арабского языка, рассматриваемые с точки зрения этапов их отбора и особенностей их дифференциации с единицами литературного языка в целях включения в словник мультимедийного словаря. *Материал* исследования — диалектные слова, полученные методом сплошной выборки из кинодискурса на сирийском диалекте арабского языка. *Результатом* работы стал разработанный автором и направленный на улучшение обработки естественного языка алгоритм анализа диалектных лексических единиц и выражений на сирийском диалекте арабского языка, позволяющий получить наиболее полную информацию о происхождении, фонетических и грамматических особенностях языкового материала.

Ключевые слова: литературный язык, лексикография, арабская лексикология, мультимедийный словарь, алгоритм

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238–1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Haddad A.D., Novospasskaya N.V. Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1358–1373. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1358-1373>

Introduction

The first dictionaries for the Arabic language (Modern Standard Arabic) focused on describing the vocabulary used in literary Arabic and were motivated by interest in the lexical units found in the Quran [1]. The dictionary could be organized according to one of the following principles:

1. Thematic, where the vocabulary was arranged on a conceptual basis: the dictionary “al-Muhasas”¹.
2. Alphabetical, where a large body of vocabulary was compiled in alphabetical order: the dictionary “al-Qamus al-Muhit”².

Lexicography of the Arabic language was not focused on recording dialectal lexemes. This was due to several reasons: primarily, the status of colloquial variants of the language was considered low. Moreover, they are the primary means of communication for Arabic speakers, which led to the necessity of strengthening the position of literary Arabic through its codification.

Today, many different dialects of Arabic have emerged, and the complexity of their lexicography is related not only to their diversity but also to their dynamic nature, which is motivated by various social and historical factors [2–5]. In recent decades, there has been a growing interest in studying and describing Arabic dialects, leading to the emergence of various dialect dictionaries³, as well as research dedicated to creating electronic resources [6], including dialectal ones [7–11].

Materials and methods

The lexical material was gathered through continuous sampling from the dialogues of characters in the Syrian TV series “The Neighbourhood’s Gate” and “A Lost Village”. The sample of dialectal units consists of 250 words and idioms, which will be incorporated into the forthcoming multimedia dictionary of dialectal vocabulary.

The main methods used in the research were: 1) descriptive method; 2) comprehensive sampling method; 3) survey; 4) statistical method.

Results of the study

Main Results of the Research:

- A relevant direction of work for researchers and lexicographers specializing in Arabic has been identified.

¹ ابن سيده المرسي الاندلسي (1996). المخصص. بيروت: دار احياء التراث العربي. (Al-Andalusi, A. (Ibn Sidah) (1996). Al-Muhasas. Beirut: Dar Ihiya Al-Turath Al-Arabi).

² القاموس المحيط. القاهرة: دار الحديث. (2013). *al-Firuzabadi* (2013). Al-Qamus al-Muhit, Cairo: Dar al-Hadith).

³ ٢٠١٢ وزارة الثقافة دمشق موسوعة العامية السورية الجزء الاول ياسين عبد الرحيم (Abd al-Rahim, Ya. (2012). Encyclopedia of the vocabulary of the Syrian dialect. Damascus : Publishing house of the Ministry of Culture).

- An algorithm developed by the author for selecting and analyzing Arabic dialectal lexical units and expressions has been proposed. It will subsequently be used to create a multimedia dictionary of dialects.
- A concept for the multimedia dictionary project of the Syrian dialect has been proposed.

Discussion

Arabic dialects are in close interaction with the codified literary Arabic language. Defining words that belong to the dialectal rather than the literary language poses certain difficulties. This interaction leads to partial overlap between the lexical systems, complicating the distinction between dialectal and literary vocabulary. The differentiation of dialects and Modern Standard Arabic in terms of their spheres of functioning, where dialects serve as means of communication in everyday life, while literary Arabic is a means of communication in the official sphere, is not always distinctly defined: dialects can also be used in some formal situations, erasing the boundary between the “high” literary and “low” forms of the language [12–16]. For instance, in 2023, during the annual World Government Summit in the United Arab Emirates, Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi predominantly used the Egyptian Arabic in his speech: *انا عايز أجابه التحديات دي كلها مرة وحدة* [ana ʕaez agabeh attahadiyat di kullaha marra wahda] meaning ‘I want to respond to all these challenges at once’⁴.

Sociolinguistic factors, including the prestigious status of the literary language and the lower social status of its dialects, lead to code-switching among Arabic speakers between dialect and literary language depending on the situation. This code-switching and significant regional variability of Arabic dialects make it challenging to draw a clear boundary between them and literary Arabic.

A unique language continuum is formed, within which it is often difficult to unambiguously classify a particular linguistic unit as belonging to literary Arabic or a specific dialect [17]. To identify a dialectal lexeme, a comprehensive analysis of its characteristics is necessary:

a) Phonetic Analysis

One reason for the differences among Arabic dialects that complicate communication between speakers of different dialects is the divergence in pronunciation norms [18–20]. In the first stage, we consider it essential to analyze the phonetic structure of the word to identify its features, including the presence of specific sounds and differences from the literary norm.

⁴ Proceedings of the World Government Summit on February 13–15, 2023 [Electronic resource] URL: <https://www.worldgovernmentsummit.org/ar/events/2023/world-government-summit-2023> (accessed: 08.07.2024).

In most dialects, three short and long vowels are preserved: [a], [i], [u], [a:], [i:], [u:]. However, their realization may vary depending on the region. In the Syrian dialect of Arabic, the following territorial differentiation is observed: the sound [a] in Aleppo may shift to [e:], while in Tartus, [a] is replaced by [o], whereas in Damascus, [a] is retained (Table 1).

Table 1

Pronunciation of the vowel [a] in different regions of Syria

	عامل [ʕamelʔ] ‘worker’	ماشى [mashʔi] ‘ладно’
	Pronunciation	
Damascus	[ʕamelʔ]	[mashʔi]
Tartus	[ʕomelʔ]	[moshʔi]
Aleppo	[ʕemelʔ]	[meshʔi]

Source: Aida D. Haddad’s Research

The position of vowels in a word is a key factor determining their quality in Arabic dialects. At the beginning of a word, vowels most often retain their pronunciation close to literary Arabic. In the middle of a word, vowels may be reduced and undergo significant changes depending on the dialect:

(1) In the Syrian Arabic the diphthong [ai] in the word بيت ‘house’, is replaced by [e], and the lexeme is pronounced as [bet] instead of [bart].

Differences in the pronunciation of consonants are also an important distinguishing feature between Arabic dialects. These differences affect both classical consonantal phonemes and specific consonants characteristic of individual dialects. One of the key discrepancies concerns the realization of classical emphatic consonants ([tʕ], [dʕ], [sʕ], [zʕ]). In some dialects, these consonants are preserved. However, more often, emphatic consonants lose their distinct articulation and approach regular non-emphatic consonants:

(2) نظام [nizʕam] — نزام [nizam] ‘regime’.

(3) صغير [sʕiɣiɾ] — سغير [syɾ] ‘small’.

Another significant difference in phonetics is related to the pronunciation of the literary sound [kʕ]. In most dialects, it is preserved, for example, in Syria — in the city of Latakia. However, in other regions, the sound undergoes changes, and in dialects, it is most often realized as a glottal stop [ʔ] (glottal plosive), a variant characteristic of the capital:

(4) قال [kʕal] in Latakia and نال [ʔal] ‘said’ — in Damascus.

Additionally, some dialects demonstrate the use of specific consonants that are absent in literary Arabic. For instance, in the Egyptian dialect, [ʒ] is replaced by the dialectal [g]. In the Syrian dialect, this sound is realized in borrowed vocabulary, graphically denoted by using غ [gʕ], and less frequently ح [ʒ]:

(5) تَغ [tāg] ‘tag’ — borrowed from the internet discourse of the English language.

A borrowed lexical unit is considered to be successfully assimilated into Arabic when it is fully adapted to the phonetic and grammatical system of literary Arabic. In literary Arabic, there are clear phonetic rules regulating the combination and order of sounds in words [21]. Adherence to these rules is an important criterion for determining the degree of Arabization of a given lexeme. Thus, the combination of sounds [kʰ] and [ʒ] is an indicator of the borrowing of a word, as such a combination is not permissible in native Arabic roots:

(6) بَقْجَة [baqʕja] ‘bag’ (borrowing from Turkish — *bohça* ‘package’).

Thus, the first necessary step in differentiating a lexical unit from that of Modern Standard Arabic, and subsequently to a specific Arabic dialect, is the analysis of its phonetic composition. Analyzing the phonetic characteristics of words helps in forming an understanding of dialectal phonetic features, and identifying regular sound correspondences allows for tracing the historical development of the lexeme.

b) Grammatical Analysis

One of the key characteristics of dialects is their deviation from the grammatical norm of Modern Standard Arabic. This manifests in various aspects of the grammatical system [22]. In the area of morphology, the Syrian dialect simplifies the case system by truncating certain case endings and vowel markings in nouns and adjectives:

(7) اريد جوز [uridu jāwzan] — بدي جوز [bididi joz] (Syrian dialect) ‘I want a walnut’. In the dialect, the accusative case ending “an” is lost in the lexeme جوز ‘walnut.’

Changes occur in the paradigms of word forms, including personal pronouns — the forms of dual masculine and feminine gender are lost, as well as the feminine plural forms:

(8) انتما الاثنين [antumā al’ithnā] — انتو الاثنين [intu al’tinīn] ‘you (both)’ (Syrian dialect).

Dialects demonstrate a simplification of the verbal system, reducing the number of conjugation forms [22]:

(9) انتما ايضاً عرفتما؟ [antumā aydan ‘ariftumā] ‘Did you (two) also know?’ (literary) — انتوا كمان عرفتوا؟ [intu kamān ‘ariftu] ‘Did you (two) also know?’ (Syrian dialect). In this example, the second-person dual pronoun انتما and its clitic form in the verb “to know” are replaced by the second-person plural pronoun and its corresponding clitic form.

A common feature of dialectal syntax is the replacement of case by syntactic connections governed by prepositions. In literary Arabic, case endings play an important role in expressing syntactic relationships, whereas in many dialects, prepositions replace or complement case markers:

(10) كتاب الطالب [kitābu al-ṭālibi] ‘the book of the student’ (literary) — الكتاب تبع الطالب [al-kitāb taba‘ al-ṭālib] ‘the book of the student’ (Syrian dialect).

Additionally, certain dialects, including the Syrian dialect, are characterized by a broader use of auxiliary verbs, such as *كان* [kān] ‘to be,’ to express various grammatical meanings. This is associated with a general tendency towards analyticism in Arabic dialects:

(11) The construction *كان عم يكتب*: *كان عم يفعل* [kān ‘am yaktub] ‘was writing’ is used to convey a prolonged action in the past (Past Continuous in English), in contrast to the simple past tense in literary Arabic.

c) Etymology

Identifying the origin and development of a word is an important aspect for understanding how and in what meaning a lexeme appeared in the dialect, and what historical and cultural factors influenced its formation. To determine the etymology of a word in Arabic, it is necessary to:

- Search for the Lexeme in the Dictionary of Modern Standard Arabic.

The presence of a lexeme in a dictionary cannot be regarded as an unambiguous indicator of its literary origin, as high frequency of usage in speech may lead to the fixation of its semantics in the dictionary regardless of its etymology. This applies to lexical units that originally had conversational or dialectal origins, as some dictionaries may lexicograph not only literary vocabulary but also colloquial, jargon, and dialect words. To obtain information about a word’s belonging to a dialect, an analysis of the context of usage and the history of the lexeme is necessary.

The discovery of a dialectal lexical unit in the dictionary can facilitate the process of establishing its meaning and the time of its appearance in the language; moreover, the interpretation of colloquial and dialectal lexemes usually occurs by indicating the literary equivalent. Since notes on the origin of a word are not a systematic characteristic of the dictionary, it is essential first to compare the dialectal word with the equivalent lexeme in Modern Standard Arabic. This will allow for the identification of kinship (if any) and to establish whether this lexeme is originally Arabic or has been borrowed.

- Comparison the Lexeme with Other Arabic Dialects:

Comparing the dialectal word with equivalents from other geographically close Arabic dialects can help trace the regional features of the formation and development of the lexeme. Identifying common or distinguishing traits will indicate the degree of kinship between dialects and possible pathways for borrowing lexical units due to the historical interaction of speakers from different dialects.

- Comparison with Related Semitic Languages:

Comparing the dialectal word with the vocabulary of other Semitic languages that previously existed in the territory where the studied dialect is spoken may reveal archaic roots and connections. At this stage, it is possible to determine whether the word is common Semitic or a result of later borrowings. Relevant dictionaries (if available) or scholarly works of an etymological nature can serve as sources for this material.

- **Historical-Linguistic Analysis:**

Studying the sociocultural factors that influenced the formation of dialectal vocabulary, considering the historical contexts in which the dialect functioned, and the contacts of its speakers with speakers of other languages in the region are necessary for establishing the etymology of words. For instance, colonization is one of the reasons for the emergence of dialect words with foreign origins [23]. In conducting the analysis, consulting explanatory dictionaries of the languages with which the speakers of the dialect interacted is an important step in establishing the origin of the word (In Syria — Syriac, Persian, French, Turkish languages).

- **Paremic corpus:**

Given that dialects are the primary means of everyday communication, the paremic corpus (proverbs, sayings, and other fixed expressions) is rich with established dialectal forms. Paroemia represents a significant part of any natural language and is a product of living folk speech, reflecting the characteristics of the language and/or regional Arabic dialect, including its phonetic, lexical, and grammatical features. Studying the paremic corpus contributes to understanding the context of dialectal words used in the speech of native speakers. Many dialectal units and expressions are indeed fixed within the paremia:

(12) *ايدي بزناارك* [idi bzennaarak] ‘to plead’ (lit. ‘my hand on your waist’).

In this phraseological expression, the archaic word *زناار* [zanār] is used, which has a related meaning and can only be used in this combination. This term previously referred to a belt of a specific color that Christians wore in the Levant.

(13) *عقله جوزتين بخرج* [‘aqluh joztein b’ikh’irj] ‘a foolish person’ (lit. ‘his brain is two nuts in a sack’).

The lexeme *خرج* [kh’irj] previously denoted a large sack that was convenient for storing and carrying items on one’s shoulder. Today, the word has fallen out of use and remains only within the phraseological expression.

Analysis of the Syrian Dialect Lexeme

We will analyze the lexeme *طنجرة* [tanğara] meaning ‘pot’, which appears in the Syrian idiomatic expression *طنجرة ولقت غطاها* [tanğara u la?et ġaṭāhā] (literally ‘a pot and it found its lid’, equivalent to the English expression ‘two of a kind’):

a. **Phonetic Aspect:**

The phonetic composition of the lexeme *طنجرة* reveals an unusual combination of sounds [t] and [ʒ] that is not characteristic of literary Arabic. The presence of such a combination indicates that this word was borrowed from another language and is not originally Arabic. This combination of sounds in Syrian dialects is typically found in words borrowed from Persian or Turkish.

b. **Grammatical Features:**

At the grammatical level, one can observe the loss of case markers. From the perspective of literary Arabic, the case ending in this position of the lexeme should

be “[on] (nominative case). Additionally, the expression exhibits a violation of word order; however, in this case, it cannot be attributed to dialectal origins, as the inversion is more of an artistic device.

c. Etymology:

Searching for information about the unit in etymological dictionaries seems appropriate due to the establishment of an unusual sound combination in the lexeme that is not typical of literary Arabic. One such work is “Interpretation of Foreign Words in the Arabic Language”⁵, first published in 1932. This dictionary presents a list of borrowed lexical units from various languages, arranged alphabetically, along with their semantics and etymology. The author aims to establish the origins of words for their replacement with native Arabic vocabulary and to eradicate borrowings. The lexeme طنجرة ‘pot’ is a borrowing from Turkish, specifically from the word tencere ‘pot/kettle’. It is included in the explanatory dictionary of the Arabic language and is interpreted with the literary equivalent قِدر [qidr], which in turn is described as “a cooking vessel (feminine, can be used in masculine form)” (Fig. 1, Fig 2) and is literally translated into Russian as pot, kettle, or small pot in the “Arabic-Russian Dictionary” by Kh.K. Baranov⁶.

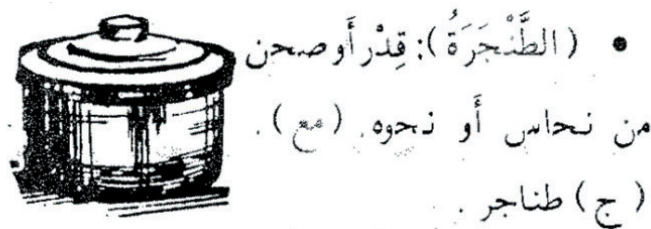

Fig. 1. The meaning of the word طنجرة in the dictionary

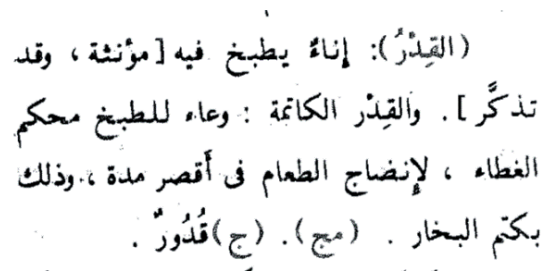

Fig. 2. The meaning of the word قِدر in the dictionary
Source: Aida D. Haddad's Research

⁵ (Al-Anisi, T. Interpretation of Foreign Words in the Arabic Language. Egypt: Dar al-Bestani. 2008) العنيسي طوبيا (٢٠٠٨). تفسير الالفاظ الدخيلة في اللغة العربية. مصر: دار البستاني

⁶ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь [Электронный ресурс] URL: <http://arabus.ru> (дата обращения: 08.07.2024). (Baranov, K.H. Arabic-Russian Dictionary [Electronic Resource] URL: <http://arabus.ru> (accessed: July 8, 2024))

d. Usage in idioms:

As previously shown, the lexeme is used in the expression: *طنجرة ولقت غطاها* [taṅğara u laʔet ɣaṭāhā] ‘two of a kind’. This expression consists of four components:

- Noun *طنجرة* [taṅğara] ‘pot’.
- Conjunction *و* [u] ‘and’.
- Verb *لقت* [laʔet] ‘found’. The formation of this verb form is motivated by the literary Arabic word *لقيه* [luqiya] ‘finding’ according to the literary word formation model *فَعَّلَ* (for feminine *فَعَّلَتْ*).
- Noun *غطاها* [ɣaṭāhā] is derived from the literary variant *غطاء* [ɣiṭāʔ] by truncating the glottal stop. This word has multiple meanings and is defined in the dictionary as “that which covers an object, concealing it”. The lexeme can also refer to a blanket.

Originally, the expression had a positive connotation and was used to denote a pair in marriage where the spouses have mutual understanding. Today, the context of use has expanded: the expression can be used with both positive and negative connotations, for example, regarding unpleasant people who are in friendly or marital relationships. The lexeme *طنجرة* is not fixed and can be used outside of this idiomatic expression to mean ‘pot’.

To understand the place of the literary and dialectal variants of the word for ‘pot’, a survey was conducted among 55 respondents from various regions of Syria: Damascus, Deir ez-Zor, Latakia, Tartus, Aleppo, aged from 18 to 67 years.

The aim of the study was to compare the lexical units *قِدْر* [qidr] and *طنجرة* [taṅğara] ‘pot’ in the vocabulary of Arabic speakers and its dialects. The organization of the study was based on the hypothesis that the literary variant of the lexeme for ‘pot’ is less recognizable due to its transition into passive vocabulary. The survey was conducted using the technical capabilities of the Internet on a voluntary basis among respondents. Primary mathematical processing methods (calculating percentage shares) were used for data analysis.

The task included:

- An open-ended question: “What is a pot?” (indicating the literary lexeme — *قِدْر* [qidr]);
- An image of a pot was provided with a request to name the object.

The primary analysis of the empirical material led to the identification of the following groups of responses:

1. To the first question:

- Container (large/for food) — 23 respondents (41 %);
- Cooking/boiling vessel — 18 respondents (32 %);
- Destiny — 7 respondents (12 %);
- I don’t know — 4 respondents (7 %);
- Bottle — 2 respondents (3 %).

A visual analysis of the empirical material indicates that the decrease in the number of correct answers is directly proportional to the decrease in the age of the respondents (Table 2).

Table 2

The results of the survey. Age criteria

	Age category		
	18–25	26–34	35–60
Bottle	0	2	0
Container	16	7	0
Pot	4	10	4
Fate	3	1	3
I don't know	4	0	0

Source: Aida D. Haddad's Research

2. To the second question:
- **طنجرة** [tanğara] ‘pot’ (dialect word) — 55 respondents;
 - 2 respondents, in addition to the dialectal variant of the lexeme, indicated the literary equivalent (aged 23 and 28).

Upon examining the survey results, one can conclude that the lexical unit **قدير** [qidr] is losing its meaning of ‘pot’ in favor of a more generalized meaning of ‘container’. This change in semantics can be explained by a tendency towards language simplification. The lexeme **قدير** [qidr] has similarities with the word **قدر** [qadar] ‘destiny’, with the phonetic composition of the lexical units differing by only two vowel markings, which may cause confusion in denoting concepts. This is indicated by the corresponding responses to the first task.

The results of the second task confirm that the colloquial variant of the term has become more popular among language speakers. This may suggest that the younger generation prefers to use more universal and comprehensible words that are easier to perceive in everyday speech.

Multimedia Dictionary Project

When accessing the dictionary, the user is presented with basic information that includes: transcription, grammatical commentary, interpretation, literary variant of the word, and an image of the object (Fig. 3).

طنجرة

Phonetic transcription: [tanjara].

Grammatical characteristics: noun, feminine gender, singular.

Definition: a container made of metal, used for cooking; cookware;

Literary equivalent: **قدير** [k'idr] noun, masculine gender.

Fig. 3. Project of the Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect: Example of a Dictionary Entry
Source: Aida D. Haddad's Research

If necessary, the user can access additional information available on supplementary tabs, which include: the etymology of the lexeme, information about proverbs that include the word, examples of usage in context (s), as well as video/audio material demonstrating the use of the lexical unit in speech (Fig. 4).

Fig. 4. Project of the Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect: Example of a Dictionary Entry, Additional Information
Source: Aida D. Haddad's Research

Conclusion

The dialects of the Arabic language are characterized by the presence of a large amount of borrowed vocabulary, the formation of lexical units based on Arabic roots and expressions, as well as the development of new meanings for already existing words. This diversity in vocabulary is related to the flexibility and dynamism of dialects compared to literary Arabic; dialects quickly respond to social changes and express concepts relevant to the local community.

Due to various geopolitical factors, Arabic speakers have actively interacted with speakers of other languages, leading to the incorporation of a significant number of borrowings into the spoken variants of the language, reflecting new realities, concepts, and phenomena.

A comprehensive approach to analyzing a lexeme, taking into account the characteristics of its phonetic structure, grammar, semantics, and historical factors, allows for the most accurate determination of the word's affiliation to a particular dialect and its etymology.

The work presents an algorithm for analyzing a lexical unit; however, not every stage mentioned is mandatory. In each specific situation, the approach to analysis should be individual and flexible, as it is necessary to adapt the analysis to the characteristics of the lexeme in question and the tasks at hand. Thus, comparing the word with equivalents from other Arabic dialects is not mandatory when there is established information about its foreign origin.

Библиографический список

1. *Ханафеева А.М.* Арабская языковедческая традиция // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 157–163. EDN: MSVVRZ.
2. *Эльсабрути Р.Р.* Проблемы арабской лексикологии // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 6. С. 170–179. EDN: NDOYCD.
3. *Ковыришина Н.Б.* Лексикология арабского языка: теория или практика? // Русистика. 2004. № 1. С. 116–120. EDN IIRJAH.
4. *Зайнуллин Г.Г.* Проблемы современной арабско-русской и арабско-татарской лексикографии. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–3(73). С. 115–119. EDN: WHRQDA.
5. *Новоспаская Н.В., Хаддад А.* Кинодискурс как ресурс для создания мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: Сб. материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 апреля 2024 года. М. : РУДН, 2024. С. 329–331. EDN: BVKNFQ
6. *Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И.* и др. Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103>. EDN: ORDIGZ.
7. *Obeid O., Salameh M., Bouamor H., Habash N.* ADIDA: Automatic Dialect Identification for Arabic // Proceedings of NAACL-HLT 2019: Demonstrations. Minneapolis, Minnesota: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 6–11.
8. *Aliwy A., Taher H., Abutiheen Z.* Arabic Dialects Identification for All Arabic countries // Proceedings of the Fifth Arabic Natural Language Processing Workshop. Spain: Association for Computational Linguistics. 2020. P. 302–307.
9. *Osman M., Sabty C., Sabty Sh., Slim N., Slim A.* Building a Corpus for Arabic Dialects Using Games with a Purpose // Proceedings first International Conference on Arabic Computational Linguistics (ACLing). Egypt: Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE), 2015. P. 21–25. <https://doi.org/10.1109/ACLing.2015.10>
10. *Humayun M., Yassin H., Abas Pg Emeroylariffion.* Dialect classification using acoustic and linguistic features in Arabic speech // IAES International Journal of Artificial Intelligence (IJ-AI). 2023. № 12(2). P. 739–746. <https://doi.org/10.11591/ijai.v12.i2.pp%25p>
11. *Abdelbary A., Panasci L., Solimando C.* Digital Platforms in Teaching Arabic Dialects. London : Intechopen, 2023. <https://doi.org/10.5772/intechopen.110672>
12. *Bassiouny R.* Arabic Sociolinguistics: Topics in Diglossia, Gender, Identity, and Politics. Georgetown : Georgetown University Press, 2020. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10kmbxg>
13. *Демин П.Е.* Особенности международного общения и профессиональной иноязычной коммуникации в условиях разнообразия диалектов арабского языка // Политическая лингвистика. 2020. № 5(83). С. 149–156. <https://doi.org/10.26170/pl20-05-13>. EDN KBGKYC.
14. *Редькин О.И., Берникова О.А.* Основные вехи в истории арабского языка: диалектика развития // Арабистика Евразии. 2022. Т. 5. № 4. С. 1–31. <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2022.5.4.16-31>. — EDN NZDTZF.
15. *Habberrih Abdullah, Abuzaraida Mustafa.* Sentiment Analysis of Arabic Dialects: A Review Study // Communications in Computer and Information Science. 2024. № 2001. P. 137–153. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9589-9_11.
16. *Al-Huri I.* Arabic Language: Historic and Sociolinguistic Characteristics // English Literature and Language Review. 2015. № 1(4). P. 28–36.
17. *Белкин В.М.* Арабская лексикология. М. : Издательство московского университета, 1975.
18. *Блинов А.А.* Вариативность в арабском языке // Sciences of Europe. 2021. № 80. С. 50–59. <https://doi.org/10.24412/3162-2364-2021-80-2-50-59>. EDN ZTEEEA.
19. *Тулеубаева С.А.* О современной языковой ситуации в арабских странах // Арабистика Евразии. 2019. № 8. С. 45–56. EDN RUVQZQ.

20. *Al-Ajrami Muna*. The diversity in Arabic dialects: Origins and variations // *Research Journal in Advanced Humanities*. 2024. № 5(2). P. 61–77. <https://doi.org/10.58256/yyg49e18.e>
21. لحواليقي م. المغرب من الكلام الاعجمي على حروف المعجم. دمشق. ١٩٩٠. [Аль-Джавалики М. Заимствования в арабский язык по правилам словаря. Дамаск : Дар аль-Калам, 1990].
22. Лукьянова Г.О. Изучение глагольных арабских основ в трудах арабских грамматистов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 1. С. 38–44. EDN MUYSQZ.
23. Черкасова А.П. Инновации в арабских диалектах стран Магриба как результат взаимодействия французского и арабского языков // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1. С. 242–245. EDN PCAFOX.

References

1. Khanafeeva, A.M. (2008). Arabic Linguistic Tradition. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9, 157–163. EDN: MSVVRZ (In Russ.).
2. Elsabruti, R.R. (2010). The problems of Arabic Lexicology. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*, 152(6), 170–179. EDN: NDOYCD (In Russ.).
3. Kovyrshina, N.B. (2004). Lexicology of Arabic Language: Theory or Practice? *Russian Language Studies*, 1, 116–120. EDN: IIRJAH (In Russ.).
4. Zainullin, G.G. (2017). Problems of Contemporary Arabic-Russian and Arabic-Tatar Lexicography. *Philology. Theory & Practice*, 7–3(73), 115–119. EDN: NDOYCD (In Russ.).
5. Novospasskaya, N.V. & Haddad, A. (2024). Film Discourse as a Source for Creating a Multimedia Dictionary for Syrian Arabic. In: *Current Issues in Linguistics and Linguodidactics of Foreign Languages for Business and Professional Communication: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference*, Moscow, April 17–18, 2024. Moscow: RUDN University. pp. 329–331. EDN: BVKNFQ (In Russ.).
6. Chulkina, N.L., Philippovich, Y.N., Alexandrova, O.I. et al. (2023). Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103> EDN: ORDIGZ (In Russ.).
7. Obeid, O., Salameh, M., Bouamor, H. & Habash, N. (2019). ADIDA: Automatic Dialect Identification for Arabic. In: *Proceedings of NAACL-HLT 2019: Demonstrations*. Minneapolis, Minnesota: Association for Computational Linguistics. pp. 6–11.
8. Aliwy, A., Taher, H. & Abutiheen, Z. (2020). Arabic Dialects Identification for All Arabic countries. *Proceedings of the Fifth Arabic Natural Language Processing Workshop*. Spain: Association for Computational Linguistics. pp. 302–307.
9. Osman, M., Sabty, C., Sabty, Sh., Slim, N. & Slim, A. (2015). Building a Corpus for Arabic Dialects Using Games with a Purpose. *Proceedings first International Conference on Arabic Computational Linguistics (ACLing)*. Egypt: Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). pp. 21–25. <https://doi.org/10.1109/ACLing.2015.10>
10. Humayun, M., Yassin, H., Abas, Pg Emeroylariffion (2023). Dialect classification using acoustic and linguistic features in Arabic speech. *IAES International Journal of Artificial Intelligence (IJ-AI)*, 12(2), 739–746. <https://doi.org/10.11591/ijai.v12.i2.pp%25p>
11. Abdelbary, A., Panasci, L. & Solimando, C. (2023). *Digital Platforms in Teaching Arabic Dialects*. London: Intechopen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.110672>
12. Bassiouney, R. (2020). *Arabic Sociolinguistics: Topics in Diglossia, Gender, Identity, and Politics, Second Edition*. Georgetown: Georgetown University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10kmbxg>
13. Demin, P.E. (2020). Specificities of International and Foreign Language Professional Communication in the Face of a Diversity of Arabic Dialects. *Political Linguistics*, 5(83), 149–156. (In Russ.). EDN: KBGKYC.
14. Redkin, O.I. & Bernikova, O.A. (2022). Key Milestones in the History of the Arabic language: the Dialectics of Development. *Eurasian Arabic Studies*, 5(4), 16–31. (In Russ.). EDN: NZDTZF

15. Habberrih, A. & Abuzaraida, M. (2024). Sentiment Analysis of Arabic Dialects: A Review Study. *Communications in Computer and Information Science*, 2001, 137–153. https://doi.org/10.1007/978-981-99-9589-9_11.
16. Al-Huri, I. (2015). Arabic Language: Historic and Sociolinguistic Characteristics. *English Literature and Language Review*, 1(4), 28–36.
17. Belkin, V.M. (1975). *Arabic Lexicology*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
18. Blinov, A. (2021). Variation in Arabic. *Sciences of Europe*, 80, 50–59. <https://doi.org/10.24412/3162-2364-2021-80-2-50-59>. (In Russ.). EDN: ZTEEEA.
19. Tuleubaeva, S.A. (2019). On the Modern Language Situation in Arabic Countries. *Eurasian Arabic Studies*, 8, 45–56. (In Russ.). EDN: RUVQZQ.
20. Al-Ajrami, M. (2024). The diversity in Arabic dialects: Origins and variations. *Research Journal in Advanced Humanities*, 5(2), 61–77. <https://doi.org/10.58256/yyg49e18>
21. ١٩٩٠. دمشق. المعجم. دمشق. [Al-Jawaliqi, M. (1990). *Borrowings in the Arabic Language According to Dictionary Rules*. Damascus: Dar Al-QalVam]. (In Arabic).
22. Lukyanova, G.O. (2010). Arabic Verbal Stems Study in the Works of Arabic Linguists. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 38–44. EDN: MUYCQZ (In Russ.).
23. Cherkasova, A.P. (2012). Innovations in Arabic Dialects of Maghreb Countries Caused by Interaction of the French and Arabic Languages, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1, 242–245. EDN: PCAFOX (In Russ.).

Сведения об авторах:

Хаддад Аида Джихадовна, аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: диалектология, арабский язык, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: khaddad_a@pfur.ru

ORCID: 0009-0009-5295-0802; SPIN-код: 1601-8469, AuthorID: 1156296.

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: терминология, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: denisenkovn@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-код: 1362-1820, AuthorID: 397500; Scopus Author ID: 57219297279. ResearcherID: 8769-2019.

Information about the authors:

Aida D. Haddad, PhD student, assistant at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: dialectology, Arabic language, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: khaddad_a@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-7765-2133; SPIN-code: 1601-8469, AuthorID: 1156296.

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associated Professor, Associated Professor at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: terminology, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: novospasskaya_nv@pfur.ru

ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-code: 1362-1820, AuthorID: 397500; Scopus Author ID: 57219297279. ResearcherID: 8769-2019.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА LITERARY TEXT STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1374-1389

EDN: QIUZFL

УДК 811.111'37:821.111-31

Научная статья / Research article

Семантика образа дома в романе А.Дж. Кронины «Три любви»

А.А. Новикова

Луганский государственный педагогический университет, *Луганск, Российская Федерация*
✉ anitabogdan@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования, в котором анализируется семантика образа дома в сюжетном развитии романа, определяется интересом современной лингвистики к осмыслению художественной реальности произведения в аспекте особенностей индивидуального стиля писателя и потенциальных возможностей языка, реализуемых при построении художественного образа. В исследовании использовалась комплексная методология, представленная набором методов и приемов описательного характера. Лингвистический механизм создания семантики языкового образа и типология языковой, текстовой и культурологической образности исследовались методами семантического анализа, когнитивной лингвистики (фреймовая семантика, ментальные пространства), психологии (апперцепция и сопоставление объектов как предпосылка метафоризации). По мнению автора, образ дома в романе становится метафорой бытия, и наряду с этим — местом, которое необходимо покинуть. Подобный амбивалентный смысл объясняется своеобразием художественного мышления писателя-реалиста, в творчестве которого ключевое место занимает мотив поиска истин и себя. Описание дома (фактическая и эмоциональная информация, определяющая семантику данного образа) помогает читателю проникнуть во внутренний мир персонажей, способствуя более глубокому раскрытию психологии создаваемого писателем образа героя, его характера, понять его скрытые переживания, мысли, желания и душевные порывы, создает пути реализации образной системы и сохраняет авторский замысел, поэтому расшифровка «кода» семантики образа дома в вышеназванном романе намечает новые пути для изучения особенностей художественной прозы писателя.

Ключевые слова: мировой литературный процесс, методология, психологическая характеристика, индивидуальный стиль писателя, код

© Новикова А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, код, присвоенный учредителем (организацией) — VGEA-2024-0068.

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Новикова А.А. Семантика образа дома в романе А.Дж. Кронина «Три любви» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1373–1389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1373-1389>

Semantics of Home / House Image in A.J. Cronin's Novel "Three Loves"

Anna A. Novikova

Lugansk State Pedagogical University, *Lugansk, Russian Federation*

✉ anitabogdan@mail.ru

Abstract. The relevance of this study analyzing the semantics of the image of the house in the plot development of the novel is determined by the interest of modern literary studies to the comprehension of the artistic reality of the work, as well as to the peculiarities of the writer's individual style and the potentialities of language realized in the semantics of the artistic image. The study used a complex methodology represented by a set of methods and research techniques of descriptive nature. The linguistic mechanisms which create the semantics of linguistic images and the typology of linguistic, textual and cultural images are studied by the methods of semantic analysis, cognitive linguistics (frame semantics, mental space), psychology (apperception and comparison of objects as a prerequisite for metaphORIZATION). The author considers that the image of home/house in the novel becomes a metaphor of existence and, at the same time, a place to live in. This ambivalent meaning is explained by the peculiarity of the artistic thinking of the realist writer, in whose work the key place is occupied by the motive of searching for truths and self. At the same time, the description of the house (factual and expressive information of the image) gives the reader opportunity of gaining insight into the characters' inner world, contributing to a deeper understanding of the hero's psychology and uncovering his hidden experiences, thoughts, desires, and mental impulses, which were created by the author, and develop ways to implement the image system and preserves the author's intention, so deciphering the 'code' of the semantics of the image of the home/house in the above-mentioned novel outlines new ways to study the features of the writer's fiction prose.

Keywords: world literary process, methodology, psychological characteristic, writer's individual style, code

Financing. Acknowledgements:

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, code assigned by the founder (organisation) — VGEA-2024-0068.

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Novikova, A.A. (2024) Semantics. of Home / House Image in A.J. Cronin's Novel "Three Loves". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1373–1389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1373-1389>

Введение. Методология

Образ *дом* — значимый элемент любого художественного произведения, поскольку является источником важной информации не только о взаимоотношениях человека с миром, в котором он живет, но и о персонажах. Наиболее полное и правильное представление о картине мира писателя в контексте мирового литературного процесса можно получить, изучив семантику выше-названного образа в авторских текстах. Так, Н.В. Павлович указывает, что «список парадигм автора — это свод законов его образного мира» [1. С. 468]. Актуальность данного исследования определяется, в первую очередь, интересом современного литературоведения к осмыслению художественной реальности произведения, а, во вторую — к особенностям индивидуального стиля писателя.

В современной лингвистической науке существуют различные подходы к определению понятия «образ». Л.И. Белехова понимает под образом конкретно-ощутимую, чувственно-наглядную данность [2. С. 352]; В.М. Кожевников и П.А. Николаев считают, что «образ — любое явление, которое воссоздается творческим путем в художественном произведении; образ — это отображение реальности»¹; Г.Д. Гачев рассматривает образ как «художественную целостность», отмечая, что «образ целостен по своей природе, и это является условием целостности самого произведения, а в свою очередь целостность образа гарантирует единство образа» [3. С. 54] и так далее, то есть художественный образ — это конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, отражающая в той или иной мере мировосприятие автора, созданная им при помощи вербальных средств и сюжетно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение [4. С. 44]. Если рассматривать образ онтологически, то — это когнитивное усилие фиксации континуального (течение мысли), «абрисного» восприятия неизвестного (контуры объектов дают возможность заменять один концепт на другой [5. С. 51]). В структуре концептов классически принято выделять духовные ценности, а также образную, понятийную и ценностную составляющие [6] (образно-перцептивный компонент, понятийный

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 252

(информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [7. С. 118].

Лексема *дом* имеет следующие значения в русском языке: ‘здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий’, ‘жилое помещение, квартира, жилье’, ‘семья, люди, живущие вместе одним хозяйством’²; В.И. Даль указывает на дополнительное значение ‘род’ и ‘поколение’³; в «Историко-этимологическом словаре русского языка» встречаем и такие понятия как ‘домашний очаг’, ‘род’, ‘семья’, ‘храм’ и ‘соброр’⁴. При этом в английском языке *house* трактуется, как здание, либо строение, где вместе проживают люди, которые в большинстве случаев являются членами одной семьи⁵, а также как ‘династия’ или ‘коммерческое учреждение’, а *home* — как ‘вид собственности’, ‘страна, штат или город’, ‘семья’ и ‘безопасная, комфортная среда’⁶.

Возможное появление новых концептов, как утверждает Е.С. Кубрякова, — это «результат деятельности речемыслительной, осуществляемой в совершенно определенных исторических, культурологических и, особенно, прагматических условиях» [8. С. 16], поэтому образная система любого художественного текста является отличным «полигоном» для изучения отдельных когнитивных структур.

Основная цель исследования — проанализировать особенности семантики образа дома в романе А.Дж. Кронины «Три любви», опираясь на обозначенные выше значения и обращая внимание на метафоризацию и апперцепцию.

Г.Б. Гутнер считал, что методология есть осознанное понимание методов исследования, которым предшествует некая онтология (напоминает движения в круге, происходящие на разном уровне) [9. С. 169], но при этом ни один из существующих методов не может претендовать на единственно правильную истину, именно поэтому «полилог» методов «способствует разностороннему и глубокому описанию объекта и в то же время — при соблюдении принципов системности — исключает эклектизм и гарантирует соответствие требованиям научности при описании объекта» [10. С. 303]. Именно поэтому в исследовании использовалась комплексная методология, представленная набором методов и приемов описательного характера, а также методы когнитивной лингвистики, что связано с постулированием определенной

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 272.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. СПб., 1996. Т. 1. С. 466.

⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 томах. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1.

⁵ House // Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (режим доступа: 10.04.2024).

⁶ Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current Englished, S. Wehmeier (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 744.

зависимости языкового значения от когнитивного опыта: исследователи описывают его как метод когнитивно-семантического моделирования языка [11]. Введение в лингвистическую семантику термина «ментальное пространство» (Gilles Fauconnier) [12], впоследствии дополненного М. Тернером [13], является средством интрапсихического процесса построения значения и позволяет читателю не только осмысливать текст, но и конструировать его дальнейший смысл. И, хотя некоторые аспекты данной теории подвергаются критическому анализу [14; 15], но достаточно сложно найти и исследования, в которых были бы верифицированы полученные ею результаты.

Исследование дома как концепта и его языковой репрезентации, согласно которым дом рассматривался с позиции культурологической и лингвистической значимости, представлены в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, Е.С. Яковлевой и др.; в работах С.В. Волковой, Е.Р. Кирдяновой, Е.В. Купчик, С.С. Савинича, С.Н. Черепановой, Е.Н. Шашневой и других изучается образ дома в художественной картине отдельных писателей; анализ художественного текста применительно к образу вещного мира на примере образа природы, английского жилища и сада получил развитие в работах Е.Б. Борисовой, Н.Ю. Гончаровой, М.Ю. Никифоровой и других. Среди зарубежных исследователей Г. Мутезиус положил начало многочисленным исследованиям английского дома, привлёкших внимание историков, искусствоведов, культурологов, регионоведов, литературоведов своей спецификой — это исследования М. Жируара, К. Ферри, Дж. Глоага, С. Ласдан, Дж. Фландерс, Б. Брайсона, М. Эйрса, Л. Уорслей и др.

Изучением творчества А.Дж. Кронины занимались Н.И. Вайсман и Н.Я. Дьяконова, которые указывали на заметное влияние произведений А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и М. Горького на творчество писателя; Н.А. Егунова и Н.П. Михальская отмечали образную составляющую его произведений; Д. Салвак и А. Дэвис исследовали биографию А.Дж. Кронины; сегодня изучением его творчества занимаются Т.С. Бурьгина, Л.И. Воскресенская, Е.В. Головкин, Е.А. Любимова и др., при этом к изучению образа дома в творчестве А.Дж. Кронины обращался лишь Е.В. Головкин, но он рассматривал типологию данного образа в романе «Замок Броуди», при этом остальные произведения писателя с позиций изучения семантики образа дома остаются без внимания.

Результаты исследования

Семантика образа дома в романе «Три любви» связана не только с домом-очагом, но и с домом-мечтой. Жилище всегда переплетено с его владельцами на эмоциональном уровне, поэтому семантика образа дома в романе самая разнообразная — и семейный очаг, и безопасное пристанище, и «тихое место», и «священное место», то есть образ дома в романе становится метафорой бытия, впускающего человека, чтобы пожить, но не дающего вечной прописки

и постоянства, поэтому, передавая такое традиционное значение, как «домашний очаг», образ одновременно несет и семантику места, которое герои вынуждены покинуть. Подобный биполярный смысл можно объяснить своеобразием художественного мышления А.Дж. Кронины — писателя-реалиста, в творчестве которого ключевое место занимает мотив поиска истин и себя. Через динамику образа жилища автору удастся наиболее точно описать и имплицитно рассказать о внутренних переживаниях героев, которые изменяются в ходе сюжетного развертывания. Содержащиеся в романе выражения, актуализируют лексические фреймы, связанные с концептом *дом*. В общую структуру данного концепта входят следующие фреймовые зоны: фрейм «крепость как дом», фрейм «семья как дом», фрейм «убежище как дом», фрейм «высшее общество как дом», фрейм «пустота, бездомье», фрейм «реалигия как дом».

Художественный мир писателя: образ дома как символ

Дом — «символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов»⁷. Таким образом, организация домашнего пространства повторяет структуру не только внешнего мира, но и семьи: для родственников — это «родина», а для семьи — жилище и дом. Именно поэтому изучение образа дома, так же как и других пространственных универсалий, по мнению А.И. Кузнецовой, «представляет собой важную область культурологического и литературоведческого анализа, так как позволяет выявить взаимодействие основных пространственных и универсальных бытийных категорий в сознании отдельного человека (автора), а также в истории развития базовых культурных универсалий» [16. С. 29]. Стоит отметить, что в русской языковой культуре концепт *дом* имеет более широкое значение и смысл, чем, например, в английской, где концепт *home* имеет схожее с русским значение, но при этом сема 'здание, помещение' ассоциативна только с концептом *house* [17]. При этом у носителей английского языка данные концепты чаще всего совпадают [18. С. 101].

В художественной картине мира А.Дж. Кронины образ дома является одним из значимых — это не просто образ определенного места, характеризующего героя, но и сигнификат семейных взаимоотношений, уюта, ассоциаций, связанных, прежде всего, с приятными воспоминаниями. Сюжетные функции образа дома находятся в тесном взаимодействии с образами героев и их характеристиками, поэтому можно утверждать, что изучаемый образ имеет императивное значение и несет особую сюжетную и концептуальную нагрузку.

⁷ Плотникова А.А. Дом // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2022. С. 142–144.

Семантика художественного пространства

Исследователи сегодня ставят перед собой задачу «описать семантику лексических единиц в ее “абстрактном контуре”, отразить лишь основные системные отношения между семами, составляющими лексическое значение, воспроизвести его “реляционный каркас”, на который наращена “плоть” содержания» [19. С. 178], что позволяет определить основные значения, соответствующие исследуемой модели, при этом фреймовый способ описания лексических единиц позволяет увидеть значение слова как развернутого текста (Ю.Д. Апресян), благодаря когнитивной модели памяти человека (М. Минский). Рассматривая идею ментального пространства, М.В. Осорина упоминает о «заповедной мастерской» ума человека, в которой «создаются его продукты, формируются мысли», но при этом распоряжаться ими может только он сам [20. С. 7]. В нашем случае — это интерсубъективный дискурс с текстом.

В сюжете романа описание образа дома чаще всего предшествует какому-то событию или указывает на психологическое состояние героев. При этом характеристика домашней обстановки не имеет устойчивых элементов: автор может начать описание с отдельных комнат, хотя стоит отметить, что, когда образ появляется впервые, чаще всего, используется внешний вид жилища, а затем уже локусы комнат. При этом в качестве особо значащего мотива может быть выделен элемент комната (зал/гостиная), а далее гостиная/спальня, поэтому в семантическом значении это можно представить как дом = комната (зал/гостиная/спальня).

Фрейм «убежище как дом»

В первой части романа автор подчеркивает традиции семьи, а также сложившийся уклад жизни и семейных отношений: Люси присматривает за домом, с нетерпением ожидает мужа у калитки, обожает своего сына, устраивает семейные приемы, поэтому ментальное пространство данного образа воспринимается как место приюта, убежище, очаг, оно тесно связано с понятием семьи, уюта и безопасности. Люси сама называет дом ‘пристанищем благополучия’: *...she became conclusively aware that home — her own home — was a place of sweetness*⁸. Фразу ‘ее дом’ А.Дж. Кронин выделяет в предложении с помощью обособленного приложения, подчеркивая ее важность и одновременно чувство теплоты и любви, с которыми героиня отзывается о нем.

Начало романа связано и с приездом Анны, Джо и Полли — вместе с родственниками мужа они собираются за ужином, поэтому еда на столе становится символом достатка, уюта, изобилия и полноты жизни. Автор пишет о разнообразии блюд и перечисляет их: *cold meat, pancakes, scones, a promising ham*⁹

⁸ Cronin A.J. *Three loves*. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 55.

⁹ Ibid. P. 31.

и т.д., указывая на то, что подготовка к подобным мероприятиям давалась Люси нелегко, но, как она считала, у нее были ‘светские обязательства’ по отношению к родственникам Фрэнка.

Одна из важных оппозиций у А.Дж. Кронины — противопоставление старого жилища новому. Старый дом семьи Муров был ‘безупречным’, поэтому получает от автора положительную оценку: *the clean smell of her polished, spotless house — a mingling odour of beeswax, soap, and turpentine, incense to the nostrils of a house-proud woman...*¹⁰; *...the dining-room — now arranged elegantly for the amenities of ‘high tea’. Imposing sight. Lucy’s best was on that table...*¹¹; в дальнейшем — квартира мисс Хокинг (Люси скучала по своему жилью, но квартира ей очень нравилась: *Miss Hocking’s flat was artistic*¹²; *Certainly the house had quality, a charming quality shared equally with its owner, a quality which Lucy found impressive...*¹³), съемное жилье в бедном районе (*It was not a prepossessing room, nor from her present look did she so regard it, yet it had at least some features of utility*¹⁴; *This, then, was her new house — that ‘quiet place’ which she had so eagerly anticipated*¹⁵) и келья (*Inside it was dark, but fumbling for matches, within the small black cavern she lit a candle and revealed the tiny, bare room which contained solely a mattress, a small armoire bearing an ewer, and upon the wall a large crucifix*¹⁶) оцениваются уже нейтрально или отрицательно.

А.Дж. Кронин сумел показать не только счастливый дом-очаг с наивной радостью Питера, добрыми отношениями между мужем и женой, радушным гостеприимством. Писатель передал и боль утраты самого близкого и родного человека: с уходом Фрэнка мир для Люси и Питера стал совершенно иным: сложным и жестоким, но, героиня не отчаялась, а стала бороться — нашла работу, сумела дать сыну образование.

Люси очень серьезно относится к выбору локуса, в котором будет расположено ее жилище, но финансовое положение не позволяет ей, поэтому лишь в мечтах она представляет себе идеальный дом, сопричастный ее внутреннему миру. Автор описывает переживания героини — она намерена переехать в новое жилище, но, как утверждает известный афоризм, *В мире нет ничего более постоянного, чем временное: No, this new house was not quite what she had anticipated; it was not yet a home, though shortly she would make it so — or, if she improved her position and her fortune turned for the better, shortly abandon it for a more suitable abode*¹⁷. С помощью отрицательных конструкций

¹⁰ Cronin A.J. Three loves. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 9.

¹¹ Ibid. P. 30.

¹² Ibid. P. 273.

¹³ Ibid. P. 274.

¹⁴ Ibid. P. 342.

¹⁵ Ibid. P. 343.

¹⁶ Ibid. P. 578.

¹⁷ Ibid. P. 344.

автор не только показывает, что Люси не сдаётся, но и передает ее сложное эмоциональное состояние безысходности.

Важным структурным элементом в романе является период, когда Питер собирается поступать в медицинский университет — он просчитывает, сколько денег ему понадобится не только на обучение, но и на расходы, связанные с одеждой и книгами. При этом, находясь в маленькой коморке, он видит здание университета — это ‘средоточие его амбиций и надежд’ — автор намеренно подчеркивает этот контраст, указывая на одновременную близость и отдаленность объекта: *There upon the hill, vague now and indistinct, yet lit by the last pale lance from the retreating day, stood that edifice, the focus of their ambition and their hope*¹⁸. Здание является неким символом, достижение которого приведет их семью к благополучию и счастью, поэтому Люси, несмотря на все преграды и, отказывая себе во всем, намерена помочь сыну в достижении поставленной цели.

Психологическая семантика: дом как отражение бессознательного

В романе «Три любви» экстерьер и интерьер дома выходит на уровень образной системы произведения, через них характеризуются герои и уклад жизни различных семей. Например, Фрэнк не желал видеть никого из своих родственников, и, когда Люси рассказала, что к ним скоро придет погостить его кузина Анна, он сильно разозлился, поэтому, чтобы продемонстрировать данное проявление чувств, автор, используя метафору, указывает на то, что атмосфера в доме стала ‘сгущаться’: *She bit her lower lip, which quivered indignantly, conscious of this cloud pressed down into the small sunlit room — simply because a postman had knocked at their door with a letter from his cousin*¹⁹. Также автор связывает отдаленное нахождение дома Муров с наличием у них небольшого количества друзей в Ардфиллане: *...the faintly inferior situation of her house — she had few friends in Ardfyllan*²⁰, т.е. образ дома характеризует и положение семьи в городе, выступая своего рода маркером взаимоотношений.

Фрейм «семья как дом»

Кроме этого, описание комнат позволяет передать чувства героев. Например, когда Люси вернулась от брата, она обнаружила, что ее ‘безукоризненный’ дом изменился: *...a flower half-withered in the vase, a stain on the table-cloth, Peter’s knees, a smudge upon her immaculate lamp-shade*²¹, это вселяет тревогу в героиню, поэтому она еще больше начинает подозревать Фрэнка

¹⁸ Cronin A.J. *Three loves*. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 366.

¹⁹ Ibid. P. 19.

²⁰ Ibid. P. 47.

²¹ Ibid. P. 66.

и Анну в интимной связи. Автор просто описывает мелкие, но очень глубокие детали, изменившиеся после ее отъезда: ‘еще один стакан на каминной полке’, ‘полузасохший цветок’, ‘пятно на скатерти’, ‘грязь на абажуре лампы’, создавая атмосферу нарастающей ссоры.

После неприятного разговора с мужем дверь, ведущая в гостиную, стала неким символом разлада в семье. Сама Люси отмечает, что на ее пути к счастьем встала непреодолимая преграда: *And again she shivered, her eyes still fixed upon that door, which seemed suddenly symbolic — something shut against her, giving access to a state she might never regain*²². Дверь — это переход из защищенного («своего») пространства в незащищенное («чужое»), поэтому данная часть дома проецируется на создание символа и его значения ‘закрывать свободный доступ’.

Образ комнаты Анны, описанный Люси, дает нам понимание характера героини: *Really it was so disordered, disgustingly disordered... <...> Anna's underwear, thus displayed — of a most seductive pattern it was, and a material strangely different from her own white lawn — even that evoked in her a causeless, uneasy irritation*²³. Весь беспорядок, который автор демонстрирует с помощью Люси, указывает на некую избалованность и лень героини. Ее нежелание убирать за собой вещи является, скорее всего, намеренным, чтобы позлить хозяйку дома — данное описание комнаты позволяет автору охарактеризовать героиню как интриганку и инфантильную особу.

Таким образом, А.Дж. Кронин, изображая английские поместья и дома, имеет своей целью раскрыть истинную сущность людей, которая чаще всего скрыта за благовидными фасадами их жилищ. Автор иронизирует над стремлением человека казаться лучше, чем он есть на самом деле. Так, к примеру, дом Ричарда в Глазго писатель характеризует как ‘удобный’, и ‘заслуживающий доверия местной публики’. Сравнивая хозяина дома с его жилищем, А.Дж. Кронин, подчеркивает не только состоятельность героя, но и желание продемонстрировать всему миру свою значимость: *Richard's house, Richard's prosperity, Richard's adequate social standing*²⁴. В тексте писатель указывает на шотландское происхождение Ричарда, который гордится этим, поэтому, чтобы продемонстрировать это, А.Дж. Кронин использует локус кабинета, в котором висит герб Мюрреев. Таким образом, значащим мотивом для образа дома Ричарда также выступает элемент комната, но это уже не гостиная, а кабинет, поэтому в семантическом значении это можно представить как дом = комната (кабинет).

²² Cronin A.J. Three loves. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 143.

²³ Ibid. P. 129.

²⁴ Ibid. P. 49.

Фрейм «высшее общество как дом»

Тем не менее, автор иронизирует по поводу французского названия дома, которое ему присвоила жена Ричарда: *Eva, sustaining her reputation for chic, thinking perhaps to stimulate Richard's home-making instinct — already sufficiently engorged — had named it coquettishly Le Nid. Touching felicity!*²⁵. Писатель выделяет в тексте слово 'шик' и 'гнездо', что не только указывает на стремление обитателей дома примкнуть к высшему обществу, порой даже забывая о своем происхождении в пользу новомодных слов и устоев, но и позицию автора по отношению к ним.

Фрейм «религия как дом»

Дом отца Мура кардинально отличается от дома Ричарда и Люси: *Joseph's: a double-gabled grey house, standing in that plot of land which held also the school and the church, the whole guarded discreetly by an iron railing of ornamental and almost ecclesiastical design*²⁶. Автор указывает, что он был огорожен 'декоративной металлической решеткой', но это, своего рода, символ, указывающий на 'отгороженность' от мира его обитателей. Данное предположение подтверждает и обстановка комнаты, которая была достаточно скромной: *...a small bare side-room with a table, two chairs, a portrait of Pope Leo XIII on the wall, and a strip of worn waxcloth upon the floor*²⁷ — она полностью соответствует уединенной жизни священника.

Истинная натура мисс О'Риган достаточно ярко раскрывается через образ ее комнаты: *Now, however, seated in Miss O'Regan's stuffy little closet — for Teresa O'Regan ventilation was not, except in so far as it pertained to the airing of Edward's flannels*²⁸. Автор иронизирует по поводу показного аскетичного образа жизни экономки, но подчеркивает ее трепетное отношение к отцу Муру, которого в данном предложении он называет просто Эдвард, что указывает на близость их взаимоотношений.

Таким образом, ментальное пространство образа дома расширяется и позволяет воспринимать каждый персонаж романа целостно и объективно. Появляется новый ряд сем, таких как 'свое', 'чужое', 'удобное', 'доверительное', 'гнездо' и 'шик'. При этом каждого конкретного героя можно соотносить с определенной комнатой или домом, передающими его внутренний мир и характер: Люси — 'идеальный' дом, отец Мур — 'решетчатый' дом, мисс О'Риган — 'келья', Ева — 'шик' и 'блеск', Ричард — 'удобный' дом и 'гнездо' и др.

Ощущение дома настолько важно для героев романа, насколько оно было важно и для самого писателя, ведь обстановка комнат и его предметный мир

²⁵ Cronin A.J. Three loves. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 49.

²⁶ Ibid. P. 73.

²⁷ Ibid. P. 73.

²⁸ Ibid. P. 83.

несут информацию о его владельце. Так, А. Дэвис указывал, что свою автобиографию А.Дж. Кронин написал достаточно поздно, но, тем не менее, с небольшим лирическим отступлением — описанием дома в Женеве: «I am reclining on the terrace of my *Swiss country house*, surrounded by new-mown lawns, great masses of roses and peonies in bloom, tall magnificent trees that screen three sides, leaving only the incomparable view of the lake of Geneva far below...» [21. P. 15], а любовь к своему родному дому — Шотландии — А.Дж. Кронин провел красной нитью через главных героев во многих своих произведениях: «Western Scotland was in his blood, like the souls of his most memorable characters — James Brodie in *Hatter's Castle*, Lucy Moore in *Three Loves*, Andrew Manson in *The Citadel*, Father Chisholm in *The Keys of the Kingdom*, Robert Shannon in *The Green Years*, Gracie Lindsay and David Moray in *The Judas Tree* and, last but not least, Dr Finlay. His characters exported Scotland to every corner of the civilized world» [21. P. 24].

Фрейм «крепость как дом»

Традиционное понимание жилища находит отражение в описании дома Люси, который она называет «виллой» и «скалой» (при этом денотативное значение английской лексемы «rock» соотносится со значением русской лексемы «крепость»): *...her own home, secure, filled with her own furniture, was like a rock to which she clung*²⁹. Вместе с тем дом-очаг практически не прослеживается при описании квартиры мисс Хокинг и кельи, но в съемной квартире Люси и ее сын на время обретают некоторое подобие традиционного дома, хотя им обоим он не нравится.

Итак, душевный мир героев полностью согласуется с обликом их жилища, поэтому, как пишет Е.В. Купчик, «Перемена места жительства исключает человека из привычной системы координат, лишая освоенного пространства» [22. С. 90]. Так, например, вернувшись в опустевший дом, Люси понимает, что она осталась одна: *The house was cold and empty when she got home. <...> ... and now no fires, no meal, awaited her. But she had neither desire for food nor energy to cook it*³⁰. Автору важно передать ощущение героини, но усиление чувств происходит через описание дома. А.Дж. Кронин использует такие эпитеты как ‘холодный’ и ‘пустой’, а также отрицательные конструкции, которые являются более эмоциональными и выразительными.

Фрейм «пустота, бездомье»

Описание квартиры в бедном квартале, в которую возвращается Люси после женитьбы сына, также полностью характеризует состояние героини — это апатия и безразличие: *The room was little changed, drab and unfurnished*

²⁹ Cronin A.J. *Three loves*. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 267.

³⁰ Ibid. P. 226.

*as before, the curtains dingier perhaps, the grimy windows in greater need of cleaning, the patch of damp upon the ceiling furred with a darker spreading mildew*³¹. Данное описание комнаты является контрастным по отношению, как к дому, так и к квартире мисс Хокинг, в которых жила Люси. Она была отличной хозяйкой и никогда не позволяла себе подобного, поэтому данные изменения указывают на сложное эмоциональное потрясение и писатель это подчеркивает вопросительным предложением и кратким ответом на него.

Главная героиня романа А.Дж. Кронины «Три любви», потеряв семейный дом, представляет себе новое будущее жилье, в котором она будет жить вместе с сыном — в нем нет места другим людям, но, когда сын женился и Люси не смогла смириться с действительностью, она поняла, что мечтала о невозможном, недостижимом — это был лишь продукт ее воображения. Последнее пристанище героини — келья — является неким локусом, к которому стремилась героиня романа, но, к сожалению, он не оправдал ее надежд, поэтому можно утверждать, что мотив странничества и неосознанного поиска себя проходит через весь роман. Например, в произведении присутствуют такие элементы как дорога, тропа, речные суда, автомобиль и прочие, что создает чувство постоянного движения и стремления к некой высокой цели. Дом-очаг (жилище Муров), дом-убежище (квартира мисс Хокинг), дом — ‘тихое местечко’ / дом — жертвенный алтарь (временная съемная квартира) — статика, а странник — Люси Мур — уже динамика — это противоположности, которые находятся в постоянном взаимодействии, но путь героини — это, в первую очередь, путь к Дому-Богу (монастырь).

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что семантика образа дома в романе «Три любви» достаточно разнообразна. Основной идеей произведения можно определить желание автора показать, что объект устремлений любого человека кажется ему привлекательным только потому, что он не может на расстоянии и времени правильно оценить свои стремления, поэтому, не достигнув предмета своих устремлений, человек переоценивает прошлое и понимает, что потеря стала необратимой. Любой образ дома связан со своими владельцами на эмоциональном уровне и становится метафорой бытия. Писатель делает акцент на заголовке произведения, поскольку любовь является неким символом, дающим каждый раз новую энергию главной героине романа. В произведении упоминаются многочисленные описания домов, в которых живут герои, а также передаются их чувства, эмоциональные состояния и переживания. Таким образом дом является одним из олицетворений того места, которое хранит воспоминания, впечатления и эмоции людей, живших там. Через динамику образа жилища автору удастся наиболее точно

³¹ Cronin A.J. Three loves. London: Macmillan Publishers Limited, 2013. P. 532.

описать и имплицитно рассказать о внутренних переживаниях героев, которые изменяются в ходе сюжетного развертывания.

Итак, созданный в романе образ дома, с одной стороны, связан с развитием сюжета и идейно-художественным замыслом писателя — выразить недовольство укладом женской жизни, неизбежно возникающей после потери мужа в устоявшихся веками патриархальных отношениях. С другой стороны, описание жилого пространства помогает более полно и наглядно проникнуть во внутренний мир персонажей, способствуя психологизации их образов. При этом онтологический смысл образа дома в романе раскрывается в такой незамысловатой бинарной оппозиции любовь/смерть. И если в материально-реальном плане смерть Люси — это конец жизни, то в религиозно-мифологическом плане данный мотив через семантику образа дома символизирует воскрешение, возвращение «домой» и к Богу. Фактическая и эмоциональная информация, определяющая семантику образа дома, помогает читателю проникнуть во внутренний мир персонажей, способствуя более глубокому раскрытию психологии создаваемых А.Дж. Крониным образов и их характеров.

Библиографический список

1. Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М. : Олимп, 1997.
2. Белехова Л.И., Левицкий А.Э., Потапенко С.И. и др. Образное пространство американской поэзии // Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография. Нежин : Издательство НГУ имени Николая Гоголя, 2011. С. 349–382.
3. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания: очерки по истории образа. М. : Искусство, 1972.
4. Борисова Е.Б. Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общепилологического анализа : монография. Самара : СГСПУ, 2018. EDN: YWZGZF
5. Шестак Л.А. Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2024. Т. 15. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> EDN: EWFLKE
6. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1999. С. 5–19. EDN TZVGXP
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. EDN: QQWTKL
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17. EDN: OPVZTZ
9. Гутнер Г.Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2011. № 7. С. 166–173. EDN: NXCNIP
10. Сухих С.И. Методология литературоведения: комплексный и системный методы анализа литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(1). С. 298–303. EDN: PKISUD
11. Ежова Е.А. Фрейд как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2+ // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2013/10/28056> (дата обращения: 21.05.2024). EDN: RJEDQF
12. Fauconnier G. Mental spaces: roles and strategies. Cambridge : Mass, 1985.

13. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York : Basic Books, 2008.
14. Brandt P.A. Mental spaces and cognitive semantics: A critical comment // *Journal of Pragmatics*. 2005. V. 37. P. 1578–1594.
15. Harder P. Mental spaces: exactly when do we need them? // *Cognitive Linguistics*. 2003. V. 14. № 1. P. 91–96.
16. Кузнецова А.И. Пространственные мифологемы в творчестве У. Голдинга : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. EDN: NHWCAZ
17. Аганина М.К., Люляева Н.А. Концепты ДОМ и HOME/HOUSE в концептосферах русского и английского языков в 2001–2020 гг // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 7. С. 2247–2254. <https://doi.org/10.30853/phil210338> EDN: MSBKRY
18. Потапова В.А. Образ «дом» в языковом сознании носителей английского, русского, якутского языков // *Вестник Якутского государственного университета*. 2007. Т. 4. № 2. С. 109–111. EDN: JWOVSF
19. Фурер О.В. Фреймовый способ описания лексической семантики // *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 8(27): в 2-х ч. Ч. I. С. 178–180. EDN: OWDQAJ
20. Осорина М.В. Ментальные пространства как психическая реальность // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. Вып 1. С. 6–24. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.101> EDN: WQUZTK
21. Davies A.A.J. Cronin. The man who created Dr Finlay. London : ALMA BOOKS, 1988.
22. Купчик Е.В. Образ дома в поэзии Александра Городницкого // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 4. С. 89–94. EDN: HTNCMV

References

1. Pavlovich, N.V. (1997). *Image Paradigms in Russian Poetic Language*. Moscow: Olympus. (In Russ.).
2. Belehova, L.I., Levitskyi, A.E., Potapenko, S.I., et all. (2011). Figurative Space of American Poetry. In: *Language and Space: Problems of Ontology and Epistemology: Monograph*. Nizhyn: Nikolai Gogol NSU Publ. pp. 349–382. (In Russ.).
3. Gachev, G.D. (1972). *The Life of Artistic Consciousness: Essays on the History of the Image*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
4. Borisova, E.B. (2018). *Artistic Image in Parallel Texts: Experience of General Philological Analysis*: Monograph. Samara: SSUSSE publ. EDN: YWZGZF (In Russ.).
5. Shestak, L.A. (2024). Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> EDN: EWFLKE (In Russ.).
6. Karasik, V.I. (1999). *Linguistic Personality: Aspects of Linguistics and Linguodidactics*: Collection of scientific articles. Volgograd: Peremena. pp. 5–19. EDN TZVGXP (In Russ.).
7. Karasik, V.I. (2004). *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis. EDN: QQWTKL (In Russ.).
8. Kubryakova, E.S. (2004). Of Cognitive Science Guidelines and Vital Problems of Cognitive Linguistics. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 6–17. EDN: OPVZTZ (In Russ.).
9. Gutner, G.B. (2011). Methodology, Ontology and Return Movement of Thought. *Voprosy Filosofii: scientific and theoretical journal*, 7, 166–173. EDN: NXCNIP (In Russ.).oof
10. Sukhikh, S.I. (2012). Methodology of Literature Studies: The Comprehensive and the Systematic Method of Literary Analysis. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6(1), 298–303. EDN: PKISUD (In Russ.).
11. Eghova, E.A. (2013). Frame as a Structure of System 2+. *Modern Scientific Researches and Innovations*, 10 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/10/28056> (accessed: 21.05.2024). EDN: RJEDQF (In Russ.).
12. Fauconnier, G. (1985). *Mental spaces: roles and strategies*. Cambridge: Mass.

13. Fauconnier, G. & Turner, M. (2008). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
14. Brandt, P.A. (2005). Mental spaces and cognitive semantics: A critical comment. *Journal of Pragmatics*, 37, 1578–1594.
15. Harder, P. (2003). Mental spaces: exactly when do we need them? *Cognitive Linguistics*, 14(1), 91–96.
16. Kuznetsova, A.I. (2004). *Spatial Mythologemes in the Works of W. Golding* [dissertation]. Moscow. EDN NHWCAZ (In Russ.).
17. Aganina, M.K. & Lyulyaeva, N.A. (2021). Concepts Дом and Home/House in Conceptual Spheres of the Russian and English Languages (by the Material of 2001–2020 Studies). *Philology. Theory & Practice*, 14(7), 2247–2254. <https://doi.org/10.30853/phil210338> EDN: MSBKYR (In Russ.).
18. Potapova, V.A. (2007). Image of the House in the Language Consciousness in English, Russian, Yakut Languages. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 4(2), 109–111. (In Russ.).
19. Furer, O.V. (2009). Frame Way of Describing Lexical Semantics. *Almanac of Modern Science and Education*, 8 (27–1), 178–180. EDN: OWDQAJ (In Russ.).
20. Osorina, M.V. (2017). Mental Spaces as Mental Reality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 7(1), 6–24. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.101> EDN: WQUZTK (In Russ.).
21. Davies, A.A. (1988). *J. Cronin. The man who created Dr Finlay*. London: ALMA BOOKS.
22. Kupchik, E.V (2006). The Image of Home in Alexander Gorodnitsky's Poetry. *Tyumen State University Herald*, 4, 89–94. EDN: HTNCMV (In Russ.).

Сведения об авторе:

Новикова Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской и восточной филологии Института филологии и социальных коммуникаций, Луганский государственный педагогический университет (291011, Российская Федерация, ЛНР, г. Луганск, ул. Советских Космонавтов, д. 54); *научные интересы*: функциональные и эстетические особенности выражения доминантных проявлений библейского интертекста в английской литературе; образность произведений А.Дж. Кронина; *e-mail*: anitabogdan@mail.ru

ORCID: 0009-0008-7258-2050; eLIBRARY SPIN-код 9153–7872.

Information about the author:

Anna A. Novikova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English and Oriental Philology, Institute of Philology and Social Communications, Lugansk State Pedagogical University (54, Sovetskih Kosmonavtov Str., Lugansk, LPR, Russian Federation, 291011); *Research interests*: functional and aesthetic features of expression of dominant manifestations of biblical intertext in English literature; imagery of the works of A.J. Cronin; *e-mail*: anitabogdan@mail.ru

ORCID: 0009-0008-7258-2050; eLIBRARY SPIN-code 9153–7872.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1390-1402

EDN: PGRQBL

УДК 811.161.1'22(574)

Научная статья / Research article

Семиотика предметов в современном казахстанском рассказе

Г.К. Тилеубай , Б.У. Джолдасбекова, К.О. Таттимбетова

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

 gulbanu2007@gmail.com

Аннотация. Новые казахстанские русскоязычные произведения требуют последовательного изучения: в исследовании анализируется роль предметов в структуре сюжета и в организации художественного мира жанра малой прозы. Цель исследования — выявить семиотические функции предметов в художественном мире казахстанского реалистического рассказа с использованием историко-литературного, сопоставительного методов, системно-типологического подхода, поэтико-структурного и стилистического анализа текста. Установлено, что предметы формируют художественную социологию литературных персонажей. В рамках этого формата предметы создают преимущественно бытовой фон в художественном мире произведения. В случае значительного и многослойного расширения семантики предметы способствуют созданию философских и эмоциональных контекстов, воссозданию концептуальной художественной онтологии. Образы предметов также используются в процессе организации сравнений и олицетворений, которые служат для органичной связи антропологических и онтологических элементов. Авторы используют различные формы олицетворения предмета. При этом усложняется семантическое поле предмета. Образ предмета может быть включен в структуру повествования в качестве антропоморфного персонажа. Семиотика предмета в этом случае основана на кардинальном олицетворении. Авторы вслед за русской литературной классической традицией последовательно используют предметы для создания образов действующих лиц.

Ключевые слова: предмет, художественный текст, художественная онтология, семантика

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

© Тилеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У., Таттимбетова К.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Тилеубай Г.К., Джолдасбекова Б.У., Таттимбетова К.О. Семиотика предметов в современном казахстанском рассказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1389–1402. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1389-1402>

Semiotics of Objects in a Modern Kazakhstani Story

Gulbanu K. Tileubay , **Bayan U. Joldasbekova,**
Kuralai O. Tattimbetova

Kazakh National University named after Al-Farabi, *Almaty, Republic of Kazakhstan*
 gulbanu2007@gmail.com

Abstract. New Kazakhstani Russian-language stories require a consistent study: the study analyzes the role of objects in the structure of the plot and in the organization of the art world of the genre of small prose. The aim of the study is to identify semiotic functions of objects in the artistic world of Kazakh realistic narrative using historical-literary, comparative methods, system-typology approach, poetic-structural and stylistic analysis of text. It is established that the objects form the artistic sociology of literary characters. Within this format, objects create a predominantly domestic background in the artistic world of works. In the case of a significant and multilayered extension of semantics, objects contribute to the creation of philosophical and emotional contexts, the re-establishment of conceptual artistic ontology. The images of objects are also used in the process of organizing comparisons and personifications, which serve for organic connection between anthropological and ontological elements. The authors use different forms of personification of the object. In this way, the semantic field of the object is complicated. The object image can be included in the structure of the narrative as an anthropomorphic character. The semiotics of the object in this case is based on cardinal personification. The authors, following the Russian literary classical tradition, consistently use objects to create images of actors.

Keywords: subject, literary text, artistic ontology, semantics

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Tileubay, G.K., Joldasbekova, B.U. & Tattimbetova, K.O. (2024). Semiotics of Objects in a Modern Kazakhstani Story. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1389–1402. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1389-1402>

Введение

Некоторые аспекты современного русского казахстанского рассказа получили определенное освещение в литературоведении: так, выявлена функция религиозно-мифологических образов в прозе Ольги Марк [1]; осуществлен

анализ роли мифа в современном казахстанском рассказе [2]; исследован этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана [3]; изучена малая проза Ильи Одегова в контексте транскультурности [4]; выявлены интертексты произведения Николая Веревошкина [5]; описана специфика комического в казахстанской малой прозе [6] и своеобразие поэтики реалистического рассказа [7; 8]; охарактеризована роль интернет-изданий в развитии современного казахстанского рассказа [9].

Современный казахстанский рассказ нуждается в дальнейшем исследовании, так как выходят в печати новые произведения малой прозы, требующие научного осмысления. Уже опубликованные тексты также практически не изучены. Следует приложить значительные усилия для анализа поэтики, жанровой природы, стиля, художественного языка современного казахстанского рассказа. В настоящем исследовании предпринята попытка анализа семантики и семиотических функций предметов в структуре сюжета рассказов современных казахстанских авторов, пишущих на русском языке. В подобном ключе казахстанская малая проза еще не рассматривалась. Сказанное выше определяет *актуальность* темы данной работы.

Объектом исследования в настоящей статье выступает современный реалистический казахстанский рассказ; *предметом* исследования выбрана семиотика предметов. *Цель* исследования состоит в том, чтобы проанализировать семантику и функцию предметов в художественном мире современного казахстанского реалистического рассказа; *задачами* исследования стали: анализ образов ключевых предметов в современном казахстанском рассказе; характеристика видов предметов в художественном мире реалистического казахстанского рассказа.

Материал и методы исследования

Для раскрытия темы настоящей статьи использованы историко-литературный, сопоставительный методы, системно-типологический подход, поэтико-структурный и стилистический анализ текста. Историко-литературный метод дает представление об эволюции жанра рассказа. Применение сопоставительного метода необходимо для понимания своеобразия литературных стратегий и поэтик. Системно-типологический метод привлекается для понимания особенностей поэтики текста. Применение поэтико-структурного и стилистического анализа текста обеспечит понимание семантики текста.

Материалом для исследования послужили рассказы современных казахстанских авторов Николая Веревошкина, Салахитдина Муминова, Надежды Черновой.

Обзор литературы

Рассказ как жанр многократно становился объектом лингвистических исследований в зарубежной филологии: в аспекте рассмотрения его структуры [10. С. 107–115]; описания нарративных форм [11];

принадлежности к определенному творческому методу [12]. В литературоведении особый интерес представляют работы, в которых предпринимаются попытки определить жанровые доминанты рассказа. Н.П. Утехин полагает, что в рассказе может воссоздаваться «не только один эпизод из жизни человека, но и вся его жизнь... или несколько эпизодов ее, но взята она будет лишь под каким-то определенным углом, в каком-то одном соотношении» [13. С. 45]. В.П. Скобелев указывает на центростремительность сюжетного развития рассказа. «Рассказ (новелла) представляет собой интенсивный тип организации художественного времени и пространства, предполагающий центростремительную собранность действия...» [14. С. 59]. А.В. Лужановский считает, что в жанровой природе рассказа особую роль играет фабула. Он выделяет наличие в рассказе двух событий — исходного и интерпретирующего (развязки). «Развязка — это, по существу, скачок в развитии действия, когда отдельное событие через другое получает свою интерпретацию. Таким образом, в рассказе должно быть не менее двух органически связанных между собой событий» [15. С. 8].

Проблемы типологии разновидностей современного казахстанского рассказа также становились предметом лингвистического анализа, так, в обстоятельной статье В.В. Савельевой охарактеризованы его жанровые разновидности: рассказы классического типа, сюрреалистические рассказы, короткие рассказы, юмористические рассказы, рассказы-притчи, рассказы-новеллы, автобиографические рассказы, рассказы с элементами абсурда и гротеска [16].

Как известно, главным объектом художественной рефлексии выступает литературный герой. Система персонажей окружается художественной онтологией — образами пространства и времени. Кроме того, предметы также являются частью художественного мира произведения. Художественная онтология и предметный мир наделены семантикой, которая продуцирует различные контексты, сопровождающие образы литературных героев.

В литературе реализма предметы играют вспомогательную роль, способствуя воссозданию образов героев. В русской литературе особую изобретательность продемонстрировал Н.В. Гоголь. Его тексты содержат внушительный корпус предметов, которые выполняют разнообразные функции. Кроме того, предметы активно и последовательно привлекаются для их сравнений с человеком. В этом случае Н.В. Гоголь преследует сатирические цели. Сопоставление персонажа и предмета создает комический эффект, так как образ человека снижается, осуществляется его расчеловечивание. Предмет выступает знаком духовно-нравственной несостоятельности человека. Сатирические функции сопоставления предмета и человека обстоятельно охарактеризованы В.Я. Проппом [17].

Следует сказать, что предметы играют не только сатирическую роль. Часто они вовлекаются в психологический или лирический контексты [18]. Яркий пример — творчество А.П. Чехова, который использовал предметы в качестве художественных деталей, иллюстрирующих характер и поведение персонажей [19]. Традиция русской классической литературы наделять предметы характерологическими функциями сохранилась в современной казахстанской прозе. Особенно важна роль предметов в жанре реалистического рассказа. В малой прозе предметы необходимы для решения ряда художественных задач. Далее рассмотрим семантику предметов, определим их функции в рассказах современных казахстанских авторов.

Результаты и обсуждение

Анализ семиотических функций предметов в современном казахстанском рассказе был проведен на материале рассказов современных казахстанских писателей: Николая Веревошкина, Салахитдина Муминова, Надежды Черновой.

Рассказ Николая Веревошкина «Дознание» является реалистическим произведением. В жанровом отношении рассказ представляет собой рассказ-сцену, построенный на диалогах героев, описании персонажей и предметов. Рассказ написан в лаконичном формате, характеризуется традиционностью письма и художественных приемов изображения людей и предметов. Предметы служат для воссоздания достоверности картины. Это первая функция предметов. Она является базовой, определяющей жанровое содержание рассказа.

Сюжет рассказа основан на воссоздании постсоветской казахстанской действительности. Действие происходит в селе. Социология персонажей характеризуется реалистичной достоверностью. В произведении нарисованы три персонажа: соседки Варвара Семеновна и Мария Григорьевна и Василий Васильевич Понамарев. Все они пенсионеры. Персонажи выясняют, какой именно пес задрал гусей Варвары Семеновны. Она утверждает, что это сделала собака Марии Григорьевны. Бывший военный Василий Васильевич проводит своего рода следствие. Он утверждает, что невозможно установить «преступника» из-за отсутствия весомых улик. На этом сюжет рассказа заканчивается.

Автор сообщает предельно скудные сведения о действующих лицах. Например, дана краткая портретная зарисовка. Варвара Семеновна статью напоминает «кустодиевскую купчиху. Правда, одета она была попроще: клетчатый платок, фуфайка, резиновые сапоги»¹. Предметы в этом фрагменте привлечены для создания достоверности и реалистичности действия. Предметы повседневного гардероба (клетчатый платок, фуфайка, резиновые сапоги) дополнительно указывают на сельские реалии.

¹ Веревошкин Н. Сруб из лиственницы. Дознание. Самородок // Простор. 2023. № 7. С. 71

Автор включает в сферу персонажей не только факты их социологии, но и психологические выводы. «Старость, как и водка, действует на людей по-разному. Один, постарев, делается ворчливым и подозрительным, озлобленным на все человечество. В другом, напротив, с преклонным возрастом просыпается чувство юмора, пусть и слегка мрачноватое. Третий становится не в меру сентиментальным. Старость, как, впрочем, и водка, на Василия Васильевича вообще не действовали. Как был воякой, так им и остался. Прямолинейным, как штык трехгранный»².

Обращает на себя внимание предмет — трехгранный штык. Этот предмет реально не присутствует в тексте рассказа. Здесь наблюдается реализация устойчивого выражения «прямой, как штык». Автор создает клишированный образ военного в отставке — уверенного и решительного человека. Возможно, автоматизм художественного мышления автора рассказа породил это стереотипное уподобление военного пенсионера штыку.

Реалистический характер сюжета рассказа подтверждается другими предметами: например, хворостиной, которой орудует для наказания своего пса одна из героинь. В тексте также фигурируют будка, в которой живет пес Шарик, березовый чурбан, штакетник и другие предметы, образующие бытовое пространство, органичное для реалистического сюжета с банальной тематикой.

В сюжете рассказа преобладает юмористическая интонация, создаваемая не только диалогами персонажей, но и предметами. Приведем пример. В тексте дается краткое описание пса Бобки: «Был песик неприлично рыж, обильно лохмат и коротконог. Напоминал самодвижущийся унт. И там, где унт закачивался кожаным носком, у Бобки была серая морда, лукавая и игривая»³. В приведенном фрагменте семиотическое содержание комического формируется сравнением собаки с унтом. Овеществление животного, как видим, служит для создания юмористического эффекта. В основном предметы привлекаются автором для социологии персонажей и создания определенной эмоциональной тональности, а именно для комического эффекта. Рассказ носит незамысловатый характер, автор решил ограничиться развитием юмористической тональности в рамках бытового сюжета. В границах подобного рода сюжета логично, что предметы нарисованы исключительно в эмпирической форме.

Салахитдин Муминов — автор рассказов, которые несут сложное жанровое содержание. В рассказе «Плохое настроение», опубликованном в казахстанском литературном журнале «Простор», предметы органично вовлечены в художественный дискурс текста. Фабула рассказа несложная, литературных героев всего двое. В произведении рассказывается об общении пожилого

² Веревошкин Н. Сруб из лиственницы. Дознание. Самородок // Простор. 2023. № 7. С. 72

³ Там же. С. 71

профессора и соседского мальчика: профессор — одинокий человек, мальчик также страдает от недостатка общения, так как его мать на работе, и он предоставлен самому себе. В рассказе упоминаются предметы, которые служат для создания достоверности действия. «Дождаясь, пока закипит вода, профессор нарезал хлеба, колбасы и сыра. Забурлил чайник, задышав клубками пара. На кухне сразу стало жарко и влажно. Старик подошел к маленькому шкафу, прибитому над раковиной, открыл и потянулся к заварному чайнику»⁴.

В приведенном фрагменте предметы создают бытовой фон. В этом состоит их функция. Эти предметы указывают на бытовые реалии жизни героя рассказа. Бытовое назначение предметов является частью социологии персонажей. Но автор, следуя своему художественному замыслу, дополняет семантику предметов, непосредственно используемых для бытовых целей. «Струйка кипятка со звонким журчанием заполняла белое нутро чайника, мягко сиявшего круглыми боками, расписанными мелкими розовыми цветочками»⁵. Очевидно, что в данном случае в отличие от предыдущего выстроен семантический комплекс. Бытовая семантика, указывающая на назначение заварочного чайника, дополняется лирическим контекстом, который создается с помощью описания. Образ чайника, расписанного мелкими розовыми цветочками, способствует развитию лирической интонации.

В рассказе также представлен иной подход автора к воссозданию образов предметов. «Хрипло и доверительно беседуют старые настенные часы с прозрачным пространством времени, время же — молчит, и блестит фотография. Старая фотография — ласково улыбается умершая много лет назад жена; многоточие птиц в тусклом окне; желтые обои...»⁶. Часы, фотография — это предметы, несущие в себе философскую семантику. Главная семантическая доминанта — это время. Предметы (часы и фотография), изображенные в пределах интерьерного описания, создают особое онтологическое пространство памяти. Усложняется семантическое наполнение образов настенных часов и фотографии. Кроме того, благодаря этим предметам возникает элегическая интонация, раскрывающая внутреннее состояние главного героя рассказа. Автор создает семантический комплекс, окружающий образы предметов. Предметы служат не только для интерьерного описания, но и создают философские, онтологические и эмоциональные контексты.

Таким образом, в рассказе С. Муминова «Плохое настроение» можно выделить три группы предметов. Первая группа создает бытовой фон. Вторая группа предметов характеризуется расширением семантики предметов за счет включения эмоциональной тональности. В последнем случае предметы выполняют комплекс функций, включая философские и эмоциональные.

⁴ Муминов С. Напиши себе жизнь. Рассказы // Простор. 2014. № 3. С. 64

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Первая группа предметов необходима для создания социологии действующего лица. Вторая и третья группы предметов создают художественную онтологию персонажа, выполняя не только фабульную функцию, но и способствуя расширению разнообразных смыслов текста произведения.

Рассмотренный рассказ наряду с бытовым планом содержит лирические и философские линии, которые продуцируются предметами, наделенными сложным семантическим содержанием. Такого рода подход к воссозданию предметов способствует расширению художественного мира литературного произведения.

Надежда Чернова известна в Казахстане как поэтесса, но она пишет также прозаические произведения. Рассмотрим в аспекте заявленной темы одно из ее произведений. Фабула рассказа Надежды Черновой «Соловушка» основана на воссоздании путешествия главного героя в Москву. «Соловушка — конопатый, как сосновая кора, суетливый мужик — ехал в общем вагоне от таежной станции Талица в Москву»⁷. В рассказе Надежды Черновой образы персонажей помещены в разные временные пласты. Основное действие происходит в общем вагоне, в котором Соловушка следует в Москву. В пути он вспоминает свою жизнь в таежных местах. Поэтапно автор рассказывает о Соловушке, его жене Степаниде, о его родителях, о Насте — девочке, которую он любил. Особенностью сюжетной организации рассказа является включение образа предмета в структуру повествования. «У Соловушки был железный Рубль, выданный Степанидой, и он время от времени ощупывал его в потайном кармане штанов, при этом подозрительно косился на голытьбу: не видит ли кто?»⁸.

Этот предмет (монета) несет в себе сложные семантические планы. Рубль не просто средство оплаты. Монета получает статус литературного персонажа. Семантика предмета основана на олицетворении. Автор использует различные формы олицетворения предмета, усложняя его семиотическое поле. Одна из форм олицетворения — это сравнение персонажа с монетой. «Рубль, спрятанный в штанах, радовал Соловушку. Он и себя чувствовал твердым, солидным, как этот Рубль. Крупным человеком!»⁹. В этой паре (человек — монета) рубль интерпретируется как доминанта сопоставления. С помощью сравнения воссоздается социология персонажей. Сравнение указывает на определенное социальное положение литературных персонажей. «Соловушка никогда не держал в руках денег, не понимал их, потому что жидкую его зарплату получала сама Степанида, тем более что она была кассиром в конторе их совхоза, который дышал на ладан, но пока не развалился»¹⁰.

⁷ Чернова Н. За красным солнцем. Рассказы // Простор. 2017. № 11. С. 16

⁸ Там же. С. 17

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Семиотическое пространство концепта рубля усложняется по мере развития сюжета рассказа. Сравнение рубля с человеком обретает дальнейшую трансформацию в развернутую антропоморфную форму.

«... Во сне пришел к нему Рубль. В такой же беличьей шапке, как у самого Соловushки. Важный, лобастый — не подступишься.

— Ну! — сказал Рубль. — Зачем ты потерял меня, говори?

Соловushка хотел сказать, но голоса не было. Он униженно кланялся Рублю, пытался заглянуть ему в единственный, серебряный глаз. Рубль больно ткнул Соловushку твердым пальцем:

— Не меня ты потерял, а себя!

И стал раздуваться, вытесняя Соловushку куда-то»¹¹.

Рубль ведет себя как уверенный в себе человек, одет как человек, поступает соответственно. Хотя рубль воплощает черты, каких нет у главного героя, фактически он выступает в роли его двойника. Семиотика двойничества, основанная на развернутой антропологической форме олицетворения предмета, создает реалистический план рассказа. Семантическое поле концепта рубля не содержит философских контекстов. Образ этого предмета привлечен автором в основном для воссоздания социологии персонажной сферы. Рассказ написан в реалистическом формате. Другие предметы также использованы главным образом для достоверного изображения бытового плана.

Осуществленный выше анализ рассказов казахстанских писателей выявил полифункциональность образов предметов. Полифункциональность также характерна для мифа. Недавно была опубликована статья, в которой темой «исследования авторов является полифункциональность мифа, его семантика и структурообразующая функция в произведениях казахстанских прозаиков конца XX — начала XXI вв.» [20. С. 209]. В этой работе глубоко охарактеризован мифологизм крупной казахстанской прозы. Любопытен, в частности, вывод о романе Николая Веревоchкина «Зуб мамонта», «трактуемого... как роман-миф» [20. С. 209]. Имеет смысл в дальнейшем исследовать связи предмета и мифа в художественном мире современного русского казахстанского рассказа.

Заключение

Анализ рассказов казахстанских авторов показал, что они практикуют различные подходы к художественному воссозданию семиотики предметов. Предметы могут использоваться для формирования социологии персонажей и создания бытового фона в произведении. Вторая группа предметов характеризуется расширением семантики предметов. В этом случае предметы

¹¹ Чернова Н. За красным солнцем. Рассказы // Простор. 2017. № 11. С. 23

выполняют ряд функций, включая философские и эмоциональные. С помощью некоторых предметов в произведении создается художественная онтология персонажа. При этом предметы выполняют не только фабульную функцию, но и способствуют расширению разнообразных смыслов текста произведения. Предметы используются для создания сравнений, олицетворений и других художественных средств.

Несмотря на разные подходы к воплощению предметов, авторы проанализированных рассказов следуют традиции русской литературной классики. Они в основном используют предметы для создания образов действующих лиц. Предметы органично входят в художественный мир, центром которого является антропоморфный персонаж.

В завершение наметим перспективы дальнейшего изучения современного казахстанского рассказа. Это исследование ориентирует нас на анализ связи предметного мира и мифологических контекстов современного казахстанского рассказа.

Библиографический список

1. Жасекенова А.М., Жаксылыков А.Ж., Таттимбетова К.О. Функция религиозно-мифологических образов в прозе Ольги Марк// Керуен. 2024. № 1(82). С. 56–67. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.1-05>
2. Джундубаева А.А. Обращение к мифу в современном казахстанском рассказе как постмодернистская стратегия наррации // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Филологические науки». 2015. № 2(52). С. 123–126.
3. Логинова М.А. Этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана конца XX— начала XXI вв. : автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Омск, 2018.
4. Темирова Ж.Г., Жакупова А.Д. Малая проза Ильи Одогова в контексте транскультурности // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». 2023. № 1(109). С. 65–73. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-625-632> EDN: VSPROP
5. Джолдасбекова Б.У., Шанаев Р.У. Интертексты рассказа Николая Веревочкина «Нарисуй мне золотое сердце» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 625–632. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-625-632> EDN: VSPROP
6. Бактыбаева А.Т., Бижанова А.А. Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 250–268. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268>
7. Тілеубай Г.К., Таттимбетова К.О. Жанровые тенденции в развитии современного казахстанского реалистического рассказа // Керуен. 2023. № 4(81). С. 174–186. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
8. Тілеубай Г.К., Таттимбетова К.О. Два типа современного казахстанского реалистического рассказа // Материалы международной научной конференции «XIII Багизбаевские чтения: Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты». Алматы : Қазақ университеті, 2022. С. 464–470.
9. Тілеубай Г.К. Роль интернет-изданий в развитии современного казахстанского рассказа // Вестник КазНУ. Серия журналистики. 2023. № 3(69). С. 110–119. <https://doi.org/10.26577/HJ.2023.v69.i3.10>
10. Bader A.L. The Structure of the Modern Short Story// Short Story Theories/ ed. by Ch.E. May. Athens : Ohio, 1976. P. 107–115.
11. Bonheim H. The Narrative Models: Techniques of the Short Story. Cambridge: Brewer, 1982.

12. *Drewery C.* The Modernist Short Story: Fractured Perspectives // *The Cambridge History of the English Short Story*. Cambridge, 2016. P. 135–151. <https://doi.org/10.1017/9781316711712.009>
13. *Утехин Н.П.* Жанры эпической прозы. Л. : Наука, 1982.
14. *Скобелев В.П.* Поэтика рассказа. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1982.
15. *Лужановский А.В.* Выделение жанра рассказа в русской литературе. Вильнюс, 1988.
16. *Савельева В.* Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра // *Нева*. 2015. № 12. С.188–209.
17. *Пронн В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М. : Искусство, 1976.
18. *Чудаков А.П.* Слово — вещь — мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М. : Современный писатель, 1992.
19. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971.
20. *Shanayev R.U., Joldasbekova B.U., Kakilbayeva I.T., Kovalenko A.G., Bayanbayeva Z.A.* Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-semantic Aspect // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 208–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-208-230> EDN: PSWQWM

References

1. Zhasekenova, A.M., Zhaksylykov, A.J. & Tattimbetova, K.O. (2024). The function of religious and mythological images in Olga Mark's prose. *Keruen*, 1(82), 56–67. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.1-05> (In Russ.).
2. Dzhundubaeva, A.A. (2015). The appeal to the myth in the modern Kazakh story as a postmodern strategy of narrative. *Kazakh National Pedagogical University after Abai BULLETIN Series of "Philological sciences"*, 2(52), 123–126. (In Russ.).
3. Loginova, M.A. (2018). Ethnocultural chronotope of small Russian-language prose by writers of Kazakhstan of the late XX — early XXI centuries [dissertation]. Omsk. (In Russ.).
4. Temirova, Zh.G. & Zhakupova, A.D. (2023). Ilya Odegov's Short Prose in the context of transculturalism. *Bulletin of the Karaganda university. Philology series*, 1(109), 65–73. <https://doi.org/10.31489/2023Ph1/65-73> (In Russ.).
5. Dzholdasbekova, B.U. & Shanaev, R.U. (2019). Intertexts of Nikolai Verevchkin's short story "Draw me a Golden Heart". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 625–632. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-625-632> EDN: VSPROP (In Russ.).
6. Baktybayeva, A.T. & Bizhanova, A.A. (2023). The specificity of the comic in modern prose in Kazakhstan (on the example of a cycle of short stories by E. Tursunov). *Nauchnyi dialog*, 12(5), 250–268. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268> (In Russ.).
7. Tileubay, G.K. & Tattimbetova, K.O. (2023). Genre trends in the development of modern Kazakh realistic short story. *Keruen*, 4(81), 174–186. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14> (In Russ.).
8. Tileubay, G.K. & Tattimbetova, K.O. (2022). Two types of modern Kazakh realistic short story. In: *Materials of the international scientific conference "XIII Bagizbaev readings: Topical issues of modern philology: theoretical problems and applied aspects"*. Almaty: Kazakh University publ. pp. 464–470. (In Russ.).
9. Tileubay, G.K. (2023). The role of online publications in the development of modern Kazakh short stories. *Bulletin of KazNU. Journalism Series*, 3(69), 110–119. <https://doi.org/10.26577/HJ.2023.v69.i3.10> (In Russ.).
10. Bader, A.L. (1976). The Structure of the Modern Short Story. In: *Short Story Theories*, Ch.E. May (Ed.). Athens Ohio. pp. 107–115.
11. Bonheim, H. (1982). *The Narrative Models: Techniques of the Short Story*. Cambridge: Brewer.
12. Drewery, C. (2016). *The Modernist Short Story: Fractured Perspectives. The Cambridge History of the English Short Story*. Cambridge. pp.135–151.
13. Utekhin, N.P. (1982). Genres of epic prose. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

14. Skobeev, V.P. (1982). *The poetics of the story*. Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russ.).
15. Luzhanovskij, A.V. (1988). *The selection of the genre of the story in Russian literature*. Vilnius. (In Russ.).
16. Savelyeva, V. (2015). Stories in modern prose of Kazakhstan: criticism and actualization of the genre. *Neva*, 12, 188–209. (In Russ.).
17. Propp, V.Ya. (1976). *Problems of comedy and laughter*. Moscow: Iskustvo. (In Russ.).
18. Chudakov, A.P. (1971). *Chekhov's Poetics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Chudakov, A.P. (1992). *Word — thing — world: From Pushkin to Tolstoy: Essays on the poetics of Russian classics*. Moscow: Sovremenniy pisatel'. (In Russ.).
20. Shanayev, R.U., Joldasbekova, B.U., Kakilbayeva, I.T., Kovalenko, A.G. & Bayanbayeva, Z.A. (2023). Mythologism of Modern Kazakhstani Prose: Lexico-Semantic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 208–230. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-208-230> EDN: PSWQWM. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Тилеубай Гулбану Кашкынбаевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71); *сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка и литературы, стилистика, теория литературы; *e-mail*: gulbanu2007@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2447-5054; Scopus Author ID: 56700356000.

Джолдасбекова Баян Умирбековна, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка, теория лингводидактического тестирования, формирование полиязычной и поликультурной языковой личности будущего учителя русского языка и литературы, инновации в образовании, лингводидактические возможности электронных СМИ в формировании лингвистической и мультимедийной компетенции учащихся и ее отдельных компонентов, эффективные способы обучения языку с помощью инфокоммуникационных ресурсов; *e-mail*: dzoldasbekovab@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1217-4799. SPIN-код: 3546-6819. AuthorID: 783666

Таттимбетова Куралай Омирлановна, заведующий кафедрой русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: проза русских писателей Казахстана, литература Казахстана периода независимости, методические аспекты преподавания литературы; *e-mail*: tattimbetovak@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7713-0757.

Information about the authors:

Gulbanu K. Tileubay, Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the department of Russian philology and world literature, Kazakh National University named after Al-Farabi (71, Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: methods of teaching Russian language and literature, stylistics, literary theory; *e-mail*: gulbanu2007@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2447-5054; Scopus Author ID: 56700356000.

Bayan U. Joldasbekova, the Corresponding member NAN RK, Ds.Sc. (Philology), professor, Dean of the Faculty of Philology, Kazakh National University named after Al-Farabi (71, Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: Theory and methodology of teaching Russian language, theory of linguodidactic testing, formation of a polylingual and multicultural linguistic personality of a future teacher of Russian language and literature, innovations in education, linguodidactic possibilities of electronic media in forming linguistic and multimedia competence of students and its individual components, effective ways of language teaching with the help of infocommunication resources; *e-mail*: dzoldasbekovab@gmail.com ORCID: 0000-0003-1217-4799. SPIN-код: 3546-6819. AuthorID: 783666.

Kuralai O. Tattimbetova, Head of the Department of Russian Philology and World Literature, Kazakh National University named after Al-Farabi (71, Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: prose of Russian writers of Kazakhstan, literature of Kazakhstan during the Independence period, methodological aspects of literature teaching; *e-mail*: tattimbetovak@gmail.com ORCID: 0000-0002-7713-0757.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1403-1418

EDN: OSTSAK

УДК 811.161.1:811.512.122:82-1

Научная статья / Research article

Маркеры транслингвальности в поэзии Ауэзхана Кодара

Э.Б. Сагинтаев¹ , С.В. Ананьева² ,
О.А. Валикова³ , А.С. Демченко¹

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

² Институт литературы и искусств имени М.О. Ауэзова, Алматы, Республика Казахстан

³ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 sagintajev@gmail.com

Аннотация. Транслингвальный художественный текст — сложное семиотическое целое, внутри которого циркулируют элементы нескольких лингвокультурных систем. Это происходит в силу того, что автор — транслингв, будучи человеком «семиотического пограничья», использует ресурсную базу языка, который является для него этнически «первичным» (“primary one”), и функциональные возможности языка усвоенного. В результате взаимодействия языков и культур в дискурсивном пространстве текста рождаются новые образы мира — а зачастую и гибридные жанры, и аутентичные мотивные констелляции. Транслингвальный текст, написанный автором на языке усвоенном (в нашем случае это русский язык), как правило, нейтрален с точки зрения основного корпуса формирующей его лексики. Тем не менее, в ткани текста встречаются маркеры инобытия, которые служат для нас ключами к постижению альтернативного мироощущения, предоставляя нам код доступа не только к образному, но и к сенсориальному уровню. Цель нашей работы — проанализировать подобные маркеры, используя при этом методы привлечения герменевтического контекста и метатекстовой информации. Здесь существенна оговорка: подразумевается не только культурный метатекст как семиотический дескриптор, но и индивидуально-авторский метатекст как система индивидуально-предзаданных координат для дешифровки комплекса входящих в авторский метанарратив элементов. Материалом анализа послужило стихотворение А. Кодара «Коркуту» — одно из сложнейших произведений автора с точки зрения истолкования. Обнаруженные нами маркеры транслингвальности позволили не только восстановить миф о Коркыте, но и связать его с концепцией тенгрианского мифа в аспекте монотеизма, что было особенно значимо для А. Кодара.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальная литература, А. Кодар, художественный текст, дискурсивное пространство

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Сагинтаев Э.Б., Ананьева С.В., Валикова О.А., Демченко А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Статья выполнена в рамках проекта грантового финансирования AP14872064 «Казахская литература в международных контекстах: постнеклассическая эпистемология и плюриверсальность».

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Сажинтаев Э.Б., Ананьева С.В., Валикова О.А., Демченко А.С. Маркеры транслингвальности в поэзии Ауэзхана Кодара // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1402–1418. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1402-1418>

Markers of Translingualism in the Auezkhan Kodar's Poetry

Emil B. Sagintayev¹ , Svetlana V. Ananyeva² ,
Olga A. Valikova³ , Alyona S. Demchenko¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

² Institute of Literature and Art named of M. Auezov, Almaty, Kazakhstan

³ RUDN University, Moscow, Russian Federation

 sagintajev@gmail.com

Abstract. Translingual literary text is a complex semiotic whole, within which elements of several linguacultural systems circulate. This occurs due to the fact that the translingual author, being a person of the “semiotic borderland”, uses the resource base of the language, which is ethnically “primary one” for him, and the functional capabilities of the learned language. As a result of the interaction of languages and cultures in the discursive space of the text, new images of the world are born — and often hybrid genres, and authentic motivic constellations. Translingual text, written by the author in the learned language (In our case, this is the Russian language), is usually neutral in terms of the main corpus of vocabulary that forms it. Nevertheless, in the fabric of the text there are markers of otherness, which serve as keys for us to comprehend an alternative worldview, providing us with an access code not only to the figurative, but also to the sensible level. The aim of our work is to analyze such markers using the methods of attracting hermeneutic context and metatextual information. Here, a significant caveat is that it implies not only a cultural metatext as a semiotic descriptor, but also an individual author's metatext as a system of individually predetermined coordinates for deciphering a complex of elements included in the author's metanarrative. The material for the analysis was A. Kodar's poem “To Korkut” — one of the most complex works of the author in terms of interpretation. The translingual markers we discovered allowed us not only to reconstruct the myth of Korkyt, but also to link it with the concept of the Tengrian myth in the aspect of monotheism, which was especially significant for A. Kodar.

Keywords: translingualism, translingual literature, A. Kodar, literary text, discourse space

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Financing. Acknowledgements:

The article was written within the framework of the grant funding project AP14872064 “Kazakh literature in international contexts: post-non-classical epistemology and pluriversality”.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Sagyntaev, E.B., Ananyeva, S.V., Valikova, O.A. & Demchenko, A.S. (2024). Markers of Translingualism in the Auezkhan Kodar's Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1402–1418. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1402-1418>

Введение

Исследователь, который приступает к научному осмыслению новых феноменов реальности, сталкивается с дилеммой, сопутствующей человечеству еще со времен эпохи великих географических открытий: принцип, который схоласты обозначали как *Ignoramus*, буквально — «Мы ничего не знаем». Все базовые пресуппозиции, накопленный когнитивный фонд знаний условно нивелируется; мы принимаем за истину тот факт, что осмысляемая нами действительность — реальная или абстрактная, конкретная или семиотическая — по-прежнему не познаны. Познание как акт мыслительной деятельности логично продолжает цепочку «фиксация — номинация — усвоение — понимание», и уже первые шаги на этом пути сопряжены с определенными трудностями. Предположим, что первые элементы научно познаваемого концептуального поля зафиксированы. Как дефинировать тот или иной процесс, абстракцию, механизм или компонент семиотической системы, чтобы номинация служила надежным ориентиром для дальнейшего осмысления и описания? Миновать эту стадию эпистемологического процесса невозможно априори.

Наш исследовательский интерес сосредоточен на таких процессах транскультурации, которые ведут к образованию новых форм существования художественной реальности: литературе, созданной авторами одной культуры на языке, традиционно «закрепленном» за другой культурой. В мировой научной практике такую литературу называют транслингвальной. Проблема транслингвального художественного текста — одна из наиболее актуальных проблем современной семиотики. Дискурсивное пространство, формируемое знаками нескольких лингвистических систем, требует от исследователя адекватных принципов герменевтического комментирования, необходимого для истолкования той реальности, которая возникает при взаимоналожении языковых и культурных элементов различной этиологии. Транслингвизм — это практика использования автором одной культуры (которая является для

него этнически первичной) языка другой культуры — языка, обладающего в силу различных внешних обстоятельств большим диапазоном функциональных возможностей. Транслингвальная литература способствует созданию той оптики, которой лишена монолингвальная перспектива восприятия. По мнению ряда исследователей, эстетические коннотации текста с генеративным полем первичной культуры обогащают язык-транслятор и само пространство мировой литературы [1. Р. 257]. Р.К. Пу и Х.Ф. Ли рассматривают транслингвизм как творческое кросскультурное письмо, совмещающее в себе черты гибридности и выходящее за рамки обоих языков — английского и китайского — за счет использования творческих ресурсов первичного языка в языке — посреднике. Через посредство языка, который служит для писателя коммуникативным мостом к широкому рецептивному полю, транслируются во вне уникальные образы мира — элементы исходной культуры, восходящие к архетипическому субстрату этноса. Этноязыковая картина мира, кристаллизованная в многообразии различных форм — от жанров как формул «эстетически добытой истины» до лексических элементов с культурным содержанием — органически вписывается в материю другого языка, творчески преобразуя ее и задавая импульс к перекрестному опылению, в результате которого рождаются новые образы мира.

Исследователь М. Сорвари использует метафору “on both sides” для определения транслингвизма как двустороннего процесса. По мнению ученого, транслингвизм — это литературный стиль, объединяющий различные культурные стороны [2. Р. 158]. Мы, однако, полагаем, что транслингвизм — понятие более широкое в концептуальном плане. Языковая личность не просто расположена по обе стороны различных (гетерогенных, что важно) лингвокультурных пространств; она наделена способностью функционального перемещения между этими пространствами. Ю. Лотман подчеркивал, что культурному герою свойственна важная черта: в отличие от прочих субъектных элементов мифа, обусловленных топосом своего бытования, он обладает качеством пересечения семиотической границы. Транслингвальный писатель, как и культурный герой, не детерминирован языковым или культурным топосом.

Осуществляя свое произведение на языке усвоенном, писатель не находится «по обе стороны» культурных пространств (М. Сорвари). Однако, и это несомненно, культурный багаж родного языка переносится в язык усвоенный. Если для М. Сорвари транслингвизм представляет собой литературный стиль, то для Ф. де Донно это показатель нового витка развития общества [3. Р. 122].

Исследователи карибской литературы связывают выбор языка с выбором идентичности. По мнению Л. Альворадо, для поэтов Карибского региона опыт проживания колониальной истории сходен с опытом эмиграции; при этом язык — ретранслятор, лишенный явственных транслингвальных маркеров,

продолжает восходить к единственной культурной идентичности — «природной». Язык, культура, религия разыгрываются на уровне культурных сценариев даже в стихотворениях с космополитическим наполнением [4. Р. 50]. «Я определяю литературный транслингвизм как феномен писателей, которые пишут на нескольких языках или на языке, который не является их первичным языком», — отмечает С. Келлман [5. Р. 337].

Таким образом, литературный транслингвизм — сложное в гносеологическом плане явление, предполагающее сосуществование автора в двух (или более) лингвокультурных реальностях, одна из которых представляет собой его генетическую почву, вторая — функциональное поле реализации креативных возможностей. Стоит признать, что не всегда этот феномен оценивается положительно. Однако на территории постсоветского пространства, где русский язык не был «языком по выбору», в его сторону все же удалось избежать «постимперской ярости». Исследователь У.М. Бахтикиреева оценивает его как коммуникативный мост к инобытию народов и их культур, благодаря которому становится возможным постичь уникальные образы мира [6].

Транслингвальный художественный текст представляет собой гетерогенное в семиотическом отношении целое. Маркерами транслингвальности могут выступать как «видимые» элементы — например, инкорпорированная в текст иноязычная лексика, так и развернутые импликатуры, такие, как жанровые структуры с аутентичной спецификой. Некоторые элементы транслингвального текста без труда дешифруются читателем; другие требуют герменевтического комментария.

Результаты и обсуждение

В основе истолкования любого из экзистенциалов действительности, будь то сущность, явление, вещь, лежит его понимание. М. Хайдеггер пишет, что истолкование представляет собой не что иное, как формирование понимания. При этом понимание обладает потенциалом набрасывания возможностей, каждая из которых впоследствии развертывает себя [7. С. 474]. Сентенция Хайдеггера «Самое главное — не в том, чтобы выйти за пределы круга понимания, а в том, чтобы правильно войти в него» [7. С. 482] является точным комментарием к нашему предположению о том, что верное определение границ герменевтического контекста — базовое условие для адекватного истолкования художественного произведения.

Подчеркнем, что знание контекста не подменяет при этом понимание самого текста, который априори является первичным эмпирическим материалом. Будучи продуктом культуры, текст представляет собой сложный объект для интерпретации. Он «вписан» в определенный исторический контекст, находится в отношениях «взаимной детерминации» с Автором, но апеллирует, прежде всего, к читательской рецепции. Сообщаясь с целой сетью

контекстуальных «ярусов», Текст сохраняет при этом тождество самому себе. Набрасывание возможностей в процессе понимания, о котором пишет Хайдеггер, предполагает вариативность потенциальных его интерпретаций. Признанным интерпретатором, как отмечает Х.–Г. Гадамер, не является даже сам художник, создающий образ [8. С. 241].

Истолкование «некоего неочевидного смысла», по В.И. Карасику, происходит в измерении герменевтического дискурса, в котором существуют исторически сложившиеся текстотипы [9. С. 227]. Координатами в моделировании смысла при этом являются три элемента: знание, понимание, интерпретация. В интерпретации художественного текста важно понимание как личностных смыслов, так и содержания [10. С. 73].

Для достижения этой цели О.И. Валентинова предлагает метод определения доминанты как механизма однопонимания художественного текста. Исследователь выделяет дотекстовую, текстовую и послетекстовую доминанты. Первая представляет собой авторскую интенцию, «запечатленную» в процессе подготовительного этапа создания текста в набросках, черновиках, размышлениях и пр. «Создание текста знаменует начало самостоятельной жизни доминанты. Реализуясь как источник самодвижения, пронизывающий собой весь текст, подчиняющий себе все его элементы и управляющий ими, доминанта окончательно освобождается от воли творца» [11. С. 13].

Третья фаза — послетекстовая доминанта — проходит уже в психике читателя. По О.И. Валентиновой, все три доминанты находятся в отношениях жесткой причинной зависимости. Данная концепция еще раз подтверждает выдвинутый Х.–Г. Гадамером тезис о том, что даже Автор не может быть объективным интерпретатором собственного творения: необходимо учитывать комбинаторику сопутствующих факторов, то есть дискурс, в который погружен текст.

Природа текста диалектична; текстовая имманентность, «тождество самому себе» весьма условны и накладываются на его же дискурсивность, открытость восприятию Адресата, фактор существования в определенном (многомерном) контексте — философском, социально-культурном, идеологическом и т.п. Филологическая герменевтика, в русле которой решаются задачи истолкования художественного текста, имеет два основных ответвления — положительное и отрицательное, или «новое». «Положительная герменевтика», восходящая к Блаженному Августину, предполагает диалог между Автором и Читателем, то есть между двумя субъективированными сознаниями, разделенными хронологически и территориально. В этом случае интерпретация текста сводится к попытке «установить замысел автора». Данная задача является не только первостепенной, но и единственно приемлемой. С позиции «отрицательной герменевтики» интерпретация литературного произведения — поливариантный феномен; более того, точка

зрения автора не является «точкой отсчета» в исследовательском процессе, так как между Автором и Читателем могут «пролегать века», следовательно, «интерпретация может быть обогащена за счет новых знаний, не известных автору, но известных читателю» [12. С. 58]. Новая концепция герменевтики также диалогична, однако понимание диалога в данном случае более широко и предполагает взаимодействие не только текстов, но и культур. «Выражаясь метафорически, читатель идет к автору не по перекинутому мосту, а как бы пешком, двигаясь через все пространство смыслов и образов, называемое семиосферой» [12. С. 59].

Концепция семиосферы, разработанная Ю.М. Лотманом, подразумевает, что «работает не последний временной срез, а вся толща текстов культуры» [13. С. 254]. Первоначальный смысл существенно обогащается, за счет чего интерпретация становится не только множественной, но и динамичной. Исследователь сравнивает текст с «устройством, вырабатывающим смыслы». Эта позиция соотносится с выдвинутым М.М. Бахтиным понятием «далекого контекста» литературного произведения. Далекий контекст понимания (в отличие от близкого, границы которого очерчены вокруг современности писателя и ближайшего прошлого) «разомкнут во времени». Соглашаясь с правомерностью принципов «негативной герменевтики», хотим отметить, что их применение должно быть сбалансированным и не вести к деконструкции текстовой целостности (что характерно для постмодернистского типа мышления). Следовательно, герменевтический подход должен быть релевантным исследовательской задаче.

Открытость литературного произведения всегда создает широкое поле для интерпретаций. Рассуждая об этом свойстве художественного текста, У. Эко пишет, что «произведение конечно, но одновременно и неограниченно. Каждый эпизод, каждое слово могут иметь множество различных соотношений со всеми другими эпизодами и словами в тексте. От того, какой выбор мы делаем в случае одной единицы текста, зависит наша интерпретация всех его остальных единиц» [14. С. 95]. Искусство есть форма отражения мира сквозь призму индивидуального сознания. «Истинное произведение искусства, — отмечает Ф. Шеллинг, — содержит бесконечное число замыслов, допуская тем самым бесконечное число толкований» [15. С. 478].

Преодолеть эту бесконечную поливариантность истолкования помогает изоморфизм формы и содержания художественного целого. Усиленная забота творца о форме воплощения творческой интенции возникает, прежде всего, из стремления быть адекватно понятым. Именно напряженная работа над формой позволяет автору особым образом закрепить в тексте квинтэссенцию эстетически значимого, обладающую склонностью пребывать неизменной независимо от перенесения художественного произведения в тот или иной исторический, культурный или личностный контекст.

Итак, контекст понимания художественного произведения может быть близким и далеким (М.М. Бахтин); И.В. Гюббенет предлагает понятие вертикального контекста, включающего исторический, культурный, социальный, философский, мировоззренческий стратумы. Все указанные типы контекста целесообразны каждый своей исследовательской задаче. Нам хотелось бы ввести в инструментарий нашего исследования следующие определения: смыслообразующий контекст и герменевтический контекст.

В смыслообразующий («живой» по формулировке Ю. Кристевой) контекст «погружает» свое произведение сам Автор. Это многомерный феномен, «портал» в культуру (или множество культур), исторические эпохи (а также конкретные временные срезы), сознания (в частности, религиозные), другие тексты. Автор может «обнажать» подобные связи (прецедентные имена, ситуации) либо подвергать их процессу кодирования (посредством аллюзий, скрытых сравнений, реминисценций и пр.), намеренно превращая свой текст в палимпсест. Палимпсест, представляющий собой «иерархию просвечивающих друг через друга текстов вплоть до главного — архитекта» (Ю.В. Шатин), — это многослойное образование, сквозь словесный (наиболее выраженный, поверхностный) слой которого проступают такие «реликты претекста», как имена персонажей, мотивная структура и пр. Контекст исследования как конкретный аспект анализа мы назовем герменевтическим. Уточним, что границы герменевтического контекста также устанавливаются исследователем.

В процессе создания литературного произведения автор-билингв, подключенный к ресурсной базе двух языковых систем, производит тщательную селекцию каждого художественного элемента. Среди отобранных слов иноязычной природы нет и не может быть семантически избыточных: все они призваны предоставить читателю определенный код доступа к мироощущению этноса, к которому принадлежит автор. Сенсibiliческий фактор в данном случае играет главенствующую роль. Национально-маркированная лексика всегда апеллирует к чувственному. Помимо собственно лингвального уровня она затрагивает комплекс ментально-аффективных реакций индивида, транслируя не только информацию о мире (данную, как правило, в виде ряда абстракций), но и ощущения, непосредственно связанные с чувствованием этой информации.

Если в транслингвальном художественном тексте появляется инокультурное слово, это сигнализирует о том, что осуществился механизм трансфера — переноса лингвокультурного концепта во всей его когнитивной сложности из одной лингвокультуры в другую. Подобный механизм нельзя обозначить как внутритекстовое заимствование, результатом которого станет появление ксенонима — напротив, маркер инобытия является таковым только для неподготовленного читателя. Говоря об инокультурных словах

как маркерах (показателях) транслингвальности, мы делаем это лишь для определенного удобства описания. Стоит отметить, что функции подобной лексики достаточно широки. В первую очередь, это феномен эстетического порядка. Выступая маркерами иной культуры, подобные слова наделены целым комплексом дополнительных коннотаций, связанных с аксиологическими представлениями иного этноса, системой его скриптов, табу, мировоззренческой парадигмой и т.д.

У.М. Бахтикиреева в своей работе [16] доказывает, что использование лексики с национально-культурным компонентом семантики является важным параметром текстообразования. Заимствования-тюркизмы, «свидетели эпохи», апеллирующие к этноспецифической языковой картине мира, выступают адекватным средством описания внутренних психических состояний персонажа; служат для сцепления микро- и макроситуаций; выступают знаками авторской модальности; рассматриваются в характерологическом аспекте.

Такая лексика может нести и символическую нагрузку. В семиотическом аспекте инокультурный компонент — это асимметричный знак с неконвенциональным значением. Таким образом, лексика с национально-культурным компонентом, которую мы определяем как маркер транслингвальности, представляет собой онтически и герменевтически значимый корпус элементов, который участвует в формировании образов инокультурного бытия как на описательно-изобразительном, так и на сенсibiliческом уровне. Проиллюстрируем наши размышления на материале стихотворения казахстанского поэта А. Кодара «Коркуту».

Ауэзхан Кодар (1958–2016) — выдающийся писатель, философ, переводчик, литературовед, публицист, культуролог. Однако прежде всего — самобытный Поэт. Поэт билингвальный: сборник поэзии «Империя покоя» (1994 г.) выпущен на казахском, «Крылатый узор» и «Круги забвения» (1990, 1998 гг.) на русском. По-русски написаны и циклы «Сонеты Лире», «Дорога к степному знанию», «Римские мотивы» и «Цветы руин». О себе писал:

«Приветствую философскую агору! Светлых вам свершений! Я Ауэзхан Кодар из Алматы, билингв, кандидат философских наук, издаю культурологический журнал «Тамыр». Сфера моих интересов: номадология, неоязычество и, если можно так выразиться, философия коммуникации, диалога».

Номадология, неоязычество, философия диалога — очень важные аспекты жизни и творчества Ауэзхана Кодара, которые никогда не воспринимались им только на уровне абстрактных философских категорий. Будучи философом, Кодар ставил гносеологические вопросы — они, в конечном счете, были зоной его профессионального интереса. Развивая новые эпистемологии, Ауэзхан Кодар не стремился намеренно усложнить и без того комплективную теорию номадологии, разработанную Делезом и Гваттари. Он стремился вернуть ей связь с изначальной тюркской генеалогией, увидеть модель и попытаться приложить эту модель к нынешнему времени. То же касалось

неоязычества. Оно не было для Кодара просто комплексом паттернов. С учетом изменившихся реалий и того факта, что современный Казахстан светское государство, в неоязычестве Поэт черпал ресурсы для возрождения древних заветов предков — заветов, которые обществу необходимо вспомнить для ревитализации его жизненной потенции.

Для А. Кодара Тенгри — имперсональный бог, знаменующий религиозное чувство кочевника, которое доиндивидуально и восходит к коллективному эгрегору. Однако даже в коллективном своем бытовании Тенгри находит путь индивидуализации для каждого — это происходит через культ предков, в поклонении аруахам. Душа становится аруахом не сразу; должно пройти какое-то время, чтобы умерший предок превратился в символ рода и стал восприниматься как знак его идентификации. Теперь аруах может выступать посланником Тенгри. И если Кок Тенгри далеко, «родовой» Тенгри, полагает Кодар, рядом. Достаточно преисполниться духом предка, чтобы он «вселился» в человека — в этом случае не останется преград, которые были бы ему не по силам. Так, по преданию, хан Аблай, известный некогда под именем Абильтмансура, вспомнил славное имя своего деда и одержал с ним славную победу. Это имя стало с тех пор его оберегом. Тенгрианство, по А. Кодару, — традиционная религия кочевников, где понятие абсолюта сливается не только с местом, но и с теми, кто разделяется в пространстве в бесконечной последовательности локальных операций. В тенгрианстве нет «особой армии» служителей культа, но оно не может обходиться без локальных особенностей. Как пишет сам А. Кодар, «Поэтому не надо сожалеть о том, что многое в отправлении тенгрианского богослужения утеряно, если есть вера, она всегда найдет себе форму» [17]. И эта форма — форма экстатическая, поэтическая — реализована в стихотворении-посвящении «Коркуту»:

*Вихрем кружится кам в маске сокола с серпиком клюва,
Так египетский Гор расправлялся с предателем-Сетом.
Бубен с черным крестом оставаться в покое не любит,
И камлание шло, пока кам не упал на рассвете.*

*Как подкошенный рухнув, исходит он белой пеной,
Закатились глаза, превращаясь в ужасные бельма.
Не бросайтесь к нему, он в волшебное это мгновенье
Облетает, паря, гималаи, сахараи и сельвы.*

*Вот воскрес Осирис... Гильгамеш об Энкиду горюет...
Будда в водах сидит подобрав в виде свастики ноги...
Солнце пышно встает ... в переливе лучей словно в сбруе...
Ослепляя красой молодого исламского бога...*

*“Прочь же, прочь, Азраил! — отбивается кам утомленно, —
Смерть — подобие сна, дай проснуться посланнику тюрков!”
...Долго плачет кобыз — заунывно и потусторонне,
Словно с жизнью играя в последние жуткие жмурки.*

*“Слух — жилище души... сон — ее пребыванье вне тела...
Не живой и не мертвый, я — медиум между мирами...”
Просыпается кам, извлеченный из транса умело
Мерным ритмом кобыза, придуманным этим же камом.*

В тенгрианской культуре великое Небо есть источник мировоззренческих, аксиологических, нравственных ориентиров; ее особенностью выступает дуализм духовного и реального. Небо для тюрков — природное явление и в то же время персонифицированное божество. «...эта символизация важна и для культа Тенгри: он не просто бог неба, он бог величиной с небо, т.е. абстрактный принцип, стоящий как бы вне мироздания. Тенгри для номада — это, безусловно, ничто из сущего и одновременно полномочие наделять нечто смыслом», — пишет А. Кодар [18. С. 219]. Подобно этому и объекты живой природы выступают представителями мира земного и мира небесного: флора и фауна наделены в тюркской культуре сакральной символикой, порождающей анимистические представления в мировоззренческой парадигме древних. Этим была обусловлена необходимость в божественном посредничестве между земным и небесным, духовным и физическим. В тенгрианском мироощущении, мирочувствии и мировидении нет ничего важнее духовных ценностей: они лежат в основе макро- и микрокосмоса кочевого универсума. Кам, шаман — целитель, или баксы — неотъемлемая часть религиозного культа тюрков. Перед нами первый существенный маркер транслингвальности — кам, великий шаман, участвующий в священном действе — камлании, перемещении между мирами.

Культура тюрков базируется на обрядово-мифологическом синкретизме, который тесным образом переплетается с практикой народа — тем, что Делез и Гваттари называют системой локальных операций: это различного рода заговоры, заклинания, величания, обращения и т.д. С течением времени из творческого коллектива выделялись личности, наделенные особыми психоэмоциональными способностями; им отводилась роль инициаторов и организаторов обрядов. Древние камы мастерски подражали поведению животных и проявлениям звуков неживой природы. В личности кама подчеркивалась избранность, необходимость в исполнении им высшего предназначения. Камы причастны к сфере сакрального; остальным членам социума это недоступно. Функциональный диапазон деятельности кама очень широк: он включает в себя лекаря и учителя,

наставника и служителя культа, прорицателя, певца, поэта, так как носитель этого дара обладает неординарными психофизиологическими способностями. К его помощи прибегали для проведения обряда успешной охоты, исцеления, умирения непогоды. Ритуалы камлания содержали элементы перевоплощения, театрализации. Неслучайно в стихотворении А. Кодара мы видим кама в облике сокола с серпиком клюва. Сокол-балобан — священная птица казахов. Это зоркий охотник, способный спасти от голода целый аул; однако символика данного образа транскультурна и коррелирует с мотивом египетского бога Гора, рожденного богиней Исидой, чтобы одержать победу над Сетом, погубившим Осириса. Словно сокол, воспаривший ввысь, кам в процессе погружения в великий транс — а помогают ему в этом музыкальные инструменты, бубен и кобыз — наблюдают за тем, как рождаются и гаснут мировые цивилизации, как одни эпохи сменяют другие, как появляются великие религии — в частности, буддизм, иудаизм, ислам. Произнося слова «Прочь же, прочь, Азраил!» — культурный герой стихотворения-мифа обращается к Ангелу Смерти, называя себя посланником тюрков. И из трансa его выводит мерный ритм кобыза — придуманного этим же камом.

Перед нами не просто посвящение Коркуту. Финальная строка стихотворения эксплицирует замысел автора: миф о Коркыте, божественном прародителе шаманизма Великой Степи, изобретателе кобыза, только что развернулся в читательском восприятии. Еще один важный маркер транслингвальности — кобыз — требует пояснений. Корень кобу, как объясняет сам А. Кодар в своем произведении «Истина Коркыта», означает «поднимать», «возбуждать». Вход в духовный мир шаману открывали особые звуки кобыза, которые вызывали специфические эмоциональные состояния.

Кобыз, вероятно, один из древнейших музыкальных инструментов мира. Будучи демиургическим средством настраивания макрокосмоса, он сохраняет и поддерживает гармонию микрокосмоса. Неслучайно кобыз становился основой ритуальной деятельности кама — именно он помогал ему войти в состояние трансa и сконцентрироваться на подсознательных ощущениях. Вот почему ему была атрибутирована магическая функция. Коркыт-ата почитался великим камом и верховным шаманом Степи. Именно он — создатель первого струнно-смычкового инструмента, который дошел до нас под именем кобыза. Все сюжеты, связанные с легендарным Коркытом, наполнены особыми тайнами — удивительно его появление на свет, особой символикой наделены его поиски бессмертия во всех четырех сторонах света. Это архетипическая личность, код всей тюркской культуры, известный как святой, родоначальник всех баксы, кюйши и тот, кто искал вечной жизни. Но лучше всего о нем сказал сам А. Кодар: «Не живой и не мертвый, я — медиум между мирами».

Об истине Коркыта и принципах неоязычества нам помогает узнать одноименный рассказ А. Кодара, где юноша, названный в честь родоначальников всех баксы, постигает изначальную религию своих предков — тенгрианство, веру в великое Небо. На пути этого знания ему помогает кобыз — инструмент шаманских камланий. История Коркыта трагична. Когда он приходит в родной город, чтобы нести в него обретенное знание, соплеменники-мусульмане, в том числе собственный отец, отказываются от него. Юноша, возвратившись в пещеру приютившего его баксы, переживает экстатический опыт перемещений сквозь время и пространство. Этот мотив перекликается с тем, что мы наблюдали в стихотворении: кам в процессе пребывания в измененном состоянии перемещается по сахарам и сельвам, видит Гильгамеша и Будду. Придя в себя, юный Коркыт обнаруживает убитого стрелой баксы и мертвого отца и понимает, что первым его заветом в качестве кама станет отказ от мести. Этот скрипт очень значим для индивидуальной аксиологии А. Кодара, который, будучи философом-номадологом, прекрасно ориентировался в коллективных предписаниях кочевников.

Выводы

Таким образом, маркеры транслингвальности являются не просто элементами инкорпорированной в ткань русскоязычного текста лексики с инокультурным содержанием. Это трансфертированные лингвокультурные концепты, которые несут как образную, так и сенсibiliческую нагрузку и нуждаются в адекватном герменевтическом комментарии. На материале стихотворения А. Кодара «Коркуту» мы попытались показать, как отдельные транслингвальные маркеры («Коркыт», «Тенгри», «кам», «кобыз») участвуют в реконструкции особой языковой картины мира — мира, в котором монотеистическая парадигма базируется на культе поклонения вечносинему Небу; где природа одухотворена, и посредниками между мирами выступают могущественные камы — шаманы, в процессе священного транса путешествующие сквозь времена и пространства. А. Кодар создает не просто стихотворение-посвящение; он творит культурный миф, главным героем которого выступает легендарный Коркыт — родоначальник всех шаманов Великой Степи. Подкрепляя свои размышления о Коркыте в рамках авторского метанарратива, А. Кодар пишет рассказ «Истина Коркыта», где в сжатой форме подкреплены и затезированы все его наблюдения.

Библиографический список

1. *Pu R.Q., Li H.F.* The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings // *Interdisciplinary Studies Of Literature*. 2018. № 3(2). P. 257–271.
2. *Sorvari M.* Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction // *Translation Studies*. 2018. № 11(2). P. 158–171. [https:// doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820](https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820)

3. De Donno F. Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // *Journal of World Literature*. 2021. № 6(1). P. 103–122. [https:// doi.org/10.1163/24056480-20201005](https://doi.org/10.1163/24056480-20201005)
4. Alvarado L.Y. Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” And Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles” // *Centro Journal*. 2010. № 22(2). P. 50–73.
5. Kellman S.G. *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. Lincoln and London : University of Nebraska Press, 2003.
6. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБО и МИ, 2009.
7. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический Проект, 2008.
8. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988.
9. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М. : Гнозис, 2010.
10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Понимание // Краткий словарь лингвистических терминов. М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 124–126. EDN: OGVICE
11. Валентинова О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства. М. : РУДН, 2010. EDN: SUFGUZ
12. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Основы теории литературы. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб : Искусство-СПб, 2000.
14. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб : Симпозиум, 2007.
15. Шеллинг В.Ф.Й. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. [https:// doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200) EDN: LGWHLV
16. Кодар А.А. Тенгрианство в контексте монотеизма // Новые исследования Тувы. 2009. 1–2 <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/665> (просмотрено: 23.06.2024). EDN: PFNNFN

References

1. Pu, R.Q. & Li H.F. (2018). The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings. *Interdisciplinary Studies of Literature*, 3(2), 257–271.
2. Sorvari, M. (2018). Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden’s fiction. *Translation Studies*, 11(2), 158–171. [https:// doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820](https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1399820)
3. De Donno, F. (2021). Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada. *Journal of World Literature*, 6(1), 103–122. [https:// doi.org/10.1163/24056480-20201005](https://doi.org/10.1163/24056480-20201005)
4. Alvarado, L.Y. (2010). Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri’s “Puerto Rican Obituary” and Kamau Brathwaite’s “Islands and Exiles”. *Centro Journal*, 22(2), 50–73.
5. Kellman, S.G. (2003). *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. Lincoln and London: University of Nebraska Press Publ.
6. Bakhtikireeva, U.M. (2009). *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin)*. Astana: TsBO i MI. (In Russ.).
7. Heidegger, M. (2008). *The Source of Artistic Creation*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
8. Gadamer, G.-G. (1998). *Truth and Method*. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Karasik, V.I. (2010). *Language crystallization of meaning*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Kubryakova, E.S., Dem’yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1996). Understanding. In: *Brief dictionary of linguistic terms*. Moscow: Moscow State University Publ. pp. 124–126. EDN: OGVICE (In Russ.).
11. Valentinova, O.I. (2010). *Universal principles of analysis of verbal art*. Moscow: RUDN University Publ. EDN: SUFGUZ (In Russ.).
12. Khazagerov, G.G. & Lobanov, I.B. (2009). *Fundamentals of the Theory of Literature*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.).

13. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo — SPb. (In Russ.).
14. Eco, U. (2007). *The role of the reader. Research in the semiotics of the text*. St. Petersburg: Simposium. (In Russ.).
15. Schelling, V.F.Y. (1996). *Philosophy of Art*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
16. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022). “Language keys”: foreign language vocabulary in translingual (Russophone). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200> EDN: LGWHLV (In Russ.).
17. Kodar, A.A. (2009). Tengrianism in the context of monotheism. *The New Research of Tuva*, 1–2, 82–90. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/665> (viewed: 23.06.2024). EDN: PFNNFN (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сагинтаев Эмиль Борисович, преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: мировая литература, русская литература, русскоязычная литература, транскulturация; *e-mail*: sagintajev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0947-0925.

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом международных связей и мировой литературы, Институт мировой литературы и искусств им. М.О. Ауэзова (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29), член Правления Союза писателей Казахстана; *сфера научных интересов*: мировая литература, литература народов Казахстана, русская литература; *e-mail*: svananyeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7349-1590.

Валикова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: транслингвизм, транслингвальная литература, русскоязычие, художественный билингвизм; *e-mail*: leka.valikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0945-9937, SPIN-код: 5375-2387, AuthorID: 935823.

Демченко Алена Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: мировая литература, русская литература, русскоязычная литература, транскulturация; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

Information about the authors:

Emil B. Sagintayev, lecturer of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: world literature, Russian literature, Russian-language literature, transculturation; *e-mail*: sagintajev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0947-0925.

Svetlana V. Ananyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and World Literature, Institute of World Literature and Arts named after M.O. Auezov (29, Kurmangazy str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010), member of the Board of the Writers' Union of Kazakhstan; *Research interests*: world literature, literature of the peoples of Kazakhstan, Russian literature; *e-mail*: svananyeva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7349-1590.

Olga A. Valikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: translingualism, translingual literature, Russian-language studies, literary bilingualism; *e-mail*: leka.valikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0945-9937, SPIN-code: 5375-2387, AuthorID: 935823.

Alyona S. Demchenko PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040); *Research interests*: world literature, Russian literature, Russian-language literature, transculturation; *e-mail*: alenchika@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0635-9247.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1419-1442

EDN: OONCIK

УДК 811.161.1'27:82(574)

Научная статья / Research article

Художественное своеобразие идиостиля современных русскоязычных писателей Казахстана: А. Жаксылыкова, А. Кима, Д. Накипова

Е.С. Шмакова¹ , Б.С. Байжигит , С.Б. Бегалиева²

¹Таразский университет имени М.Х. Дулати, Тараз, Республика Казахстан

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
 shmakovaelena87@mail.ru

Аннотация. Современная русскоязычная проза Казахстана, сформировавшаяся на стыке нескольких культур, литератур, языков, становится предметом междисциплинарной научной рефлексии. Феномен русскоязычной прозы, как продукт транслингвального автора, обсуждается с позиций новейших парадигм лингвистики, литературоведения, культурологии, психологии. В круг задач исследования входят проблемы интерпретации идиостилистических особенностей, общих для русскоязычных авторов, характеризующих, в целом, русскоязычную прозу. Исследование выполнено с учетом своеобразие транслингвальных авторов, среди которых синтез восточного и западного мышления, выражающийся в лингвистической креативности, создании окказионализмов и авторского новояза, в особой метафоричности, заключающейся в сплаве восточных и западных концептуальных образных ассоциаций, в жанровом синкретизме романной формы, детерминирующийся отказом от традиционных формул, в отборе определенных тем и мотивов, связанных с травматичным прошлым советских реалий. Выявление, аналитическая интерпретация и сопоставление идиостилей авторов русскоязычной литературы Казахстана выполнены методами герменевтического комментария, направленного на реконструкцию художественных смыслов текста и их интерпретацию; когнитивной методологии для описания языковой личности автора, механизмов создания уникальных сложных когнитивных образов и описания когнитивной мотивации поступка героя, характеристики речемыслительных процессов, определяющих выбор тех или иных стилистических и художественных средств транслингвальных авторов; психоаналитической методологией для комментирования образа автора, его проекций и акцентуаций, интерпретации взаимоотношений автора и героя в художественном тексте. Выявлено, что для русскоязычной прозы Казахстана характерен жанровый синкретизм романной формы, поиск идентичности и сепарация от советских реалий, типологические схождения мотивной структуры повествований (мотивы превращения, перевоплощения, путешествия во времени, эсхатологические мотивы для демонстрации постапокалиптического будущего и наступившего безумия, мотив одиночества, характеризующий исключительность главного героя), активное словотворчество, лингвистическая креатив-

© Шмакова Е.С., Байжигит Б.С., Бегалиева С.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ность и использование лексики с национально-культурным компонентом, сложные авторские метафоры, отражающие уникальные ментальные и языковые особенности писателей-транслингов, своеобразные синтаксические структуры.

Ключевые слова: казахстанская русскоязычная проза, языковая личность автора, транслингвальность, новояз, лингвистическая креативность, жанровый полиморфизм, поиск идентичности

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Шмакова Е.С., Байжигит Б.С., Бегалиева С.Б. Художественное своеобразие идиостиля современных русскоязычных писателей: Казахстана: А. Жаксылыкова, А. Кима, Д. Накипова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1418–1442. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1418-1442>

The Artistic Uniqueness of Idiostyle of Modern Russian-Speaking Writers of Kazakhstan: A. Zhaksylykov, A. Kim, and D. Nakipov

E.S. Shmakova , B.S. Baizhigit , S.B. Begaliyeva

¹Taraz University named after M.Kh. Dulaty, Taraz, Republic of Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

 shmakovaelena87@mail.ru

Abstract. Modern Russian-language prose of Kazakhstan, which has emerged at the intersection of multiple cultures, literatures, and languages, is the subject of interdisciplinary scientific reflection. The phenomenon of Russian-language prose as a product of a translingual author is discussed from the perspectives of the latest paradigms in linguistics, literary studies, cultural studies, and psychology. The scope of this study includes the interpretation of common idiostylistic features found in Russian-language authors, which characterize Russian-language prose as a whole. The study takes into account the peculiarities of translingual authors, including the synthesis of Eastern and Western thinking, which is manifested in linguistic creativity, the creation of occasionalisms and the author's new language, as well as special metaphoricity, which involves the fusion of Eastern and Western conceptual image associations. Additionally, this study explores the genre syncretism of the novel form, as determined by the rejection of traditional formulas, and the selection of specific themes and motifs associated with the traumatic past of Soviet realities. The identification, analytical interpretation, and comparison of the idiostyles of authors of Russian-language literature of Kazakhstan will require the use of hermeneutic commentary methods aimed at reconstructing the artistic meanings of the text and their interpretation, as well as cognitive methodology to describe the author's linguistic personality, the mechanisms behind the creation of unique complex cognitive images, and the description of the cognitive motivation behind the protagonist's actions, as well as the characterization of speech and thought processes that influence

the choice of specific stylistic and artistic techniques. It is revealed that the Russian-language prose of Kazakhstan is characterized by the genre syncretism of the novel form, the quest for identity and detachment from Soviet realities, typological convergences in the motif structure of narratives (such as motifs of transformation, reincarnation, time travel, eschatological motifs that depict a post-apocalyptic future and the onset of madness, and the motif of loneliness, which characterizes the uniqueness of the protagonist), active word creation, linguistic creativity, and the use of vocabulary with a national-cultural component.

Keywords: Kazakhstani Russian-language prose, idiosyle, linguistic personality of the author, translanguality, new language, linguistic creativity, genre polymorphism, search for identity

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Shmakova, E.S., Baizhigit, B.S. & Begaliyeva, S.B. (2024). The Artistic Uniqueness of Idiosyle of Modern Russian-Speaking Writers of Kazakhstan: A. Zhaksylykov, A. Kim, and D. Nakipov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1418–1442. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1418-1442>

Введение

Современная русскоязычная проза Казахстана — явление многогранное и самобытное, сформировавшееся в условиях поликультурности и полилингвальности, что определяет необходимость всестороннего междисциплинарного исследования ее художественных, языковых, культурологических особенностей. Появившаяся на стыке культур, восточного и западного мировоззрения — казахстанская русскоязычная проза становится объектом научного интереса не только литературоведов, но и лингвистов, психологов, историков, культурологов, социологов.

В настоящем исследовании предпринимается попытка описания художественных идиостилистических элементов, общих для современных русскоязычных казахстанских прозаиков А. Жаксылыкова, Д. Накипова, А. Кима. При интерпретации структуры и особенностей идиостиля учитываются когнитивные аспекты синтеза восточного и западного мышления казахстанских авторов. Наложение русского языка на восточное мировоззрение выражается в произведениях русскоязычных авторов в активном словотворчестве на стыке двух языков (русского и казахского, русского и корейского); в сложных когнитивных метафорических образах; в особом герое, отражающем своеобразие авторского мышления; в мифопоэтике; в своеобразии синтаксиса и пр.

Прежде чем говорить о своеобразии современной русскоязычной прозы Казахстана, следует проследить ее генезис в синхронии и диахронии. Вопрос

о статусе и терминологическом определении литературы на русском языке, созданной писателями-билингвами (или, по определению У.М. Бахтикиреевой, транслингвами) Казахстана поднимается в исследовании У.В. Овчеренко и У.В. Овчеренко, И.В. Монисовой [1; 3]. Исследователи дифференцируют понятия «русская» и «русскаяязычная» литературы, настаивая на «принципиальных стилистических различиях этих явлений и разнонаправленных тенденциях внутри них» [1. С. 34]: русская литература становится преемницей классической русской литературы и апеллирует к традициям русских писателей. Например, в творчестве Н. Веревошкина прослеживается преемственность русскому писателю Н.В. Гоголю [2], а Н. Чернова обращается к русской фольклорной традиции. Важным пунктом русской литературы становится идентичность автора и его моноязыковая картина мира. В отличие от русской русскаяязычная литература создается на стыке нескольких культур — национальной и освоенной посредством усвоенного языка (русского). Когнитивная сложность и своеобразие русскаяязычной литературы опосредованы тем, что речемыслительные модели национального миропонимания транслируются посредством русского языка и, соответственно, языковой картины мира, как синергийный продукт писателя транслинга. В этой связи «текст является особым типом ментальной деятельности, которому свойственны особые законы, нормы, технологии создания и передачи информации» [1. С. 30]. Закономерным будет являться отличие такого текста от созданного автором-монолингвом.

Наряду с транслингвальными особенностями художественного текста русскаяязычная проза Казахстана прошла длинный исторический путь развития и преемственности. Сравним схематически модели преемственности русской и русскаяязычной литератур, обозначенных в исследованиях У.В. Овчеренко, И.В. Монисовой [3], Л.В. Сафроновой [4–6]:

1. Классическая русская литература — Русская литература Казахстана (Н. Чернова, Н. Веревошкин, И. Одегов).
2. Казахская национальная литература + Классическая русская литература — Советская русскаяязычная литература Казахстана (литературная традиция О. Сулейменова, Ч. Айтматова) — Русскаяязычная литература Казахстана (А. Жаксылыков, Д. Накипов).
3. Русский/казахский/казахстанский модернизм + постмодернизм (А. Жаксылыков, Д. Амантай)

Из схемы становится понятным, что на пути к формированию современной русскаяязычной прозы возникает несколько этапов преемственности. Срединный этап, совпадающий в историко-политическом контексте со временем господства советского режима, в том числе и в области литературы, последовавшие за ним постсоветские реалии с травматичным процессом идентификации и «опыт проживания национальной травмы» [7. С. 620] обогатили и усложнили литературный опыт русскаяязычных писателей. Следствием чего

явились тексты с миром, «принципиально отличным от непосредственно русской картины мира, что касается не только и не столько национальных особенностей быта, сколько именно разницы миропонимания и мироощущения» [1. С. 31]. До разделения литературы Казахстана на русском языке на русскую и русскоязычную, в научных трудах казахстанских ученых (например, С.М. Алтыбаевой) не придается значение языку написания произведения, а такие писатели, как А. Жаксылыков, Д. Накипов, позиционируются как представители «казахской прозы» [8. С. 3].

Настоящее исследование выстроено с опорой на идею о дифференциации русской и русскоязычной литератур Казахстана и апелляции к исследованиям по разграничению русской и русскоязычной литературы У.В. Овчеренко [1]; У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой, разрабатывавших теорию транслингвального автора в когнитивном аспекте [9]; теорию литературного домена, предложенную В.П. Синячкиным, У.М. Бахтикиреевой, О.А. Валиковой [10].

Существуют различные подходы к определению понятия «идиостиль»: семанτικο-стилистический, системно-структурный, лингвопоэтический, коммуникативно-деятельностный, психоаналитический, когнитивный, семиотический [11]. В настоящем исследовании за основу берется широкое междисциплинарное (лингвистика, литературоведение, культурология, психология) понимание идиостиля, который проявляется не только на языковом уровне в отборе языковых средств, но и в выборе жанровой формы; в своеобразии взаимоотношений между автором и героем; в проявлении психических акцентуаций автора, влияющих на все уровни художественного текста; в когнитивных механизмах, присущих транслингвальному автору для создания образности и метафоричности текста и др., и осуществляется с опорой на лингвопоэтический, когнитивный и психоаналитический подходы в определении идиостиля.

Результаты и обсуждение

В качестве основных предпосылок для интерпретации феномена русскоязычной прозы Казахстана можно выделить следующие: адаптация всех общественных сфер, в том числе и литературы, к постсоветским реалиям; вопросы самоидентификации в рамках взаимодействия различных культур; поликультурность и полилингвальность русскоязычной литературы Казахстана; своеобразный вектор развития литературных направлений казахстанской литературы в рамках мирового литературного процесса; оригинальность языка и стиля русскоязычной прозы, появившейся на стыке нескольких культур и языковых картин мира. Все эти аспекты требуют описания своеобразия русскоязычной прозы Казахстана, характеристики идиостилистических особенностей русскоязычных авторов на различных текстовых и метатекстовых уровнях.

На сегодняшний день русскоязычная литература Казахстана представляет интерес для исследователей в русле новейших литературоведческих парадигм, современных лингвистических исследований в области когнитивного подхода к интерпретации языковой картины мира транслингвального автора.

Так, В.П. Синячкин и др. предлагают для интерпретации феномена русскоязычной литературы Казахстана в когнитивном аспекте теорию литературного домена, полагая, что русскоязычная литература на постсоветском пространстве посредством русского языка перенимает у русской литературы «многовековой художественный опыт на уровне тем, мотивов, философских концепций и пр. и «осваивает» его через особенности своей этнокультуры и ментальности» [10. С. 1055].

Особенности этнокультуры и ментальности русскоязычных казахстанских авторов определяются традициями казахской национальной литературы, фольклорных жанров и мифопоэтических образов. Происходит взаимопроникновение и взаимообогащение двух литературных доменов — русской литературы и национальной литературы, вследствие чего, за счет соединения в сознании автора двух когнитивных программ, появляется новое явление, новый домен — русскоязычная литература Казахстана.

Новый домен требует обновления всех литературных систем:

1. Жанровой системы, особенностью которой является жанровая гибридность и полиморфизм, являющиеся следствием транслингвальности и поликультурности русскоязычных казахстанских авторов, апеллирующих одновременно к жанровым традициям национальной литературы и к традициям классической русской и мировой литератур.
2. Новой персониферы — «системы персоналий, присутствующих в активной памяти носителей лингвокультуры» [10. С. 1050], новых литературных типов, новых героев и персонажей, являющихся продуктом транслингвального мышления автора, его синкретичной языковой картины мира.
3. Тематического своеобразия, заключающегося в осмыслении реалий казахстанского общества через призму русского языка и вместе с ним посредством мирового литературного фона. Мотивная структура произведений русскоязычных авторов позволяет сформировать представление о новом, исключительном герое.
4. Уникального художественного языка, отражающего лингвистическую креативность русскоязычных писателей — транслингвов, активное словотворчество, которое является продуктом соединения двух языковых картин мира в единую — транслингвальную. Рождается художественный текст, который, по словам Б. Каирбекова, позволяет «по-новому засиять исконной светозарной этимологии слова» [12. С. 43].
5. Художественного синтаксиса, особенностью которого в русскоязычных прозаических текстах является восточная медитативность речи, наличие объемных дефисных комплексов, сложных синтаксических

конструкций-размышлений, структурно выделенных курсивом и апеллирующих к европейской традиции потока сознания.

Специфика художественных систем «юнитов» (произведений), входящих в домен русскоязычной прозы Казахстана, объясняется О.А. Валиковой и У.М. Бахтикиреевой особым явлением «порожденным этногенетическим (в данном случае казахским) и каноническим (русским) полями литературы» [13. С. 633].

Перечисленные особенности литературного домена современной русскоязычной прозы Казахстана требуют всестороннего осмысления. Несмотря на то, что изучению своеобразия русскоязычной прозы Казахстана посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных ученых, за пределами научной рефлексии остаются такие важные вопросы и проблемы как: особенности субъектной организации художественного текста транслингвального автора: типология героя, образ автора в его взаимоотношениях с героем; описание механизма создания авторского новояза с учетом когнитивных особенностей мышления и синкретичной языковой картины мира писателей-транслингвов; описание идиостилистических особенностей русскоязычных авторов и их отличий от идиостилистических особенностей русских авторов Казахстана; сходства и различия русскоязычной прозы литератур постсоветского пространства и русскоязычной литературы дальнего зарубежья и др.

Не претендуя на полномасштабность и всеохватность, в настоящем исследовании предпринята попытка описания некоторых аспектов идиостилистических особенностей современных русскоязычных авторов Казахстана (А. Жаксылыкова, Д. Накипова, А. Кима), таких как жанровое своеобразие, лингвистическая креативность и новояз, особенности художественного синтаксиса, с опорой на современные литературоведческие и лингвистические теории, описанные выше.

Жанровое своеобразие романной прозы русскоязычных авторов Казахстана (А. Жаксылыкова, Д. Накипова, А. Кима)

Жанровое своеобразие русскоязычной прозы Казахстана определяется «гибридизацией жанровых форм, сопряженной с определенной селекцией жанровых признаков и параметров» [14. С. 912]. В большей степени это можно сказать о романе, который М.М. Бахтин называл «энциклопедией жанров».

Современный казахстанский русскоязычный роман представляет собой трансляцию своеобразного авторского мировоззрения и языковой картины мира, эмоционально-интеллектуальную оценку действительности, которые находят выражение в индивидуально-авторской жанровой форме. Гибридность и полиморфизм романной формы русскоязычной казахстанской прозы во многом объясняется свойством подвижности жанра, чутко реагирующего на изменения в общественной и культурной сферах. Кроме того, на жанровое многообразие романной формы влияет аспект «транслингвальности»

казахстанской прозы, которая предполагает трансляцию автором посредством усвоенного языка «в более широкое коммуникативное пространство кодов родной для него лингвокультуры, в результате чего происходит взаимообогащение систем» [13. С. 646].

В казахстанской прозе «авторы считают необходимым актуализировать эксклюзивный и маргинальный элемент своего текста с помощью метафорических названий и подзаголовков» [15. С. 163]. Так, А. Ким нарекает свой роман «Белка»¹ романом-сказкой, «Радости рая»² — автобиографическим романом. Д. Накипов определяет свой роман «Круг пепла»³ как роман-интенций, а роман «Тень ветра»⁴ — романом упований в круге пепла. У. Тажикенова называет свой роман «Ось существования» романом-пунктиром. И. Одегов позиционирует свой роман «Звук, с которым встает солнце» как «концерт в семи частях», а М. Земсков определяет свой роман «Перигей» как «роман-фантазмагорию с элементами антиутопии». В казахстанской прозе появляется «роман-песня», «постколониальный роман», «казахский эротический роман», «филологический роман», «роман с ключом», «роман-верлибр», «роман-сновидение», «экологический роман», «роман-лабиринт» и др.

Генезис современных русскоязычных романов определяется не только трансформацией жанрово-типологических признаков, феноменом «жанровых расширений» [8] но и новаторством стиля, многоплановостью, интертекстуальностью, тяготением к созданию авторского новояза. По М.М. Бахтину, жанр детерминирует «тематическое содержание, стиль и композиционное построение» текста [16. С. 4], раскрывая авторскую индивидуальность и в то же время встраивая текст в уже существующие исторически сложившиеся жанрово-видовые координаты. Таким образом, авторская эксклюзивность и маргинальность жанра обнаруживают новаторство в области стиля и языка современного казахстанского русскоязычного романа, который в то же время ориентируется на классические признаки романной формы, зафиксированные в доменах русской классической и мировой литератур.

По жанровому своеобразие роман-пенталогия А. Жаксылыкова «Сны окаянных»⁵ позиционируется казахстанскими и зарубежными исследователями как орнаментальная проза [17], метароман [18], философский роман [19], экологический роман [8], экзистенциальный роман, роман-антиутопия, роман-бестиарий [20], «онейрический роман-сновидение» [21].

По мнению В.В. Леденевой, жанровое многообразие позволяет «раскрыться различным сторонам языковой личности писателя, продемонстрировать

¹ [Здесь и далее] Ким А. Белка: [Роман] / Анатолий Ким. М. : Эксмо, 2018.

² [Здесь и далее] Ким А. Радости Рая. М.: Эксмо, 2022.

³ [Здесь и далее] Накипов Д. Круг пепла: Роман интенций. Алматы : Сага, 2005.

⁴ [Здесь и далее] Накипов Д. Тень ветра: Роман упований в круге пепла. Алматы : Сага, 2009.

⁵ [Здесь и далее] Жаксылыков, А.Ж. Сны окаянных [Текст]: трилогия. Алматы : Алматинский издательский дом, 2005.

характерные аспекты взаимодействия с системой национального языка и его стилей» [22. С. 12]. Специфичность жанрового полиморфизма А. Жаксылыкова, по нашему мнению, обусловлена билингвизмом автора, его двуязычной когнитивной установкой, раздвигающей рамки художественного осмысления действительности. С одной стороны, творческий гений А. Жаксылыкова черпает вдохновение в номадических и тенгрианских мифах, притчах, легендах, в традиционно-мифологических истоках казахского народа, генетически впитанных писателем с родным языком, с другой — опирается на опыт русской и зарубежной литературы, перенятый посредством «освоенного языка» [13]. Э. Жанысбекова определяет «симбиоз мифа, фольклора и современной литературы» как «экспериментальную площадку для апробирования различных методов, стилей и жанров», предполагающих их взаимопроникновение и взаимообогащение [23. С. 101].

Жанровые черты антиутопии сближают роман А. Жаксылыкова с русской литературной антиутопической традицией Е. Замятина, а черты «романа-бестиария», по мнению С.М. Алтыбаевой, продолжают «традиции Апулея, Э. Гофмана и Ф. Кафки («Исследования одной собаки»)» [7. С. 120].

На жанровое своеобразие произведений влияет и художественный метод, в рамках которого автор создает свой корпус текстов. Вопрос о принадлежности А. Жаксылыкова к тому или иному литературному направлению вызвал в научных кругах множественные дискуссии — разные ученые относят роман к модернизму, к постмодернизму, синтезу модернизма и постмодернизма [4], к метамодернизму, к неореализму [7], модернизированному неobarocco [8]. Однако сам автор настаивает, что в его романе сосуществуют черты всех перечисленных направлений, отсюда и жанровый синкретизм пенталогии А. Жаксылыкова.

Роман-диалогия Д. Накипова, включающая два романа «Круг пепла» и «Тень ветра», как уже было отмечено выше, имеет индивидуально-авторское «жанровое расширение»: роман-интенций и роман упований в круге пепла. Интенция (от латинского *Intention*) — «намерение, стремление». Такая установка автора, по мнению С.М. Алтыбаевой, предопределяет намерение автора «встряхнуть сознание читателя раскрытием традиционно табуированных тем, в том числе введением откровенных эротических сцен, фантазмомогорией образов, ситуаций, событий, неоднозначной стилистикой романа с оригинальными неологизмами, окказионализмами, звукописью и инверсиями» [8. С. 61]. Казахский писатель и литературовед Г. Бельгер назвал «Круг пепла» «романом-ораторией, романом-балетом» [24. С. 8]. По признанию самого автора, это роман театральный, во многом автобиографический и экспериментальный. Автобиографический пласт романа позволяет говорить о жанровых признаках Autofiction — романной формуле XXI века: жизненные события, личные переживания в основе сюжета (описание балетной школы, производственный сюжет); высокая степень интимности и эмоциональной

откровенности (служебный роман Балерины и Гевры); описание исторически достоверных топосов, событий и фактов из собственной биографии (Большой Алматинский театр, «Бродвей», политические события и личности того времени) и др.

Жанровое своеобразие романа-намерения становится своеобразной формой авторского видения реальности и ее ценностно-эмоциональной оценки. Полиморфизм жанровых признаков и экспериментальность выражается в соединении черт служебного, любовного, эротического, фантастического, антиутопического, мифологического романов, которые экстраполируются на содержательную многоплановость и своеобразие персонажной системы. Синтез тенгрианской мифологии, советских алматинских реалий 60-х гг. 20 века и неомифа, представляющего антиутопическую реальность далекого будущего человечества, отражает авторские интенции создать и соединить несколько реальностей и миров в одном тексте, что, по нашему мнению, может сближать Д. Накипова с булгаковской многоплановостью в романе «Мастер и Маргарита».

Роман Д. Накипова «Круг пепла» признан первым казахстанским постмодернистским романом, свободным от западного влияния и тенденций. Намерения автора в рамках постмодернистских стратегий направлены на создание имманентности, «нелинейности сюжетопостроения, открытости текста, смешения жанров и жанровых форм» [30. С. 1840]. Существенной постмодернистской интенцией автора в романе является интертекст — из мировой классики балета и литературы, кинематографа и живописи. Культурно-исторический интертекстуальный пласт требует дешифровки подготовленным читателем, знакомым с историей казахского балета, культурой, с историко-политическими реалиями советского Алма-Аты.

Экспериментами в области романной формы отмечена поэтика произведений А. Кима «Белка», «Поселок Кентавров», «Радости рая». Для творчества писателя характерно «использование различных форм художественной условности, что мотивировано спецификой его идейно-философских поисков, связанных с осмыслением сущностных вопросов бытия» [25. С. 94], а также с формированием его творчества на стыке восточного и западного мышления (этнический кореец, пишущий на русском языке), определяющих два полюса языковой личности автора. «А. Ким как бы все время экспериментирует, пытаясь объединить Запад и Восток, небо и землю, кочевников и земледельцев» [26. С. 151].

Буддизм, христианство, мусульманство, магический реализм и космогонизм, экзистенциальная проблематика, мифопоэтика — «вовлекаются в процесс активного творческого преобразования, в результате которого рождается уникальный и универсальный художественный мир» романов А. Кима [25. С. 93].

Первый эксперимент в области романной формы, он же первый роман писателя «Белка» имеет «жанровое расширение» роман-сказка, что сближает его с традициями волшебной сказки. Преломление сказочного компонента в структурно-типологической основе романа определяет мотивную и персонажную систему произведения и способствует «формированию полифонического повествования», что позволяет «перевести бытовую плоскость событийной линии в статус символической экзистенциальной реальности» [25. С. 97]. Сказочные мотивы превращения и перевоплощения формируют бинарную оппозицию в системе персонажей, определяя дихотомию добрых и злых волшебных начал.

В романе «Поселок кентавров» прослеживается «жанровое тяготение восточной литературы к жанру притчи, выделившейся из мифа» [27. С. 154]. Мифологические истоки романа, берущие свое начало в античных мифах об амазонках и кентаврах, интерпретируются А. Кимом в формате эротико-философского гротеска.

Последний роман «Радости рая», по признанию писателя, является итогом творческого пути и определяется самим автором как автобиографическая фантазмагория. И.Г. Минералова определяет роман А. Кима «Радости рая» как «псевдо- или ложнофилософский» роман, разграничивая понятия «порассуждать» и «пофилософствовать»; как «роман-фантазмагорию», поскольку роман «строится на произвольности обращения автора-повествователя и одновременно героя с реальным и воображаемым, призрачным и реальным» [28. С. 226]. Жанровый синкретизм романа «Радости рая» во многом определяется эсхатологическими мотивами и духовными исканиями автора, которые соединяют западную христианскую и восточную идеологию, «комбинируют художественные и исторические нарративы, агиографические и апокрифические сюжеты» [29. С. 142].

Таким образом, для романного жанра русскоязычной прозы А. Жаксылыкова, Д. Накипова и А. Кима характерны жанровая гибридность и полиморфизм, которые детерминируются бинарной языковой картиной мира и транслингвальностью казахстанской прозы. Феномен художественного билингвизма казахстанских авторов экстраполируется на художественный текст, в котором синтез языковых картин мира (первичной и вторичной) рождает уникальный, многоплановый, эклектичный художественный мир и формальный полиморфизм.

Идиостилистические особенности художественного языка казахстанской русскоязычной прозы

Формируясь в условиях поликультурности и полилингвальности, казахстанская русскоязычная проза приобретает ряд специфических особенностей, в частности, в области языка и стиля, которые позволяют говорить о ней как об особом «литературном домене» [10]. В этой связи лингвистическая

креативность писателей биллингов или «транслингов» выражается в активном словотворчестве, рождающемся на стыке соединения двух языковых картин мира в единую — транслингвальную со всеми вытекающими из нее концептами, метафорами, лингвистическими экспериментами.

Под последними в настоящем исследовании понимаются идиостилистические особенности художественного языка транслингов, которые заключаются в создании индивидуально-авторских неологизмов, окказионализмов, новояза, сложных индивидуально-авторских слов, аббревиатур, перечислений, авторских метафор, авторских номинаций и пр.

Использование таких языковых экспериментов может иметь культурно-исторические, когнитивные, психологические основания и причины, среди которых: неспособность на фоне наслоения двух культур передать существующими словами свое отношение к определенному предмету или явлению; нарративные стратегии — для обозначения нового предмета и игры с читателем; в качестве шифра и маскировки культурно-исторических событий; выполнение сатирической функции.

Лингвистические эксперименты А. Жаксылыкова, Д. Накипова, А. Кима достаточно разнообразны и определяются активными речемыслительными процессами — словообразованием в различном его проявлении: аббревиация, сложение основ, аффиксация и др. Словотворчество русскоязычных авторов можно классифицировать и систематизировать по схожим чертам и принципам использования в тексте. Так, в прозе указанных прозаиков можно встретить авторские аббревиатуры. В круг задач по интерпретации авторских аббревиатур современных казахстанских русскоязычных авторов входит характеристика и выявление состава и семантики аббревиатурных слов, их функций. Употребление в тексте авторских аббревиатур, понятных только в рамках исследуемых текстов, дает возможность исключения тавтологий, повторения понятий, которые встречаются в тексте неоднократно и выражают авторскую идентичность и оригинальность.

А. Ким в романе «Радости рая» использует следующие аббревиатуры: *Выставки Абстрактной Живописи — ВАЖ*, *Большая Американская Мечта — БАМ*, *Наедине С Самим С Собой, — НСССС*, *ХЗВНЗШ — Хурма Застыла В Небе Золотым Шариком*, *Второго Пришествия всемирного потопна — ВПВП*, *ВП — Второе Пришествие Христа*, *Единым Живым Существом леса — ЕЖС* (А. Ким. Радости рая).

Представленные примеры позволяют говорить о стремлении автора к оригинальности и метафоричности. Попытка автора свернуть объемную метафору в аббревиатуру в примере «*ХЗВНЗШ — Хурма Застыла В Небе Золотым Шариком*» актуализирует роль метафоры в формировании художественной картины мира автора. В художественном тексте функция аббревиатур не ограничивается компрессией информации и экономией речевых

средств. Автор, «обыгрывая графическую форму этих единиц или используя их в переносном смысле в определенном контексте, создает выразительный, запоминающийся текст, одновременно выполняя прагматическую задачу влияния на реципиента» [31. С. 219].

Аббревиатура БАМ, расшифровываемая А. Кимом как Большая Американская мечта, по всей видимости, содержит сатирическую коннотацию, реализованную в отсылке к известной в СССР аббревиатуре БАМ (Байкало-амурская магистраль). Это одна из крупнейших в мире и стратегически важных железнодорожных магистралей, которая, в сатирическом ключе обозначается автором как Большая Американская мечта.

Использование художественно-метафорического потенциала аббревиатур является идиостилистической особенностью и творчества А. Жаксылыкова. Так, в романе «Дом суриката»⁶ автор использует следующие аббревиатуры: СИС — *особая программа*, СВС — *смотр всех сил*, РСТ, ИК — *чип, вживляемый в голову, работает через сеть*, БПМ — *танк*, СБЗ — *скафандр биологической защиты*, БМП — *боевая машина*, ПЗРЛК 31 — *гранатометы*, ЗРЛК 3 — *крупнокалиберные винтовки*, ТУЗ 1 — *рота бойцов*, УЗИ — *автоматы*, СИС, АЗ — *осиное гнездо* (А. Жаксылыков. Дом суриката). Основной функцией использования аббревиатур в романе А. Жаксылыкова становится концептуализация и категоризация создаваемых в авторском воображении новых предметов и явлений, присущих постапокалиптическому миру.

В романе Д. Накипова «Круг пепла» сокращения применяются в качестве аллюзий на исторические лица и события советского периода; придает дополнительное альтернативное значение общепринятым аббревиатурам. В романе «Круг пепла» можно встретить следующие аббревиатуры: МВД — *медведя военного-драного*, НКВД — *Народный комиссариат вонючих дел*, ТЮЗ — *театр юного злопыхателя* и др. (Д. Накипов. Круг пепла). Таким образом, общеизвестные аббревиатуры советского периода интерпретируются автором в саркастическом ключе, отражая авторскую позицию и отношение к историко-политическим реалиям того периода.

Аффиксальный способ образования авторских неологизмов — характерная идиостилистическая особенность художественного языка А. Жаксылыкова. Так, для обозначения новых животных, которые появились после экспериментов в постапокалиптическом мире, автором используются приставки «ДЖУ-» и «ЗУ-». С помощью данных приставок появляются новые слова, обозначающие мутированных существ: *джурунг*, *джумуры*, *джубезьяны* *джупиры*, *джуягуром*, *джупоссума*, *джусойных*, *джубуйных кустов*, *джурунга*, *джугары*, *джурунг*, *джугабра*, *джусойа*,

⁶ [Здесь и далее] Жаксылыков, А.Ж. Дом суриката [Текст]: (четвертая книга романного цикла «Сны окаянных»). Алматы : Ценные бумаги, 2008.

зузебр, зулени, зубур, зугиен, зулонов, зубуйволы (А. Жаксылыков. Дом суриката).

В романе «Дом суриката», можно обнаружить еще один прием для создания индивидуально-авторских неологизмов — сложение основ. Неологизмы образуются от двух корней: *илемофон*, *хитопанцири*. В тексте такие неологизмы выполняют функцию обозначения вымышленных предметов. Неологизмы, созданные способом сложения основ, встречаются и в художественном языке А. Кима: *хомопрозорливые*, *космофобия*, *Стуруа Муруа*, *Косымосы*, *Мойе-Пойе*, *Интермегапротокосмос*, *Мегапротоинтеруниверсум*, и в текстах Д. Накипова: *хронофаг*, *снов-трафаретов* и др.

А. Жаксылыков по словообразовательной модели дефисного написания сложных слов создает индивидуально-авторские неологизмы, номинирующие продукт скрещивания животных, людей, насекомых, грибов и растений (*человек-сурикат*, *женщина-волчица*, *женщина-олениха*, *роботов-многоножек*, *бульдоги-муравьи*).

Персонажи-химеры встречаются довольно часто в творчестве русскоязычных авторов Казахстана. В прозе А. Жаксылыкова встречаются: *волкопсы*, *гиенодоны*, тут же можно отметить кимовских *кентавров* и *человека-белку*.

В романах А. Жаксылыкова, А. Кима и Д. Накипова встречаются сложные индивидуально-авторские слова, имеющие двухчастную структуру. Предполагается, что данный прием используется авторами для расширения смысла и усиления выразительности речи. В романе А. Жаксылыкова «Дом суриката»: *мечту-соблазн*, *руки-лапы*, *беге-полете*, *литиево-ионные*, *маетно-сонного*, *тварь-ничтожество*, *ватно-тяжелом*; в романе А. Кима «Радости Рая»: *земли-планеты*, *цезарей-кинжалоглотателей*, *императриц-блядуний*, *весельчака-орангутанга*, *рука-ракетоносите́ль*, *кузнечик-покойнику*, *львы-фалангисты*, *жуки-плавунцы*, *кит-финвал*; в романе Д. Накипова «Круг пепла»: *слов-воспоминаний*, *ржано-рыжий*. Бинарная структура авторского неологизма предполагает основное слово и слово-коннотат, которое вносит добавочный образный смысл. В литературоведении такой коннотат принято называть эпитетом. Данный прием расширяет значение основного слова и придает авторскому неологизму образность.

В большом количестве встречается новояз в именных номинациях, создаваемых казахстанскими русскоязычными авторами. В романе А. Кима «Радости рая» для рассказчика все, что его окружает, имеет душу, а то, что имеет душу должно наделяться именем собственным, будь то рифовая ямка — *Нариска*, дерево — *Креу*, копьё — *Расемеи*, коробка — *Балабан*, ворота — *Пи́мен*, луковицы — *Ми́ля*, *Пиня*, *Мефиодора*, *Ларсик*, *Нор*, *Куно́р*, *Симпа*. Существует отсылка и к вымышленным историческим личностям: *Тюльпан Великий*, *Хрюкан Великий*, *Уркан Великий*, *Засран Великий*, *Мандавона Великая*, *Мыстолома Куземитрилеона Первая*.

В романе Д. Накипова «Круг пепла», автор, создавая именные номинации, скорее использует их для обозначения вымышленных народов и существ (*Осьмихор, Е-во, самионы, оносамы*). В пенталогии А. Жаксылыкова «Сны окаянных» автор применяет схожий прием, создавая неониминации для вымышленных персонажей (*Малыш-утенок, Малыш-дом, уку-филин, человек-сурикат, Тайбала*).

Немаловажную роль в текстах русскоязычных авторов играют слова-кальки, заимствованные из казахского языка, национально-маркированная лексика. Согласно У.М. Бахтикиреевой такая лексика, принадлежа к «сенсibiliческому уровню», «задействует ментально-чувственный комплекс индивида, транслируя вовне как определенную информацию о мире, так и конкретные ощущения субъекта, связанные с переживанием этой информации» [32. С. 195]. Другими словами, национально-маркированная лексика позволяет автору-транслингу компилировать посредством усвоенного языка национальные культурные коды, «образы инокультурного бытия» в художественный текст.

В текстах русскоязычных авторов встречаются именные номинации, топографические названия и авторская игра с языком с использованием национально-маркированной лексики. У А. Кима это — «*колода карт-Колдыбай*» (национальный компонент «бай» используется, в основном, в именах: Малдыбай, Кыстыбай и пр.), у А. Жаксылыкова «*по-коянский*» (коян в казахском языке — заяц), у Д. Накипова «*сс-ее-гг-зз...кк-ыы-рр-ллыы*», образованного от казахского «сегіз қырлы» (восемь граней), «*кыз-кууиствовать*» — (кыз-куу — национальная игра) и мн. др. Как отмечает У.М. Бахтикиреева, «посредством лексических единиц с национально-культурным компонентом происходит сцепление микро- и макроситуаций; таким образом, их функция становится тексто- и сюжетобразующей» [32].

Если у А. Кима и А. Жаксылыкова слова-кальки имеют нарративную функцию и вводятся авторами для интеллектуальной игры с читателем, то в романе Д. Накипова слова-кальки выполняют функции: маскировки (*сс-йй-гг-йй-сс* — секс), номинации (*зиндана-м-узилищам* — что-то на подобии тюрьмы, *темир-казык* — полярная звезда), описания явлений, присущих тенгрианству (аккуизм, Умай ана, Арухх), создания языка вымышленного народа «самионов».

Последняя функция использования национально-маркированной лексики (создание языка вымышленных героев) определяет особенности идиостилии А. Жаксылыкова, Д. Накипова и А. Кима.

Новояз используется авторами для общения героев, принадлежащих определенному клану (сообществу). Впервые кимовский новояз появляется в романе-гротеске «Поселок кентавтов» в речи полулюдей. Кентавры между собой вели диалог на несуществующем языке «*Инкeрс працу келеле! Катвах десис текусме!*» (отрывок из песни), позже в автобиографическом романе «Радости рая» данный новояз выступает в качестве языка

«прозорливцев» — особой расы человечества, которая послана на землю с определенной целью: познать радости бытия. Авторский язык показывает принадлежность персонажей к определенному сообществу, которое скрыто от человеческих глаз.

На авторском новоязе разговаривают в романе Д. Накипова персонажи — самионы. Авторский язык иногда схож с русским и казахскими языками, отличается использованием двойных (или нескольких) букв, где не следовало бы их использовать.

Иногда язык «самионов» становится совершенно непонятным «...секо, кватти, ффуйрфуйй, гзгат, гийгип, цокоцок, тайкутия,хррат, атт...». В романе Д. Накипов дает определение языку самионов: «Язык самионов был прост и выразителен. Если им хотелось сказать о том, что видели глаза, скажем, камень, который надо поднять, или палку для подпорки крова, то они просто показывали на вещь пальцем, уточняя его применение, размер или вес кратким возгласом: Оуа! Михх! Гайя! Дро-дро! И т.д.» (Д. Накипов. Круг пепла). В этой цитате автор пытается объяснить теорию возникновения языка выдуманного им народа, которая коррелирует с эпикурейской междоментной теорией происхождения языка: «первобытные люди инстинктивные выкрики превратили в естественные звуки — междометия, сопровождающие эмоции» [33. С. 27].

Идиостилистическая схожесть в романах А. Кима «Поселок кентавров» и Д. Накипова «Круг пепла» определяется тем, что рассматриваемые авторы в диалогах придуманных народов используют несуществующий язык (новояз). Отличие языков заключается, в том, что в диалогах кентавров используются корневые морфемы, схожие с корейским (*кимпу, янто, чиндо*) и тюркскими языками (*елдорай, бельберей*), а в романе Д. Накипова используется казахский язык с накладываемыми на него аллитерациями и вокализмом и др. Дублирование в новоязе Д. Накипова гласных и согласных в психоаналитическом аспекте объясняется наслаждением человека с оральной фиксацией «гармонизированным проговариванием своих проблем, в чувственном произнесении некоего звукового комплекса ... авторизованный герой ... недвусмысленно наслаждается аллитерациями и ассонансами» [34. С. 37].

Идиостилистическими маркерами художественного текста могут выступать авторские метафоры, дешифровка которых в рамках художественного текста может происходить в нескольких аспектах: в когнитивном — концептуальная категоризация и объективизация автором восприятия явлений действительности (в этом аспекте целесообразно учитывать достижения психолингвистики, нейролингвистики в доказательстве связи правополушарного типа мышления с процессами метафоризации) [35; 36]; в психоаналитическом аспекте — строящимся на гипотезе о том, что причиной метафорического переноса может являться проявление бессознательного [37]; в стилистическом аспекте — придание оригинальности, экспрессии создаваемому образу [38].

Согласно Т.В. Черниговской «основой метафорики является постоянный и неперемный контроль языка над вновь открытыми свойствами или явлениями мира» [36. С. 69]. С опорой на тезис Т.В. Черниговской предположим, что в текстах русскоязычных авторов процесс метафоризации отражает уникальные ментальные и языковые особенности писателей-транслингов, создающих новые понятия и явления, новые миры.

В романе «Радости рая» А. Ким создает сложные многочастные метафоры: *Миллион квантовых торпедок, Акимовский метафизический реализм, безымянной тенью теней, светила люминесцентным гением, полыхала серным безумием, хрюкала кабаньим разбоем, тикала адской машинкой растления малолетних, курилась дымком венерических болезней, чихала за углом предательством и доносом, Свет Надежды человек, мохнатые бабочки онкологических надежд* (А. Ким. Радости рая). Метафоры обнаруживают авторскую оценку окружающих реалий, перенесенных в текст.

В прозе А. Жаксылыкова сложные метафоры также обнаруживают смешение восточного и западного восприятия действительности: *«прекрасные очи бабочки-махаона и усики ее щекотали где-то в центре сердечного плексуса, джубуйный самец с огненными глазами и ветвистыми рогами небесной свободы, мягко-вейный Уку-филин, позднее перелетное перепелиное лето, ветром-самумом воющим пепельной гиеной над морщинами слепящего такыра окаянного, коянский прыг-скок, крысиный синтаксис»* (А. Жаксылыков. Сны окаянных).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание новых слов по устоявшимся словообразовательным моделям русского языка имеет функцию номинации новых понятий и предметов, созданных в текстах русскоязычных авторов и является «одним из эффективных приемов реализации авторской установки, повышения экспрессивности и адресованности текстового целого» [39. С. 4].

Использование лексики с национально-культурным компонентом авторов-транслингов посредством «русофонного художественного текста», «организует эстетическое пространство художественного целого и участвует в создании образов инокультурного бытия» [32. С. 187].

Авторские метафоры, представляющие собой сложные, многочастные образования, отражают уникальные ментальные и языковые особенности писателей-транслингов.

Заключение

Для произведений А. Жаксылыкова, Д. Накипова, А. Кима, представляющих современную русскоязычную прозу Казахстана, характерны жанровый полиморфизм, особая мотивная структура, лингвистическая креативность, выражающаяся в создании авторских неологизмов на стыке двух языков, авторского новояза, особые синтаксические структуры.

Выявлено, что жанровый полиморфизм русскоязычных авторов Казахстана детерминируется своеобразным мировоззрением транслингвального автора и синкретичной языковой картиной мира, апеллирующей как к национальным литературным истокам, так и посредством русского языка к жанровым традициям русской классической литературы и мировому литературному процессу. Идиостиль и маргинальный элемент своей романной прозы авторы подчеркивают при помощи подзаголовков или жанровых расширений (Например, роман-интенций, роман упований в круге пепла у Д. Накипова).

Специфические особенности транслингвальной литературы выражаются и в области языка и стиля русскоязычных авторов. В результате сплошной выборки лингвистических доминант были выявлены следующие закономерности:

1. Активное словообразование в различном его проявлении: аббревиация, сложение основ, аффиксация. Аббревиатуры используются авторами для реализации сатирической, саркастической коммуникативной функций. При помощи аббревиатур создаются оригинальные авторские метафоры, содержащие в своей структуре как восточные, так и западные ассоциативные образы-символы.
2. Создание авторских неологизмов при помощи аффиксации, сложения основ, дефисных конструкций: *джубезьяны, джупиры; хомопрозорливые, космофобия; мечту-соблазн, руки-лапы, рука-ракетоноситель, кузнечик-покойнику*.
3. Авторский новояз — исследуемые авторы создают в своих романах новый язык, принадлежащий исключительно народу, призванному стоять у истоков (самионы у Д. Накипова), либо спасти человечество (прозорливцы у А. Кима), либо продемонстрировать на своем примере гибель цивилизации (кентавры у А. Кима). Данный язык построен по моделям русского и казахского либо русского и корейского языков, соединяя в себе две языковые картины мира.
4. Использование национально-маркированной лексики, которая призвана посредством усвоенного языка (русского) транслировать национальные образы и активизировать интеллектуальную игру с читателем по дешифровке авторских неологизмов.

Креативность мышления и особенности речемыслительных функций авторов транслингвов определяют и особенности синтаксиса, которые выражаются в объемных синтаксических конструкциях, зачастую лишенных знаков препинания, многочисленных перечислениях, многочастных окказиональных дефисных комплексах, собственно-прямой речи, структурно выделенной курсивом, и пр.

Все перечисленные особенности русскоязычной прозы, выявленные в ходе исследования, во многом определяются транслингвальностью авторов,

особенностями их синкретичной языковой картины мира, специфического взгляда на мир, определяемого когнитивными особенностями работы левого и правого полушарий билингва.

Исследование идиостилистических особенностей русскоязычных авторов, общих для русскоязычной прозы Казахстана, в целом позволило наметить ряд перспектив. В будущем планируется расширить исследование за счет включения в структуру идиостилия своеобразия типа героя, его особенностей и отличий в рамках других литературных доменов. Планируется рассмотреть в психоаналитическом аспекте особенности отбора тем и мотивов в соответствии с выявленными авторскими травмами и акцентуациями, психоаналитических мотивов взаимоотношения автора и героя в русскоязычной прозе Казахстана.

Библиографический список

1. Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития : диссертация ... канд. филол. наук. М., 2021.
2. Шмакова Е.С., Байжигит Б.С., Бегалиева С.Б. Поэтика абсурда и формы выражения авторской позиции в рассказе Н. Верёвочкина «Череп гоголя» // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2023. Т. 190. № 2. С. 171–180. <https://doi.org/10.26577/EJPh.2023.v190.i2.ph17>
3. Овчеренко У.В., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. Т. 25, № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246> EDN: LEKTSQ
4. Сафронова Л.В. Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2006. EDN: VYHTPD
5. Safronova L., Bekmuratova A. Intercultural Images in Postcolonial Publication in the Russian-Language Prose of the Korean Diaspora // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. V. XI. № 2. P. 275–285. <https://doi.org/10.31648/pw.6510>.
6. Safronova L., Nurbaeva A. Erotic Images and Motives as a Broadcast of the Dominant Social Status (Based on the «Kazakh Erotic Novel» by Berik Dzhiilkibaev) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2022. V. XIII. № 2. P. 285–296. <https://doi.org/10.31648/pw.8465>. <https://doi.org/10.31648/pw.8465>.
7. Енсебай Г.Е., Демченко А.С., Таттимбетова К.О., Джолдасбекова Б.У. Семиотика интертекстуальности: на базе философской категории «гуманизм» в постмодернистском тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 600–622. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-600-622>. EDN: NVKXUV.
8. Алтыбаева С.М. Современная казахская проза (анализ, интерпретация, постижение). Алматы : Изд-во «Ұлағат» КазНПУ им. Абая, 2011.
9. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>. EDN: LGWHLV
10. Синячкин В.П., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Сообщение литературных доменов в поликультурном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 4. С. 1048–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1048-1066>. EDN: ODPXXZ

11. *Чугунова К.С.* Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца : дисс.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Воронежский государственный университет. В., 2018.
12. *Салханова Ж.Х.* К проблеме транскulturности и полигlossии // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2012. Т. 139, № 5–6. С. 41–48. EDN: YEAILG
13. *Валикова О.А., Бахтикиреева У.М.* Роман А. Жаксылыкова «Поющие камни» в русле теории литературного домена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 633–648. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-633-648>. EDN: WTDQDD
14. *Баянбаева А.А., Демченко А.С., Барабаи В.В.* Жанр как семиотическая структура: на материале русской казахстанской повести // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 3. С. 910–930. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-910-930>. EDN: FAACOF
15. *Савельева В.В.* Поколение, воспитавшее себя само // Простор. 2016. № 12. С. 163–170.
16. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996.
17. *Сафронова Л.В.* Аслан Жаксылыков. «Другой океан»: система образов и орнаментальные поля // Айт. 2006. № 3(4). С. 56–61.
18. *Ибраева Ж.Б., Адилбекова М.К.* Метароман и его особенности (к анализу художественного цикла «Сны окайнных» А. Жаксылыкова) // Материалы IX Международной научно-теоретической конференции, посвященной 30-летию независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева. Алматы. 2021. С. 115–118.
19. *Ананьева С.В.* Современный роман: художественный мир и авторское слово // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции: Нургалиевские чтения-ХІІ: научное сообщество ученых ХХІ столетия. Филологические науки. Астана, 2023. С. 21–27. EDN: YKUKWC
20. *Алтыбаева С.М.* Фантастическое в новейшей казахской прозе: к вопросу новаторства и традиции // Известия НАН РК. Серия филологическая. 2007. № 1. С. 11–15.
21. *Сыздыкбаев Н.А.* Основные тенденции развития современной казахской литературы // Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве. Москва. 2021. С. 137–142. EDN: LKGXSW
22. *Леденева В.В.* Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. Т. 23, № 5. С. 12–18. EDN: NUCBIF
23. *Жанысбекова Э.Т.* Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской прозе : диссертация ... док. PhD / КазНПУ им. Абая. Алматы, 2018.
24. *Бельгер Г.* Хаос, устремленный к Гармонии // Литературная газета Казахстана. 2007. № 2. С. 5–12
25. *Васильева-Шальнева Т.Б.* Специфика реализации сказочного компонента в произведениях Ф. Искандера «Кролики и удавы» и А. Кима «Белка» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 2. С. 89–98. EDN: QOYOTR
26. *Сафронова Л.В., Жанысбекова Э.Т.* Мифологический реализм А. Кима как конструкт схизиса // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2018. V. IX. № 2. Р. 135–148. <https://doi.org/10.31648/pw.3091> https://doi.org/10.1163/9789004311121_023.
27. *Сафронова Л., Жанысбекова Э.* Проблема «кентавризма» кочевников и земледельцев в аспекте психоаналитического литературоведения (на материале романа А. Кима Поселок кентавров) // Polylogue. Neophilological Studies. 2018. № 8. С. 143–156. <https://doi.org/10.34858/polilog.8.2018.012>.
28. *Минералова И.Г.* Мгновение-вечность-история в самосознании человека (на материале русской прозы конца 2010-х гг.) // Национальный стиль русской литературной классики. 2020. С. 224–235. EDN: UNZBBO

29. Четина Е.М. Художественный мир Анатолия Кима (к юбилею писателя) / Е.М. Четина // Филология в XXI веке. 2019. № 2(4). С. 139–143. EDN: XBNXHK
30. Какильбаева Э.Т. «Круг пепла» Д. Накипова в контексте современной казахстанской прозы // Русское слово в многоязычном мире. 2019. С. 1840–1846. EDN: QAMNYZ
31. Нургалиева Т.Г. Метафорическое употребление аббревиатур как средства языковой игры в целях повышения экспрессивности текстов СМИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 218–222.
32. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русифонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 184–200 <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>. EDN: LGWHLV
33. Гуруцкий А.А. Введение в языкознание. Минск: ТетраСистемс, 2003.
34. Safronova L., Baizhigit B. Narcistična motnja likov v prozi Ilje Odegova / Characters' Narcissistic Disorder in the Works of Ilya Odegov // Slavistična revija. 2023. № 71(1). P. 29–42. <https://doi.org/10.57589/srl.v71i1.4032>. <https://doi.org/10.57589/srl.v71i1.4032>.
35. Беломестнова Н.В. Метафорическое мышление и его диагностика в психологии: квантитативно-квалитативная система оценки // Третьи Поляковские чтения по клинической психологии (к 95-летию Ю.Ф. Полякова): сб. матер. конф. [23–24 марта 2023]. М. : МГППУ, 2023. С. 54–57. EDN: QKWVRK
36. Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Учен. зап. Тартуск. ун-та. Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 68–84
37. Sharpe E.F. Psycho-physical problems revealed in language: An examination of metaphor // The International Journal of Psycho-Analysis. 1940. № 21. С. 201–209.
38. Ястребов-Пестрицкий М.С. Метафора составляющая идиостилия поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3–2. С. 187–192. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-187-192>
39. Баталов О.Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте : диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нижний Новгород, 2004.

References

1. Ovcherenko, U. (2021). Contemporary prose of Kazakhstan in Russian: main development trends [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University publ. (In Russ.).
2. Shmakova, E.S., Baizhigit, B.S. & Begaliyeva, S.B. (2023). Poetics of the absurd and forms of expression of the author's position in the story of N. Veryovochkin «Gogol's Skull». *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, 190(2), 171–180. <https://doi.org/10.26577/EJPh.2023.v190.i2.ph17> (In Russ.).
3. Ovcherenko, U.V. & Monisova, I.V. (2020). Russian and Russian-language prose in a situation of multiculturalism: the experience of Kazakhstan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 234–246. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246> EDN: LEKTSQ (In Russ.).
4. Safronova, L.V. (2006). *Postmodernist Literature and Contemporary Literary Criticism of Kazakhstan*. Almaty: KazNPU named after Abai publ. EDN: VYHTPD (In Russ.).
5. Safronova, L. & Bekmuratova, A. (2020). Intercultural Images in Postcolonial Publication in the Russian-Language Prose of the Korean Diaspora. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 11(2), 275–285. <https://doi.org/10.31648/pw.6510>
6. Safronova, L. & Nurbaeva, A. (2022). Erotic Images and Motives as a Broadcast of the Dominant Social Status (Based on the «Kazakh Erotic Novel» by Berik Dzhiilkibaev). *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 13(2), 285–296. <https://doi.org/10.31648/pw.8465>. <https://doi.org/10.31648/pw.8465>

7. Yensebay, G.E., Demchenko, A.S., Tattimbetova, K.O. & Dzholdasbekova, B.U. (2024). Semiotics of intertextuality: based on the philosophical category of «humanism» in a postmodernist text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 600–622. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-600-622>. EDN: NVKXUV (In Russ.).
8. Altybaeva, S.M. (2011). *Modern Kazakh prose (analysis, interpretation, comprehension)*. Almaty: Ulagat KazNPU named after Abai publ. (In Russ.).
9. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022). «Language keys»: foreign vocabulary in a translingual (Russophone) fiction text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200> EDN: LGWHLV (In Russ.).
10. Sinyachkin, V.P., Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2019). Communication of literary domains in a multicultural text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 1048–1066. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-1048-1066> EDN: ODPXXZ (In Russ.).
11. Chugunova, K.S. (2017). Language features of idiostyle in the fiction of Dmitry Emets [dissertation]. Voronezh: Voronezh State University publ. (In Russ.).
12. Salkhanova, Zh.Kh. (2012). On the problem of transculturality and polyglossia. *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, 5–6 (139–140), 41–48. EDN: YEAILG (In Russ.).
13. Valikova, O.A. & Bakhtikireeva, U.M. (2019). A. Zhaksylykov's novel «Singing Stones» in the mainstream of the theory of literary domain. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 633–648. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-633-648> EDN: WTDQDD (In Russ.).
14. Bayanbaeva, A.A., Demchenko, A.S. & Barabash, V.V. (2023). Genre as a semiotic structure: based on the Russian Kazakh novella. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 910–930. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-910-930> EDN: FAACOF (In Russ.).
15. Savelyeva, V.V. (2016). The generation that raised itself. *Prostor*, 2, 163–170. (In Russ.).
16. Bakhtin, M.M. (1996). *The problem of speech genres*. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.).
17. Safronova, L.V. (2006). Aslan Zhaksylykov. «Another Ocean»: a system of images and ornamental fields. *Ait*, 3(4), 56–61. (In Russ.).
18. Ibraeva, Zh.B. & Adilbekova, M.K. (2021). Metaroman and its features (to the analysis of the artistic cycle «Dreams of the Damned» by A. Zhaksylykov). In: *Proceedings of the IX International Scientific-Theoretical Conf., dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 90th anniversary of the outstanding Kazakh poet Mukagali Makatayev*. Almaty. pp. 115–118. (In Russ.).
19. Ananyeva, S.V. (2023). The modern novel: the artistic world and the author's word. In: *Nurgaliyev readings-XII: Scientific community of scientists of the XXI century*. Astana. pp. 21–27. EDN: YKUKWC (In Russ.).
20. Altybaeva, S.M. (2007). Fantastic in the newest Kazakh prose: on the issue of innovation and tradition. *Bulletin of the NAS RK. Philological series*, 1, 11–15. (In Russ.).
21. Syzdykbaev, N.A. (2021). The main trends in the development of modern Kazakh literature. In: *Problems of the collapse and legacy of the USSR in the modern public space*. Moscow. pp 137–142. EDN: LKGXSW (In Russ.).
22. Ledeneva, V.V. (2001). Idiostyle as a system of relations. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 23(5), 12–18. EDN: NUCBIF (In Russ.).
23. Zhanyzbekova, E.T. (2018). *Mythological images and motifs in modern Kazakhstani prose* [dissertation]. Gorod: Abai University]. (In Russ.).
24. Belger, G. (2007). Chaos striving for Harmony. *Literary newspaper of Kazakhstan*, 2, 5–12. (In Russ.).

25. Vasilyeva-Shalнева, T.B. (2013). Specifics of the implementation of the fairy-tale component in the works of F. Iskander «Rabbits and boas» and A. Kim «Squirrel». *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 155(2), 89–98. EDN: QOYOTR (In Russ.).
26. Safronova, L.V. & Zhanysbekova, E.T. (2018). Mythological realism of A. Kim as a construct of schism. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 9(2), 135–148. <https://doi.org/https://doi.org/10.31648/pw.3091> https://doi.org/10.1163/9789004311121_023 (In Russ.).
27. Safronova, L. & Zhanysbekova, E. (2018). The problem of «centaurism» of nomads and farmers in the aspect of psychoanalytic literary criticism (based on the novel by A. Kim The Village of Centaurs). *Polylogue. Neophilological Studies*, 8, 143–156. <https://doi.org/10.34858/polilog.8.2018.012> (In Russ.).
28. Mineralova, I.G. (2020). Moment-Eternity-History in Human Self-Consciousness (Based on Russian Prose of the Late 2010s). *National Style of Russian Literary Classics*, 224–235. EDN: UHZBBO (In Russ.).
29. Chetina, E.M. (2019). The Artistic World of Anatoly Kim (for the Writer's Anniversary). *Philology in the 21st Century*, 2(4), 139–143. EDN: XBNXHK (In Russ.).
30. Kakilbaeva, E.T. (2019). «Circle of Ashes» by D. Nakipov in the Context of Modern Kazakhstanian Prose. *Russian Word in the Multilingual World*, 1840–1846. EDN: QAMNYZ (In Russ.).
31. Nurgaleeva, T.G. (2009). Metaphorical use of abbreviations as a means of language play in order to increase the expressiveness of media texts. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 11, 218–222. (In Russ.).
32. Bakhtikireeva, U.M., Valikova, O.A. (2022). «Language keys»: foreign language vocabulary in a translingual (Russophone) fiction text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200> EDN: LGWHLV (In Russ.).
33. Girutsky, A.A. (2003). *Introduction to Linguistics*. Minsk: TetraSistems. (In Russ.).
34. Safronova, L. & Baizhigit, B. (2023). Characters' Narcissistic Disorder in the Works of Ilya Odegov. *Slavistična revija*, 71(1), 29–42. <https://doi.org/10.57589/srl.v71i1.4032>. <https://doi.org/10.57589/srl.v71i1.4032> (In Lat.).
35. Belomestnova, N.V. (2023). Metaphorical thinking and its diagnostics in pathopsychology: quantitative-qualitative assessment system. In: «Tret'i Polyakovskie Chteniya po Klinicheskoi Psikhologii (K 95-Letiyu Yu.F. Polyakova)»: *Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation*, 23–24.03.2023 Moscow: Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE) publ. pp. 54–57. EDN: QKWVRK (In Russ.).
36. Chernigovskaya, T.V. & Deglin, V.L. (1986). Metaphorical and syllogistic thinking as a manifestation of functional asymmetry of the brain. *Works on sign systems*, 19, 68–84. (In Russ.).
37. Sharpe, E.F. (1940). Psycho-physical problems revealed in language: An examination of metaphor. *The International Journal of Psycho-Analysis*, 21, 201–209.
38. Yastrebov-Pestritsky, M.S. (2016). Metaphor as a component of the poet's idiosyncrasy. *Historical and socio-educational thought*, 8 (3–2), 187–192. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-187-192> (In Russ.).
39. Batalov, O.G. (2004). *Cognitive and functional aspect of occasional word formation in a fiction text* [dissertation]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University publ. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шмакова Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Таразский университет имени М.Х. Дулати (080005, Республика Казахстан, г. Тараз, ул. Сулейменова, 7); сфера научных интересов: современная русскоязычная проза Казахстана, автор и герой, когнитивное литературоведение; e-mail: shmakovaelena87@mail.ru ORCID: 0000-0001-5682-3581.

Байжигит Ботагоз Сабитовна, PhD, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Таразского университета имени М.Х. Дулати; (080005, Республика Казахстан, г. Тараз, ул. Сулейменова, 7); *сфера научных интересов*: поэтика абсурда в литературе постмодернизма, современная русскоязычная проза Казахстана, психоанализ
ORCID: 0000-0001-5384-466X.

Бегалиева Сауле Баязовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби; (050040, Республика Казахстан, Алматы, просп. Аль-Фараби, 71); *сфера научных интересов*: современные педагогические технологии, реализация проектов в области Digital Humanities, IT-технологии в области образования; *e-mail*: sbegalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3528-7756.

Information about the authors:

Elena S. Shmakova, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Literature, Taraz University named after M.Kh. Dulati (7, Str. Suleimenov, Taraz, Republic of Kazakhstan, 080005); *Research interests*: modern Russian-language prose of Kazakhstan, author and hero, cognitive literary criticism; *e-mail*: shmakovaelena87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5682-3581.

Botagoz S. Baizhigit, PhD, senior lecturer at the Department of Russian Language and Literature, Taraz University named after M.Kh. Dulati; (7, Str. Suleimenov, Taraz, Republic of Kazakhstan, 080005); *Research interests*: poetics of the absurd in postmodern literature, contemporary Russian-language prose of Kazakhstan, psychoanalysis
ORCID: 0000-0001-5384-466X.

Saule B. Begaliyeva, Dr.Sc. (Pedagogical Sciences), Professor of the Department of Philology and of World Literature, Al-Farabi Kazakh National University; (71, Avenue Al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: modern pedagogical technologies, implementation of projects in the field of Digital Humanities, IT technologies in the field education; *e-mail*: sbegalieva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3528-7756.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1443-1454

EDN: OICTIM

УДК 811.411.21'373

Научная статья / Research article

Особенности межъязыковой трансляции образности художественного текста средствами арабского языка: на материале повести Ч. Айтматова «Белый пароход»

М.С. Чинлода

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика

✉ mudeina@mail.ru

Аннотация. Сегодня, когда в глобализованном мире усиливаются процессы межкультурных коммуникаций актуальными представляются вопросы транслингвального обмена содержанием художественных текстов на разных языках. Актуальность предлагаемого исследования состоит в том, что трансляция образности транслингвального текста на арабский язык позволяет понять особенности воспроизведения образности монолингвальным мышлением, сформированным в инокультурной среде, и изучить основы культурных, социальных и лингвистических аспектов, влияющих на перевод и передачу смысла между такими типологически разными языками, как русский и арабский. Данное исследование посвящено выявлению особенностей восприятия транслингвальной творческой практики писателя-билингва Ч. Айтматова с позиции носителя арабской культуры. Материалом данного исследования послужили фразеологизмы из повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и их соответствующие переводы на арабский язык. Примененные в работе методы лексико-семантического анализа, методы сравнительно-сопоставительной лингвокультурологической экстраполяции, метод пропозиционально-фреймового моделирования позволили глубоко переосмыслить заложенный образ фразеологизмов и проанализировать точность и глубину передачи художественного произведения различными специфическими способами отражения мира. Проведенный в работе анализ позволяет определить соответствие воспроизводимой носителем арабской культуры образности с заложенным автором образ. В исследовании автор при трансляции фразеологизмов на арабский язык предлагает учитывать внешние и внутренние детерминанты типологически разных языков, с помощью которых выявляются специфичность различных культур, влияющей на сознание и мышление этнической группы, которые влияют на способы восприятия и воспроизведения образов мира.

Ключевые слова: транслингвизм, билингвальное мировидение, фразеологизм, киргизская ментальность, русская культура, арабская культура, образ

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чинлода М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2024

Дата приема в печать: 15.09.2024

Для цитирования:

Чинлода М.С. Особенности межъязыковой трансляции образности художественного текста средствами арабского языка: на материале повести Ч. Айтматова «Белый пароход» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1442–1454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1442-1454>

Features of Interlanguage Translation of the Imagery of a Literary Text by Means of the Arabic Language: based on the story “The white steamship” by Ch. Aitmatov

M.S. Chinloda

Kyrgyz-Russian Slavic University named after. B.N. Yeltsin, *Bishkek, Republic of Kyrgyzstan*

✉ mudeina@mail.ru

Abstract. Today, when the processes of intercultural communications are intensifying in a globalized world, the issues of translanguaging exchange of the content of literary texts in different languages seem relevant. The relevance of the proposed research lies in the fact that the translation of the imagery of a translanguaging text into Arabic allows us to understand the features of the reproduction of imagery by monolingual thinking formed in a foreign cultural environment and to study the basics of cultural, social and linguistic aspects that influence the translation and transmission of meaning between such typologically different languages as Russian and Arabic. This study is devoted to identifying the peculiarities of perception of the translanguaging creative practice of the bilingual writer Ch. Aitmatov from the position of a bearer of Arabic culture. The material for this study was phraseological units from Ch. Aitmatov's story “The White Steamship” and their corresponding translations into Arabic. The methods of lexico-semantic analysis, methods of comparative linguocultural extrapolation, and the method of propositional frame modeling used in the work made it possible to deeply rethink the inherent image of phraseological units and analyze the accuracy and depth of the transmission of a work of art in various specific ways of reflecting the world. The analysis carried out in the work allows us to determine the correspondence of the imagery reproduced by the bearer of Arab culture with the image laid down by the author. In the study, the author, when translating phraseological units into Arabic, proposes to take into account the external and internal determinants of typologically different languages, with the help of which the specificity of different cultures is revealed, influencing the consciousness and thinking of an ethnic group, which influence the ways of perceiving and reproducing images of the world.

Keywords: translanguaging, bilingual worldview, phraseology, Kyrgyz mentality, Russian culture, Arab culture, image

Conflicts of interest:

The author declares no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Chinloda, M.S. (2024). Features. of Interlanguage Translation of the Imagery of a Literary Text by Means of the Arabic Language: based on the story “The white steamship” by Ch. Aitmatov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1442–1454. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1442-1454>

Введение

Активное развитие процесса интеграции внутри многонациональной страны, глобальные и региональные инициативы, направленные на укрепление сотрудничества между народами, выводят на первый план проблемы транслингвальных процессов в обществе, которые понимаются нами как взаимодействие смыслов и ценностей различных языков и культур, в результате которого появляется иная лингвокультурная среда при сохранении идентичности исходной. Теоретическое осмысление транслингвальных процессов отражено как в работах зарубежных исследователей, так и в исследованиях российских специалистов З.Г. Прошиной [1], М.В. Тлостановой [2], У.М. Бахтикиреевой [3] и др.

Исследователями обсуждаются вопросы не только теоретического характера, но и изучаются особенности уникальной лингвокультурной среды, сформированной в результате транскulturации, а также транслингвальная творческая практика писателей-билингвов, которые знакомят своих читателей со своей лингвокультурной идентичностью средствами иного языка. К числу таких писателей относится Ч.Т. Айтматов, создавший неповторимые произведения, где средствами русского языка он мастерски передает чувства и образность своей киргизской культуры. Данная работа акцентирует внимание на проблеме передачи образов индивидуально-авторских фразеологизмов, моделируемых автором-билингвом, средствами иного языка.

Методологической базой для решения вопросов перевода фразеологизмов служат исследования В.В. Виноградова [4], В.Н. Телии [5], В.А. Масловой [6], М.Л. Ковшовой [7] и др. В данной работе путем анализа и осмысления образных смыслов, которые несут в себе индивидуально-авторские фразеологические единицы, созданные Ч. Айтматовым на русском языке, предпринята попытка исследовать, как и какими языковыми средствами передается их образное и культурно-языковое содержание на арабский язык.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили фразеологизмы из повести Ч. Айтматова «Белый пароход». Основные методы исследования: 1) метод лексико-семантического анализа; 2) метод сравнительно-сопоставительной лингвокультурологической экстраполяции; 3) метод пропозиционально-фреймового моделирования.

Примененный в исследовании метод лексико-семантического анализа позволил заострить внимание на значении отдельных лексических единиц и их взаимосвязей в языке путем обращения к ряду толковых словарей русского и арабского языков. Выявленные смыслы в языке-источнике функционально переносятся на культурно-семантическое пространство контактирующего языка методом сравнительно-сопоставительной лингвокультурологической экстраполяции с целью выяснения того, как они транслируются в принимающем языке. Метод пропозиционально-фреймового моделирования позволяет выявить особенности воссоздания образности фразеологических единиц средствами арабского языка. Вначале создается универсальный смысловой фрейм, который затем воссоздается в соответствующей образной пропозиции с учетом культурных особенностей и ценностных предпочтений, отраженных в арабском языке. К примеру, универсальный смысловой фрейм ‘красивая девушка’ реализуется в русском языке в образной пропозиции в сравнении ‘как тонкая березка’, в киргизском — ‘тал чыбыктай ийилген’/‘как гибкая веточка ивы’, в арабском — ‘как стройная газель’.

Кроме того, в работе при трансляции этих фразеологизмов на арабский язык предлагается учитывать принципы «внутренней» и «внешней детерминанты», введенные Г.П. Мельниковым [8]. Под внешними детерминантами подразумеваются типовые условия общения, определяющие, «на какие внеязыковые знания слушающего может чаще всего рассчитывать говорящий как на хорошо известные, чтобы, опираясь на них, выразить содержание, подлежащее передаче» [9. С. 30]. При этом внешняя детерминанта «определяет внутреннюю детерминанту каждого языкового типа» [8. С. 95], которая, как отмечает Г.П. Мельников, не выявляется, а «логически выводится как неизбежность из внеязыковых фактов» [8. С. 132]. Так, при передаче образных средств на другой язык, учитывая внешние детерминанты, предопределяющие характер, общие свойства языка и средства передачи образности на другой язык, можно найти адекватный вариант перевода без искажения, заложенного автором образа, в частности когда транслируется культурно-маркированные фразеологизмы.

Ч.Т. Айтматов — представитель транслингвальной литературы

Считается, один из первых авторов концепции транслингвальности в лингвистике — профессор Университета Массачусетса Вивиан Замэль (1990 г.). Между тем впервые вопросы о необходимости преодоления замкнутости языков и культур транслингвальным обществом были затронуты еще В. фон Гумбольдтом: «Цивилизация и просвещение мало по малу сглаживают резкие контрасты между народами; < ... > Но добиваясь одинакового, всеобщего, народы достигают одного в различном духе» [10. С. 31]. Думаем, под «одинаковым» В. фон Гумбольдт подразумевал именно ту обогащенную лингвокультурную среду, которая рождается в результате транслингвальных

процессов, но при которой сохраняется «дух», т.е. идентичность, что, как правило, определяется языком народа и культурой. Эта мысль В. Фон Гумбольдта перекликается с определением транслингвальности, которое приводит З.Г. Прошина, ссылаясь на работу S. Canagarajah: «...плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс. Транслингвальность означает проницаемость языков, их взаимовлияние, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры» [11. С. 161].

Одно из практических направлений транслингвизма — образование нового вида литературы, который З.Г. Прошина называет «транслингвальной», или «контактной» литературой, создаваемой писателем-билингвом [11. С. 162]. Транслингвальная литература, в основном, отличается тем, что средствами доминирующего языка автор передает свою собственную идентичность. Как отмечает У.М. Бахтикиреева, представители транслингвальной литературы «либо транслируют вовне реалии собственной психологии и культуры, либо вовсе переконструируют мир силами совмещенных языковых и культурных сфер <...> в художественное измерение автором трансферируется этнокультурное содержание» [12. С. 60]. Таким образом, в результате творческого переосмысления, дополнения и трансляции своей культуры средствами иного языка рождается уникальный текст, отличающийся этнокультурным многообразием.

Ярким представителем транслингвальной литературы по праву считается писатель-билингв Ч.Т. Айтматов, который творчески передавал киргизскую идентичность средствами русского языка. Многие специалисты, исследующие творчество билингвальных авторов, сходятся во мнении, что, несмотря на присутствие в сознании двух разных культур, писатель-билингв находится в системе родного языка [13]. Тому подтверждение мнение самого Ч.Т. Айтматова, приведенное в работе М.Дж. Тагаева: «Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией» [14. С. 173]. Так, в творчестве Ч.Т. Айтматова наблюдается транспозиционность, которая сопровождается мировидением сквозь призму собственной культуры. В. фон Гумбольдт писал: «отдельное лицо всегда зависит от своего целого: от народа, от племени, к которому принадлежит народ...» [10. С. 29].

Трансляция культурно-маркированных смыслов фразеологических единиц

Как известно, арабский и русский языки представляют собой два совершенно разных мира, в которых отражен самобытный склад мышления, традиции и установки, в большей части представленные в таких средствах образности как метафоры и фразеологизмы. М.Л. Ковшова справедливо отмечает:

фразеологизмы считаются своеобразным кодом культуры, в котором заложен «ключ к ментальности» этноса [15]. В связи с изложенным в работе сделана попытка исследовать процессы передачи образности фразеологических единиц из повести «Белый пароход» средствами арабского языка.

«Белый пароход» Ч. Айтматова, как и другие его произведения, изобилуют большим числом фразеологизмов:

Он уже и забыл про этих маралов, которые вроде бы промелькнули быстрыми, скачущими тенями, когда он катился по колючим кустарникам, когда душа у него от страха ушла в пятки; После того случая Орозкул дал зарок: больше никому, никаким знакомым... не даст ни сучка, ни хворостинки. И опять какая-то из реликтовых сосен в лесу не подозревала, что дни ее сочтены, вот только наступит осень; И куда ты от него не денешься. Везде он ждет тебя, сыщет тебя. И чтобы жилось ему вольготнее, душу из тебя вытрясет. Закончить жизнь самоубийством; — Если бы не Гульжамал, наложила бы на себя руки; — Маралы! Маралы! — вне себя от испуга и радости закричал дед Момун. И замолк, будто не веря своим глазам; — Ишь ты! Да кто ты сам? Дочери твои беспутные, так думаешь внука выучить на начальника, что ли? Жди! Было бы из-за кого на рожон лезть и др.

Если рассматривать эти фразеологизмы с позиций носителя русской культуры, то можно разделить их на несколько видов:

- 1) фразеологизмы и средства паремии, используемые в текстах как общеупотребительные: *во весь дух; глазом не успеешь моргнуть; головы летели; дал зарок* и др.;
- 2) фразеологизмы, которые употреблены в авторской лексической трансформации: *жалость и злоба душили; злоба глодала душу; когда зовут — не отказываемся, а не зовут — не напрашиваемся* и др.;
- 3) фразеологизмы, созданные путем авторской контанимации двух фразеологических единиц: *горб гнет изю дня в день*.

В качестве объекта исследования отобраны индивидуально-авторские фразеологические единицы, которые, на наш взгляд, наиболее ярко отражают транслингвальную модальность Ч.Т. Айтматова.

Рассмотрим пример передачи фразеологизма культурно-маркированным смыслом с русского на арабский язык:

«Так-то, — ехидно посмеивался Орозкул про себя. — Приполз, упал мне в ноги. Ух, нет у меня большей власти, не таких бы крутил в бараний рог! Не таких бы ставил ползать в пыли». В данном контексте фразеологизм *крутил в бараний рог* имеет смысл «расправиться с кем-либо непокорным или жестокими притеснениями добиться покорности, полного подчинения кого-либо» [16. С. 125].

Обратим внимание на перевод данного контекста на арабский язык¹:

¹ تشينغيز آيتماتوف، السفينة البيضاء، الطبعة الأولى، منشورات الجمل، بيروت-بغداد 2015، ص 288

Айтматов Ч.Т. Белый пароход. Бейрут-Багдад : Маншурат Аль- Жумаль, 2015. С. 148

"نعم هكذا! ها قد جئت زاحفا وارتميت على قدمي. آه ليس في يدي سلطان أكبر، وإلا للويت أذرع من هم أقوى منك"

Фразеологизм *крутил в бараний рог* передается в арабском тексте выражением — **في يدي سلطان**, что в дословном переводе с арабского — ‘в моих руках султан’. По данным толковых словарей арабского языка **سلطان** — ‘султан’ имеет следующие значения: 1) правитель; 2) власть; 3) доказательство^{2 3 4}. В данном контексте **سلطان** — ‘султан’ применен во втором значении.

Таким образом, выражение **في يدي سلطان** — ‘в моих руках султан’ — ‘в моих руках власть’ вызывает в сознании носителя арабской культуры образ человека, который может подчинить себе кого угодно. Этот образ полностью соответствует образному смыслу фразеологизма *крутить в бараний рог*.

Внешние детерминанты различных языков, к которым Г.П. Мельников отнес окружающую среду, быт, традиции и условия проживания народа, позволяют выявлять различное использование значимых для этносов лингвокультурных кодов для передачи одного и того же образа. Так, раннее становление политического строя арабского мира, отразилось на воссоздании смысла рассматриваемого фразеологизма — *власть* — средствами арабского языка. Власть для носителя арабской культуры прежде всего ассоциируется с правителем — султаном, образ которого позволяет воссоздать в сознании носителя арабской культуры образный смысл фразеологизма *крутить в бараний рог*.

Творческое билингвальное мышление позволяло Ч.Т. Айтматову с легкостью передавать читателю образность выражений с помощью исконно русских фразеологизмов. Например:

— *Да на кой хрен мне твои маралы! Буду я еще думать о них. Ты мне зубы не заговаривай. Давай становись к бревну.*

В предложенном контексте фразеологизм *зубы заговаривать* имеет смысл «намеренно отвлекать мысли, внимание собеседника посторонними разговорами» [16. С. 86]. Данное выражение берет начало еще в Древней Руси, когда заговорами, словами и заклинаниями знахари пытались унять зубную боль. Верили такому способу лечения далеко не все. Отсюда «ироническая окраска выражения, часто употребляющегося в ситуациях, когда обманщика сердито прерывают фразой: «Брось ты мне зубы заговаривать!» [17. С. 258].

² Электронный толковый словарь арабского языка **معجم اللغة العربية المعاصرة**. Режим доступа: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%B3%D9%84%D8%B7%D8%A7%D9%86/> (дата обращения: 07.02.2024).

³ المنجد في اللغة والأعلام، بيروت: دار المشرق، 1986، ص 1014

Аль — Мунжид. Толковый словарь арабского языка. Бейрут : Дар Аль Машрик, 1986.

⁴ المعجم العربي الأساسي، المنظمة العربية للتربية والثقافة والعلوم، 1348 ص

Большой толковый словарь арабского языка. Изд-во: Организации Лига арабских государств по вопросам образования, культуры и науки.

Обратим внимание на перевод данного контекста на арабский язык:

"لا ينقضي إلا أن أفكر فيها دك من اللف والدوران هيا قف بجوار الجذع"

Выражение **اللف والدوران**, что в дословном переводе означает *виляние и увертывание*, транслирует смысл фразеологизм *зубы заговаривать*. Отметим, что два слова **اللف والدوران** имеют также значение вращательных движений, поворотов и свертывания, что у носителя арабской культуры ассоциируется с человеком, который не идет по прямой дороге, а все время сворачивает в разные стороны. Поэтому в сознании араба рассматриваемое выражение вызывает образ человека, который избегает основной темы разговора, не может высказаться. Этот образ больше соответствует образу выражения *ходить вокруг да около*, который по своим семантическим свойствам (говорить намеками, иносказательно; избегать какой-либо темы в разговоре) имеет сходство с фразеологизмом на арабском языке **اللف والدوران**. Отсюда заложенная Ч. Айтматовым образность в данном случае не воспроизводится сознанием носителя арабской культуры предложенным переводчиком выражением **اللف والدوران** в той связи, что с точки зрения носителя арабской культуры внимание человека сосредоточено в разуме. Отчего человек, который старается обмануть и уводит в сторону пустыми разговорами от чего-то важного, существенного, может ассоциироваться в сознании араба с человеком, разум которого затуманен или вовсе отсутствует.

Полагаем, что значение русского фразеологизма *зубы заговаривать* более полно передается на арабский язык с помощью оборотов **أكل عقله (مخه)** 'съел разум (мозг)', **لعب برأسه** 'играть головой (чьей-л.)', которые представлены во фразеологическом словаре А.М. Фавзи и В.Т. Шклярова [18. С. 206].

Разумеется, не совсем удачные попытки передать образный смысл — это следствие различия двух культур. Поэтому изучение внешних детерминант языка, на наш взгляд, помогает глубже переосмыслить образ и найти соответствующий адекватный перевод.

Полагаем, в случаях, когда в транслируемом языке невозможно найти соответствующий фразеологизм, необходимо опираться на прагматико-образный аспект, заключающийся в достижении коммуникативного эффекта, поставленного в оригинале текста и направленного на читателя, в частности, когда речь идет о таких резко отличающихся друг от друга культур — русской и арабской.

Интересно отметить, что транспозиционность текста произведений Ч.Т. Айтматова представляется не только наличием русской киргизской лингвокультур, но и обращением автора к религиозному дискурсу. Ч.Т. Айтматов мастерски выражал свою творческую индивидуальность с помощью устойчивых выражений, берущих начало как в исламской, так и в христианской культурах: *«Голова человеческая — всего лишь мяч в руках Аллаха»* [16. С. 277];

— Да ты не обижайся, милый, — снова заговорил Момун. — Осенью, **бог даст**, продадим картошку...; «Пока я жив, мальчишку никому не отдам, а умру — **бог его поведет**, живой человек найдет свою судьбу...»; — А слушать хорошо, а! — шепчет дед. — Какие песни пели, **бог ты мой! и др.**

Таким образом, транслингвальность произведений Ч. Айтматова отличается также гармоничным взаимодополнением двух культур, — мусульманской и христианской. Рассмотрим один из примеров передачи образности контекста, основанного на идеи библейских текстов: *В другое время он никогда не посмел бы сунуться с бревном-волокушей на такой опасный откос. А тут бес попутал.*

Обратим внимание на перевод данного контекста на арабский язык⁵:

"ما كان ليجرؤ في أي وقت غير هذا على الاتجاه بالجذع المبرور نحو منحدر خطر كهذا. ولكن الشيطان أضله"

Фразеологизм **бес попутал** передается на арабский язык с помощью выражения **الشيطان أضله**, что в дословном переводе — *шайтан сбил с правильного пути*. Как известно, шайтан — в исламской культуре то же, что и бес или дьявол в христианской культуре. Причем, по данным историко-этимологического словаря: «Бес, по религиозным представлениям, — злой дух; нечистая сила; черт. Главная задача бесов — завладеть душой честного человека, подчинить его своей воле и заставить совершать дурные поступки. Глагол *попутать* означал “соблазнить, сбить с правильного пути» [17. С. 49].

В рассматриваемом случае фразеологизмы из двух совершенно разных культур совпадают не только семантически, но и стилистически. Полагаем, эти сходства объясняются тем, что обе религии имеют общие корни и называются авраамическими. Отраженные в текстах Корана и Библии призывы к вере и отдалению от грехов, совершение которых происходит по наущению бесов, и другие религиозные нормы являются основой для создания соответствующих фразеологизмов.

Заключение

При переводе образных выражений, в частности фразеологических единиц, предлагается учитывать внешние и внутренние детерминанты языков, которые, на наш взгляд, позволяют выявить наиболее приоритетные для этноса лингвокультурные коды, с помощью которых у переводчика появится возможность выявить приоритетные лингвокультурные коды, с помощью которых можно передать глубину художественного произведения различными специфическими способами отражения мира, позволяя носителю иной культуры с точностью воспроизводить заложенный автором образ.

⁵ تشينغيز أيتماتوف، السفينة البيضاء، الطبعة الأولى، منشورات الجمل، بيروت-بغداد 2015، ص 288
Айтматов Ч.Т. Белый пароход. Бейрут-Багдад : Маншурат Аль- Жумаль, 2015. С. 81–82.

Что касается, процесса передачи транслингвального художественного текста, который создается писателем-билингвом путем совмещения двух активно взаимодействующих культурно-языковых пространств, на третий язык (арабский), — это искусство, требующее глубокого понимания не только смыслов, берущих начало в разных языках и культурах, но и особенностей влияния идентичности автора на художественный стиль текста.

Библиографический список

1. Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2(50). С. 5–9. EDN: WFRLEF
2. Глостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М. : РУДН, 2008.
3. Бахтикиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. : к 65-летию юбилею В.А. Масловой. М. : Флинта: Наука, 2013. 44–55. EDN: UHNUJB
4. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М. : Наука, 1977.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Маслова В.А. Фразеологизм — «душа» любого языка, а в чем «душа» фразеологизма? // Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность : сб. науч. ст. / ред. : Е.В. Ничипорчик. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 169–173. EDN: JLORRW
7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Ленард, 2016.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М. : Наука, 2003.
9. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной: Курс лекций. М. : РУДН, 2000.
10. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание. М. : Либроком, 2019.
11. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170. EDN: ZEFYJR
12. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63. EDN: YFUBNV
13. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилева И.Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 587–595. EDN: MITNED <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595>
14. Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т. Билингвальное мировидение и образы мира в художественном тексте // Ученые записки. 2018. Т. 27. С. 172–177. EDN: YWBZQD
15. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. М. 2016. 4(30). С. 90–102. EDN: XGSEBR
16. Дмитриева Л.И., Тагаев М.Дж., Шепелева Г.П. Фразеологический мир Чингиза Айтматова. Бишкек, 2023.

17. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко; Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
18. Фавзи А.М., Шкляров В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. М. : Рус.яз., 1989.

References

1. Proshina, Z.G. (2016). Problems and prospects of translingual and transcultural contacts. *The journal Social and humanitarian sciences in the Far East*, 2(50), 5–9. EDN: WFRLEF (In Russ.).
2. Tlostanova, M.V. (2008). *From the philosophy of multiculturalism to the philosophy of transculturation*. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
3. Bakhtikireeva, U.M. (2013). The theory of bilingualism in Russian linguistics. In: *Linguistics of the XXI century: collection. scientific Art.: to the 65th anniversary of V.A. Maslova*. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 44–55. EDN: UHMUJB (In Russ.).
4. Vinogradov, V.V. (1996). *Lexicology and lexicography. Selected works*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury”. (In Russ.).
6. Maslova, V.A. (2022). A phraseological unit is the “soul” of any language, but what is the “soul” of a phraseological unit? In: *Slavic phraseology and paremiology. Cultural heritage and modernity: collection of scientific articles*, E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: GSU n.a. F. Skorina. pp. 169–173. EDN: JLORRW (In Russ.).
7. Kovshova, M.L. (2016). *Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture*. Moscow: Lenard. (In Russ.).
8. Melnikov, G.P. (2003). *Systematic typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Melnikov, G.P. (2000). *Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages from the stage one: Course of lectures*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
10. Humboldt, W. von. (2019). *On the differences in the organisms of human language and on the influence of this difference on the mental development of the human race: Introduction to general linguistics*. Moscow: Librokom (In Russ.).
11. Proshina, Z.G. (2017). Translinguism and its applied significance. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 14(2), 155–170. EDN: ZEFYJR (In Russ.).
12. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2017). Translingualism and revitalization of culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 57–63. EDN: YFUBNV (In Russ.).
13. Afanasyeva, N.D., Zakharchenko, S.S. & Mogileva, I.B. (2022). Formation of a linguistic picture of the world among bilinguals. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 19(4), 587–595. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595> EDN: MITNED (In Russ.).
14. Tagaev, M.J. & Borchieva, B.T. (2018). Bilingual worldview and images of the world in literary text. *Scientists’ notes*, 27, 172–177. EDN: YWBZQD (In Russ.).
15. Kovshova, M.L. (2016). Cultural and national specificity of phraseological units and questions of explication of their cultural meanings. *Journal of Psycholinguistics*, 4(30), 90–102. EDN: XGSEBR (In Russ.).
16. Dmitrieva, L.I., Tagaev, M.J. & Shepeleva, G.P. (2023). *Phraseological world of Chingiz Aitmatov*. Bishkek. (In Russ.).
17. Birikh, A.K. (2005). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units*. St. Petersburg State University; V.M. Mokienko (ed.). Moscow: Astrel. (In Russ.).

18. Fawzi, A.M. & Shklyarov, V.T. (1989). *Educational Russian-Arabic phraseological dictionary*. Moscow: Russkii yazyk. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чинлода Мадина Сулеймановна, кандидат филологических наук, заведующая Научно-инновационным отделом, Институт русского языка им. А.О. Орусбаева, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (720022, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, д. 44); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, психолингвистика, востоковедение; *e-mail*: mudeina@mail.ru
ORCID: 0009-0005-2855-5870. SPIN-код: 5357-0473.

Information about the author:

Madina S. Chinloda, PhD in Philology, Head of the Scientific and Innovation Department, Institute of Russian Language named after A.O. Orusbaeva, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44, Chui Ave., Bishkek, Republic of Kyrgyzstan, 720022); *Research interests*: cognitive linguistics, psycholinguistics, oriental studies; *e-mail*: mudeina@mail.ru
ORCID: 0009-0005-2855-5870. SPIN-code: 5357-0473.